

ГАРРИ ПОТТЕР

И
ОРДЕН ФЕНИКСА

5

ДЖ.К. РОУЛИНГ

ГАРРИ ПОТТЕР

И

ОРДЕН ФЕНИКСА

5

ПУБЛИЧНЫЕ

ДЖ.К. РОУЛИНІ

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и орден феникса

*Посвящается Нилу, Джессике и Дэвиду –
они делают мой мир волшебным*

Глава первая

Деменция Дудли

Рекордно жаркий день этого лета подходил к концу, и большие квадратные дома Бирючинной улицы окружали дремотное молчание. Автомобили во дворах, обыкновенно сверкающие чистотой, потускнели от пыли, а газоны, некогда изумрудно-зеленые, высохли и пожелтели – в связи с засухой пользоваться шлангами запрещалось. Местные жители, вынужденные отказаться от привычных занятий – мытья машин и ухода за лужайками, – прятались по прохладным домам, широко распахнув окна в надежде заманить несуществующий ветерок. На улице оставался один лишь мальчик-подросток, лежавший навзничь на клумбе возле дома № 4.

Этот тощий черноволосый мальчик в очках, видимо, сильно прибавил в росте за очень короткое время и потому выглядел слегка нездоро. На нем были грязные рваные джинсы, мешковатая линялая футболка и старые спортивные тапочки, которые просили каши. Такая наружность, конечно, не прибавляла Гарри Поттеру очарования в глазах других обитателей улицы, свято веривших, что неопрятность следует причислить к уголовно наказуемым действиям. К счастью, нынче вечером от соседских глаз его скрывал большой куст гортензии. Собственно, сейчас Гарри вообще могли бы заметить только его дядя и тетя, да и то если бы высунулись в окно и посмотрели прямо вниз, на клумбу.

В целом Гарри считал, что идея спрятаться здесь очень удачна. Конечно, лежать на раскаленной каменной земле не слишком удобно, зато никто не смотрит на него волком, не заглушает голос диктора зубовым скрежетом и не задает гнусных вопросов, как бывает всякий раз, когда он пытается смотреть телевизор в гостиной вместе с родственниками.

И, словно эта мысль случайно влетела через окно в комнату, оттуда неожиданно послышался голос Вернона Дурслея, приходившегося Гарри дядей:

– Хорошо хоть мальчишка больше сюда не лезет. Кстати, куда он подевался?

– Понятия не имею, – равнодушно ответила тетя Петуния. – В доме его нет.

Дядя Вернон невнятно рыкнул и язвительно прибавил:

– Он теперь, видите ли, *интересуется новостями*. Хотел бы я знать, что он на самом деле затевает. Чтобы нормального парня волновали события в мире!.. Так я и поверил! Дудли вот понятия ни о чем не имеет. Сомневаюсь, что он в курсе, как зовут премьер-министра… И вообще, не станут же про *их кодлу* рассказывать в *наших новостях*…

– Вернон, ш-ш-ш! – испуганно перебила его тетя Петуния. – Окно ведь открыто!

– Ах да… прости, дорогая.

Дурслеи затихли, и Гарри выслушал стишок про мюсли с фруктами и отрубями. Одновременно он наблюдал, как по улице бредет миссис Фигг, чокнутая престарелая кошатница, которая жила неподалеку в Глициниевом переулке. Миссис Фигг хмурилась и что-то бормотала себе под нос. Гарри еще раз порадовался, что догадался спрятаться за кустом: в последнее время миссис Фигг взяла моду при каждой встрече зазывать его на чай. Она уже завернула за угол и скрылась из виду, когда из окна опять поплыл голос дяди Вернона:

– Значит, Дудлика пригласили в гости?

– Да, к Полкиссам, – с нежностью ответила тетя Петуния. – У него столько друзей, ребята его так любят…

Гарри с трудом удержался, чтобы не фыркнуть. Просто поразительно, до чего слепо Дурслеи обожают сына. Все каникулы тот умудрялся кормить родителей весьма неизобретательной ложью про ежевечерние чаепития у приятелей, но Гарри-то прекрасно знал, что никаких чаев Дудли не пьет. Вместо этого каждый вечер Дудли и его банда отправляются в детский парк и крушат что под руку попадется, либо слоняются по улицам, курят и кидаются камнями в проезжающие машины и гуляющих детей. Гарри не однажды видел, как они этим занимаются, когда сам бродил по Литтл Уинджингу, – почти все каникулы он блуждал по улицам, заодно таская газеты из урн.

Тут до ушей Гарри донеслись первые ноты музыкальной заставки, предварившей семичасовые новости, и в животе у него что-то

судорожно сжалось. Может быть, сегодня... после целого месяца ожидания... может быть, сегодня.

– Число туристов, застрявших в аэропортах Испании, достигло рекордной отметки. Идет вторая неделя забастовки носильщиков...

– Вот я бы им устроил пожизненную сиесту, – заглушило конец фразы ворчание дяди Вернона, но это было не важно: под окном на клумбе Гарри уже чувствовал, что узел в животе потихоньку развязывается. Случись что-нибудь, об этом, без сомнения, сказали бы в первую очередь; смерть и катастрофы всегда идут раньше застрявших туристов.

Гарри медленно выдохнул и стал смотреть в ослепительно-синее небо. Этим летом каждый день одно и то же: мучительное напряжение, ожидание, потом временное облегчение, потом снова нарастающее беспокойство... и недоумение, всякий раз все острее: *почему* ничего не происходит?

Он продолжал слушать новости – так, на всякий случай, в надежде уловить хоть малейший намек, непонятный для муглов... какое-нибудь необъяснимое исчезновение или загадочный инцидент... но за сообщением о туристах последовал сюжет о засухе в юго-восточном районе («Надеюсь, сосед это смотрит! – заревел дядя Вернон. – Думает, мы не знаем, что он в три утра включает свои поливал-ки!»); потом о вертолете, чуть не потерпевшем крушение в Сурее; потом о разводе одной знаменитой актрисы с ее не менее знаменитым мужем («Очень нам интересно нюхать их грязное белье», – дернула носом тетя Петуния, которая с упорством маньяка выуживала подробности этой истории из всех журналов, какие только попадали в ее костлявые руки).

Яркое небо слепило глаза, и Гарри закрыл их, одновременно услышав: «...И последнее. Попка-дурак изобрел новый способ охладиться. Волнистый попугайчик Попка, проживающий в “Пяти перьях” в Парнсли, выучился кататься на водных лыжах! С подробностями – наш корреспондент Мэри Ахинейс».

Гарри открыл глаза. Раз дошли до попугайчиков на водных лыжах, дальше можно не слушать. Он осторожно перекатился на живот, встал на четвереньки и пополз прочь от окна.

Однако не успел он проползти и двух дюймов, одно за другим случилось сразу несколько событий.

Раздался оглушительный, похожий на выстрел хлопок, громким эхом разнесшийся в сонном молчании улицы; из-под машины неподалеку очумело выкатилась и унеслась кошка; из окна гостиной Дурслеев донесся вопль, громкое ругательство и звон разбившегося фарфора; и тогда, как по долгожданному сигналу, Гарри вскочил, выхватывая из-за пояса джинсов тонкую деревянную волшебную палочку, словно меч, но, не сумев даже выпрямиться, треснулся макушкой о раму открытого окна. Услышав грохот, тетя Петуния завопила еще громче.

Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Из глаз неудержимо полились слезы. Он стоял покачиваясь, стараясь сфокусировать зрение и понять, откуда раздался хлопок, но, едва ему удалось обрести равновесие, из окна протянулись две багровые мясистые руки и крепко обхватили его за горло.

— *А ну — убери — эту — штуку!* — зарокотал Гарри в ухо голос дяди Вернона. — *Быстро! Пока — никто — не — увидел!*

— Отстаньте — от — меня! — задушенно прохрипел Гарри. Несколько секунд между ними шла ожесточенная борьба. Левой рукой Гарри пытался оторвать от себя дядины пальцы-сардельки, а правой крепко сжимал поднятую палочку. Макушку пронзила особо сильная боль, дядя Вернон пронзительно взвизгнул, как от удара током, и выпустил племянника — будто сквозь тело Гарри текла незримая сила, не позволявшая его коснуться.

Гарри, тяжело дыша, чуть не свалился на куст гортензии, но сумел-таки выпрямиться и огляделся. Вокруг не наблюдалось ничего такого, что могло бы издать хлопок, зато в окнах окрестных домов показались любопытные лица. Гарри поспешил сунул палочку за пояс джинсов и напустил на себя невинный вид.

— Добрый вечер! — прокричал дядя Вернон миссис из дома номер семь напротив, сурово глядевшей из-за тюлевых занавесок. — Слышали, какой сейчас был выхлоп? Мы с Петунией так и подпрыгнули!

Он продолжал неестественно лыбиться во все стороны, пока соседи не отошли от окон, и тогда безумная улыбка превратилась в гримасу яростного бешенства. Дядя Вернон поманил Гарри к себе.

Гарри приблизился на несколько шагов, осторожно, чтобы ненароком не перейти ту черту, за которой руки дяди Вернона смогут

вновь схватить его за горло и начать душить.

– Какого рожна ты это сделал, парень? – Голос дяди Вернона прерывался от злости.

– Что сделал? – холодно уточнил Гарри. Он все озирался, надеясь увидеть, кто хлопнул.

– Палишь тут, как из пистолета, прямо у нас под…

– Это не я, – твердо сказал Гарри.

Рядом с широкой багровой физиономией дяди Вернона появилось худое лошадиное лицо тети Петунии. Она была в бешенстве.

– Что ты тут шныряешь?

– Да… Да! Правильно, Петуния! *Что ты делал под окном, парень?*

– Слушал новости, – безропотно признался Гарри. Дядя и тетя возмущенно переглянулись.

– Слушал новости? *Опять?!*

– Они вообще-то каждый день новые, – сказал Гарри.

– Ты мне не умничай! Я хочу знать, что ты *на самом деле* затеваешь, – и нечего мне мозги полоскать! «Слушаю новости»! Тебе прекрасно известно, что *вашу братию*…

– Тише, Вернон! – еле слышно выдохнула тетя Петуния.

Дядя Вернон понизил голос и договорил так тихо, что Гарри с трудом расслышал:

– …Что *вашу братию* не показывают по *нашему* телевидению!

– Это вы так думаете, – сказал Гарри.

Несколько секунд дядя Вернон молча таращил на него глаза, а потом тетя Петуния решительно произнесла:

– Мерзкий лгунишка. Зачем же тогда все эти ваши… – тут она тоже понизила голос, и следующее слово Гарри пришлось читать по губам: – *совы?* Разве они не новости приносят?

– Да-да! – победно зашептал дядя Вернон. – Не пудри нам мозги, парень! Как будто мы не знаем, что свои новости ты получаешь от этих отвратных птиц!

Гарри молчал в нерешительности. Сказать правду было не так-то легко, пусть даже дядя с тетей и не могли понять его боль.

– Совы… не приносят мне новости, – бесцветно выговорил он.

– Не верю, – тут же сказала тетя Петуния.

– Я тоже, – горячо поддержал ее дядя Вернон.

— Ты что-то нехорошее затеял, это ясно, — продолжала тетя Петуния.

— Мы, между прочим, не идиоты, — объявил дядя Вернон.

— А вот *это* уж точно новость дня, — огрызнулся Гарри раздражаясь. Не успели Дурслеи ответить, он круто развернулся, пересек лужайку, переступил через низкую ограду и зашагал по улице.

Он знал, что нажил себе неприятности. Потом, конечно, придется поплатиться за грубость, но пока это не важно; ему и так есть о чем беспокоиться.

Он почти не сомневался, что громкий хлопок раздался оттого, что кто-то аппарировал на Бирючинную улицу или, наоборот, дезаппарировал. Точно с таким же звуком растворялся в воздухе домовый эльф Добби. Возможно ли, что Добби сейчас здесь? Вдруг в эту самую минуту эльф идет за ним по пятам? Гарри круто обернулся, но Бирючинная улица была совершенно пуста, а Гарри точно знал, что Добби не умеет становиться невидимым.

Он шел, не выбирая дороги, — он уже столько раз тут бродил, что ноги сами несли его излюбленными маршрутами, — и каждые несколько шагов оглядывался через плечо. Пока он валялся среди умирающих begonij тети Петунии, рядом был кто-то из колдовского мира, это точно. Почему же они не заговорили с Гарри? И где прячутся теперь?

Разочарование нарастало, а уверенность ослабела и исчезла.

В конце концов, вовсе не обязательно, что звук был волшебный. Может, из-за бесконечного ожидания он, Гарри, дошел до ручки и готов любой самый обычный шум принять за весточку из своего мира? Может, просто у соседей что-то разбилось или взорвалось?

При этой мысли на душе у Гарри сразу стало тягостно, и в мгновение ока опять навалилась горькая безнадежность, преследовавшая его все лето.

Завтра в пять утра он снова проснется по будильнику, чтобы заплатить сове, разносящей «Оракул», — но что толку его выписывать? В последнее время Гарри отбрасывал газету, не раскрывая: новость о возвращении Вольдеморта, когда до идиотов в редакции дойдет наконец, что это правда, поместят на первой полосе, а прочее неинтересно.

Если повезет, совы принесут и письма от Рона с Гермионой. Но Гарри давно оставил надежду узнать от них что-нибудь вразумительное.

Ты же понимаешь, мы не можем писать о сам-знаешь-чем... Нам не велели сообщать тебе никаких важных новостей, на случай, если письма заблудятся... Мы сейчас довольно сильно заняты, но я не могу рассказать в письме подробно... Здесь столько всего происходит, при встрече обо всем расскажем...

При встрече? И когда же это? Что-то никто не торопится назначить дату. На поздравительной открытке, которую Гермиона прислала ему в день рождения, было написано: «Думаю, что мы очень скоро увидимся». Но как скоро наступит это самое «скоро»? Насколько можно понять по их туманным намекам, Рон с Гермионой сейчас вместе, предположительно у Рона. Гарри с трудом мирился с мыслью, что они двое веселятся в «Гнезде», а он вынужден торчать на Бирючинной улице. А если уж до конца откровенно, он злился на друзей так сильно, что выкинул целых две коробки ракатлукловского шоколада, которые они прислали ему в подарок. Правда, сразу об этом и пожалел — после вялого салата, поданного в тот же вечер на ужин тетей Петунией.

И чем это таким они заняты? И почему он, Гарри, не занят ничем? Разве он не доказал, что способен на много, много большее, чем они? Неужели все забыли, что он сделал? Это ведь он был на кладбище и видел, как погиб Седрик, это его привязали к надгробию и чуть не убили...

Не вспоминай, — в сотый раз за лето приказал себе Гарри. Кладбище снилось ему в кошмарах каждую ночь; не хватало еще думать о нем наяву.

Он свернул в Магнолиевый проезд и вскоре прошел мимо узкого прохода рядом с гаражом, где когда-то впервые увидел своего крестного отца. Сириус хотя бы осознает, каково сейчас Гарри. Конечно, и он толком ничего не рассказывает, но его письма полны не многозначительных намеков, а слов заботы и утешения: *я понимаю, как тебе сейчас тревожно... будь умничкой, все наладится... будь осторожен, не глупи...*

«Что же — думал Гарри, сворачивая с Магнолиевого проезда на Магнолиевую улицу и направляясь к парку, над которым уже

сгущались сумерки, – я по большому счету так и поступаю. Я же не привязал сундук к метле и не улетел в “Гнездо”, хотя ужасно хотелось». Гарри вообще считал себя паинькой – если учитывать, как его злит вынужденное сидение на Бирючинной улице и шнырянье по кустам в надежде хоть что-то узнать о лорде Вольдеморте. Но все равно, совет не глупить от человека, который двенадцать лет отсидел в колдовской тюрьме Азкабан, бежал, предпринял попытку совершить то убийство, за которое, собственно, и был осужден, а затем отправился в бега вместе с краденым гиппогрифом, – мягко говоря, бесит.

Гарри перелез через запертые ворота парка и побрел по высохшей траве. Кругом было так же пустынно, как и на окрестных улицах. Он дошел до площадки с качелями, сел на те единственныe, которые еще не были сломаны Дудли и его приятелями, одной рукой обвил цепь и мрачно уставился в землю. Больше не выйдет прятаться на клумбе. Завтра придется изобрести новый способ подслушивать новости. А пока ему не светит ничего хорошего, кроме очередной тяжелой беспокойной ночи: вечно снятся если не кошмары про Седрика, так обязательно какие-то длинные темные коридоры, ведущие в тупик, к запертым дверям. Видно, потому, что и наяву он в отчаянной безысходности. Шрам на лбу довольно часто саднит, но теперь это вряд ли обеспокоит Рона с Гермионой, да и Сириуса тоже. Раньше боль предупреждала о том, что Вольдеморт вновь набирает силу, но теперь, когда и так ясно, что он вернулся, друзья, скорее всего, скажут, что шрам, собственно, и должен болеть… не о чем и говорить… старая песня…

Обида на эту сплошную несправедливость переполняла Гарри, и ему хотелось кричать от ярости. Да если бы не он, никто бы и не знал про Вольдеморта! А в награду его вот уже целый месяц маринуют в Литтл Уинддинге, в полной изоляции от колдовского мира! Вынуждают сидеть среди вялых begonias и слушать про попугайчиков! Как мог Думблдор взять и забыть про него? Почему Рон с Гермионой вместе, а его не позвали? Хватает же совести! И сколько ему еще терпеть наставления Сириуса? Сколько сидеть смирно, быть паинькой и бороться с искушением написать в газету: ку-ку, ребята, Вольдеморт вернулся? В голове у Гарри роились гневные мысли, внутри все переворачивалось от злости, а между тем на землю спускалась жаркая

бархатистая ночь, воздух был напоен ароматом теплой сухой травы, и в тишине лишь глухо рокотали машины за оградою парка.

Неизвестно, сколько времени Гарри просидел на качелях, но в его мрачные мысли внезапно ворвались чьи-то голоса, и он поднял голову. С близлежащих улиц сквозь кроны деревьев проникал туманный свет фонарей, высветивший силуэты людей, шагавших через парк. Один громко распевал неприличную песню. Остальные смеялись. Все они, судя по приятному стрекотанию, катили рядом с собой дорогие гоночные велосипеды.

Гарри знал, кто это такие. Впереди, вне всякого сомнения, Дудли. Держит путь домой в окружении боевых друзей.

Дудли оставался громадиной, но прошлогодняя суровая диета и вдруг открывшийся талант сильно переменили его внешность. Недавно – о чем с большим восторгом сообщал всем и каждому дядя Вернон – Дудли стал победителем чемпионата по боксу среди юниоров-тяжеловесов школ Юго-Востока. «Благородный», по выражению дяди Вернона, спорт сделал Дудли фигурой еще более устрашающей, чем раньше, во времена, когда они с Гарри ходили в начальную школу и Гарри служил двоюродному брату первой боксерской грушей. Гарри уже не боялся Дудли, но все равно считал, что, если тот научился бить точнее и больнее – это отнюдь не повод для ликования. Для соседских детей Дудли был страшилищем похоже «бандита Поттера», которым их пугали родители, – такой, мол, отпетый хулиган, что его отдали в школу св. Грубуса, интернат строгого режима для неисправимых преступников.

Гарри смотрел на движущиеся силуэты, гадал, кому они наваляли сегодня вечером, и вдруг поймал себя на том, что мысленно призывает их: *оглянитесь! Ну же... оглянитесь... я тут совсем один... давайте... подойдите-ка...*

Если дружки Дудли увидят его одного, они тут же бросятся к нему – и что тогда делать Дудли? Неприятно ударить лицом в грязь перед своей бандой, но и до смерти страшно спровоцировать Гарри... Интересно будет понаблюдать за этой внутренней борьбой... Дразнить Дудли и видеть, что он боится ответить... А если кто из его прихвостней захочет напасть – пожалуйста, Гарри готов: у него с собой палочка. Пусть только сунутся... он с радостью выместиет злость – хотя бы отчасти – на этих типчиках, кошмаре его детства.

Но они не оборачивались и не видели его и почти уже дошли до ограды. Гарри поборол желание их окликнуть... глупо нарываться на драку... ему нельзя колдовать... нельзя рисковать... его же могут исключить из школы...

Голоса затихали; компания, направлявшаяся к Магнолиевой улице, скрылась из виду.

Вот тебе, Сириус, получи, – скучно подумал Гарри. – Я не сгупил. Был умничкой. В отличие от тебя.

Он встал и потянулся. Пора. А то дядя Вернон с тетей Петунией уверены, что домой надо приходить именно во столько, во сколько возвращается их сын, и ни секундой позже. Дядя Вернон даже грозился запереть Гарри в сарае, если тот еще раз вернется после Дудли; подавив зевок и по-прежнему хмурясь, Гарри направился к воротам.

Магнолиевая улица ничем не отличалась от Бирючинной – те же большие квадратные дома с ухоженными газонами, те же большие квадратные хозяева и очень чистые машины. Литтл Уинджинг гораздо больше нравился Гарри ночью, когда занавешенные окна ярко и красиво светились в темноте и можно было спокойно идти мимо, не опасаясь услышать очередную гадость о своей «бандитской роже». Он шагал быстро и вскоре нагнал банду Дудли; они прощались у поворота в Магнолиевый проезд. Гарри спрятался за кустом сирени и стал ждать.

– Визжал прямо как свинья, скажи? – говорил Малькольм под дружный гогот приятелей.

– Отличный хук справа, Чемпион, – хвалил Пирс.

– Завтра в то же время? – спросил Дудли.

– Давайте у меня, предков дома не будет, – предложил Гордон.

– Ладно, пока, – сказал Дудли.

– Пока, Дуд!

– До встречи, Чемпион!

Гарри подождал, пока дружки Дудли разойдутся, и отправился дальше. Когда голоса утихли, он свернул в Магнолиевый проезд и очень скоро почти нагнал Дудли. Тот брел весьма неспешно, немузикально напевая себе под нос. Гарри шел за ним.

– Эй, Чемпион!

Дудли обернулся.

– А, – пробурчал он. – Это ты.

– Не-а, не я. Чемпион у нас ты, забыл?

– Заткнись, – рыкнул Дудли отворачиваясь.

– Что ж, хорошее имя, – сказал Гарри и, поравнявшись с кузеном, зашагал с ним в ногу. – Но для меня ты навсегда «Дудинька Дюдюша».

– Я же сказал, ЗАТКНИСЬ! – Руки Дудли сжались в кулаки.

– А твои друзья знают, как тебя называет мамочка?

– Заткни свой поганый рот.

– А *ей* ты не говоришь «заткни свой поганый рот»... Может, «Попкин» или «Пипкин»? Можно мне тебя так называть?

Дудли молчал. Видимо, сосредоточил все усилия на том, чтобы не броситься на Гарри.

– Ладно, лучше расскажи, кого вы отметелили сегодня? – спросил тот, и улыбка исчезла с его лица. – Очередного малолетку? Насколько я знаю, пару дней назад не повезло Марку Эвансу...

– Он сам напросился, – пробурчал Дудли.

– Ах вот как?

– Он меня дразнил!

– Ой! Неужто он осмелился сказать, что ты похож на свинью, которую выучили ходить на задних ногах? Это не называется дразнить, Дуд, это называется говорить правду.

Желваки на лице Дудли ходили ходуном. Гарри испытывал огромное удовлетворение оттого, что ему удалось так сильно взбесить двоюродного брата; как будто вылил на Дудли свое раздражение – ведь больше его деть некуда.

Короткий путь из Магнолиевого проезда в Глициниевый переулок вел через тот самый проход, где Гарри впервые увидел Сириуса. Здесь было пустынно и намного темнее – никаких фонарей. С одной стороны возвышался забор, с другой – стены гаражей, и шаги звучали глухо.

– Думаешь, если у тебя эта штука, ты самый крутой, да? – сказал Дудли после короткого раздумья.

– Какая штука?

– Ну эта... эта твоя... которую ты прячешь.

Гарри опять ухмыльнулся:

– Дуд, да ты, видать, не такой тупой! Впрочем, иначе ты, пожалуй, не мог бы ходить и говорить одновременно.

Гарри достал палочку и заметил, как покосился на нее Дудли.

— Тебе нельзя, — поспешил заявил Дудли. — Я точно знаю. А то тебя исключат из твоей дебильной школы.

— А вдруг у нас правила поменяли? А тебе не доложили?

— Ничего не поменяли, — сказал Дудли, но без особой убежденности.

Гарри тихо рассмеялся.

— Все равно, без этой штуки тебе на меня слабо, — проворчал Дудли.

— Да ты сам без четырех ассистентов десятилетнего мальчишку побить не можешь. Вот ты получил разряд по боксу. Сколько было твоему сопернику? Семь? Восемь?

— Шестнадцать, если хочешь знать, — буркнул Дудли, — и, когда я с ним закончил, он двадцать минут валялся как мертвый, а он, между прочим, в два раза тяжелей тебя. Вот погоди, я скажу папе, что ты опять доставал эту дрянь...

— Так, вот мы и побежали к папуле. Дюдоша-Чемпион испугался противной палочки.

— Что-то ты по ночам не такой храбрый, — мерзко ухмыльнулся Дудли.

— Ночь — это то, что сейчас, Попкин. Так называется время, когда вокруг темно.

— Я имею в виду, ночью в кровати! — рявкнул Дудли.

Он остановился. Гарри тоже остановился и уставился на двоюродного брата. В темноте было плохо видно, но, кажется, тот смотрел победителем.

— Чего? Ночью в кровати я не такой храбрый? Что это значит? — озадаченно спросил Гарри. — А чего мне там бояться? Подушек?

— Я слышал сегодня, — негромко проговорил Дудли. — Ты разговаривал во сне. Стонал.

— Чего? — снова спросил Гарри, но у него уже похолодело в груди. Этой ночью ему опять снилось кладбище.

Дудли хрюкло хохотнул и заскулил тоненьким голоском:

— «Не убивай Седрика! Не убивай Седрика!» Кто такой Седрик? Твой бойфренд?

— Я... Ты врешь, — машинально сказал Гарри. Но во рту у него пересохло. Он прекрасно понимал, что Дудли не врет — откуда еще ему знать про Седрика?

– «Папа! Помоги мне, папа! Папочка, он хочет меня убить! У-у-у!»

– Заткнись! – тихо приказал Гарри. – Умолкни, Дудли, иначе я за себя не ручаюсь!

– «Папочка, помоги! Мамочка, помоги! Он убил Седрика! Папочка, спаси меня! Он хочет...» *Не тычь в меня этой штукой!*

Дудли вжался в забор. Палочка нацелилась прямо ему в сердце. Вся ненависть, накопившаяся за долгие четырнадцать лет, закипела у Гарри в сердце – чего только он не отдал бы сейчас за возможность садануть Дудли заклятием пострашнее! И пусть ползет домой бессмысленным насекомым с какими-нибудь ложножжками...

– Больше не смей и заикаться об этом, – яростно прошипел Гарри. – Понял?

– Убери эту штуку!

– Я спрашиваю, понял?

– Убери эту штуку!

– ПОНЯЛ МЕНЯ?

– УБЕРИ ОТ МЕНЯ СВОЮ...

И вдруг Дудли судорожно охнул, будто неожиданно окунувшись в ледяную воду.

Произошло что-то непонятное. Звездное небо цвета индиго внезапно почернело, и наступила кромешная тьма – исчезли и луна, и звезды, и мерцающий свет фонарей в переулках. Не стало слышно шелеста листвы и далекого рокота автомобилей. Теплый вечер обжигал пронзительным холодом. Гарри и Дудли окружила абсолютная, непроницаемая, черная тишина, словно чья-то гигантская рука накрыла все вокруг плотной ледяной накидкой, не пропускавшей ни звука, ни света.

Сначала Гарри решил, что, сам того не желая, проделал какое-то волшебство, но потом разум взял верх над чувствами – как бы там ни было, выключить звезды ему не под силу. Он повертел головой, стараясь увидеть хоть что-нибудь, но тьма невесомой вуалью лнула к глазам.

В уши ударили перепуганный голос Дудли:

– Т-ты чего н-наделал? Уб-бери это!

– Ничего я не наделал! Замолчи и не двигайся!

– Я н-ничего н-не в-вижу! Я ослеп! Я...

– Я сказал, помолчи!

Гарри стоял как вкопанный и тщетно пытался разглядеть что-то в темноте. Стало так холодно, что его трясло с головы до ног; руки покрылись гусиной кожей, а волосы на затылке встали дыбом. Гарри все крутил головой и без толку таращил глаза.

Немыслимо... невозможно... как они оказались здесь... в Литтл Уинджинге?.. Гарри напряг слух... он услышит их раньше, чем сможет увидеть...

– Я п-пожалуюсь п-папе! – заскулил Дудли. – Т-ты г-где? Т-ты ч-что?..

– Да тихо ты! – прошипел Гарри. – Дай послу...

И оборвал сам себя – он услышал именно то, чего так боялся.

В проходе кроме них было что-то еще – и оно медленно, судорожно, свистяще втягивало в себя воздух. Гарри окатило волной ужаса.

– Х-хватит! П-прекрати! А то к-как т-тресну, п-понял...

– Дудли, тихо...

БАМ.

Кулак попал Гарри в висок. Ноги оторвались от земли. В глазах вспыхнул белый фейерверк, и во второй раз за вечер Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Он тяжело рухнул на землю. Палочка вылетела из рук.

– Ты болван, Дудли! – заорал Гарри, вздернувшись на четвереньки и слепо шаря вокруг. Он услышал, что Дудли понесся куда-то, спотыкаясь на ходу и стукаясь о забор. – ДУДЛИ, НАЗАД! ТЫ БЕЖИШЬ ПРЯМО НА НЕГО!

Тишину прорезал ужасающий визг, и топот прекратился. В то же самое мгновение Гарри спиной ощутил наползающий холод, а это означало только одно: их тут несколько.

– ДУДЛИ, НЕ ОТКРЫВАЙ РОТ! ГЛАВНОЕ, НЕ ОТКРЫВАЙ РОТ! Ну где же... – отчаянно забормотал Гарри. Его руки шныряли по земле как пауки. – Где же... палочка... давай же... люмос!

Он произнес заклинание машинально – очень уж нужен был свет, – и, к его несказанному облегчению, в считанных дюймах от правой руки появился лучик: на кончике волшебной палочки зажегся свет. Гарри схватил палочку, вскочил, осмотрелся...

И внутри все перевернулось.

К нему над самой землей медленно скользила, всасывая на ходу ночной воздух, высокая фигура в плаще с капюшоном, без лица и без ног.

Спотыкаясь, Гарри отступил и поднял палочку.

– Экспекто патронум!

Палочка выпустила облачко серебристого пара, и движение дементора замедлилось, но заклинание не сработало как следует – дементор надвигался на Гарри, а тот лишь в ужасе пятился, путаясь в собственных ногах. Мысли остановились от страха...
Сосредоточься...

Из-под плаща высунулись серые, покрытые слизью и струпьями руки, потянулись к Гарри. В ушах у него зашумело...

– Экспекто патронум!

Его голос прозвучал словно издалека. И опять из кончика палочки выплыло серебристое облачко, еще жиже предыдущего... Все, он разучился, он больше не умеет исполнять это заклинание!

Голова наполнилась хохотом, высоким, пронзительным хохотом... зловонное, смертоносное дыхание дементора заполняло легкие, Гарри стремительно тонул в нем... *скорее... счастливые воспоминания...*

Но он не мог вспомнить ничего счастливого... ледяные пальцы неумолимо смыкались на его шею... пронзительный хохот звучал все громче, и в голове кто-то шептал: «*Поклонись своей смерти, Гарри... это, наверное, даже не больно... не знаю... никогда не умирал...*»

Он больше не увидит Рона и Гермиону...

И когда он отчаянно боролся за глоток воздуха, перед мысленным взором очень отчетливо возникли лица друзей.

– ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

Из палочки вырвался огромный серебристый олень и на лету ударил дементора рогами туда, где должно было находиться сердце. Дементор, невесомый, как сама тьма, был отброшен назад. Олень грозно наступал, а побежденный дементор ринулся прочь, похожий на летучую мышь.

– СЮДА! – крикнул Гарри оленю. Развернувшись, он помчался по проходу с палочкой наперевес. – ДУДЛИ? ДУДЛИ!

Он не пробежал и десяти шагов, как наткнулся на них: Дудли лежал на земле, сжавшись в комок и закрыв лицо руками, а второй дементор склонялся над ним. Слизкими лапами он держал Дудли за

запястья и медленно, почти любовно разводил его руки и под капюшоном склонялся, будто для поцелуя.

– БЕЙ ЕГО! – вскричал Гарри. Олень с мощным свистом проскакал мимо. Безглазое лицо нависло над самым лицом Дудли, но тут олень ударил дементора рогами; того подбросило, и он, как и его напарник, улетел прочь и исчез в темноте; олень проскакал к переулку и растворился в серебристом тумане.

Луна, звезды и фонари в мгновение ока вернулись на свои места. Подул теплый ветерок. В близлежащих садах зашелестели деревья, а из Магнолиевого проезда снова донесся будничный рокот машин. Гарри застыл – чувства обострены до предела – и не сразу осознал внезапное возвращение к нормальной действительности. Потом заметил, что футболка плотно прилипла к телу; он был весь в поту.

Он никак не мог поверить в случившееся. Дементоры – здесь, в Литтл Уинджинге.

Дудли, скорчившись, лежал на земле. Он трясся и тоненько поскрипывал. Гарри наклонился проверить, в состоянии ли Дудли ходить, но тут за спиной раздался лихорадочный топот. Инстинктивно вскинув палочку, Гарри развернулся – кто бы там ни был, встретить его лицом к лицу.

Из темноты, на ходу теряя клетчатые шлепанцы, появилась совершенно запыхавшаяся полуумная старушка миссис Фигг. Из-под сеточки для волос вырывалась путаная седая пакля, на запястье, позывая, раскачивалась авоська. Гарри суетливо дернулся, намереваясь поскорее спрятать палочку, но...

– Куда, балда! Не убирай! – завопила миссис Фигг. – А если тут еще есть? Нет, я просто укокошу этого Мундугнуса Флетчера!

Глава вторая

Засовали долбы

– Чего? – тупо спросил Гарри.

– Смылся! – ломая руки, воскликнула миссис Фигг. – Какая-то там у него встреча, какие-то котлы, видишь ли, с метлы свалились! Я ведь говорила: кожу сдеру, если уйдешь, а он... И вот пожалуйста! Дементоры! Хорошо еще, я поставила там мистера Пуфика! Ладно, некогда нам тут болтаться! Ну что же ты, шевелись, надо поскорее доставить вас назад! Ох, что же будет! Я убью его, просто убью!

– Но... – То, что старая любительница кошек знала, кто такие дементоры, потрясло Гарри не меньше чем самое их появление в здешних местах. – Вы... вы – ведьма?

– Я шваха, о чём Мундугнусу прекрасно известно! Вот как, скажите на милость, я должна былаправляться с дементорами? Оставил тебя без прикрытия, а ведь я *предупреждала*...

– Значит, этот самый Мундугнус следил за мной? Подождите... Так это был он! Это он дезаппарировал от нашего дома!

– Да, да, да! Счастье еще, что я на всякий случай поставила на дежурство мистера Пуфика, под машину, и он прибежал меня предупредить, но, когда я добралась до вашего дома, ты уже ушел... а теперь... что скажет Думблдор? Ну ты! – пронзительно крикнула она на недвижимого Дудли. – Поднимай уже свою жирную задницу!

– Вы знаете Думблдора? – уставился на нее Гарри.

– Конечно, я знаю Думблдора, кто же не знает Думблдора? Но *пойдем наконец* – если они вернутся, от меня проку не будет, я и чайный пакетик в чай не превращу. – Она нагнулась, сморщенными пальчиками схватила массивную ручищу Дудли и дернула: – Вставай, бревно бессмысленное, вставай!

Но Дудли либо не мог, либо не хотел двигаться. Он лежал на земле с пепельно-серым лицом, дрожал и очень крепко сжимал губы.

– Дайте я. – Гарри взял Дудли за руки, рванул с нечеловеческой силой и сумел поднять. Дудли пребывал в полуобморочном состоянии.

Маленькие глазки выкатились из орбит, на лице выступили капли пота; стоило Гарри на секунду его отпустить, как Дудли угрожающе пошатнулся.

– Скорее! – истерично торопила миссис Фигг.

Гарри закинул к себе на плечи мясистую лапищу Дудли и, проседая под чудовищной тяжестью, поволок его к дороге. Миссис Фигг семенила впереди. Она осторожно заглянула за угол.

– Не убирай палочку, – предупредила она Гарри, когда они вышли в Глициниевый переулок. – Забудь пока про Закон о секретности, голову все одно снимут, но, как говорится, платить, так уж по гринготтскому счету. Вот вам декрет о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних... вот этого Думбльдор и боялся... Что там в конце улицы? Ах, это мистер Прентис всего-навсего... Да не убирай ты палочку, сколько можно говорить, что от меня никакого толку?

Держать палочку и одновременно волочь на себе Дудли было не так-то просто. Гарри, потеряв терпение, ткнул двоюродного брата под ребра, но Дудли решительно не желал двигаться самостоятельно. Он мертвым грузом висел на плече у Гарри, и его огромные ноги волочились по земле.

– Миссис Фигг, почему вы никогда не говорили, что вы шваха? – пыхтя и отдуваясь, спросил Гарри. – Я столько раз бывал у вас дома... почему вы ничего не сказали?

– По приказу Думбльдора. Я должна была приглядывать за тобой, но ни о чем не рассказывать, ты был слишком маленький. Уж прости, что плохо тебя развлекала, Гарри, но Дурслеи ни за что не пускали бы тебя ко мне, если б знали, что тебе у меня нравится. Это было нелегко, уж поверь... О господи, – она снова трагически заломила руки, – когда Думбльдор узнает... как Мундугнус *посмел* уйти с поста до полуночи? *И где его носит?* Как я доложу Думбльдору? Я же не умею аппарировать!

– У меня есть сова, возьмите ее, – простонал Гарри, сильно опасаясь, что под тяжестью Дудли у него вот-вот переломится хребет.

– Гарри, ты не понимаешь! Думбльдору нужно действовать как можно скорее, министерство ведь сразу фиксирует случаи незаконного колдовства, там уже все знают, уверяю тебя.

– Но мне же нужно было отогнать дементоров, как я мог обойтись без колдовства? Их ведь больше должно волновать, откуда в

Глициниевом переулке взялись дементоры?

— О господи, господи, хорошо бы так, вот только я боюсь...
МУНДУГНУС ФЛЕТЧЕР! Я ТЕБЯ УБЬЮ!

Раздался громкий хлопок, кругом разлился запах спиртного и застарелого курева, и одновременно из воздуха материализовался коренастый небритый человек в драном пальто. У него были короткие кривые ноги, длинные рыжие космы, покрасневшие глаза, а под ними мешки, из-за которых он смахивал на скорбного бассет-хаунда. В руках он сжимал серебристый сверток — Гарри сразу узнал плащ-невидимку.

— Чё стряслось, Фигуля? — спросил он, невинно хлопая глазами и переводя взгляд с миссис Фигг на Гарри, а потом на Дудли. — Мы чего, уже не под прикрытием?

— Я тебе покажу *под прикрытием*! — завопила миссис Фигг. — У нас тут *дементоры*, ворюга бессовестный! Дрянь безмозглая!

— Дементоры? — ошеломленно повторил Мундугнус. — Дементоры, здесь?

— Здесь, навоз ты куриный, здесь! — продолжала голосить миссис Фигг. — Дементоры напали на мальчика в твоё дежурство!

— Мама дорогая, — слабым голосом выговорил Мундугнус, водя глазами от миссис Фигг к Гарри и обратно. — Мама дорогая... да я...

— Ты! А ты котлы ворованные скупал! Разве я не говорила, чтоб ты на месте оставался? Не говорила?

— Ну я... мне... — Мундугнус донельзя сконфузился. — Так ведь шанс... уникальный... бизнес, понимаешь?..

Миссис Фигг взмахнула рукой с авоськой и принялась колошматить Мундугнуса по шее и по физиономии. Судя по клацанью, в авоське были банки с кошачьей едой.

— Ой! Все, хва... Сказал, хватит, мышь бешеная! Надо же Думблдора предупредить!

— Совершенно — верно — надо! — Миссис Фигг все размахивала авоськой. — И — лучше — если — это — сделаешь — ты! Сам — ему — и — скажешь — почему — тебя — не — было — на — месте!

— Хорош, хорош! Сетку с волос не потеряй! — крикнул Мундугнус, приседая и закрывая голову руками. — Пошел я, пошел!

И с очередным громким хлопком испарился.

— И надеюсь, что Думблдор тебя *растерзает*! — кровожадно крикнула миссис Фигг. — Ну же, давай, Гарри, чего дожидаешься?!

Гарри решил не тратить силы и не объяснять, что буквально уже не в состоянии волочить полуживого кузена, а лишь вскинул его повыше и, шатаясь, зашагал дальше.

— Я провожу вас до двери, — сказала миссис Фигг, когда они свернули на Бирючинную улицу. —

На всякий случай... вдруг там еще... ох, батюшки, это просто катастрофа... и тебе пришлось бороться с ними самому... а Думбльдор велел, чтоб мы *любой ценой* не давали тебе колдовать... м-да... что толку плакать над пролитым зельем... Кота в мешке не утаишь...

— Значит, — пропыхтел Гарри, — это Думбльдор... велел... за мной... следить?

— А кто ж еще, — ответила миссис Фигг. — Думаешь, после того, что случилось в июне, он бы позволил тебе разгуливать без присмотра? А вроде говорят, что ты умный мальчик!.. Давай, быстро в дом — и сиди там, — прибавила она, поскольку они уже дошли. — Наверняка с тобой скоро свяжутся.

— А вы что будете делать? — поспешил спросил Гарри.

— А я к себе, — ответила миссис Фигг и, содрогнувшись, оглядела темную улицу. — Ждать указаний. Спокойной ночи.

— Подождите, не уходите! Я хотел спросить...

Но миссис Фигг уже семенила прочь, шлепая тапочками и позывая авоськой.

— Подождите! — снова крикнул ей вслед Гарри. У него миллион вопросов, она ведь общается с Думбльдором... но не прошло и пары секунд, как миссис Фигг растворилась в ночи. Хмурясь, Гарри поправил руку Дудли у себя на плече и с трудом потащился по дорожке к дому.

В холле горел свет. Гарри сунул палочку за пояс, позвонил и скоро увидел, как, приближаясь, за рифленым дверным стеклом вырастает странно искаженный силуэт тети Петунии.

— Дудличка! Слава богу, а то я уже начала всерьез волнова... волнова... *Дюдюша, что с тобой??!*

Гарри, скосив глаза, посмотрел на Дудли и едва успел выскользнуть из-под его руки. Дудли, слегка позеленев, некоторое время покачался на месте, а потом открыл рот, и его сильно вырвало на коврик.

— Дудлик! Дудлик, что с тобой?! Вернон? ВЕРНОН!

Грузный дядя Вернон иноходью прискакал из гостиной. Его моржовые усы подергивались, как и всегда, когда он бывал взволнован. Он поспешил к тете Петунии и помог ей перевести ослабевшего Дудли через порог и лужу рвоты.

– Вернон, ему плохо!

– В чем дело, сынок? Что случилось? Миссис Полкисс что-то не то подала к чаю?

– Почему ты весь в грязи, деточка? Ты что, лежал на земле?

– Подожди-ка... На тебя случайно не напали, а, сыночек?

Тетя Петуния страшно закричала:

– Вернон, звони в полицию! Звони в полицию! Дюдюшенька, дорогой, поговори с мамочкой! Что они с тобой сделали?

В суматохе никто не обращал никакого внимания на Гарри – и это его полностью устраивало. Он сумел проскользнуть в дом до того, как дядя Вернон захлопнул дверь, и, пока троица Дурслеев шумно перемещалась через холл к кухне, тихонько направился к лестнице.

– Кто это был, сынок? Назови имена. Мы их найдем, даже не сомневайся.

– Ш-ш-ш! Он хочет что-то сказать, Вернон! Что, Дудличек? Скажи маме!

Гарри уже поставил ногу на нижнюю ступеньку, когда Дудли сумел наконец выдавить:

– Это он.

Гарри замер, занеся ногу, и сжался в ожидании взрыва.

– ТЫ! А НУ ИДИ СЮДА!

В страхе и ярости Гарри медленно снял ногу со ступеньки, повернулся и проследовал за Дурслеями на кухню.

После кромешной тьмы улицы патологически чистая, сверкающая кухня показалась ему чем-то нереальным. Дудли, по-прежнему зеленого и в липком поту, тетя Петуния усадила на стул. Дядя Вернон стоял около сушки и свирепым взглядом прищуренных глазок.

– Что ты сделал с моим сыном? – грозно спросил он.

– Ничего, – ответил Гарри, прекрасно, впрочем, понимая, что дядя ему не поверит.

– Дудлька, что он тебе сделал? – дрожащим голосом спросила тетя Петуния, губкой отчищая кожаную куртку сына. – Он что... он...

ну, сам-знаешь-что, да, дорогой? Он доставал... свою *штуку*?

Дудли медленно, боязливо кивнул. Тетя Петуния издала протяжный вопль, а дядя Вернон затряс кулаками.

– Вранье! – закричал Гарри. – Я ему ничего не сделал, это не я, это...

И тут в окно бесшумно влетела совка. Чуть не задев дядю Вернона по макушке, она пересекла кухню и, открыв клюв, сбросила к ногам Гарри большой пергаментный конверт. Затем, мазнув кончиками крыльев по холодильнику, она красиво развернулась, вылетела в окно и скрылась над садом.

– СОВЫ! – завопил дядя Вернон, и у него на виске сердито забилась многострадальная жилка. Он с грохотом захлопнул окно. – ОПЯТЬ СОВЫ! Я ЖЕ СКАЗАЛ, ЧТО БОЛЬШЕ НЕ ПОТЕРПЛЮ В СВОЕМ ДОМЕ НИКАКИХ СОВ!

Но Гарри уже рвал конверт и вынимал письмо. Его сердце колотилось где-то в районе кадыка.

Уважаемый м-р Поттер!

Мы получили донесение о том, что сегодня вечером, в 21:23, в муглонаселенном районе и в присутствии одного из муглов, Вами было исполнено заклятие Заступника.

Доводим до Вашего сведения, что вследствие столь серьезного нарушения Декрета о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних Вы исключаетесь из школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц». В ближайшее время представители министерства прибудут по месту Вашего жительства с тем, чтобы подвергнуть уничтожению Вашу волшебную палочку.

Кроме того, поскольку ранее Вы уже получали предупреждение по поводу нарушения положений раздела 13 Закона о секретности Международной конфедерации чародейства, мы вынуждены уведомить Вас о том, что 12 августа сего года в здании министерства магии состоится дисциплинарное слушание Вашего дела.

С пожеланиями здоровья и благополучия,

искренне Ваша,

Мафальда Хопкирк

Отдел неправомочного

использования колдовства

Министерство магии

Гарри перечитал письмо дважды. Сейчас он едва понимал, что говорят ему дядя Вернон и тетя Петуния. В голове царила мутная ледяная пустота. Одна-единственная мысль отравленной стрелой пронзала сознание. Его исключили из «Хогварца». Все кончено. Он больше никогда туда не вернется.

Он поднял глаза на Дурслеев. Багроволицый дядя Вернон орал, так и не опустив кулаков, тетя Петуния обвивала руками Дудли, которого снова рвало.

Временно отключившийся мозг словно пробудился от зачарованного сна. «В ближайшее время представители министерства прибудут по месту Вашего жительства с тем, чтобы подвергнуть уничтожению Вашу волшебную палочку». Остается одно – бежать. Куда бежать, Гарри не знал, знал только, что, в «Хогварце» или нет, остаться без палочки он не может. Как в тумане, он достал ее из-за пояса и повернулся к двери.

– Ты куда это направился?! – закричал дядя Вернон и, не получив ответа, тяжеловесно затопотал по кухне, чтобы перекрыть выход. – Я, парень, с тобой еще не закончил!

– Прочь с дороги, – тихо сказал Гарри.

– Ты останешься и объяснишь, каким образом мой сын...

– Если вы не уйдете с дороги, я наложу на вас заклятие. – Гарри угрожающе поднял палочку.

– А вот этого не надо! – зарычал дядя Вернон. – Тебе нельзя колдовать за стенами дурдома, который у вас называется школой!

– Из дурдома меня выперли, – сообщил Гарри. – Так что я могу делать все, что хочу. Даю вам три секунды. Раз... два...

И тут что-то громко задребезжало. Тетя Петуния закричала, дядя Вернон завизжал и пригнулся, а Гарри уже третий раз за вечер заозирался в поисках источника непонятного шума. И на сей раз быстро его обнаружил: снаружи на подоконнике сидела встрепанная, недоумевающая сипуха, которая только что врезалась в стекло.

Не обращая внимания на мученический вопль дяди Вернона: «СОВЫ!» – Гарри побежал и распахнул окно. Сова протянула лапку и, как только Гарри отвязал маленький пергаментный свиток, встряхнулась и улетела. Дрожащими руками Гарри развернул второе письмо, написанное в явной спешке и заляпанное черными кляксами.

Гарри,

Думбльдор только что прибыл в министерство. Он старается все уладить. НИКУДА НЕ УХОДИ ИЗ ДОМА. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ КОЛДУЙ. НЕ СДАВАЙ ПАЛОЧКУ.

Артур Уизли

Думбльдор старается все уладить... что это значит? Разве он может указывать министерству? Значит ли это, что у Гарри появился шанс не вылететь из «Хогварца»? В груди затеплилась робкая надежда, почти сразу же задушенная приступом паники, — что значит «не сдавай палочку»? Как же тут без колдовства? Что ему, драться с министерскими? Да за такое уже не исключение, а хорошо, если в Азкабан не посадят.

Мысли в голове заскакали... Можно попробовать бежать, с риском попасться в лапы представителям министерства, а можно остаться и дожидаться их здесь. Первый вариант привлекал гораздо больше, но, с другой стороны, Гарри понимал, что мистер Уизли плохого не посоветует... и потом, Думбльдор улаживал и не такие дела.

— Ладно, — сказал Гарри. — Я передумал. Я остаюсь.

Он устало шлепнулся на стул у кухонного стола напротив Дудли и тети Петунии. Дурслеев, казалось, неприятно удивила эта его неожиданная перемена решения. Тетя Петуния бросила отчаянный взгляд на мужа; у того на виске все сильнее билась жилка.

— От кого вообще эти проклятые совы? — страшным голосом спросил он.

— Первая — из министерства магии, уведомление об исключении, — спокойно объяснил Гарри. Он напряженно ловил малейшие звуки с улицы — не идут ли представители министерства, — и ему было проще без лишнего шума ответить дяде на вопросы, чем доводить того до скандала и крика. — А вторая — от отца моего друга Рона, который работает в министерстве.

— В министерстве магии? — возопил дядя Верон. — Ваши люди в правительстве? О, это все объясняет, все, все объясняет. Теперь я понимаю, почему эта страна катится в тартарары.

Гарри промолчал. Дядя Верон некоторое время негодующе смотрел на него, а потом злобно выплюнул:

— И за что же тебя исключили?

– За колдовство.

– А-ГА! – загрохотал дядя, стукнув кулакищем по холодильнику. Дверца открылась, и на пол высыпались низкокалорийные батончики, припасенные для Дудли. – Признался! Говори, что ты сделал с Дудли?

– Ничего, – повторил Гарри, теряя терпение. – Это был не я...

– Ты, – неожиданно заговорил Дудли.

Дядя Вернон с тетей Петунией замахали руками на Гарри, чтобы тот замолчал, и низко склонились над сыном.

– Говори, сынок, говори, – упрашивал дядя Вернон. – Что он сделал?

– Скажи нам, милый, – шептала тетя Петуния.

– Направил на меня свою палку, – промямлил Дудли.

– Ну, направил, но я ничего не сделал... – сердито начал Гарри, но...

– МОЛЧАТЬ! – хором заорали дядя Вернон и тетя Петуния.

– Продолжай, сыночек, – ласково сказал дядя, яростно взмахнув усами.

– Стало ужасно темно, – хрипло начал Дудли. – Везде-везде. А потом я услышал... ну, всякое *такое*. В голове.

Дядя Вернон и тетя Петуния обменялись взглядами, полными непередаваемого ужаса. Самой распоследней вещью на свете они считали колдовство, а предпоследней – соседей, умудряющихся хитроумнее, чем они сами, обойти запрет на полив из шлангов. Люди же, которые слышат голоса, в их табели о рангах занимали одно из десяти последних мест. Было понятно, что сейчас думают дядя и тетя: наш бедный сын сходит с ума.

– Какое *такое* ты слышал, Попкин? – Лицо тети Петунии мертвенно побелело, а в глазах стояли слезы.

Но Дудли не мог рассказать. Он сильно содрогнулся и затряс большой блондинистой головой. Гарри, невзирая на безразличное отчаяние, овладевшее им после первого письма, даже как-то заинтересовался. Дементоры заставляют человека заново пережить худшие моменты жизни. Что же всплыло в памяти испорченного, избалованного, наглого Дудли?

– А как получилось, что ты упал, сынок? – спросил дядя Вернон неестественно тихо, как говорят у постели тяжелобольного.

– С-спотыкнулся, – дрожащим голосом ответил Дудли. – А потом...

Он показал на свою широкую грудь. Гарри понял. Дудли вспомнился тот жуткий липкий холод, что наполняет душу, когда дементоры высасывают оттуда счастье и надежду.

– Ужасно, – надтреснуто простонал Дудли. – И холодно. Жутко холодно.

– Хорошо, – подчеркнуто спокойно сказал дядя Вернон, а тетя Петуния пощупала сыну лоб, проверяя температуру. – Что же было потом, Дудлик?

– Я чувствовал… чувствовал… как будто бы… как будто бы…

– Как будто бы затосковал навсегда, – бесцветным голосом закончил за него Гарри.

– Да, – прошептал Дудли, не переставая дрожать.

– Итак! – Дядя Вернон выпрямился, и его голос вновь достиг обычной (и весьма значительной) громкости. – Ты наложил на моего сына идиотское заклятие, так что он стал слышать голоса и решил, будто он… обречен на несчастье?

– Сколько раз вам говорить? – взвился Гарри. – *Это не я!* Это дементоры!

– Де… кто? Это что еще за дрянь такая?

– Де-мен-то-ры, – повторил Гарри по слогам, – двое.

– И кто это такие, дементоры?

– Охранники колдовской тюрьмы, Азкабана, – сказала тетя Петуния.

Две секунды после этого в кухне стояла абсолютная, звенящая тишина; потом тетя Петуния прихлопнула рот ладонью, словно у нее нечаянно вырвалась отвратительная, грубая непристойность. Дядя Вернон в ужасе выкатил на нее глаза. У Гарри в голове все гудело. Миссис Фигг – ладно, но *тетя Петуния*?..

– Откуда вы знаете? – потрясенно выпалил он.

У тети Петунии был такой вид, словно она противна самой себе. Она бросила на дядю Вернона испуганный, извиняющийся взгляд и чуть опустила руку, приоткрыв лошадиные зубы.

– Я слышала… как тот негодяй… говорил *ей*… тогда, давно, – не вполне связно объяснила она.

– Если вы имеете в виду моих маму и папу, почему бы не называть их по именам? – с вызовом сказал Гарри, но тетя Петуния не обратила на него внимания. Она до крайности разволновалась.

Гарри тоже был поражен до глубины души. Тетя Петуния никогда не упоминала о сестре – лишь однажды в истерике кричала, что мать Гарри была ненормальной. И вот надо же, столько лет хранит в памяти какие-то обрывочные сведения о колдовском мире – хотя так старается отрицать самое его существование.

Дядя Вернон открыл рот. Потом закрыл. Потом снова открыл, снова закрыл, а затем, с явным трудом припоминая, как люди разговаривают, открыл в третий раз и прокаркал:

– Так... так... они... э-э... и правда... э-э... существуют? Эти... э-э... демей... как их там?

Тетя Петуния кивнула.

Дядя Вернон поочередно обводил глазами всех, точно надеясь, что скоро кто-нибудь закричит: «С первым апреля!» Не дождавшись, он в очередной раз открыл рот, но от необходимости подбирать слова его избавило прибытие третьей за вечер совы. Мохнатым пушечным ядром птица влетела в открытое окно и шумно приземлилась на кухонный стол. Дурслеи так и подскочили от испуга. Гарри выхватил из совиного клюва официальное на вид послание и сразу надорвал конверт, а сова бесшумно вылетела из дома и скрылась в ночи.

– Хватит с нас этих – гадских – *сов*, – рассеянно пробормотал дядя Вернон, протопал к окну и опять с грохотом его захлопнул.

Уважаемый м-р Поттер!

В дополнение к нашему письму от сего числа сего года, отправленному приблизительно 22 минуты назад, сообщаем, что министерство магии пересмотрело свое решение касательно уничтожения Вашей волшебной палочки. Вы имеете право сохранять ее у себя вплоть до дисциплинарного слушания Вашего дела, которое состоится 12 августа и на котором относительно Вас будет принято окончательное официальное решение.

Также доводим до Вашего сведения, что после беседы с директором школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц» министерство согласилось отложить рассмотрение вопроса о Вашем исключении вплоть до вышеупомянутого слушания. В настоящее время и до поступления дальнейших распоряжений Вы считаетесь отстраненным от занятий.

С наилучшими пожеланиями,

искренне Ваша,
Мафальда Хопкирк
Отдел неправомочного
использования колдовства
Министерство магии

Гарри перечитал письмо три раза подряд. От того, что вопрос об исключении не решен окончательно, ему полегчало, и узел отчаяния в груди чуточку ослаб, но страх тем не менее остался. Теперь все зависело от дисциплинарного слушания двенадцатого августа.

– Ну? – напомнил о своем существовании дядя Верон. – Что новенького? Посадят тебя или как? Смертная казнь-то у вас вообще бывает? – с воодушевлением добавил он после короткого раздумья.

– Мне назначили слушание, – ответил Гарри.

– И там тебя приговорят?

– Наверное.

– Значит, будем жить надеждой, – съязвил дядя Верон.

– Ладно, если это все... – сказал Гарри поднимаясь. Ему было просто необходимо побывать одному, подумать и, может быть, написать Рону, Гермионе или Сириусу.

– НЕТ УЖ, ДУДКИ! НИКАКОЕ НЕ ВСЕ! – загремел голос дяди Вернона. – СЯДЬ НАЗАД!

– Что еще? – недовольно спросил Гарри.

– ДУДЛИ, ВОТ ЧТО! – орал дядя Верон. – Я хочу точно знать, что произошло с моим сыном!

– ОТЛИЧНО! – потеряв терпение, закричал Гарри, и из волшебной палочки посыпались красные и золотые искры. Все трое Дурслеев испуганно съежились. – Мы с Дудли были в проходе между Магнолиевым проездом и Глициниевым переулком. – Стараясь справиться с раздражением, Гарри заговорил очень быстро. – Дудли стал задираться, я достал палочку, но не воспользовался ею. Тут появились два дементора...

– Но кто такие эти... дементы? – гневно перебил его дядя Верон. – Чем они ЗАНИМАЮТСЯ?

– Я же сказал – высасывают из тебя счастье, – ответил Гарри. – А если могут, запечатлевают Поцелуй.

– Поцелуй? – вытаращил глаза дядя Верон. – *Поцелуй?*

– Это так называется. Когда они высасывают душу через рот.

Тетя Петуния тихо вскрикнула.

– *Душу?* Они же не забрали... нет... у него ведь осталась?..

Она схватила сына за плечи и стала трясти, словно надеясь услышать, как загрохочет внутри его душа.

– Конечно, не забрали – если бы забрали, вы бы сразу поняли, – устало сказал Гарри.

– Значит, ты задал им жару, да, сын? – громко заговорил дядя Веронон, явно стремясь вернуть разговор в понятное ему русло. – Показал, почем фунт лиха, правда?

– Дементорам нельзя показать, *почем фунт лиха*, – сквозь зубы прощедил Гарри.

– А почему же он тогда в полном порядке? – с вызовом спросил дядя Веронон. – Почему из него ничего не выпито? А?

– Потому что я воспользовался заклятием Заступ...

ВУ-УШШШШ. В каминной трубе забились, зашуршили крылья, из очага посыпалась пыль, и вскоре оттуда стремительно вылетела четвертая сова.

– ГОСПОДИ БОЖЕ МИЛОСЕРДНЫЙ! – вскричал дядя Веронон, в негодовании вырывая клочья из своих несчастных усов, чего с ним не случалось уже очень-очень давно. – МНЕ ЗДЕСЬ СОВЫ НЕ НУЖНЫ! Я ЗДЕСЬ ЭТОГО НЕ ПОТЕРПЛЮ! ЯСНО?!

Но Гарри уже снимал с протянутой лапки пергаментный свиток. Он был совершенно уверен, что письмо от Думбльдора и теперь наконец-то все разъяснится – и дементоры, и миссис Фигг, и что затевается в министерстве, и как Думбльдор собирается все уладить, – и впервые в жизни испытал разочарование, увидев почерк Сириуса. Не слушая завываний дяди Вернона и сильно прищурившись от пыли – сова только что отбыла обратно через трубу, – Гарри прочитал Сириусову записку.

Артур рассказал мне, что случилось. Ни в коем случае не выходи из дома. Ни в коем случае.

Это показалось Гарри настолько неадекватным ответом на все случившееся нынешним вечером, что он перевернул свиток, рассчитывая найти продолжение. Но продолжения не было.

Его снова охватил гнев. Кто-нибудь вообще собирается сказать ему «молодец»? Как-никак, он один победил двух дементоров! А что

Сириус, что мистер Уизли, оба ведут себя так, будто он нашалил, а они просто не хотят его ругать, пока еще не ясно, насколько все плохо.

— ...засовали твои долбы... то есть, тьфу, задолбали твои совы! Туда-сюда, туда-сюда! Проходной двор! Я тебя предупреждаю, парень, я этого не потер...

— Ничего не могу поделать, — огрызнулся Гарри и смял письмо Сириуса в кулаке.

— Я хочу знать правду! Что сегодня случилось? — прогавкал дядя Веронон. — Если на Дудли напали дурмендуры, почему тогда исключают тебя? Говори, ты делал сам-знаешь-что? Делал? Сам же признался!

Гарри глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. У него опять заболевала голова. Больше всего на свете хотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда, от этой кухни и от Дурслеев.

— Мне пришлось применить заклятие Заступника, чтобы отогнать дементоров, — сказал он, усилием воли сохраняя спокойствие. — Против них нет больше средств.

— Но что *понадобилось* этим демендурам у нас в Литтл Уинджинге?! — возмущенно закричал дядя Веронон.

— Не могу вам сказать, — утомленно проговорил Гарри. — Не имею представления.

Голова раскальвалась от ламп дневного света. Злость отступала. Он выдохся, силы исчерпаны. Дурслеи продолжали сверлить его взглядами.

— Это все из-за тебя, — с напором произнес дядя Веронон. — Это как-то связано с тобой, парень, я точно знаю. С чего бы еще им здесь появляться? Что они забыли в том переулке? Ты же единственный... единственный... — Очевидно, он не мог себя заставить выговорить слово «колдун». — Единственный *сам-понимаешь-кто* на всю округу.

— Я не знаю, зачем они здесь оказались.

Но слова дяди Веронона что-то стронули в усталом мозгу, и тот заработал с новой силой. Действительно, *почему* дементоры оказались в Литтл Уинджинге, там же, где и Гарри? Неужто случайно? Кто их послал? Они вышли из-под контроля министерства магии? Покинули Азкабан и встали на сторону Вольдеморта, как предсказывал Думблдор?

— Так эти деръмендеры охраняют вашу дурацкую тюрьму? — спросил дядя Вернон, словно бы следя по пятам за раздумьями Гарри.

— Да.

Если бы только перестала болеть голова! Если бы он мог пойти к себе, в темную спальню, и подумать!..

— О-хо! Так они пришли тебя арестовать! — Дядя Вернон восторжествовал, точно разрешил неразрешимую загадку. — Так ведь, парень? Значит, ты у нас бегаешь от закона!

— Разумеется, нет. — Гарри потряс головой, точно отпугивая надоедливую муху. Мысли так и роились у него в голове.

— Тогда зачем?..

— Это он их послал, — очень тихо сказал Гарри скорее себе, чем дяде Вернону.

— Что? Кто — он?

— Лорд Вольдеморт, — пояснил Гарри.

Краем сознания он отметил, как это чуднó, что Дурслеи, которые корчились и вскрикивали, стоило произнести при них слова «колдун», «магия» или «волшебная палочка», даже не шелохнулись, услышав имя самого могущественного злого колдуна всех времен и народов.

— Лорд... погоди-ка. — Дядя Вернон скривился, и в его свиных глазах пропустило понимание. — Я это где-то слышал... это не тот, который...

— Убил моих родителей, да, — подтвердил Гарри.

— Но он же исчез, — нетерпеливо возразил дядя Вернон, не смущаясь поминать болезненную тему гибели родителей. — Так сказал тот громила. Что он исчез.

— Он вернулся, — мрачно проговорил Гарри.

Это было очень странно — стоять на стерильной, как операционная, кухне тети Петунии между холодильником последней модели и широкоформатным телевизором и преспокойно беседовать о лорде Вольдеморте с дядей Верноном. Появление дементоров в Литтл Уинджинге, казалось, разрушило ту огромную невидимую стену, что надежно отделяла непреклонно нормальный мир Бирючинной улицы от всего остального мира. Две параллельные жизни Гарри слились воедино, и все перевернулось с ног на голову: Дурслеи расспрашивают его о колдовских делах, миссис Фигг знакома с Думблдором, над

Литтл Уинджингом кружат дементоры, а над Гарри висит угроза никогда больше не увидеть «Хогварц». Голова заболела вдвоем сильнее.

– Вернулся? – прошептала тетя Петуния.

Она смотрела на Гарри так, как никогда не смотрела прежде. И впервые за всю свою жизнь Гарри вдруг отчетливо понял, что тетя Петуния – сестра его матери. Он не смог бы объяснить, отчего это стало так ясно именно теперь. Он лишь понимал, что среди тех, кто находится сейчас в кухне, не он один осознает весь ужас случившегося. Никогда раньше тетя Петуния не глядела на него такими глазами – большими, серыми, столь непохожими на глаза сестры: сейчас они не щурились от злости или отвращения, а широко распахнулись в испуге. Казалось, она вдруг отбросила притворство и перестала упрямо делать вид, будто ни колдовства, ни какого-либо иного мира помимо того, где живут они с дядей Вероном, не существует, – а ведь так было всегда, сколько Гарри себя помнил.

– Да, – Гарри посмотрел ей прямо в глаза. – Месяц назад. Я сам видел.

Ее пальцы стиснули мощное, затянутое в кожу плечо сына.

– Минуточку, – вмешался дядя Верон, переводя взгляд с жены на Гарри и обратно. Он был явно озадачен и даже смущен внезапно возникшим между ними беспрецедентным взаимопониманием. – Минуточку. Так ты говоришь, этот самый Вольде... как его там... вернулся.

– Да.

– Тот, кто убил твоих родителей.

– Да.

– И теперь он послал за тобой двусмертров?

– Похоже на то, – сказал Гарри.

– Понятно, – проговорил дядя Верон, снова переводя взгляд с совершенно побелевшей жены на Гарри и подтягивая брюки. Он сам и особенно его багровое лицо раздувались прямо на глазах. – Что ж, тогда решено, – объявил он, и рубашка слегка разошлась у него на груди, – можешь выметаться вон из моего дома, парень!

– Чего? – удивился Гарри.

– Того! Выметайся! ВОН! – Дядя Верон заорал так, что даже тетя Петуния и Дудли вздрогнули. – ВОН! ВОН! Давно бы пора! Эти совы – устроили тут, понимаешь, ночлежку! Взрывающиеся пудинги,

сломанные стены! Хвост Дудли! Мардж под потолком! Летающий «форд»!.. ВОН! ВОН! Хватит с меня! Слышать о тебе не хочу больше! Раз за тобой гоняется какой-то маньяк, тебе здесь не место! Я должен защитить жену и сына! Мне твои неприятности не нужны! Раз ты пошел по той же дорожке, что и твои родители, – пожалуйста! Только я тут ни при чем! ВОН!

Гарри застыл как громом пораженный. В руке он по-прежнему держал скомканные письма из министерства, от мистера Уизли и от Сириуса. *Ни в коем случае не выходи из дома. Ни в коем случае.*

НИКУДА НЕ УХОДИ ИЗ ДОМА.

– Ты меня слышал! – кричал дядя Вернон. Он на-двинулся на племянника багровым лицом, и до Гарри долетали брызги слюны. – Мотай отсюда! Пол-часа назад ты и сам мечтал уйти! Так вот я – за! Проваливай! И прошу больше никогда не пачкать мой порог! Не знаю, зачем мы тебя вообще взяли, Мардж права, надо было отослать тебя в приют! А мы своей добротой сами себе все испортили, ду-мали, сможем это из тебя выбить, сделать из тебя человека, только уж если кто родился с гнильцой, ничего не попишешь, и теперь с меня хва... Что?! Совы?!

Сова с такой скоростью просвистела по трубе, что сначала ударила об пол и лишь потом с недовольным криком взвилась в воздух. Гарри поднял руку, чтобы выхватить у нее письмо в красном конверте, но сова пролетела над его головой к тете Петунии. Та взвизгнула и пригнулась, закрыв лицо локтями. Сова сбросила конверт ей на голову, развернулась и вылетела обратно в трубу.

Гарри бросился к письму, но тетя Петуния его опередила.

– Можете открыть, если хотите, – сказал Гарри, – но я все равно услышу, о чём оно. Это вопиллер.

– Брось его, Петуния! – взревел дядя Вернон. – Не прикасайся! Это опасно!

– Но оно адресовано мне, – прохныкала тетя Петуния. – *Мне, Вернон, взгляни! Миссис Петуния Дурслей, кухня, дом № 4, Бирючинная улица...*

Тут у нее перехватило дыхание от испуга. Красный конверт задымился.

– Открывайте скорей! – понуждал ее Гарри. – Покончите разом! Это же все равно случится.

– Ни за что!

Ее рука дрожала. Она дико озиралась, словно в поисках выхода, но было слишком поздно – конверт загорелся. Тетя Петуния закричала и уронила его на стол.

Из языков пламени зазвучал страшный громоподобный голос, который, эхом отдаваясь в замкнутом пространстве, заполнил собой всю кухню:

– *Петуния, вспомни мое последнее!..*

Тетя Петуния была близка к обмороку. Ноги ее подкосились, она опустилась на стул рядом с Дудли и спрятала лицо в ладонях. Остатки конверта беззвучно дрогнули и превратились в пепел.

– Что это было? – Дядя Вернон охрип от волнения. – Что… я не понимаю… Петуния?

Та молчала. Дудли смотрел на мать, тупо разинув рот. Страшное молчание ширилось. Гарри в полном изумлении следил за тетей; голова буквально разрывалась от боли.

– Петуния, дорогая? – робко позвал дядя Вернон. – П-петуния?

Тетя подняла голову. Ее била дрожь. Она слот-нула.

– Мальчишка… мальчишка должен остаться, Вернон, – пролепетала она.

– Ч-что?!

– Он останется, – повторила тетя Петуния, не глядя на Гарри. И снова встала.

– Он… но, Петуния…

– Что скажут соседи, если мы выбросим его на улицу? – Несмотря на чрезвычайную бледность, к тете Петунье быстро вернулся обычный решительный тон. – Начнут задавать вопросы, захотят знать, куда мы его отправили. Придется его оставить.

Дядя Вернон сдулся, как лопнувшая покрышка.

– Но, Петуния, дорогая…

Тетя Петуния не дослушала и повернулась к Гарри.

– Будешь сидеть в своей комнате, – велела она. – Из дома не выходить. А сейчас – спать.

Гарри не пошевелился.

– Кто прислал вопиллер?

– Не задавай дурацких вопросов, – отрезала тетя Петуния.

– Вы что, переписываетесь с колдунами?

– Я сказала, спать!
– Что это значит? Вспомни мое последнее – что?
– Немедленно спать!
– Откуда?..
– ТЫ СЛЫШАЛ, ЧТО СКАЗАЛА ТЕТЯ! НЕМЕДЛЕННО СПАТЬ!

Глава третья

Авангард

«На меня напали дементоры, и меня могут исключить из школы. Я хочу знать, что происходит и когда я отсюда выберусь».

Едва оказавшись у письменного стола в темной спальне, Гарри трижды написал эти слова на трех отдельных листах пергамента. Первое письмо он адресовал Сириусу, второе Рону, а третье Гермионе. Сова Гарри, Хедвига, улетела на охоту; ее пустая клетка стояла на столе. В ожидании ее возвращения Гарри мерил шагами комнату. Голова пульсировала от боли, и в ней теснилось столько мыслей, что заснуть вряд ли бы удалось, хотя от усталости болели и чесались глаза. Оттого, что ему пришлось тащить на себе Дудли, ужасно ныла спина и жутко саднили шишки на голове.

Охваченный злостью и досадой, Гарри шагал туда-сюда, сжимал зубы и кулаки и, проходя мимо окна, всякий раз сердито косился на усыпанное звездами небо. На него наслали дементоров, за ним тайно следили Мундугнус и миссис Фигг, его отстранили от занятий в «Хогварце», его ждет дисциплинарное слушание – а никто из друзей так и не потрудился объяснить, в чем дело.

И что, *что* сказал этот непонятный вопиллер? Чей голос таким грозным, таким страшным эхом разносился по кухне?

Почему Гарри должен сидеть здесь, как в клетке, не зная абсолютно ничего? Почему с ним обращаются как с непослушным младенцем? *Ни в коем случае не колдуй, никуда не уходи из дома...*

Гарри мимоходом пнул сундук со школьными вещами, но от злости не избавился, наоборот, стало еще хуже: к страданиям и без того измученного тела прибавилась острая боль в большом пальце.

И тут, как раз когда он доковылял до окна, с улицы, тихо шурша крыльями, влетела Хедвига, похожая на маленькое привидение.

– Наконец-то! – проворчал Гарри. – Можешь это положить, у меня для тебя работа.

Большие, круглые, янтарные глаза обиженно посмотрели на него поверх зажатой в клюве дохлой лягушки.

– На-ка, – сказал Гарри, взял со стола три свитка и кожаный ремешок и привязал послания к шершавой совиной ноге. – Быстро-нько отнеси это Сириусу, Рону и Гермионе и не возвращайся без нормальных длинных ответов. Если понадобится, долби их, пока не напишут *приличных* писем. Поняла?

Хедвига, все еще с лягушкой в клюве, невнятно ухнула.

– Тогда отправляйся, – приказал Гарри.

Сова сразу же снялась с места. Как только она скрылась из виду, Гарри, не раздеваясь, бросился на кровать и уставился в потолок. В добавление к прочим горестям его теперь грыз стыд – он грубо обошелся с Хедвигой, а ведь здесь, на Бирючинной улице, она у него – единственный друг. Ладно, он еще загладит свою вину, когда Хедвига вернется.

Сириус, Рон и Гермиона просто обязаны ответить быстро – не могут же они проигнорировать известие о нападении дементоров. Завтра, когда он проснется, его будут ждать три толстых сочувственных письма с планами его немедленной эвакуации в «Гнездо»… На этой утешительной мысли Гарри сморил сон, заглушивший все, что его тревожило.

Но на следующее утро Хедвига не вернулась. Гарри безвылазно сидел у себя в комнате, выходя только в ванную. Трижды в день тетя Петуния просовывала еду в маленькое окошко в двери, прорезанное дядей Верноном три года назад. Гарри всякий раз пытался расспросить ее о волиллере, но с тем же успехом можно было допрашивать дверную ручку. А вообще Дурслеи не подходили к его комнате. Гарри не видел смысла навязывать им свою компанию; этим ничего не добьешься, кроме разве что очередного скандала, а тогда он может потерять терпение и опять начать колдовать.

Так оно и тянулось три долгих дня. Гарри то переполняло беспокойство, и он не мог ничем заниматься, а лишь ходил взад-вперед по комнате, злясь на друзей, бросивших его на произвол судьбы, то охватывала апатия, настолько всепоглощающая, что он часами лежал на кровати, уставившись в пространство и с ужасом думая о предстоящем слушании в министерстве.

А если его признают виновным? И исключат из школы? Сломают пополам его палочку? Что тогда делать, куда податься? Теперь, когда он знает о существовании другого мира, *своего* мира, ему не выжить на Бирючинной улице. Можно ли будет поселиться в доме Сириуса, как тот и предлагал год назад, еще до своего побега? Позволят ли Гарри жить там одному, ведь он несовершеннолетний? Или это решат за него? А вдруг он так серьезно нарушил Международный закон о секретности, что его приговорят к сроку в Азкабане? При этой мысли Гарри неизменно соскальзывал с кровати и снова начинал ходить по комнате.

На четвертую ночь после того, как улетела Хедвига, Гарри, пребывавший в стадии апатии и не способный ни о чем думать, лежал и смотрел в потолок. Неожиданно в комнату вошел дядя. Гарри медленно перевел на него взгляд. Дядя Веронон был одет в парадный костюм и выглядел чрезвычайно представительно.

– Мы уходим, – сообщил он.

– Что?

– Мы – а именно мы с твоей тетей и Дудли – уходим.

– Отлично, – равнодушно сказал Гарри и снова уставился в потолок.

– Пока нас нет, тебе запрещается покидать комнату.

– Ладно.

– Запрещается трогать телевизор, стереосистему и вообще наши вещи.

– Слушаюсь.

– И запрещается таскать еду из холодильника.

– Угу.

– Я запру дверь в твою комнату.

– Как хотите.

Дядя Веронон, явно обескураженный отсутствием возражений, вперил в племянника подозрительный взгляд, но не нашел, что сказать, и, топая, как бегемот, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Гарри услышал, как поворачивается в замке ключ и как дядя Веронон тяжеловесно спускается по лестнице. Через несколько минут во дворе хлопнули дверцы, раздался шум двигателя и шорох шин отъезжающей машины.

Отъезд Дурслеев на Гарри и впрямь не произвел впечатления. Какая ему разница, дома они или нет. У него нет даже сил встать и включить свет в комнате. Быстро сгущались сумерки, а он все валялся на кровати, слушаяочные звуки из окна, постоянно открытого в ожидании счастливого момента возвращения Хедвиги.

Пустой дом тоже издавал звуки. Ворчали трубы. Гарри лежал в ступоре, без мыслей, без движения, несчастный.

И вдруг с кухни очень отчетливо донесся грохот.

Гарри молниеносно сел и внимательно прислушался. Это не Дурслеи – слишком рано, да и потом он бы услышал машину.

Несколько секунд было тихо, затем раздались голоса.

Воры, – подумал Гарри, соскальзывая с кровати, но затем до него дошло, что воры не стали бы так громко разговаривать, а тот, кто ходил сейчас по кухне, явно не трудился понижать голос.

Гарри схватил с тумбочки волшебную палочку и встал лицом к двери, изо всех сил напрягая слух. И сразу же отпрынул – замок громко щелкнул, и дверь распахнулась.

Гарри замер, глядя сквозь дверной проем на неосвещенную лестничную площадку, и старался уловить хоть что-то, но теперь вокруг было совершенно тихо. Он поколебался мгновение, а затем быстро и бесшумно вышел за порог.

Сердце билось уже не в груди, а в горле. Внизу, в темноте холла, стояли какие-то люди, подсвеченные тусклым уличным светом, который лился сквозь стекло входной двери. Пришельцев было восемь или девять, и все они, кажется, смотрели прямо на Гарри.

– Убери-ка палочку, паренек, пока никому глаз не выколол, – проговорил низкий рокочущий бас.

Сердце Гарри заскакало в бешеном галопе. Он узнал этот голос, но палочку по-прежнему держал на изготовку.

– Профессор Хмури? – неуверенно сказал он.

– Не знаю, как насчет «профессор», – пророкотал бас, – до преподавания, сам знаешь, дело не дошло. Давай-ка вниз, мы хотим нормально тебя разглядеть.

Гарри чуть опустил палочку, но хватки не ослабил и с места не двинулся. Для подозрительности у него были все основания. Не так давно он целых десять месяцев общался якобы с Шизоглазом Хмури, но потом оказалось, что это никакой не Хмури, а самозванец, который

в довершение ко всему перед разоблачением попытался его убить. Гарри еще не решил, как действовать дальше, а снизу послышался другой, хрипловатый голос:

– Все в порядке, Гарри. Мы за тобой.

У Гарри прямо дух захватило. Этот голос он тоже узнал, хотя не слышал его уже больше года.

– П-профессор Люпин?! – не веря сам себе, тихо воскликнул он. – Это вы?

– А чего мы в темноте-то? – сказал третий голос, на этот раз совершенно незнакомый, женский. – Люмос.

Зажегся кончик чьей-то палочки и осветил холл волшебным светом. Гарри заморгал. Люди сгрудились у подножия лестницы и пристально смотрели на Гарри – некоторые, чтобы лучше видеть, вытягивали шеи.

Рем Люпин стоял ближе всех. Совсем нестарый, он выглядел усталым и больным; за то время, что Гарри его не видел, у Люпина прибавилось седых волос, как и заплаток на порядком поизносившейся мантии. Тем не менее Люпин широко улыбался, и Гарри, хотя все еще не мог оправиться от шока, постарался ответить тем же.

– Точь-в-точь такой, как я думала, – сказала ведьма со светящейся палочкой, самая молодая из всех. У нее было бледное лицо-сердечко и короткие ярко-фиолетовые волосы торчком. – Приветик, Гарри!

– Да, теперь я понимаю, что ты имел в виду, Рем, – звучно и неторопливо проговорил стоявший дальше всех лысый чернокожий колдун с золотым кольцом в ухе. – Ну просто копия Джеймс.

– Нет, глаза, – одышливо возразил из заднего ряда колдун с серебряными волосами. – Глаза Лили.

Седой, длинноволосый Шизоглаз Хмури, у которого в носу недоставало большого куска, подозрительно сощурившись, рассматривал Гарри своими разными глазами. Один его глаз напоминал маленькую черную бусину, а второй был большой, круглый и отчаянно-голубой – волшебный. Он видел сквозь стены, закрытые двери и даже сквозь затылок Шизоглаза.

– Люпин, а ты вполне уверен, что это он? – пророкотал Хмури. – А то хороши мы будем, если вместо Гарри притащим Упивающегося Смертью. Давайте спросим о чем-нибудь, что известно только Поттеру. А может, у кого с собой призывалиум?

— Гарри, какой облик принимает твой Заступник? — спросил Люпин.

— Оленя, — волнуясь, ответил Гарри.

— Порядок, Шизоглаз, это он, — сказал Люпин.

Гарри, остро ощущая, что все взгляды направлены на него, спустился с лестницы, на ходу засовывая палочку в задний карман джинсов.

— Сдурел, парень?! — взревел Хмури. — Куда пихаешь? А если сработает? И поумней тебя колдуны без задницы оставались!

— Это кто остался без задницы? — тут же заинтересовалась фиолетоволосая ведьма.

— Не твоего ума дело, — проворчал Хмури. — Главное, держать палочку подальше от задних карманов, ясно? Элементарная техника магобезопасности, только всем почему-то плевать. — Он затопал к кухне. — И я все вижу, — с раздражением добавил он, когда молодая ведьма закатила глаза к потолку.

Люпин поздоровался с Гарри за руку.

— Ну, ты как? — спросил он, внимательно глядя ему в лицо.

— Н-нормально...

Гарри не верил своим глазам. Месяц — ничего, ни намека на то, что его заберут с Бирючинной, и вдруг пожалуйста — целая делегация колдунов, как будто так и надо. Он обвел взглядом тех, кто стоял рядом с Люпином. Все по-прежнему с живейшим интересом смотрели на него. Гарри вдруг очень явственно осознал, что уже четыре дня не причесывался.

— Я... Вам очень повезло — Дурслеи как раз уехали, — пробормотал он.

— Повезло! Ха! — воскликнула фиолетоволосая девушка. — Это я их выманила. Послала по мугловой почте письмо, что они вошли в список финалистов всебританского конкурса «Самый ухоженный газон». Так что сейчас они едут получать приз... то есть они так думают.

Гарри на миг представил себе лицо дяди Вернона, когда тот поймет, что никакого всебританского конкурса газонов не было и в помине.

— Так мы что, уезжаем? — спросил он. — Скоро?

— Почти сразу, — ответил Люпин, — вот только дождемся отмашки.

– А куда? В «Гнездо»? – с надеждой спросил Гарри.

– Нет, не в «Гнездо», – сказал Люпин и поманил его в кухню; за ними тесной группкой последовали остальные. – Слишком рискованно. Мы устроили штаб-квартиру в необнаружимом месте. На это ушло время…

Шизоглаз Хмури уже сидел за кухонным столом, прихлебывая из фляжки. Его волшебный глаз вертелся, озирая приспособления по облегчению домашнего труда, имевшиеся у Дурслеев в огромном количестве.

– Гарри, познакомься, это Аластор Хмури, – сказал Люпин.

– Да, я знаю, – неловко ответил Гарри. Как-то странно, когда тебя представляют человеку, с которым вы вроде были знакомы уже год.

– А это Нимфадора…

– Ты что, Рем, какая Нимфадора, – содрогнулась молодая ведьма, – я – Бомс.

– Нимфадора Бомс, предпочитающая, чтобы ее звали только по фамилии, – закончил Люпин.

– Ты бы тоже предпочитал, если бы дура-мамочка назвала тебя Нимфадорой, – проворчала Бомс.

– А это Кингсли Кандальер. – Люпин указал на высокого чернокожего колдуна. Тот поклонился. – Эльфиас Дож. – Одышилый колдун кивнул Гарри. – Дедал Диггл…

– Мы уже знакомы, – по обыкновению, восторженно пискнул Диггл, роняя фиолетовую шляпу.

– Эммелина Ванс. – Статная ведьма в изумрудно-зеленой шали величественно наклонила голову. – Стурджис Подмор. – Колдун с квадратной челюстью и густыми соломенными волосами весело подмигнул. – И Гестия Джонс. – Розовощекая брюнетка помахала от тостера.

В процессе представления Гарри смущенно кивал каждому и хотел лишь одного – чтобы они перестали наконец на него пялиться и посмотрели куда-нибудь еще, а то он чувствовал себя как на сцене. Но, интересно, зачем их так много?

– Поразительно, сколько людей вызвалось за тобой поехать, – словно прочитав его мысли, сказал Люпин, и уголки его рта чуть изогнулись.

– А что, чем больше, тем лучше, – мрачно буркнул Хмури. – Мы – твоя охрана, Поттер.

– Мы ждем только сигнала, что путь свободен. – Люпин бросил быстрый взгляд в окно. – Осталось минут пятнадцать.

– Какие они *чистюли*, эти муглы, скажите? – Ведьма по имени Бомс с огромным любопытством осматривала кухню. – Мой папочка тоже муглорожденный, но вот уж кто неряха из нерях! Впрочем, они же, наверное, все разные, как и мы, колдуны, да?

– Э-э... да, – подтвердил Гарри. – Слушайте, – повернулся он к Люпину, – что происходит, я ничего не знаю, мне никто не пишет, что там Вольде...

Кое-кто зашикал; Дедал Диггл опять уронил шляпу, а Хмури цыкнул:

– Тише ты!

– А что? – не понял Гарри.

– Здесь мы ничего обсуждать не будем, слишком рискованно, – заявил Хмури, устремляя на него нормальный глаз. Волшебный был по-прежнему нацелен на потолок. – *Горгулья тебя побери*, – ругнулся он, прикладывая руку к волшебному глазу, – все время застrevает – с тех пор как его носил этот ублюдок...

И с отвратительным хлюпом – будто из полной ванны вынули затычку – вытащил глаз из орбиты.

– Шизоглаз, ты в курсе, что меня сейчас стошнит? – как бы между прочим спросила Бомс.

– Гарри, не подашь стакан воды? – попросил Хмури.

Гарри достал чистый стакан из посудомоечной машины, налил воды из-под крана – и все под пристальным наблюдением команды колдунов. Это уже раздражало.

– Благодарствую, – сказал Хмури, получив стакан. Он бросил волшебный глаз в воду и поболтал; глаз вращался, внимательно глядя на каждого по очереди. – На обратной дороге мне нужны все триста шестьдесят градусов видимости.

– А как мы доберемся до... ну, до места? – спросил Гарри.

– На метлах, – ответил Люпин. – Другого способа нет. Ты еще маленький, чтобы аппарировать, кружаные пути просматриваются, а если мы незаконно создадим портшлюс, нам вообще крышка.

— Рем говорит, ты классно летаешь, — низко и звучно сказал Кингсли Кандальер.

— Просто отлично, — подтвердил Люпин, поглядев на часы. — Ладно, так или иначе, тебе, Гарри, надо собираться. Когда дадут сигнал, мы должны быть готовы.

— Я помогу, — с энтузиазмом сказала Бомс.

Вслед за Гарри она через холл направилась к лестнице, с любопытством вертя головой.

— Странное место, — заметила она. — *Чересчур* чистое, если ты меня понимаешь. Неестественно как-то. О, а тут уже лучше, — добавила она, как только Гарри включил свет в своей комнате.

Да уж, весь остальной дом был гораздо опрятнее. Гарри провел у себя четыре дня в крайне дурном расположении духа и совершенно не горел желанием прибираться. Книги валялись на полу — чтобы отвлечься, Гарри хватал их одну за другой, а потом бросал где попало; клетку Хедвиги давно следовало почистить, а то она уже попахивала; из раскрытоого сундука свешивалась беспорядочно перемешанная мугловая и колдовская одежда.

Гарри принялся суетливо подбирать книги и швырять их в сундук. Бомс задержалась у открытого шкафа и критически оглядела себя в зеркало на дверце.

— Знаешь, фиолетовый все-таки не мой цвет, — задумчиво протянула она, оттягивая торчащую прядку. — Я из-за него какая-то изможденная, нет?

— Эмм, — сказал Гарри, глянув на нее поверх «Квидишных команд Британии и Ирландии».

— Нет, точно не мой, — решила Бомс. Она напряженно сощурилась, словно пытаясь что-то вспомнить. Через секунду ее волосы стали ярко-розовые, как жевательная резинка, и Бомс снова открыла глаза.

— Как вы это сделали? — уставился на нее Гарри.

— А я метаморфомаг, — объяснила Бомс, поворачиваясь так и этак перед зеркалом. — Могу менять внешность по собственному желанию, — добавила она, заметив в зеркале недоуменное лицо Гарри. — Я такая родилась. Когда училась на аврора, у меня всегда были высшие баллы по сокрытию и маскировке, а я совершенно не занималась! Здорово было.

— Вы — аврор? — сказал Гарри, сильно впечатленный. Агент по борьбе с черными магами... Вот чем, пожалуй, он и сам хотел бы заниматься.

— Ага, — гордо ответила Бомс. — Кингсли тоже, только он главнее меня. Я всего год как получила квалификацию. Представляешь, чуть не провалила слежку и слияние с обстановкой. Я жутко неуклюжая — слышал, я тарелку разбила, когда мы прибыли?

— А выучиться на метаморфомага можно? — спросил Гарри, напрочь забыв, что нужно собираться.

Бомс хихикнула:

— Что, шрам надоел, да? Иногда не прочь от него избавиться?

Ее глаза остановились на молниеносном шраме на лбу Гарри.

— Да уж, — пробормотал он, отворачиваясь. Он не любил, когда смотрели на его шрам.

— Ну, если и можно, то, боюсь, очень сложно, — сказала Бомс. — Метаморфомаги — большая редкость, и ими не становятся, ими рождаются. Большинство колдунов меняет внешность с помощью палочек или зелья. Ой, Гарри, что же мы стоим, надо же сундук складывать! — виновато заторопилась она, оглядывая разбросанные по полу вещи.

— Ах да, — спохватился и Гарри, подбиравая еще несколько книжек.

— Только давай-ка без глупостей, будет гораздо быстрее, если я... упак!.. — крикнула Бомс, длинным взмахом палочки охватывая всю комнату.

Одежда, книги, телескоп, весы — все взлетело в воздух и кучей ухнуло в сундук.

— Не слишком аккуратно, но... — сказала Бомс, заглядывая внутрь. — Это у меня мама умеет так упаковывать, что все на своих местах — даже носки попарно свернуты, — а я что-то никак не усвою, как она это делает... Как-то так раз — и... — Она с надеждой махнула палочкой.

Один носок, лежавший поверх всего остального, слабо вздернулся и упал обратно.

— Ну и не надо. — Бомс захлопнула крышку сундука. — Зато все собрали. Кстати, тут неплохо бы прибраться. — Она ткнула палочкой в сторону клетки. — Заблистай! — Перья и помет исчезли. — Что ж, стало чуточку лучше... с домохозяйственными заклинаниями у меня не

очень-то... Ну что... Ничего не забыли? Котел? Метлу? Ух ты!.. «Всполох»?

Ее глаза расширились, едва Гарри подхватил метлу – суперсовременную, подарок Сириуса, главную свою радость и гордость.

– А я-то все на «Комете-260» колупаюсь, – с завистью сказала Бомс. – Ну да ладно... Палка в кармане? Попа на месте? Обе половинки? Отлично... поехали. *Локомотор сундук*.

Сундук воспарил над полом, и Бомс, дирижируя палочкой, вывела его перед собой из комнаты, в левой руке держа клетку. Они спустились по лестнице, Гарри нес метлу.

Хмури на кухне уже вставил волшебный глаз на место. После чистки тот вращался с такой скоростью, что при одном взгляде на него Гарри сразу замутило. Кингсли Кандаллер и Стурджис Подмор с интересом изучали микроволновку, а Гестия Джонс умирала со смеху над картофелечисткой, найденной в ящике. Люпин заклеивал конверт, адресованный Дурслеям.

– Отлично, – сказал он, поднимая голову навстречу вошедшим Гарри и Бомс. – Кажется, у нас еще есть минутка. Все готовы, так что, наверное, лучше выйти в сад. Гарри, я тут написал письмо твоим родственникам, чтоб они не беспокоились...

– Они не будут, – перебил Гарри.

– ...что с тобой все в порядке...

– А вот это их огорчит.

– ...и что они снова увидят тебя следующим летом.

– Это обязательно?

Люпин улыбнулся, но не ответил.

– Иди-ка сюда, паренек, – хрипло приказал Хмури, подзывая к себе Гарри взмахом палочки. – Я должен тебя прозрачаровать.

– Что? Разочаровать? – занервничал Гарри.

– Наложить прозрачарование заклятие, – объяснил Хмури, поднимая палочку. – Люпин говорит, у тебя есть плащ-невидимка, но в полете он будет разеваться, заклятие – оно понадежнее... Вот так...

Он крепко стукнул Гарри по макушке; это было странно – как будто Хмури разбил там яйцо; от макушки по телу побежали холодные струйки.

– Класс, – одобрила Бомс, глядя Гарри в пупок.

Гарри посмотрел вниз, на свое тело – точнее, на то, что было его телом минуту назад. Теперь оно стало не то чтобы невидимым, нет – оно приняло цвет и фактуру ближайшего кухонного шкафчика. Гарри превратился в человека-хамелеона.

– Пошли, – приказал Хмури, отпирая заднюю дверь волшебной палочкой.

Компания вышла наружу, на идеально ухоженный газон дяди Вернона.

– Ясная ночь, – заворчал Хмури, сканируя небо волшебным глазом. – Не помешало бы побольше облаков для прикрытия. Так, слушай сюда, – рявкнул он Гарри, – порядок следования такой. Бомс впереди тебя, держись у нее на хвосте. Люпин прикрывает снизу. Я – сзади. Остальные будут кружить около нас. Диспозицию не нарушать ни при каких обстоятельствах. Если кого-то убьют…

– А что, могут? – испугался Гарри, но Хмури его будто бы и не услышал.

– …остальные продолжают лететь как ни в чем не бывало, не останавливаясь, соблюдая боевой порядок. Если убьют всех, а ты, Гарри, останешься жив, в дело вступит арьергард. Двигай на восток, они тебя нагонят.

– Что-то ты сильно весел, Хмури, смотри, как бы Гарри не подумал, что мы на пикничок собирались, – вмешалась Бомс, грузившая сундук и клетку Хедвиги в сетку, привязанную к ее метле.

– Я просто объясняю ему план действий, – рыкнул Хмури. – Перед нами поставлена задача доставить его в штаб, и если мы погибнем во время операции…

– Ничего мы не погибнем, – успокоил Кингсли Кандальер своим звучным голосом.

– Первый сигнал! Седлайте метлы! – крикнул Люпин, показывая на небо.

Высоко-высоко, среди звезд, забил фонтан красных искр. Такие искры Гарри хорошо знал – их можно высечь лишь волшебной палочкой. Он перекинул правую ногу через древко «Всполоха», крепко ухватился за него и почувствовал, что метла легонько завибрировала, словно от нетерпения.

– Второй сигнал! Взлетаем! – громко сказал Люпин, когда в небе появился новый сноп искр, на этот раз зеленых.

Гарри с силой оттолкнулся от земли, и прохладный ночной ветерок тотчас взъерошил ему волосы. Аккуратные прямоугольники садов Бирючинной улицы становились все меньше, меньше и скоро превратились в одно большое черно-зеленое лоскутное одеяло. Все страхи по поводу дисциплинарного слушания исчезли, словно их выдуло из головы мощным воздушным потоком. Сердце разрывалось от наслаждения; Гарри снова был в воздухе, он улетал прочь с ненавистной Бирючинной улицы, о чем так мечтал все лето, он летел домой... На несколько мгновений счастья все его горести съежились до размеров песчинок, ничтожных по сравнению с этим великолепным, необъятным ночным небом.

– Забирай влево, круто влево, а то там мугл смотрит! – раздался за его спиной вопль Хмури. Бомс повернула, Гарри повторил за ней, глядя на сундук, бешено мотающийся у нее на хвосте. – Надо выше... хотя бы на четверть мили!

После подъема стало гораздо холоднее, у Гарри даже заслезились глаза; внизу ничего не было видно, кроме светящихся булавочных головок – должно быть, это фары и фонари. Может, где-то там едут в опустевший дом и Дурслеи – в бешенстве из-за несостоявшегося и никогда не проводившегося конкурса... При мысли об этом Гарри громко расхохотался, но его смеха никто не услышал: очень уж громко хлопали на ветру мантии, скрипела сеть с сундуком и клеткой и свистел ветер в ушах. Как давно он не бывал таким счастливым, таким живым!

– Забирай на юг! – крикнул Хмури. – Впереди город!

Они свернули направо, чтобы обогнать мерцающую огоньками паутину.

– На юго-восток и повыше, вон там низкие облака, в них и спрячемся! – кричал Хмури.

– Не полечу в облаках! – сердито завопила Бомс. – Мы же вымокнем!

При этих ее словах Гарри испытал большое облегчение; его руки на древке «Всполоха» успели сильно онеметь. Он жалел, что не надел куртку, от холода его тряслось.

Следуя указаниям Шизоглаза, они то и дело меняли курс. Гарри летел, сильно сощурившись, – в глаза бил ледяной ветер, от которого вдобавок разболелись уши; так холодно на метле ему было лишь

однажды, в третьем классе, на квидишином матче с «Хуффльпуффом», проходившем в бурю. Охрана, точно большие хищные птицы, кружила в воздухе. Гарри совершенно потерял счет времени. Интересно, сколько они уже летят? Час как минимум, это уж точно.

– Сворачиваем на юго-запад! – проорал Хмури. – Надо обогнуть шоссе!

Гарри так продрог, что уже с вожделением думал об уютных сухих салонах автомобилей внизу, а потом, с еще большим вожделением, о кружаной муке; оно, может, и не очень удобно, вертеться в чужих

каминах, но там по крайней мере тепло... Мимо, сверкнув лысиной и серьгой, просвистел Кингсли Кандальер... справа Эммелина Ванс с палочкой наготове внимательно смотрит по сторонам... а вот она взмыла, и ее сменил Стурджис Подмор...

– Надо немного вернуться назад, проверить, нет ли за нами хвоста! – крикнул Хмури.

– ТЫ ЧТО, ШИЗОГЛАЗ, ОШИЗЕЛ! – взвизгнула Бомс. – Я промерзла до самой метлы! Если мы будем так вилять, за неделю не долетим! И вообще мы уже почти на месте!

– Идем на снижение! – раздался голос Люпина. – Следуй за Бомс, Гарри!

Бомс ушла в пике, Гарри полетел за ней. Они направлялись к гигантскому скоплению огней, к огромной, раскинувшейся во все стороны, сверкающей и густой паутине с нашитыми там и сям заплатками густой черноты. Ниже, ниже, и вот уже Гарри видел фары и фонари, трубы и телевизионные антенны. Ужасно хотелось поскорее оказаться на земле, хотя он был уверен, что не сможет слезть с метлы, пока его не отморозят от древка.

– Приехали! – крикнула Бомс и через пару секунд приземлилась.

Гарри тоже коснулся земли – они оказались на пятаке неухоженной травы посреди маленькой площади. Бомс уже снимала сундук с метлы. Гарри, мелко дрожа, осмотрелся. Окрестные фасады смотрели неприветливо; кое-где выбиты окна, в темных стеклах посверкивают отражения фонарей, с дверей облезает краска, а у парадных крылец валяются груды мусора.

– Где это мы? – спросил Гарри, но Люпин тихо сказал:

– Минутку.

Хмури рылся в плаще онемевшими от холода руками.

– Нашел, – наконец пробормотал он, щелкая чем-то похожим на серебряную зажигалку.

Ближайший фонарь, пыхнув, потух. Хмури снова щелкнул и потушил следующий фонарь; так продолжалось до тех пор, пока площадь не погрузилась во тьму. Теперь светились только занавешенные окна, за которыми горели лампы, да месяц на небе.

– Одолжил у Думбльдора, – пророкотал Хмури, пряча мракёр в карман. – Пускай муглы выглядывают на улицу сколько им угодно. Ну, ребята, давайте-ка скоренько.

Он взял Гарри за локоть, провел через пятак и через дорогу на тротуар; следом за ними Люпин и Бомс вдвоем несли сундук. С флангов шла остальная охрана с палочками на изготовку.

Из окна верхнего этажа ближайшего дома несся приглушенный грохот стереосистемы. За сломанными воротами валялась куча до отказа набитых мусорных мешков, источавших гнилостный запах.

– Вот, – тихо сказал Хмури, сунув кусок пергамента в прозраченную руку Гарри и приблизив к тексту зажженную палочку: – Быстро прочти и заучи наизусть.

Гарри поглядел на листок. Узкий почерк показался ему знакомым. Текст гласил:

Штаб-квартира Ордена Феникса расположена по адресу: Лондон, площадь Мракэнтлен, дом № 12.

Глава четвертая

Площадь Мракэнтлен, дом 12

— А что это такое, Орден?.. — начал было Гарри. — Тихо, парень! Не здесь! — заворчал Хмури. — Погоди, пока войдем!

Он вырвал листок из рук Гарри и поджег волшебной палочкой. Бумажка, съеживаясь в языках пламени, порхнула на землю. Гарри оглядел дома на площади. Они сейчас стояли перед домом № 11; он посмотрел налево и увидел номер 10; на доме справа, однако, стоял номер 13.

— Но где же?..

— Подумай о том, что ты сейчас выучил наизусть, — тихо сказал Люпин.

Гарри проговорил про себя заученную фразу и на словах «площадь Мракэнтлен, дом № 12» увидел, что между домами одиннадцать и тринадцать из ниоткуда появляется весьма непрезентабельная дверь, а за ней очень скоро — грязные стены и немытые окна. Новый дом, как воздушный шар, вырастал прямо на глазах и теснил соседние дома. Гарри изумленно открыл рот. Но стереосистема в доме № 11 грохотала как ни в чем не бывало — видимо, проживающие там муглы ничего не заметили.

— Давай, давай, скорей, — заторопил Хмури, подталкивая Гарри в спину.

Гарри поднялся по стесанным каменным ступеням, разглядывая новоявленную дверь. Черная краска на ней сильно потрескалась. Серебряный дверной молоток — змея клубком. Ни замочной скважины, ни щели для писем.

Люпин достал палочку и легонько стукнул по двери. Что-то металлически защелкало, и, кажется, зазвенела цепь. Дверь со скрипом отворилась.

— Гарри, давай быстренько внутрь, — прошептал Люпин, — только не заходи далеко и ничего не трогай.

Перешагнув порог, Гарри очутился в почти непроницаемой темноте. Пахло пылью, сладковатой гнилью, сыростью – древним необитаемым жилищем. Он оглянулся через плечо и увидел, как заходят в дом остальные. Люпин и Бомс внесли сундук и клетку Хедвиги. Хмури стоял на верхней ступени крыльца и выпускал на волю световые шары, стремительно улетавшие к колбам уличных фонарей. Площадь снова озарилась оранжевым; Хмури прохромал в дом и закрыл за собой дверь. В холле стало совершенно темно.

– Дай-ка...

Хмури постучал Гарри по макушке волшебной палочкой, по спине побежали горячие струйки – прозрачаровальное заклятие было снято.

– А теперь стойте все смирино, я свет зажгу, – шепотом сказал Хмури.

Оттого, что все говорили приглушенно, у Гарри появилось неприятное ощущение, будто они пришли в дом к умирающему. Раздалось тихое шипение, и сейчас же по стенам зажглись старомодные газовые лампы – они тусклым мерцанием осветили шелушащиеся обои и протертый до дыр ковер длинного мрачного холла. Под потолком поблескивала огромная, опутанная паутиной люстра, а на стенах свисали с крюков почерневшие от времени портреты. Под плинтусами что-то шуршало. Люстра и канделябр на шатком столике были в форме змей, как и дверной молоток.

Послышались торопливые шаги, и из двери в дальнем конце холла вышла миссис Уизли, мама Рона. Лучась радостью, она кинулась навстречу гостям. Гарри заметил, что с их последней встречи она сильно побледнела и похудела.

– Ой, Гарри, как же я счастлива тебя видеть! – прошептала она и крепко сжала его в объятиях, а после отстринила от себя, оглядела внимательно и продолжила: – Что-то ты осунулся, надо будет тебя подкормить, вот только, боюсь, ужин еще не скоро.

Взрослым колдунам она взволнованным шепотом сообщила:

– Он только что прибыл, собрание началось.

За спиной у Гарри раздались взволнованные восклицания, и все торопливо зашагали мимо него к двери, откуда только что вышла миссис Уизли. Гарри хотел было пойти следом, но миссис Уизли его остановила.

– Нет, Гарри, собрание только для членов Ордена. Рон с Гермионой наверху, подожди пока с ними, а потом будем ужинать. И, пожалуйста, не разговаривай громко в холле, – добавила она лихорадочным шепотом.

– Почему?

– Чтобы ничего не разбудить.

– Как это?..

– Потом объясню, сейчас некогда, мне надо на собрание – вот только покажу, где ты будешь спать.

Прижимая палец к губам, она на цыпочках провела его мимо двух длинных, проеденных молью портьер, за которыми, решил Гарри, должна быть еще одна дверь. Затем, обогнув подставку для зонтов, сильно напоминавшую отрубленную ногу тролля, они стали подниматься по неосвещенной лестнице вдоль вереницы торчащих из стен сущеных голов на подставках. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это головы домовых эльфов с одинаковыми носами, очень похожими на хоботки.

С каждой ступенькой удивление Гарри росло. Зачем они здесь, в доме, явно принадлежащем чернейшему из магов?

– Миссис Уизли, почему?..

– Дорогой, Рон с Гермионой тебе все объяснят, а мне правда надо бежать, – рассеянно прошептала миссис Уизли. – Вот, – они поднялись на площадку второго этажа, – твоя дверь справа. Когда собрание кончится, я вас позову.

И она пошла вниз.

Гарри пересек грязную лестничную площадку, повернул дверную ручку в форме змеиной головы и открыл дверь.

Перед ним мелькнула мрачная комната с высокими потолками и двумя одинаковыми кроватями; затем раздался громкий клекот и вопль еще громче, и Гарри перестал видеть что бы то ни было, кроме густой массы кудрявых волос. Гермиона, бросившись с объятиями, чуть не сбила его с ног, а крошечная сова Рона, Свинринтель, от восторга выписывала бешеные круги над их головами.

– ГАРРИ! Рон, он уже здесь, Гарри здесь! Мы не слышали, как вы вошли! О-о, как ты? Ты нормально? Ты очень злишься? Знаю, что очень, мы писали такие *болванские* письма... но мы ничего не могли, Думблдор взял с нас клятву не говорить, о-о, мы столько всего

должны тебе рассказать, и ты тоже... Дементоры! Когда мы узнали... и еще это слушание... полное безобразие, я все законы просмотрела, тебя не могут исключить, просто не имеют права, в декрете о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних оговорено, что в опасных для жизни ситуациях...

– Гермиона, он же задохнется, – сказал Рон, широко улыбаясь и притворяя дверь. За прошедший месяц Рон подрос минимум на несколько дюймов и стал еще больше похож на каланчу. А вот длинный нос, ярко-рыжие волосы и веснушки остались прежними.

Сияющая Гермиона отпустила Гарри, но, не успела она произнести еще хоть слово, раздался громкий шорох крыльев, и нечто снежно-белое, слетев со шкафа, мягко опустилось ему на плечо.

– Хедвига!

Белая сова защелкала клювом и принялась нежно щипать хозяина за ухо. Гарри ласково гладил ее перья.

– Она нам тут такие сцены закатывала, – сообщил Рон. – Когда принесла твои последние письма, чуть до смерти не заклевала, вот смотри...

Он продемонстрировал Гарри палец с поджившей, но очень глубокой раной.

– Какая неприятность, – процедил Гарри. – Уж прости – но мне, знаешь ли, нужен был ответ.

– Мы очень хотели написать, честно, – сказал Рон. – Гермиона уже на стенку лезла, говорила, что ты натворишь глупостей, если и дальше не будешь получать известий, но Думблдор...

– ...взял с вас клятву не говорить, – закончил за него Гарри. – Я понял.

Теплота, что разлилась в груди, едва он увидел лучших друзей, вдруг исчезла, уступив место ледяной ярости. Он столько времени мечтал с ними встретиться, а теперь... Пожалуй, он даже хотел бы, чтоб они ушли и оставили его в покое.

Повисло напряженное молчание. Гарри ни на кого не глядя машинально перебирал перья Хедвиги.

– Но он думал, так будет лучше, – почти неслышно пролепетала Гермиона. – В смысле Думблдор.

– Ага, – сказал Гарри. На ее руках он без капли сочувствия тоже заметил следы клюва Хедвиги.

— По-моему, он считает, что у муглов безопаснее... — начал Рон.

— Да что ты? — Гарри поднял брови. — А на кого-нибудь из *вас* нападали дементоры?

— Нет, но... поэтому он и приставил к тебе людей из Ордена...

Внутренности Гарри ухнули вниз, будто он, спускаясь по лестнице, нечаянно пропустил ступеньку. Значит, все знали, что за ним следят, — кроме него самого.

— Не очень-то помогло, — сказал он, изо всех сил стараясь не раскричаться. — Мне пришлось самому о себе позаботиться, а?

— Он жутко рассердился, — произнесла Гермиона в благоговейном ужасе. — Думбльдор. Мы сами видели. Когда узнал, что Мундугнус ушел с дежурства до конца смены. Это было что-то страшное.

— А я рад, что Мундугнус ушел, — холодно отозвался Гарри. — А то мне не пришлось бы колдовать, и Думбльдор, наверно, так и продержал бы меня на Бирючинной до конца лета.

— А ты... не боишься дисциплинарного слушания? — тихо спросила Гермиона.

— Нет, — с вызовом солгал Гарри.

Со счастливой Хедвигой на плече он отошел от Рона с Гермионой и осмотрелся. Увы, эта комната едва ли могла поднять настроение. Здесь было темно и сырь. Облупившиеся стены украшал лишь большой кусок пустого холста в резной раме. Гарри прошел мимо, и ему показалось, что в невидимых глубинах картины противно захихикали.

— И почему же Думбльдору так хотелось, чтобы я ничего не знал? — спросил Гарри, все еще стараясь, чтобы голос звучал как обычно. — Вы... э-э... не потрудились поинтересоваться?

Он поднял глаза и успел заметить взгляды, которыми обменялись Рон с Гермионой. Эти взгляды означали, что он ведет себя именно так, как они и боялись. От чего ему не стало легче.

— Мы говорили Думбльдору, что хотим тебе все рассказать, — ответил Рон. — Честно. Но он сейчас так занят. Мы и видели-то его здесь всего два раза, и то у него не было на нас времени, он только заставил нас поклясться, что мы тебе ничего важного писать не будем, на случай, если сов перехватят.

— Вот только не рассказывайте, что, кроме сов, у него не было другого способа со мной связаться, — отрезал Гарри. — Захотел бы —

обошелся бы и без них.

Глянув на Рона, Гермиона сказала:

– Я тоже об этом думала. Но он не хотел, чтобы ты знал *хоть что-нибудь*.

– Может, он мне не доверяет, – бросил Гарри, наблюдая за их лицами.

– Ты что, сдурел? – растерялся Рон.

– Или думает, что я не способен о себе позаботиться.

– Ничего такого он не думает! – вскричала Гермиона.

– А почему же тогда вы во всем участвуете, а я сижу у Дурслеев? – сбивчиво заговорил Гарри, с каждым словом повышая голос. – Почему вам можно знать все, а мне нет?

– Ничего нам нельзя! – перебил его Рон. – Мама и близко не подпускала нас к собраниям, говорит, мы еще малень...

Но Гарри, не помня себя, заорал:

– ВАС, ЗНАЧИТ, НЕ ПУСКАЛИ НА СОБРАНИЯ?! ГОРЕ-ТО КАКОЕ! ЗАТО ВЫ БЫЛИ ЗДЕСЬ! ВМЕСТЕ! А Я ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ ПРОТОРЧАЛ У ДУРСЛЕЕВ! А Я УЖ КАК-НИБУДЬ УМЕЮ ПОБОЛЬШЕ ВАШЕГО! И ДУМБЛЬДОР ЭТО ЗНАЕТ! КТО ВЕРНУЛ ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ? КТО УНИЧТОЖИЛ РЕДДЛЯ? КТО ВСЕХ СПАСАЛ ОТ ДЕМЕНТОРОВ?

Из него неудержимо лились обиды, копившиеся целый месяц: и тревога от отсутствия новостей, и досада на друзей, что они проводят время вместе без него, и возмущение оттого, что за ним следили, а он ничего не знал... Все чувства, которых он почти стыдился, внезапно вырвались из-под контроля. Хедвига, испугавшись крика, улетела обратно на шкаф; Свинринтель тревожно застrekотал и принялся нарезать круги еще быстрее.

– КТО СРАЖАЛСЯ С ДРАКОНАМИ, СФИНКСАМИ И ВСЯКОЙ НЕЧИСТЬЮ? КТО ВИДЕЛ, КАК *ОН* ВЕРНУЛСЯ? КТО ОТ НЕГО СБЕЖАЛ? Я!

Растерянный Рон стоял с полуоткрытым ртом, явно не зная, что сказать. Гермиона готова была разрыдаться.

– НО ЧТО ОБО МНЕ БЕСПОКОИТЬСЯ, ДА? ЗАЧЕМ МНЕ О ЧЕМ-ТО РАССКАЗЫВАТЬ?

– Гарри, мы хотели рассказать, честное слово... – начала Гермиона.

– ЗНАЧИТ, НЕ ОЧЕНЬ-ТО СИЛЬНО ХОТЕЛИ! ИНАЧЕ ЧТО-НИБУДЬ ДА ПРИСЛАЛИ БЫ! НО ВЕДЬ ДУМБЛЬДОР ВЗЯЛ С ВАС КЛЯТВУ...

– Но он правда...

– Я МЕСЯЦ СИДЕЛ НА БИРЮЧИННОЙ! ТАСКАЛ ГАЗЕТЫ ИЗ УРН, ЧТОБ УЗНАТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ!..

– Мы хотели...

– А ВАМ ТУТ БЕЗ МЕНЯ БЫЛО ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО? УЮТНЕНЬКО?

– Нет, ну честно...

– Гарри, нам очень, очень жаль! – в отчаянии воскликнула Гермиона уже в слезах. – И ты совершенно прав – если бы так поступили со мной, я была бы в бешенстве!

Гарри некоторое время сверлил ее гневным взглядом, потом отвернулся и заходил по комнате. На шкафу мрачно ухала Хедвига. В комнате повисло долгое молчание, прерываемое лишь траурным скрипом половиц у Гарри под ногами.

– Где мы вообще? – отрывисто спросил он.

– В штаб-квартире Ордена Феникса, – поспешил ответил Рон.

– Кто-нибудь собирается мне объяснить, что за Орден такой?

– Это тайное общество, – заторопилась Гермиона, – во главе – Думбльдор, он основатель. Это те, кто сражался против Сам-Знаешь-Кого в прошлый раз.

– Кто именно? – Гарри встал посреди комнаты, сунув руки в карманы.

– Довольно много народа...

– Мы знаем человек двадцать, – сказал Рон, – но думаем, что их больше.

Гарри продолжал сверлить их взглядом.

– Ну? – бросил он, переводя глаза с одного на другую.

– Э-э-э, – замялся Рон. – Что – ну?

– Вольдеморт, вот что! – яростно закричал Гарри, и Рон с Гермионой вздрогнули. – Что известно? Где он? Как мы с ним боремся?

– Мы же *сказали*, нас не пускают на собрания, – взволнованно заговорила Гермиона. – Мы не знаем подробностей... но общее

представление имеем, – спешно добавила она, увидев, какое у Гарри сделалось лицо.

– Такое дело – Фред с Джорджем изобрели подслуши, – пояснил Рон. – На редкость полезная вещь.

– Подслуши?

– Уши для подслушивания, ага. Только пришлось прекратить ими пользоваться – мама узнала. Прямо взбесилась. Чуть не выкинула на помойку, но Фред с Джорджем успели все попрятать. Но еще до этого мы много чего разведали. Мы знаем, что одни следят за бывшими Упивающимися Смертью, досье на них ведут...

– Другие набирают новых членов, – продолжила Гермиона.

– А третью что-то охраняют, – закончил Рон. – Они постоянно говорили про дежурства.

– Может, они охраняли меня? –sarкастически осведомился Гарри.

– Действительно, – протянул Рон, будто на него только что снизошло откровение.

Гарри фыркнул. И снова заходил по комнате, на друзей стараясь не глядеть.

– Если вас не пускали на собрания, чем же вы тогда занимались? – спросил он. – Вы говорили, что ужасно заняты.

– Это правда, – заторопилась Гермиона. – Мы вычищали дом. Он много лет стоял пустой и тут, знаешь, завелось *всякое*. Мы обработали кухню, почти все спальни и завтра, наверное, гостин... А-А-А-А!

Раздались два громких хлопка, и посреди комнаты появились близнецы Фред и Джордж, старшие братья Рона. Свинринтель оглушительно заклекотал и пулей ринулся к Хедвиге на шкаф.

– Перестаньте так делать! – ослабевшим голосом сказала Гермиона близнецам, рыжим, как Рон, но более коренастым и не таким долговязым.

– Салют, Гарри! – радостно поздоровался Джордж. – А мы-то гадаем, чей это сладкий голосок?

– Не прячь злость в себе, Гарри, выплесни ее наружу, – посоветовал сияющий Фред. – В радиусе пятидесяти миль наверняка остались люди, которые тебя еще не слышали.

– Вы что, сдали экзамен на аппарирование? – проворчал Гарри.

– С отличием, – кивнул Фред, державший в руках странную длинную веревку телесного цвета.

— По лестнице вы бы спускались всего на полминуты дольше, — недовольно буркнул Рон.

— Время — галлеоны, маленький братец, — сказал Фред. — Гарри, ты глушил нам прием. Это подслуши, — пояснил он в ответ на удивленно поднятые брови Гарри и потряс веревкой, медленно выползшей за дверь. — Мы хотели узнать, о чём они там говорят.

— Осторожнее, — предупредил Рон, глядя на подслуши, — если мама опять заметит…

Дверь приоткрылась, и в проем просунулась длинная рыжая грива.

— Ой, Гарри, привет! — просияла Джинни, младшая сестра Рона. — Я так и думала, что это твой голос. — И, повернувшись к близнецам, добавила: — С подслушами не получится. Она взяла и запечатала дверь кухни непроницаемым заклятием.

— Ты откуда знаешь? — удивился Фред.

— А меня Бомс научила, как проверить, — сказала Джинни. — Надо кинуть чем-нибудь в дверь, и если оно не долетает, значит, непроницаемо. Я бросалась навозными бомбами, а они отлетают в сторону, и все тут. Так что подслуши не смогут пролезть под дверь.

Фред тяжело вздохнул:

— Безобразие. А я так хотел узнать, что затевает наш дорогой Злейчик.

— Злей! — вскричал Гарри. — Он здесь?

— Угу. — Джордж аккуратно притворил дверь и сел на кровать; Фред и Джинни сели рядом. — С донесением. Сверхсекретным, разумеется.

— Козел, — лениво протянул Фред.

— Он же за нас, — укорила Гермиона.

Рон хрюкнул:

— Это что, мешает ему быть козлом? Как он на нас каждый раз смотрит!

— Биллу он тоже не нравится, — объявила Джинни таким тоном, словно это решало вопрос.

Гнев Гарри еще не вполне отступил, но жажда узнать наконец что-то вразумительное пересилила желание орать. Он сел на кровать против остальных.

— А что, Билл здесь? — спросил он. — Я думал, он в Египте?

— Он перевелся на офисную работу, чтобы жить дома и работать в Ордене, — сказал Фред. — Говорит, что скучает по гробницам, но, —

Фред ухмыльнулся, – здесь есть свои преимущества.

– Какие?

– Помнишь старушку Флёр? Флёр Делакёр? – спросил Джордж. – Она нашла работу в «Гринготтсе», чтобы усовершенствовать свой англ-и-ийский...

– А Билл дает ей частные – и частые – уроки, – заржал Фред.

– Чарли тоже в Ордене, – сообщил Джордж, – но он пока в Румынии. Думбльдору нужно завербовать побольше колдунов из-за границы, и Чарли по выходным пытается выйти с ними на контакт.

– А Перси не может? – спросил Гарри. Насколько он знал, третий по старшинству брат Уизли работал в департаменте международного магического сотрудничества министерства магии.

Остальные сумрачно переглянулись.

– Ты, главное, при маме с папой о Перси не упоминай, – напряженно сказал Рон.

– Почему?

– Потому что тогда папа обязательно разобьет то, что будет у него в руках, а мама заплачет, – объяснил Джордж.

– Ужас, – печально проговорила Джинни.

– Туда ему и дорога, – сказал Джордж, скривив на редкость злобную рожу.

– Да что случилось-то? – спросил Гарри.

– Перси поссорился с папой, – ответил Фред. – Я никогда не видел, чтобы папа с кем-нибудь так ругался. Это, знаешь, у нас мама любительница покричать...

– Сразу как учебный год закончился, – продолжил Рон. – Мы уже собирались в Орден. Перси приехал домой и сообщил, что его повысили...

– Шутишь?! – воскликнул Гарри.

Он, конечно, знал, что Перси – человек в высшей степени амбициозный, но считал, что на своей первой работе тот выступил не лучшим образом. Перси проявил изрядную непрозорливость, не сумев понять, что его начальником управляет лорд Вольдеморт (правда, в министерстве магии в это и не верили – считалось, что мистер Сгорбс рехнулся).

– Да, мы тоже удивились, – кивнул Джордж. – Перси шпионяли из-за Сгорбса – расследование и все такое. Мол, Перси сразу должен был

распознать, что у начальника снесло крышу, и доложить в вышестоящие инстанции. Но вы же знаете Перси: Сгорбс оставил его у руля, он и не жаловался.

– И как же он получил повышение?

– Вот и нам было интересно, – сказал Рон, явно радуясь, что Гарри больше не ворчит и с ним можно нормально поговорить. – Явился домой очень собой довольный – даже больше обычного, хотя куда уж больше, – и объявил папе, что ему предложили должность в офисе самого Фуджа. Младший помощник министра. Для человека, который год назад школу окончил, это *суперкарьера*. И Перси, видимо, ждал, что папа упадет в обморок от восторга.

– А папа не обрадовался, – хмуро пробурчал Фред.

– Почему? – спросил Гарри.

– Ну, Фудж только и делает, что носится по министерству и следит, чтобы никто не общался с Думблэйдором, – ответил Джордж.

– В министерстве теперь и имени его нельзя произнести, – сказал Фред. – Там считают, что Думблэйдор своими рассказами о возвращении Сам-Знаешь-Кого просто мутит воду.

– Папа говорит, Фудж ясно дал понять, что те, кто заодно с Думблэйдором, могут собирать манатки, – добавил Джордж.

– И беда в том, что Фудж подозревает папу, – он же знает, что папа всегда с Думблэйдором дружил. И потом, Фудж считает, что папа слегка того, из-за его любви к муглам.

– А Перси тут при чем? – ничего не понимая, спросил Гарри.

– Я к тому и веду. Папа думает, Фудж зовет Перси к себе только для того, чтобы Перси шпионил за нашей семьей – и соответственно за Думблэйдором.

Гарри тихо присвистнул:

– Да, небось Перси понравилось.

Рон безрадостно рассмеялся:

– Он чуть с катушек не съехал. Сказал… ну, в общем, кучу всего наговорил. Что с тех пор, как он пришел в министерство, без конца страдает из-за папиной плохой репутации, что у папы нет честолюбия и поэтому мы всегда были… ну, ты понимаешь… ну то есть, что у нас было мало денег…

– *Что?! –* Гарри не поверил своим ушам. Джинни зашипела, как рассерженная кошка.

— Вот-вот, — тихо подтвердил Рон. — И хуже того. Он сказал, что папа как идиот носится с Думблдором, а Думблдор скоро полетит вверх тормашками, и папа вместе с ним, а он, Перси, должен быть верен министерству. И если мама с папой собираются министерство предать, он позаботится, чтобы все знали, что он больше не имеет ничего общего со своей семьей. И в тот же вечер собрал вещи и ушел. Теперь живет здесь, в Лондоне.

Гарри вполголоса выругался. Ему никогда особенно не нравился Перси, но он не мог и вообразить, что тот способен наговорить такое мистеру Уизли.

— Мама страшно горюет, — продолжал Рон. — Ну, знаешь... плачет и все такое. Она ездила в Лондон, хотела с ним объясниться, но Перси захлопнул дверь у нее перед носом. Уж не знаю, что он делает, когда встречает в министерстве папу... не замечает, наверно.

— Но Перси же должен понимать, что Вольдеморт вернулся, — медленно проговорил Гарри. — Он ведь не дурак, он не думает, что родители всем рискнут просто так, без доказательств.

— Ну, понимаешь, они когдассорились, твоё имя тоже всплыло. — Рон украдкой посмотрел на Гарри. — Перси сказал, что никаких доказательств, кроме твоего слова, нет и что... ну, я не знаю... в общем, ему этого недостаточно.

— Перси верит «Оракулу», — ядовито заметила Гермиона. Все закивали.

— О чём вы? — спросил Гарри, обводя их глазами. Все смотрели на него опасливо.

— Ты что... не получал «Оракул»? — заволновалась Гермиона.

— Почему? Получал, — сказал Гарри.

— А ты его... э-э... внимательно читал? — еще тревожнее спросила Гермиона.

— Ну, не от корки до корки, — уклончиво ответил Гарри. — Если бы сообщили о Вольдеморте, это же было бы на первой полосе?

От страшного имени все вздрогнули. Гермиона торопливо продолжила:

— Понимаешь, чтобы понять, надо именно что читать от корки до корки, но твоё имя... мmm... упоминалось раза два в неделю.

— Но я не видел...

– Нет, конечно, если ты читал только передовицу. – Гермиона покачала головой. – Небольшие статьи. Понимаешь, они просто вставляли твое имя там и сям, как расхожую шутку какую-то.

– Что ты хочешь?..

– Хочу сказать, что это довольно грязно, – произнесла Гермиона, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. – Как бы в продолжение Ритиных статей.

– Но она же больше не пишет?

– Нет-нет, она держит слово... не то чтобы у нее был выбор, – удовлетворенно прибавила Гермиона. – Но она, так сказать, заложила фундамент того, что сейчас творится.

– А конкретнее? – нетерпеливо спросил Гарри.

– Помнишь, она писала, что ты без конца падаешь в обморок из-за болей в шраме и все в таком роде?

– Разумеется, – ответил Гарри, который едва ли мог вскорости забыть пасквили Риты Вритеर.

– Понимаешь, они теперь пишут про тебя так, будто ты сумасшедший, который считает себя трагическим героем и вечно пытается привлечь к себе побольше внимания, – сказала Гермиона очень быстро, словно так Гарри будет полегче это выслушать. – Они то и дело вставляют в статьи разные колкости. Если появляется какая-то безумная история, они говорят: «Сказочка, достойная Гарри Поттера», а если с кем-то что-то вдруг приключается, то пишут: «Будем надеяться, у него не останется шрама, а то не успеем оглянуться, как придется и его богочестить...»

– Мне не нужно, чтобы меня богочестили... – вскинул Гарри.

– Я знаю, – испуганно перебила Гермиона. – Я знаю, Гарри. Но ты понимаешь, что они делают? Их цель – чтобы тебе никто не верил. За этим стоит Фудж, вот голову даю на отсечение. Министерство хочет, чтобы обыкновенные колдуны считали, будто ты глупый, смешной мальчик, который специально рассказывает таинственные истории, потому что ему нравится быть знаменитым и он хочет оставаться в центре внимания...

– Я не хотел... я не просил... *Вольдеморт убил моих родителей!* – заикаясь от гнева, выкрикнул Гарри. – Я известен из-за того, что он убил мою семью, но не смог убить меня! Кому нужна такая

известность? Им не приходило в голову, что я бы с большим удовольствием...

– Гарри, мы это знаем, – серьезно сказала Джинни.

– И, разумеется, о нападении дементоров – ни слова, – продолжила Гермиона. – Им велели молчать. А ведь это сенсация, подумай, – вышедшие из-под контроля дементоры! Даже не сообщили, что ты нарушил Международный закон о секретности. Мы были уверены, что уж этого-то они не упустят, очень вписывается в образ на все готового позора. Мы думаем, сейчас они выжидают. Вот когда тебя исключат, история сразу выйдет наружу – то есть, конечно, я хочу сказать, *если* тебя исключат, – торопливо добавила она. – А это просто невозможно, если они хоть как-то соблюдают свои же законы. У них против тебя ничего нет.

Вот опять они вернулись к слушанию, а Гарри не хотел о нем вспоминать. Он задумался, как бы переменить тему, но был избавлен от необходимости что-то изобретать: на лестнице послышались шаги. Кто-то поднимался.

– Ой-ой.

Фред с силой дернул к себе подслуши. Раздался громкий хлопок, и близнецы испарились. Пару секунд спустя на пороге появилась миссис Уизли.

– Собрание закончилось, пойдемте ужинать. Гарри, все просто сгорают от желания тебя увидеть. Кстати, это кто набросал перед кухней навозных бомб?

– Косолапус, – не краснея, соврала Джинни. – Он так любит с ними играть.

– А, – сказала миссис Уизли, – я подумала, может, Шкверчок, он все время что-то чудит. Так. Не забудьте, что в холле нельзя громко разговаривать. Джинни, какие у тебя грязные руки! Что ты только с ними делала? Будь добра, вымой перед ужином как следует.

Джинни скривила рожицу и следом за матерью вышла из комнаты. Гарри остался наедине с Роном и Гермионой. Оба глядели на него с опаской, точно боялись, что теперь, когда все ушли, он опять раскричится. При виде их испуганных лиц Гарри слегка устыдился.

– Слушайте... – пробормотал он, но Рон затряс головой, а Гермиона тихо сказала:

— Мы знали, что ты рассердишься, Гарри, и мы на тебя не обижаемся, но ты пойми, мы *пытались* переубедить Думбльдора...

— Да, я понял, — коротко ответил Гарри.

Он стал лихорадочно искать тему, которая не затрагивала бы директора их школы, потому что при одной мысли о нем душа начинала гореть от злости.

— Кто такой Шкверчок? — спросил Гарри.

— Здешний домовый эльф, — ответил Рон. — Придурок. Никогда такого не встречал.

Гермиона нахмурилась:

— Никакой он не придурок, Рон.

— А кто же он, если цель всей его жизни — чтобы ему, как его мамаше, отрезали голову и прилепили ее над лестницей? — раздраженно бросил Рон. — Это что, нормально?

— Ну... Да, он немного странный, но он не виноват.

Рон, повернувшись к Гарри, закатил глаза:

— Так. ПУКНИ. Давно не слышали.

— Сам ты ПУКНИ! — взвилась Гермиона. — Сколько говорить: Пэ — У — Ка — Эн — И! Против угнетения колдовских народов-изгоев! И потом, не только я, Думбльдор тоже говорит, что надо быть добрыми к Шкверчуку.

— Да-да, — сказал Рон. — Пошли, я умираю от голода.

Он первым вышел за дверь, но, раньше чем они начали спускаться...

— Замри! — выдохнул Рон, выбрасывая руку в сторону. — Они еще в холле, давайте послушаем.

Все трое осторожно перегнулись через перила. В темном холле толпилось множество колдунов и ведьм, среди которых был и весь авангард. Все возбужденно перешептывались. В самом центре Гарри заметил черную голову с сальными волосами и крупным носом. Самый нелюбимый его учитель, профессор Злей. Гарри сильнее перегнулся через перила. Ему было очень интересно, чем занимается Злей в Ордене Феникса...

И тут, прямо перед Гарри, вниз поползла телесного цвета веревка. Подняв глаза, он увидел, как близнецы площадкой выше аккуратно спускают подслуши к тесной толпе колдунов. К сожалению, через секунду толпа двинулась к выходу и скрылась.

— Блин, — донесся до Гарри шепот Фреда, вздернувшего подслуши обратно.

Внизу открылась и закрылась дверь.

— Злей никогда не остается ужинать, — тихо поведал Гарри Рон. — И отличненько. Пошли.

— Гарри, не забудь, что в холле нужно шепотом, — тихонько напомнила Гермиона.

Они прошли мимо голов домовых эльфов и увидели у двери Люпина, миссис Уизли и Бомс — те волшебными палочками запирали многочисленные замки и засовы.

— Ужинаем на кухне, — прошептала миссис Уизли, встречая ребят у подножия лестницы. — Гарри, детка, пройди, пожалуйста, на цыпочках, вон к той двери...

БУМ-М!

— Бомс! — в отчаянии всплеснула руками миссис Уизли, обворачиваясь.

— Простите! — застонала Бомс, лежа на полу. — Дурацкая подставка! Второй раз об нее спотыкаюсь...

Но все прочие ее слова потонули в невероятном, леденящем кровь, ужасающем вое.

Проеденные молью бархатные портьеры распахнулись, но за ними оказалась не дверь. В первую секунду Гарри подумал, что это окно — окно, за которым орет старуха в черном чепце, орет так, будто ее пытают, — но потом он сообразил, что это всего-навсего портрет в натуральную величину, — и ему в жизни не встречалось портретов живее и неприятнее.

Изо рта старухи капала слюна, глаза закатились, желтоватая кожа натянулась от крика, разбудившего все остальные портреты в холле. Проснувшись, они подняли такой гам, что Гарри пришлось зажмуриться и зажать уши руками.

Люпин с миссис Уизли кинулись к старухиному портрету и попытались задернуть портьеры, но те не хотели закрываться, и старуха вопила все громче. Она потрясала руками и царапала острыми когтями воздух, словно желая выцарапать глаза всем вокруг.

— Грязь! Гнусность! Порождение мерзости и скверны! Прочь, полукровки, мутанты, полуумные! Как вы смеете осквернять порог дома моих отцов...

Бомс тащила на место тяжеленную троллину ногу и бесконечно извинялась; миссис Уизли оставила попытки задернуть портьеры и бегала по холлу, тыча волшебной палочкой в другие портреты и повторяя: «Обомри, обомри»; а в конце холла вдруг распахнулась дверь, и оттуда стремительным шагом вышел мужчина с длинными черными волосами.

– Тихо, старая ведьма, ТИХО! – проревел он, хватаясь за портьеры, с которыми не справилась миссис Уизли.

Лицо старухи побелело.

– *Ты-ы-ы-ы!* – взвыла она, и ее глаза выкатились из орбит. – *Осквернитель семейных традиций, предатель, позор нашего рода!*

– Я – сказал – ТИХО! – грозно зарычал мужчина и вместе с Люпином невероятным усилием сумел задвинуть портьеры.

Вопли прекратились, и в холле воцарилась звенящая тишина.

Откинув со лба длинные черные пряди и немного задыхаясь, Сириус повернулся к Гарри.

– Привет, – мрачно проговорил он. – Вижу, ты уже познакомился с моей мамочкой.

Глава пятая

Орден Феникса

– Твоей?..

– Да-да, моей милой, доброй мамочкой, – кивнул Сириус. – Вот уже месяц пытаемся ее снять, но, кажется, она наложила на задник холста неотлипное заклятие... Пойдем скорей вниз, пока они все снова не проснулись.

– Но откуда здесь портрет твоей мамы? – в растерянности спросил Гарри, когда они вышли из холла и стали спускаться по узкой каменной лестнице. Остальные шли сзади.

– А тебе никто не сказал? Это дом моих родителей, – ответил Сириус. – И поскольку из Блэков остался я один, дом теперь мой. Я предложил Думбльдору устроить здесь штаб-квартиру – единственно полезное, что я мог сделать.

Гарри, ожидавший более теплого приема, обратил внимание на горечь, прозвучавшую в словах Сириуса. Следом за крестным он спустился в подвальный этаж, прошел в дверь и оказался на кухне.

По мрачности это помещение – почти пещера с шероховатыми каменными стенами – мало отличалось от холла этажом выше. Светился здесь, по сути, только большой очаг у дальней стены. В воздухе висели клубы табачного дыма, отчего кухня напоминала поле брани, а сквозь дымную пелену проглядывали грозные силуэты громадных чугунных котлов и сковород, свисавших с потолка. Для собрания сюда принесли множество стульев; они в беспорядке теснились вокруг длинного деревянного стола, заставленного кубками вперемешку с пустыми винными бутылями и заваленного пергаментными свитками. Посреди стола лежала гора каких-то тряпок. В торце сидели мистер Уизли и его старший сын Билл. Склонив друг к другу головы, они тихо разговаривали.

Миссис Уизли негромко кашлянула. Ее муж, худой, лысеющий, рыжеволосый человек в роговых очках, обернулся и тут же вскочил.

– Гарри! – воскликнул он, заторопившись навстречу. Он энергично пожал Гарри руку. – Рад тебя видеть!

За его спиной Билл, по-прежнему с длинными волосами, собранными в хвост, спешно сворачивал оставленные после собрания свитки.

– Гарри, как добрались, нормально? – крикнул Билл, пытаясь ухватить дюжину свитков разом. – Шизоглаз, надеюсь, не заставил вас лететь через Гренландию?

– Хотел, да не вышло, – сказала Бомс. Она подошла, собираясь помочь Биллу, и первым делом опрокинула свечку на последний лист пергамента. – Ой нет!.. *Простите...*

– Ничего, милая, – безнадежно вздохнула миссис Уизли и все поправила одним взмахом палочки. От ее заклятия над пергаментом на мгновение вспыхнул яркий свет, и Гарри заметил рисунок, очень похожий на план здания.

Миссис Уизли перехватила его взгляд. Она цапнула план со стола и пихнула его Биллу, у которого и без того были переполнены руки.

– Такие вещи надо убирать сразу, – сурово выговорила она и направилась к антикварному посудному шкафу за тарелками.

Билл вынул волшебную палочку, пробормотал:

– Эванеско! – И свитки исчезли.

– Садись, Гарри, – сказал Сириус. – Ты же знаком с Мундугнусом?

То, что Гарри вначале принял за гору тряпок, со вкусом всхрапнуло, вздрогнуло и проснулось.

– Га? Хто мня зовет? – невнятно пробурчал Мундугнус. – П’солютно согласен с Сириусом… – Он, словно голосуя, вытянул вверх ужасно грязную руку. Его красные глаза скорбно смотрели в разные стороны.

Джинни захихикала.

– Собрание давно закончилось, Гнус, – сообщил Сириус. Остальные рассаживались за столом. – Смотри, Гарри приехал.

– Га? – Мундугнус недобро посмотрел на Гарри сквозь нечесаные рыжие пряди. – Мать честная, и правда! М-да… Ты как, Гарри? Нормалек?

– Да, – кивнул Гарри.

Мундугнус, не сводя с него глаз, лихорадочно зашарил в карманах, вытащил грязную черную трубку, сунул ее в рот, прикурил от

волшебной палочки, жадно затянулся и в мгновение ока скрылся в клубах зеленоватого дыма. Скоро из вонючего облака глухо послышалось:

– Ты уж не серчай на меня, старика.

– Мундугнус, сколько раз говорить, не кури на кухне, особенно перед едой! – закричала миссис Уизли.

– Ой! – сказал Мундугнус. – Забыл. Прости, Молли.

Он сунул трубку в карман, и облако исчезло, но запах горелых носков надолго повис в воздухе.

– Если вы хотите сесть ужинать до полуночи, мне нужна помощь, – объявила миссис Уизли, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Нет, Гарри, дорогой, ты с дороги, ты сиди.

– Что надо делать, Молли? – Бомс с охотой кинулась к ней.

– Э-э-э… нет, Бомс, и тебе нужно отдохнуть, с тебя на сегодня тоже хватит, – после короткого раздумья опасливо ответила миссис Уизли.

– Но я с удовольствием помогу! – Бомс, опрокинув стул, вскочила и бросилась к шкафу, откуда Джинни доставала столовые приборы.

Вскоре набор тяжелых ножей под надзором мистера Уизли уже рубил мясо и резал овощи, миссис Уизли, склоняясь над огнем, помешивала что-то в кotle, а остальные извлекали из шкафа тарелки, кубки, вынимали припасы из кладовой. Гарри остался за столом с Сириусом и Мундугнусом. Тот, часто моргая, по-прежнему взирал на него с похоронным видом.

– Видел потом нашу старушенцию? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил Гарри. – Никого не видел.

– П’маешь, я бы не ушел, – склонившись к Гарри, с мольбой в голосе проговорил Мундугнус, – но такой шанс!.. Бизнес, куды денешься…

Что-то мазнуло Гарри по коленкам, и он вздрогнул, но это оказался всего лишь Косолапсус, рыжий кривоногий кот Гермионы. Он потерся о ноги Гарри, мурлыкнул, а затем вспрыгнул на колени к Сириусу и свернулся клубком. Сириус рассеянно почесал кота за ухом и по-прежнему угрюмо уставился на Гарри:

– Ну как каникулы? Нормально?

– Наоборот, отвратительно, – сказал Гарри.

Тут на лице крестного впервые мелькнуло что-то похожее на улыбку:

– Лично я не понимаю, чем ты недоволен.

– *Что?* – не поверил своим ушам Гарри.

– Вот я был бы только рад, если бы на меня напали дементоры.

Смертельная борьба за душу! Хоть какой-то яркий проблеск в серости будней. По-твоему, это тебе было плохо? Да ты же мог выйти на улицу, ноги размять, опять же подраться… А я вот уже целый месяц под замком!

– Как это? – нахмурился Гарри.

– А так. Во-первых, я в розыске. Во-вторых, Вольдеморт наверняка теперь знает от Червехвоста, что я анимаг, – значит, от моего маскарада больше никакого проку. Вот и получается, что для Ордена я практически бесполезен… по мнению Думбльдора, во всяком случае.

По невыразительному тону, которым было произнесено имя Думбльдора, Гарри стало ясно, что и Сириус не слишком доволен директором «Хогварца».

– Зато ты был в курсе дела, – попытался утешить он.

– О да, – саркастически отозвался Сириус. – Будешь тут в курсе дела, выслушивая рапорты Злея вместе с его бесконечными ядовитыми намеками: он, дескать, рискует жизнью, а некоторые тем временем прохлаждаются дома… Всё интересуется, как дела с уборкой…

– Какой уборкой?

– Мы пытаемся сделать этот дом пригодным для жизни, – объяснил Сириус, рукой небрежно обмахнув ужасную кухню. – Здесь ведь со смерти моей дражайшей матушки, целых десять лет, никто не жил, не считая, конечно, ее старого домового эльфа – но и тот съехал с катушек и совершенно перестал прибираться.

– Сириус, друг, – неожиданно вмешался Мундугнус, явно не вникая в разговор, но с интересом изучая пустой кубок, – это чего, чистое серебро?

– Да, – Сириус взглянул на кубок с отвращением. – Серебро чистейшей пробы. Пятнадцатый век, гоблинская ковка. Тиснение – родовой герб Блэков.

– Оно быстренько сойдет, это тиснение, – пробормотал Мундугнус, полируя кубок рукавом.

– Фред! Джордж! НЕТ! НЕСИТЕ РУКАМИ! – раздался вопль миссис Уизли.

Гарри, Сириус, Мундугнус обернулись и в полсекунды оказались под столом. Фред с Джорджем заколдовали котел с рагу, железный кувшин усладэля и тяжелую деревянную хлебную доску вместе с ножом, подняли их в воздух и манили к себе от стола. Котел приземлился на большой скорости, проехал по столешнице, оставив за собой черный выжженный след, и замер на самом краю; кувшин грохнулся, расплескав половину содержимого; хлебный нож соскользнул с доски лезвием вниз, вонзился туда, где секунду назад была правая рука Сириуса, и угрожающе завибрировал.

— РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО! — возопила миссис Уизли. — ЭТО ЕЩЕ ЗАЧЕМ? НЕТ, С МЕНЯ ХВАТИТЬ!.. ЕСЛИ ВАМ РАЗРЕШИЛИ КОЛДОВАТЬ, ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО НАДО ПО ЛЮБОМУ ПОВОДУ ХВАТАТЬСЯ ЗА ПАЛОЧКИ!

— Мы хотели сэкономить время! — крикнул Фред, побегая, чтобы выдернуть нож из стола. — Сириус, дружище... Прости... не хотели...

Гарри с Сириусом хотели; Мундугнус, который вместе со столом повалился навзничь, поднимался на ноги, жутко бранясь; желтые, светящиеся глаза Косолапсуса, с сердитым шипением улетевшего под шкаф, неподвижно глядели из темноты.

— Мальчики, — сказал мистер Уизли, с усилием переставляя рагу в центр стола, — мама права. Теперь, когда вы уже взрослые, нужно проявлять больше ответственности...

— Ни от кого из ваших братьев не было столько нервов! — выкрикнула миссис Уизли, шлепая на стол новый кувшин с усладэлем и расплескивая едва ли меньше близнецов. — Биллу почему-то не требовалось аппарировать через каждые два шага! Чарли не зачаровывал все, что попадается под руку! Перси...

Она запнулась и, оборвав себя на полуслове, испуганно поглядела на мужа, чье лицо внезапно окаменело.

— Давайте есть, — поспешил предложил Билл.

— Изумительно, Молли, — сказал Люпин, ложкой накладывая рагу на тарелку и передавая ей через стол.

Несколько минут, пока все рассаживались, в кухне стояла тишина, нарушаемая лишь скрипом стульев, звяканьем тарелок и стуком приборов. Затем миссис Уизли обратилась к Сириусу:

— Давно хотела тебе сказать. В письменном столе в гостиной что-то заперто, оно грохочет и трясет ящик. Может, конечно, и вризрак, но,

по-моему, прежде чем выпускать, надо бы на всякий случай показать Аластору.

— Как скажешь, — равнодушно пожал плечами Сириус.

— И еще. В занавесках полно мольфеек. Я подумала, может, завтра ими и займемся?

— Жду не дождусь, — ответил Сириус. Гарри уловил его сарказм, но не был уверен, что остальные тоже обратили внимание.

Сидевшая напротив него Бомс забавляла Джинни и Гермиону, меняя форму носа после каждой ложки рагу. Всякий раз она напряженно кривилась, как тогда, у зеркала в комнате Гарри. Нос то сильно выдвигался вперед и становился похож на орлиный клюв Злея, то сморщивался до размеров крохотной грибной шляпки, а то вдруг из каждой ноздри вырастала густая щетка волос. Видимо, так они развлекались далеко не в первый раз, потому что скоро Джинни и Гермиона стали просить показать их любимые носы.

— Бомс, а давай свиной пятачок!

Бомс послушалась, и Гарри, подняв глаза, увидел перед собой улыбающуюся девичью версию Дудли.

Мистер Уизли, Билл и Люпин жарко обсуждали гоблинов.

— Они пока не откликаются, — говорил Билл. — Я не могу понять, верят они, что он вернулся, или нет. Конечно, они вообще могут предпочесть остаться в стороне.

— Но к Сами-Знаете-Кому они не перейдут, я уверен, — покачал головой мистер Уизли. — Они ведь тоже понесли потери. Помните, он убил целую семью гоблинов, еще тогда? Где-то под Ноттингемом?

— Думаю, все будет зависеть от того, что им предложат, — сказал Люпин. — Я не о деньгах. Но если он предложит им те свободы, в которых мы им отказываем вот уже много веков, они могут купиться. Билл, как твои переговоры с Рагноком? Есть успехи?

— У него обострение колдофобии, — ответил Билл, — никак не может успокоиться после той истории с Шульманом. Говорят, министерство все покрывает, — те гоблины-то так и не получили своего золота...

Конец фразы Билла потонул в громком хохоте. Близнецы, Рон и Мундугнус, сидевшие в середине стола, пополам сгибались от смеха.

— ...И тут, — давясь и обливаясь слезами, говорил Мундугнус, — тут, хошь верьте, хошь нет, он ко мне подваливает и говорит: «Слыши, Гнус, у тебя откуда эти жабы? А то тут один нападалий сын взял всех

моих да и попятил!» А я ему: «Всех?! Да ты чё, Уилл?! Что ж теперь делать-то? Новых покупать?» И верите ли, парни, эта тупая горгулья скучила у меня своих же жаб, да еще за огромные деньги!..

— Довольно, Мундугнус, мы достаточно наслышаны о твоих деловых способностях, — оборвала миссис Уизли. В ее голосе слышался металл. Рон без сил повалился на стол, завывая от хохота.

— Миль пардон, Молли, — тут же сказал Мундугнус, утирая слезы и подмигивая Гарри. — Только, знаешь, Уилл их и сам спер у Прыща Харриса, так что вообще-то я ничего плохого не сделал.

— Не знаю, Мундугнус, где тебя учили тому, что хорошо, а что плохо, но ты явно пропустил пару важных уроков, — холодно процедила миссис Уизли.

Фред с Джорджем уткнулись в кубки с усладэлем. Джордж икал. Миссис Уизли по каким-то ей одной известным причинам недобро посмотрела на Сириуса, а потом встала из-за стола и ушла за большим ревеневым пирогом. Гарри повернулся к крестному.

— Молли не любит Мундугнуса, — тихонько пояснил Сириус.

— Как он вообще оказался в Ордене? — тоже очень тихо спросил Гарри.

— От него довольно много пользы, — пробормотал Сириус. — Он знаком с *преступным элементом*... впрочем, как иначе, если он и сам... Потом, он чрезвычайно предан Думблдору, тот его когда-то вытащил из очень крупной передряги. Такого человека всегда полезно иметь под рукой — он знает всякие вещи, которые нам узнать неоткуда. Но Молли считает, что оставлять его ужинать — это слишком. Так и не простила его за то, что он удрал с дежурства и бросил тебя без присмотра.

После трех порций ревеневого пирога с заварным кремом пояс джинсов стал врезаться Гарри в живот (что говорило само за себя — джинсы раньше принадлежали Дудли). Гарри отложил ложку. В застольной беседе наступило затишье: сытый и довольный мистер Уизли откинулся на спинку стула, Бомс, уже с нормальным носом, отчаянно зевала, а Джинни, выманив Косолапуса из-под шкафа, сидела на полу скрестив ноги и каталась пробки от усладэля — коту нравилось за ними гоняться.

— Кажется, пора спать, — зевнув, сказала миссис Уизли.

– Еще нет, Молли, – отозвался Сириус, отодвигая пустую тарелку и поворачиваясь к Гарри. – Знаешь, я на тебя удивляюсь. Я думал, ты первым делом спросишь про Вольдеморта.

Атмосфера в кухне переменилась в мгновение ока, будто внезапно прибыли дементоры. Сонная безмятежность мигом рассеялась, повисло тревожное, даже испуганное напряжение. При упоминании Вольдеморта пробежал ропот. Люпин, собравшийся отхлебнуть вина, замер и медленно, настороженно отставил кубок.

– Я спрашивал! – возмутился Гарри. – И Рона, и Гермиону. Но они сказали, нас не пускают в Орден, поэтому...

– И они совершенно правы, – перебила миссис Уизли. – Вы еще слишком малы.

Она сидела, выпрямившись, сжимая кулаки на подлокотниках. От дремоты не осталось и следа.

– С каких это пор для того, чтобы задавать вопросы, необходимо быть членом Ордена? – осведомился Сириус. – Гарри целый месяц, как в тюрьме, сидел у муглов. Казалось бы, он имеет право знать, что произо...

– Минуточку! – завопил Джордж.

– Почему это на *его* вопросы можно отвечать, а на наши нет? – рассердился Фред.

– Мы весь месяц пытались хоть что-нибудь из вас выудить! А вы нам ни одного паршивенького словечка не сказали! – крикнул Джордж.

– *Вы слишком юны, вы не входите в состав Ордена*, – пронзительно запричитал Фред, до боли похоже на свою мать. – Гарри вообще несовершеннолетний!

– Я не виноват, что вас не посвящали в дела Ордена, – спокойно произнес Сириус. – Так решили ваши родители. А вот Гарри...

– Не тебе решать, что лучше для Гарри! – воскликнула миссис Уизли, и сейчас в ее добром лице отчетливо читалась угроза. – Забыл, что сказал Думблдор?

– Что конкретно? – вежливо, но, похоже, готовясь к сражению, поинтересовался Сириус.

– Что Гарри не нужно рассказывать больше, чем ему *следует знать*. – Последние два слова миссис Уизли произнесла с нажимом.

Головы Рона, Гермионы, Фреда и Джорджа поворачивались от Сириуса к миссис Уизли и обратно, как на теннисном матче. Джинни

стояла на коленях среди забытых пробок и с открытым ртом следила за разговором. Люпин не сводил глаз с Сириуса.

– Я вовсе не собираюсь рассказывать больше, чем ему *следует знать*, Молли, – отчеканил Сириус. – Однако, поскольку именно Гарри видел, как вернулся Вольдеморт, – (за столом снова все содрогнулись), – он больше многих других имеет право...

– Гарри – не член Ордена Феникса! – возразила миссис Уизли. – Ему всего пятнадцать, и...

– ...и ему досталось не меньше, чем другим членам Ордена! – вскричал Сириус. – А то и побольше.

– С этим никто не спорит! – миссис Уизли повысила голос. Ее кулаки на подлокотниках тряслись. – Но он еще...

– Он не ребенок! – раздраженно оборвал ее Сириус.

– Но и не взрослый! – Миссис Уизли раскраснелась от гнева. – Сириус, он – *не Джеймс!*

– Спасибо, Молли, я прекрасно знаю, кто он, – ледяным тоном ответил Сириус.

– Я отнюдь не уверена! Иногда ты так о нем говоришь, будто тебе кажется, что ты получил назад своего лучшего друга!

– А что тут такого? – вмешался Гарри.

– Только то, Гарри, что, как бы сильно ты ни походил на своего отца, ты – не он, – не отрывая взгляда от Сириуса, сказала миссис Уизли. – Ты еще школьник, и тем, кто за тебя отвечает, хорошо бы об этом не забывать!

– Ты хочешь сказать, я безответственный крестный? – вскинулся Сириус.

– Я хочу сказать, что ты бываешь опрометчив. Потому, собственно, Думблдор и твердит тебе: сиди дома и...

– С твоего позволения, мы не будем обсуждать, что твердит Думблдор, – процедил Сириус.

– Артур! – воскликнула миссис Уизли, разворачиваясь к мужу. – А ты-то что молчишь?

Мистер Уизли ответил не сразу. Он медленно снял очки и, не глядя на жену, тщательно протер их полой мантии. И лишь вернув очки на нос, заговорил:

– Молли, Думблдор знает, что ситуация изменилась. Он сам признал, что теперь, когда Гарри будет жить при штабе, ему

необходимо что-то рассказать. До известных пределов, разумеется.

— Да, но... это — одно дело, а разрешить задавать любые вопросы — совсем другое!

— Лично я, — начал Люпин, отводя наконец взгляд от Сириуса, и миссис Уизли с воодушевлением повернулась к нему, полагая, что нашла союзника, — думаю так. Пусть лучше Гарри узнает все — не совсем все, конечно, но общее положение дел — от нас, чем в искаженном виде от... других.

Говорил он кратко, но у Гарри не осталось сомнений: кто-кто, а Люпин точно знает, что пара-тройка подслушей избежали уничтожения.

— М-да, — покачала головой миссис Уизли, оглядывая присутствующих в надежде на поддержку, коей не последовало, — м-да... все ясно. Мне вас не переспорить. Я одно скажу: раз Думблдор считает нужным что-то от Гарри скрывать, значит, у него есть веские основания. Я хочу Гарри только добра, и...

— Он не твой сын, — тихо сказал Сириус.

— Он мне как сын, — рявкнула миссис Уизли. — Кто у него есть кроме меня?

— Я!

— О да. — Губы миссис Уизли изогнулись в усмешке. — Одна беда — тебе было сложновато его воспитывать, сидя в Азкабане, правда?

Сириус начал вставать из-за стола.

— Молли, ты здесь не единственная, кто беспокоится о Гарри, — резко сказал Люпин. — Сириус, сядь.

У миссис Уизли задрожала нижняя губа. Сириус, побелев, медленно опустился на стул.

— По-моему, надо выслушать самого Гарри, — продолжил Люпин. — Он уже достаточно взрослый, чтобы решать сам за себя.

— Я хочу знать все, — тут же ответил Гарри.

Он не смотрел на миссис Уизли. Его, конечно, тронули ее слова, что он ей как сын, но, с другой стороны, его раздражало, что она тряслась над ним, как над младенцем. Сириус прав: он уже не ребенок.

— Очень хорошо, — надтреснуто произнесла миссис Уизли. — Джинни — Рон — Гермиона — Фред — Джордж! Выйдите за дверь.

Поднялась буря возмущения.

— Мы совершеннолетние! — хором завопили близнецы.

– Если Гарри можно, почему мне нельзя?! – заорал Рон.
– Мам, я тоже хочу! – заныла Джинни.
– НЕЛЬЗЯ! – закричала миссис Уизли вставая. Ее глаза очень ярко сверкали. – Я категорически запрещаю...
– Молли, ты не можешь ничего запрещать Фреду с Джорджем, – устало проговорил мистер Уизли. – Они совершеннолетние.
– Но они еще даже школу не закончили!..
– И однако официально они взрослые, – так же устало повторил ее муж.

Миссис Уизли побагровела.

– Я... мне... ну хорошо, пусть Фред с Джорджем остаются, но Рон...

– Гарри все расскажет и мне и Гермионе! – пылко воскликнул Рон. – Да, Гарри? Да? – неуверенно добавил он, заглядывая Гарри в глаза.

На долю секунды Гарри захотелось ответить, что он не скажет им ни единого слова, – пусть узнают, каково это, жить в полном неведении. Но, едва он взглянул на Рона, подлое желание испарилось.

– Конечно, расскажу, – кивнул Гарри.

Рон с Гермионой просияли.

– Очень хорошо! – выкрикнула миссис Уизли. – Очень хорошо! Джинни! СПАТЬ!

Джинни удалилась отнюдь не безропотно, и, пока они с матерью поднимались по лестнице, до кухни доносились негодующие вопли, а когда вышли в холл, к крикам Джинни прибавились завывания миссис Блэк. Люпин побежал наверх восстанавливать спокойствие, и только после того, как он вернулся, затворил дверь и занял свое место за столом, Сириус заговорил:

– Итак, Гарри... Что ты хочешь знать?

Гарри глубоко вдохнул и задал вопрос, мучивший его весь последний месяц.

– Где Вольдеморт? – спросил он, не обращая внимания на гримасы и содрогания остальных. – Чем он занят? Я смотрел мугловые новости и ни разу не видел ничего такого – никаких необъяснимых смертей, ничего.

– А ничего пока и не было, – сказал Сириус, – по крайней мере, насколько мы знаем... а знаем мы немало.

– Во всяком случае, больше, чем он думает, – добавил Люпин.

– А почему он перестал убивать? – спросил Гарри. За один только прошлый год Вольдеморт успел убить нескольких человек.

– Не хочет привлекать к себе внимание, – объяснил Сириус. – Опасно. Его возвращение, видишь ли, прошло не так, как он рассчитывал. Не так гладко.

– И все благодаря тебе, – вставил Люпин с довольной улыбкой.

– Как это? – растерялся Гарри.

– Ты не должен был выжить! – воскликнул Сириус. – О его возвращении полагалось знать только Упивающимся Смертью. А вышло так, что ты тоже стал свидетелем.

– И меньше всего ему хотелось, чтобы о его возвращении сразу узнал Думблдор, – сказал Люпин. – А ты известил его первым делом.

– Ну и? Толку-то что? – спросил Гарри.

– Ну ты даешь! – вытаращил глаза Билл. – Одного Думблдора Сам-Знаешь-Кто и боится.

– Благодаря тебе Думблдор созвал Орден Феникса буквально через час после возвращения Вольдеморта, – сказал Сириус.

– А чем Орден занимается? – Гарри обвел взглядом стол.

– Делает все возможное, чтобы Вольдеморт не осуществил свои планы, – ответил Сириус.

– А откуда вы знаете, какие у него планы? – сразу же спросил Гарри.

– Думблдор о них догадывается, – ответил Люпин, – а догадывается он обычно правильно.

– И что же, по его мнению, планирует Вольдеморт?

– Прежде всего вновь собрать свою армию, – сказал Сириус. – А она была огромной: преданные Упивающиеся Смертью плюс всяческие черные сущности, плюс те, кого он околдовал или перетянул на свою сторону силой. Ты сам слышал, он хочет обратиться к гигантам – и это далеко не все. Он не идиот, он не пойдет на министерство магии с десятком Упивающихся Смертью.

– Значит, вы мешаете ему собирать армию?

– Делаем все возможное, – ответил Люпин.

– Сейчас главное – убедить людей, что Сам-Знаешь-Кто и в самом деле вернулся. Чтобы они были настороже, – добавил Билл. – А это не так-то легко.

– Почему?

– Из-за политики министерства, – сказала Бомс. – Помнишь, какой был Корнелиус Фудж сразу после возвращения Сам-Знаешь-Кого? И с тех пор никаких перемен. Он отказывается верить, что это случилось.

– Но почему?! – воскликнул Гарри. – Он что, дурак? Раз Думбльдор…

– Вот именно – ты очень точно обозначил проблему, – криво усмехнулся мистер Уизли, – *Думбльдор*.

– Понимаешь, Фудж его боится, – печально произнесла Бомс.

– Боится? – не поверил Гарри.

– Боится того, что Думбльдор якобы замышляет, – сказал мистер Уизли. – Фудж уверен, что Думбльдор готовится его свергнуть. Он думает, Думбльдор хочет сам стать министром магии.

– Но он ведь не хочет…

– Разумеется, нет, – подтвердил мистер Уизли. – Думбльдор никогда не хотел быть министром. Но, когда Миллисент Багнолд ушла на пенсию, многие мечтали видеть на этом посту Думбльдора. Министром стал Фудж, и он, видимо, не в силах забыть, какой поддержкой избирателей пользовался Думбльдор, хотя даже не выдвигал свою кандидатуру.

– В глубине души Фудж знает, что Думбльдор намного умнее и сильнее. В первые годы вечно бегал к Думбльдору за советом и помощью, – продолжил Люпин. – Но теперь, похоже, власть ударила ему в голову, а кроме того, он стал гораздо увереннее. Ему безумно нравится быть министром магии и, кажется, удалось убедить себя в том, что он тут прав, а Думбльдор просто воду мутит.

– Как он может так думать? – рассердился Гарри. – Он что, считает, Думбльдор все выдумал? Я все выдумал? Как он может?

– А так. Если министерство признает, что Вольдеморт вернулся, их ждут такие трудности, каких они не видели вот уже четырнадцать лет, – горько сказал Сириус. – Фудж боится смотреть правде в глаза. Ему проще думать, будто Думбльдор сочиняет страшные сказки, чтобы подорвать его репутацию.

– Ты же понимаешь, в чем загвоздка, – проговорил Люпин. – Пока министерство утверждает, что никакого Вольдеморта нет, нам крайне трудно убедить людей, что он вернулся, – они ведь и сами не хотят верить. Более того, министерство давит на газетчиков, чтоб «Оракул»

не публиковал, как министерские выражаются, грязных слухов, раздуваемых Думблдором. Поэтому простые колдуны до сих пор ничего не знают, и в результате они – легкая мишень для проклятия подвластия.

– Но вы-то рассказываете, что он вернулся? – Гарри обвел взглядом мистера Уизли, Сириуса, Билла, Мундугнуса, Люпина и Бомс. – Говорите людям?

В ответ все безрадостно улыбнулись.

– Лично я известен широкой публике как маньяк-убийца, виновный в массовой резне, и за мою голову назначено вознаграждение в десять тысяч галлеонов. Мне как-то не с руки расхаживать по улицам с листовками, – нервно проговорил Сириус.

– Меня тоже не очень-то любят звать на ужин в приличные дома, – сказал Люпин. – У нас, у оборотней, это называется «минусы профессии».

– Бомс и Артур, если начнут болтать, быстренько вылетят из министерства, – продолжил Сириус, – а нам очень нужны там свои люди – у Вольдеморта наверняка есть свои.

– Ну, пару человек нам все-таки удалось убедить, – сказал мистер Уизли. – Вот, например, Бомс – она молода и в прошлый раз еще не могла быть в Ордене, но она аврор, а для нас это, сам понимаешь, неоценимо. Кингсли Кандальер тоже очень ценное приобретение. Он отвечает за поимку Сириуса и сейчас распространяет в министерстве байку о том, что Сириуса видели в Тибете.

– Но если никто не говорит в открытую, что Вольдеморт вернулся... – начал Гарри.

– Почему это никто не говорит? – перебил Сириус. – Отчего, ты думаешь, у Думблдора такие неприятности?

– Какие неприятности? – спросил Гарри.

– Его пытаются дискредитировать, – пояснил Люпин. – Не читал «Оракул» на прошлой неделе? Писали, что Думблдор лишился кресла председателя Международной конфедерации чародейства, потому что постарел и потерял хватку. Но это неправда – министерские проголосовали против него, когда он произнес речь и объявил, что вернулся Вольдеморт. Еще Думблдора сняли с поста Верховного Ведуна Мудрейха – это высший колдовской трибунал, – и поговаривают, что его хотят лишить ордена Мерлина первой степени.

— Правда, сам он заявляет, что ему главное — оставаться на карточках в шокогадушках, остальное не важно, — улыбнулся Билл.

— Ничего смешного, — оборвал мистер Уизли. — Если Думблдор так и будет дразнить министерство, он окажется в Азкабане! Только этого нам и не хватало. Пока Сами-Знаете-Кто понимает, что Думблдор где-то там есть и в курсе его планов, он будет осторожничать. Убрать Думблдора — это открыть Сами-Знаете-Кому зеленую улицу.

— Но, если Вольдеморт пытается вербовать сторонников, рано или поздно все ведь догадаются, что он вернулся? Да? — в отчаянии спросил Гарри.

— Гарри, Вольдеморт не ходит по домам с подписными листами, — ответил Сириус. — Он действует обманом, шантажом, колдовством. У него большой опыт подпольной работы. В любом случае вербовка сторонников — лишь один пункт его плана. У него есть и другие цели, и их он может достичь без всякого шума, чем, собственно, сейчас и занят.

— А что еще ему нужно? — мгновенно заинтересовался Гарри. Ему показалось, что Сириус, прежде чем ответить, мельком переглянулся с Люпином.

— Нечто такое, что добывается только хитростью.

И поскольку Гарри продолжал недоумевать, Сириус добавил:

— Скажем, оружие. То, чего у него не было в прошлый раз.

— Когда он был у власти?

— Да.

— А что за оружие? — спросил Гарри. — Сильнее Авада Кедавра?..

— Ну все, хватит!

Это из темноты у двери сказала миссис Уизли. Гарри и не заметил, как она вернулась. Она стояла, скрестив руки на груди, и кипела гневом.

— Вы немедленно отправляетесь в постель! Все без исключения, — добавила она, поглядев на близнецов, Рона и Гермиону.

— Ты не можешь нами командовать... — начал Фред.

— Это мы сейчас увидим, — рявкнула миссис Уизли. Она смотрела на Сириуса, и ее слегка тряслось. — Ты достаточно всего рассказал. Еще одно слово — и можешь записывать Гарри прямиком в Орден.

— Да и хорошо! — вскричал Гарри. — Я с удовольствием, я хочу! Я буду бороться!

– Нельзя.

Но это сказала не миссис Уизли, а Люпин.

– Членами Ордена могут быть только взрослые колдуны, – объяснил он. – Те, кто окончил школу, – добавил он, едва Фред с Джорджем раскрыли рты. – Вы не представляете – вы все, – насколько это опасно… Сириус, мне кажется, Молли права. Мы наговорили более чем достаточно.

Сириус дернулся плечом, но спорить не стал. Миссис Уизли властно поманила к себе сыновей и Гермиону. Один за другим ребята вышли из-за стола, и Гарри, признав поражение, отправился следом за ними.

Глава шестая

Древнейший и благороднейший дом Блэков

Мрачная миссис Уизли отвела их наверх.

— Сразу в постель, и никаких разговоров, — велела она, когда они поднялись на первый этаж. — Завтра трудный день. Наверное, Джинни уже спит, — сказала она Гермионе, — постарайся ее не разбудить.

— Спит, как же, — вполголоса пробурчал Фред, когда Гермиона пожелала всем спокойной ночи, а остальные продолжили взбираться по лестнице. — Если Джинни не ждет Гермиону, чтоб та ей все рассказала, тогда я — китайский скучечервь...

Этажом выше миссис Уизли указала на дверь:

— Рон, Гарри, вам сюда.

— Спокойной ночи, — сказали Гарри и Рон близнецам.

— Спите крепко, — подмигнул Фред.

Миссис Уизли шумно захлопнула за Гарри дверь. Комната выглядела еще хуже, чем раньше: совсем угрюмая и сырьяя. Пустой холст на стене медленно и глубоко дышал, — там кто-то спал мирным сном. Пока Рон швырял на шкаф «Совячью радость», чтобы угомонить разошедшихся Хедвигу и Свинринстеля, Гарри надел пижаму, снял очки и влез в ледяную постель.

— Их нельзя каждую ночь выпускать на охоту, — объяснил Рон, облачаясь в бордовую пижаму. — Думбльдор не хочет, чтобы над площадью слишком часто мелькали совы, — говорит, это будет подозрительно. Ах да... забыл.

И он запер дверь на засов.

— Это зачем?

— От Шкверчка, — объяснил Рон, выключая свет. — В первую ночь он забрел ко мне в три ночи. И уж поверь, проснуться и увидеть, как он здесь шныряет, — приятного мало. Короче... — Он забрался в постель, устроился под одеялом и повернулся к Гарри; в лунном свете,

проникавшем сквозь пыльные окна, был виден его силуэт. — *Что думаешь?*

Гарри сразу понял, о чем речь.

— В общем-то они не сказали ничего такого, о чем мы бы и сами не догадывались, — начал он, перебирая в памяти все услышанное за ужином. — По сути, они сказали только, что Орден пытается помешать Воль...

Рон судорожно втянул воздух.

— ...деморту набирать новых сторонников, — твердо договорил Гарри. — Когда ты уже начнешь называть его по имени? Сириус с Люпином не боятся.

Рон попросту проигнорировал это замечание.

— Да, — сказал он, — все это мы и так знали — спасибо подслушам. Единственно новенькое...

Хлоп.

— ОЙ!

— Тише, Рон, мама услышит.

— Вы аппарировали прямо мне на ноги!

— Что ж ты хочешь, в темноте труднее.

Гарри увидел, как размытые силуэты Фреда и Джорджа вскакивают с кровати Рона. Скрипнули пружины, и матрас Гарри просел — в ногах устроился Джордж.

— Ну, вы уже дошли куда надо? — с жаром спросил он.

— До оружия, про которое Сириус говорил? — уточнил Гарри.

— Скорее, *проговорился*, — с удовольствием поправил Фред, сев на кровать Рона. — Этого мы через подслуши ни разу не слышали.

— Как думаете, что это? — спросил Гарри.

— Да что угодно, — ответил Фред.

— Ну а что хуже Авада Кедавра? — сказал Рон. — Что может быть хуже убийств?

— Массовые убийства? — предположил Джордж.

— Или особенно болезненные? — поежился Рон.

— Для боли у него есть пыточное проклятие, — возразил Гарри, — это уже очень действенно.

Воцарилось молчание. Гарри понимал, что все, как и он сам, гадают, на какие ужасы способно таинственное оружие.

— Как думаете, у кого оно сейчас? — спросил Джордж.

– Надеюсь, у наших, – с некоторой тревогой отозвался Рон.

– Тогда, скорее всего, у Думбльдора, – сказал Фред.

– Где? – тут же спросил Рон. – В «Хогварце»?

– Наверняка! – воскликнул Джордж. – Философский камень-то прятали там.

– Но оружие должно быть гораздо больше камня, – сказал Рон.

– Не обязательно, – заспорил Фред.

– Размер не имеет значения, – поддержал его Джордж. – Посмотри на Джинни.

– В смысле? – не понял Гарри.

– Сразу видно, что ты ни разу не испытал на себе ее злокозавистых заклятий...

– Ш-ш-ш! – Фред привстал с кровати. – Слышите?

Все затихли. Кто-то поднимался по лестнице.

– Мама, – сказал Джордж.

Сразу же раздался громкий хлопок, и Гарри почувствовал, как распрямляются пружины матраса. Двумя секундами позже за дверью заскрипели половицы – миссис Уизли, не скрываясь, проверяла, не разговаривают ли они в постели.

Хедвига и Свинринтель скорбно заухали. Половицы скрипнули снова, и шаги отправились выше, к спальне Фреда с Джорджем.

– Знаешь, она нам совсем не доверяет, – печально проговорил Рон.

Гарри был уверен, что нипочем не сумеет заснуть; вечер был полон событий, срочно нуждавшихся в осмыслении, и он думал, что много часов проведет без сна. Ему хотелось еще поговорить с Роном, но миссис Уизли как раз спускалась, а когда скрип ступенек стих, стало слышно, что по лестнице уже поднимаются другие... более того, за дверью тихонько топотали какие-то многоногие создания, и голос Огрида, преподавателя ухода за магическими существами, говорил: «Красавцы, как есть красавцы, скажи, Гарри? В этом триместре мы начинаем изучать оружие...» – и тут Гарри увидел, что у многоногих вместо голов пушки, а вместо ног колеса, и они разворачиваются к нему... он пригнулся...

В следующее мгновение оказалось, что он лежит, свернувшись клубком под одеялом, а над ним грохочет голос Джорджа:

– Мама говорит, вставайте, завтрак на кухне, а потом приходите в гостиную – там гораздо больше мольфеек, чем она думала, плюс еще

под диваном гнездо дохлых пушишек.

Через полчаса, быстро одевшись и позавтракав, Гарри и Рон вошли в гостиную на втором этаже – длинную, с высоким потолком и оливковыми стенами, на которых висели грязные gobелены. Ковер, стоило поставить на него ногу, пыхал клубами пыли, а в складках мшисто-зеленых, до пола, бархатных портьер кишел какой-то невидимый пчелиный рой. Перед портьерами сгрудились миссис Уизли, Гермиона, Джинни, Фред и Джордж. Выглядели они довольно странно: лица обвязаны тряпками, только глаза видны. У каждого в руках большой пульверизатор с черной жидкостью.

– Наденьте повязки и берите распылители, – едва завидев Гарри и Рона, велела миссис Уизли. Она показала на тонконогий столик, где стояли бутыли с пульверизаторами. – Это антимольфеин. Никогда не видела такого кошмарного заражения – *чем* занимался этот домовый эльф последние десять лет...

Лицо Гермионы наполовину скрывалось под кухонным полотенцем, но Гарри увидел, как она обиженно покосилась на миссис Уизли.

– Шкверчок совсем старый, ему трудно...

– Ты удивишься, Гермиона, узнав, на что он способен, если ему придет охота, – сказал Сириус, войдя в комнату с окровавленным мешком, кажется, полным дохлых крыс. – Я кормил Конькура, – пояснил он в ответ на любопытный взгляд Гарри. – Я держу его наверху, в спальне матери. Итак... письменный стол...

Он бросил мешок в кресло и склонился над запертым ящиком, который, как только сейчас заметил Гарри, легонько vibrировал.

– Что ж, Молли, я почти на сто процентов уверен, что это вризрак, – взглянувась в замочную скважину, сообщил Сириус, – хотя, прежде чем его выпускать, пожалуй, стоит показать Хмури. Зная свою матушку, не удивлюсь, если тут что-то посеръезнее.

– Ты абсолютно прав, Сириус, – ответила миссис Уизли.

Они были друг с другом подчеркнуто вежливы, и Гарри стало ясно, что оба прекрасно помнят вчерашнее столкновение.

В этот миг в дверь громко позвонили, и немедленно разразилась какофония криков, воплей и завываний – как и вчера, когда Бомс уронила подставку для зонтиков.

— Сто раз говорил, не трогайте звонок! — раздраженно бросил Сириус и выбежал из комнаты. Его шаги загрохотали по лестнице под вопли миссис Блэк:

— *Пятна позора, мерзкие полукровки, выродки, порождение греха...*

— Гарри, закрой, пожалуйста, дверь, — попросила миссис Уизли.

Гарри постарался задержаться у двери как можно дольше — он хотел послушать, что происходит внизу. Очевидно, Сириусу удалось задернуть портьеры, так как вопли его матери стихли. Из холла донеслись шаги Сириуса, затем лязг дверной цепи, а затем низкий голос (Гарри узнал Кингсли Кандалльера):

— Гестия меня сменила, плащ Хмури у нее, я подумал, заскочу, отчитаюсь перед Думблдором...

Почувствовав спиной взгляд миссис Уизли, Гарри с сожалением закрыл дверь и присоединился к борцам с мольфейками.

Миссис Уизли склонялась над диваном, где лежал раскрытый «Определитель домашних вредителей» Сверкароля Чаруальда.

— Так, дети, будьте осторожны: мольфейки кусаются, а зубы у них ядовитые. У меня есть противоядие, но лучше пусть оно нам не понадобится.

Она выпрямилась, встала перед портьерами и поманила ребят к себе.

— По моей команде начинайте опрыскивать, — велела она. — Они, наверное, сразу вылетят на нас, но тут сказано, что хорошая доза антимольфеина их парализует. А потом бросайте их в ведро.

Она отступила, чтобы не попасть под струи из других пульверизаторов, и высоко подняла свою бутыль.

— Итак... пли!

Через пару секунд из складок ткани на Гарри полетела взрослая особь мольфейки. Блестящие жучинные крылья громко трещали, крохотные зубки-иголочки были яростно оскалены, тельце покрывали густые черные волосы, а четыре малюсенькие ладошки гневно сжимались в кулачки. Гарри встретил мольфейку мощным зарядом антимольфеина. Существо зависло в воздухе, а потом с неожиданно громким стуком шлепнулось на протертый ковер. Гарри подобрал мольфейку и выбросил в ведро.

— Фред, ты что это делаешь? — пронзительно вскрикнула миссис Уизли. — Опрыскай ее сейчас же и выкини!

Гарри оглянулся. Фред двумя пальцами держал вырывающуюся мольфейку.

— Слу-у-ушаю-усь, — радостно пропел он и прыснул мольфейке в лицо. Та потеряла сознание. Но, стоило миссис Уизли отвернуться, Фред немедленно сунул мольфейку в карман.

— Мы хотим поэкспериментировать с их ядом, для наших злостных закусок, — еле слышно пояснил Джордж для Гарри.

Искусно парализовав сразу двух мольфеек, нацелившихся ему в нос, Гарри придинулся к Джорджу поближе и прошептал уголком рта:

— А что это, злостные закуски?

— Такая серия сладостей, от которых заболеваешь, — шепотом же ответил Джордж, внимательно следя за миссис Уизли, стоявшей к ним спиной. — Не по-настоящему, а так, чтобы уйти с урока, если нужно. Мы с Фредом все лето над ними работали. Такие двухцветные жевательные конфеты. Вот, скажем, рвотная ракушка. Разжуешь оранжевую часть, и тебя тошнит. А как только тебя отпустят с урока в лазарет, сразу жуешь фиолетовую часть...

— «И твое здоровье незамедлительно восстанавливается, в результате чего ты целый час, который в противном случае провел бы в смертельной и бесполезной скуке, наслаждаешься досугом по собственному усмотрению». Так, во всяком случае, мы пишем в рекламных объявлениях, — прошептал Фред. Он незаметно отошел туда, где его не видела миссис Уизли, и жадно набивал карманы упавшими мольфейками. — Но еще нужно поработать. Пока что у испытателей не бывает промежутка в блеве — не успевают проглотить фиолетовую часть.

— У вас есть испытатели?

— Ну, это мы сами, — сказал Фред. — Испытываем по очереди. Джордж пробовал хлопья-в-обморок, потом мы оба ели нугу-носом-кровь...

— Мама подумала, что у нас была дуэль, — поведал Джордж.

— Так что, хохмазин не отменяется? — пробормотал Гарри, притворяясь, будто поправляет разбрзгиватель.

— Помещение пока не нашли, — ответил Фред, еще сильнее понизив голос. Миссис Уизли остановилась, вытерла лоб шарфом и возобновила атаку. — Поэтому работаем через почтовый каталог. А на прошлой неделе дали объявление в «Оракуле».

– И все благодаря тебе, дружище, – сказал Джордж. – Но ты не бойся... мама ни о чем не подозревает. Она больше не читает «Оракул», потому что они клевещут на тебя и Думбльдора.

Гарри улыбнулся. После Тремудрого Турнира он чуть ли не силой всучил близнецам свой приз в тысячу галлеонов, чтобы они осуществили мечту и открыли хохмазин, но все же приятно было знать, что миссис Уизли не в курсе. В ее представлении хохмазин – неподходящая карьера для двоих ее сыновей.

Демольфезация портьер заняла всю первую половину дня. Около часу миссис Уизли сняла наконец защитный шарф, рухнула в продавленное кресло и тут же подскочила с криком отвращения, поскольку села на мешок дохлых крыс. Портьеры больше не гудели, а висели неподвижно, влажные от многочасового опрыскивания. На полу стояло набитое мольфейками ведро, а рядом – тазик с черными яйцами: Косолапус их обнюхивал, а близнецы пожирали плотоядными взглядами.

– Пожалуй, этим мы займемся после обеда. – Миссис Уизли показала на пыльные серванты по обе стороны от камина. Серванты были полны самых странных вещей: коллекция ржавых кинжалов, какие-то когти, свернутая кольцами змеиная кожа, потускневшие от времени серебряные шкатулки с гравировками на непонятных языках и, хуже всего, красивый хрустальный фиал с большим опалом в пробке, явно наполненный кровью.

Внизу снова раздался громкий звонок. Все посмотрели на миссис Уизли.

– Оставайтесь здесь, – решительно сказала та под завывания миссис Блэк и подхватила мешок с крысами. – Я принесу сэндвичи.

Она вышла из комнаты и аккуратно прикрыла за собой дверь. Все немедленно бросились к окну смотреть, кто стоит на пороге, и увидели нечесаную рыжую макушку и шаткую пирамиду из котлов.

– Мундугнус! – воскликнула Гермиона. – Зачем он приволок сюда котлы?

– Наверно, хочет спрятать понадежнее, – ответил Гарри. – Он же ими занимался, когда должен был следить за мной? Котлами же, да?

– Да, точно! – сказал Фред. Парадная дверь открылась, Мундугнус с трудом поднял котлы и скрылся из виду. – Блин, маме это не понравится...

Они с Джорджем подошли к двери и внимательно прислушались. Миссис Блэк замолчала.

– Мундугнус разговаривает с Сириусом и Кингсли, – пробормотал Фред, морща лоб от напряжения. – Не слышу толком... как думаете, рискнуть с подслушами?

– Наверно, стоит, – решился Джордж. – Я схожу наверх, принесу парочку...

Однако тут же стало ясно, что подслуши не понадобятся. Все и так услышали, что благим матом вопит миссис Уизли:

– У НАС ЗДЕСЬ НЕ СКУПКА КРАДЕННОГО!

– Обожаю, когда мамуля ругает других, – довольно улыбнулся Фред и немного приоткрыл дверь, – такое приятное разнообразие.

– ...УДИВИТЕЛЬНАЯ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КАК БУДТО НАМ И БЕЗ ТОГО НЕЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ, А ТЫ ТАСКАЕШЬ В ДОМ ВОРОВАННЫЕ КОТЛЫ...

– Вот идиоты, дали ей раскочегариться, – покачал головой Джордж. – Ее надо вовремя остановить, а то она заведется и так и будет весь день орать. И она давно ждала повода как следует наподдать Мундугнусу, с тех самых пор, как он бросил дежурство... А вот и Сириусова мамочка проснулась...

Крик миссис Уизли заглушили разноголосые стенания портретов.

Джордж хотел закрыть дверь, но не успел – в гостиную протиснулся домовой эльф, совершенно голый, если не считать засаленной набедренной повязки.

Он был невероятно стар, и казалось, что кожа велика ему на несколько размеров. Как все домовые эльфы, он был лыс, но из огромных, как у летучей мыши, ушей росли пучки белых волос. Глаза серые, водянистые, в кровавых прожилках, а нос мясистый и похож на хоботок.

Эльф не обратил внимания ни на Гарри, ни на остальных. Вел он себя так, будто никого не видит. Сгорбившись, он шатко зашаркал в дальний угол, безостановочно бормоча себе под нос, хрипло и басовито, словно квакала лягушка-бык:

– ...воняет как сточная канава, бандит до мозга костей, только и она не лучше, жалкая предательница, загадила вместе со своими ублюдками дом моей дорогой хозяйки, бедная, бедная моя хозяйка, если б она только знала, если б знала, кого они пускают в дом, что бы

она сказала старому Шкверчку, ой позор, какой позор, мугродье, оборотни, воры, выродки, бедный, старый Шкверчок, что он мог поделать...

– Привет, Шкверчок, – очень громко сказал Фред, хлопнув дверью.

Домовый эльф замер, прекратил бормотать и очень неубедительно вздрогнул от удивления.

– Шкверчок не заметил молодого хозяина, – проговорил он, поворачиваясь и кланяясь Фреду. И, не поднимая глаз от ковра, отчетливо добавил: – Мерзкого отпрыска предателей нашего дела.

– Что-что? – переспросил Джордж. – Не расслышал последних слов.

– Шкверчок ничего не говорил, – ответил эльф, кланяясь Джорджу, и вполголоса, но очень внятно произнес: – А вот и его гадкий близнец. Пара вонючих мартышек.

Гарри не знал, смеяться ему или плакать. Эльф распрямил спину, обвел всех злобным взглядом и, очевидно, убежденный, что его никто не слышит, продолжил:

– ...а вот и отвратное наглое мугродье, стоит, как будто так и надо, ой, если б узнала хозяйка, ой, сколько слез она бы пролила, а вот еще новый мальчишка, Шкверчок его не знает. Что ему здесь надо? Шкверчок не знает...

– Шкверчок, познакомься, это Гарри, – неуверенно произнесла Гермиона. – Гарри Поттер.

Блеклые глаза эльфа расширились, и он забормотал еще быстрее и яростнее:

– Мугродье разговаривает со Шкверчком так, словно они друзья, ой, если бы хозяйка увидела Шкверчка в подобном обществе, ой, что бы она сказала...

– Не смей называть ее мугродьем! – хором выкрикнули Рон и Джинни очень гневно.

– Ничего страшного, – прошептала Гермиона. – Он не в своем уме, он не знает, что гово...

– Не обманывай себя, Гермиона, он *прекрасно* знает, что говорит, – перебил Фред, смерив Шкверчка неприязненным взглядом.

Шкверчок, уставившись на Гарри, безостановочно бормотал:

– Неужто правда, неужто это Гарри Поттер? Шкверчок видит шрам, значит, правда, мальчишка, который помешал Черному Лорду,

Шкверчку интересно, как ему это удалось...

– Всем интересно, – перебил Фред.

– А вообще, что тебе тут надо? – полюбопытствовал Джордж.

Огромные глаза эльфа метнулись в его сторону.

– Шкверчок проводит уборку, – уклончиво протянул он.

– Свежо предание, – сказал голос за спиной у Гарри.

Вернулся Сириус. Он стоял у двери и гадливо смотрел на эльфа. Шум в холле прекратился – видимо, Мундугнус и миссис Уизли решили перенести свои распри на кухню. При виде Сириуса Шкверчок молниеносно согнулся в гротескно низком поклоне, слегка вдавив хоботок в пол.

– Встань прямо, – нетерпеливо приказал Сириус. – Говори, что затеял?

– Шкверчок прибирается, – повторил эльф. – Цель жизни Шкверчка – служить благородному дому Блэков...

– Отчего благородный дом становится все грязнее, – перебил Сириус, – и все больше походит на неблагородный хлев.

– Хозяин такой шутник. – Шкверчок снова поклонился и добавил чуть слышно: – Хозяин – неблагодарная свинья, разбившая материнское сердце...

– У моей матери не было сердца, – огрызнулся Сириус, – она жила чистой злобой.

Шкверчок опять поклонился и гневно проговорил:

– Как скажет дорогой хозяин. – И продолжил вполголоса: – Хозяин не достоин вытирать слякоть с ботинок своей матери, ой, бедная моя хозяйка, что бы она сказала, если б знала, что Шкверчок вынужден ей служить, она его ненавидела, он так ее разочаровал...

– Я задал тебе вопрос: что ты затеял? – холодно перебил Сириус. – Всякий раз, когда ты притворяешься, что занят уборкой, ты утаскиваешь что-нибудь к себе, чтобы мы не выкинули.

– Шкверчок никогда не позволил бы себе забрать вещь с ее законного места в доме хозяина, – возразил эльф и быстро-быстро залопотал: – Хозяйка никогда не простила бы Шкверчку, если б они выкинули гобелен, семь веков он висит в доме, Шкверчок обязан его спасти, Шкверчок не позволит хозяину, выродкам и мерзкому отродью расхищать то...

— Я так и думал, — бросил Сириус, с презрением поглядев на противоположную стену. — Не сомневаюсь, что и тут у нас неотлипное заклятие. Ох уж эта мамочка! Непременно избавлюсь от гобелена, если это вообще возможно. Ступай, Шкверчок.

Судя по всему, Шкверчок не смел ослушаться прямого приказания, однако, ретируясь, он смотрел на хозяина с глубочайшим презрением и не переставая бормотал:

— ...сам только что из Азкабана, а указывает Шкверчку, что ему делать, ой, бедная моя хозяйка, что бы она сказала, если б увидела, во что превратился ее дом, здесь живут грязные выродки, они выбрасывают наши богатства, она его прокляла, сказала, он ей больше не сын, а ведь говорят, он еще и убийца...

— Ты сам побольше говори, тогда я точно стану убийцей! — раздраженно крикнул Сириус и с треском захлопнул за эльфом дверь.

— Сириус, у него с головой не все в порядке, — умоляюще произнесла Гермиона. — По-моему, он не понимает, что мы его слышим.

— Согласен, он слишком долго жил один, — сказал Сириус, — выполняя безумные приказы портретов моей матери и разговаривая сам с собой, но он всегда был гнусным мелким...

— Вот если бы ты его отпустил, — вдохновенно заговорила Гермиона, — может быть, тогда...

— Его нельзя отпускать, он слишком много знает об Ордене, — оборвал Сириус. — И потом, он умрет от потрясения. Сама ему предложи покинуть дом и посмотри, что он тебе ответит.

Сириус направился к гобелену, о котором так пекся Шкверчок. Гарри и все остальные подошли следом.

Гобелен был невероятно старый, выцвев, и местами его погрызли мольфейки. Тем не менее золотые нити вышивки по-прежнему ярко сверкали, и вполне различимо было обширное генеалогическое древо, уходящее ветвями (насколько понял Гарри) в Средние века. Поверху шла крупная надпись:

**ДРЕВНЕЙШИЙ
И БЛАГОРОДНЕЙШИЙ ДОМ БЛЭКОВ
«ЧИСТЫ НАВЕКИ»**

– Тебя здесь нет! – заметил Гарри, внимательно изучив древо.

– Раньше был, – ответил Сириус, показывая на круглую, словно выжженную сигаретой дырочку. – Но, когда я убежал из дома, моя милая мамочка вырвала меня с корнем – Шкверчок обожает эту историю.

– Ты убежал из дома?

– Мне тогда было примерно шестнадцать, – сказал Сириус, – и я понял, что с меня хватит.

– А куда ты убежал? – вытаращился Гарри.

– К твоему отцу, – ответил Сириус. – Твои бабушка с дедушкой очень хорошо ко мне отнеслись – можно сказать, усыновили. Ну и вот, школьные каникулы я прожил у них, а в семнадцать лет обзавелся собственным домом. Получил порядочное наследство от дяди Альфарда – видишь, его тоже отсюда убрали, наверно, за это; так или иначе, с того времени я стал сам себе хозяин. Но на воскресный обед у мистера и миссис Поттер всегда мог рассчитывать.

– Но... почему ты?..

– Ушел из дома? – Сириус горько усмехнулся и провел пальцами по длинным непричесанным волосам. – Потому что ненавидел их всех: родителей с их манией чистоты крови, с их убежденностью, что «Блэк» практически означает «король»... братца-идиота, слабака, который во все это верил... вот он.

Сириус ткнул пальцем в самый низ древа, в имя «Регул Блэк». Рядом с датой рождения стояла и дата смерти (лет пятнадцать назад).

– Он был младше меня, – продолжил Сириус, – и он был хорошим сыном, о чем мне не уставали напоминать.

– Но он умер, – сказал Гарри.

– Да, – кивнул Сириус. – Болван... примкнул к Упивающимся Смертью.

– Да ты что!

– Брось, Гарри, ты мало здесь видел? Не понял, какими колдунами были мои предки? – бросил Сириус.

– А... твои родители... они тоже были Упивающимися Смертью?

– Нет-нет, но, уверяю тебя, идеи Вольдеморта они считали вполне разумными. Тоже были за очищение колдовской расы, за избавление от муглорожденных и за то, чтобы правительство состояло только из чистокровных колдунов. Собственно, они не единственные такие были

— многие, до того как Вольдеморт показал свое истинное лицо, думали, что его идеи во многом верны... Это потом все испугались, когда поняли, на что он пойдет ради власти. Но родители наверняка считали, что Регул — настоящий герой, раз сначала примкнул к Вольдеморту.

— Его убили авроры? — робко спросил Гарри.

— О нет, — ответил Сириус. — Нет. Его убил Вольдеморт. Или скорее кто-то по его приказу. Едва ли Регул был важной персоной, Вольдеморт не стал бы сам пачкать об него руки. Насколько я смог выяснить после смерти братца, он довольно глубоко увяз, потом понял, чего от него ждут, запаниковал и попытался выйти из игры. Вольдеморт не принимает прошений об отставке. Ему служат всю жизнь — либо умирают.

— Обед, — раздался голос миссис Уизли.

Высоко поднятой волшебной палочкой она вела перед собой по воздуху огромный поднос, нагруженный сэндвичами и пирожными. У нее все еще было очень красное лицо и сердитый вид. Все радостно бросились к еде, но Гарри остался возле Сириуса, склонившегося к гобелену.

— Я его так давно не рассматривал... Вот Финей Нигеллий, видишь?.. мой пррапрадедушка... самый нелюбимый из всех директоров «Хогварца»... Вот Арамина Уболтайна... кузина моей матери... пыталась протащить в министерстве билль о разрешении охоты на мутглов... Дорогая тетя Элладора... завела прелестную семейную традицию рубить головы домовым эльфам, когда они дряхлеют и уже не могут носить подносы с чаем... Естественно, в семье рождались и приличные люди, но от них быстренько отказывались. Вот Бомс, например, здесь нет. Наверное, поэтому Шкверчок ее не слушается — по идее он должен повиноваться всем членам семьи...

— Вы с Бомс родственники? — удивился Гарри.

— Да, ее мать Андромеда — моя любимая двоюродная сестра, — подтвердил Сириус, не отводя глаз от гобелена. — Кстати, и Андромеды тут нет, смотри...

Он показал Гарри на еще одну прожженную дырочку между «Беллатрикс» и «Нарциссой».

— А вот ее родные сестры никуда не делись: они благоразумно вышли замуж в приличные чистокровные семьи, а бедняжка

Андромеда полюбила муглорожденного Теда Бомса, ну и...

Сириус изобразил, как прожигает гобелен волшебной палочкой, и горько расхохотался. Гарри между тем не смеялся; он внимательно смотрел на имя справа от бывшей Андромеды. Двойная золотая вышитая линия соединяла Нарциссу Блэк с Люциусом Малфоем, а от них, в свою очередь, одинарная линия вела вниз к имени «Драко».

– Ты в родстве с Малфоями?!

– Все чистокровные семьи в родстве друг с другом, – пожал плечами Сириус. – Если твои дети могут вступать в браки только с чистокровными колдунами, выбор весьма ограничен; нас почти и не осталось. Мы с Молли – двоюродные, Артур мне тоже какой-то там двоюродный дядя. Но здесь их искать бесполезно – если и есть на свете семья выродков и предателей, так это Уизли.

Но Гарри уже перевел взгляд на имя слева от Андромеды: Беллатрикс Блэк. Двойная золотая линия вела от нее к Родольфу Лестранжу.

– Лестранж, – вслух произнес Гарри. Что-то зашевелилось в памяти, где-то он слышал – он не мог вспомнить где, но от этого имени ему стало жутко.

– Они оба в Азкабане, – отрывисто произнес Сириус.

Гарри с любопытством посмотрел на него.

– Беллатрикс и Родольфа посадили одновременно с молодым Сгорбсом, – сказал Сириус все так же равнодушно. – И с братом Родольфа, Рабастаном.

И Гарри вдруг вспомнил. Он видел Беллатрикс Лестранж в Думблдоровом дубльдуме, занятном приборе, где хранят мысли и воспоминания. Беллатрикс – та высокая черноволосая женщина с тяжелыми веками, которая на суде во всеуслышание объявила, что непоколебимо верна лорду Вольдеморту, гордится тем, что уже после падения своего господина пыталась его разыскать, и убеждена, что в один прекрасный день он вознаградит ее за преданность.

– Ты не говорил, что она твоя...

– А что, это очень важно, кто она мне? – огрызнулся Сириус. – Я от своей семьи отрекся. А от *нее* тем более. Я не видел ее с тех пор, как мне было примерно столько же, сколько тебе сейчас, разве что один раз мельком, когда их привезли в Азкабан. Ты думаешь, я горжусь таким родством?

— Прости, — поспешил сказать Гарри. — Я не то... я просто удивился, и все...

— Да ладно, не извиняйся, — пробормотал Сириус. Он уже отвернулся от гобелена и стоял, глубоко засунув руки в карманы. — Мне тут очень плохо. Никогда не думал, что снова застряну в этом доме.

Гарри прекрасно его понимал. Он хорошо представлял себе, каково бы ему было вновь поселиться на Бирючинной, особенно если б он считал, что отделался от нее навсегда.

— Для штаба здесь, конечно, идеальное место, — снова заговорил Сириус. — Мой отец защитил его всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Дом неподступный, никакие муглы в гости не заглянут — можно подумать, они сюда так и рвутся... А теперь его защитил и Думблдор, и поди найди в мире место безопаснее. Думблдор — Хранитель Тайны Ордена, никто этот дом не отыщет, если сам Думблдор не скажет ему адреса. Записка, которую вчера показал тебе Хмури, — это от Думблдора... — Сириус коротко хохотнул, как будто гавкнул. — Если б мои родители видели, для чего используется их дом... Впрочем, ты слышал портрет моей мамочки — ты понимаешь... — Он хмуро помолчал, потом глубоко вздохнул: — Если б я мог время от времени выходить и делать что-то полезное. Я спросил у Думблдора — может, он мне разрешит пойти с тобой на слушание — Шляриком, разумеется... Для моральной поддержки. Как тебе мысль?

Душа у Гарри ушла в пятки и провалилась на нижний этаж прямо сквозь пыльный ковер. Со вчерашнего ужина он ни разу не вспоминал о слушании; он был так рад снова оказаться рядом с теми, кого любит, и на него обрушилось столько новостей, что про слушание он совсем забыл. А теперь навалился гнетущий страх. Гарри посмотрел на Гермиону, на братьев Уизли, с аппетитом вгрызшихся в бутерброды, и попытался вообразить, каково ему будет, если все они отправятся в «Хогварц» без него.

— Не бойся, — сказал Сириус. Гарри поднял глаза — Сириус за ним наблюдал. — Тебя точно оправдают, в Международном законе о секретности наверняка есть что-нибудь о применении колдовства для самозащиты.

— Но, если меня все-таки исключат, можно мне жить с тобой здесь? — тихо спросил Гарри.

Сириус грустно улыбнулся:

– Посмотрим.

– Мне было бы намного легче на слушании, если бы я знал, что к Дурслеям возвращаться не придется, – не отступил Гарри.

– М-да, каковы же они, если ты предпочитаешь жить здесь? – невесело проговорил Сириус.

– Эй, вы, двое! Поторопитесь, а то вам ничего не останется! – крикнула миссис Уизли.

Сириус еще раз тяжко вздохнул, сурово поглядел на гобелен, и они с Гарри направились к остальным.

После обеда, пока они чистили серванты, Гарри изо всех сил старался о слушании не думать. К счастью, работа требовала сосредоточенности – большинство предметов упорно не желали покидать насиженные места. Одна вздорная серебряная табакерка сильно покусала Сириуса, и через несколько секунд укушенная рука покрылась неприятной хрусткой коркой, похожей на тесную коричневую перчатку.

– Ничего страшного, – сказал Сириус, с интересом оглядев свою руку, а затем постучал по ней волшебной палочкой и вернул в нормальное состояние. – Судя по всему, бородавочный порошок.

И он бросил табакерку в мешок для мусора. Пару минут спустя Гарри увидел, что Джордж, обмотав руку тряпкой, схватил табакерку и переправил ее к себе в карман, и без того полный мольфеек.

Они наткнулись на отвратительного вида серебряный инструмент, похожий на многоногие щипцы, которые, стоило Гарри их взять, напрыгнули ему на руку и попытались прокусить кожу. Сириус схватил щипцы и разбил их фолиантом под названием «Истоки благородства: колдовская генеалогия». Также им попалась музыкальная шкатулка – едва ее завели, она принялась зловеще позывакивать, и всеми овладела беспомощная сонливость; к счастью, Джинни догадалась захлопнуть крышку. Еще там был тяжелый медальон, который никто не смог открыть, а в пыльной коробке – орден Мерлина первой степени, награда, выданная деду Сириуса за «особые заслуги перед министерством».

– Подарил им гору золота, вот и все заслуги, – презрительно пояснил Сириус и швырнул орден в мусорный мешок.

Периодически в комнату просачивался Шкверчок и пытался что-нибудь вынести под набедренной повязкой. Будучи пойман на месте преступления, он разражался страшными проклятиями, а когда Сириус вырвал у него из рук большое золотое кольцо с гербом семьи Блэков, Шкверчок разрыдался от злости и, громко всхлипывая, выбежал из комнаты, обзываая Сириуса словами, каких Гарри никогда в жизни не слышал.

— Отцовское. — Сириус бросил кольцо в мешок. — Шкверчок был предан ему *не до такой степени*, как матери, но на прошлой неделе лобызал его старые брюки. Я его застукал.

Следующие несколько дней ребята под бдительным оком миссис Уизли трудились очень усердно. На уборку гостиной ушло три дня. Наконец там осталось лишь два нежелательных предмета: гобелен с генеалогическим древом, выстоявший перед всеми попытками снять его со стены, и грохочущий письменный стол. Хмури пока не появлялся, и что находится внутри, было по-прежнему неизвестно.

После гостиной они переместились на первый этаж, в столовую, где нашли в шкафу пауков, огромных, как блюдца (Рон вышел срочно *налить себе чаю* и не возвращался полтора часа). Фарфоровая посуда с фамильным гербом и девизом семьи Блэков была бесцеремонно выброшена Сириусом в мусорный мешок, и та же судьба постигла старые фотографии в потускневших серебряных рамках; обитатели снимков отчаянно вопили, когда разбивались стекла.

Злей полагал их работу «уборкой», но Гарри считал, что они ведут беспощадную войну с домом, а тот яростно сопротивляется — при содействии и подстрекательстве Шкверчка. Стоило ребятам где-то собраться, домовый эльф всегда был тут как тут; с каждым днем его попытки утащить что-нибудь из мусорного мешка становились все наглее, а ворчание — все оскорбительнее. В конце концов Сириус даже пригрозил эльфу *одеждой*, но Шкверчок, вперив в Сириуса водянистый взгляд, сказал в ответ: «На все воля хозяина», — отвернулся и громко забормотал: «Хозяин не может выгнать Шкверчка, Шкверчку известно, что они затеваюят, да-да, они строят козни против Черного Лорда, да-да, он, и мугродье, и выродки, и прочая *гнусь...*»

Не обращая внимания на протесты Гермионы, Сириус схватил Шкверчка сзади за набедренную повязку и вышвырнул вон из комнаты.

По несколько раз на дню в дверь звонили, и портрет матери Сириуса неизменно начинал верещать, а Гарри и компания пытались подслушать, с чем пожаловал посетитель. Впрочем, взгляды украдкой и обрывки фраз толком ничего не проясняли, а окрик миссис Уизли быстро возвращал ребят к работе. Злей появлялся несколько раз, но вскорости отбывал, и поэтому, к большому облегчению Гарри, они так и не встретились лицом к лицу. Однажды Гарри мельком видел преподавательницу превращений профессора Макгонаголл, необычайно странную в мугловом платье и шляпке. Она явно очень торопилась и тоже не задержалась. Впрочем, кое-кто из гостей оставался помогать с уборкой. Бомс была с ними в тот памятный день, когда в туалете на верхнем этаже обнаружился агрессивный упырь; Люпин, который жил в доме, но нередко подолгу где-то пропадал по делам Ордена, помог починить напольные часы, которые обзавелись неприятной привычкой кидаться в проходящих тяжелыми шурупами; а Мундугнус сумел чуть-чуть реабилитировать себя в глазах миссис Уизли, спасши Рона от старой-престарой фиолетовой мантии, которая попыталась задушить его, когда он достал ее из гардероба.

В общем, несмотря на плохой сон и неотступные кошмары с коридорами и запертymi дверями, Гарри впервые за лето наслаждался жизнью. Он был вполне счастлив, пока находилось чем заняться; но стоило остаться без дела, а уж тем более устало плюхнуться в постель и посмотреть на размытые тени, шевелящиеся на потолке, как защита ослабевала, и его мгновенно охватывала паника. При мысли, что его могут исключить, страх иголками вонзился в тело. Мысль была настолько ужасна, что он не осмеливался поделиться ею даже с Роном и Гермионой, а те, хотя Гарри нередко замечал, как они шепчутся и беспокойно на него поглядывают, о слушании тоже не заговаривали. Иной раз воображение против воли Гарри рисовало безликого представителя министерства, который ломает пополам его палочку и приказывает вернуться к Дурслеям... Нет, к Дурслеям Гарри не пойдет. Это он решил твердо. Он вернется на площадь Мракэнтлен и будет жить у Сириуса.

В среду за ужином миссис Уизли тихо сказала Гарри:

– Я погладила на завтра твои лучшие вещи. И пожалуйста, вымой сегодня голову. Все-таки, что ни говори, а встречают по одежке.

Гарри словно придавило каменной плитой. Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Джинни замолчали и уставились на него. Гарри кивнул и попытался дожевать котлету, но не вышло – слишком пересохло во рту.

– А как я туда доберусь? – спросил он, прикидываясь невозмутимым.

– Пойдешь вместе с Артуром на работу, – мягко ответила миссис Уизли.

Мистер Уизли через стол ободряюще улыбнулся Гарри:

– Подождешь слушания у меня в кабинете.

Гарри взглянул на Сириуса, но миссис Уизли предупредила его вопрос:

– Профессор Думблдор считает неразумным, чтобы Сириус сопровождал тебя, и я должна сказать...

– ...что он *совершенно прав*, – процедил Сириус. Миссис Уизли поджала губы.

– Когда он тебе сказал? – спросил Гарри у Сириуса.

– Он заходил вчера поздно вечером, когда вы уже легли, – ответил мистер Уизли.

Сириус злобно пырнул картошку вилкой. Гарри опустил глаза и уставился в тарелку. Оттого, что Думблдор не повидался с ним, хотя был здесь накануне слушания, Гарри стало еще хуже – хотя хуже, кажется, было уже некуда.

Глава седьмая

Министерство магии

В половине шестого утра Гарри, проснувшись так внезапно, словно кто-то громко заорал у него над ухом, широко распахнул глаза и несколько секунд полежал неподвижно. За это время мысль о предстоящем слушании успела завладеть каждой клеточкой мозга, и очень скоро, не в силах вынести напряжения, Гарри вскочил с постели и надел очки. В изножье на одеяле лежали выстиранные и выглаженные миссис Уизли футболка и джинсы. Гарри их натянул. Пустой холст на стене хмыкнул.

Рон крепко спал на спине, широко открыв рот и раскинув ноги и руки. Гарри прошел через всю комнату, шагнул на лестницу, притворил за собой дверь, но его друг даже не пошевелился. Стаяясь не думать о том, что, увидевшись в следующий раз, они, возможно, уже не будут одноклассниками, Гарри тихо спустился мимо голов предков Шкверчка и направился в кухню.

Он думал, что там никого нет, но из-за двери доносились негромкие голоса. Внутри он обнаружил мистера и миссис Уизли, Сириуса, Люпина и Бомс. Они сидели за столом и как будто давно ждали Гарри. Все уже оделись на выход, за исключением миссис Уизли в стеганом фиолетовом халате. Она сразу вскочила.

– Завтрак, – деловито сказала она, доставая палочку и спеша к очагу.

– До... до... доброе утро, Гарри, – зевнула Бомс, нынешним утром – кудрявая блондинка. – Спал нормально?

– Угу.

– А я всю-ю-ю но-о-очь на ногах, – пожаловалась Бомс, снова прерывисто зевая. – Иди сюда, садись...

Она отодвинула стул, опрокинув при этом соседний.

– Гарри, ты что будешь? – окликнула миссис Уизли. – Овсянку? Оладьи? Копченую рыбу? Яичницу с беконом? Гренки?

– Я... Мне просто гренок, спасибо, – ответил Гарри.

Люпин глянул на Гарри и обратился к Бомс:

– Так что ты говорила про Скримджера?

– А... да... с ним надо бы поосторожнее, он нам с Кингсли задает много страных вопросов...

Гарри был рад, что не надо принимать участие в беседе, – у него от страха кишки завязывались узлом. Миссис Уизли поставила перед ним мармелад и пару гренков, он начал есть, но с тем же успехом можно было жевать ковер. Миссис Уизли села рядом и занялась его футболкой – заправила этикетку, разгладила морщинки на плечах. Лучше бы она его не трогала.

– ...и придется сказать Думбльдору, что я ночью дежурить не смогу, я совершенно вы... вы... вымоталась, – закончила Бомс, зевнув во весь рот.

– Я тебя подменю, – сказал мистер Уизли. – Я нормально, и потом, мне все равно нужно закончить отчет...

На мистере Уизли была не колдовская одежда, а брюки в тонкую полоску и старая летная куртка. Он повернулся к Гарри:

– Ты как себя чувствуешь?

Гарри пожал плечами.

– Скоро все будет позади, – утешил мистер Уизли. – Через несколько часов тебя уже оправдают.

Гарри ничего не ответил.

– Слушание на моем этаже, в кабинете Амелии Боунс. Она глава департамента защиты магического правопорядка – она и будет тебя допрашивать.

– Она хорошая, Гарри, – серьезно заверила Бомс. – И справедливая. Она тебя выслушает.

Гарри, по-прежнему не зная, что сказать, кивнул.

– Главное, не выходи из себя, – проворчал Сириус. – Будь вежлив и говори по делу.

Гарри снова кивнул.

– Закон на твоей стороне, – негромко проговорил Люпин. – В опасных для жизни ситуациях колдовать разрешается даже несовершеннолетним.

Что-то очень холодное побежало по затылку Гарри, и он подумал, что на него опять накладывают прозрачаровальное заклятие, но потом понял: это миссис Уизли пытается мокрой расческой победить его

волосы. Она с силой прижала вихры на макушке и беспомощно спросила:

– Они *когда-нибудь* лежат ровно?

Гарри помотал головой.

Мистер Уизли поглядел на часы, затем на Гарри.

– Пожалуй, нам пора, – объявил он. – Рановато, конечно, но лучше подождать в министерстве, чем болтаться здесь.

– Хорошо, – голосом автомата сказал Гарри, уронил гренок и встал из-за стола.

– Гарри, все будет хорошо, – похлопала его по руке Бомс.

– Удачи, – пожелал Люпин. – Я уверен, все обойдется.

– А если нет, – грозно прибавил Сириус, – я сам схожу к Амелии Боунс…

Гарри слабо улыбнулся. Миссис Уизли его обняла.

– Мы все скрестим за тебя пальцы, – сказала она.

– Хорошо, – повторил Гарри. – Ладно… До свидания.

Следом за мистером Уизли он поднялся по лестнице и миновал холл. За портьерами сонно бормотала мать Сириуса. Мистер Уизли отпер дверь, они ступили на улицу, навстречу холодному серому рассвету, и быстро зашагали вокруг площади.

– Обычно вы ведь не ходите на работу пешком? – спросил Гарри.

– Да, обычно я аппарирую, – ответил мистер Уизли, – но тебе-то нельзя – я думаю, лучше нам добраться до министерства не волшебно… Произведет хорошее впечатление – если учесть, за что тебя вызвали…

Всю дорогу мистер Уизли держал руку под курткой, и Гарри понимал, что тот сжимает волшебную палочку. На убогих улочках почти никого не было, но на мелкой обшарпанной станции метро оказалось полно народу. Как всегда, при виде муглов в их повседневной жизни мистер Уизли не мог сдержать восторга.

– Поразительно, – зашептал он, тыча пальцем в автомат по продаже билетов. – Умопомрачительно. Гениально.

– Они не работают, – показав на объявление, заметил Гарри.

– Да, но все равно… – протянул мистер Уизли, с нежностью глядя на автоматы.

Они купили билеты у сонного контролера (покупал Гарри: мистер Уизли неважно разбирался в мугловых купюрах) и через пять минут

сели в поезд, который, громыхая и покачиваясь, повез их в центр Лондона. Мистер Уизли без конца сверялся со схемой метро над окном.

— Четыре остановки, Гарри... Еще всего три... Осталось две, Гарри...

Они приехали в самое сердце Лондона, и их вынесло из вагона с потоком мужчин и женщин в деловых костюмах и с портфелями. Поднялись по эскалатору, миновали контроль (мистер Уизли восхитился тем, как ловко турникет засосал его билетик) и вышли на широкую улицу, где выселились солидные, фешенебельные здания. Даже в этот ранний час движение здесь было очень оживленным.

— Где мы? — завертя головой, пробормотал мистер Уизли, и Гарри окатило волной ужаса: неужели, несмотря на схему метро, они вышли не туда? Но мистер Уизли прибавил: — Ах да... нам сюда, Гарри, — и повел его в переулок. — Прости, — продолжил он, — я никогда не ездил сюда на метро, а с мугловой стороны все выглядит иначе. Собственно говоря, я еще ни разу не попадал в министерство через вход для посетителей.

Чем дальше они шли, тем меньше и невзрачнее становились здания; наконец они оказались на улочке, где располагалась лишь парочка непрезентабельных контор, паб и переполненный мусорный бак. Гарри удивился: он думал, министерство магии находится в более престижном районе.

— Вот и добрались, — радостно объявил мистер Уизли и показал на старую красную телефонную будку у густо разрисованной стены; в будке не хватало половины стекол. — Прошу. — И распахнул дверцу.

Недоумевая, Гарри вошел. Мистер Уизли втиснулся следом и закрыл дверь. Было очень неудобно; Гарри прижало к телефонному аппарату, совершенно перекошенному, словно какой-то вандал пытался сорвать его со стены. Мистер Уизли потянулся к трубке.

— Мистер Уизли, по-моему, он тоже не работает, — сказал Гарри.

— Нет-нет, все в порядке, — отозвался мистер Уизли, держа трубку над головой и внимательно вглядываясь в диск. — Ну-ка... шесть... — он начал набирать номер, — два... четыре... еще раз четыре... и еще раз два...

Когда диск с тихим стрекотанием вернулся на место, в телефонной будке зазвучал ровный женский голос — не из трубки в руке мистера

Уизли, а отовсюду, громко и четко, словно в кабине вместе с ними появилась невидимая женщина.

– Добро пожаловать в министерство магии. Будьте добры, назовите ваши имена и цель визита.

– Э-э-э... – замялся мистер Уизли, явно не понимая, следует ли говорить в микрофон. В конце концов он нашел компромисс и приложил трубку микрофоном к уху. – Артур Уизли, отдел неправомочного использования мугл-артефактов, сопровождаю Гарри Поттера, которому сегодня назначено прибыть на дисциплинарное слушание...

– Спасибо, – поблагодарил ровный женский голос. – Посетитель, возьмите гостевой значок и прикрепите его к своей мантии.

Раздался щелчок, затем грохот, и из желобка для возврата монет выскоцил серебряный прямоугольничек. Гарри его забрал. Это оказался значок с надписью «Гарри Поттер, дисциплинарное слушание». Гарри приколол его к футболке, и женский голос заговорил снова:

– Посетитель, вы должны пройти проверку и зарегистрировать волшебную палочку у стойки службы безопасности, расположенной в дальнем конце атриума.

Пол под ногами задрожал, и телефонная будка стала медленно уходить под землю. Гарри не без тревоги смотрел, как все выше и выше поднимается мостовая. Вскоре земля сомкнулась над их головами, и наступила абсолютнейшая темнота. Гарри слышал лишь равномерный грохот: кабина продвигалась вглубь. Примерно через минуту, показавшуюся Гарри чуть ли не часом, ему на ноги упал золотой лучик. Стремительно расширяясь, лучик всполз по телу и наконец ударил в лицо. У Гарри заслезились глаза – он заморгал.

– Министерство магии желает вам приятного дня, – сказал женский голос.

Дверь будки распахнулась, и мистер Уизли вышел. Гарри раскрыв рот шагнул следом.

Перед ними простирался великолепный, очень длинный вестибюль с темным, до блеска отполированным паркетным полом. Переливчато-синий потолок, инкрустированный подвижными и переменчивыми золотыми символами, походил на огромное небесное табло. В стенах, оббитых темным полированным деревом, располагались длинные

ряды позолоченных каминов. Из каминов по левую сторону зала каждые несколько секунд с шуршащим свистом вылетали колдун или ведьма, а у каминов справа потихоньку скапливались очереди на отправку.

В середине зала находился фонтан: круглый бассейн, а в самом центре – золотая скульптурная группа больше натуральной величины. Выше всех был колдун благородной наружности, поднявший к небесам волшебную палочку. Вокруг него стояли красивая ведьма, кентавр, гоблин и домовый эльф. Последние трое, задрав головы, с обожанием взирали на колдуна и ведьму; из кончиков волшебных палочек, из стрелы кентавра, верхушки шляпы гоблина и обоих ушей эльфа били сверкающие водные струи. Шелестела и рокотала вода, раздавались хлопки и треск аппарирования и стук шагов сотен работников министерства: по-утреннему мрачные, они спешили к золотым воротам в дальнем конце вестибюля.

– Сюда, – сказал мистер Уизли.

Они с Гарри влились в плотную толпу: одни тащили кипы пергаментных свитков, другие – потертые портфели, трети читали на ходу «Оракул». Проходя мимо фонтана, Гарри заметил, что на дне поблескивают серебряные сикли и бронзовые кнуды. Грязноватое объявленыице гласило:

ВСЕ СБОРЫ ОТ ФОНТАНА ДРУЖБЫ КОЛДОВСКИХ НАРОДОВ
ПОСТУПАЮТ В ПОЛЬЗУ БОЛЬНИЦЫ СВ. ЛОСКУТА,
ИНСТИТУТА ПРИЧУДЛИВЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ И ПАТОЛОГИЙ.

«Если меня не исключат из “Хогварца”, брошу сюда десять галлеонов», – отчаянно подумал Гарри.

– Сюда, – повторил мистер Уизли. Они вышли налево из людского потока и направились к стойке под вывеской «Служба безопасности». При их приближении плохо выбритый колдун в переливчато-синей мантии поднял глаза и отложил «Оракул».

– Я сопровождаю посетителя, – мистер Уизли показал на Гарри.

– Подойдите ближе, – лениво бросил охранник.

Гарри подошел. Колдун взял длинный золотой прут, тонкий и гибкий, как автомобильная антенна, и провел ею вдоль тела Гарри вверх-вниз, спереди и сзади.

– Палочку, – пробурчал он, откладывая золотой прут и протягивая руку.

Гарри отдал ему палочку. Колдун небрежно кинул ее на загадочный медный прибор, похожий на весы с одной чашкой. Прибор завибрировал, и из прорези в основании выползла тонкая пергаментная лента. Оторвав ее, охранник прочитал:

– Одиннадцать дюймов, сердцевина – перо феникса, в пользовании четыре года. Все верно?

– Да, – нервно кивнул Гарри.

– Это остается у меня. – Охранник наколол полоску пергамента на медный штырек. – А это возвращается вам, – добавил он, сунув палочку Гарри.

– Спасибо.

– Погодите-ка… – медленно протянул охранник.

Его взгляд метнулся от серебряного гостевого значка на груди Гарри к шраму.

– Спасибо, Эрик, – твердо сказал мистер Уизли и, схватив Гарри за плечо, решительно развернул его к потоку, движущемуся к золотым воротам.

Толпа толкала Гарри, но он не отставал от мистера Уизли, и скоро они миновали ворота и попали в зал поменьше, где за витыми золотыми решетчатыми дверцами было по меньшей мере двадцать лифтов. Гарри и мистер Уизли присоединились к одной из небольших пассажирских очередей. Рядом стоял бородатый колдун с большой картонной коробкой. Коробка истергала хриплые стоны.

– Как жизнь, Артур? – спросил бородатый, кивнув мистеру Уизли.

– Что это у тебя, Боб? – поинтересовался мистер Уизли, глядя на коробку.

– Толком не знаем, – озабоченно ответил Боб. – Думали, обыкновеннейший цыпленок, а он вдруг возьми да начни огнем плеваться. Короче, одно могу тебе сказать: это – серьезное нарушение запрета на экспериментальную селекцию.

С лязгом и громыханием сверху спустился лифт; золотая решетка отъехала вбок, и не успел Гарри оглянуться, как его вдавили в заднюю стенку кабины. Другие пассажиры посматривали на него с интересом, поэтому, чтобы не встречаться ни с кем взглядом, Гарри уставился себе под ноги, прижав челку ко лбу. Решетка с шумом захлопнулась, лифт, звеня цепями, медленно поехал вверх, и в кабине зазвучал ровный женский голос, который Гарри уже слышал в телефонной будке:

– Этаж седьмой. Департамент по колдовским играм и спорту, в том числе штаб-квартира Квидишной лиги Британии и Ирландии, судейская коллегия Клуба побрякушай, а также бюро потешных патентов.

Двери открылись. Гарри успел заметить неопрятный коридор, криво увешанный постерами разных квидишных команд. Один пассажир, колдун с большой охапкой метел, с трудом протиснулся между остальными, вышел и быстро скрылся из виду. Лифт, дребезжа, отправился выше. Женский голос объявил:

– Этаж шестой. Департамент волшебных путей сообщения, в том числе управление кружаных путей, регистрация метел, отдел портшлюсов, а также аппарационная экзаменационная комиссия.

Снова открылись двери, и из лифта вышли четверо или пятеро. Одновременно внутрь влетело несколько бледно-сиреневых бумажных самолетиков. Гарри с удивлением уставился вверх. Самолетики лениво трепыхали крылышками со штампами министерства магии.

– Это внутриофисные сообщения, – тихонько объяснил мистер Уизли. – Раньше мы пользовались совами, но от них было столько грязи, не поверишь... помет на столах...

Лифт, громыхая, продолжал подниматься. Внутриофисные сообщения, хлопая крылышками, кружили возле лампы, свисавшей с потолка.

– Этаж пятый. Департамент международного магического сотрудничества, в том числе отдел международных торговых стандартов, управление международного магического законодательства, а также Международная конфедерация чародейства, британское отделение.

Как только открылись двери, два сообщения вместе с несколькими колдунами и ведьмами стремительно вылетели из лифта, но внутрь впорхнуло еще два-три самолетика, которые сразу же метнулись к лампе. Та заморгала.

– Этаж четвертый. Департамент по надзору за магическими существами, отделы животных, созданий и духов, отдел по связям с гоблинами, а также консультационный центр магической санобработки.

– Из’няюсь, – буркнул колдун с огнедышащим цыпленком и выскоцил из лифта, преследуемый стайкой сообщений. Двери

лязгнули.

— Этаж третий. Департамент волшебных происшествий и катастроф, в том числе бригада по размагничиванию в чрезвычайных ситуациях, штаб амнезиаторов и комитет муглоприемлемых объяснений.

Здесь из лифта вышли все, кроме мистера Уизли, Гарри и какой-то ведьмы, изучавшей длиннющий свиток, одним концом волочившийся по полу. Оставшиеся сообщения кружили у лампы. Лифт рывками продвигался вверх. Когда двери в очередной раз открылись, голос объявил:

— Этаж второй. Департамент защиты магического правопорядка, в том числе отдел неправомочного использования колдовства, штаб-квартира авроров и секретариат Мудрейха.

— Выходим, Гарри, — сказал мистер Уизли, и они вслед за ведьмой шагнули из лифта в коридор с чередой дверей по обе стороны. — Мой кабинет в другом конце.

— Мистер Уизли, — спросил Гарри, когда они прошли мимо окна, из которого струился солнечный свет, — мы разве не под землей?

— Под землей, — ответил мистер Уизли. — Окна зачарованы. Какую погоду включить, решают хозяевственники. В последний раз, когда они боролись за повышение заработной платы, у нас два месяца подряд были такие ураганы... Сюда, Гарри.

Они завернули за угол, прошли сквозь массивные дубовые двери и оказались в огромном разделенном на отсеки зале, где царил кавардак. Все вокруг гудело от смеха и болтовни. Внутриофисные сообщения носились по отсекам миниатюрными ракетами. На ближайшей перегородке висела покосившаяся вывеска: «Штаб-квартира авроров».

Проходя мимо, Гарри исподтишка туда заглянул. Перегородки штаб-квартиры были густо увешаны всем, чем только можно: семейными фотографиями, портретами колдунов в розыске, плакатами любимых квидишных команд, вырезками из «Оракула»... Какой-то человек в малиновой мантии и с хвостом длиннее, чем у Билла, сидел, положив ноги в сапогах на стол, и диктовал рапорт своему перу. Чуть дальше ведьма с повязкой на глазу беседовала через перегородку с Кингсли Кандальером.

— Доброе утро, Уизли, — небрежно бросил Кингсли, когда Гарри с мистером Уизли приблизились. — Мне нужно с вами переговорить, у

vas найдется минутка?

— Да, но только минутка, — ответил мистер Уизли. — У меня, знаете, ужасный цейтнот.

Они разговаривали как малознакомые люди, а когда Гарри открыл рот, чтобы поздороваться с Кингсли, мистер Уизли наступил ему на ногу. Вслед за Кингсли они прошли в самый последний отсек.

Там Гарри пережил некоторый шок — со всех сторон на него смотрел Сириус. Стены были сплошь заклеены газетными вырезками, старыми фотографиями — в том числе и той, со свадьбы Поттеров, куда Сириуса позвали шафером. Сириуса не было только на карте мира, где рубинами светились маленькие красные кнопки.

— Вот, — сказал Кингсли, довольно бесцеремонно пихнув мистеру Уизли пачку бумаг. — Мне нужна сводка о замеченных за последний год летающих мугловых средствах передвижения. Нас проинформировали, что Блэк, скорее всего, по-прежнему пользуется своим мотоциклом.

Кингсли изо всех сил подмигнул Гарри и прибавил шепотом:

— Передай ему журнал — я думаю, ему будет интересно. — И громко продолжил: — Если можно, Уизли, не затягивайте. С отчетом по углестрельному оружию вы задержали наше расследование на целый месяц.

— Если бы вы читали отчет, то знали бы, что оно называется огнестрельное, — холодно отозвался мистер Уизли. — И боюсь, со сводкой вам придется немного подождать, у нас сейчас завал. — Он понизил голос и добавил: — Постарайся уйти до семи, Молли готовит фрикадельки.

Мистер Уизли поманил Гарри за собой, и они отбыли из отсека Кингсли, прошли сквозь дубовую дверь в другом конце зала, затем по коридору, налево, снова по коридору, направо, попали в плохо освещенный и давно не ремонтировавшийся проход и наконец достигли тупика с двумя дверями по бокам. Левая дверь была приоткрыта и вела в чулан для метел, а на правой висела потускневшая медная табличка: «Отдел неправомочного использования муглартефактов».

Обшарпанный кабинет мистера Уизли показался Гарри чуточку меньше чулана. Внутри ютились два письменных стола, которые было практически невозможно обойти, так как вдоль всех стен стояли шкафы, до отказа набитые папками с документами. Папки, не

поместившиеся в шкафы, грудами валялись сверху. Крохотное пространство на стене, не занятое шкафами, красноречиво свидетельствовало о безумном увлечении мистера Уизли: там висело несколько плакатиков с автомобилями, схематическое изображение разобранного двигателя, две картинки с почтовыми ящиками, видимо, вырезанные из мугловых детских книжек, и схема, показывающая, как смонтировать штепсель.

На столе мистера Уизли в переполненном лотке для входящих документов, поверх бумаг, косо стоял безутешно икавший тостер и лежала пара кожаных перчаток, скучающие крутивших большими пальцами. Рядом с лотком Гарри увидел семейную фотографию. Перси, видимо, с нее ушел.

— Окна у нас нет, — извиняющимся тоном произнес мистер Уизли, снимая куртку и вешая ее на спинку стула. — Мы просили, но все почему-то считают, что оно нам ни к чему. Садись, Гарри, Перкинс, похоже, еще не приходил.

Гарри втиснулся за стол Перкинса. Мистер Уизли просмотрел стопку бумаг, полученных от Кингсли Кандальера.

— Ага, — ухмыльнулся он, извлекая из середины журнала под названием «Правдобор». — Так-так... — Он полистал страницы. — Да, он прав, Сириус наверняка позабавится... Батюшки, ну что еще такое?

В открытую дверь стремительно влетело внутриофисное сообщение и спорхнуло на икающий тостер. Мистер Уизли развернул его и вслух прочитал:

— «Поступило сообщение о срыгивающем унитазе в общественном туалете в Бетнал-Грин. Просьба расследовать немедленно». Ну, знаете, это уже становится смешно...

— Срыгивающий унитаз?

— Безобразные антимугловые выходки, — нахмурился мистер Уизли. — На прошлой неделе уже было две: одна в Уимблдоне, вторая в Слоне-и-Замке. Муглы спускают воду, но ничего не исчезает, а, наоборот... в общем, сам понимаешь. Бедняжки всё вызывают этих... по-моему, они называются *водопромочники*... ну, которые чинят трубы.

— Водопроводчики?

— Да, точно! Но те, естественно, в тупике. Одна надежда, что мы поймаем этих хулиганов.

— Их будут ловить авроры?

— Да нет, для авроров мелковато. Хватит и патрульного колдульона... А, вот и Перкинс.

В комнату вбежал сутулый, запыхавшийся, очень робкий на вид колдун с седым пухом на черепе.

— Артур! — в отчаянии воскликнул он, даже не взглянув на Гарри. — Хвала небесам! Я не знал, что мне делать, ждать тебя здесь или что. Только послал тебе домой сову... понятно, она тебя уже не застала... десять минут назад пришло срочное сообщение...

— Про срыгивающий унитаз я знаю, — сказал мистер Уизли.

— Нет, нет, не про унитаз, про слушание дела Поттера... Они поменяли время и место! Начинается в восемь утра, внизу, в старом зале судебных заседаний, номер десять...

— Внизу, в старом?.. Но мне сказали... Мерлинова борода!

Мистер Уизли глянул на часы, взвизгнул и вскочил:

— Скорее, Гарри, мы уже пять минут, как должны быть там!

Перкинс вжался в шкаф, и мистер Уизли с Гарри стремглав выбежали из комнаты.

— Почему они поменяли время? — пропыхтел Гарри на бегу. Они неслись по штаб-квартире авроров. Те высаживали головы над перегородками и смотрели им вслед. Гарри чудилось, будто все его внутренности остались за столом у Перкинса.

— Понятия не имею! Но... хвала небесам, что мы приехали заранее, не то ты бы пропустил слушание, а это просто катастрофа!

Мистер Уизли резко затормозил у лифта и нетерпеливо ударил по кнопке «вниз»:

— ДАВАЙ уже!

Погромыхивая, появился лифт, и они вбежали внутрь. На каждой остановке мистер Уизли яростно ругался и долбил по кнопке «9».

— Эти залы судебных заседаний не используют уже много лет, — сердито говорил он. — Не понимаю, зачем устраивать слушание там... если только... но нет...

Тут в лифт вошла пухлая ведьма с дымящимся кубком в руках, и мистер Уизли оборвал себя на полуслове.

— Атриум, — объявил ровный женский голос. Открылась золотая решетка, и вдалеке блеснули золотом статуи фонтана. Пухлая ведьма вышла, вместо нее вошел колдун с траурной гримасой на землистом лице, и лифт поехал вниз.

— Доброе утро, Артур, — поздоровался колдун замогильным голосом. — Не часто тебя встретишь у нас внизу.

— Срочное дело, Дод, — сказал мистер Уизли. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу и поминутно бросал беспокойные взгляды на Гарри.

— Ах да. — Дод тоже уставился на Гарри не мигая. — Конечно.

У Гарри уже не осталось сил на эмоции, но под пристальным взглядом Дода он все равно внутренне заерзал.

— Департамент тайн, — проговорил ровный женский голос, ничего больше не добавив.

— Гарри, пулей, — велел мистер Уизли, едва открылись двери лифта, и они помчались по коридору, совершенно непохожему на коридоры верхних этажей, — ни окон, ни дверей, одни голые стены и одинокая простая черная дверь, в самом конце. Гарри подумал, что им туда, но мистер Уизли схватил его за руку и потащил влево к лестнице.

— Нам вниз, вниз, — пыхтел мистер Уизли, прыгая через две ступеньки. — Лифт так глубоко не ходит... что их туда понесло, ума не...

Они добежали до конца лестницы и рванули по освещенному факелами переходу с неровными каменными стенами — сильно напоминало переход в подземелье Злея в «Хогварце». Двери здесь были тяжелые, деревянные, с железными засовами и замочными скважинами.

— Зал заседаний... десять... кажется... мы почти... да.

Споткнувшись, мистер Уизли остановился перед мрачной темной дверью с огромным железным замком и, хватаясь за грудь, бессильно привалился к стене.

— Иди, — еле слышно выговорил он, показывая на дверь большим пальцем. — Давай.

— А вы... вы не пойдете...

— Нет-нет, мне нельзя. Ну... удачи!

Сердце Гарри выбивало бешеный ритм в горле. Он сглотнул, повернул тяжелую железную дверную ручку и переступил порог зала судебных заседаний.

Глава восьмая

Дисциплинарное слушание

Гарри ахнул; он не мог сдержаться. Огромное подземелье показалось ему до ужаса знакомым. Он не только видел это место раньше, он уже здесь *бывал*. Именно сюда он попал, заглянув в дубльдум Думбльдора, — здесь Лестранжей приговорили к пожизненному заключению в Азкабан.

Темные каменные стены тускло освещались факелами. Слева и справа поднимались ряды пустых скамей, а напротив, на самом верху, сидело много людей, плохо различимых в полумраке. Они негромко беседовали, но, стоило тяжелой двери захлопнуться за Гарри, воцарилась зловещая тишина.

Затем раздался холодный мужской голос:

— Вы опоздали.

— Простите, — нервно сказал Гарри. — Я… я не знал, что заседание перенесли.

— Мудрейх в этом не виноват, — ответил голос. — Сегодня утром вам была заблаговременно послана сова. Садитесь.

Взгляд Гарри упал на одинокое кресло в центре зала, с цепями на подлокотниках. Он видел, как эти цепи оживали и приковывали к креслу всякого, кто туда садился. Гарри направился к креслу; подошвы гулко стучали по каменному полу. Он опасливо присел на самый краешек, цепи угрожающе лязгнули, но приковывать его не стали. Гарри поднял глаза.

Человек пятьдесят, все в мантиях цвета спелой сливы с красиво вышитой серебряной буквой «М» слева на груди, смотрели на Гарри сверху, одни строго, другие — с искренним любопытством.

В самом центре первого ряда восседал министр магии Корнелиус Фудж. Он был плотный мужчина и чаще всего носил котелок лаймового цвета; впрочем, сегодня он расстался с котелком — а также со всепрощающей улыбкой, которой когда-то непременно приветствовал Гарри. Слева от Фуджа сидела объемистая ведьма с

очень короткими седыми волосами и квадратной челюстью; она носила монокль и смотрелась на редкость грозно.

– Прекрасно, – проговорил Фудж. – Обвиняемый явился – наконец-то – давайте начинать. Вы готовы?! – крикнул он кому-то в конце ряда.

– Да, сэр, – с готовностью отозвался голос, который Гарри узнал. В переднем ряду с краю сидел Перси, брат Рона. Гарри посмотрел, ожидая что тот его узнает и подаст какой-нибудь знак, но ничего подобного не случилось. Перси не отрываясь смотрел на пергамент сквозь очки в роговой оправе, занеся перо.

– Дисциплинарное слушание от двенадцатого августа сего года, – звучно заговорил Фудж, и Перси сразу же начал строчить, – по обвинению в нарушении декрета о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних и Международного закона о секретности. Обвиняемый – Гарри Джеймс Поттер, проживающий по адресу: Суррей, Литтл Уинджинг, Бирючинная улица, дом номер четыре. Дознаватели: Корнелиус Освальд Фудж, министр магии; Амелия Сьюзен Боунс, глава департамента защиты магического правопорядка; Долорес Джейн Кхембридж, старший заместитель министра. Судебный писец, Перси Игнациус Уизли…

– Свидетель защиты, Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Думблдор, – произнес тихий голос за спиной у Гарри, и тот обернулся так резко, что чуть не свернул себе шею.

По залу безмятежно шагал абсолютно невозмутимый Думблдор в длинной темно-синей мантии. В длинных серебристых волосах и бороде сверкали отблески факельного пламени. Думблдор поравнялся с Гарри и сквозь очки со стеклами-полумесяцами, сидевшие ровно посередине невероятно крючковатого носа, взорвался на Фуджа.

Члены Мудрейха заволновались. Теперь все они смотрели на Думблдора. Кое-кто досадовал, другие слегка перепугались; впрочем, две пожилые ведьмы из заднего ряда приветственно ему помахали.

В груди у Гарри вновь мощно зацвела надежда – так же действовала на него песнь феникса. Он попытался поймать взгляд Думблдора, но тот, не поворачивая головы, смотрел вверх, на явно растерянного Фуджа.

– А, – сказал Фудж, совершенно сконфузившись, – Думблдор. Да. Значит, вы… э-э… получили наше… э-э… сообщение о том, что время и… э-э… место слушания были изменены?

– Нет, оно до меня не дошло, – весело ответил Думбльдор – Однако по счастливому недоразумению я оказался в министерстве на три часа раньше, чем нужно, так что ничего страшного.

– Да... мmm... полагаю, нам понадобится еще кресло... я... Уизли, вы не могли бы?..

– Что вы, что вы, не беспокойтесь, – любезно остановил его Думбльдор. Он достал волшебную палочку, легонько ею взмахнул, и рядом с Гарри возникло мягкое ситцевое кресло. Думбльдор сел, сложил длинные пальцы домиком и поверх них с вежливым интересом уставился на Фуджа. Члены Мудрейха никак не могли успокоиться – они переговаривались, ерзали и затихли, только когда Фудж снова заговорил.

– Да, – сказал он, перебирая бумаги. – Начнем. Итак. Обвинения. Да.

Он извлек из стопки пергаментный лист, вдохнул поглубже и стал читать:

– Обвинения выдвигаются следующие: Гарри Джеймс Поттер, пребывая в здравом уме и твердой памяти, полностью осознавая незаконность своих действий и уже будучи однажды предупрежден министерством магии в письменной форме в связи с аналогичным инцидентом, второго августа сего года, в двадцать три минуты десятого, в муглонаселенном районе и в присутствии мугла, в нарушение статьи С декрета 1875 года о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних, а также раздела 13 Закона о секретности, принятого Международной конфедерацией чародейства, незаконно исполнил заклятие Заступника. Скажите, вы – Гарри Джеймс Поттер, проживающий по адресу: Суррей, Литтл Уинджинг, Бирючинная улица, дом номер четыре? – спросил Фудж, свирепо глядя на Гарри поверх пергамента.

– Да, – ответил Гарри.

– Три года назад вы уже получали официальное предупреждение от министерства в связи с незаконным колдовством, не так ли?

– Да, но...

– И тем не менее вечером второго августа вызвали Заступника? – продолжал Фудж.

– Да, – ответил Гарри, – но...

– Будучи осведомлены, что, до тех пор пока вам не исполнится семнадцати лет, вы не имеете права колдовать вне стен учебного заведения?

– Да, но...

– Будучи осведомлены, что вы находитесь в районе, населенном муглами?

– Да, но...

– Будучи осведомлены, что один из муглов находится рядом с вами?

– Да, – рассердился Гарри, – но я сделал это потому, что нас...

Ведьма с моноклем вдруг заговорила зычным голосом:

– Вы произвели полноценного Заступника?

– Да, – подтвердил Гарри, – потому что...

– Овеществленного Заступника?

– Э-э... какого?

– Ваш Заступник имел четкие формы? Я хочу сказать, это было не просто облачко?

– Нет, – ответил Гарри, раздражаясь и уже впадая в отчаяние, – это олень. Это всегда олень.

– Всегда? – прогудела мадам Боунс. – Значит, вы и раньше вызывали Заступника?

– Да, – сказал Гарри. – Я это умею уже больше года.

– Вам пятнадцать лет?

– Да, и...

– Вас научили этому в школе?

– Да. Меня научил профессор Люпин, когда я был в третьем классе, из-за...

– Впечатляюще. – Мадам Боунс пристально поглядела на него с высоты. – Полноценный Заступник в таком возрасте... весьма, весьма впечатляюще.

Прочие колдуны и ведьмы снова загомонили; некоторые кивали, другие хмурились и качали головами.

– Вопрос не в том, насколько это впечатляюще, – недовольно проговорил Фудж, – точнее сказать, чем более впечатляюще, тем хуже, если учесть, что он проделал это на виду у мугла!

Хмутившиеся согласно забормотали, а Перси самодовольно наклонил голову, и это заставило Гарри заговорить.

— Но ведь дементоры! — выкрикнул он, пока еще кто-нибудь не перебил.

Он ждал, что все опять загалдят, но в зале повисло гробовое молчание.

— Дементоры? — после паузы переспросила мадам Боунс. Ее густые брови медленно ползли вверх, монокль грозил выпасть из глаза. — Что ты хочешь этим сказать, мальчик?

— Я хочу сказать, что там было два дементора, и они напали на меня и на моего двоюродного брата!

— А. — Фудж с неприятной ухмылкой обвел взглядом собрание, как бы приглашая всех посмеяться над шуткой. — Разумеется. Я примерно так и думал.

— Дементоры в Литтл Уинджинге? — с крайним удивлением спросила мадам Боунс. — Я не понимаю...

— Неужели, Амелия? — не переставая ухмыляться, проговорил Фудж. — Тогда позвольте мне объяснить. У него было время все обдумать, и он решил, что дементоры послужат ему прекрасным, просто замечательным оправданием. Ведь муглы не видят дементоров, не так ли, юноша? И очень кстати, очень кстати... никаких свидетелей, только твое слово...

— Я не вру! — Громкий голос Гарри перекрыл побежавший по залу ропот. — Их было двое, по одному с каждой стороны переулка, все потемнело, стало холодно, мой двоюродный брат почувствовал их и побежал...

— Ну хватит, хватит! — бросил Фудж очень надменно. — Жаль прерывать твой, вне всякого сомнения, тщательно отрепетированный рассказ...

Думблдор прочистил горло. Члены Мудрейха притихли.

— Так случилось, что у нас есть свидетель появления дементоров в переулке, — сообщил Думблдор. — Помимо Дудли Дурслея.

Пухлое лицо Фуджа обвисло, будто кто-то выпустил из него воздух. Секунду или две он молча смотрел на Думблдора, а потом, взяв себя в руки, сказал:

— Боюсь, Думблдор, сегодня у нас нет времени на всякие врачи. Я хочу покончить с этим делом как можно скорее...

— Я, безусловно, могу ошибаться, — вежливо отозвался Думблдор, — но, насколько я знаю, в принятой Мудрейхом Хартии о

правах говорится, что обвиняемые имеют право представлять суду свидетелей по своему делу? Мадам Боунс, разве это не согласуется с политикой департамента защиты магического правопорядка? – обратился он к ведьме с моноклем.

– Вы правы, – ответила та. – Совершенно правы.

– Ну хорошо, хорошо, – огрызнулся Фудж. – Где там ваш свидетель?

– Свидетельница, – уточнил Думбльдор. – Я привел ее с собой. Она за дверью. Мне сходить?..

– Нет… Уизли, сходите вы, – рявкнул Фудж. Перси тут же вскочил, сбежал по ступенькам с судейского балкона и промчался мимо Гарри и Думбльдора, ни разу на них не поглядев.

Через секунду Перси вернулся. За ним плелась перепуганная миссис Фигг. Выглядела она полоумнее обычного. Не могла догадаться сменить шлепанцы на что-нибудь приличное, подумал Гарри.

Думбльдор встал, уступая свое кресло миссис Фигг, и наколдовал для себя новое.

– Полное имя? – громко спросил Фудж, когда оробевшая миссис Фигг устроилась на краешке кресла.

– Арабелла Дорин Фигг, – ответила миссис Фигг дрожащим старческим голосом.

– И кто вы такая? – с ленивым высокомерием осведомился Фудж.

– Я – жительница Литтл Уинджинга. Соседка Гарри Поттера.

– Согласно нашим данным, в Литтл Уинджинге, помимо Гарри Поттера, не проживает никаких колдунов или ведьм, – вмешалась мадам Боунс. – Мы следим за этим очень тщательно, учитывая… учитывая прошлые события.

– Я шваха, – пояснила миссис Фигг. – Я не подлежу регистрации.

– Ах, значит, шваха? – сказал Фудж, подозрительно в нее вглядываясь. – Мы это проверим. Перед уходом предоставьте сведения о ваших родителях моему помощнику Уизли. Кстати, швахи видят дементоров? – прибавил он, оглядываясь на коллег.

– Разумеется, видят! – возмутилась миссис Фигг.

Фудж, подняв брови, снова посмотрел на нее сверху вниз.

– Великолепно, – равнодушно бросил он. – Так что же вы хотите нам рассказать?

— Второго августа, около девяти часов вечера, я пошла за едой для кошек в магазинчик на углу Глициниевого переулка, — заученно забубнила миссис Фигг, — и вдруг услышала, что из проулка между Магнолиевым проездом и Глициниевым переулком доносится какой-то шум. Подойдя ближе, я увидела бегущих дементоров...

— Бегущих? — Мадам Боунс пронзила ее острым взглядом. — Дементоры не бегают, они скользят.

— Это я и хотела сказать, — быстро поправилась миссис Фигг. На ее морщинистых щеках появилось два розовых пятна. — Скользивших по переулку по направлению к двум мальчикам.

— Как они выглядели? — спросила мадам Боунс и так сильно сощурилась, что края монокля исчезли в складках кожи.

— Ну, один такой толстый, а второй довольно-таки тощий...

— Нет-нет, — нетерпеливо перебила мадам Боунс. — Дементоры. Опишите их.

— А, — сказала миссис Фигг. Из-под ее воротника тоже выползала краснота. — Большие такие. В плащах.

У Гарри засосало в животе. Что бы ни говорила миссис Фигг, в самом лучшем случае она видела картинку с изображением дементора. А никакая картинка не способна передать того смертельного ужаса, который испытывает всякий, кто видит, как эти кошмарные потусторонние существа гладко скользят по воздуху над самой землей, кто чует их гнилостный запах, слышит, как они с хриплым прерывистым свистом втягивают в себя воздух...

Во втором ряду какой-то крепкий мужчина с большими черными усами наклонился к своей курчавой соседке и что-то прошептал ей на ухо. Та усмехнулась и кивнула.

— Большие, в плащах, — невозмутимо повторила мадам Боунс. Фудж скептически хмыкнул. — Понимаю. Что-нибудь еще?

— Да, — кивнула миссис Фигг. — Я их чувствовала. Вокруг стало холодно-холодно, а ведь был, заметьте, на редкость жаркий летний вечер. И мне показалось... что из нашего мира исчезло все счастье... и я вспомнила... ужасные вещи...

Ее голос дрогнул и затих.

Глаза мадам Боунс чуть расширились. Гарри увидел красные отметины там, куда врезался монокль.

– Что делали эти дементоры? – спросила она, и к Гарри вернулась надежда.

– Они напали на мальчиков, – ответила миссис Фигг громче и увереннее. Краснота начала сходить с ее лица. – Один упал. Другой отступал, стараясь отогнать дементора. Это был Гарри. Он пробовал два раза, но у него получался только серебристый дымок. С третьей попытки он вызвал Заступника, который прогнал первого дементора, а потом, по приказу Гарри, и второго. Вот... что тогда случилось, – немного неуклюже закончила миссис Фигг.

Мадам Боунс молча смотрела на свидетельницу. Фудж, напротив, не смотрел на нее, а возился с бумагами. Наконец он поднял глаза и довольно агрессивно спросил:

– Стало быть, вот что вы тогда видели?

– Вот что тогда случилось, – повторила миссис Фигг.

– Очень хорошо, – сказал Фудж. – Можете идти.

Миссис Фигг перевела испуганный взгляд с Фуджа на Думбльдора, затем встала и зашаркала к выходу. Гарри услышал, как за ней с грохотом захлопнулась дверь.

– Не слишком убедительное свидетельство, – пренебрежительно бросил Фудж.

– Ну, не знаю, – звучно отозвалась мадам Боунс. – Свидетельница очень точно описала чувства, возникающие при появлении дементоров. И я не могу себе представить, зачем ей говорить, что они там были, если их там не было.

– Да, но... дементоры разгуливают по мугловому городишке и *случайно* встречают колдуна? – фыркнул Фудж. – Шансы крайне, крайне малы. Даже Шульман на такое не поставил бы...

– Вряд ли здесь найдется человек, способный поверить, что дементоры оказались там *случайно*, – проронил Думбльдор.

Ведьма справа от Фуджа – ее лицо скрывалось в полумраке – чуть поерзала. Остальные молча застыли.

– Что вы имеете в виду? – ледяным голосом спросил Фудж.

– Я имею в виду, что кто-то их туда отправил, – ответил Думбльдор.

– Если бы кто-то приказал парочке дементоров прогуляться по Литтл Уинджингу, у нас имелась бы об этом запись! – рявкнул Фудж.

– Не обязательно, если дементоры теперь повинуются приказам, исходящим не из министерства, – спокойно произнес Думблдор. – Я уже высказывал свою точку зрения по этому вопросу, Корнелиус.

– Да, высказывали, – напористо ответил Фудж, – но у меня нет ни малейших оснований в это верить. Это пустая болтовня, Думблдор. Дементоры, как и прежде, находятся в Азкабане и повинуются только нам.

– В таком случае, – сказал Думблдор тихо, но отчетливо, – нам следует спросить себя, кто из сотрудников министерства мог второго августа сего года отправить дементоров в тот проулок.

В полном молчании, последовавшем за этими словами, ведьма справа от Фуджа подалась вперед, и Гарри впервые ее рассмотрел.

Она походила на большую бледную жабу – коренастая, почти без шеи (совсем как дядя Верон), с широким дряблым лицом, длинным ртом с опущенными вниз уголками и огромными, круглыми, слегка выпученными глазами. Даже черный бархатный бантик, водруженный сверху на короткие кудельки, напомнил Гарри большую муху, которую женщина-жаба вот-вот должна была слизнуть длинным липким языком.

– Слово передается Долорес Джейн Кхембридж, старшему заместителю министра, – сказал Фудж.

Ведьма заговорила высоким, трепетным, девчачим голоском, и Гарри очень удивился: он-то был уверен, что она заквакает.

– Кажется, я недопоняла вас, профессор Думблдор, – произнесла она с жеманством, нисколько не отразившимся в круглых холодных глазах. – Какая я глупая! Но мне на кро-о-охотную долю секунды показалось, будто бы вы высказали предположение, что министерство магии могло отдать дементорам приказ напасть на этого мальчика!

Она засмеялась серебристым смехом, от которого у Гарри встали дыбом волосы на затылке. Несколько других членов Мудрейха засмеялись вместе с ней. Было абсолютно ясно, что ни одному из них вовсе не смешно.

– Если верно, что дементоры подчиняются исключительно приказам министерства, и если также верно, что неделю назад два дементора напали на Гарри и его кузена, из этого логично заключить, что дементоры действовали по приказу сотрудника министерства, –

вежливо сказал Думблдор. – Разумеется, правомочно и другое объяснение:

именно эти два дементора вышли из-под министерского контроля…

– Дементоров, вышедших из-под министерского контроля, нет и быть не может! – выкрикнул Фудж, чье лицо стало кирпичного цвета.

Думблдор склонил голову в легком поклоне:

– Надеюсь, в таком случае министерство предпримет все необходимые меры к тому, чтобы расследовать причины появления дементоров в очень удаленном от Азкабана районе, а также причины их несанкционированного нападения на людей.

– Не вам, Думблдор, решать, что министерство предпримет, а чего не предпримет! – зарычал Фудж. Лицо его стало теперь сизобагровым, и такому оттенку позавидовал бы сам дядя Верон.

– Разумеется, нет, – кротко ответствовал Думблдор. – Я всего лишь позволил себе выразить уверенность в том, что это дело расследуют надлежащим образом.

Он посмотрел на мадам Боунс. Та поправила монокль и чуть нахмурилась.

– Хочу напомнить собралию, что мы здесь не для того, чтобы обсуждать поведение дементоров, даже если они и не являются плодом воображения этого юноши! – заявил Фудж. – Мы слушаем дело Гарри Поттера, обвиняемого в нарушении декрета о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних!

– Разумеется, – согласился Думблдор, – однако наличие дементоров в проулке – принципиально важное обстоятельство данного дела. Клаузула седьмая вышеупомянутого декрета в исключительных обстоятельствах допускает применение колдовства в присутствии муглов, а так как под определение исключительных обстоятельств подпадают ситуации, угрожающие жизни колдуна или ведьмы, а также любых других колдунов, ведьм или муглов, присутствующих на месте соверше…

– Благодарю вас, Думблдор, клаузула седьмая нам прекрасно известна! – рявкнул Фудж.

– Разумеется, – учиво согласился Думблдор. – Стало быть, мы все согласны, что действия Гарри, а именно вызов им Заступника,

подпадают под ка-тегорию исключительных обстоятельств, описываемых данной клаузулой?

– Да, если там действительно были дементоры, в чем я лично сильно сомневаюсь...

– Вы слышали показания свидетельницы, – перебил Думбльдор. – Если вы сомневаетесь в их правдивости, вызовите ее еще раз и допросите снова. Я уверен, что она не станет возражать.

– Я... что... нет... – выпалил Фудж, яростно вороша бумаги. – Это... Я хочу покончить с этим сегодня, Думбльдор!

– Но ведь вы, разумеется, готовы заслушивать показания свидетеля столько раз, сколько потребуется для установления истины, во избежание попрания правосудия? – сказал Думбльдор.

– Попрания правосудия! Да в шляпу это ваше попрание! – взревел Фудж. – Думбльдор, вы когда-нибудь, вместо того чтобы без конца покрывать вопиющие безобразия этого мальчишки, пытались посчитать, сколько бредовых историй он насочинял? Вы, наверное, забыли, что три года назад он наложил невесомую чару...

– Это не я! Это домовый эльф! – выкрикнул Гарри.

– ВИДИТЕ? – прогрохотал Фудж, театрально указывая на него. – Домовый эльф! У муглов! Я вас умоляю!

– Упомянутый эльф в настоящее время служит в школе «Хогварц», – сказал Думбльдор. – Я могу сию же минуту представить его собранию для дачи показаний.

– Я... не... у меня нет времени допрашивать домовых эльфов! В любом случае это не единственное... Он надул свою тетку! – завопил Фудж, ударяя кулаком по столу и опрокидывая чернильницу.

– Вы же и сами тогда проявили понимание и не стали выдвигать обвинение, сознавая, я полагаю, что даже лучшие из нас не всегда в силах контролировать свои эмоции, – спокойно заметил Думбльдор. Фудж между тем пытался стереть чернила со своих записей.

– Я уж не говорю о том, что он вытворяет в школе...

– В связи с тем, что контроль за дисциплиной в стенах учебного заведения не входит в компетенцию министерства, поведение Гарри в школе не должно интересовать уважаемое собрание, – по-прежнему вежливо, но с легким холодком произнес Думбльдор.

– Ого! – воскликнул Фудж. – Значит, то, что творится у вас в школе, не наше дело? Так вас следует понимать?

— Министерство не имеет права исключать учеников из «Хогварца», как я уже имел счастье напомнить вам вечером второго августа сего года, — негромко проговорил Думблдор. — И оно не имеет права конфисковывать волшебную палочку до того, как будут доказаны выдвинутые против ее владельца обвинения, о чем я также напоминал вам вечером второго августа сего года. В вашем похвальном стремлении соблюсти букву закона вы сами сумели, — я уверен, что не намеренно, — несколько законов нарушить.

— Законы можно изменить, — свирепо сказал Фудж.

— Разумеется, — Думблдор слегка наклонил голову, — и вы, Корнелиус, явно меняете многое. Подумать только: за несколько недель, что прошли с тех пор, как меня попросили оставить Мудрейх, у вас уже стало обычной практикой разбирать простое дело о колдовстве несовершеннолетнего в присутствии полного состава суда!

На скамьях кое-кто беспокойно зашевелился. Фудж стал краснобурый. Жабоподобная ведьма справа от него, однако, невозмутимо смотрела на Думблдора.

— Насколько мне известно, — продолжил Думблдор, — закон, который разрешал бы данному собранию наказать Гарри за все прегрешения разом, пока еще не принят. Против него было выдвинуто конкретное обвинение, и он представил доказательства в свою защиту. Теперь нам с ним остается лишь покорно ожидать решения высоких судей.

Думблдор умолк и снова сложил домиком длинные пальцы. Фудж сверлил его взглядом, чуть ли не дымясь от гнева. Гарри скосил глаза на Думблдора, рассчитывая, что тот его как-то успокоит; Гарри вовсе не был уверен, что директор поступил правильно, фактически вынудив Мудрейх принять решение прямо сейчас. Однако Думблдор опять не заметил попыток Гарри заглянуть ему в глаза. Он неотрывно смотрел вверх, на судейские скамьи, на членов Мудрейха, погрузившихся в жаркое, но почти неслышное обсуждение.

Гарри уставился себе под ноги. Сердце как будто раздулось до немыслимых размеров и с грохотом билось о ребра. Он думал, что слушание продлится гораздо дольше. Он сомневался, что произвел хорошее впечатление. Он, собственно, почти ничего не сказал. Надо было подробнее объяснить им про дементоров, как он упал, как их с Дудли чуть не поцеловали...

Дважды он взглядывал на Фуджа и открывал рот, но распухшее сердце перекрывало доступ кислорода, и оба раза Гарри лишь тяжело переводил дух и опять опускал глаза к ботинкам.

Внезапно шепот прекратился. Гарри хотел посмотреть на судей, но обнаружил, что ему гораздо, гораздо, гораздо легче рассматривать собственные шнурки.

— Поднимите руки те, кто считает, что обвиняемый невиновен, — прогремел голос мадам Боунс.

Гарри рывком задрал голову. Вверх взметнулись руки, много рук... больше половины! Очень часто дыша, Гарри хотел было их сосчитать, но не успел — мадам Боунс сказала:

— Поднимите руки те, кто считает, что обвиняемый виновен.

Руку поднял Фудж, а с ним и полдюжины других членов Мудрейха, в том числе тетя-жаба, колдун с большими усами и кучерявая дама из второго ряда.

С такой гримасой, будто у него в горле застрял огромный кусок, Фудж обвел всех взглядом, а затем опустил руку. Он сделал два очень глубоких вдоха и сказал, с превеликим трудом подавляя бешенство:

— Очень хорошо, очень хорошо... Оправдан по всем статьям.

— Превосходно, — проговорил Думблдор, легко вскочил, достал палочку и убрал кресла. — Что же, мне пора. Доброго всем дня.

И, так и не взглянув на Гарри, быстро вышел из подземелья.

Глава девятая

Терзания миссис Уизли

Гарри никак не ожидал, что Думбльдор уйдет столь внезапно. Ослабев от шока и облегчения, он так и сидел в кресле с цепями. Члены Мудрейха поднимались, переговаривались, собирали бумаги. Гарри встал. Никто его не замечал, за исключением жабоподобной ведьмы, которая теперь смотрела на него, как до того смотрела на Думбльдора. Мысленно от нее отмахнувшись, Гарри попытался поймать взгляд Фуджа или мадам Боунс, чтобы спросить, можно ли ему идти, но Фудж, как видно, твердо решил игнорировать Гарри, а мадам Боунс возилась со своим портфелем. Гарри очень осторожно сделал несколько шагов к выходу. Его не окликнули, и тогда он быстро-быстро пошел к двери.

Последнюю пару футов он одолел бегом, распахнул дверь и едва не столкнулся со смертельно-бледным, испуганным мистером Уизли.

– Думбльдор не сказал...

– Оправдан, – закрывая дверь, сообщил Гарри, – по всем статьям!

Мистер Уизли просиял и схватил его за плечи.

– Гарри, это же отлично! Нет, конечно, иначе и быть не могло, с такими-то уликами, но, не стану скрывать, я все-таки...

И тут он осекся, потому что дверь снова открылась и из зала потянулись члены Мудрейха.

– Мерлинова борода! – увлекая Гарри в сторону, чтобы он не стоял на проходе, воскликнул мистер Уизли. – Они что, судили тебя полным составом?

– Похоже, – тихо ответил Гарри.

Один или два колдуна кивнули Гарри, несколько, в том числе и мадам Боунс, сказали «Доброе утро, Артур» мистеру Уизли, но большинство просто отводили глаза. Корнелиус Фудж и жабоподобная ведьма покинули подземелье едва ли не последними. Фудж сделал вид, будто Гарри и мистер Уизли – настенное украшение, зато ведьма оглядела Гарри почти оценивающе. Самым последним из зала

заседаний вышел Перси. Он, как и Фудж, не обратил внимания ни на отца, ни на Гарри и, с прямой спиной, задрав нос, гордо прошествовал мимо с большим пергаментным свитком и охапкой запасных перьев в руках. У мистера Уизли резче обозначились морщины возле рта, но в остальном по нему никак нельзя было сказать, что он видит одного из своих сыновей. Перси стал подниматься по лестнице на девятый этаж. Едва его ботинки скрылись из виду, мистер Уизли сказал:

— Поедем домой, поделившись со всеми хорошей новостью. — Он поманил Гарри за собой: — Мне все равно надо в Бетнал-Грин, разбираться с унитазом, — закину тебя по дороге. Пошли...

— Что же вы будете с ним делать, с этим унитазом? — поинтересовался Гарри. Он широко улыбался — неожиданно все вокруг стало в пять раз смешнее. До Гарри постепенно доходило: он оправдан, *он возвращается в «Хогвартс»*...

— Ерунда, простейшая антипорча, — уже на лестнице ответил мистер Уизли. — Здесь проблема не в том, как все исправить. Сложнее разобраться в истинных причинах такого вандализма. Нередко колдунам кажется, что все это — безобидное дурачество, но, на мой взгляд, в подобном издевательстве над муглами выражается нечто глубинное, отвратительное, и лично я...

Он оборвал себя на полуслове. В коридоре на девятом этаже, рядом с лестничной клеткой, стоял Корнелиус Фудж и тихо говорил что-то высокому мужчине с гладкими светлыми волосами и бледным заостренным лицом.

Заслышиав шаги, мужчина обернулся. И тоже замолчал на полуслове. Он вперил в Гарри ледяной взгляд, и его серые глаза сузились.

— Так-так-так... Заступник Поттер, — с издевкой проговорил Люциус Малфой.

Гарри задохнулся, точно на всем ходу врезался в твердую стену. В последний раз эти стальные глаза смотрели на него сквозь прорези капюшона Упивающегося Смертью, а этот надменный голос глумился, когда его пытал лорд Вольдеморт. Гарри не верил своим глазам: как Люциус Малфой осмеливается смотреть ему в лицо? И как Фудж может спокойно с ним беседовать, если Гарри всего несколько недель назад сказал ему, что Малфой — Упивающийся Смертью?

— Министр поведал мне, как ты счастливо отделался, Поттер, — прощедил мистер Малфой. — Поразительно, как тебе всегда удается ускользнуть от наказания?.. Какой ты скользкий, Поттер! Прямо *как змея*.

Мистер Уизли предупреждающе вцепился Гарри в плечо.

— Да, — согласился Гарри, — я такой. Всегда ускользну.

Люциус Малфой перевел взгляд на мистера Уизли:

— А вот и Артур Уизли! Что ты здесь забыл, Артур?

— Я здесь работаю, — бросил мистер Уизли.

— *Здесь?* — Мистер Малфой поднял брови и глянул на дверь за спиной у мистера Уизли. — А я-то думал, что ты работаешь на втором этаже. Напомни-ка мне, в чем она заключается, эта твоя работа? Ты, кажется, таскаешь домой мугловые вещи и там их зачаровываешь?

— Ошибаешься, — рявкнул мистер Уизли, и его пальцы еще глубже впились Гарри в плечо.

— А вы сами-то что здесь делаете? — осведомился Гарри у Люциуса Малфоя.

— Это касается меня и министра магии, но совершенно не касается тебя, Поттер, — ответил Малфой, оглаживая мантию. Гарри отчетливо услышал тихое звяканье — такое мог издать лишь карман, полный денег. — И не забывай: хоть ты и любимчик Думблдора, нельзя ожидать подобной снисходительности от всех... Не подняться ли нам в ваш кабинет, министр?

— Разумеется, — сказал Фудж, поворачиваясь спиной к Гарри и мистеру Уизли. — Прошу сюда, Люциус.

Негромко разговаривая, Фудж и Малфой пошли прочь. Пока они не скрылись в лифте, мистер Уизли не отпускал плеча Гарри.

— Если у них какие-то дела, почему он не подождал Фуджа у кабинета? — гневно выпалил Гарри. — Что ему понадобилось здесь?

— Наверно, хотел проникнуть в зал заседаний, — ответил мистер Уизли. Он был очень возбужден и все время озирался, будто опасаясь, что их могут подслушать. — Узнать, исключили тебя или нет. Дома надо мне не забыть оставить сообщение для Думблдора, он обязательно должен знать, что Малфой опять встречался с Фуджем.

— А что у них с Фуджем вообще за дела?

— Денежные, я полагаю, — сердито сказал мистер Уизли. — Малфой годами раздает пожертвования... Завязывает знакомства с нужными

людьми... А потом обращается к ним с просьбами... Например, приостановить проведение какого-то неугодного ему закона... Что и говорить, связи у Люциуса Малфоя *ценные*.

Приехал лифт, совершенно пустой, если не считать стайки сообщений, которые тут же принялись виться над головой мистера Уизли. Тот нажал кнопку «Атриум» и раздраженно от них отмахнулся.

— Мистер Уизли, — медленно начал Гарри, — если Фудж общается с Малфоем, с Упивающимися Смертью, к тому же наедине, откуда мы знаем, что он не под проклятием подвластия?

— Ты не единственный, кому пришла в голову эта мысль, Гарри, — пробормотал мистер Уизли. — Но Думблдор считает, что сейчас Фудж действует по собственному разумению... что, как говорит Думблдор, тоже не утешает. Не стоит нам здесь об этом.

Двери раскрылись, и они вышли в просторный и почти опустевший атриум. Охранник Эрик прятался за газетой. Они уже миновали фонтан, и тут Гарри вдруг вспомнил.

— Подождите... — остановил он мистера Уизли и, доставая из кармана кошель, направился назад, к фонтану.

Он заглянул в красивое лицо колдуна. Вблизи оно казалось безвольным и глупым. На губах ведьмы играла целлулоидная улыбка участницы конкурса красоты. Что же касается гоблина и кентавра, то, насколько знал их Гарри, они ни за что не стали бы с такой слюнявой слашавостью взирать даже на самых распрекрасных колдунов. Убедительным выглядело лишь подобострастное раболепие домового эльфа. Усмехнувшись при мысли о том, что сказала бы Гермиона, если бы увидела эту статью, Гарри развязал тесемки и вытряс из кармана десять галлеонов, а все, что было.

— Я так и знал! — заорал Рон, кулаком рубя воздух. — Как всегда, пронесло!

— Куда бы они делись, — отозвалась Гермиона. Когда Гарри вошел в кухню, Гермиона была близка к обмороку, а теперь дрожащей рукой прикрывала глаза. — У них ничего против тебя не было, ничего.

— Зачем же смотреть на меня с таким облегчением, если вы и так были уверены, что пронесет? — улыбнулся Гарри.

Миссис Уизли вытерла лицо фартуком, а Фред, Джордж и Джинни исполняли дикарский танец, распевая:

— Пронесло, пронесло, пронесло...

– Тихо! Успокойтесь! – прикрикнул мистер Уизли, хотя и он тоже улыбался. – Кстати, Сириус, в министерстве мы встретили Люциуса Малфоя…

– Что?! – вскинулся Сириус.

– Пронесло, пронесло, пронесло…

– Хватит, вы, трое! Да-да, мы застали его с Фуджем на девятом этаже. Они разговаривали, а потом вместе отправились в кабинет Корнелиуса Думблдор должен об этом знать.

– Да, – согласился Сириус. – Мы ему передадим, не беспокойся.

– Вот и хорошо. А то мне надо бежать – в Бетнал-Грин меня ждет страдающий рвотой унитаз. Молли, я задержусь, надо подменить Бомс, но к ужину, скорее всего, будет Кингсли…

– Пронесло, пронесло, пронесло…

– Фред – Джордж – Джинни! Замолчите! – крикнула миссис Уизли; ее муж вышел из кухни. – Гарри, дорогой, садись скорее, поешь, ты ведь совсем не завтракал.

Рон с Гермионой уселись напротив него, счастливые, какими Гарри не видел их за все время на площади Мракэнтлен. Пьянящая радость, угасшая было после встречи с Люциусом Малфоем, снова наполнила душу; угрюмый дом показался теплым и приветливым, а вездесущий Шкверчок, сунувший хоботок в дверь – глянуть, что за шум, – был не так уж и уродлив.

– Ясное дело: как Думблдор вступился, они уже не посмели тебя обвинить, – радостно сказал Рон, щедро раскладывая по тарелкам картофельное пюре.

– Да, он меня спас, – согласился Гарри. Ему хотелось добавить: «Хорошо бы он еще поговорил со мной. Или хотя бы на меня посмотрел», – но это прозвучало бы неблагодарно и, хуже того, поддетски.

Стоило это подумать, шрам заболел с такой силой, что Гарри непроизвольно схватился за лоб.

– Что? – встревожилась Гермиона.

– Шрам, – еле выговорил Гарри. – Не страшно… это теперь все время…

Остальные ничего не заметили; все ели и ликовали по поводу счастливого избавления Гарри. Фред, Джордж и Джинни продолжали

петь. Гермиона занервничала, но не успела и слова сказать, потому что довольный Рон воскликнул:

– Спорим, сегодня зайдет Думблдор! Должен же он с нами отпраздновать!

– Нет, Рон, вряд ли он сумеет выбраться, – возразила миссис Уизли, ставя перед Гарри гигантское блюдо с жареной курицей. – Он сейчас очень-очень занят.

– ПРОНЕСЛО, ПРОНЕСЛО, ПРОНЕСЛО...

– Да замолчите вы когда-нибудь?! – взревела миссис Уизли.

Гарри невольно отмечал, что в доме № 12 на площади Мракэнтлен есть человек, который не в восторге от его возвращения в «Хогварц». Услышав новости, Сириус очень успешно изобразил радость: долго жал Гарри руку, сиял и улыбался вместе со всеми. Но вскоре помрачнел еще сильнее, с каждым днем становился все угрюмее, почти ни с кем не разговаривал, даже с Гарри, и все чаще запирался наверху, в спальню матери, с Конькуром.

– Только не вздумай угрывать! – сурово сказала Гермиона, когда Гарри поделился с нею и Роном своими переживаниями. После слушания миновало несколько дней, и сейчас они втроем отскребали от грязи чулан на третьем этаже. – Твое место в «Хогварце», и Сириус это прекрасно знает. По-моему, он себя ведет эгоистично.

– Ну, это уж чересчур, – возразил Рон, сосредоточенно отчищая с пальца упрямый кусок плесени. – Тебе тоже бы не понравилось торчать здесь в одиночестве.

– В каком одиночестве? – осведомилась Гермиона. – А Орден Феникса? Просто он надеялся, что Гарри переедет сюда.

– Вряд ли, – сказал Гарри, выжимая тряпку. – Когда я спросил, можно ли мне будет жить с ним, он ничего толком не ответил.

– Потому что он сам не хотел обнадеживаться, – мудро изрекла Гермиона. – И потом, ему, наверное, было стыдно, потому что втайне он и вправду мечтал, чтобы тебя исключили. Тогда вы оба стали бы изгоями...

– Да ладно тебе! – хором оборвали ее Рон и Гарри, но Гермиона лишь пожала плечами:

– Пожалуйста. Только я порой думаю, Рон, что твоя мама права: временами Сириус путается и не понимает, что Гарри – это Гарри, а не его отец.

– Ты что же, считаешь, у него с головой не все в порядке? – звился Гарри.

– Нет, я считаю, что он очень долго был очень одинок, – просто ответила Гермиона.

За их спинами в дверях спальни показалась миссис Уизли.

– До сих пор не закончили? – сунув голову в чулан, недовольно спросила она.

– Я думал, ты пришла предложить нам немного отдохнуть! – горько вздохнул Рон. – Знаешь, сколько грязи мы уже оттерли за все это время?

– Вы же мечтали помочь Ордену, – пожала плечами миссис Уизли. – Приводите в порядок его штаб-квартиру.

– Я тут прямо как домовой эльф, – пробурчал Рон.

– Вот, теперь ты видишь, какая ужасная у них жизнь? Теперь ты понимаешь, что должен активнее принимать участие в П.У.К.Н.И.?!

 – с надеждой вскричала Гермиона, как только миссис Уизли вышла из комнаты. – Пожалуй, было бы неплохо устроить благотворительную уборку гриффиндорской гостиной, а доходы передать в фонд П.У.К.Н.И. Пополним бюджет и повысим осведомленность граждан...

– Я сам передам тебе все свои доходы, лишь бы ничего больше не слышать о ПУКНИ, – раздраженно пробормотал Рон, но расслышал только Гарри.

Приближался последний день каникул. Гарри все чаще предавался мечтам о «Хогварце». Ему не терпелось снова увидеть Огрида, снова играть в квидиши, снова ходить через огород в теплицы на гербологию. Да что там: убраться из этого пыльного, грязного дома, где половина чуланов до сих пор заперты на засовы, а из углов хрюпит проклятия Шкверчок, – уже счастье!.. Хотя при Сириусе Гарри, разумеется, ничего такого не говорил.

Оказалось, что жить при штабе антивольдемортовского движения совсем не так интересно, как можно было подумать. Конечно, члены Ордена появлялись в доме регулярно, иногда оставались поесть, а иногда забегали, торопливо перешептывались и через пять минут убегали. Но миссис Уизли строго следила за тем, чтобы Гарри и компания не слышали ни слова (ни ушами, ни подслушами); видимо, все, даже Сириус, считали, что Гарри не следует знать больше, чем ему рассказали в первый вечер.

За день до возвращения в школу Гарри стоял на стуле и сметал со шкафа помет Хедвиги. В это время в комнату вошел Рон с двумя конвертами.

— Список книг, — сказал он, бросая один конверт Гарри. — Давно пора, я уж думал, они забыли, обычно присылают гораздо раньше...

Гарри смел остатки помета в мусорный мешок и через голову Рона швырнул мешок в корзину. Корзина заглотила мешок и сыто рыгнула из угла. Гарри вскрыл конверт. Два пергаментных листа: напоминание о том, что учебный год начинается первого сентября, и список необходимых учебников.

— Только два новых. — Гарри пробежал глазами список. — Миранда Истреб, «Сборник заклинаний (часть 5)» и Уилберт Уиляйл, «Теория защитной магии».

Хлоп.

Рядом материализовались Фред с Джорджем. Гарри уже так привык, что даже не сверзился со стула.

— Мы вот думаем, откуда взялась книга этого Уиляйла, — непринужденно заметил Фред.

— Это же значит, что Думбльдор нашел нового учителя защиты от сил зла, — пояснил Джордж.

— Что ж, вовремя, — сказал Фред.

— В каком смысле? — спросил Гарри, спрыгивая на пол.

— Мама с папой где-то месяц назад разговаривали, а мы слышали — через подслуши, — объяснил Фред. — По их словам выходило, что Думбльдор никак не может никого найти.

— Неудивительно. С четырьмя последними-то учителями что было? — заметил Джордж.

— Один помер, второй без памяти, третий уволен, четвертый десять месяцев жил в сундуке, — загибая пальцы, перечислил Гарри. — Да уж.

— Ты что, Рон? — вдруг спросил Фред.

Рон не ответил. Гарри оглянулся. Рон застыл, приоткрыв рот и остолбенело уставившись на письмо из «Хогварца».

— Да в чем дело? — нетерпеливо осведомился Фред, подошел и через плечо Рона заглянул в письмо.

И тоже открыл рот.

— Староста? — изумился он, глядя в письмо. — Староста?

Джордж бросился к ним, выхватил у Рона конверт, перевернул его вверх ногами, и Гарри увидел, что Джорджу в ладонь выпало что-то ало-золотое.

– Не может быть, – хрипло прошептал Джордж.

– Это какая-то ошибка, – сказал Фред, забрал у Рона письмо и посмотрел на свет, словно ища водяные знаки. – В здравом уме никто не назначит Рона старостой.

Головы близнецов синхронно повернулись к Гарри.

– Мы были уверены, что ты – стофунтовый вариант! – воскликнул Фред так, будто Гарри умудрился всех облапошить.

– Мы считали, Думбльдор *обязательно* выберет тебя! – возмутился Джордж.

– Тремудрый Турнир же! И все прочее! – прибавил Фред.

– Это, видно, из-за сплетен, что он того, – сказал Джордж Фреду.

– Да-а, – протянул Фред. – Да, друг, от тебя одни проблемы. Что ж, хоть один из вас выступил как подобает.

Он похлопал Гарри по спине, одарив при этом Рона уничтожающим взглядом.

– *Староста...* мыска Лоннисталоста.

– Фу-у-у, представляю, что устроит мама, – застонал Джордж и сунул значок Рону в руку, словно заразу какую.

Рон, до сих пор не издавший ни звука, взял значок, растерянно на него поглядел, а потом молча протянул Гарри, словно прося подтвердить подлинность. Гарри взял значок: большая буква «С» на фоне гриффиндорского льва. Точно такой же Гарри видел на груди у Перси в свой самый первый день в «Хогварце».

С грохотом распахнулась дверь, и в комнату ворвалась Гермиона – волосы развеваются, щеки раскраснелись. В руке она держала конверт.

– Вы... вы получили?..

Она увидела у Гарри значок и громко взвизгнула.

– Я так и знала! – возбужденно закричала она, потрясая письмом. – Я тоже, Гарри, я тоже!

– Нет, – сказал Гарри, поспешно возвращая значок Рону. – Это не мой, это Рона.

– Это... что?

– Староста – Рон, а не я, – повторил Гарри.

– Рон? – раскрыла рот Гермиона. – Но... Ты уверен? То есть...

Рон повернулся и с вызовом посмотрел на нее. Гермиона покраснела.

– На конверте – мое имя, – сказал Рон.

– Да я... – растерянно пробормотала Гермиона. – Я... В общем... Здорово! Молодец, Рон! Это так...

– Неожиданно, – кивнув, закончил за нее Джордж.

– Нет, – Гермиона покраснела еще больше, – нет, ничего подобного... Рон сделал много всего... он очень...

Дверь за ее спиной открылась шире, и задом вошла миссис Уизли с кипой свежевыглаженных вещей.

– Джинни говорит, списки книг наконец-то пришли, – поглядев на конверты, сказала она, направилась к кровати и принялась раскладывать одежду на две стопки. – Давайте их мне – пока будете собирать вещи, я все куплю на Диагон-аллее. Да, Рон, а тебе нужна новая пижама, эта коротка дюймов на шесть, ты растешь прямо на глазах... Ты какого цвета хочешь?

– Купи красную с золотом, под цвет значка, – ухмыльнулся Джордж.

– Под цвет чего? – рассеянно переспросила миссис Уизли, скатывая пару свекольных носков и укладывая их в стопку вещей Рона.

– Значка, – повторил Фред, желая, видимо, поскорее разделаться с худшим. – Новенького блестященького значка *старости*.

До сознания миссис Уизли, поглощенной мыслями о пижаме, его слова дошли не сразу.

– Значка?.. Но... Рон, ты не?..

Рон предъявил значок.

Миссис Уизли взвигнула совсем как Гермиона.

– Не может быть! Не может быть! О, Рон, как это замечательно! Староста! Как все в семье!

– А мы с Фредом кто? Соседские дети? – возмутился Джордж, но мать, оттолкнув его, бросилась на шею младшему сыну.

– Как обрадуется папа! Рон, я так тобой горжусь! Какая чудесная новость! Еще немного, и ты будешь старшим старостой, как Билл и Перси, это же только первый шаг! Какой подарок, среди всех наших тревог! Я *так* счастлива, ой, Ронни...

За ее спиной близнецы громко изображали рвотные позывы, но миссис Уизли ничего не замечала; крепко обнимая Рона, она

покрывала поцелуями его лицо, заалевшее ярче значка.

— Мам... хватит... мам, успокойся... — бормотал он, пытаясь вырваться.

Она отпустила его и, задыхаясь от счастья, проговорила:

— Ну, что же это будет? Перси мы подарили сову, но у тебя сова уже есть...

— В с-смысле? — пролепетал Рон. Он не осмеливался верить собственным ушам.

— Ты заслужил награду! — любовно глядя на сына, воскликнула миссис Уизли. — Может, красивую новую парадную мантию?

— Мантию мы ему уже купили, — кисло сказал Фред; кажется, он глубоко сожалел о необдуманной щедрости.

— Тогда новый котел, старый весь проржавел, им ведь еще Чарли пользовался... Или новую крысу, ты так любил Струпика...

— Мам, — с робкой надеждой начал Рон, — а можно мне новую метлу?

Лицо миссис Уизли чуточку потускнело; цены на метлы были очень высоки.

— Не самую лучшую! — поторопился добавить Рон. — Просто... просто новую... для разнообразия...

Миссис Уизли поколебалась, затем улыбнулась:

— Конечно, можно... Что ж, раз нужно зайти еще и за метлой, я лучше побегу. До вечера... Подумать только, малыш Ронни — староста!.. Да, не забудьте собрать сундуки... Староста... я умираю!..

Она последний раз поцеловала Рона в щеку, громко всхлипнула и выбежала из комнаты.

— Рон, ты не обидишься, если мы не станем тебя целовать? — с фальшивой озабоченностью спросил Фред.

— Если хочешь, мы сделаем реверанс, — предложил Джордж.

— Ой, заткнитесь, — сердито сказал Рон.

— А то что? — спросил Фред со зловещей улыбкой. — Ты нас накажешь?

— Посмотрел бы я на него, — хмыкнул Джордж.

— Вполне может и наказать, если будете себя так вести, — разозлилась Гермиона.

Фред с Джорджем расхохотались, а Рон пробормотал:

— Плюнь, Гермиона.

— Джордж, берегись, — пролепетал Фред, притворяясь, что дрожит от страха, — теперь за нами надзирают два грозных старосты...

— Да, кончились наши золотые денечки, — картино опечалился Джордж.

И с громким хлопком близнецы дезаппариовали.

— Ну дают! — вознегодовала Гермиона, глядя в потолок, откуда доносились раскаты громкого хохота. — Не обращай на них внимания, Рон, они просто завидуют!

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой Рон, тоже глядя в потолок. — Они всегда говорили, что в старосты выбиваются одни придурики... Зато, — прибавил он, повеселев, — у них никогда не было новых метел! Жалко, что нельзя пойти с мамой и выбрать... «Нимбус» она, конечно, купить не сможет, но сейчас появилась новая модель «Чистой победы» — вот это было бы здорово... да... Пожалуй, пойду, намекну ей, что мне бы «Чистую победу»... Так, для информации...

И он выскоцил из комнаты, оставив Гарри и Гермиону одних.

Отчего-то Гарри совсем не хотелось встречаться с Гермионой взглядом. Он отвернулся, взял с кровати стопку чистой одежды и потащил ее к сундуку.

— Гарри? — робко позвала Гермиона.

— Ты молодец, Гермиона, — сказал Гарри так доброжелательно, что не узнал собственного голоса, и, по-прежнему не поднимая глаз, продолжил: — Это здорово. Староста. Классно.

— Спасибо, — ответила она. — Э-э-э... Гарри... Можно мне взять Хедвигу? Написать маме с папой? Они так обрадуются... Староста — это они могут понять...

— Конечно, — отозвался Гарри ужасно сердечным не своим голосом. — Бери!

Он склонился над сундуком, уложил на дно одежду и притворился, будто что-то ищет. Гермиона подошла к шкафу и стала подзывать Хедвигу. Через некоторое время Гарри услышал, как закрылась дверь, но еще постоял не разгибаясь и настороженно прислушался. В комнате раздавалось лишь гнусное хихиканье пустого холста и кхеканье мусорного ведра, которое подавилось совиным пометом.

Он расправил спину и обернулся. Гермиона ушла и унесла Хедвигу. Гарри медленно приблизился к кровати и упал на нее, невидящими глазами уставившись в темень под гардеробом.

Он начисто забыл, что в пятом классе выбирают новых старост. Он так боялся вылететь из школы, что в голове не оставалось места каким-то глупым значкам. А между тем они медленно, но верно прокладывали себе путь к новым хозяевам. Но если бы он о них *помнил*... если бы вообще *думал* об этом... чего бы он тогда ждал?

Не этого, – сказал правдивый голосок у него в голове.

Гарри болезненно сморщился и спрятал лицо в ладонях. Себе не соврешь: помни он про значок старосты, он был бы уверен, что значок достанется ему, а не Рону. То есть что – он самонадеян, как Драко Малфой? Считает себя лучше других? Он что, в самом деле верит, будто он *лучше* Рона?

Нет, – отрекся от ужасной мысли голосок.

«Честно?» – спросил себя Гарри, озадаченно копаясь в собственных чувствах.

Я лучшие играю в квидиши, – сказал голосок. – *А во всем остальном я ничуть не лучше*.

Вот это правда, подумал Гарри; по успеваемости он ничуть не лучше Рона. Но как же все остальное? То, что помимо уроков? Все то, что им с Роном и Гермионой довелось пережить? Как же их приключения, когда им нередко грозили вещи похуже исключений из школы?

Рон и Гермиона почти всегда были со мной, – сказал голосок.

«Ну, не все время, – заспорил Гарри. – Их не было, когда я боролся со Страунсом. Они не сражались с Реддлем и василиском, а в ночь побега Сириуса не они отгоняли дементоров. Их не было со мной на кладбище, когда вернулся Вольдеморт...»

Гарри снова овладело чувство, которое переполняло его в самый первый вечер здесь: его недооценили, с ним обошлись несправедливо. «У меня гораздо больше заслуг, – возмущенно думал он. – Я сделал больше, чем любой из них!»

Но, возможно, – справедливо заметил голосок в голове, – Думблдор выбирает старост не по числу передряг... Может, он выбирает по другим критериям... Может, у Рона есть то, чего нет у тебя...

Гарри открыл глаза, посмотрел сквозь пальцы на когтистые ноги шкафа и вспомнил слова Фреда: «В здравом уме никто не назначит Рона старостой...»

Гарри хохотнул. А через секунду ему стало тошно от себя.

Рон не выпрашивал у Думбльдора значок старосты и не виноват, если его выбрали. И что теперь – Гарри, его лучший друг, будет дуться из-за того, что значок достался не ему, будет за глаза смеяться над Роном вместе с близнецами и портить Рону удовольствие? И все только потому, что Рон хоть в чем-то оказался лучше?

На лестнице послышались шаги. Гарри встал, поправил очки и пристроил на лицо улыбку.

– Успел! – радостно сообщил Рон войдя. – Она сказала: если смогу, куплю «Чистую победу».

– Класс. – Гарри с облегчением отметил, что сердечность исчезла из его голоса. – Слушай… ты молодчага.

Улыбка сошла с лица Рона.

– Я вообще не думал, что меня выберут, – сказал он, мотая головой. – Я думал, выберут тебя!

– Да ты что, от меня одни проблемы, – отозвался Гарри, повторяя слова Фреда.

– Да… – протянул Рон, – наверно, поэтому… Ладно, надо собираться, да?

Поразительно, как их вещи успели расползтись по всему дому. До вечера оба только и делали, что собирали и распихивали по сундукам книги и прочее имущество. Гарри обратил внимание, что Рон все время перекладывает с места на место свой значок. Сначала пристроил его на тумбочку, потом в карман джинсов, потом достал и положил поверх сложенной мантии – видимо, хотел посмотреть, как тот выглядит на черном. И лишь когда заглянули Фред с Джорджем и предложили неотлипным заклятием приkleить значок ему ко лбу, Рон нежно обернул свое сокровище свекольными носками и надежно запер в сундуке.

Миссис Уизли вернулась с Диагон-аллеи около шести, с книжками и длинным свертком в плотной коричневой бумаге, который Рон выхватил у нее, нетерпеливо стеная.

– Не надо сейчас открывать, к ужину будут гости, и вы все нужны мне внизу, – сказала миссис Уизли, но, стоило ей выйти за дверь, Рон жадно разорвал упаковку и в экстазе принялся дюйм за дюймом исследовать новую метлу.

В кухне стол ломился от яств, а над столом миссис Уизли повесила алый плакат:

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
РОНА И ГЕРМИОНУ
НОВЫХ СТАРОСТ
«ГРИФФИНДОРА»**

За все каникулы Гарри ни разу не видел ее в таком хорошем настроении.

— Я подумала, пусть у нас сегодня будет не обычный ужин, а фуршет, — объявила она своим отпрыскам и Гарри с Гермионой, как только те вошли. — Рон, папа с Биллом уже в пути. Я послала сов им обоим, и они просто *в восторге*, — добавила она сияя.

Фред закатил глаза.

Сириус, Люпин, Бомс и Кингсли уже собирались, а едва Гарри взял себе усладэля, в кухню протопал и Шизоглаз Хмури.

— Аластор, как я рада, что ты здесь! — воскликнула миссис Уизли, не успел Шизоглаз скинуть дорожный плащ. — Мы давно хотели тебя попросить... Ты не мог бы взглянуть на письменный стол в гостиной и сказать, что там внутри? Сами открывать мы побаиваемся — вдруг ужасы какие?

— Без проблем, Молли...

Ярко-голубой глаз крутанулся вверх и уставился в потолок.

— Гостиная... — проворчал Хмури, и зрачок волшебного глаза сузился. — Стол в углу? Так, вижу... да... это вризрак... Хочешь, я схожу, избавлюсь от него?

— Нет-нет, я потом сама, — весело отозвалась миссис Уизли, — ты пока выпей чего-нибудь. У нас тут небольшой праздник... — Она показала на алый плакат. — Четвертый староста в семье! — И она нежно взъерила Рону волосы.

— Староста, значит? — пророкотал Хмури, нормальным глазом глядя на Рона, а волшебным — себе в висок. Гарри поежился, заподозрив, что глаз смотрит на него, и отодвинулся подальше к Сириусу и Люпину. — Что ж, поздравляю, — сказал Хмури, не сводя с Рона нормального глаза. — Тот, кто стоит у власти, — настоящий магнит для

неприятностей, но, раз Думбльдор тебя назначил, стало быть, он уверен, что ты способен противостоять основным проклятиям...

Такой взгляд на вещи явно поразил Рона, но ему не пришлось отвечать, поскольку в кухню вошли его отец и старший брат. Миссис Уизли была в таком хорошем настроении, что даже не рассердилась, увидев Мундугнуса, которого они привели с собой. Последний явился в длинном пальто, из-под которого в самых неожиданных местах что-то выпирало, и на предложение это пальто снять и убрать вместе с дорожным плащом Хмури ответил категорическим отказом. Когда все взяли напитки, мистер Уизли сказал:

– Ну что же – тост, – он поднял кубок, – за Рона и Гермиону, новых гриффиндорских старост!

Рон и Гермиона просияли; все выпили за них и поапплодировали, после чего столпились у стола, разбирая закуски.

– А я так и не стала старостой, – раздался за спиной у Гарри бодрый голос Бомс. Волосы у нее сегодня были до талии, помидорно-рыжие, и она смахивала на старшую сестру Джинни. – Наш куратор сказал, что для этого мне не хватает некоторых важных качеств.

– Каких, например? – заинтересовалась Джинни, выбиравшая печенную картошку.

– Например, умения себя вести, – ответила Бомс.

Джинни засмеялась; Гермиона, очевидно, не знала, прилично ли будет улыбнуться, поэтому предпочла глотнуть усладэля и им подавиться.

– А ты, Сириус? – спросила Джинни, стуча Гермиону по спине.

Сириус рядом с Гарри усмехнулся:

– Я – староста? Да ты что! Никому бы и в голову не пришло. Мы с Джеймсом только и делали, что наказания отбывали. Паинькой у нас был Люпин. Ему-то значок и достался.

– По-моему, Думбльдор втайне надеялся, что так я смогу приструнить своих непутевых друзей, – отозвался Люпин. – Излишне говорить, что его надежд я не оправдал.

Гарри вдруг сильно полегчало – его отец тоже не был старостой! Вечер сразу стал намного веселее, а все собравшиеся – в два раза милее, и Гарри с удовольствием нагрузил себе еды на тарелку.

Рон воспевал свою новую метлу всем, кто соглашался слушать:

— ...разгоняется до семидесяти за десять секунд, неплохо, а? При этом в «Вашей новой метле» пишут, что у «Кометы-290» разгон только до шестидесяти, да и то при приличном попутном ветре!

Гермиона очень серьезно обсуждала с Люпином права эльфов:

— Это ведь такая же глупость, как и сегрегация оборотней, нет? А корень в том, что колдуны считают себя выше всех остальных существ, и это ужасно...

Миссис Уизли с Биллом, как всегда, дебатировали о его прическе:

— ...это уже ни на что не похоже, ты ведь такой красивый, и было бы куда лучше, если б они были покороче, правда, Гарри?

— Э-э... я не знаю... — растерялся Гарри, не имевший по этому поводу определенного мнения, и потихоньку улизнул к Фреду с Джорджем, которые совещались с Мундугнусом в уголке.

Заметив Гарри, Мундугнус замолчал, но Фред, подмигнув ему, поманил Гарри ближе.

— Все正常но, Гнус, — успокоил он, — Гарри мы доверяем, он — наш спонсор.

— Смотри, чего нам Гнус принес, — похвастался Джордж и предъявил полную горсть сморщеных черных горошин, которые, несмотря на абсолютную неподвижность, издавали тихий грохот.

— Семена щупалицы ядовитой, — сказал Джордж. — Нужны для злостных закусок, но их никак не достанешь — они входят в список веществ, не допускаемых в продажу, класс «С».

— Ну что, Гнус, — десять галлеонов за все? — уточнил Фред.

— Это с таким-то геморроем? — Красные глаза Мундугнуса чуть не вылезли из орбит. — Не, пацанва, двадцать, и ни кнутом меньше.

— Гнус у нас шутник, — поделился с Гарри Фред.

— Ага, и его лучшая шутка на сегодняшний день — шесть сиклей за мешок игл сварля, — добавил Джордж.

— Осторожнее, — тихо предостерег Гарри.

— А чего? — удивился Фред. — Все正常но, мама воркует над старостишкой Ронни...

— Зато Хмури может увидеть вас своим глазом, — резонно возразил Гарри.

Мундугнус испуганно глянул через плечо.

— Эт'верно, — пробурчал он. — Ладно, пацаны, если возьмете все, то нехай будет десять.

— Да здравствует Гарри! — воскликнул Фред, когда Мундугнус опустошил карманы, высыпав их содержимое в ладони близнецов, и уковылял к столу. — Оттащим это наверх поскорее...

Гарри смотрел им вслед, и на душе у него было неспокойно. Ему пришло в голову, что рано или поздно мистер и миссис Уизли обязательно узнают про хохмазин, и тогда у них неизбежно возникнет вопрос, откуда у Фреда с Джорджем взялись на это средства. М-да. Отдать призовые деньги близнецам было легко и просто, — но что теперь? Вдруг опять выйдет семейный скандал и разрыв, как с Перси? Будет ли Гарри для миссис Уизли по-прежнему как сын, когда она узнает, что это он дал Фреду с Джорджем возможность заняться делом, которое ее не устраивает?

Один, с тяжким грузом на душе, Гарри так и стоял в углу и вдруг услышал свое имя. Несмотря на шум, звучный голос Кингсли Кандальера далеко разносился по комнате.

— А почему Думбльдор не назначил старостой Поттера? — спросил Кингсли.

— Наверняка были причины, — ответил Люпин.

— Но он бы показал, что в Поттера верит. Я бы так и поступил, — настаивал Кингсли, — учитывая, что «Оракул» раз в несколько дней поливает его грязью...

Гарри не обернулся — не хотелось, чтобы Люпин и Кингсли поняли, что он слышал. Аппетита не было, но Гарри, по примеру Мундугнуса, направился к столу. Удовольствие от праздника оказалось мимолетно; лучше бы пойти наверх и забраться в постель.

Шизоглаз Хмури остатками носа подозрительно обнюхал куриную ногу и, видимо, не обнаружил в ней никаких признаков яда, потому что затем оторвал зубами кусок.

— ...древко из красного дуба, антizаклятное покрытие, встроенный виброконтроль... — рассказывал Рон Бомс.

Миссис Уизли широко зевнула.

— Все, разберусь с вризраком — и спать!.. Артур, проследи, чтоб они тут долго не засиживались, хорошо? Гарри, детка, спокойной ночи.

Она вышла из кухни. Гарри отставил тарелку и огляделся: может, тоже удастся уйти, не привлекая внимания?

— Ты как, Поттер? Нормально? — проворчал Хмури.

— Да, все хорошо, — соврал Гарри.

Хмури отхлебнул из своей фляжки. Ярко-голубой глаз перекатился вбок и уставился на Гарри.

– Иди-ка сюда, кое-что покажу любопытное, – сказал Хмури.

Из внутреннего кармана мантии он достал старую и сильно потрепанную колдовскую фотографию.

– Первый состав Ордена Феникса, – пророкотал Хмури. – Вчера вечером искал запасной плащ-невидимку – Подмор, бессовестный, мой лучший плащ так и не вернул – и вот что нашел. Подумал, многим здесь будет интересно взглянуть.

Гарри взял снимок: группка людей, одни машут ему руками, другие поднимают бокалы…

– Вот я, – без нужды показал Хмури. Не узнать его было невозможно – разве что нос еще цел, а в волосах поменьше седины. – Рядом со мной Думблдор, а с другой стороны – Дедал Диггл… Вот Марлена Маккиннон, ее через две недели убили, всю семью взяли. Лонгботтомы, Фрэнк и Алиса…

На душе у Гарри и так было тяжело, а при взгляде на Алису Лонгботтом внутри все перевернулось. Он никогда ее не видел, но знал это круглое добродушное лицо: ее сын Невилл был точной копией матери.

– …бедняги, – пробурчал Хмури. – Лучше уж умереть, чем вот так… Это Эммелина Ванс, ты ее видел, вот Люпин, это понятно… Бенджи Фенвик… и он попался, по кусочкам его искали… Эй, вы, подвиньтесь-ка, – добавил Хмури, тыча в фотографию. Фигурки потеснились, уступая место на переднем плане тем, кого было плохо видно. – Эдгар Боунс… брат Амелии, его тоже взяли со всей семьей, величайший был колдун… Стурджис Подмор… мать честная, молодой-то какой!.. Карадок Милород, через полгода пропал, так мы его и не нашли… Огрид… ну, этот не меняется… Эльфиас Дож, вы знакомы… Я и позабыл, что у него была эта идиотская шляпа… Гидеон Пруитт… Понадобилось пять Упивающихся Смертью, чтобы их убить, его и его брата Фабиана… настоящие герои… Шевелитесь, шевелитесь…

Люди на снимке снова задвигались, и на первый план вышли те, кто стоял в заднем ряду.

– Это брат Думблдора, Аберфорс, я его только один раз видел, странноватый тип… Это Доркас Медоуз… его Вольдеморт убил

лично... Сириус, еще стриженый... и... вот, смотри, это тебе будет интересно!

Сердце Гарри исполнило сальто. С фотографии улыбались его мама и папа, а между ними сидел человечек со слезящимися глазками, которого Гарри сразу узнал: Червехвост, предатель – он выдал Вольдеморту местонахождение родителей Гарри, он помог их убить.

– А? – сказал Хмури.

Гарри поднял глаза на изрытое шрамами, изуродованное лицо. Очевидно, Хмури полагал, что сделал Гарри царский подарок.

– Да. – Гарри попытался изобразить улыбку. – Э-э... Знаете, я только что вспомнил, я же не положил в сундук...

Но придумывать, что именно он не положил, ему не пришлось, потому что Сириус вдруг спросил: «Что там у тебя, Шизоглаз?» – и Хмури отвернулся к нему. Гарри прошел через кухню, выскользнул за дверь и, пока никто не позвал его обратно, торопливо зашагал по лестнице.

Он не знал, почему фотография так сильно его потрясла; в конце концов, он и раньше видел снимки родителей и даже встречался с Червехвостом... Но когда это обрушают на тебя вот так, внезапно... Кому бы это понравилось, сердито думал он...

И потом, вокруг них столько счастливых лиц!.. Бенджи Фенвик, разорванный на куски, Гидеон Pruitt, погибший как герой, Лонгботтомы, которых запытали до потери рассудка... Все они будут вечно махать с этой фотографии, в блаженном неведении своей обреченности... Может, Хмури считает, что это интересно, – но Гарри-то это пугает...

Радуясь, что наконец остался один, он на цыпочках пробрался по лестнице мимо голов эльфов, но, поднимаясь к площадке второго этажа, услышал что-то странное. В гостиной кто-то судорожно всхлипывал.

– Кто здесь? – спросил Гарри.

Ответа не было, но всхлипывания не прекратились. Гарри, перепрыгивая через две ступеньки, взбежал на площадку и открыл дверь.

К темной стене жалась согбенная женская фигура с волшебной палочкой в руке. Женщину сотрясали рыдания. На старом пыльном

ковре, в пятне лунного света, раскинув в стороны руки и ноги, лежал Рон – явно мертвый.

Из легких Гарри в один миг исчез весь воздух; он словно проваливался сквозь пол, в голове стало ужасно, ужасно холодно... Рон умер? Нет, не может быть...

Так, стоп: этого и правда *не может быть* – Рон внизу, на кухне...

– Миссис Уизли? – хрипло окликнул Гарри.

– Р...р...риддикулюс! – всхлипнула миссис Уизли, тыча трясущейся палочкой в тело Рона.

Щелк.

Рон превратился в Билла – тот лежал, раскинув руки-ноги, распахнув пустые мертвые глаза... Миссис Уизли разрыдалась пуще прежнего.

– Р...риддикулюс! – выдавила она.

Щелк.

Место Билла занял мистер Уизли в съехавших набок очках – по щеке течет струйка крови.

– Нет! – застонала миссис Уизли. – Нет... риддикулюс! Риддикулюс! РИДДИКУЛЮС!

Щелк. Мертвые близнецы. *Щелк.* Мертвый Перси. *Щелк.* Мертвый Гарри...

– Миссис Уизли, выходите отсюда! – крикнул Гарри, глядя на собственный труп. – Пусть другой кто-нибудь...

– Что здесь такое?

В комнату вбежал Люпин, за ним по пятам – Сириус, а чуть погодя приковылял Хмури. Люпин посмотрел на миссис Уизли, потом на труп Гарри и мгновенно все понял. Вытащив палочку, он очень твердо и отчетливо проговорил:

– Риддикулюс!

Тело Гарри исчезло, в воздухе повис серебристый шар. Люпин еще раз взмахнул палочкой. Шар, пыхнув, испарился.

– О!.. о!.. о! – судорожно всхлипнула миссис Уизли и, закрыв лицо руками, истерически зарыдала.

– Молли, – растерянно сказал Люпин, шагнув к ней. – Молли, ну что ты...

В следующую секунду она уже плакала у него на плече.

— Молли, это же вризрак, — утешал Люпин, гладя ее по голове. — Глупый, нестрашный вризрак...

— Я... я... я все время вижу их м-м-мертвыми, — простонала миссис Уизли ему в плечо. — В-в-все-о-о в-время! И во сне!..

Сириус смотрел туда, где вризрак лежал, притворяясь трупом Гарри. Хмури смотрел на Гарри, но тот избегал его взгляда. Его терзало подозрение, что волшебный глаз неотступно следил за ним с того момента, как он вышел из кухни.

— Не... не... не говорите Артуру, — задыхаясь, попросила миссис Уизли, яростно утирая слезы рукавом. — Не... не... не хочу, чтоб он знал... какая я глупая...

Люпин протянул ей носовой платок, она высыпалась и дрожащим голосом пролепетала:

— Гарри, мне так стыдно... Что ты теперь обо мне скажешь? Не смогла избавиться от простого вризрака...

— Подумаешь, — отозвался Гарри, пытаясь улыбнуться.

— Просто я так сильно... бес... бес... беспокоюсь, — с трудом выговорила миссис Уизли, и из ее глаз снова полились слезы. — Половина се... семьи в Ордене, чудо, если мы в-все уцелеем... А П-перси с на... с нами не разговаривает... Вдруг случится ч-что-то ужасное, а мы так и не п-п-помиримся? А если убьют нас с Артуром? Кто п-п-позаботится о Роне и Джинни?

— Ну хватит, Молли, — решительно оборвал ее Люпин. — Не выдумывай. Сейчас все не так, как тогда: Орден лучше подготовлен, нам дали фору, мы знаем, что затевает Вольдеморт...

Миссис Уизли испуганно взвизгнула.

— Молли, перестань, пора бы уже привыкнуть к его имени... Слушай, я, конечно, не могу обещать, что никто не пострадает, никто этого обещать не может, но сейчас для нас все складывается гораздо лучше, чем в прошлый раз. Ты тогда не была в Ордене и не знаешь. Тогда на каждого из нас приходилось двадцать Упивающихся Смертью, и они отлавливали нас по одному...

Гарри опять вспомнилась фотография, счастливые лица родителей. Он чувствовал, что Хмури так и не отвел от него пристального взгляда.

— А о Перси не печалься, — сказал Сириус. — Он одумается. Рано или поздно Вольдеморт себя проявит, и тогда все министерство будет

на коленях просить у нас прощения. Не уверен, что смогу их простить, – горько прибавил он.

– А что до Рона и Джинни, – чуть заметно улыбнулся Люпин, – если вас с Артуром не станет, ты как сама думаешь, мы дадим им умереть с голоду?

Миссис Уизли слабо улыбнулась в ответ.

– Я такая глупая, – снова пробормотала она, промокая глаза.

Но Гарри – минут через десять он уже закрывал за собой дверь спальни – вовсе не считал, что она глупая. Перед ним маячили улыбки родителей со старой фотографии – лица людей, не подозревающих, что им, как и многим их друзьям, жить осталось совсем недолго. Перед глазами мелькала череда мертвых тел, в которые превращался вризрак…

Шрам вдруг пронзила жуткая боль, и в животе все сжалось от страха.

– Кончай уже, – велел он боли, потирая шрам. Боль поутихла.

– Беседы с собственной головой – первый признак безумия, – ехидно констатировал голос с пустого холста на стене.

Гарри не обратил на него внимания. Он как будто резко повзрослел и сам не верил, что всего час назад переживал из-за хохмазина и из-за того, кто получил, а кто не получил значок старости.

Глава десятая

Луна Лавгуд

Ночью Гарри спал плохо. В его сновидениях безмолвно появлялись и так же безмолвно исчезали родители, над телом Шкверчка рыдала миссис Уизли, за которой пристально наблюдали Рон и Гермиона с коронами на головах, а в конце Гарри опять шел по коридору к закрытой двери. Проснулся он внезапно, шрам покалывало, а над постелью стоял одетый Рон, который давно уже что-то говорил:

– …ты бы поторопился, а то мама скоро взорвется – боится, что мы опоздаем на поезд…

В доме царил полнейший кавардак. Одеваясь с дикой скоростью, Гарри успел узнать, что Фред и Джордж для экономии усилий заколдовали свои сундуки, чтобы те летели над лестницей в холл, но сундуки, к сожалению, врезались в Джинни, и бедняжка кубарем катилась вниз целых два марша. Так что теперь миссис Блэк и миссис Уизли дружно орали во весь голос:

– БОЛВАНЫ, ВЫ ЖЕ МОГЛИ ЕЕ ПОКАЛЕЧИТЬ…

– ГРЯЗНЫЕ ВЫРОДКИ, ОСКВЕРНЯЮЩИЕ ДОМ МОИХ ПРЕДКОВ…

Гарри уже завязывал шнурки на кедах, когда в комнату влетела взволнованная Гермиона. На плече у нее балансировала Хедвига, а в руках извивался Косолапсус.

– Мама с папой только что прислали Хедвигу обратно. – Понятливая сова вспорхнула с ее плеча и уселась на свою клетку. – Вы готовы?

– Почти. Как Джинни? – спросил Гарри, напяливая очки.

– Миссис Уизли ее подлечила, – ответила Гермиона. – Но теперь другая беда: Шизоглаз отказывается ехать без Стурджиса Подмора – говорит, нельзя, чтобы охрана была на одного человека меньше.

– Охрана? – удивился Гарри. – Мы что, уже и на вокзал ездим с охраной?

– Это *ты* ездишь на вокзал с охраной, – поправила его Гермиона.

– С какой радости? – раздражился Гарри. – Вольдеморт же сейчас залег под корягу! Он что, выскочит из мусорного бака и меня укокошит?

– Я ни при чем, это Шизоглаз так говорит, – рассеянно сказала Гермиона, глядя на часы, – но мы точно опоздаем, если вскоре не выйдем из дома…

– МОЖЕТ, ВЫ ВСЕ-ТАКИ СПУСТИТЕСЬ?! – прогремел снизу голос миссис Уизли.

Гермиона подскочила как ошпаренная и пулей вылетела из комнаты. Гарри схватил Хедвигу, бесцеремонно затолкал ее в клетку и помчался вниз, волоча за собой сундук.

Миссис Блэк надрывалась от крика, но никто и не пытался задернуть портьеры; в холле было так шумно, что она все равно не уснула бы.

– Гарри, поедешь со мной и Бомс! – громко прокричала миссис Уизли, перекрывая истошные вопли: «МУГРОДЬЕ! ГРЯЗЬ! ПОРОЖДЕНИЕ ГРЕХА!» – Оставь сундук и сову, багажом займется Аластор… О, ради всего святого, Сириус, Думбльдор же сказал «нет»!

Рядом с Гарри, который пробирался к миссис Уизли через нагромождение сундуков, появилась огромная, похожая на медведя собака.

– Что с тобой делать… – в отчаянии пробормотала миссис Уизли. – Ладно… Но под твою ответственность!

Она не без труда справилась с замками, отворила дверь и вышла на улицу под бледное сентябрьское солнце. Гарри с собакой последовали за ней. Дверь с грохотом захлопнулась, и вопли миссис Блэк мгновенно стихли.

– А где Бомс? – спросил Гарри, озираясь. Едва они спустились по ступеням и шагнули на тротуар, крыльце растворилось в воздухе.

– Ждет нас вон там, – напряженно ответила миссис Уизли и отвела недовольный взгляд от пса, вразвалку трусившего рядом с Гарри.

На углу с ними поздоровалась старуха с седыми кудряшками и в круглой фиолетовой шляпе.

– Салют, Гарри, – подмигнула она и, поглядев на часы, добавила: – Надо бы нам поторопиться, Молли.

– Знаю, знаю, – простонала миссис Уизли, – но Шизоглазу приспичило дожидаться Стурджиса… Вот если бы Артуру, как в тот

раз, удалось достать в министерстве машины... Но Фудж ему теперь и пустой чернильницы не даст... И как муглы обходятся без колдовства...

Большой черный пес игриво гавкнул и заскакал вокруг, гоняясь за голубями и собственным хвостом. Гарри не сдержал смеха. Сириус слишком долго сидел взаперти. Миссис Уизли поджала губы прямо как тетя Петуния.

Пешком до Кингз-Кросс добирались двадцать минут, и за это время не произошло ничего примечательного – разве что Сириус, на потеху Гарри, сильно напугал пару кошек. На вокзале они в ожидании удобного момента некоторое время послонялись у барьера между платформами девять и десять, а затем по очереди прислонились к нему и выпали на платформу девять и три четверти, где, пыхая копотью и паром, стоял «Хогварц-экспресс» и толпились школьники с родственниками. Гарри вдохнул знакомый запах и воспарил духом... он и в самом деле возвращается в школу...

– Надеюсь, никто не опаздывает, – озабоченно пробормотала миссис Уизли, оглядываясь на витую чугунную арку, откуда на платформу выходили пассажиры.

– Классная собака, Гарри! – крикнул высокий мальчик с дредами.

– Спасибо, Ли, – улыбнулся Гарри. Сириус бешено завилял хвостом.

– Хвала небесам, – с облегчением вздохнула миссис Уизли, – вот и Аластор с багажом, смотрите...

Под аркой возник Хмури в фуражке носильщика, с низко надвинутым на разные глаза козырьком. Сильно хромая, он катил перед собой нагруженную сундуками тележку.

– Все чисто, – невнятной скороговоркой доложил он миссис Уизли и Бомс, – слежки вроде не было...

Через секунду на платформе появился мистер Уизли с Роном и Гермионой. А когда все они почти уже разгрузили тележку, подошли Фред, Джордж и Джинни в сопровождении Люпина.

– Проблемы? – пророкотал Хмури.

– Никаких, – заверил Люпин.

– Но все-таки придется доложить Думблдору о Стурджисе, – сказал Хмури. – Второй раз не является на дежурство. На него уже никакой надежды, прямо Мундугнус какой-то.

– Ну, берегите себя. – Люпин начал пожимать всем руки. До Гарри он дошел в последнюю очередь и хлопнул его по плечу. – Ты тоже, Гарри. Будь осторожен.

– Да, не зевай и держи ухо востро. – Хмури пожал Гарри руку. – И не забудьте, вы все – осторожнее с письмами. Если сомневаетесь, лучше не пишите вообще.

– Было ужасно приятно со всеми вами познакомиться, – сказала Бомс, обнимая Джинни и Гермиону. – До свидания. Надеюсь, до скорого.

Прозвучал предупредительный свисток, и те, кто еще оставался на платформе, засуетились и кинулись по вагонам.

– Скорее, скорее, – торопила миссис Уизли, рассеянно целуя кого придется (Гарри попался ей дважды). – Пишите... Ведите себя хорошо... Если кто что забыл, мы пришлем... Давайте, давайте, забирайтесь...

Огромный черный пес встал передними лапами Гарри на плечи, но миссис Уизли, зашипев:

– Ради всего святого, Сириус, ты же собака! – подтолкнула Гарри к двери вагона.

– Пока! – крикнул Гарри из открытого окна. Поезд тронулся. Рон, Гермиона и Джинни замахали руками. Мистер и миссис Уизли, Бомс, Люпин, Хмури стремительно удалялись, но черный пес, виляя хвостом, долго бежал рядом с поездом. Люди на платформе, размытые силуэты, смеялись, глядя, как собака преследует поезд. Вскоре поезд свернул, и Сириус исчез из виду.

– Зря он пошел на вокзал, – обеспокоенно сказала Гермиона.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Рон, – бедняга месяцами света белого не видел.

– Так, – Фред хлопнул в ладоши, – некогда нам с вами лясы точить, у нас дела с Ли. Увидимся, – и они с Джорджем ушли по коридору направо.

Поезд разгонялся, за окнами мелькали дома, ребят покачивало на ходу.

– Ну что, поищем купе? – спросил Гарри.

Рон с Гермионой переглянулись.

– Э-э, – протянул Рон.

— Мы... нам... в общем, мы с Роном должны ехать в вагоне для старост, — неловко пробормотала Гермиона.

Рон, обнаружив что-то безумно интересное на ногтях левой руки, на Гарри не смотрел.

— А, — сказал Гарри. — Да. Ладно.

— Вряд ли надо будет сидеть там всю дорогу, — поспешило добавила Гермиона. — В письме говорилось, что надо явиться за инструкциями к старшим старостам, а потом иногда дежурить в коридорах.

— Ладно, — снова сказал Гарри. — Тогда... увидимся, да?

— Да, конечно, — отозвался Рон, осторожно покосившись на Гарри. — Ужасно не хочется туда идти, я бы лучше... но мы обязаны... в смысле мне это не доставляет никакого удовольствия, я же не Перси, — закончил он с некоторым вызовом.

— Я знаю, — ответил Гарри и улыбнулся. Но, как только Рон с Гермионой потащили свои сундуки, Косолапуса и клетку со Свинринстелем к голове состава, Гарри остро ощутил свое одиночество. Он еще ни разу не ездил в «Хогварц-экспрессе» без Рона.

— Пойдем, — сказала Джинни, — если поторопимся, займем им места.

— Точно, — опомнился Гарри и взял в одну руку клетку с Хедвигой, а в другую — ручку сундука. Они двинулись по коридору, через стекла в дверях заглядывая в купе, но везде оказывалось полно народу. Трудно было не заметить, что многие смотрят на Гарри с нескрываемым любопытством, а некоторые пихаются локтями и показывают на него соседям. Когда такое случилось в пяти вагонах подряд, Гарри вспомнил, что «Оракул» все лето твердил читателям, какой Гарри наглый лжец. Интересно, верят ли в это те, кто сейчас пялится и перешептывается, вяло подумал он.

В самом последнем вагоне им с Джинни встретился одноклассник Гарри, Невилл Лонгботтом. Одной рукой он тащил тяжеленный сундук, а другой удерживал вырывающегося Тревора, свою жабу; круглое лицо лоснилось от пота.

— Привет, Гарри, — пропыхтел Невилл. — Привет, Джинни... Везде все забито... Не могу найти места...

— Как это? — удивилась Джинни, которая протиснулась мимо Невилла и успела заглянуть в купе за его спиной. — Здесь вот никого нет, одна Луна-Психуна...

Невилл пробормотал нечто невразумительное, из чего следовало, что ему не хочется никого беспокоить.

– Не глупи, – засмеялась Джинни, – она вполне ничего.

Джинни открыла дверь и втащила в купе свой сундук. Гарри и Невилл вошли следом.

– Привет, Луна, – сказала Джинни, – не возражаешь, если мы тут сядем?

От окна на них посмотрела девочка с грязными, нечесанными светлыми волосами до пояса, с очень бледными бровями и глазами навыкате – на лице ее навеки застыла удивленная гримаса. За ухом у девочки торчала волшебная палочка, на шее висело ожерелье из пробок от усладэля, а журнал она читала вверх ногами. Короче, она выглядела совершенно чокнутой, и Гарри сразу понял, почему Невилл не хотел заходить в это купе. Выпуклые глаза Луны, скользнув по Невиллу, остановились на Гарри. Она кивнула.

– Спасибо, – улыбнулась ей Джинни.

Гарри с Невиллом убрали сундуки и клетку с Хедвигой на багажную полку и сели. Луна следила за ними поверх перевернутого журнала – кстати, это был «Правдобор». Мигая намного реже, чем нормальные люди, Луна неотрывно смотрела на Гарри, который сел напротив и теперь ужасно об этом жалел.

– Как провела лето, Луна? – поинтересовалась Джинни.

– Нормально, – мечтательно ответила та, не сводя глаз с Гарри. – А вообще-то очень даже хорошо. Ты – Гарри Поттер, – прибавила она.

– Я в курсе, – ответил Гарри.

Невилл хихикнул. Бледные глаза Луны обратились на него:

– А кто ты, я не знаю.

– Никто, – поспешно выпалил Невилл.

– Что за ерунда? – резко возразила Джинни. – Невилл Лонгботтом – Луна Лавгуд. Луна со мной в четвертом классе, только во «Вранзоре».

– «Ум и талант – вот главный брильянт», – нараспев произнесла Луна, подняла журнал повыше, загородив лицо, и умолкла.

Гарри и Невилл переглянулись, задрав брови. Джинни подавила смешок.

Стучали колеса; поезд катил все быстрей и увозил их все дальше от населенных мест. Погода стояла странная, неустойчивая: временами

купе заливало ярким солнечным светом, а через минуту небо затягивалось грозными серыми тучами.

– Угадайте, что мне подарили на день рождения? – спросил Невилл.

– Новый Вспомнивсёль? – спросил Гарри и живо представил прибор, похожий на мраморный шар, – в свое время бабушка прислала его Невиллу, тщетно надеясь улучшить безнадежно плохую память внука.

– Нет, – ответил Невилл. – Хотя, конечно, и это было бы кстати, старый давно потерялся... Нет, посмотрите...

Он сунул руку в школьный рюкзак и, порывшись там, вытащил горшочек с маленьким серым кактусом, покрытым не колючками, а какими-то странными прыщами.

– Мимбулюс мимблетония, – гордо объявил Невилл.

Гарри уставился на растение. Оно тихо пульсировало и неприятно походило на недужный внутренний орган.

– Она очень, очень редкая, – восторженно продолжал Невилл. – Ее, наверно, даже в «Хогварце» нет. Скорей бы показать ее профессору Спарж. Мне двоюродный дедушка Элджи привез из Ассирии. Может, удастся размножить.

Гарри, конечно, знал, что Невилл увлекается гербологией, но, хоть убей, не мог понять, что хорошего в этом страшненьком пеньке.

– А она... мmm... умеет что-нибудь? – поинтересовался он.

– Конечно! Массу всего! – воскликнул Невилл. – У нее прекрасно развит защитный механизм! Вот смотри... Не подержишь Тревора?..

Он пихнул жабу Гарри на колени и достал из рюкзака перо. Над перевернутым журналом показались выпуклые глаза Луны Лавгуд – ей было любопытно посмотреть, что будет делать Невилл. А Невилл, сосредоточенно высунув язык, поднес мимбулюс мимблетонию к глазам, выбрал место и резко ткнул растение кончиком пера.

Изо всех прыщей брызнули струи сока – темно-зеленого, густого и вонючего. Они попали на потолок, заляпали окна и журнал Луны Лавгуд. Джинни успела закрыть лицо руками и отделалась скользкой зеленой шляпой. А вот у Гарри руки были заняты Тревором, и он получил удар прямо в лицо. Жидкость отвратительно пахла гнилым навозом.

Невилл весь в соке потряс головой и проморгался.

– Из… извините, – выговорил он. – Я первый раз так попробовал… Не думал, что это будет настолько… Не бойтесь, смердосок не ядовит, – добавил он нервно, увидев, что Гарри выплевывает жидкость на пол.

В эту самую минуту дверь купе открылась.

– О… привет, Гарри! – проговорил испуганный голос. – Э-э… я не вовремя?

Гарри одной рукой протер очки. С порога ему улыбалась невероятно хорошенъкая девочка с длинными, блестящими черными волосами: Чо Чан, Ловчая квидишиной команды «Вранзора».

– Ой… привет, – растерянно ответил Гарри.

– Э-э… – повторила Чо, – я… просто хотела поздороваться… ну, пока.

Ее лицо заметно покраснело, и она ушла, закрыв за собой дверь. Гарри бессильно откинулся назад и застонал. Если бы Чо застала его в компании классных ребят, умирающих от смеха над его шуткой… а так, с Невиллом и Психуной Лавгуд, с жабой в руке, со стекающим по лицу смердосоком…

– Забудь, – ободрила Джинни. – Сейчас мы быстренько все уберем. – Она достала волшебную палочку. – *Заблистай!*

Смердосок испарился.

– Простите, – еще раз робко пробормотал Невилл.

Рона с Гермионой не было почти час, и тележку с едой они проворонили. Гарри, Джинни и Невилл давно покончили с тыквиченьками и деловито разворачивали шокогадушки, когда дверь снова отъехала в сторону, и в купе вошли новоиспеченные старосты с Косолапусом и пронзительно ухающим Свинринстелем.

– Умираю с голоду, – объявил Рон, запихивая клетку Свинринстеля на полку к Хедвиге. Он выхватил у Гарри из рук шокогадушку, плюхнулся рядом, разорвал обертку, откусил шоколадной лягушке голову и, закрыв глаза, откинулся на сиденье, точно все утро посвятил весьма изнурительной работе.

– Что вам сказать? Там по два пятиклассника от каждого колледжа, – сообщила ужасно недовольная Гермиона и тоже села. – Мальчик и девочка.

– Да, и угадайте, кто от «Слизерина»? – не открывая глаз, спросил Рон.

— Малфой, — сразу ответил Гарри, не сомневаясь, что его худшие опасения сейчас подтверждятся.

— Точно, — печально кивнул Рон, запихнул в рот остатки шокогадушки и потянулся за следующей.

— И, естественно, эта *корова* Панси Паркинсон, — злобно сказала Гермиона. — Как она может быть старостой, когда она тупая, как тролль? Как тролль-идиот.

— А кто от «Хуффльпуффа»? — спросил Гарри.

— Эрни Макмиллан и Ханна Аббот, — невнятно промычал Рон.

— И Энтони Голдштейн с Падмой Патил от «Вранзора», — продолжила Гермиона.

— С Падмой Патил ты ходил на рождественский бал, — произнес рассеянный голос.

Все повернулись к Луне Лавгуд — та не мигая смотрела на Рона поверх «Правдобра». Рон судорожно проглотил все, что было у него во рту.

— Ну да, — несколько удивленно сказал он.

— Она была не очень довольна, — проинформировала его Луна. — Говорила, что ты был не слишком вежлив, потому что с ней не танцевал. А мне, наверное, было бы все равно, — задумчиво добавила она, — я не очень люблю танцевать. — И она снова скрылась за «Правдобором».

Рон несколько секунд с открытым ртом смотрел на обложку, а затем обернулся к Джинни за разъяснениями, но та, чтобы не рассмеяться, сунула в рот кулак. Рон недоуменно потряс головой, а затем посмотрел на часы.

— Мы должны время от времени ходить по коридорам, — сказал он Гарри и Невиллу, — и можем наказывать, если кто себя плохо ведет. Жду не дождусь подловить Краббе и Гойла...

— Рон, нам нельзя злоупотреблять положением! — воскликнула Гермиона.

— Ага, конечно! Главное, Малфой не будет им злоупотреблять, —sarкастически отозвался Рон.

— А ты хочешь опуститься до его уровня?

— Нет, я хочу поймать его дружков раньше, чем он поймет моих.

— Ради всего святого, Рон...

— Гойла заставлю писать, пусть помучается, он же это ненавидит, — вдохновенно продолжал Рон. И, изобразив идиотскую сосредоточенность, утробно зарычал, выводя в воздухе: — Я... не... должен... быть похож... на... бабуинову... задницу.

Все засмеялись, но громче всех хохотала Луна Лавгуд. Она от восторга так пронзительно визжала, что Хедвига проснулась и захлопала крыльями, а Косолапус зашипел и вспрыгнул на багажную полку. Луна так смеялась, что журнал выскользнул у нее из рук и по ногам съехал на пол.

— Как смешно!

Она еле дышала; уставленные на Рона выпуклые глаза наполнились слезами. Тот в недоумении посмотрел на остальных, а те уже смеялись над его лицом и над нелепо затяжным хохотом Луны, которая, обхватив себя руками, раскачивалась взад и вперед.

— Ты что, издеваешься? — нахмурился Рон.

— Бабуинова... задница! — чуть не подавилась она, держась за живот.

Все смотрели на Луну, но Гарри, поглядев на упавший журнал, вдруг за ним нырнул. Пока Луна держала его вверх ногами, трудно было понять, что нарисовано на обложке, но теперь Гарри различил очень плохую карикатуру на Корнелиуса Фуджа; Гарри узнал его исключительно по лаймовому котелку. Одной рукой Фудж держал мешок с золотом, а другой душил тролля. Под карикатурой была подпись: «На что готов пойти Фудж, чтобы прибрать к рукам “Гринготтс”?»

Ниже столбиком шли другие заголовки:

КОРРУПЦИЯ В КВИДИШНОЙ ЛИГЕ:

КАК «ТОРНАДО» ВЗЯЛИ ВЛАСТЬ В СВОИ РУКИ СЕКРЕТЫ ДРЕВНИХ РУН РАСКРЫТЫ СИРИУС БЛЭК: ЗЛО ИЛИ ЗОЛОТО?

— Можно я посмотрю? — взволнованно спросил Гарри у Луны.

Та, не сводя глаз с Рона, кивнула, от смеха совсем задохнувшись.

Гарри бегло просмотрел содержание. До сих пор он не вспоминал о журнале, который Кингсли через мистера Уизли передал Сириусу. Видимо, это тот самый номер.

Он нашел в содержании страницу и нетерпеливо пролистал.

Статью иллюстрировала другая карикатура, тоже очень плохая. Собственно, если бы не подпись, Гарри ни в жизнь бы не догадался, что это Сириус. Тот с палочкой в руках стоял на груде человеческих костей. Статья была озаглавлена так:

СИРИУС БЛЭК – ТАК ЛИ ОН ЧЕРЕН, КАК ЕГО МАЛЮЮТ?

Кто он: печально знаменитый маньяк-убийца или невинный гений вокала?

Гарри пришлось перечитать это предложение несколько раз, дабы убедиться, что понял правильно. С каких это пор Сириус стал гением вокала?

На протяжении четырнадцати лет Сириуса Блэка считают виновным в убийстве двенадцати ни в чем не повинных муглов и одного колдуна. После отчаянного побега Блэка из Азкабана два года назад министерство магии развернуло невиданных масштабов охоту на этого человека, и ни у кого нет ни малейших сомнений, что Блэк должен быть схвачен и передан дементорам.

НО ТАК ЛИ ЭТО?

Недавно раскрылись новые сенсационные данные, из которых следует, что Сириус Блэк, возможно, не совершал преступлений, за которые был осужден. По словам Дорис Муркисс, проживающей в Литтл Нортоне по адресу: бульвар Синглициний, дом № 18, Блэк, вероятно, вообще не мог присутствовать на месте совершения злодейского преступления.

«Никто не понимает, что Сириус Блэк – не настоящее имя, – заявляет миссис Муркисс. – Так называемый Сириус Блэк – на самом деле не кто иной, как Сценни Тьянтер, лидер популярной группы “Хобгоблины”, который около пятнадцати лет назад, после прискорбного инцидента, когда во время концерта в зале при соборе Литтл Нортоне в него кинули большой репой и попали по уху, был вынужден завершить свою певческую карьеру. Но я сразу же узнала его по фотографии в газете. Так вот, Сценни никак не мог совершить этих преступлений, потому что в то самое время у нас с ним был романтический ужин при свечах. Я уже сообщила об этом министру

магии и надеюсь, что очень скоро он снимет со Сценни, сиречь Сириуса, все обвинения».

Гарри дочитал, но продолжал в изумлении смотреть в текст. Наверно, это розыгрыш, решил он, наверно, в этом журнале печатают всякие шутки. Он пролистал назад и нашел статью о Фудже.

Министр магии Корнелиус Фудж категорически отрицает, что намеревается взять на себя правление банком «Гринготтс», и утверждает, что единственной его целью было и остается лишь «мирное сотрудничество» с теми, кто охраняет наше золото.

НО ТАК ЛИ ЭТО?

Как мы узнали из достоверных источников, в близких к министру кругах хорошо известно, что захват гоблинских золотых запасов является хрустальной мечтой Фуджа, и для достижения этой цели наш министр готов пойти на все, в том числе и на применение силовых методов.

«А что, не в первый раз, — сказал наш источник в министерстве. — Друзья вообще называют министра “Корнелиус Фудж, гроза гоблинов”. Знали бы вы, что он болтает, когда думает, будто его не слышат посторонние... Только и разговоров, что о гоблинах, с которыми он разделался: утопил, сбросил с крыши, запек в пироги...»

Гарри не стал читать дальше. Фудж, конечно, не сахар, но чтобы он приказывал запекать гоблинов в пироги?.. Нет. Гарри полистал еще, через каждые несколько страниц натыкаясь на очередную сенсацию. «Торнадо» из Татшилла добыли свою победу в Квидишной лиге посредством шантажа, пыток и незаконных махинаций с метлами! Эксклюзивное интервью с колдуном, который на «Чистой победе 6» долетел до луны и в доказательство привез оттуда мешок лунных лягушек! Также Гарри попалась статья о древних рунах — она, по крайней мере, объясняла, почему Луна читала «Правдобор» вверх ногами: если верить журналу, перевернутые древние руны читались как заклинание, превращающее уши ваших врагов в груши. Одним словом, по сравнению с прочими статьями «Правдобра» гипотеза о том, что Сириус — не Сириус, а лидер «Хобгоблинов», казалась вполне здравой.

– Есть что-нибудь интересненькое? – полюбопытствовал Рон, когда Гарри захлопнул журнал.

– Откуда? – не дав Гарри ответить, презрительно бросила Гермиона. – Всем известно, что в «Правдоборе» одна чушь!

– Прошу прощения, – резко сказала Луна. От ее мечтательности не осталось и следа. – Мой пapa – его главный редактор.

– Я... Ой, – смущалась Гермиона, – ну... конечно, там бывают кое-какие любопытные... в смысле он довольно-таки...

– Я его заберу, не возражаешь? – холодно проговорила Луна. Она выхватила «Правдобор» у Гарри из рук, со страшной скоростью пролистала до страницы пятьдесят семь, решительно перевернула журнал и спряталась за ним, как раз когда дверь купе открылась в третий раз.

Гарри оглянулся. Появления гнусно ухмылявшегося Драко Малфоя и его верных телохранителей Краббе и Гойла он ожидал, но от этого обрадовался им ничуть не больше.

– Что? – рявкнул он, не дав Малфою раскрыть рта.

– Повежливее, Поттер, а то накажу, – лениво протянул Малфой, унаследовавший от отца гладкие светлые волосы и острый подбородок. – Видишь ли, я, в отличие от тебя, назначен старостой, и, следовательно, я, в отличие от тебя, имею право на карательные санкции.

– Понятно, – кивнул Гарри. – Но поскольку ты, в отличие от меня, редкостное дермо, выйди поскорее за дверь и не воняй.

Рон, Гермиона, Джинни и Невилл засмеялись. Губы Малфоя изогнулись.

– Лучше расскажи-ка мне, Поттер, каково это – быть хуже Уизли? – вкрадчиво спросил он.

– Прекрати, Малфой! – гавкнула Гермиона.

– Кажется, я попал в больное место, – ухмыльнулся тот. – Ладно, Поттер, пока и будь очень, очень осторожен, потому что я буду следить за каждым твоим шагом, *как собака*.

– Выходи отсюда! – крикнула Гермиона вставая.

Не переставая ухмыляться, Малфой в последний раз угрожающе посмотрел на Гарри и удалился. Краббе и Гойл следовали за ним по пятам. Гермиона с грохотом закрыла дверь и повернулась к Гарри, который по ее лицу сразу понял, что слова Малфоя напугали и ее.

— Кинь еще шокогадушку, — попросил Рон — он явно ничего не заметил.

Говорить в присутствии Невилла и Луны было невозможно, поэтому Гарри лишь еще раз тревожно переглянулся с Гермионой и стал смотреть в окно.

Еще минуту назад он считал, что в Сириусовой прогулке на вокзал нет ничего страшного, но теперь она показалась ему ненужной, даже опасной бравадой... Гермиона права... Сириус зря пошел с ними. А вдруг мистер Малфой узнал черного пса и сказал Драко? А вдруг он понял, что Уизли, Люпин, Бомс и Хмури знают, где скрывается Сириус? Или все-таки Малфой по случайности сказал «как собака»?

Они продвигались все дальше и дальше на север, а погода так и не определилась, что ей делать. То по стеклам неохотно стучал дождь, то из-за туч выглядывало хилое солнце, а затем снова скрывалось за набежавшими облаками. Стало темно, в купе зажглись лампы. Луна скатала «Правдобор» в трубочку, аккуратно убрала его в рюкзак и принялась пристально рассматривать своих спутников.

Гарри сидел, прижавшись лбом к забрызганному стеклу, и старался разглядеть вдалеке башни «Хогварца», однако ночь была безлунная, а окно к тому же грязное.

— Пора переодеваться, — сказала наконец Гермиона.

Они с Роном аккуратно прикололи на грудь значки. Гарри увидел, как Рон посмотрелся в черное оконное стекло.

Поезд начал замедлять ход, и из-за двери послышался обычный шум: пассажиры повскакали, принялись доставать вещи, собирать животных и готовиться к выходу. Рону и Гермионе полагалось следить за порядком, и они ушли, оставив Косолапуса и Свинринстеля на попечение Гарри и остальных.

— Если хочешь, я могу понести сову, — предложила Гарри Луна, потянувшись за Свинринстелем. Невилл прятал Тревора во внутренний карман.

— Э... мmm... спасибо. — Гарри отдал клетку и поудобнее пристроил в руках Хедвигу.

Ребята вышли из купе в переполненный коридор и ощутили первое касание холодного ночного воздуха. К выходу продвигались очень медленно. До Гарри долетал запах сосен, что росли вдоль тропинки к

озеру. На платформе он оглянулся, рассчитывая услышать знакомое: «Пер'клашки, сюда».

Но не услышал. Вместо этого до него донесся совсем другой голос, женский, решительный:

— Первоклассникам построиться здесь, пожалуйста! Все первоклассники — ко мне!

К Гарри, раскачиваясь, поплыл фонарь, и в мерцающем свете он увидел выдающийся подбородок и седой ежик профессора Гниллер-Планк, которая в прошлом году недолго замещала Огрида на занятиях по уходу за магическими существами.

— Где же Огрид? — вслух проговорил Гарри.

— Не знаю, — отозвалась Джинни, — но все равно надо идти, а то мы мешаем...

— А, ну да...

Продвигаясь по платформе к выходу, Гарри и Джинни потеряли друг друга. В толпе школьников Гарри щурился, надеясь в темноте увидеть Огрида. Он должен быть здесь — встречи с Огридом Гарри ждал едва ли не больше всего. Но Огрида нигде не было.

Он не мог уволиться, — говорил себе Гарри, медленно переставляя ноги и вместе со всеми шагая по узкому переходу к дороге. — *Он, наверно, простудился или еще что...*

Гарри заозирался в поисках Рона или Гермионы — хотел узнать, что они думают по поводу появления на станции профессора Гниллер-Планк, — но обоих не нашел, и толпа вынесла его на темную размытую дорогу от станции Хогсмед.

На дороге стояло около ста безлошадных карет, в которых все школьники, кроме первоклассников, добирались до замка. Гарри посмотрел на них, отвернулся еще раз поискать взглядом Рона и Гермиону, а затем повернулся обратно и уставился на кареты.

А ведь они больше не безлошадные. В них запряжены очень странные существа. Если бы понадобилось как-нибудь их назвать, Гарри, пожалуй, сказал бы, что это кони, но какие-то ящероподобные. Совсем без мускулов, под черными шкурами отчетливо прорисована каждая кость. Головы — как будто драконы, а белые распахнутые глаза лишены зрачков. У коней росли крылья — огромные, черные, кожистые, как у гигантских летучих мышей. Безмолвно застыв во мгле, они будто излучали что-то зловещее. Непонятно, зачем впряжен

в кареты этих жутких коней, если кареты вполне способны передвигаться самостоятельно.

– Где Свин? – раздался голос Рона.

– Он у этой Луны, – ответил Гарри, быстро оборачиваясь – хотелось обсудить с Роном отсутствие Огрида. – Как думаешь, где...

– Огрид? Понятия не имею, – с явным беспокойством сказал Рон. – Надеюсь, жив-здоров...

Неподалеку Драко Малфой, окруженный небольшой свитой (Краббе, Гойл и Панси Паркинсон), отталкивал от облюбованной кареты оробевших второклассников. Спустя мгновение из толпы выскочила запыхавшаяся Гермиона.

– Там, на станции, Малфой прямо затерроризировал одного первоклашку. Честное слово, я этого так не оставлю, я о нем доложу! Не успел получить значок, а уже травит людей хуже прежнего... Где Косолапсус?

– У Джинни, – ответил Гарри. – Вон она...

Тут появилась и Джинни – она обнимала вырывающегося Косолапсуса.

– Спасибо тебе. – Гермиона забрала кота. – Пошли, может, сядем вместе, пока не все кареты заняты...

– Я еще не нашел Свина, – сказал Рон, но Гермиона уже направилась к ближайшей пустой карете. Гарри остался с Роном. Мимо них потоком текли школьники.

– Что это за существа, не знаешь? – спросил Гарри, кивнув на страшных коней.

– Какие существа?

– Да кони эти...

Появилась Луна с клеткой в руках. Крохотный Свинринтель, как всегда, возбужденно щебетал.

– Вот твоя сова, – сказала Луна. – Она очень миленькая.

– Э-э... да... он ничего себе, – проворчал Рон. – Ну что, пошли садиться?.. Что ты там говорил, Гарри?

– Я говорил, что это за страшные кони? – повторил тот. Они втроем направились к карете, где уже сидели Джинни и Гермиона.

– Какие кони?

– Кони, запряженные в кареты! – нетерпеливо пояснил Гарри. В самом деле, что это с Роном? Кони, выкатив пустые белые глаза,

стояли в каких-то трех футах! Рон, однако, посмотрел на Гарри озадаченно:

– Ты о чем?

– Я?.. Вот об этом! Смотри!

Гарри схватил Рона за руку и развернул. Рон посмотрел прямо на крылатого коня, а потом на Гарри:

– И что я должен увидеть?

– Как что? Вот же, между оглоблями! Запряжены в карету! Прямо перед...

Но Рон по-прежнему недоумевал, и Гарри пришла в голову очень странная мысль.

– Ты... их не видишь?

– Кого?

– Того, кто запряжен в карету?

Рон явно встревожился:

– Гарри, ты себя хорошо чувствуешь?

– Я?.. Да...

Гарри ужасно растерялся. Конь стоял прямо перед ним, его шкура лоснилась в неясном свете станционных окон, из ноздрей валил пар... И, однако, Рон, если не притворяется – а если притворяется, то это весьма дурацкая шутка, – их не видит...

– Ну так что, садимся? – неуверенно спросил Рон, с тревогой глядя на Гарри.

– Да, – кивнул Гарри, – да. Пошли...

– Не бойся, – произнес мечтательный голос подле Гарри, когда Рон уже скрылся в темноте кареты. – Ты не сошел с ума. Я тоже их вижу.

– Да? – в ужасе переспросил он. И увидел отражение крылатых коней в выпуклых серебристых глазах.

– Да, – подтвердила Луна. – С самого первого дня. Их всегда запрягают в кареты. Не волнуйся, ты такой же нормальный, как я.

Слегка улыбаясь, она исчезла в затхлом полумраке кареты. Гарри полез следом. Не сказать чтобы он успокоился.

Глава одиннадцатая

Новая песнь Шляпы-Распределницы

Гарри не хотел признаваться, что у них с Луной одинаковые галлюцинации – если это галлюцинации, – поэтому, усевшись в карету и захлопнув дверцу, не сказал больше ни слова о конях, но все же не мог оторвать глаз от их зловещих силуэтов, двигавшихся за окошком.

– Видели Гниллер-Планк? – спросила Джинни. – Почему она снова здесь? Ведь Огрид же не уволился?

– Если уволился, я только обрадуюсь, – отозвалась Луна. – Он не очень хороший учитель.

– Очень даже хороший! – сердито воскликнули Гарри, Рон и Джинни.

Гарри гневно воззрился на Гермиону. Она откашлялась и поспешила согласиться: – Э-э-э... да... очень хороший.

– А у нас во «Вранзоре» считают, что он не учитель, а просто смех, – ответила Луна, нимало не обескураженная.

– Странное у вас во «Вранзоре» чувство юмора, – огрызнулся Рон. В это время скрипнули колеса, и карета пришла в движение.

Грубость Рона, по всей видимости, нисколько не задела Луну; совсем наоборот, она еще посмотрела на него, словно он был небезынтересной телепередачей.

Вереница карет, громыхая и покачиваясь, катила вверх по дороге, и скоро они миновали ворота меж двух каменных колонн, увенчанных крылатыми боровами. Кареты въехали на школьную территорию. Гарри наклонился к окну и попытался разглядеть, горит ли свет в хижине Огрида на опушке Запретного леса, но на школьном дворе царила кромешная тьма. Между тем замок «Хогварца» как будто сам стремительно надвигался, грозно нависая над головами: гигантский, угольно-черный на фоне темного неба массив башен, а кое-где алмазно сияли окна.

Кареты, лязгнув рессорами, остановились у парадных дубовых дверей. Гарри выпрыгнул из кареты первым и снова повернулся к Запретному лесу, рассчитывая все-таки увидеть освещенные окна, но в хижине Огрида определенно не было никаких признаков жизни. Тогда крайне неохотно – сказать по правде, Гарри очень надеялся, что за время пути кони куда-нибудь денутся, – он перевел взгляд на этих малоприятных скелетоподобных животных. Те, выпучив пустые, мерцающие белые глаза, неподвижно стояли на ночном холоде.

Однажды с Гарри уже случалось, что он видел то, чего не видел Рон, но тогда это было отражение в зеркале – оно и вообще иллюзорно, не то что сотня вполне осозаемых животных, которым хватает сил везти реальные кареты с реальными людьми. Если верить Луне, эти кони возили кареты всегда – то есть были невидимы. Что же произошло? Почему теперь Гарри их видит, а Рон нет?

– Ты идешь или как? – спросил Рон.

– А... да, – опомнился Гарри, и они влились в толпу, поднимавшуюся по каменным ступеням в замок.

В вестибюле, залитом светом факелов, разносилось эхо шагов – школьники по каменным плитам пола спешили к двойным дверям справа, в Большой зал, на пир в честь начала учебного года.

В Большом зале, под черным беззвездным потолком – точной копией неба за высокими окнами – стояли четыре длинных стола, и они быстро заполнялись людьми. Над столами в воздухе плавали зажженные свечи. Они заставляли серебристо мерцать силуэты привидений и озаряли лица ребят – те оживленно болтали, обменивались летними впечатлениями, громко здоровались с приятелями из других колледжей, поглядывали на новые наряды и прически однокашников. И опять Гарри увидел, что, едва он проходит мимо, все начинают шептаться. Он сжал зубы и постарался сделать вид, будто ничего не замечает и плевать хотел.

Луна уплыла к столу «Вранзора». У стола «Гриффиндора» Джинни окликнули одноклассники, и она села с ними; Гарри, Рон, Гермиона и Невилл нашли в середине стола четыре свободных места между Почти Безголовым Ником, гриффиндорским привидением, и Парвати Патил с Лавандой Браун. Последние приветствовали Гарри с легкомысленным радушием, и ему сразу стало ясно, что они прекратили судачить о нем

всего секундой раньше. Впрочем, для нервов сразу нашелся повод посерьезнее: Гарри поверх голов посмотрел на учительский стол.

– Его нет.

Рон и Гермиона тоже оглядели учительский стол, хотя в этом не было необходимости: человек габаритов Огрида заметен в любой толпе.

– Не мог же он уволиться, – встревоженно проговорил Рон.

– Конечно, не мог, – твердо сказал Гарри.

– Как вы думаете, он не... *ранен*, нет? – испуганно спросила Гермиона.

– Нет, – отрезал Гарри.

– И где же он тогда?

Они помолчали. Затем Гарри очень тихо, чтобы не услышали ни Невилл, ни Парвати с Лавандой, сказал:

– Может, он еще не вернулся? Ну, понимаете... с задания. Которое ему поручил Думбльдор.

– Точно... точно, наверняка, – с облегчением сказал Рон. Но Гермиона, прикусив губу, смотрела на учителей, словно надеясь найти среди них более разумное объяснение отсутствию Огрида.

– А *это* кто? – вдруг спросила она, указывая в середину стола.

Гарри проследил за ее взглядом и в центре, в золотом кресле с высокой спинкой, увидел профессора Думбльдора в усеянной звездами темно-фиолетовой мантии и такой же шляпе. Голова его склонялась к женщине, сидевшей рядом, а та шептала ему на ухо. Женщина была низенькая, с короткими мышастыми кудряшками, которые она, на манер Алисы в Стране чудес, повязала кошмарной розовой лентой под цвет пушистой кофты, надетой поверх колдовской мантии. Походила она на какую-то всеобщую тетушку, старую деву. Женщина слегка повернулась, сделала деликатный глоточек из кубка – и Гарри с ужасом узнал мертвенно жабье лицо и выпуклые глаза с набрякшими мешками.

– Это же она! Кхембридж!

– Кто? – переспросила Гермиона.

– Она была на слушании, работает у Фуджа!

– Милая кофточка, – ухмыльнулся Рон.

– Работает у Фуджа? – нахмурившись, повторила Гермиона. – А здесь она что забыла?

– Понятия не имею…

Гермиона сощурилась на учительский стол.

– Нет, – пробормотала она, – нет, конечно нет…

Гарри не понял, о чём она, однако спрашивать не стал; его внимание привлекла профессор Гниллер-Планк, только что появившаяся позади других учителей. Она прошла до конца стола и заняла место Огрида. Это могло означать лишь одно – первоклассники переплыли озеро и прибыли в замок. Действительно, через несколько секунд двери распахнулись. Из вестибюля в зал длинной колонной вошли первоклассники, ведомые профессором Макгонаголл. Она несла табурет со старой-престарой колдовской шляпой, сильно залатанной и с широкой прорехой на тулье.

Гул стих. Первоклассники выстроились перед учительским столом лицом к остальным школьникам. Профессор Макгонаголл аккуратно поставила перед ними табурет и отошла.

В свете свечей лица детей бледно сияли. Маленький мальчик в самой середине шеренги мелко дрожал. Гарри на мгновение вспомнил, как боялся сам, пока стоял там и ждал неведомого испытания, которое решит, в какой колледж его определят.

Все в зале затаили дыхание. Затем прореха на Шляпе-Распределнице раскрылась наподобие рта, и из неё полилась громкая песня:

*В те времена, когда была я новой,
А «Хогварц» только-только основали,
Создатели сей благородной школы
Судьбы своей пока еще не знали.
Объединенные одной высокой целью,
Они питали страстное желанье:
Потомкам передать все без изъятия —
Уменья, опыт и магические знанья.
«Мы вместе будем и учить и строить!» —
Решили эти верные друзья,
Но в страшном сне им не могло присниться,
Сколь непроста им выпадет стезя.
Дружили Слизерин и Гриффиндор,
Ни перед чем их братство не сдавалось.
Любезнее, чем Вранзор с Хуффльпуфф,
Подруг на свете не существовало.
И как же все могло так повернуться?
Как дружба крепкая распалась, умерла?
Печальную историю разрыва
Я вам поведаю, поскольку там была.
Рек Слизерин: «Лишь тех, в чьих жилах
Течет кровь магов, будем обучать»,
Но Вранзор объявила: «Только умных
Мы станем в школе нашей привечать».
А Гриффиндор вскричал: «Лишь храбрецы
У нас учиться заслужили право!»
«Я буду обучать всех без различий», —
На это Хуффльпуфф сказала здраво.
Впервые разгоревшись, эти споры
Не изменили положенья дел,
Поскольку каждый маг-сооснователь
В той школе коллеж собственный имел.
И Слизерин себе в ученики
Брал только тех, чья кровь была чиста,
У Гриффиндора обучались смельчаки,
Чьи души отличала прямота,
И Вранзор наставляла умных магов,*

*Как им острее разум отточить,
А славной Хуффльпфф меж тем досталось
Без счету прочих волшебству учить.
И до поры дружили маги в школе,
И братства дух в стенах сиих витал.
И годы миновали беспечально,
В гармонии наши «Хогварц» процветал.
Затем, однако, начался разброд.
Меж колледжей, что как столпы творенья
Поддерживали школы основанье,
Вдруг вспыхнули раздоры, споры, тренъя.
Средь прочих каждый захотел стать первым —
Нет выхода из замкнутого круга.
Казалось, нашей школе жить недолго:
Дуэли, драки... Друг восстал на друга.
Но Слизерин одним печальным утром
Отбыл навек из школы, и тогда
Вмиг прекратились споры и раздоры,
Но знали мы, что к нам пришла беда.
И с той поры, когда четыре друга
Тремя друзьями стали поневоле,
Былого единения умов
Не наблюдалось боле в нашей школе.
И вот теперь я, Шляпа, перед вами —
Вам всем известно, для чего нужна я:
По колледжам я вас Распределю,
Как только ваши души я познаю.
Но вспоминайте впредь мои слова
И днем, и по ночам, и поутру:
Я развозжу вас на четыре дома,
Но мнится мне, что это не к добру.
Я, исполняя долг свой неизбежный,
Боюсь, что вновь беда грядет,
Что косность устоявшихся традиций
К печальному концу нас приведет.
Внимайте знакам, как история диктует,
Учитесь быть настороже вдвойне*

*И помните, что школе нашей славной
Ужасные враги грозят извне.
Должны мы меж собой объединиться,
Иначе счаствия нам большие не видать.
Я вас предупредила, все сказала...
Пора к Распределению приступать.*

Шляпа смолкла и замерла. Раздались аплодисменты, но впервые на памяти Гарри они перемежались бормотанием и шепотками. По всему залу школьники делились впечатлениями со своими соседями, и Гарри, хлопавший вместе с остальными, прекрасно понимал, о чем они говорят.

– Что-то на этот раз сильно развесисто, – подняв брови, заметил Рон.

– Да уж, – отозвался Гарри.

Обычно Шляпа-Распределница ограничивалась описанием качеств, необходимых для поступления в разные колледжи «Хогварца», и объясняла свою роль в Распределении. Гарри не помнил, чтобы прежде Шляпа давала школьникам советы.

– А раньше она, интересно, о чем-нибудь предупреждала? – с легкой тревогой произнесла Гермиона.

– Вообще-то да, – со знанием дела ответил Почти Безголовый Ник, наклоняясь к ней сквозь Невилла (Невилл поморщился: не очень-то приятно, когда сквозь тебя проходит привидение). – Шляпа считает делом чести предостерегать «Хогварц», если чувствует, что...

Но тут профессор Макгонаголл, которая дожидалась тишины, чтобы начать вызывать первоклассников на Распределение, окинула болтунов таким обжигающим взглядом, что Ник немедленно приложил к губам прозрачный палец и сел очень прямо. Гомон в зале мгновенно стих. Профессор Макгонаголл, в последний раз недовольно оглядев все четыре стола, опустила глаза к длинному пергаментному свитку и выкрикнула первое имя:

– Аберкромби, Юэн.

Перепуганный мальчик, на которого Гарри уже обратил внимание, шагнул вперед и надел на голову Шляпу-Распределницу; упасть до самых плеч ей помешали его торчащие уши. Шляпа поразмыслила, потом открыла прореху и объявила:

– «Гриффиндор»!

Гарри вместе со всеми гриффиндорцами громко похлопал Юэну Аберкромби, который, спотыкаясь, дошел до их стола и сел с таким видом, точно ему было бы значительно приятнее провалиться сквозь пол и никогда больше не показываться никому на глаза.

Постепенно строй первоклассников редел. В паузах, пока Шляпа обдумывала свое решение, Гарри слышал, как у Рона громко урчит в животе. Наконец, «Целлер, Розу» определили в «Хуффльпuff», профессор Макгонаголл унесла табурет со Шляпой, а профессор Думбльдор поднялся из-за стола.

Хотя Гарри и был обижен на Думбльдора, самый вид директора подействовал умиротворяюще. Отсутствие Огрида, кони-ящеры – все эти неприятные сюрпризы, как неожиданные фальшивые аккорды в любимой песне, испортили давно предвкушаемое возвращение в «Хогварц». А теперь все наконец пошло как положено: директор школы встал из-за стола, чтобы поздравить учеников с началом учебного года.

– Всем новичкам, – звучно заговорил Думбльдор, улыбаясь и приветственно простирая руки, – добро пожаловать! Добро пожаловать и всем старым знакомым! Бывают обстоятельства, в которых уместны длинные речи. Сейчас не тот случай. Поэтому садитесь – и налетайте!

Раздался одобрительный смех и взрыв аплодисментов. Думбльдор с достоинством опустился в кресло и перекинул через плечо длинную бороду, чтобы та не лезла в тарелку, – ибо на столах появились всевозможные кушанья: мясо, пироги, овощи, хлеб, разнообразные соусы, кувшины с тыквенным соком…

– Отличненько, – хищно простонал Рон и, схватив первое попавшееся блюдо, принялся перекладывать отбивные к себе на тарелку. Почти Безголовый Ник тоскливо за ним наблюдал.

– Что ты говорил перед Распределением? – спросила призрака Гермиона. – Шляпа и раньше предостерегала?

– Ах да. – Ник, похоже, был рад поводу отвести глаза от Рона, с почти неприличной жадностью поглощавшего жареную картошку. – Я сам несколько раз слышал. Шляпа так поступает, когда чувствует, что школе угрожает опасность. Совет у нее, разумеется, всегда один: быть вместе и крепить ряды.

– Окузанайт фо шкули гржат паснасан ляпа? – спросил Рон.

Рот у него был набит до отказа, и то, что он сумел издать хоть какие-то звуки, Гарри расценил как подвиг.

– Прошу прощения? – вежливо переспросил Почти Безголовый Ник. Гермиона брезгливо скривилась. Рон, гулко сглотнув, повторил:

– Откуда она знает, что школе угрожает опасность, если она – Шляпа?

– Представления не имею, – ответил Ник. – Но она живет в кабинете Думблдора и, осмелюсь предположить, слышит там немало.

– И при этом хочет, чтобы все колледжи подружились? – Гарри с сомнением посмотрел на слизеринский стол, где безраздельно царил Драко Малфой. – Разбежалась.

– Зря вы так, – укорил Ник. – Мирное сотрудничество – вот ключ к успеху. Мы, привидения, хотя и принадлежим к разным колледжам, стараемся поддерживать дружеские связи. Скажем, я, невзирая на соперничество между «Гриффиндором» и «Слизерином», ни за что не позволил бы себе вступить в спор с Кровавым Бароном.

– Это потому, что ты его боишься до ужаса, – сказал Рон.

Почти Безголовый Ник сильно оскорбился:

– Боюсь? Я? Сэр Николас де Мимси-Порпингтон? Никто и никогда не смел обвинить меня в трусости! Благородная кровь, текущая в моих жилах...

– Какая кровь? – спросил Рон. – У тебя что, осталась...

– Это фигура речи! – Ник так рассердился, что его голова мелко затряслась на полуотрубленной шее: того и гляди, отвалится набок. – Я, конечно, не могу вкушать еду и напитки, но, надеюсь, вы не станете отказывать мне в праве на свободу слова? И меня, поверьте, не заденут колкости неразумных детей, потешающихся над моей кончиной! Я привык.

– Ник, он вовсе не хотел над тобой смеяться! – заверила Гермиона, разъяренно глядя на Рона.

У того, к несчастью, рот опять был набит так, что щеки грозили разорваться, поэтому он сумел лишь выдавить: «Ниител казать ичо похо». Ник, видимо, не считал это удовлетворительным извинением. Взвившись над ними, он поправил шляпу с пером, уплыл на другой конец стола и сел между братьями Криви, Колином и Деннисом.

– Молодец, Рон, – огрызнулась Гермиона.

– Чего? – возмутился Рон, наконец сглотнув. – Нельзя уже задать простой вопрос?

– Молчи лучше, – раздраженно отмахнулась Гермиона, и остаток ужина оба дулись.

Гарри давно привык к подобным сварам и не пытался их помирить, решив, что гораздо умнее будет спокойно доесть пирог с мясом и почками, а после умыть целое блюдо любимых пирожных с патокой.

Когда все наелись и в зале снова загудели голоса, Думбльдор поднялся из-за стола. Разговоры сразу же стихли, все головы повернулись к директору. Гарри одолевала сытая сонливость. Наверху его ждет кровать под балдахином, такая мягкая и теплая...

– Поскольку мы уже перевариваем это великолепное пиршество, уделите мне несколько минут – я скажу то, что всегда говорю в начале учебного года, – обратился к школе Думбльдор. – Во-первых, первоклассникам следует усвоить, что лес, окружающий школьную территорию, под запретом для всех учащихся... Позволю себе также выразить надежду, что к настоящему моменту этот факт дошел и до сознания некоторых старшеклассников.

Гарри, Рон и Гермиона ухмыльнулись.

– Далее. Школьный смотритель мистер Филч просил меня напомнить вам в четыреста шестьдесят второй, как он уверяет, раз, что вам запрещено колдовать на переменах в школьных коридорах. Также запрещено и многое другое – список висит на двери кабинета мистера Филча... Кроме того, в этом году в нашей школе произошли некоторые изменения в преподавательском составе. Мы очень рады вновь приветствовать в этих стенах профессора Гниллер-Планк, которая будет вести занятия по уходу за магическими существами, и счастливы представить вам профессора Кхембридж, нового преподавателя защиты от сил зла.

Раздались вежливые, но довольно кислые аплодисменты. Гарри, Рон и Гермиона в панике переглянулись: Думбльдор не сказал, долго ли пробудет с ними профессор Гниллер-Планк.

Тот между тем продолжил:

– Испытания для желающих попасть в квидишиные команды состоятся...

Он осекся и вопросительно посмотрел на профессора Кхембридж. Поскольку из-за ее роста трудно было догадаться, стоит она или сидит,

поначалу никто не понял, отчего директор замолчал, но, когда профессор Кхембридж откашлялась: «Кхе-кхем», – стало ясно, что она, оказывается, встала и вознамерилась произнести речь.

Думбльдор растерялся лишь на мгновение, а затем элегантно опустился в кресло и внимательно взирался на профессора Кхембридж, словно для него не было в жизни большего счастья, чем услышать ее выступление. Остальной преподавательский состав не сумел столь ловко скрыть удивление. Брови профессора Спарж уползли под пышные волосы, а рот профессора Макгонаголл сжался в тончайшую полоску. Никогда раньше новый учитель не осмеливался перебивать директора. Многие школьники усмехались; эта женщина явно незнакома с порядками в «Хогварце».

– Благодарю вас, директор, – жеманно заулыбалась профессор Кхембридж, – за теплые слова приветствия.

Голос у нее был высокий, с придахианием, девчачий, и Гарри вновь ощутил острую неприязнь, которую и сам не мог объяснить; но он твердо знал, что ненавидит в этой женщине все, от идиотского голоска до пушистой розовой кофты. Она еще раз откашлялась («кхе-кхем») и продолжила:

– Должна сказать, что я очень рада вернуться в «Хогварц»! – Она улыбнулась, обнажив мелкие острые зубки. – И очень рада видеть ваши милые счастливые лица!

Гарри поглядел вокруг и не увидел ни одного счастливого лица. Напротив, все были неприятно поражены тем, что с ними разговаривают как с малышней.

– Я очень хочу поближе познакомиться со всеми и уверена, что мы непременно станем добрыми друзьями!

Все переглянулись; некоторые с трудом сдерживали ухмылки.

– Друзьями? Так уж и быть, только если не придется одолживать у нее эту жуткую кофту, – шепнула Лаванде Парвати, и обе засмеялись беззвучным смехом.

Профессор Кхембридж в очередной раз откашлялась («кхе-кхем»), а когда снова заговорила, придахиание почти исчезло, а голос зазвучал скучно и заученно:

– Министерство магии придавало и придает вопросу образования юных колдунов и ведьм огромное, жизненно важное значение. Редкий дар, которым каждый из вас наделен от рождения, не будучи взлеян

путем надлежащего обучения и наставления, может пропасть втуне. Мы не имеем права допустить, чтобы древние умения, уникальное достояние колдовского сообщества, исчезли навсегда, а потому должны бережно передавать их из поколения в поколение. И благородное призвание педагогов – охранять и пополнять драгоценную сокровищницу магических знаний, накопленных нашими предками.

Профессор Кхембридж сделала паузу и слегка поклонилась своим коллегам, однако те и не подумали кивнуть ей в ответ. Темные брови профессора Макгонаголл сошлись на переносице, отчего она сильно походила на ястреба, и Гарри отчетливо видел, как при очередном «кхе-кхем» она многозначительно переглянулась с профессором Спарж. Профессор Кхембридж продолжила:

– Все директора и директрисы «Хогварца» привносили нечто новое в трудное дело руководства этой прекрасной школой с ее многовековой историей, и это правильно, ибо там, где отсутствует прогресс, неизбежно наступают стагнация и разрушение. В то же время мы не можем себе позволить поощрять прогресс только ради прогресса, ибо наши древние, проверенные временем традиции чаще всего не нуждаются в поправках. А значит, равновесие между старым и новым, между постоянством и переменами, между традициями и инновациями...

Гарри почувствовал, что не в состоянии больше слушать, – мысли как будто куда-то соскальзывали. Когда говорил Думблдор, в Большом зале всегда царила почтительная тишина, но сейчас она рассеивалась: школьники склонялись друг к другу, шептались, хихикали. За столом «Вранзора» Чо Чан оживленно болтала с подружками. Неподалеку от нее Луна Лавгуд достала из рюкзака «Правдобор». Хуффль пуффец Эрни Макмиллан не сводил глаз с профессора Кхембридж, но взгляд у него был остекленелый, и Гарри не сомневался, что Эрни не слушает, а лишь притворяется, дабы не потерять лицо и быть достойным новенького значка старосты.

Профессор Кхембридж ничего не замечала. Наверное, даже если бы у нее под носом вспыхнуло восстание, она продолжала бы невозмутимо бубнить. Учителя между тем слушали Кхембридж очень внимательно, как и Гермиона, которая впитывала каждое слово, хотя, судя по ее лицу, слова эти были ей совсем не по вкусу.

— …ибо всегда оказывается, что некоторые изменения — к лучшему, а другие по прошествии времени признаются ошибочными. Некоторые старые традиции мы обязаны сберечь, и это естественно, другие же, отжившие свой век, следует оставить и забыть. Итак, давайте вместе настроимся сохранять то, что надлежит сохранить, совершенствовать то, что нуждается в совершенствовании, и искоренять то, что вопиет об искоренении, и устремимся вперед, к новой эре, эре открытости, эффективности и ответственности.

Она села. Думбльдор захлопал. Преподаватели последовали его примеру, но Гарри заметил, что некоторые лишь раз другой сдвинули ладони. К рукоплесканиям присоединилась и часть школьников; впрочем, большинство не слушали речь, не поняли, что она закончилась, и пока сообразили зааплодировать, Думбльдор снова встал.

— Большое спасибо, профессор Кхембридж, это было весьма познавательно, — сказал он, поклонившись ей. — Итак, как я говорил, испытания для желающих попасть в квидишные команды…

— Именно что весьма познавательно, — тихо проговорила Гермиона.

— Только не говори, что тебе понравилось, — так же тихо ответил Рон, переводя на нее мутный взор. — В жизни не слышал такой нудтины — а я, заметь, рос с Перси!

— Я сказала, «познавательно», а не «интересно», — сказала Гермиона. — Эта речь многое объясняет.

— Да? — удивился Гарри. — А мне показалось, полный бред.

— Среди бреда было кое-что важное, — мрачно произнесла Гермиона.

— Правда? — отупело переспросил Рон.

— Как вам «мы не можем себе позволить поощрять прогресс только ради прогресса»? А «искоренять то, что вопиет об искоренении»?

— Ну и что это значит? — нетерпеливо спросил Рон.

— Я тебе скажу, что это значит, — зловеще промолвила Гермиона. — Это значит, что министерство вмешивается в дела «Хогварца».

Вокруг загрохотало: очевидно, Думбльдор распустил собрание, и теперь все готовились уходить. Гермиона испуганно вскочила.

— Рон, мы ведь должны показать первоклассникам, куда идти!

— Ах да, — сказал Рон, который явно об этом забыл. — Эй! Эй, вы! Лилипуты!

– Рон!

– А что? Они такие мелкие...

– Все равно, нельзя называть их лилипутами!.. Первоклассники! – командным голосом заорала Гермиона. – За мной, пожалуйста!

Новые ученики робко двинулись к ней по проходу между гриффиндорским и хуффльпффским столами, причем каждый из всех сил старался не оказаться впереди остальных. Дети и правда выглядели крошечными; Гарри был твердо уверен, что сам он, когда пришел в первый класс, таким маленьким не был. Он улыбнулся малышам. Светловолосый мальчик рядом с Юэном Аберкромби буквально окаменел, потом ткнул Юэна в бок и зашептал ему на ухо. Юэн, тоже перепуганный, украдкой бросил на Гарри боязливый взгляд, и тот почувствовал, что улыбка, как смердосок, сползает с лица.

– До встречи, – сказал он Рону и Гермионе и пошел прочь из Большого зала, стараясь не обращать внимания на перешептывания, пристальные взоры и указующие персты. Глядя прямо перед собой, он пробрался к выходу, торопливо взошел по мраморной лестнице и, в двух местах срезав путь через тайные переходы, скоро оставил толпу далеко позади.

Чего же и ждать, сердито думал он, шагая по коридорам верхних этажей, где почти никого не было. Естественно, все на него таращатся: каких-то два месяца назад он на глазах у всей школы с телом Седрика появился из лабиринта, где проводилось последнее испытание Тремудрого Турнира, и заявил, что видел возрождение лорда Вольдеморта. А вскоре школу распустили на каникулы, и у Гарри не было времени объясняться, даже если бы он и захотел предоставить отчет об этих ужасных событиях.

Он сам не заметил, как по коридору дошел до двери в гриффиндорскую гостиную, скрытой за портретом Толстой Тети; сообразив, что не знает нового пароля, он остановился как вкопанный.

– Эмм... – промычал он, хмуро уставившись на Толстую Тетю. Та разгладила складки шелкового розового платья и в свою очередь сурово уставилась на него.

– Нет пароля – нет доступа, – надменно сообщила она.

– Гарри, я знаю! – пропыхтели у него за спиной. Гарри обернулся и увидел, что к нему трусит Невилл. – Знаешь какой? Я наконец-то

смогу запомнить!.. – Он помахал своим кактусом-пеньком. – *Мимбулюс мимблетония!*

– Правильно, – сказала Толстая Тетя, и портрет открылся, обнаружив за собой круглую дыру в стене.

Гриффиндорская гостиная – уютная круглая комната, заставленная ветхими мягкими креслами и старыми шаткими столиками, – встретила их как всегда приветливо. В очаге весело потрескивал огонь, и кто-то грел над ним руки; в другом углу Фред с Джорджем вешали на доску какое-то объявление. Гарри всем помахал и направился прямиком в спальню: у него не было настроения ни с кем разговаривать. Невилл пошел за ним.

Дин Томас и Шеймас Финниган добрались до спальни первыми и сейчас развесивали по стенам у своих кроватей плакаты и фотографии. Когда Гарри распахнул дверь, они разговаривали, но мигом замолчали, увидев его. Гарри заподозрил, что говорили о нем; потом заподозрил, что у него паранойя.

– Привет, – сказал он, открывая свой сундук.

– Привет, Гарри, – ответил Дин, надевая пижаму уэстхэмских цветов. – Как каникулы?

– Неплохо, – пробормотал Гарри. На рассказ о его каникулах ушла бы целая ночь, а у него не было сил. – А у тебя?

– Нормально, – хмыкнул Дин. – Во всяком случае, лучше, чем у Шеймаса.

– А что такое? – бережно поставив мимбулюс мимблетонию на тумбочку, спросил Невилл Шеймаса.

Шеймас ответил не сразу – прежде он убедился, что «Кенмарские коршуны» висят ровно. Потом, не поворачиваясь к Гарри, сказал:

– Мама не хотела, чтобы я возвращался в школу.

– Что? – Гарри, снимавший мантию, застыл.

– Не хотела, чтобы я возвращался в «Хогварц».

Шеймас отвернулся от плаката и, по-прежнему не глядя на Гарри, достал из своего сундука пижаму.

– Но... почему? – поразился Гарри. Мама Шеймаса – ведьма, как же она могла опуститься до такого дурслеизма?

Шеймас не отвечал, пока не застегнул пижаму на все пуговицы.

– Я думаю, – размеренно произнес он, – что... из-за тебя.

– В смысле из-за меня? – вскинулся Гарри.

Сердце забилось очень-очень быстро; словно что-то надвигалось и грозило поглотить Гарри целиком.

– Ну-у, – протянул Шеймас, избегая на него смотреть, – она… э-э… в общем, это не только из-за тебя, из-за Думбльдора тоже…

– Так она верит «Оракулу»? – сообразил Гарри. – Верит, что я врун, а Думбльдор – старый осел?

Шеймас наконец посмотрел ему в глаза:

– Что-то в этом духе.

Гарри промолчал. Он швырнул на тумбочку волшебную палочку, снял мантию, с досадой бросил ее в сундук и натянул пижаму. Как же все это надоело! Все эти взгляды и пересуды! Побывали бы они в его шкуре!.. Понимали бы, каково это… Миссис Финнigan ничегошеньки не понимает… Дура, свирепо закончил он про себя.

Он забрался в постель и потянулся задернуть полог, но тут Шеймас сказал:

– Слушай… А что *на самом деле* было, когда… Ну, ты понимаешь… С Седриком Диггори и вообще?

В голосе его звучало опасливое любопытство. Дин, который перерывал сундук в надежде отыскать тапочку, тотчас замер и явно навострил уши.

– А чего ты у меня спрашиваешь? – огрызнулся Гарри. – Почитай «Оракул», как твоя мамочка! Там написано все, что вам положено знать.

– Оставь в покое мою маму, – рассердился Шеймас.

– С какой стати мне оставлять в покое тех, кто называет меня лжецом? – гневно бросил Гарри.

– Нечего со мной так разговаривать!

– Как хочу, так и разговариваю, – отрезал Гарри. Кровь бросилась ему в голову, и он сам не заметил, как схватил волшебную палочку. – А если тебе страшно спать со мной в одной комнате, валяй к Макгонахолл, пусть тебя переведут… Чтоб мамуля не беспокоилась…

– Я тебе сказал, Поттер, не трогай мою маму!

– Что тут такое?

В дверях появился Рон. Он вытаращился на Гарри, который на коленях стоял на кровати, целя в Шеймаса волшебной палочкой, затем поглядел на Шеймаса, грозно сжавшего кулаки.

– Он издевается над моей матерью!

– Чего? – не поверил Рон. – Гарри не стал бы... Мы знаем твою маму, она нам понравилась...

– Только это было до того, как она стала верить всему, что пишет обо мне «Оракул»! – во весь голос заорал Гарри.

– А, – судя по лицу, до Рона дошло. – А... Понятно.

– Знаете что?! – с жаром вскричал Шеймас, бросив на Гарри злобный взгляд. – Он прав! Я больше не хочу жить с ним в одной комнате, он псих!

– Ну, это уже перебор, Шеймас. – Уши Рона засветились малиновым – верный сигнал опасности.

– Ах, перебор?! – завопил Шеймас. Он, наоборот, сильно побледнел. – Ты сам-то веришь? Всей этой ерунде, которую он наплел про Сам-Знаешь-Кого? Это что, правда, по-твоему?

– Да, верю! – гневно воскликнул Рон.

– Значит, ты и сам псих, – с отвращением бросил Шеймас.

– Да? Ну и пожалуйста. Зато, дружок, я, – Рон потыкал себя в грудь пальцем, – к твоему глубокому огорчению, староста! Так что, если не хочешь отбывать наказание, думай, прежде чем рот открывать, понял?

Шеймас постоял молча, явно склоняясь к мысли, что наказание – невеликая цена за шанс высказать все, что вертится на языке. Однако, подумав, презрительно фыркнул, развернулся, кинулся в постель и с такой яростью задернул полог, что тот оторвался и пыльной кучей свалился на пол. Рон свирепо посмотрел на Шеймаса, потом повернулся к Дину и Невиллу.

– Чьи еще родители недовольны Гарри? – воинственно спросил он.

– Мои родители вообще муглы, – пожал плечами Дин. – Они и не знают, что в «Хогварце» кто-то погиб. Что я, дурак – им рассказывать?

– Ты не знаешь моей мамы, она из кого угодно что угодно вытянет! – рявкнул Шеймас. – И вообще, твои родители не читают «Оракул» – они не в курсе, что директора твоей школы вышибли из Мудрейха и из Международной конфедерации чародейства за то, что у него шарики за ролики заехали...

– Ба считает, что это чушь, – подал голос Невилл. – Говорит, что это «Оракул» рехнулся, а не Думблдор. Она отменила подписку. Мы верим Гарри, – просто добавил он. Потом забрался в постель, натянул одеяло до самого подбородка и по-совиному уставился на Шеймаса. – Ба всегда говорила, что Сами-Знаете-Кто однажды вернется. И еще она

говорит: раз Думблдор сказал, что Сами-Знаете-Кто вернулся, значит, он вернулся.

Гарри охватила глубокая благодарность к Невиллу. Больше никто не произнес ни слова. Шеймас достал палочку, починил полог и скрылся за ним. Дин молча лег и повернулся на бок. Невилл, которому, видимо, нечего было добавить, любовался на свой кактус в лунном свете.

Гарри опустился на подушку. У соседней постели возился со своими вещами Рон. Скора потрясла Гарри – Шеймас всегда ему очень нравился. Сколько же еще народу считает, что он врет или чокнулся?

Бедный Думблдор! Ему, наверное, пришлось этим летом пережить то же самое, когда его выкинули сначала из Мудрейха, а потом и из конфедерации. Наверное, потому он и злится на Гарри, потому и не хочет с ним общаться… Ведь они оба замешаны. Думблдор поверил Гарри и рассказал его версию событий всей школе, а потом и всей колдовской общественности. Значит, все, кто считает, что Гарри врет, должны считать, что врет и Думблдор – или что Думблдора одурачили…

Рон лег в постель и погасил последнюю свечу в спальне. Когда-нибудь они поймут, что мы говорили правду, в отчаянии подумал Гарри. Однако сколько еще нападок придется пережить, пока наступит это «когда-нибудь»?

Глава двенадцатая

Профес sor Кхембридж

Утром Шеймас оделся с невероятной скоростью и вылетел из спальни еще до того, как Гарри успел натянуть носки.

– Он что, боится от меня заразиться? – громко спросил Гарри, когда подол мантии Шеймаса, взметнувшись, исчез за дверью.

– Не парься, – пробормотал Дин, вскidyвая на плечо рюкзак, – он просто...

Однако, не сумев точно сформулировать, что именно «просто», Дин после неловкой паузы тоже ушел.

Невилл и Рон посмотрели на Гарри. На их лицах было написано невысказанное «бывают же дураки на свете, но тебе-то какое до них дело». Гарри это совершенно не утешило. И многое еще такого предстоит?

– В чем дело? – спросила пять минут спустя Гермиона, нагоняя Гарри и Рона в общей гостиной на полпути к двери. – Вид у вас абсолютно... *Еще чего не хватало.*

Она уставилась на доску объявлений. Там появился большой новый плакат.

ГАЛЛОНЫ ГАЛЛЕОНОВ!

Давно не виделись с карманными деньгами?

Хотите подзаработать?

С нашей помощью вы сделаете это быстро, просто и практически безболезненно!

Спрашивайте в гриффиндорской гостиной Фреда и Джорджа Уизли.

(Предупреждение: все работы – на ваш страх и риск.)

– Вот чума, – сумрачно произнесла Гермиона и сняла плакат. Близнецы повесили его поверх объявления о первых выходных в Хогсмеде, назначенных на октябрь. – Рон, придется с ними поговорить.

Рон явно перепугался:

– Зачем?

– Затем, что мы – старосты! – воскликнула Гермиона. Они полезли в дыру за портретом. – И прекращать подобные вещи – наша обязанность!

Рон промолчал, но по убитому выражению его лица было ясно, что его отнюдь не привлекает перспектива встать на пути у Фреда с Джорджем.

– Так в чем дело-то, Гарри? – уже на лестнице продолжила Гермиона. Они шли вниз мимо портретов старых колдунов и ведьм – те были поглощены разговорами и не обращали на ребят внимания. – Ты какой-то ужасно злой.

– Шеймас считает, что он врет про Сама-Знаешь-Кого, – без обиняков сказал Рон, когда Гарри не ответил.

Гермиона вопреки ожиданиям Гарри не возмутилась, а лишь тяжко вздохнула:

– Да, Лаванда тоже.

– Ах, так вы с ней успели обо мне *поболтать*? Вrushка я или не вrushка и хочу ли я внимания? – звился Гарри.

– Нет, – спокойно ответила Гермиона. – Если уж ты хочешь знать, я велела ей заткнуться. Но вообще, было бы очень мило, если бы ты перестал по любому поводу вцепляться нам с Роном в глотку, потому что – на случай, если ты не заметил, – мы на твоей стороне.

Последовала короткая пауза.

– Извините, – пробормотал Гарри.

– Ничего страшного, – с достоинством ответила Гермиона, а потом покачала головой: – Ты забыл, что сказал Думблдор на пиру в конце прошлого года?

Гарри и Рон посмотрели на нее пустыми глазами, и Гермиона опять вздохнула.

– Про Сами-Знаете-Кого? Думблдор сказал, что он «обладает великим даром повсюду сеять вражду и раздоры. У нас есть лишь один способ борьбы – крепкие узы дружбы и доверия»…

– Как тебе удается все это запоминать? – восхитился Рон.

– Потому что я слушаю, Рон, – не без раздражения ответила Гермиона.

– Я тоже слушаю, но все равно не вспомню, что…

— Дело в том, — громко перебила Гермиона, — что Думбльдор говорил ровно об этом. Сами-Знаете-Кто всего два месяца как вернулся, а мы ужессоримся между собой. Кстати, и Шляпа-Распределница предупреждала: будьте вместе, объединяйтесь...

— Про это Гарри вчера уже все сказал, — в свою очередь перебил Рон. — Если это значит, что нам теперь надо обниматься со «Слизерином», то вот прям разбежались.

— А по-моему, очень жаль, что колледжи даже не пытаются объединиться, — проворчала Гермиона.

Они дошли до подножия мраморной лестницы. По вестибюлю гуськом шли четвероклассники из «Вранзора». Увидев Гарри, они сбились тесной кучкой, будто опасались, что он бросится на отставших.

— Вот с кем мне позарез нужно подружиться, — саркастически бросил он.

Вслед за вранзорцами они вошли в Большой зал и первым делом непроизвольно посмотрели на учительский стол. Профессор Гниллер-Планк дружески болтала с профессором Синистрай, преподавательницей астрономии, Огрид же бросался в глаза исключительно своим отсутствием. Зачарованный потолок, безнадежно затянутый дождовыми облаками, очень хорошо отражал настроение Гарри.

— Думбльдор даже не сказал, на сколько эта Гниллер-Планк тут останется, — пробурчал он, направляясь к гриффиндорскому столу.

— Может быть... — задумчиво сказала Гермиона.

— Что? — хором спросили Гарри и Рон.

— Может быть, он... не хотел привлекать внимание к тому, что Огрида нет.

— Что значит — не хотел привлекать внимание? — почти смеясь, спросил Рон. — Как это можно не заметить?

Не успела Гермиона ответить, к Гарри решительно подошла высокая чернокожая девочка с длинными косичками.

— Привет, Ангелина.

— Привет, — деловито сказала та, — как провел каникулы? — И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Слушай, меня назначили капитаном гриффиндорской квидишной команды.

– Это приятно, – улыбнулся Гарри; зная Ангелину, можно было надеяться, что она не станет перед игрой толкать нудные речи, которыми славился Древ, а это, безусловно, плюс.

– Да. Короче, Древа теперь нет, и нам нужен новый Охранник. Испытания в пятницу в пять, и я хочу, чтобы присутствовала вся команда, хорошо? Чтобы все сразу увидели, устраивает их новый человек или нет.

– Ладно, – кивнул Гарри.

Ангелина улыбнулась и ушла.

– Я и забыла, что Древ закончил школу, – рассеянно произнесла Гермиона, усаживаясь рядом с Роном и придвигая к себе блюдо с гренками. – Видимо, в команде теперь все будет по-другому?

– Видимо, – сказал Гарри, садясь напротив. – Он был хорошим Охранником…

– Ну, свежая кровь никогда не повредит, верно? – заметил Рон.

Тут в верхние окна зала с шумом и свистом влетели совы. Они закружили над столами, разбрасывая письма и посылки и орошая тарелки каплями воды – на улице, очевидно, лило. Гарри ничего не получил, но не очень этому удивился – едва ли у Сириуса, его единственного корреспондента, могли за сутки появиться свежие новости. Гермионе же пришлось быстро отодвинуть апельсиновый сок и освободить место для большой промокшей сипухи, которая держала в клюве отсыревший номер «Оракула».

– Зачем ты продлеваешь подписку? – вспомнив Шеймаса, раздраженно спросил Гарри. Гермиона сунула бронзовый кнуд в кожаный кошелечек на лапке совы. Получив деньги, птица немедленно снялась с места и улетела. – Я вот бросил… сплошная чушь.

– Врага надо знать в лицо, – недобро изрекла Гермиона, развернула газету, исчезла за ней и не появлялась до конца завтрака. – Ничего, – коротко сообщила она потом, свернула газету и положила рядом с тарелкой. – Ни про тебя, ни про Думблдора, ни про что.

Подошла профессор Макгонаголл и выдала им новое расписание.

– Вы посмотрите, что у нас сегодня! – застонал Рон. – История магии, пара зельеделия, прорицание и пара защиты от сил зла… Биннз, Злей, Трелони, страшная тетка Кхембридж – и все в один день! Эх, скорее бы Фред с Джорджем доделали злостные закуски!..

– Что я слышу? Или мой слух меня обманывает? – раздался голос Фреда. Они с Джорджем только что подошли к столу и втиснулись на скамейку рядом с Гарри. – Старостам «Гриффиндора» нельзя мечтать прогуливать уроки!

– Вы гляньте, *какие* уроки, – проворчал Рон, сунув Фреду под нос свое расписание. – Худший понедельник за всю историю «Хогварца».

– Не поспоришь, братишко, – согласился Фред, проглядев расписание. – Ну что тебе сказать?.. Можешь взять кусочек нути-носом-кровь. Недорого.

– Почему недорого? – подозрительно спросил Рон.

– Потому что кровь будет идти, пока весь не иссохнешь. У нас еще нет противоядия, – ответил Джордж, угощаясь копченой рыбой.

– Спасибо. – Рон хмуро сунул расписание в карман. – Я уж лучше на уроки.

– Кстати о злостных закусках. – Гермиона воззрилась на Фреда и Джорджа. – Вы не имеете права развешивать на доске в гостиной приглашения для испытателей.

– Кто сказал? – поразился Джордж.

– Я сказала, – ответила Гермиона. – И Рон.

– Меня не впутывай, – поспешил отреагировать тот.

Гермиона яростно сверкнула на него глазами. Близнецы заржали.

– Ничего, Гермиона, скоро ты запоешь по-другому, – сказал Фред, густо намазывая маслом сдобную лепешку. – Вы уже в пятом классе, скоро сама начнешь выпрашивать злостные закуски.

– Как связаны пятый класс и злостные закуски? – поинтересовалась Гермиона.

– В пятом классе сдаают С.О.В.У., – напомнил Джордж.

– И?..

– И на носу у вас экзамены! А учителя еще будут постоянно тыкать вас этим самым носом в эти самые экзамены, и уж кожу-то точно пообдерут! – с жестоким удовлетворением объяснил Фред.

– У нас перед экзаменами на С.О.В.У. у половины класса были нервные срывы, – радостно сообщил Джордж. – Без конца то слезы, то истерика... У Патрисии Стимпсон вечно голова кружилась...

– А Кеннет Таулер покрылся фурункулами, – ностальгически подхватил Фред.

– Ну, это потому, что ты подсыпал ему в пижаму бульбадоксальный порошок, – возразил Джордж.

– Ах да, – ухмыльнулся Фред, – я и забыл... Всего уж и не упомнишь, а?

– Короче, пятый класс – это ужас, – продолжал Джордж. – Конечно, если вам не безразличны результаты экзаменов. Мы-то с Фредом хвост держали пистолетом.

– Да уж, – вставил Рон. – Сколько вы сдали? По три экзамена на брата?

– Угу, – нисколько не смущаясь, отозвался Фред. – Академическая карьера – не наше будущее.

– Мы даже всерьез обсуждали, стоит ли идти в седьмой класс, – с воодушевлением добавил Джордж, – раз мы получили...

Он замолчал, поймав предостерегающий взгляд Гарри: тот догадался, что Джордж вот-вот помянет его приз за Тремудрый Турнир.

– ...раз мы получили С.О.В.У., – выкрутился Джордж. – В смысле я что хочу сказать: на кой нам П.А.У.К.? Но мама точно не переживет, если мы бросим школу... Учитывая, что Перси оказался выдающимся придурком.

– Но мы не намерены тратить этот год зря. – Фред любовно обвел глазами Большой зал. – Мы посвятим его маркетинговым исследованиям, выясним, какие хохмазинные товары потребляют учащиеся «Хогварца», тщательно проанализируем результаты и тогда обеспечим предложение, которое удовлетворит спрос.

– Откуда у вас деньги на хохмазин? – скептически спросила Гермиона. – Вам же понадобится сырье, материалы... да и помещение...

Гарри не смотрел на близнецов. Кровь бросилась ему в лицо, он нарочно уронил вилку, полез за ней под стол и оттуда услышал голос Фреда:

– Не хочешь, чтоб тебе врали, Гермиона, – не задавай лишних вопросов. Пошли, Джордж! Если придем на гербологию пораньше, успеем продать парочку подслушай.

Вынырнув из-под стола, Гарри увидел удаляющихся близнецов – оба уносили с собой горку гренков.

— Это еще что значит? — Гермиона перевела взгляд с Гарри на Рона. — «Не хочешь, чтоб тебе врали...» Значит, у них уже есть деньги на хохмазин?

— Мне и самому интересно, — нахмурил брови Рон. — Летом они купили мне новую парадную мантию. Не пойму, откуда они взяли столько денег...

Гарри решил, что пора срочно уводить разговор от скользкой темы:

— А это правда, что пятый класс трудный? Из-за экзаменов?

— О да, — вздохнул Рон. — Ну а как? Это же важно, влияет на дальнейшую работу и все такое. В этом году профориентация, мне Билл сказал. Чтобы в следующем мы выбрали, по чему сдавать П.А.У.К.

— А вы уже знаете, чем хотите заниматься после «Хогварца»? — спросил Гарри, когда они вышли из Большого зала и отправились на историю магии.

— Да не то чтобы, — неопределенно протянул Рон. — Кроме... пожалуй...

Он слегка смущился.

— Кроме чего? — настаивал Гарри.

— Ну, наверно, круто было бы стать аврором, — с деланой небрежностью ответил Рон.

— Это точно, — горячо поддержал Гарри.

— Но авроры — это типа элиты, — сказал Рон. — Надо быть на уровне. Гермиона, а ты что?

— Не знаю, — ответила та. — Но я хотела бы заниматься чем-то взаправду стоящим.

— Аврор — это стоящее! — воскликнул Гарри.

— Стоящее, но не единственное, — задумчиво проговорила она. — Вот если бы можно было развивать П.У.К.Н.И...

Рон и Гарри постарались друг на друга не смотреть.

История магии общепризнанно считалась самой скучной из известных колдовскому миру дисциплин. Профессор Биннз, учитель-призрак, обладал голосом нудным и одышиливым, способным за десять минут (а в теплую погоду — за пять) гарантированно усыпить любого слушателя. Урок всегда проходил одинаково: Биннз безостановочно вещал, а ученики либо записывали, либо — что случалось значительно чаще — сонно пялились в пространство. Сдавать этот предмет Гарри и

Рон ухитрялись лишь потому, что за несколько дней до экзамена переписывали конспекты Гермионы. Она одна умела противостоять снотворному воздействию голоса Биннза.

Сегодня их классу пришлось пережить три четверти часа бубнежа о войнах с гигантами. За первые десять минут Гарри успел понять, что в устах другого учителя этот материал мог бы быть довольно интересным, но затем мозг отключился, и еще тридцать пять минут Гарри провел, играя с Роном в виселицу на полях пергамента, а Гермиона бомбардировала их свирепыми взглядами.

– Интересно, что будет, – холодно спросила она, когда они втроем вышли на перемену (Биннз вылетел из класса сквозь доску), – если в этом году я возьму и не дам вам конспекты?

– Мы не получим С.О.В.У., – ответил Рон. – Вот нужен тебе такой груз на совести?

– И поделом бы вам, – сердито сказала Гермиона. – Вы ведь даже не пытаетесь слушать!

– Очень даже пытаемся, – возразил Рон. – Просто у нас нет твоих мозгов, или твоей памяти, или твоей внимательности – короче, ты умнее нас, но тебе обязательно тыкать этим нам в нос?

– Ой, ну что за ерунда, – отмахнулась Гермиона, но все же лицо ее чуть смягчилось, когда она первой вышла на мокрый школьный двор.

С неба сеялся дождик, больше похожий на туман, и контуры ребят, группками стоявших во дворе, казались размытыми. Гарри, Рон и Гермиона выбрали уединенный уголок под балконом, с которого текла вода, на сентябрьском холоде подняли воротники мантий и принялись гадать, чем встретит их Злей на первом в году уроке. Едва они успели сойтись на том, что он непременно выдумает нечто ужасно трудное и возьмет их тепленькими после двухмесячного ничегонеделания, как из-за угла кто-то появился.

– Привет, Гарри!

Пришла Чо Чан – и, что удивительно, опять одна. Очень необычно: Чо всегда окружала стайка хихикающих подружек. В памяти Гарри были еще свежи прошлогодние мучения: он пытался застать ее в одиночестве, чтобы пригласить на рождественский бал.

– Привет, – сказал Гарри; в лицо бросился жар. *По крайней мере, на этот раз ты не в смердосоке*, – напомнил он себе. Чо, видимо, подумала о том же.

– Значит, тебе удалось отчиститься, да?

– Да. – Гарри постарался улыбнуться, словно это смешное, а не болезненное воспоминание. – Ну что… э-э… хорошо провела лето?

Сказал и сразу пожалел: Что и Седрик были влюблены друг в друга, из-за его гибели она, наверное, вообще не заметила каникул. Ее лицо напряглось, но она ответила:

– А, ничего, нормально…

– Это эмблема «Торнадо»? – вдруг спросил Рон, показывая на ее небесно-голубой значок с золотой сдвоенной буквой «Т». – Ты что, за них болеешь?

– Болею, – ответила Чо.

– А ты всегда за них болела или только с тех пор, как они начали выигрывать? – спросил Рон с упреком – чрезмерным, отметил Гарри.

– Я болею за них с шести лет, – холодно ответила Чо. – Ладно… До свидания, Гарри.

И ушла. Гермиона дождалась, пока Чо отойдет на середину двора, а потом набросилась на Рона:

– Ты *такой* бестактный!

– А чего? Я только спросил…

– Ты не понял, что она хотела поговорить с Гарри наедине?

– Ну и говорила бы. Я не мешал…

– Что ты на нее напал из-за какой-то квидишной команды?

– Напал? Я не напал, я просто…

– Какое тебе дело, болеет она за «Торнадо» или нет?

– Ну, знаешь, половина народу купили такой значок в последнем сезоне…

– Да какая разница?

– Такая, что они не настоящие фанаты, а примазываются к победителям…

– Колокол, – устало сказал Гарри. Рон с Гермионой пререкались так громко, что сами не услышали. Всю дорогу до подземелья Злея они ругались, и Гарри успел поразмыслить о том, что с такими товарищами, как Невилл и Рон, ему если и удастся поговорить с Чо больше двух минут, то потом срочно придется эмигрировать.

Тем не менее, думал он, присоединяясь к очереди перед классом Злея, она все-таки подошла поговорить. Чо вполне могла бы ненавидеть Гарри за то, что выжил он, а не Седрик… А она

обращается с ним вполне по-дружески и, видимо, не считает его лжецом или психом, не винит в гибели Седрика... Надо же, сама подошла, второй раз за два дня... От этой мысли у Гарри поднялось настроение. Даже зловещий скрип двери в подземелье Злея не смог проколоть надувшийся в груди воздушный шарик надежды. Вслед за Роном и Гермионой Гарри, как обычно, прошел к задним рядам и сел между друзьями, не обращая внимания на их недовольное фырканье.

— Приготовьтесь, — ледяным тоном сказал Злей, захлопнув дверь.

В призыве к порядку не было необходимости: едва услышав стук закрывающейся двери, ученики прекратили возню и затихли. Как правило, один только вид Злея гарантировал полную тишину в классе.

— Прежде чем приступить к сегодняшнему уроку, — начал Злей, стремительно подходя к доске и оборачиваясь к классу, — полагаю уместным напомнить, что в июне вам предстоит очень важный экзамен, где вы должны будете показать, насколько хорошо научились готовить и использовать волшебные снадобья. И хотя, бесспорно, некоторые из вас отличаются редкостным слабоумием, я надеюсь, что при сдаче экзаменов на С.О.В.У. вы все сумеете получить как минимум «нормально». В противном случае я буду... крайне вами недоволен.

Его взгляд задержался на Невилле. Тот судорожно сглотнул.

— Разумеется, по окончании этого года многие из вас расщаются с моим предметом, — продолжал Злей. — П.А.У.К. по зельеделию будут сдавать только лучшие, а это, как вы понимаете, означает, что большинству из вас мне придется сказать «до свидания».

Его глаза остановились на Гарри; губы изогнулись в ядовитой улыбке. Гарри злобно уставился на учителя, с мрачным удовольствием думая о том, что после пятого класса сможет забыть об уроках зельеделия навсегда.

— Впрочем, до расставания у нас еще целый год, — вкрадчиво продолжал Злей. — Поэтому, вне зависимости от того, намерены вы сдавать П.А.У.К. или нет, я рекомендую вам сосредоточить все усилия на том, чтобы в конце этого года получить наивысший возможный балл, ибо даже при сдаче экзамена на С.О.В.У. я привык ожидать от своих учеников соответствия определенным стандартам... Сегодня вам предстоит изготовить зелье, которое очень часто встречается на экзаменах на Совершенно Обычный Волшебный Уровень: миротварево, снимающее беспокойство и возбуждение. Но учите:

если вы проявите неловкость при обращении с ингредиентами, сон человека, принявшего ваше зелье, будет тяжел, а в некоторых случаях и непробуден, поэтому вам следует проявить предельное внимание. – (Слева от Гарри Гермиона выпрямилась и застыла в крайней сосредоточенности.) – Состав и способ приготовления, – Злей чуть заметно взмахнул палочкой, – на доске перед вами, – (на доске возник рецепт), – а все, что нужно, вы найдете, – он опять взмахнул палочкой, – в шкафу, – (дверь шкафа распахнулась). – На приготовление отводится полтора часа... Приступайте.

Как и было предсказано, зелье оказалось невероятно трудным и капризным. Ингредиенты следовало добавлять в котел в точно установленном порядке и в тщательно отмеренных объемах, а затем помешивать определенное количество раз, сначала по часовой стрелке, потом против часовой. Пламя, на котором варилось зелье, за указанное число минут до добавления последнего ингредиента требовалось уменьшить до некоего конкретного уровня.

– Сейчас над вашим зельем должен появиться серебристый парок, – сказал Злей за десять минут до конца урока.

Гарри, давно и обильно потевший, в отчаянии обвел глазами подземелье. Над его собственным котлом клубился темно-серый пар, котел Рона плевался зелеными искрами. Шеймас лихорадочно тыкал волшебной палочкой под свой котел: там отчего-то потух огонь. Над зельем Гермионы, однако, поднимался красивый серебристый туман, и Злей, проходя мимо, лишь молча посмотрел поверх крючковатого носа, а это означало, что он не нашел повода для критики. Зато у котла Гарри Злей остановился и с отвратной ухмылкой заглянул внутрь.

– Скажите-ка мне, Поттер, что, собственно, вы намеревались приготовить?

Слизеринцы, сидевшие в первых рядах, с любопытством обернулись – они обожали слушать, как Злей отчитывает Гарри.

– Миротварево, – напряженно ответил Гарри.

– А скажите-ка мне, Поттер, – вкрадчиво продолжал Злей, – умеете ли вы читать?

Драко Малфой засмеялся.

– Умею, – ответил Гарри. Его пальцы впились в палочку.

– В таком случае, будьте любезны, прочтите вслух третью строчку рецепта.

Гарри, прищурившись, посмотрел на доску. Сквозь клубы разноцветного пара, наполнявшего подземелье, разглядеть написанное было нелегко.

– «Добавить порошок лунного камня, помешать три раза против часовой стрелки, оставить на медленном огне на семь минут, затем добавить две капли чемеричного сиропа».

Сердце его оборвалось. Он забыл про чемеричный сироп и после семи минут на медленном огне сразу перешел к четвертому пункту.

– Вы выполнили все, что сказано в третьем пункте, Поттер?

– Нет, – очень тихо ответил Гарри.

– Простите, не расслышал?

– Нет, – громче повторил Гарри. – Я забыл чемеричный сироп.

– Знаю, что забыли, Поттер, а это означает, что ваша бурда абсолютно бесполезна. Эванеско.

Зелье Гарри исчезло, а сам он остался как дурак у пустого котла.

– Тех из вас, кто умеет читать, прошу сдать для проверки пузырьки с образцами зелья. Не забудьте четко надписать свое имя, – сказал Злей. – Домашнее задание: двенадцать дюймов пергамента о свойствах лунного камня и его использовании в зельеделии, сдать в четверг.

Пока все вокруг переливали зелье в пузырьки, Гарри, от ярости дымясь, собирали вещи. Неужели его зелье хуже зелья Рона, которое уже остро воняло тухлыми яйцами? Или зелья Невилла, которое приобрело консистенцию свежезамешанного цемента, – Невиллу пришлось выдалбливать его из котла? Между тем только Гарри получит за сегодняшнюю работу ноль баллов. Он сунул волшебную палочку в рюкзак, плюхнулся на стул и стал наблюдать, как остальныенесут Злею закупоренные пузырьки. Наконец прозвонил колокол. Гарри вскочил из подземелья первым и, когда Рон и Гермиона дошли до Большого зала, успел начать есть. Небо посерело еще гуще. В высокие окна хлестал дождь.

– Он поступил ужасно несправедливо, – утешительно сказала Гермиона, садясь рядом с Гарри и накладывая себе картофельную запеканку с мясом. – У Гойла зелье получилось намного хуже твоего. Когда он перелил его в пузыrek, все взорвалось, а мантия Гойла загорелась.

– Да провались он, – отозвался Гарри, прожигая взглядом тарелку, – когда это Злей поступал со мной справедливо?

Ни Рон, ни Гермиона не ответили: все трое прекрасно знали о непримиримой взаимной вражде, связавшей Злея и Гарри с их самой первой встречи.

– Вообще-то я надеялась, что в этом году он будет чуточку лучше, – разочарованно проговорила Гермиона. – Из-за… сам понимаешь… – Она осторожно огляделась. По обе стороны от них было по меньшей мере полдюжины пустых мест, и никто не проходил мимо. – …Из-за Ордена и всего прочего.

– Черного колдуна не отмоешь добела, – мудро изрек Рон. – И потом, я всегда считал, что Думблдор просто сумасшедший, что доверяет Злею. Где у него доказательства, что Злей больше не работает на Сами-Знаете-Кого?

– Если Думблдор не делится с тобой, это еще не значит, что доказательств нет, – отрезала Гермиона. Но, едва Рон открыл рот, чтобы привести контраргумент, Гарри рявкнул:

– Слушайте, да замолчите вы наконец!

Рон и Гермиона застыли, рассерженные и обиженные.

– Спокойно пожить не можете? – продолжил Гарри. – Грызетесь, грызетесь, достали уже. – И, бросив недоеденный пастущий пирог, перекинул рюкзак через плечо и ушел.

Перепрыгивая через ступеньки, против потока школьников, спешивших на обед, он взбежал по мраморной лестнице. Гнев, вспыхнувший так внезапно, горел внутри, и Гарри с глубочайшим удовлетворением вспоминал потрясенные лица Рона и Гермионы. Так им и надо, думал он, трех минут не могут провести не поссорившись… вечно собачатся… от них кто угодно на стенку полезет…

На лестничной площадке он миновал большой портрет рыцаря сэра Кэдогана; тот обнажил меч и с вызовом наставил его на Гарри, который, впрочем, не обратил на это внимания.

– Назад, шелудивый пес! Встречай свою смерть достойно! – заорал сэр Кэдоган. Из-под забрала его голос звучал приглушенно. Гарри, не оборачиваясь, решительно шагал дальше. Сэр Кэдоган попытался преследовать его и даже перебежал на соседнюю картину, но был остановлен тамошним обитателем, большим недовольным волкодавом.

Остаток обеденного перерыва Гарри в одиночестве просидел под люком на вершине Северной башни и, когда колокол возвестил начало

урока, первым взобрался по серебряной лесенке в класс прорицания.

Прорицание, после зельеделия, было самым нелюбимым предметом Гарри – главным образом из-за того, что преподавательница, профессор Трелони, имела дурную привычку на каждом уроке предсказывать ему неминуемую безвременную кончину. Сибилла Трелони, очень худая женщина, задрапированная множеством шалей, обвшанная бесчисленными бусами и носившая очки, от которых ее глаза казались огромными, напоминала Гарри какое-то насекомое. Когда он вошел, она раскладывала книжки в потрепанных кожаных переплетах по шатким столикам, расставленным по всему классу. Свет ламп, накрытых шарфами, и тихо тлеющего огня в камине, источавшего тошнотворный аромат благовоний, был так слаб, что преподавательница не заметила Гарри, и тот бесшумно скользнул в уголок. Через пять минут подтянулись и остальные. Рон вынырнул из люка, внимательно осмотрелся и, заметив Гарри, направился прямо к нему – ну насколько позволяли столики, креслица и пуфики, преграждавшие путь.

– Мы с Гермионой перестали спорить, – сообщил он, сев рядом.

– Молодцы, – буркнул Гарри.

– Но Гермиона сказала, что было бы хорошо, если бы ты перестал срывать на нас злость.

– Я не...

– Я только передал, – перебил Рон. – Но, по-моему, она права. Мы не виноваты, что Шеймас и Злей с тобой так обошлись.

– Я и не говорил, что...

– Добрый день, – заговорила профессор Трелони своим загадочным, мечтательным голосом, и Гарри умолк, слегка сердясь и устыдившись. – Я очень рада вновь приветствовать вас на занятиях по прорицанию. Конечно, в каникулы я пристально следила за вашими судьбами, и мне отрадно видеть, что все вы возвратились в «Хогварц» целыми и невредимыми... Разумеется, я знала, что так и будет... На столах перед вами книга Иньго Имаго «Толмач сновидений». Разгадка снов играет принципиально важную роль в предсказании будущего, поэтому, скорее всего, именно это вас и попросят проделать при сдаче экзаменов на С.О.В.У. Вы, конечно, понимаете, что, когда речь заходит о священном искусстве прорицания, результатам экзаменов нельзя придавать ни малейшего значения. Для того, кто обладает Внутренним

Взором, дипломы и оценки – пустой звук. Однако, коль скоро директору нужно, чтобы вы сдавали экзамен...

Ее голос стих, фраза деликатно повисла в воздухе, но ни у кого не было сомнений, что профессор Трелони считает свой предмет выше столь низменных материй.

– Откройте, пожалуйста, введение и прочитайте, что говорит Имаго о толковании снов. Затем разделитесь на пары и с помощью «Толмача сновидений» разберите последние сны друг друга. Приступайте, прошу вас.

Единственный плюс прорицания – урок не был сдвоенным. Когда они дочитали введение, на толкование осталось едва ли десять минут. Дин за соседним столиком выбрал себе в пару Невилла, и тот незамедлительно пустился в пространное повествование о своем кошмаре, в котором гигантские ножницы надели лучшую шляпку его бабушки. Гарри с Роном лишь мрачно переглянулись.

– Никогда снов не запоминаю, – сказал Рон. – Давай лучше ты.

– Ну хоть один-то ты наверняка вспомнишь, – нетерпеливо возразил Гарри.

Он не собирался никому рассказывать свои сны. Он и так прекрасно знал, что означает его еженощный кошмар про кладбище, и не нуждался в разъяснениях – ни от Рона, ни от профессора Трелони, ни тем более от идиотского «Толмача сновидений».

– Ладно. Позавчера мне снилось, что я играю в квидиши, – припоминая, Рон мучительно скривился. – И что это значит, по-твоему?

– Наверное... что тебя... съест гигантская зефирина... – проговорил Гарри, без интереса листая «Толмач». Выискивать там обрывки снов было очень скучно, и Гарри совершенно не обрадовался, когда профессор Трелони задала на дом целый месяц вести дневник сновидений. Вскоре прозвонил колокол, и Гарри с Роном стали спускаться вниз по лестнице. Рон громко ворчал:

– Ты понимаешь, сколько нам уже всего назадавали? Во-первых, сочинение на полтора фута по войнам с гигантами для Биннза, во-вторых, фут по лунному камню для Злея, а теперь еще целый месяц вести этот дурацкий дневник! Фред и Джордж не наврали про этот год! Ну, пусть только тетка Кхембридж попробует что-нибудь задать!..

Профессор Кхембридж уже сидела за столом в аудитории защиты от сил зла. На ней была вчерашняя пушистая розовая кофта и черный бархатный бант на голове. Гарри опять вообразил огромную муху, которая неосторожно села на голову огромнейшей жабы.

Ученики входили в класс очень тихо. Пока что профессор Кхембридж – темная лошадка, и непонятно, насколько она строга.

– Ну-с, здравствуйте! – воскликнула она, когда все наконец расселись.

Кое-кто в ответ пробормотал «здравьте».

– Ц-ц-ц, – поцокала языком профессор Кхембридж. – Так дело не пойдет. Прошу вас, хором и громко: «Здравствуйте, профессор Кхембридж!» Итак, еще разочек, дружно. Здравствуйте, ребята!

– Здравствуйте, профессор Кхембридж! – пропел класс.

– Так-то лучше, – сладко мурлыкнула профессор Кхембридж. – Совсем не трудно, правда? А теперь уберите палочки и достаньте перья.

Многие угрюмо переглянулись: просьба убрать палочки никогда еще не предвещала интересного урока. Гарри сунул палочку в рюкзак и достал перо, чернила и пергамент. Профессор Кхембридж открыла сумочку, вынула свою палочку – на редкость короткую – и крепко постучала ею по доске. Там мгновенно появились слова:

ЗАЩИТА ОТ СИЛ ЗЛА

ПОВТОРЕНИЕ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ

– Думаю, все вы согласитесь, что изучали этот предмет крайне обрывочно и фрагментарно, не так ли? – заявила профессор Кхембридж, поворачиваясь к классу и аккуратно складывая ручки на животе. – У вас постоянно сменялись преподаватели, и большинство не давало себе труда придерживаться одобренного министерством курса. К несчастью, это привело к тому, что ваши знания не соответствуют стандартам, требуемым при сдаче экзаменов на С.О.В.У. Поэтому вы будете рады узнать, что положение вещей кардинально изменилось к лучшему. В этом году мы с вами будем проходить тщательно проработанный и одобренный министерством теоретический курс защитной магии. Запишите, пожалуйста, следующее.

Она опять постучала по доске; предыдущая надпись исчезла, и ее место заняла другая: «Задачи курса».

1. Основополагающие принципы защитной магии.
2. Выработка умения распознавать ситуации, в которых закон допускает применение защитной магии.
3. Защитная магия как магия практическая.

Несколько минут в классе раздавался лишь скрип перьев по пергаменту. Когда все списали с доски, профессор Кхембридж спросила:

– Все приобрели «Теорию защитной магии» Уилберта Уиляйла?
В ответ раздалось утвердительное бормотание.
– Пожалуй, мы попробуем еще раз, – качнула головой профессор Кхембридж. – Когда я задаю вопрос, я хочу слышать четкий и внятный ответ: «да, профессор Кхембридж» или «нет, профессор Кхембридж». Итак: все приобрели «Теорию защитной магии» Уилберта Уиляйла?
– Да, профессор Кхембридж, – зазвенело в классе.
– Прекрасно, – сказала она. – А теперь откройте страницу пять. Глава первая, «Основы для начинающих». Читайте про себя. Объяснения не потребуются.

Профессор Кхембридж отошла от доски, уселась за учительский стол и уставилась на ребят припухшими жабьими глазами. Гарри открыл страницу пять «Теории защитной магии» и приступил.

Читать было отчаянно скучно – все равно что слушать профессора Биннза. Сосредоточиться не удавалось ни в какую, и скоро Гарри понял, что уже в шестой раз проводит глазами по одной и той же строчке, но дальше первых слов не понимает ничего. Некоторое время прошло в гробовом молчании. Рядом с Гарри Рон, уставившись в одну точку на странице, рассеянно вертел в руках перо. Гарри глянул вправо, и изумление вывело его из ступора. Гермиона даже не открыла учебник. Вместо этого, подняв руку, она в упор смотрела на профессора Кхембридж.

Гарри не припоминал, чтобы прежде Гермиона отказывалась читать, если ей велено читать, и вообще противостояла искушению открыть любую книгу, попавшуюся ей на глаза. Он вопросительно поглядел на нее, но она лишь слегка тряхнула головой – мол, на

вопросы отвечать не станет, – и продолжала смотреть на профессора Кхембридж, которая столь же упорно смотрела в другую сторону.

Прошло еще некоторое время. На Гермиону глядел уже не только Гарри. «Основы для начинающих» оказались настолько нудными, что с каждой минутой все больше народу бросало чтение и переключалось на Гермиону, безмолвно старавшуюся привлечь внимание профессора Кхембридж.

Вскоре уже больше половины класса смотрело не в книгу, а на Гермиону, и профессор Кхембридж, видимо, решила, что игнорировать ситуацию больше нельзя.

– Вы хотите задать вопрос по поводу прочитанной главы, милая? – спросила она Гермиону так, словно только что заметила ее поднятую руку.

– Не по поводу главы, нет.

– Видите ли, мы сейчас читаем учебник, – произнесла профессор Кхембридж, показав острые зубки. – Обсуждение любой другой темы следует отложить до конца урока.

– У меня вопрос по поводу задач курса, – объяснила Гермиона.

Профессор Кхембридж подняла брови:

– Ваше имя?

– Гермиона Грейндженер.

– Очень хорошо, мисс Грейндженер, но мне кажется, что задачи курса определены очень четко и понятны вся кому, кто внимательно их прочитает. – Голос профессора Кхембридж неколебимо источал мед.

– Мне – нет, – отрезала Гермиона. – Там ничего не сказано об *использовании защитных заклинаний*.

Повисла краткая пауза; многие повернулись к доске и, хмуря лбы, еще раз прочитали задачи курса.

– *Использовании защитных заклинаний?* – с кокетливым смешком повторила профессор Кхембридж. – Мисс Грейндженер, я и представить себе не могу ситуации, в которой вам на моем уроке понадобилось бы использовать защитные заклинания. Едва ли вы можете опасаться, что кто-то нападет на вас во время урока.

– Так мы что, вообще не будем колдовать? – воскликнул Рон.

– Тот, кто хочет что-то сказать у меня на уроке, должен сначала поднять руку, мистер...

– Уизли, – ответил Рон, выбрасывая вверх руку.

Профессор Кхембридж, широко распялив в улыбке рот, повернулась к нему спиной. Тут подняли руки и Гарри с Гермионой. Припухшие глаза профессора Кхембридж задержались на Гарри. Потом она обратилась к Гермионе:

– Да, мисс Грейнджен? Еще вопрос?

– Да, – кивнула Гермиона. – Насколько я понимаю, основная цель изучения защиты от сил зла – овладеть практическими навыками применения защитных заклинаний. Так?

– Позвольте полюбопытствовать, мисс Грейнджен, являетесь ли вы квалифицированным методистом, получившим сертификацию министерства? – с фальшивой любезностью осведомилась профессор Кхембридж.

– Нет, но...

– Тогда, боюсь, не вам решать, что является «основной целью изучения» какого бы то ни было предмета. Наша новая программа разработана колдунами много старше и умнее вас. Вы познакомитесь с защитными заклинаниями гарантированно безопасным способом...

– Какой в этом толк? – громко вмешался Гарри. – Когда на нас нападут, наша безопасность не будет гаранти...

– Руку, мистер Поттер, – пропела профессор Кхембридж.

Гарри взметнул кулак. И снова профессор Кхембридж отвернулась – но руки подняли и другие.

– Ваше имя? – обратилась профессор Кхембридж к Дину.

– Дин Томас.

– Итак, мистер Томас?

– Но ведь Гарри говорит правильно! – заявил Дин. – Если на нас нападут, никаких гарантий безопасности у нас не будет.

– Повторяю, – произнесла профессор Кхембридж, очень неприятно улыбаясь Дину. – Едва ли вы можете опасаться, что на вас нападут во время урока.

– Нет, но...

Профессор Кхембридж его перебила.

– Мне не хотелось бы критиковать манеру ведения дел в этой школе, – сказала она, и ее рот растянулся в неубедительной улыбке, – но в прошлом мой предмет вам преподавали весьма безответственные лица, весьма, весьма безответственные. Не говоря уже, – тут она препротивно засмеялась, – об исключительно опасных метисах.

— Если вы имеете в виду профессора Люпина, — разозлился Дин, — то он был лучше всех, кто у нас...

— Руку, мистер Томас! Как я уже говорила, вас обучали заклинаниям очень сложным, совершенно неподходящим для вашей возрастной группы и потенциально крайне опасным, можно даже сказать, смертельно опасным. Вас запугали, и теперь вам кажется, будто в любой момент вам угрожают силы зла...

— Ничего подобного, — перебила Гермиона, — мы просто...

— *Вы опять не подняли руку, мисс Грейнджер!*

Гермиона подняла руку. Профессор Кхембридж отвернулась.

— Насколько мне известно, мой предшественник выполнял запрещенные заклинания не только *при* вас, но и *на* вас.

— Ну так он и оказался маньяком! — горячо воскликнул Дин. — И заметьте, при этом он многому нас научил.

— *Вы тоже не подняли руку, мистер Томас!* — пронзительно вскричала профессор Кхембридж. — Так вот. В министерстве магии считают, что для экзаменов, которые, по сути дела, и есть конечная цель обучения в школе, теоретических знаний более чем достаточно. А ваше имя?.. — прибавила она, воззвавшись на Парвати, которая только что подняла руку.

— Парвати Патил, а разве на экзаменах на С.О.В.У. по защите от сил зла не будет практической части? Мы же должны будем на деле показать, что способны выполнить контрзаклятия?

— При условии добросовестного освоения теоретического материала у вас не будет никаких трудностей с выполнением изученных заклинаний в тщательно контролируемых экзаменационных условиях, — отмахнулась профессор Кхембридж.

— Ни разу не попробовав? — не веря своим ушам, переспросила Парвати. — То есть на экзамене мы будем выполнять их в первый раз?

— Повторяю, при условии добросовестного освоения теоретического материала...

— Какой толк от теории в реальном мире? — громко спросил Гарри, выставив в воздух кулак.

Профессор Кхембридж подняла на него глаза.

— Это не реальный мир, мистер Поттер, это школа, — тихо сказала она.

— Значит, нас не собираются готовить к тому, что нас там ждет?

– Вас там ничего не ждет, мистер Поттер.

– Неужели? – язвительно спросил Гарри. Его гнев, весь день булькающий под крышкой, достиг точки кипения.

– Вы же дети. Кто, по вашему мнению, станет на вас нападать? – ужасно медоточивым голосом осведомилась профессор Кхембридж.

– Хмм, дайте-ка подумать… – Гарри изобразил глубокие раздумья. – Ну, может быть… *lord Вольдеморт*?

Рон ахнул, Лаванда Браун тихо вскрикнула, Невилл сполз со стула. Профессор Кхембридж, однако, даже не поморщилась, а, напротив, посмотрела на Гарри с мрачным удовлетворением:

– Минус десять баллов с «Гриффиндора», мистер Поттер.

В классе повисло потрясенное молчание. Все смотрели либо на Кхембридж, либо на Гарри.

– А теперь позвольте мне кое-что вам объяснить раз и навсегда.

Профессор Кхембридж встала и склонилась над столом, уперев в него коротенькие толстые пальцы.

– Вам сказали, что небезызвестный черный колдун воскрес из мертвых…

– Не из мертвых! – гневно возразил Гарри. – Но он вернулся!

– Мистер-Поттер-вы-уже-украли-у-своего-колледжа-десять-баллов-не-усугубляйте-свое-положение, – на одном дыхании отчеканила профессор Кхембридж, даже не поглядев на Гарри. – Как я уже сказала, вас проинформировали, что небезызвестный черный колдун вновь набрал силу. *Это ложь*.

– Это НЕ ложь! – крикнул Гарри. – Я его видел, я с ним сражался!

– Мистер Поттер, вы наказаны! – победно объявила профессор Кхембридж. – Придете в мой кабинет. Завтра вечером. В пять. Я повторяю: *это ложь*. Министерство магии гарантирует вам полную безопасность от каких бы то ни было черных колдунов. Тем не менее, если вас что-то беспокоит, пожалуйста, приходите ко мне. После уроков или на переменах. Мы поговорим. Если кто-то пугает вас глупыми рассказнями о возродившихся черных колдунах, мне бы хотелось об этом знать. Я хочу вам помочь. Я здесь для этого. Я ваш друг. А сейчас, пожалуйста, продолжайте читать. Страница пять, «Основы для начинающих».

Профессор Кхембридж села на место. Гарри между тем встал. Все уставились на него; на лице у Шеймаса ужас мешался с восхищением.

— Гарри, не надо! — прошептала Гермиона и потянула его за рукав, но Гарри отдернул руку.

— Значит, по-вашему, Седрик Диггори взял и умер сам? — спросил Гарри. Голос его дрожал.

Класс дружно охнуло: никто, за исключением Рона и Гермионы, еще не слышал, чтобы Гарри упоминал о событиях той страшной ночи. Все с жадным любопытством водили глазами от него к профессору Кхембридж и обратно. Та сверлила Гарри тяжелым взглядом, и на лице ее не было и тени улыбки.

— Смерть Седрика Диггори наступила в результате трагического несчастного случая, — холодно заявила она.

— Нет, это было убийство, — возразил Гарри, чувствуя, что дрожит с головы до ног. До сих пор он почти ни с кем об этом не разговаривал, а теперь вот заговорил, и к тому же сразу перед тридцатью слушателями. — Его убил Вольдеморт, и вы прекрасно об этом знаете.

Лицо профессора Кхембридж окаменело. Гарри подумал, что сейчас она на него заорет. А она заговорила тихо-тихо, нежным девчачьим голоском:

— Дорогой мистер Поттер, прошу вас, подойдите ко мне.

Гарри оттолкнул стул ногой, обогнул Рона и Гермиону и направился к учительскому столу. Весь класс в страхе затаил дыхание. Гарри был так зол, что совершенно не волновался о своей участии.

Профессор Кхембридж достала из сумочки маленький розовый свиток, развернула его, окунула в чернильницу перо и принялась водить им по пергаменту. Она сгибалась очень низко, и Гарри не видел, что она пишет. Все молчали. Прошла минута или две, профессор Кхембридж скатала пергамент, постучала по нему волшебной палочкой, и свиток сам собой запечатался безо всякого шва, чтобы Гарри не мог открыть.

— Будьте любезны, отнесите это профессору Макгонаголл, — попросила профессор Кхембридж, протягивая Гарри пергамент.

Он молча забрал свиток, развернулся и покинул аудиторию, не оглянувшись на Рона и Гермиону и громко хлопнув дверью. Зажав свиток в кулаке, он очень быстро шел по коридору, а свернув за угол, наткнулся на полтергейста Дрюзга, маленького человечка с огромным ртом. Тот плавал в воздухе на спине и жонглировал чернильницами.

– Поттер, Поттер, Поттерок, Поттер – грязненький горшок! – пропел Дрюзг и нарочно уронил парочку чернильниц. Те разбились и сильно забрызгали стены, а Гарри отскочил со свирепым рыком:

– Прекрати, Дрюзг!

– О-о-о! У грязного Горшка треснула башка! – завопил Дрюзг, преследуя Гарри. – Что случилось, друг Горшок? Опять слышим голоса? Видим видения? Говорим… – Дрюзг грубо фыркнул, – языками?

– Я же сказал, оставь меня в ПОКОЕ! – выкрикнул Гарри, сбегая вниз по ближайшей лестнице, но Дрюзг на спине съехал по перилам вслед за ним.

*Одни говорят, что он врушка,
наш Поттер – дырявый горшок,
Другие чуть-чуть подобнее, считают —
он пережил шок,
Но Дрюзгик все знает всех лучше:
свихнулся совсем паренек!*

– ЗАТКНИСЬ!

Дверь слева распахнулась, и из своего кабинета вышла профессор Макгонаголл, недовольная и немного встревоженная.

– Почему вы орете, Поттер? – грозно спросила она. Довольный Дрюзг закудахтал и умчался прочь. – И почему вы не на занятиях?

– Потому что меня послали к вам, – жестко ответил Гарри.

– Послали? Что это значит, *послали*?

Он протянул ей записку от профессора Кхембридж. Профессор Макгонаголл, нахмурившись, взяла свиток, стукнула по нему волшебной палочкой, развернула и начала читать. Глаза за квадратными стеклами очков бегали по строчкам и все больше суживались.

– Идите сюда, Поттер.

Следом за профессором Макгонаголл Гарри прошел в ее кабинет. Дверь за ним закрылась сама собой.

– Ну? – нависая над Гарри, сурово спросила профессор Макгонаголл. – Это правда?

– Что правда? – спросил Гарри агрессивнее, чем собирался. – Профессор? – добавил он, желая хоть как-то загладить грубость.

– Что вы накричали на профессора Кхембридж?
– Да, – кивнул Гарри.
– И назвали ее лгуньей?
– Да.
– И сказали, что Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут вернулся?
– Да.

Профессор Макгонаголл села за стол, внимательно посмотрела на Гарри и сказала:

– Возьмите печенье, Поттер.
– Что взять?
– Печенье, – нетерпеливо повторила она, показывая на стоящую поверх бумаг клетчатую жестянку. – И садитесь.

С Гарри однажды уже был случай, когда он, ожидая от профессора Макгонаголл по меньшей мере порки, вместо этого попал в гриффиндорскую квидишную команду. Сейчас, растерянный, как в тот раз, и решительно не в своей тарелке, он опустился в кресло и взял имбирного тритона.

Профессор Макгонаголл положила на стол записку профессора Кхембридж и очень серьезно поглядела на Гарри:

– Поттер, вы должны быть очень, очень осторожны.

Гарри проглотил имбирного тритона и уставился на нее. Голос у нее был совсем не такой, к какому он привык, – не сухой, деловитый и строгий, а тихий, взволнованный и гораздо человечнее, чем обычно.

– Плохое поведение на уроке Долорес Кхембридж может стоить вам гораздо дороже, чем потеря баллов или наказание после уроков.

– В каком смысле?..

– Поттер, включите мозги, – раздраженно бросила профессор Макгонаголл, резко возвращаясь к своей обычной манере. – Вы же знаете, откуда она и кому подотчетна.

Колокол прозвонил конец урока. Сразу же отовсюду понесся слоновий топот мигрирующих школьников.

– Здесь сказано, что вы должны отбывать наказание целую неделю, каждый вечер, начиная с завтрашнего дня, – сказала профессор Макгонаголл, снова заглянув в записку Кхембридж.

– Каждый день на этой неделе? – ужаснулся Гарри. – Но, профессор, вы не могли бы...

– Нет, не могла бы, – сухо ответила профессор Макгонаголл.

- Ho...

– Она ваш учитель и имеет полное право назначать наказания. Завтра в пять вечера вы придете к ней в кабинет. И запомните: с Долорес Кхембридж шутки плохи.

– Но я же сказал правду! – разъярился Гарри. – Вольдеморт вернулся, вы же сами знаете, и профессор Думблдор знает…

– Ради всего святого, Поттер! – Профессор Макгонаголл сердито поправила очки (при слове «Вольдеморт» ее лицо перекосилось от ужаса). – Вы действительно считаете, что тут дело в правде и лжи? Ничего подобного! Тут дело в том, чтобы не высовываться и держать себя в руках!

Профессор Макгонаголл поднялась из-за стола. Ноздри ее раздувались, рот сжался в узкую полоску. Гарри тоже встал.

– Возьмите еще печенье, – брюзгливо буркнула она, подталкивая к нему жестянку.

– Спасибо, не хочу, – холодно ответил Гарри.

– Не дурите, – рыкнула Макгонаголл.

Гарри взял печенье.

– Спасибо, – проворчал он.

– Вы совсем не слушали, что говорила Долорес Кхембридж на пиру?

– Почему, слушал, – возразил Гарри. – Она говорила… что запретят прогресс и… ну, смысл был такой… и что министерство магии будет вмешиваться в дела «Хогварца».

Профессор Макгонаголл внимательно на него посмотрела, потом фыркнула, обошла вокруг стола и открыла дверь.

– Хорошо, что вы, по крайней мере, выслушали Гермиону Грейнджер, – сказала она, жестом выпроваживая Гарри из кабинета.

Глава тринадцатая

Наказание у Долорес

Ужин в Большом зале был сущим наказанием, поскольку весть о том, что Гарри наорал на Кхембридж, разлетелась по школе с невиданной даже для «Хогварца» быстротой. Пока он сидел между Роном и Гермионой и ел, до него отовсюду доносилось взволнованное шушуканье, причем, как ни странно, никого не волновало, что Гарри может их услышать. Наоборот, его как будто нарочно пытались вывести из себя, чтобы он снова раскричался, – видимо, рассчитывали таким образом узнать все из первых уст.

– Он говорит, что видел, как убили Седрика Диггори…

– Заявляет, будто дрался на дуэли с Сами-Знаете-Кем…

– Да брось…

– Да кто ему поверит?

– Я т-тя умоляю…

– Я вот чего не понимаю, – сквозь зубы процедил Гарри, откладывая нож и вилку (он не мог их удержать, руки слишком тряслись). – Почему два месяца назад они поверили Думблдору, а сейчас…

– А я вовсе не уверена, что они поверили, – мрачно изрекла Гермиона. – Знаете что, пошли-ка отсюда.

Она шваркнула на стол нож и вилку. Рон, тоскливо поглядев на недоеденный яблочный пирог, послушно поднялся. Все головы в зале повернулись им вслед.

– Не уверена, что они поверили Думблдору? Почему? – спросил Гарри Гермиону на первой лестничной площадке.

– Слушай, ты не представляешь, как это все выглядело со стороны, – тихо ответила Гермиона. – Ты вдруг появляешься посреди поля, вцепился в тело Седрика… Никто ведь не видел, что произошло в лабиринте… А потом Думблдор говорит, что Сам-Знаешь-Кто вернулся, убил Седрика и дрался с тобой.

– И это истинная правда! – гневно воскликнул Гарри.

— Да, Гарри, я знаю. Может, уже хватит на меня бросаться, а? — устало сказала она. — Просто эта самая истинная правда даже не успела до них дойти, они сразу разъехались на каникулы, и потом два месяца «Оракул» им внушал, что ты ненормальный, а Думбльдор вообще выжил из ума!

Пустынными коридорами они брели к гриффиндорской башне. Дождь громко барабанил в стекла. Гарри казалось, что первый день в школе длится уже минимум неделю, а ведь нужно еще сделать целую гору домашних заданий! Лоб над правым глазом сверлила противная тупая боль. Перед поворотом в коридор с Толстой Тетей Гарри глянул в залитое дождем окно. Во дворе было темно, и в хижине Огрида по-прежнему не горел свет.

— Мимбулюс мимблетония, — опередила Гермиона вопрос Толстой Тети, портрет открылся, и они через дыру пролезли в общую гостиную.

В комнате почти никого не было — гриффиндорцы еще не вернулись с ужина. Косолапус, красиво развернув свернутое клубком тело, с громким мурлыканьем побежал им навстречу и, как только все трое уселись в свои любимые кресла у камина, легко вспрыгнул Гермионе на колени, улегся и стал похож на мохнатую рыжую подушку. Гарри в изнеможении уставился в огонь.

— Как Думбльдор мог такое допустить?! — вдруг вскричала Гермиона. Косолапус с оскорбленным видом соскочил с ее колен, а Гарри и Рон от испуга подпрыгнули. Гермиона в ярости ударила кулаками по подлокотникам кресла, и из дыр в обивке посыпалась труха. — Как он мог взять эту женщину нам в учителя? К тому же в год экзаменов на С.О.В.У.!

— Ну, нормального учителя по защите от сил зла у нас никогда не было, — сказал Гарри. — Огрид же говорил, помните? На эту работу никто не хочет идти, говорят, она проклята.

— Да, но нанимать человека, который запрещает колдовать! Чего Думбльдор добивается?

— И она хочет, чтоб мы шпионили друг за другом, — сумрачно заметил Рон. — Помните, она говорила, что, если кто-то пугает нас рассказнями о возвращении Сами-Знаете-Кого, пускай мы ей стукнем?

— Само собой, она за нами шпионит, это же очевидно — за этим Фудж ее сюда и направил, — резко отозвалась Гермиона.

— Только не заводитесь, — с бессильной усталостью произнес Гарри. — Давайте лучше... сделаем домашние задания, забудем про них побыстрее...

Они перенесли из угла к камину свои рюкзаки. Народ уже возвращался с ужина. Гарри старательно отворачивался от входной дыры, но все равно чувствовал, что на него смотрят.

— Давайте для начала разделаемся со Злеем, — предложил Рон, окуная перо в чернильницу. — «Свойства... лунного камня... и его применение... в зельеделии...» — забормотал он, водя пером по пергаменту. — Вот. — Он подчеркнул заглавие и выжидательно уставился на Гермиону: — Ну? Каковы свойства лунного камня и его применение в зельеделии?

Но Гермиона не слушала; она, прищурившись, глядела в дальний угол, где в окружении первоклассников сидели Фред, Джордж и Ли Джордан. Наивные первоклашки доставали что-то из бумажного пакета, который протягивал им Фред, и отправляли это в рот.

— Нет уж, извините, они переходят всякие границы! — разъярилась Гермиона и вскочила. — Рон, пошли.

— А? Чего? — Рон явно старался выгадать время. — Да ну... Брось, Гермиона... Что мы, запретим им сладости раздавать?

— Ты прекрасно знаешь, что это никакие не сладости, а нуга-носом-кровь, или... рвотные ракушки, или что там еще...

— Хлопья-в-обморок? — тихо подсказал Гарри.

Первоклассники один за другим теряли сознание, обмякая в креслах, будто стукнутые по голове невидимой киянкой; кто-то соскальзывал на пол, кто-то свисал с подлокотников, вывалив язык. В гостиной почти все смеялись, но Гермиона, грозно расправив плечи и твердо печатая шаг, направилась к Фреду с Джорджем. Те с пергаментами в руках внимательно наблюдали за обмороочными детьми. Рон приподнялся с сиденья, в нерешительности повисел на руках, а потом, пробормотав: «Сама разберется», — снова сел, постаравшись сползти по сиденью как можно глубже, насколько позволял рост.

— Хватит! — свирепо сказала Гермиона близнецам. Те слегка удивились.

— Пожалуй, ты права, — задумчиво кивнул Джордж, — думаю, этой дозы достаточно...

– Я вам уже говорила утром, нельзя испытывать эту дрянь на школьниках!

– Мы им платим! – возмутился Фред.

– Какая разница! Это может быть опасно!

– Фигня, – отмахнулся Фред.

– Успокойся, Гермиона, с ними все в порядке! – заверил Ли. Он по очереди пихал фиолетовые пастилки первоклассникам в открытые рты.

– Точно, смотри – очухиваются, – сказал Джордж.

Действительно, кое-кто уже шевелился; несколько первоклашек сильно изумились, обнаружив, что лежат на полу или свешиваются с подлокотника, и Гарри понял, что Фред с Джорджем не предупредили детей о том, что́ делают эти сладости.

– Нормально себя чувствуешь? – ласково спросил Джордж у крошечной темноволосой девочки, лежавшей у его ног.

– Ка... кажется, – дрожащим голосом ответила та.

– Отлично! – воскликнул довольный Фред, но тут Гермиона выхватила у него из рук пергамент и бумажный пакет с хлопьями-в-обморок.

– Ничего НЕ отлично!

– Как это не отлично? Они ведь живы, – рассердился Фред.

– Вы не имеете права! А если кто-то по-настоящему заболеет?

– Никто не заболеет, мы все проверили на себе, а теперь просто смотрим, у всех ли одинаковая реакция...

– Если вы не прекратите, я...

– Что? Оставишь нас после уроков? – спросил Фред голосом, в котором явственно прочитывалось: «Я бы на тебя посмотрел».

– Заставишь писать предложения? – хмыкнул Джордж.

В гостиной засмеялись. Гермиона выпрямилась в полный рост. Глаза ее сузились, а пышные волосы стояли дыбом, как наэлектризованные.

– Нет, – сказала она. Ее голос дрожал от гнева. – Я напишу вашей маме.

– Ты что, с ума сошла? – ужаснулся Джордж, отшатываясь.

– Нет, не сошла, – сурово произнесла Гермиона. – Я не могу вам запретить экспериментировать на себе, но на первоклассниках – не позволю.

Фред и Джордж стояли как громом пораженные. Оба явно сочли, что Гермиона нанесла им удар ниже пояса. Бросив на близнецов последний грозный взгляд, она пихнула пергамент и пакет Фреду в руки и гордо удалилась к креслу у камина.

Рон так сильно вжался в сиденье, что его нос находился примерно на уровне коленок.

– Благодарю за поддержку, Рон, – процедила Гермиона.

– Ты же сама прекрасно справилась, – промягмил тот.

Гермиона невидяще посмотрела на чистый лист, а потом раздраженно сказала:

– Нет, бесполезно, не смогу сосредоточиться. Все, пора спать.

Она распахнула рюкзак. Гарри решил, что Гермиона сейчас затолкает туда книжки, а она вместо этого достала два бесформенных шерстяных предмета, аккуратно разместила на столике у камина, накидала на них пергаментных обрывков, а поверх всего сломанное перо и отступила полюбоваться.

– Во имя Мерлина! Ты чего? – спросил Рон. Он смотрел на Гермиону так, словно опасался за ее рассудок.

– Это шапочки для домовых эльфов, – живо отозвалась она, собирая учебники. – Я связала их летом. Но без колдовства я вяжу хуже всякой улитки, а теперь, я надеюсь, удастся больше.

– Ты оставляешь домовым эльфам шапочки? – очень медленно проговорил Рон. – А сверху прикрываешь их мусором?

– Да, – с вызовом ответила Гермиона, перебрасывая рюкзак через плечо.

– Так не годится, – возмутился Рон. – Ты хочешь всучить им шапочки обманом. Освободить эльфов без их ведома. А если они не хотят?

– Еще как хотят! – возразила Гермиона, хотя лицо ее сильно порозовело. – Смотри, Рон, не вздумай трогать шапочки!

И она ушла. Рон подождал, пока она скроется в спальне, и решительно убрал с шапочек маскировочный мусор.

– Пусть хотя бы видят, что берут, – сказал он. – Ладно… – Он скатал пергамент с заголовком к сочинению для Злея. – Сегодня уже не получится, я без Гермионы ничего не напишу. Я понятия не имею, зачем нужен лунный камень, а ты?

Гарри помотал головой, и боль в правом виске стала острее. Он подумал о немыслимо длинном сочинении по войнам с гигантами, которое нужно было написать, и в голове запульсировало. Прекрасно зная, что утром непременно пожалеет, Гарри побросал книжки в рюкзак.

— Я тоже спать.

По дороге к спальню он прошел мимо Шеймаса, даже на него не взглянув. Кажется, Шеймас открыл рот, собираясь что-то сказать, но Гарри лишь ускорил шаг и добрался до успокоительной тишины каменной винтовой лестницы, счастливо избежав очередной провокации.

Утро следующего дня было таким же свинцово-дождливым, как и вчера. И Огрид за завтраком опять не появился.

— Зато сегодня никакого Злея, — утешил Рон.

Гермиона широко зевнула и налила себе кофе. Вид у нее был довольный, и, когда Рон спросил, чего это она такая счастливая, она ответила:

— Шапочки пропали. Видишь, эльфы все-таки хотят на свободу.

— Я бы не был так уверен, — отмахнулся Рон. — Может, такие шапки не считаются за одежду. По мне, они больше похожи на шерстяные мочевые пузыри.

Гермиона не разговаривала с ним все утро.

За парой заклинаний следовала пара превращений. И профессор Флитвик, и профессор Макгонаголл посвятили четверть часа лекции экзаменам на С.О.В.У.

— Помните, — пропищал крошечный профессор Флитвик с книжной стопки, на которую забирался, чтобы его было видно из-за письменного стола, — что эти экзамены повлияют на всю вашу дальнейшую жизнь! Тем из вас, кто еще не думал о будущей карьере, самое время о ней задуматься. И, чтобы вы достойно проявили себя на экзаменах, нам, боюсь, придется работать больше прежнего!

И затем они час повторяли призывное заклятие, которое, сказал профессор, у них непременно спросят на экзамене, а в конце урока он задал им столько, сколько никогда еще не задавал.

На превращениях было то же самое, если не хуже.

— Вы не сдадите экзамены на С.О.В.У., — сурово изрекла профессор Макгонаголл, — если не будете серьезно относиться к занятиям, как

теоретическим, так и практическим. Но если вы будете работать добросовестно и с полной отдачей, я не вижу, что могло бы воспрепятствовать успешному достижению вами Совершенно Обычного Волшебного Уровня. – (Невилл недоверчиво фыркнул.) – Да-да, вас это тоже касается, Лонгботтом, – сказала профессор Макгонаголл. – Вы все делаете правильно, вам лишь не хватает уверенности. Итак... Сегодня мы начинаем изучать исчезальные заклинания. Они несколько проще созидальных, соответствующих уровню П.А.У.К., но тем не менее относятся к разряду наитруднейшей магии, владение которой вам предстоит продемонстрировать при сдаче экзаменов на С.О.В.У.

Профессор Макгонаголл не обманула: исчезальные заклятия оказались невероятно сложны. Пара подходила к концу, а улитки, на которых Гарри с Роном тренировались, по-прежнему сидели на месте, хотя Рон и объявил с надеждой, что, кажется, его улитка чуточку побледнела. А вот Гермиона растворила свою улитку в воздухе всего с третьей попытки, за что и получила от профессора Макгонаголл десять баллов для «Гриффиндора». Только Гермиону освободили от домашнего задания; всем остальным велели весь вечер практиковаться и к завтрашнему дню как следует подготовиться к новой атаке на улиток.

Гарри и Рон уже слегка паниковали – объем домашних заданий стремительно нарастал – и провели обеденный перерыв в библиотеке, изучая применение лунного камня в зельеделии. Гермиона с ними не пошла – она все еще злилась на Рона из-за шапочек. К началу урока по уходу за магическими существами у Гарри опять разболелась голова.

К середине дня установилась прохладная ветреная погода, и, когда Гарри и Рон спускались по склону к Запретному лесу, на лица им падали редкие капли дождя. Профессор Гниллер-Планк ждала учеников ядрах в десяти от хижины. Перед ней стояли длинные деревянные козлы, заваленные прутиками. На подходе к козлам Гарри с Роном услышали сзади взрыв хохота – следом за ними в сопровождении своей обычной компании шел Драко Малфой. Он, очевидно, удачно пошутил: уже подойдя к козлам, Краббе, Гойл, Панси Паркинсон и другие слизеринцы никак не могли успокоиться, давились от смеха и со значением косились на Гарри – не нужно было большого ума, чтобы догадаться, кого касалась шутка.

— Все здесь? — отрывисто бросила профессор Гниллер-Планк, когда ученики собрались у козел. — Тогда начнем. Кто знает, что это такое?

Она показала на груду веток. Рука Гермионы взметнулась. Драко Малфой за ее спиной довольно удачно ее передразнил: по-лошадиному оскалил зубы и запрыгал на месте от нетерпения. Панси Паркинсон завизжала от смеха, но визг очень скоро перерос в вопль ужаса, поскольку прутики встрепенулись и оказались не прутиками, а похожими на эльфейек деревянными человечками. У них были шишковатые ручки и ножки, по два пальца-веточки на каждой руке и забавные, плоские, будто покрытые корой личики с блестящими коричневыми глазами, напоминающими крошечных жучков.

— О-о-о-о-о! — воскликнули Парвати и Лаванда, чем ужасно раздражили Гарри. Можно подумать, Огрид не показывал им ничего интересного! Разумеется, скучечервей занимательными не назовешь, зато саламандры и гиппогрифы!.. Не говоря уже про взрывастых драклов.

— Девочки, пожалуйста, потише! — прикрикнула профессор Гниллер-Планк и разбросала между палочными человечками горстку какого-то бурого риса. Человечки тотчас набросились на еду. — Итак... Кто знает, как называются эти существа? Мисс Грейнджен?

— Лечурки, — ответила Гермиона. — Они хранители леса и обычно живут на деревьях, которые подходят для изготовления волшебных палочек.

— Пять баллов «Гриффиндору», — объявила профессор Гниллер-Планк. — Совершенно верно, это лечурки. Они, как справедливо сказала мисс Грейнджен, обитают в основном на деревьях, древесина которых подходит для волшебных палочек. Кто знает, чем питаются лечурки?

— Мокрицами, — быстро ответила Гермиона; это объясняло, почему шевелились зерна, которые Гарри принял за бурый рис. — Но больше всего они любят яйца фей.

— Умница девочка, еще пять баллов. Итак. Если вам нужна листва или древесина дерева, на котором обитает лечурка, разумно, чтобы отвлечь его и успокоить, принести с собой мокриц. На вид лечурки неопасны, однако, если их разозлить, они пытаются выщапать человеку глаза — как видите, пальцы у них очень острые, и их соседство с глазным яблоком в высшей степени нежелательно. Теперь

подойдите поближе, возьмите мокриц и лечурку – здесь хватит по одному на троих – и подробно рассмотрите. К концу урока каждый должен его зарисовать и обозначить на рисунке все части его тела.

Ребята устремились к деревянным козлам. Гарри их обогнул и оказался рядом с профессором Гниллер-Планк.

– А где Огрид? – спросил он, пока остальные выбирали лечурок.

– Вас не касается, – безапелляционно заявила профессор Гниллер-Планк. Точно так же она ответила и в прошлый раз, когда Огрид не появился на уроке. Драко Малфой, во весь рот улыбаясь, перегнулся через Гарри и схватил самого большого лечурку.

– Не исключено, – сказал он вполголоса, чтобы слышал только Гарри, – что наша бестолковая громадина попала в большую беду.

– Не исключено, что и ты попадешь в большую беду, если вовремя не заткнешься, – процедил Гарри.

– Не исключено, что бестолковая громадина ввязалась в такие дела, которые для нее *слишком велики*... если ты меня понимаешь.

Малфой отошел, мерзко ухмыляясь через плечо. Гарри внезапно сильно затошило. Неужели Малфой что-то знает? А что, ведь его отец – Упивающийся Смертью... Вдруг он знает о судьбе Огрида то, чего еще не знают в Ордене? Гарри направился к Рону и Гермионе. Те сидели на корточках чуть поодаль и пытались зарисовать лечурку, который никак не хотел стоять смирно. Гарри достал перо и пергамент, тоже опустился на корточки и шепотом изложил свой разговор с Малфоем.

– Если бы с Огридом что-то случилось, Думблдор бы знал, – сразу сказала Гермиона. – А ты не показывай, что дергаешься. Нечего играть Малфою на руку. Так он догадается, что нам ничего толком не известно. Не обращай на него внимания, Гарри. На-ка подержи лечурку, а то я никак мордочку не могу нарисовать...

– Да, кстати, – неподалеку отчетливо и тягуче сообщил Малфой своим прихлебателям, – папа буквально пару дней назад беседовал с министром, и, похоже, министерство решило наконец покончить с безобразиями, которые творятся в нашей магодельне. Сколько можно терпеть, что нам дают второсортное образование! Так что не беспокойтесь – если раздутый дурак снова объявится, его сразу отправят паковать вещички.

– ОЙ!

Гарри так крепко сжал лечурку, что чуть бедняжку не переломил, и тот в отместку хлестнул остренькими пальчиками по руке, оставив два длинных глубоких пореза. Гарри выронил лечурку. Тот со всех ног припустил к лесу и вскоре бесследно растворился среди корней. От этого зрелища Краббе с Гойлом, и без того пребывавшие в телячьем восторге по поводу неминуемого увольнения Огрида, развеселились еще пуще. Когда по двору эхом разнесся удар колокола, Гарри скатал в трубочку заляпанный кровью портрет лечурки и, перевязав руку носовым платком Гермионы, по-прежнему слыша издевательский смех Малфоя, решительно зашагал на гербологию.

– Если Малфой еще хоть раз назовет Огрида дураком... – сквозь зубы прошипел он.

– Гарри, не ссорься с ним – не забывай, он староста, он может сильно осложнить тебе жизнь...

– Вот беда-то! Интересно, каково это – сложная жизнь, – с сарказмом сказал Гарри.

Рон засмеялся, а Гермиона нахмурилась. Они вяло брали через огород. Тучи с самого утра так и не могли решить, пролиться дождем или нет.

– Я хочу одного: чтобы Огрид поскорее вернулся, – тихо проговорил Гарри на подходе к теплицам. – И не вздумай говорить, что Гниллер-Планк преподает лучше! – угрожающе добавил он.

– Я и не собираюсь, – невозмутимо откликнулась Гермиона.

– Потому что ей до Огрида как до неба, – твердо заявил Гарри. Он прекрасно понимал, что ему только что довелось присутствовать на образцовом уроке ухода за магическими существами, и был страшно этим раздосадован.

Дверь ближайшей теплицы распахнулась, и оттуда вывалилась стайка четвероклассников, в том числе и Джинни.

– Привет, – весело поздоровалась она, проходя мимо.

Спустя пару секунд, последней в дверях показалась Луна. Ее волосы были стянуты в узел на макушке, а на носу красовалось земляное пятно. При виде Гарри она пришла в невероятное возбуждение. Выпуклые глаза почти выкатились из орбит, и Луна ринулась ему навстречу. Многие ее одноклассники обернулись, желая узнать, в чем дело. Луна набрала в легкие побольше воздуха и, даже не поздоровавшись, выпалила:

— Я верю, что Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут вернулся, и верю, что ты дрался с ним и сумел спастись.

— Э-э-э... ну да, — неловко ответил Гарри. В ушах у Луны вместо серег болтались какие-то оранжевые редиски. На это, конечно, обратили внимание Лаванда с Парвати — они хихикали и показывали пальцами на уши Луны.

— Смейтесь-смейтесь, — повысила голос Луна, видимо решив, что Лаванда и Парвати смеются не над ее видом, а над ее словами. — Вот раньше люди не верили, что существуют балабольный вотэтодавр и складкорогий стеклоп.

— И правильно делали! — нетерпеливо перебила Гермиона. — Балабольных вотэтодавров и складкорогих стеклопов не бывает.

Луна окинула ее уничтожительным взглядом и, гневно раскачивая редисками, зашагала прочь. Теперь уже от хохота взвыли не только Парвати с Лавандой.

— Она чуть ли не единственная, кто мне верит, — обязательно было ее обижать? — укорил Гарри Гермиону, когда они отправились на урок.

— Гарри, я тебя умоляю! Ты можешь найти сторонников и получше, — ответила она. — Джинни мне про нее рассказывала. Луна верит только в то, чему нет доказательств. Правда, чего и ждать, если ее пapa — редактор «Правдобора».

Гарри вспомнил жутких крылатых коней и заверения Луны, что она тоже их видит, и настроение у него слегка упало. Она что, наврала? Но не успел он всерьез об этом задуматься, подошел Эрни Макмиллан.

— Я хочу, чтобы ты знал, Поттер, — зычно возвестил Эрни, — на твоей стороне не только чокнутые. Я лично верю тебе на все сто. Вся моя семья твердо стоит на стороне Думблдора, и я сам — тоже.

— Э-э... спасибо большое, Эрни, — ответил Гарри. Он удивился, но в то же время был тронут. Эрни порой бывал высокопарен, зато в ушах у него не висели редиски, и Гарри ценил поддержку такого человека. От слов Эрни Лаванда Браун перестала улыбаться, а Гарри краем глаза заметил, что на лице Шеймаса написано смущение пополам с вызовом.

Никто не удивился, что свой урок профессор Спарж начала с лекции о важности экзаменов на С.О.В.У. Сколько же можно об этом говорить! У Гарри и так сосало под ложечкой всякий раз, когда он вспоминал о накопившихся домашних заданиях, и засосало лишь сильнее, когда в конце урока профессор Спарж тоже задала на дом

письменную работу. После этого усталые гриффиндорцы, источая сильный запах драконьего навоза – любимого удобрения профессора Спарж, – отправились обратно в замок; никто особо не разговаривал: день выдался долгий и трудный.

Гарри умирал от голода, а в пять часов ему предстояло идти к Кхембридж отбывать наказание, поэтому он не понес вещи в гриффиндорскую башню, а пошел прямо на ужин, чтобы успеть хоть немного перекусить. Однако не успел он добраться до дверей Большого зала, за его спиной раздался громкий и сердитый голос:

– Эй, Поттер!

– Ну что еще? – устало пробормотал Гарри, оборачиваясь к Ангелине Джонсон. Та, похоже, кипела.

– Я тебе скажу, *что еще*, – выпалила она, приблизившись и больно тыча пальцем ему в грудь. – Как ты умудрился заработать наказание на пять часов в пятницу?

– Что? – не понял Гарри. – А что?.. А! Испытания Охранников!

– Скажите пожалуйста, вспомнил! – рявкнула Ангелина. – Я же сказала, что хочу, чтобы присутствовала *вся* команда? Чтобы новый человек устраивал *всех*? Я же сказала, что *специально* заказала время на стадионе? А ты взял и решил не присутствовать!

– Я решил?! – вскричал Гарри, задетый несправедливостью ее слов. – Меня Кхембридж наказала! За правду о Сама-Знаешь-Ком!

– Ну так пойди и добейся, чтобы на пятницу она тебя отпустила, – приказала Ангелина. – Как угодно – мне все равно. Скажи, что Сам-Знаешь-Кто – плод твоего большого воображения! Но чтобы ты был на поле!

Она круто развернулась и в ярости удалилась.

– Знаете что? – сказал Гарри Рону и Гермионе, когда они вошли в Большой зал. – Надо бы спросить в «Малолетстон Юнайтед», не умер ли Древ на тренировке. Потому что его дух явно вселился в Ангелину.

– Ну и каковы, по-твоему, шансы, что тетка Кхембридж отпустит тебя на пятницу? – скептически спросил Рон, когда они уселись за гриффиндорский стол.

– Меньше нуля, – мрачно изрек Гарри, положил себе на тарелку бараньи котлеты и начал есть. – Но… ладно, попытка не пытка. Я ей предложу отработать два дня вместо пятницы или… ну, я не знаю… – Он проглотил картошку, которая была у него во рту, и добавил:

Надеюсь, сегодня это ненадолго. Вы понимаете, сколько нам уже задали? Три сочинения, выучить исчезальное заклинание для Макгонаголл, найти контрзаклятие для Флитвика, дорисовать лечурку и еще начать этот идиотский дневник для Трелони!

Рон застонал и неизвестно почему глянул на потолок.

– *И к тому же*, кажется, будет дождь.

– А уроки тут при чем? – удивленно подняла брови Гермиона.

– Ни при чем, – быстро ответил Рон, и его уши покраснели.

Без пяти пять Гарри попрощался с друзьями и отправился на третий этаж в кабинет Кхембридж. Он постучал в дверь и услышал в ответ сладкое и певучее: «Войдите». Гарри опасливо вошел и огляделся.

Он бывал в этом кабинете при трех разных хозяевах. При Сверкароле Чаруальде стены были сплошь увешаны лучезарно улыбающимися портретами хозяина. При Люpine здесь стояли клетки и аквариумы с удивительными злыми существами. А в дни самозваного Хмури кабинет был забит всевозможными радарами и детекторами обмана и дурных помыслов.

Сейчас комната изменилась до неузнаваемости. Все вокруг было устлано кружевными скатертями, салфетками, покрывалами. На отдельных салфеточках стояли вазы с сухими цветами. На стене висела коллекция расписных тарелочек – на них ярко раскрашенные котята с бантиками разных цветов. Котята были настолько тошнотворные, что Гарри оторопело смотрел на них, пока профессор Кхембридж не сказала:

– Добрый вечер, мистер Поттер.

Гарри вздрогнул и повернулся к ней. Вначале он ее не заметил – в своей ужасной цветастой мантии Кхембридж сливалась со скатертью.

– Добрый вечер, профессор, – напряженно поздоровался он.

– Садитесь, – профессор Кхембридж показала на покрытый кружевом столик и жесткий стул. На столе лежал чистый лист пергамента, очевидно, предназначенный для Гарри.

– Эмм, – не тронувшись с места, промычал Гарри. – Профессор Кхембридж… Э-э… до того, как начать, я… хотел попросить вас об… одолжении.

Она сощурила выпуклые глаза:

– Вот как?

— Да... В общем... Я играю в гриффиндорской квидишной команде. А в пятницу у нас испытания нового Охранника, и я должен был на них присутствовать. И я хотел узнать... нельзя ли мне пропустить пятницу и... вместо этого... прийти в другой день...

Задолго до того, как Гарри закончил свою речь, он понял, что ничего не выйдет.

— Ах нет, — профессор Кхембридж заулыбалась, словно ей посчастливилось проглотить особенно вкусную муху. — Ах нет-нет-нет. Вы, мистер Поттер, наказаны за злостное распространение отвратительных слухов, за попытки привлечь к себе внимание, а виновный, разумеется, не может отбывать наказание, когда ему удобно. Нет, вы приедете сюда в пять часов и завтра, и послезавтра, и в пятницу тоже. Мы ничего менять не будем. И очень хорошо, что вы пропустите нечто важное для вас. Так вы лучше усвоите урок, который я хочу вам преподать.

Кровь бросилась Гарри в голову, в ушах застучало. Стало быть, вот как? Он злостно распространяет отвратительные слухи и привлекает к себе внимание?

Профессор Кхембридж, чуть склонив голову набок, спокойно за ним наблюдала. Казалось, она знает, о чем он думает, и ждет, что он снова разорется. Усилием воли Гарри отвел взгляд, бросил рюкзак на пол рядом со столом и сел.

— Вот и славно, — сахарным голоском пропела профессор Кхембридж, — мы уже учимся сдерживаться, не так ли? А сейчас, мистер Поттер, я попрошу вас кое-что для меня написать. Нет, не вашим пером, — добавила она, увидев, что Гарри потянулся к рюкзаку. — Я дам вам свое, особое. Прошу.

Она дала ему длинное тонкое перо с необычайно острым кончиком.

— Я хочу, чтобы вы написали: «Я никогда не должен лгать», — ласково произнесла Кхембридж.

— Сколько раз? — спросил Гарри с почти правдоподобной любезностью.

— О, сколько потребуется, чтобы эта прописная истина *до вас дошла*, — промурлыкала она. — Начинайте.

Профессор Кхембридж отошла к своему столу, села и склонилась над стопкой пергаментов — видимо, проверяла сочинения. Гарри занес перо над листом и понял, чего ему недостает.

– Вы мне не дали чернил, – сказал он.

– О, чернила не понадобятся, – чуть насмешливо ответила профессор Кхембридж.

Острый кончиком черного пера Гарри прикоснулся к бумаге и приступил: «Я никогда не должен лгать».

И ахнул от боли. На пергаменте проступила фраза, написанная как будто блестящими красными чернилами. Та же фраза проступила на тыльной стороне ладони Гарри, будто вырезанная скальпелем, – однако, пока он в изумлении смотрел на свежий порез, кожа затянулась и снова стала гладкой, хотя и чуть покраснела.

Гарри обернулся к Кхембридж. Та в упор смотрела на него, растянув в улыбке жабий рот.

– Да?

– Ничего, – тихо сказал Гарри.

Он перевел взгляд на пергамент, снова поднес перо к бумаге, снова вывел: «Я никогда не должен лгать» – и снова ощутил сильнейшую боль, когда невидимый скальпель вырезал эти слова на его руке; как и в прошлый раз, через несколько секунд они исчезли.

Так оно и продолжалось: Гарри опять и опять писал «я никогда не должен лгать» – не чернилами, как он вскоре догадался, а собственной кровью, – и невидимый скальпель неустанно вырезал эту сентенцию у него на руке, потом кожа затягивалась, но, стоило поднести перо к пергаменту, слова появлялись вновь.

За окном сгостились сумерки. Гарри не спрашивал, когда его отпустят. Он даже не смотрел на часы. Он понимал, что Кхембридж только и ждет от него проявлений слабости, и не собирался доставлять ей такое удовольствие – пусть даже придется просидеть здесь всю ночь, занимаясь резьбой по своей руке...

Когда миновала вечность, Кхембридж велела:

– Подойдите ко мне.

Гарри встал. Рука жутко саднила. Рана затянулась, но кожа воспаленно краснела.

– Руку, – приказала Кхембридж.

Гарри протянул руку. Кхембридж взяла ее и потрогала больное место жирными пальцами-обрубками, сплошь унизанными старинными уродливыми кольцами. Гарри с трудом подавил дрожь отвращения.

— Ц-ц-ц, кажется, урок пока не слишком запечатлелся, — улыбнулась Кхембридж. — Что же, у нас еще будет время на повторение, не так ли? Завтра вечером, в то же время. А сейчас можете идти.

Гарри ушел, не сказав ни слова. В школе царили пустота и безмолвие; очевидно, было уже за полночь. Он медленно побрел по коридору, а затем, завернув за угол, где Кхембридж больше не слышала его шагов, припустил бегом.

У Гарри не нашлось времени поупражняться в исчезальном заклинании, он не внес в дневник ни единого сновидения, не дорисовал лечурку и не написал сочинений. Утром он пропустил завтрак — надо было спешно накатать хотя бы парочку снов, поскольку прорицание в тот день стояло первым уроком. Он вошел в гостиную и крайне удивился, обнаружив за тем же занятием всклокоченного Рона. В надежде на озарение тот ошалело водил глазами по стенам.

— Что ж ты этого вчера не сделал? — спросил Гарри. Рон, которого Гарри, вернувшись ночью в спальню, застал крепко спящим, неопределенно пробормотал, что у него «были другие дела», а потом низко склонился над пергаментом и нацарапал еще несколько слов.

— Ну и хватит с нее, — он захлопнул дневник. — Я написал, что покупал во сне новые ботинки. Надеюсь, она в этом не углядит ничего трагического.

Вдвоем они торопливо направились в Северную башню.

— Как все прошло с Кхембридж? Что ты там у нее делал?

Гарри, мгновение поколебавшись, ответил:

— Писал.

— Ну, это не смертельно, — сказал Рон.

— Угу, — отозвался Гарри.

— Слушай! Я и забыл... Она отпустила тебя на пятницу?

— Нет, — мотнул головой Гарри.

Рон сочувственно застонал.

Для Гарри начался еще один отвратительный день. На превращениях он оказался хуже всех, поскольку не успел отработать исчезальное заклинание, а лечурку пришлось дорисовывать вместо обеда. Между тем профессора Макгонаголл, Гниллер-Планк и Синистра дали новые домашние задания, и выполнить их вечером не было никакой надежды — из-за наказания. В довершение ко всему за ужином на него опять напала Ангелина Джонсон. Узнав, что он не

придет на отборочные испытания, она сказала, что не в восторге от его отношения к делу и что игроки, которые рассчитывают оставаться в команде, должны ставить тренировки превыше прочих занятий.

— Я что, виноват, что меня наказали?! — заорал Гарри ей вслед. — Думаешь, мне больше нравится сидеть с этой старой жабой?

— Зато тебе приходится всего-навсего писать, — утешила Гермиона, когда Гарри без сил опустился на место и уже без аппетита посмотрел на пирог с мясом и почками, — могло быть гораздо хуже...

Гарри открыл было рот, потом закрыл и кивнул. Он сам толком не понимал, почему не хочет рассказать друзьям, что на самом деле произошло в кабинете Кхембридж, но точно знал, что не желает прочесть ужас на их лицах: от их сострадания станет только хуже и труднее будет встретить новое испытание. Кроме того, он чувствовал, что это их с Кхембридж личное дело, тайное состязание характеров, и та будет рада, если выяснится, что он кому-то пожаловался.

— Просто слов нет, сколько нам всего назадавали, — несчастным голосом сказал Рон.

— Что ж ты вчера ничего не делал? — спросила Гермиона. — И вообще, где ты был?

— Я... Да так... Погулять захотелось, — уклончиво ответил Рон.

И Гарри понял, что он здесь не единственный, у кого есть секреты.

Второй вечер у Кхембридж был ничуть не лучше первого. Кожа на руке стала гораздо чувствительнее и вскоре сильно воспалилась. Едва ли она и дальше будет заживать быстро, как и вначале. Наверное, вскоре порез перестанет исчезать, и тогда, надо надеяться, Кхембридж будет удовлетворена. Гарри не позволял себе вскрикивать от боли и за все время пребывания в кабинете не произнес ни слова, за исключением «добрый вечер» и «доброй ночи». Как и вчера, отпустили его уже после полуночи.

Но положение с домашними заданиями становилось отчаянным, поэтому, вернувшись в гриффиндорскую башню, Гарри, невзирая на смертельную усталость, не пошел спать, а взял книжки и сел за сочинение о лунном камне. Когда закончил, было уже полтретьего ночи. Он знал, что выполнил работу из рук вон плохо, но что поделаешь: если вообще ничего не сдать, на него наложит взыскание еще и Злей. После сочинения Гарри наспех ответил на вопросы, которые задала профессор Макгонаголл, настрочил что-то о правилах

обращения с лечурками и, шатаясь, побрел в спальню. Там он, не раздеваясь, повалился поверх покрывала и мгновенно заснул.

Четверг прошел в усталом дурмане. Рон тоже был как сонная муха, хотя Гарри и не понимал, с какой стати. Третий день наказания отличался лишь тем, что спустя два часа слова «я никогда не должен лгать» перестали пропадать и сочились кровью. Когда в равномерном скрипении пера возникла пауза, профессор Кхембридж подняла глаза.

— Ах, — мягко сказала она и подошла осмотреть руку Гарри. — Чудесно. Это послужит тебе хорошим напоминанием, верно? На сегодня достаточно.

— А завтра все равно приходить? — спросил Гарри, левой рукой поднимая с полу рюкзак, — правая уж очень болела.

— О да. — Рот профессора Кхембридж расплзся в улыбке до ушей. — Да. По-моему, для *неизгладимости впечатления* просто необходим еще один вечер усердного труда.

Раньше Гарри и помыслить не мог, что будет ненавидеть кого-то больше, чем Злея, однако, возвращаясь в гриффиндорскую башню, был вынужден признать, что нашел достойного кандидата ему на замену. Она — исчадие ада, думал он, взираясь по лестнице на седьмой этаж, злая, извращенная, сумасшедшая старая...

— Рон?

Свернув направо на верхней площадке, Гарри чуть не столкнулся с Роном, который с метлой в руке прятался за статуей Лохлана Ломкого. Увидев Гарри, Рон подпрыгнул и попытался спрятать новенькую «Чистую победу 11» за спиной.

— Ты что здесь делаешь?

— Я?.. Ничего. А ты что?

Гарри нахмурился:

— Брось, мне-то можешь сказать! От кого ты тут прячешься?

— Я... от Фреда с Джорджем, если уж ты хочешь знать, — сказал Рон. — Они только что прошли с целой толпой первоклашек — по-моему, они опять проводят на них испытания. В смысле в общей гостиной теперь нельзя, там же Гермиона...

Он говорил очень быстро, захлебываясь словами как в лихорадке.

— А почему ты с метлой? Ты что, летал? — спросил Гарри.

— Я... ну... ладно, так и быть, скажу, только не смейся, хорошо? — набычился Рон, краснея все гуще. — Я... подумал, что, может,

попробуюсь в команду, раз у меня теперь есть приличная метла. Вот. Все. Можешь смеяться.

– Зачем мне смеяться? – удивился Гарри. Рон моргнул. – Это отличная мысль! Если тебя возьмут в команду, будет круто! А я никогда не видел, как ты играешь за Охранника, – хорошо играешь?

– Неплохо, – ответил Рон, явно с огромным облегчением переводя дух. – Чарли, Фред и Джордж всегда ставят меня Охранником, когда играют на каникулах.

– И сегодня ты тренировался?

– Каждый вечер, со вторника... правда, один. Пробовал заколдовать Кваффл, чтобы он на меня нападал, но это непросто – уж не знаю, что толку от таких тренировок. – Рон сильно занервничал. – Фред с Джорджем со смеху умрут. С тех пор, как я стал старостой, они меня совсем заклевали.

– Жаль, что меня не будет, – огорченно проговорил Гарри, когда они вместе пошли к гриффиндорской башне.

– Да уж, мне... Что у тебя с рукой?

Гарри, правой рукой только что почесавший нос, попытался ее спрятать, но преуспел не больше, чем Рон с метлой.

– Порезался... ерунда... просто...

Но Рон уже схватил Гарри за предплечье и поднес его руку к глазам. Последовала пауза – Рон в изумлении читал вырезанную на коже фразу. Потом отпустил руку. Кажется, его замутило.

– Ты же говорил, что она заставляет тебя писать?

Гарри помолчал, но потом решился: раз Рон был с ним честен, то и он должен рассказать всю правду.

– Старая карга! – воскликнул Рон возмущенным шепотом. Они остановились перед портретом Толстой Тети, которая мирно дремала, прислонив голову к раме. – Да она больная! Иди к Макгонаголл, расскажи ей!

– Нет, – возразил Гарри. – Я не доставлю Кхембридж такого удовольствия. А то получится, что она меня победила.

– Победила? Нельзя это так оставлять!

– А что, собственно, ей сделает Макгонаголл? – с сомнением произнес Гарри.

– Тогда иди к Думблдору!

– Нет, – отрезал Гарри.

– Почему?

– У него и так забот хватает, – сказал Гарри. Однако истинная причина была в другом: Гарри не пойдет за помощью к человеку, который не разговаривает с ним с самого июня.

– А по-моему, ты должен... – начал Рон, но его перебила сонная Толстая Тетя, которая давно уже раздраженно смотрела на них и теперь взорвалась:

– Вы пароль говорить собираетесь? Или я так и буду всю ночь слушать ваши глупости?

Наступила пятница, тоже унылая и дождливая. Входя в Большой зал, Гарри автоматически посмотрел на учительский стол. Впрочем, он почти уже не питал надежды увидеть Огрида и сразу переключился на более насущные проблемы: на растущую день ото дня гору невыполненных домашних заданий и маячившее впереди последнее наказание.

В тот день Гарри помогали держаться две вещи: во-первых, почти уже наступили выходные, а во-вторых, хотя вечер предстоит чудовищный, из окна кабинета Кхембридж немножко видно квидишное поле, и, если повезет, он краем глаза посмотрит выступление Рона. Утешение, конечно, слабое, но Гарри был благодарен за все, что помогало хоть чуть-чуть рассеять сгустившуюся тьму. Такой кошмарной первой недели учебного года у него еще не бывало.

В пять вечера он постучал в кабинет профессора Кхембридж, надеясь, что это в последний раз, и получил разрешение войти. На покрытом кружевом столике его ждали чистый лист пергамента и заостренное перо.

– Вы знаете, что делать, мистер Поттер, – сладко улыбнулась Кхембридж.

Гарри взял перо и бросил взгляд в окно. Если хотя бы на дюйм подвинуться вправо... Он притворился, что хочет усесться поудобнее, и ему удалось переместить стул. Теперь он видел гриффиндорскую команду над стадионом, а у подножия трех высоких шестов – черные фигуры, очевидно, ждущие своей очереди. Кто из них Рон, не поймешь – слишком далеко.

Я никогда не должен лгать, – написал Гарри. Порез на руке открылся, выступила кровь.

Я никогда не должен лгать. Порез стал глубже, начал саднить.

Я никогда не должен лгать. Кровь потекла по запястью.

Он еще раз глянул в окно. Тот, кто сейчас защищал кольца, делал это поистине бездарно. За те несколько секунд, на которые Гарри осмелился отвлечься, Кэти Белл забила два гола. Искренне надеясь, что Охранник – не Рон, Гарри вновь опустил глаза к пергаменту в кровавых кляксах.

Я никогда не должен лгать.

Я никогда не должен лгать.

При каждой удобной возможности, услышав, что Кхембридж скрипит пером или открывает ящик стола, Гарри смотрел в окно. Третий претендент был очень хорош, четвертый, наоборот, ужасен, пятый ловко увернулся от Нападалы, но затем проворонил простейший гол. Небо стремительно темнело, и Гарри сомневался, что разглядит шестого и седьмого претендента.

Я никогда не должен лгать.

Я никогда не должен лгать.

Пергамент был закапан кровью, рука очень сильно болела. Когда Гарри в следующий раз оторвал взгляд от пергамента, уже наступила ночь, и квидишного поля больше не было видно.

– Что же, давайте посмотрим, *дошел ли до вас* смысл написанного, – раздался ласковый голос Кхембридж полчаса спустя.

Она подошла и потянулась к его ладони, чтобы внимательнее рассмотреть результат. И тогда, стоило ее коротеньким пальцам прикоснуться к его руке, Гарри почувствовал пронзительную боль, но не в свежей ране, а в шраме на лбу. И очень-очень странное ощущение под ложечкой.

Он отдернул руку и, вытаращившись на Кхембридж, вскочил. Не отводя взгляда, она широко улыбнулась обвисшим ртом.

– Больно, да? – мягко произнесла она.

Он не ответил. Сердце колотилось как ненормальное. Что она имеет в виду, руку или шрам?

– Ну-с, полагаю, я сумела донести до вас то, что хотела, мистер Поттер. Можете идти.

Он схватил рюкзак и поспешно вышел.

Спокойно, – говорил он себе, взбегая по лестнице. – *Спокойно, это вовсе не обязательно то, что ты думаешь...*

— Мимбулюс мимблетония! — еле переводя дыхание, выпалил он, обращаясь к Толстой Тете. Портрет открылся.

Гарри мгновенно оглушил рев. С кубком в руке, проливая на себя уладэль, к нему ринулся абсолютно счастливый Рон.

— Гарри! Меня взяли! Я — Охранник!

— Что? О-о! Отлично! — Гарри изо всех пытался изобразить радость, но сердце его по-прежнему колотилось как бешеное, а рука страшно болела и кровоточила.

— Выпей уладэля. — Рон протянул ему бутылку. — Слушай... Самому не верится... Кстати, а куда делась Гермиона?

— Вон она. — Фред, потягивая уладэль, показал на кресло у камина; Гермиона дремала, и кубок у нее в руке опасно кренился.

— Вообще-то, когда я ей сказал, она обрадовалась, — немного бескражено пробормотал Рон.

— Пусть поспит, — торопливо вставил Джордж. Гарри не сразу заметил на лицах первоклашек, толпившихся вокруг близнецов, очевидные следы недавнего носового кровотечения.

— Иди-ка сюда, Рон, посмотрим, годится ли тебе старая мантия Оливера, — позвала Кэти Белл, — тогда надо будет только имя поменять, и все...

Рон удалился, а к Гарри подошла Ангелина.

— Извини, Поттер, что я резко с тобой разговаривала, — начала она. — Но, сам понимаешь, быть капитаном — это такой стресс. Я уже думаю, что бывала несправедлива к Древу. — Поверх своего кубка Ангелина внимательно следила за Роном. — Слушай, я знаю, что он твой лучший друг, но он не блестяще, — без обиняков заявила она. — Хотя, если как следует потренируется, я думаю, все будет в порядке. У них в семье прекрасно играют в квидиши. Я сильно рассчитываю, что он проявит себя лучше. Сегодня и Викки Фробишер, и Джеффри Хупер выступили удачнее, но Хупер жуткий нытик, вечно стонет, то одно ему не так, то другое, а у Викки куча занятий, всякие собрания и общества. Она сама сказала, что если тренировки будут пересекаться с кружком заклинаний, то кружок для нее важнее. Ладно, короче, завтра в два тренировка, ты уж будь любезен явиться. И, очень тебя прошу, помоги Рону чем сможешь, хорошо?

Гарри кивнул. Ангелина отошла к Алисии Спиннет. Гарри же направился к Гермионе, сел рядом и положил рюкзак на пол. Гермиона

вздрогнула и проснулась.

— Ой, Гарри, это ты... Слышал про Рона? Здорово, да? — промямлила она, а потом зевнула: — Я так ужа... ужа... ужасно устала... Не спала до часу, вязала шапочки. Они исчезают со страшной скоростью!

Гарри огляделся. Повсюду лежали вязаные шапочки, замаскированные так, чтобы домовые эльфы могли нечаянно взять их в руки.

— Классно, — рассеянно отозвался Гарри. Он чувствовал, что если сию минуту кому-нибудь не расскажет, то, наверное, лопнет. — Слушай, я только что был у Кхембридж, она взяла меня за руку и...

Гермиона выслушала его очень внимательно. Когда Гарри закончил, она медленно сказала:

— Думаешь, ею управляет Сам-Знаешь-Кто? Как Страунсом?

— Ну, — Гарри понизил голос, — это ведь не исключено, правда?

— Наверно, — не очень уверенно произнесла Гермиона. — Только вряд ли он по-настоящему ею завладел. Он ведь возродился, у него есть собственное тело, чужое ему не нужно. Он, конечно, мог подчинить ее проклятием подвластия...

Они помолчали. Гарри наблюдал, как Фред, Джордж и Ли Джордан жонглируют бутылками из-под усладэля. Потом Гермиона сказала:

— В прошлом году у тебя шрам болел просто так, когда никто к тебе не прикасался, и Думбльдор сказал, что это связано с состоянием Сам-Знаешь-Кого. Я к тому, что боль, может быть, никак не связана с Кхембридж, может, это просто совпадение и шрам случайно заболел, когда ты был у нее?

— Она опасная, — отрезал Гарри. — И ненормальная.

— Конечно, она чудовище, но... Гарри, по-моему, надо рассказать про шрам Думбльдору.

Второй раз за два дня ему советовали обратиться к Думбльдору. Но Гермионе он ответил так же, как Рону:

— Я не стану его дергать из-за всякой ерунды. Ты же сама говоришь, это не так уж страшно. Шрам побаливал все лето... Просто сегодня сильнее, чем обычно...

— Гарри, я уверена, что Думбльдор хотел бы об этом знать...

— Да, — ответил Гарри, не сдержавшись, — это единственное, что его во мне интересует. Мой шрам.

– Не говори так, это неправда!

– Я лучше напишу Сириусу, посмотрим, что скажет он...

– Гарри, ты что? Нельзя об этом в письме! – всполошилась Гермиона. – Хмури велел нам писать очень осторожно! Где гарантии, что сов не перехватывают?

– Хорошо, хорошо, я не буду ему писать! – раздраженно отозвался Гарри и встал. – Пойду спать. Скажи за меня Рону, ладно?

– Ну нет, – с облегчением сказала Гермиона, – если ты уходишь, значит, и я могу, и это будет вежливо. Я совсем вымоталась, а завтра нужно связать побольше шапочек. Если хочешь, можешь мне помочь. Довольно занято, и у меня уже есть опыт, я умею узоры, шишечки, всякие такие вещи.

Гарри посмотрел на ее довольно лицо и постарался сделать вид, что обдумывает это предложение.

– Ммм… Нет, спасибо, я, наверно, не смогу, – ответил он. – Завтра точно нет. У меня домашних заданий целая гора…

И пошел к лестнице в спальню мальчиков, оставив слегка разочарованную Гермиону у камина.

Глава четырнадцатая

Перси и Мягколап

На следующее утро Гарри проснулся первым. Он чуть-чуть полежал, наблюдая за пылинками в луче солнечного света, проникавшего сквозь зазор между занавесями балдахина, и наслаждаясь мыслью, что сегодня суббота. Первая неделя триместра тянулась целую вечность, как один длинный урок истории магии.

Судя по сонной тишине спальни и мятной свежести солнечного луча, рассвет наступил совсем недавно. Гарри отдернул полог, встал и начал одеваться. В комнате царило безмолвие, слышалось лишь размеренное, глубокое дыхание одноклассников и далекий щебет птиц за окном. Гарри осторожно открыл рюкзак, достал перо, пергамент и спустился в гостиную.

Он направился прямиком к камину, где давно потух огонь, уютно устроился в любимом старом кресле и развернул свиток, оглядывая комнату. Скомканные обрывки пергамента, старые побрякуши, банки из-под зелий, конфетные обертки, которыми обычно бывала завалена гостиная к концу дня, сейчас исчезли, как и все Гермионины шапочки. Смутно подумав о полчище эльфов, которые, сами того не желая, обрели свободу, Гарри открыл чернильницу, обмакнул перо, занес его над ровной желтоватой поверхностью пергамента, глубоко задумался... и через пару минут поймал себя на том, что бессмысленно смотрит в пустой очаг, абсолютно не зная, что писать.

Теперь он понимал, до чего тяжело приходилось Рону и Гермионе летом, когда надо было сочинять письма ему. Как, спрашивается, рассказать Сириусу все, что нужно, задать наболевшие вопросы и при этом не выдать потенциальному перехватчику письма сведений, которые ни в коем случае нельзя выдавать?

Довольно долго Гарри просидел неподвижно, невидяще глядя в камин. Затем его наконец осенило, он еще раз обмакнул перо в чернильницу и решительно принялся водить им по пергаменту.

Дорогой Шлярик!

Надеюсь, у тебя все хорошо. У меня первая неделя прошла ужасно, и я очень рад, что наконец настали выходные.

У нас новая учительница по защите от сил зла, профессор Кхембридж. Она такая же милая, как твоя мамочка. Сейчас я пишу тебе потому, что то, о чем я писал прошлым летом, случилось снова, когда я вчера вечером отбывал наказание у Кхембридж.

Мы все очень скучаем по нашему самому большому другу и надеемся, что он скоро к нам вернется.

Пожалуйста, пришли ответ как можно скорее.

Всего самого,

Гарри

Он несколько раз перечитал письмо, стараясь представить себя на месте постороннего человека. Непонятно, как тут догадаться, о чем идет речь и кому он пишет. С другой стороны, Гарри надеялся, что Сириус поймет намек и сообщит, когда примерно ждать возвращения Огрида. Спросить напрямик Гарри не решился, опасаясь привлечь излишнее внимание к Огридовой миссии.

Письмо было короткое, но отняло кучу времени; пока Гарри над ним сидел, солнечные лучи успели доползти до середины комнаты, а сверху, из спален, уже доносился шум. Аккуратно запечатав свиток, Гарри через дыру в стене выбрался из гостиной и отправился в совяльню.

– На твоем месте я бы по этому коридору не ходил, – сказал Почти Безголовый Ник, зловеще выплывая из стены прямо перед Гарри. – Там Дрюзг. Он задумал подшутить над человеком, который первым пройдет мимо бюста Парацельса.

– А шутка, случайно, состоит не в падении бюста на голову человека? – поинтересовался Гарри.

– Как ни банально, именно в этом она и состоит, – досадливо бросил Почти Безголовый Ник. – Дрюзг никогда не отличался утонченностью. Схожу за Кровавым Бароном... Может, он сумеет положить этому конец... До свидания, Гарри...

– Пока, – ответил тот и свернул не направо, а налево, избрав другой путь до совяльни, длиннее, но безопаснее. Он шел мимо высоких окон, за которыми пронзительной голубизной сверкало чудесное ясное небо,

и на душе у него с каждой минутой светлело: сегодня тренировка, наконец-то он выберется на стадион...

Что-то мазнуло его по ногам. Он посмотрел вниз и увидел, как мимо прошмыгнула миссис Норрис, тощая серая кошка смотрителя Филча. Она на мгновение обратила на него огромные желтые глаза-фонари и исчезла за статуей Уилфреда Утомившегося.

— Я ничего плохого не делаю! — крикнул Гарри вслед кошке, ибо у нее на морде было написано, что она отправилась докладывать своему хозяину, причем непонятно с какой стати: Гарри имел полное право в субботу утром идти в совяльню.

Солнце стояло уже довольно высоко, и, когда Гарри вошел в совяльню, свет из незастекленных оконных проемов совершенно его ослепил: круглое помещение пересекала густая сеть толстых серебристых лучей. На стропилах, нахохлившись, сидели сотни сов. Поутру они были беспокойны: очевидно, некоторые лишь недавно возвратились с ночной охоты. Гарри задрал голову и, ступив на соломенную подстилку, усеянную тонкими косточками мелких зверьков (под ногами сразу захрустело), поискать глазами Хедвигу.

— Вот ты где, — сказал Гарри, обнаружив свою сову под самым куполом. — Спускайся, у меня для тебя работа.

Глоухо ухнув, Хедвига распостирила огромные белые крылья и слетела на плечо хозяину.

— Здесь написано «Шлярику». — Гарри протянул письмо Хедвиге и она зажала его в клюве. Сам не зная зачем, Гарри перешел на шепот: — Но это для Сириуса, поняла?

Сова моргнула янтарными глазами. Очевидно, это значило: да, поняла.

— Тогда счастливого полета, — пожелал Гарри и отнес ее к окну. Хедвига, на мгновение сжав когтями его плечо, взмыла в яркое небо. Гарри следил за ней, пока она не превратилась в крохотную черную точку и не исчезла, а затем перевел взгляд на хижину Огрида, прекрасно различимую из окна совяльни. И так же прекрасно было видно, что в хижине по-прежнему никого нет, занавески задернуты, а над трубой не вьется дымок.

Верхушки деревьев Запретного леса покачивались на легком ветру. Гарри смотрел, наслаждаясь свежим воздухом и думая о предстоящей квидишной тренировке... и вдруг увидел. Над лесом, широко

простирая кожистые черные крылья, точно птеродактиль, взмыл огромный конь-ящер. Он сделал большой круг над лесом и снова скрылся среди ветвей. Все случилось быстро, и через секунду Гарри уже и сам с трудом верил, что действительно видел это странное существо; единственным доказательством было бешено колотившееся сердце.

За спиной открылась дверь. От испуга Гарри вздрогнул, развернулся и увидел Чо Чан с письмом и посылкой в руках.

– Привет, – машинально поздоровался Гарри.

– Ой... привет, – еле дыша ответила Чо. – Не ожидала так рано кого-нибудь здесь встретить... Только что вспомнила: у мамы сегодня день рождения.

Она показала сверток.

– Понятно, – кивнул Гарри.

Мозг внезапно заклинило. Хотелось сказать что-нибудь остроумное и интересное, но перед глазами упрямо стоял ужасный образ крылатого коня.

– Хороший сегодня день, – наконец нашелся Гарри. И внутри у него все тотчас сжалось от смущения. Погода. Он разговаривает с ней *о погоде*...

– Да, – согласилась Чо, выглядывая подходящую сову. – Хорошие условия для тренировки. Я не выходила всю неделю, а ты?

– Тоже, – ответил Гарри.

Чо выбрала одну из школьных сипух и поманила ее к себе на руку. Птица послушно спустилась, протянула лапку, и Чо стала привязывать к ней посылку.

– А вы уже выбрали нового Охранника? – полюбопытствовала Чо.

– Да, – кивнул Гарри, – мой друг, Рон Уизли, ты ведь его знаешь?

– Который ненавидит «Торнадо»? – довольно холодно спросила Чо. – И как он? Хорошо играет?

– Хорошо, – ответил Гарри. – Я так думаю. Правда, я не видел, как он пробовался, я наказание отбывал.

Чо, не закончив с посылкой, подняла на него глаза.

– Эта Кхембридж – просто чудовище, – тихо проговорила она. – Наложить взыскание только за то, что ты сказал правду о... о его... о его смерти. Уже вся школа знает. Ты молодец, что решился ей противостоять. Это очень смело.

Внутри у Гарри все сразу разжалось и надулось от счастья; кажется, он даже воспарил над полом, усеянным совиным пометом. Да пропади она, эта летучая лошадь! Что считает его смельчаком, вот что главное! Он стал помогать ей привязывать посылку и хотел уже якобы ненароком показать ей порез на руке, но, едва эта мысль пришла ему в голову, как дверь снова отворилась.

В совяльню, пыхтя и отдуваясь, ворвался Филч. На впалых щеках, испещренных венозными жилками, горели багровые пятна, колыхались брылы, жидкие седые волосы растрепались; без сомнения, он несся сюда со всех ног. Вслед за ним вбежала миссис Норрис, взорвилась на сов и сердито замяукала. Наверху недовольно зашелестели крылья, а большая неясность угрожающе щелкнула клювом.

– Ага! – воскликнул Филч, закосолапив к Гарри. Одутловатые щеки от гнева тряслись. – Меня уведомили, что ты собираешься отослать крупный заказ на навозные бомбы!

Гарри скрестил руки на груди и в упор уставился насмотрителя:

– Кто же это вас уведомил, что я собираюсь заказывать навозные бомбы?

Чо, нахмурив лоб, недоуменно переводила взгляд с Гарри на Филча и обратно. Сипуха с ее посылкой устала стоять на одной ноге и укоризненно ухнула, но Чо не обратила внимания.

– Надежный человек, – удовлетворенно прошипел Филч. – А теперь дай сюда то, что ты собирался отослать.

С невероятным облегчением оттого, что не стал медлить с отправкой письма, Гарри сказал:

– Не могу. Я уже отправил.

– Отправил? – переспросил Филч. Его лицо перекосилось от ярости.

– Отправил, – спокойно подтвердил Гарри.

Филч возмущенно открыл рот, беззвучно пошевелил губами, а потом глазами ощупал мантию Гарри.

– Откуда мне знать, что заказ не у тебя в кармане?

– Оттуда, что…

– Я сама видела, как он посыпал письмо, – вмешалась Чо.

Филч резко повернулся к ней:

– Видела?..

– Именно, видела, – с сердитым напором сказала она.

Возникла пауза: Филч и Чо сверлили друг друга взглядами. Затем смотритель круто развернулся и зашаркал к выходу. Взявшись за дверную ручку, он через плечо посмотрел на Гарри:

– Если я учую хоть намек на навозную бомбу...

И, громко топая, удалился. Миссис Норрис, в последний раз с жадной тоской поглядев на сов, последовала за ним.

Гарри и Чо переглянулись.

– Спасибо, – поблагодарили Гарри.

– Не за что, – ответила чуть порозовевшая Чо и привязала наконец посылку к другой ноге сипухи. – Ты ведь не заказывал никаких бомб?

– Неа, – сказал Гарри.

– Интересно, почему тогда он на тебя подумал? – спросила она, относя сову к окну.

Гарри пожал плечами. Он понимал не больше чем она, хотя, как ни странно, сейчас его это совсем не тревожило.

Из совяльни они вышли вместе. В коридоре у поворота в западное крыло замка Чо сказала:

– Мне сюда. Ну что же... До встречи, Гарри.

– Да... До встречи.

Она улыбнулась ему и ушла. Гарри зашагал дальше абсолютно счастливый. За целый длинный разговор он не ляпнул ни одной глупости!.. *Ты молодец, что решился ей противостоять. Это очень смело...* Чо назвала его смелым... она не испытывает к нему ненависти за то, что он остался жив...

Разумеется, он помнил, что в свое время она предпочла Седрика... Но ведь, если бы Гарри успел пригласить ее на бал первым, все могло быть иначе... Отказывая ему, она вроде бы расстроилась...

– Доброе утро, – бодро приветствовал он Рона и Гермиону, садясь рядом с ними за гриффиндорский стол.

– Ты чего это такой довольный? – удивился Рон.

– Ну... сегодня тренировка и вообще, – восторженно сказал Гарри, подтягивая к себе большое блюдо яичницы с беконом.

– А... да, – ответил Рон. Он отложил гренок и отхлебнул тыквенного сока. А потом добавил: – Слушай... Может, выйдешь со мной чуть пораньше? Мы бы... до тренировки поупражнялись... Так, для пристрелки.

– Давай, – согласился Гарри.

– Слушайте, а по-моему, не стоит, – серьезно вмешалась Гермиона. – У вас обоих столько домашних зада...

И осеклась – прибыла почта, и к Гермионе, как обычно, стремительно понеслась совка с «Оракулом» в клюве. Чуть не свалив сахарницу, птица бухнулась на стол и вытянула вперед лапку. Гермиона сунула кнуд в кожаный мешочек, взяла газету и критически уставилась на первую полосу. Совка улетела.

– Есть что-нибудь интересное? – поинтересовался Рон. Гарри усмехнулся: Рон готов на все, лишь бы отвлечь Гермиону от мыслей о домашних заданиях.

– Нет, – вздохнула Гермиона, – только какая-то белиберда про бас-гитариста «Чертовых сестричек». Он женится.

Гермиона развернула газету и исчезла за ней. Гарри самозабвенно поедал вторую порцию яичницы с беконом. Рон озабоченно смотрел вверх, на высокие окна.

– Подождите-ка, – вдруг сказала Гермиона. – Ой нет... Сириус!

– Что такое? – Гарри рванул к себе газету, она разошлась надвое, и им с Гермионой досталось по половине.

– «Министерство магии из надежного источника получило информацию, что Сириус Блэк, пресловутый маньяк-убийца... тра-тата... в настоящее время скрывается в Лондоне!» – с ужасом прочитала Гермиона на своей половине.

– Люциус Малфой! Вот чем хочешь клянусь! – свирепо прошептал Гарри. – Он узнал Сириуса на вокзале...

– Что? – встревожился Рон. – Ты не говорил...

– Ш-ш-ш! – тут же зашипели на него Гарри и Гермиона.

– «Министерство предупреждает колдовскую общественность, что Блэк чрезвычайно опасен... убил тринадцать человек... дерзкий побег из Азкабана...» Обычная чушь, – заключила Гермиона, откладывая газету и испуганно глядя на Гарри и Рона. – Ему просто нельзя больше выходить, вот и все, – прошептала она. – Думблдор его предупреждал.

Гарри мрачно опустил взгляд на свою часть «Оракула». Почти всю полосу отвели под рекламу магазина мадам Малкин «Мантии на все случаи жизни», где, оказывается, начиналась осенняя распродажа.

– Эй! – воскликнул он, расправляя газету на столе, чтобы Рон и Гермиона тоже могли прочитать. – Посмотрите-ка!

– Чего-чего, а мантий у меня теперь навалом, – сказал Рон.

– Да не это, – пояснил Гарри, – вот… тут заметка…

Рон с Гермионой склонились над столом и стали читать; заметка была всего в дюйм высотой и помещалась в самом низу колонки.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МИНИСТЕРСТВЕ МАГИИ

Стурджис Подмор, 38 лет, проживающий по адресу: Клэпэм, Бобовниковый парк, дом № 2, предстал перед Мудрейхом по обвинению в попытке взлома и ограбления, предпринятой им 31 августа сего года в министерстве магии. Подмора арестовал охранник министерства Эрик Шамк, заставший преступника в час ночи за взломом двери в одно из особо секретных помещений. Подмор, отказавшийся привести аргументы в свою защиту, был признан виновным и приговорен к шести месяцам заключения в Азкабане.

– Стурджис Подмор? – медленно произнес Рон. – Это тот, у которого волосы как соломенная крыша? Член Ор…

– Рон, ш-ш-ш! – в панике зашипела Гермиона.

– Шесть месяцев в Азкабане! – прошептал пораженный Гарри. – Только за то, что пытался войти в какую-то дверь!

– При чем тут дверь? Конечно, не только за дверь. Но что ему понадобилось в министерстве в час ночи? – выдохнула Гермиона.

– Думаешь, он был там по заданию Ордена? – тихо спросил Рон.

– Минуточку… – задумчиво сказал Гарри. – Стурджис должен был прийти нас провожать, помните?

Друзья посмотрели на него.

– Да, точно, он должен был нас охранять по дороге на Кингз-Кросс, помните? Хмури еще бесился, что он не пришел. Получается, это было не их задание…

– Может, они просто не ожидали, что его поймают, – возразила Гермиона.

– Может, подстава! – в страшном возбуждении вскрикнул Рон. – Нет!.. Слушайте, – продолжил он, поймав грозный взгляд Гермионы и сильно понизив голос, – в министерстве подозревали, что он – человек Думблдора, поэтому… ну, я не знаю… заманили его в ловушку! А

никакую дверь он вообще не взламывал! Они специально что-то подстроили, чтобы его взять!

Гарри и Гермиона некоторое время поразмыслили. Гарри счел, что все это чересчур сложно. Зато на Гермиону гипотеза произвела впечатление.

— Знаете, я бы не удивилась, если б это оказалось правдой.

Она задумчиво сложила свою половинку газеты. Гарри бросил на стол вилку и нож, и Гермиона вышла из забытья.

— Ладно, к делу. Сначала, наверное, быстренько разделяемся с сочинением для Спарж про самоудобряющиеся кустарники, а потом, если успеем, еще до обеда начнем деанимационное созидальное заклинание...

При мысли о куче домашних заданий, ожидающих его наверху, Гарри ощущал слабый укол совести, но небо было такое ясное, такое синее, такое веселое, а он за неделю еще ни разу не выгуливал «Всполох»...

— У нас весь вечер впереди, — сказал Рон, когда они с метлами на плечах уже спускались по склону к квидишному полю. В ушах звенели зловещие пророчества Гермионы, предрекавшей им позорный провал на экзаменах. — И потом еще завтра. А если она сама только и может думать что об уроках, то это ее трудности... — Последовала пауза, и он добавил уже озабоченнее: — Как думаешь, она правда больше не даст нам списывать?

— Я думаю, правда, — ответил Гарри. — Но все равно, это ведь тоже важно! Надо тренироваться, если мы хотим остаться в команде...

— Вот именно, — с большим чувством поддержал Рон. — И у нас полно времени, на все хватит...

На подходе к стадиону Гарри бросил осторожный взгляд вправо, на мрачно раскаивающиеся кроны Запретного леса. Но из чащи никто не вылетал, и в небе, если не считать сов, далекими точками круживших над башней совяльни, было совершенно пусто. Хватит уже думать об этих страшилищах — что у него, других забот нет? И потом, что плохого может ему сделать летающая лошадь? И он решительно выкинул крылатых тварей из головы.

Гарри и Рон взяли мячи из шкафчика в раздевалке и начали тренировку. Рон парил у шестов, а Гарри играл за Охотника и пытался провести Кваффл в кольцо. В конечном итоге Гарри остался доволен:

Рон успешно взял примерно три четверти мячей и с каждой минутой играл все лучше. Через пару часов они отправились в замок на обед – где Гермиона ясно дала понять, что возмущена их безответственностью, – а потом вернулись на настоящую тренировку. В раздевалке уже собралась вся команда, кроме Ангелины.

– Порядок, Рон? – подмигнул брату Джордж.

– Да, – ответил Рон, который с каждым шагом по пути к стадиону становился все тише и тише.

– Ну что, мышь-староста? Готов показать класс? – Взъерошенная голова Фреда показалась над вырезом квидишной мантии. На губах чуть заметно играла зловещая улыбка.

– Заткнитесь, – с каменным лицом отозвался Рон. Он впервые в жизни переодевался в квидишную форму. Мантия Древа вполне ему подошла, хотя Оливер был гораздо шире в плечах.

– Команда, – сказала уже переодевшаяся Ангелина, выходя из кабинета капитана, – пора приступать к тренировке. Фред, Алисия, понесете ящик с мячами, хорошо? Да, кстати, у нас будут зрители, но я прошу вас не обращать на них внимания, договорились?

По ее нарочито небрежному тону Гарри сразу догадался, что это за зрители, и не ошибся: из раздевалки на ярко освещенное солнцем поле они вышли под свист и насмешки квидишной команды «Слизерины» и других зевак, рассевшихся тут и там на пустых трибунах. Их голоса громким эхом носились над стадионом.

– Батюшки, на чем это у нас Уизли? – протянул Малфой. – Кому пришло в голову наложить летучее заклятие на трухлявое полено?

Краббе, Гойл и Панси Паркинсон закатились визгливым хохотом. Рон оседлал метлу и оттолкнулся от земли. Гарри последовал за ним, наблюдая, как уши его друга постепенно становятся ярко-красными.

– Наплюй, – сказал он, прибавив скорости и нагнав Рона, – посмотрим, как они посмеются, когда мы их обыграем…

– Правильная позиция, Гарри, – одобрила Ангелина. Она облетела их с Кваффлом под мышкой и зависла перед командой. – Итак, для разогрева начнем с простых подач, все вместе, пожалуйста…

– Эй, Джонсон, что это у тебя за прическа?! – пронзительно крикнула снизу Панси Паркинсон. – Как будто из головы червяки лезут!

Ангелина отбросила с лица косички и спокойно продолжила:

— Быстремько, заняли позиции... Посмотрим, на что мы способны...

Гарри задним ходом отлетел к дальнему краю поля, а Рон — к шестам на противоположной стороне. Ангелина одной рукой высоко подняла Кваффл и с силой швырнула его Фреду, тот передал мяч Джорджу, Джордж — Гарри, Гарри — Рону, а Рон его выронил.

Слизеринцы, и первым Малфой, грохнули. Рон ринулся вниз, чтобы перехватить Кваффл, пока тот не упал на землю, потом неловко, съехав набок, вышел из пике и, весь красный, вернулся на игровую высоту. Гарри видел, какими взглядами обменялись Фред с Джорджем. Вопреки обыкновению близнецы воздержались от комментариев, за что Гарри был им благодарен.

— Подавай, Рон! — крикнула Ангелина, словно ничего не случилось.

Рон бросил Кваффл Алисии, та отдала мяч Гарри, Гарри сделал пас Джорджу...

— Эй, Поттер, как поживает твой шрам?! — выкрикнул Малфой. — Тебе не пора полежать? Ты уже целую неделю не был в лазарете, прямо личный рекорд...

Джордж передал мяч Ангелине, а она через спину бросила его Гарри, который этого не ожидал, но все же сумел взять подачу кончиками пальцев и быстро передал Кваффл Рону. Тот бросился за ним, но ощутимо промахнулся.

— Ну вот что, Рон, — недовольно бросила Ангелина вслед Рону, снова нырнувшему за мячом, — давай-ка соберись.

Рон вернулся на игровую высоту совершенно алый. Трудно было сказать, что ярче — его лицо или Кваффл. Малфой и все слизеринцы выли от хохота.

С третьей попытки Рон таки поймал Кваффл и, видимо, от облегчения, передал его дальше ударом такой силы, что Кэти не удержала мяч, и он попал ей прямо в лицо.

— Прости! — застонал Рон, кидаясь к Кэти посмотреть, не покалечил ли он ее.

— Вернись на место, с ней все в порядке! — рявкнула Ангелина. — Но в следующий раз, когда будешь передавать мяч товарищу по команде, не пытайся сбить его с метлы, хорошо? Для этого у нас есть Нападалы!

У Кэти из носа шла кровь. Внизу, в исступлении топоча ногами, громко ржали слизеринцы. Фред и Джордж подлетели к Кэти.

— Нá вот, — сказал Фред, доставая из кармана и протягивая ей что-то маленькое и фиолетовое, — мигом все пройдет.

— Так, — прокричала Ангелина, — Фред, Джордж, сходите за битами и Нападалой! Рон, отправляйся к шестам. Гарри, по моей команде выпустишь Проныру. Бить, понятно, будем по кольцам Рона.

Гарри помчался вслед за близнецами, чтобы взять Проныру.

— Рон что-то совсем не в ту степь выступает, — пробормотал Джордж, когда они втроем приземлились у ящика с мячами и открыли его, чтобы взять Проныру и одного Нападалу.

— Он просто нервничает, — объяснил Гарри, — когда мы тренировались утром, он все делал нормально.

— Да уж, надеюсь, это у него не от переутомления, — хмуро проворчал Фред.

Они снова взмыли. По свистку Ангелины Гарри выпустил Проныру, а Фред и Джордж — Нападалу. С этого момента Гарри почти перестал обращать внимание на остальных. Его задачей было вновь поймать крохотный и крылатый золотой мячик. Это приносило команде сто пятьдесят очков и требовало колоссальной быстроты и ловкости. Гарри прибавил скорости и принялся носиться между Охотниками. Тёплый осенний воздух омывал лицо, в ушах шумели далекие и теперь такие бессмысленные вопли слизеринцев... Увы, очень скоро его остановил свисток.

— Стоп! Стоп! СТОП! — вопила Ангелина. — Рон!.. У тебя же оголена середина!

Гарри обернулся. Рон висел в воздухе у левого кольца — другие два оставались незащищенными.

— Ой!.. Извините...

— Ты все время дрейфуешь в сторону, когда следишь за Охотниками! — недовольно сказала Ангелина. — Ты либо стой в центре, пока не понадобится защищать какое-то из колец, либо кружи возле них, только не отплывай как облако — ты так пропустил последние три мяча!

— Извините... — повторил Рон. На фоне ярко-голубого неба его лицо красно сияло, точно бакен.

— И, Кэти... Нельзя уже как-то разобраться с этим кровотечением?

— Оно все хуже и хуже! — гнусаво ответила Кэти, зажимая нос рукавом.

Гарри посмотрел на Фреда. Тот встревоженно рылся в карманах. Достав что-то фиолетовое, он внимательно его рассмотрел, а потом в ужасе обернулся к Кэти.

— Ладно, попробуем еще раз, — сказала Ангелина. Она не обращала внимания на слизеринцев, громогласно распевавших «гриффиндорцы — слабаки, гриффиндорцы — слабаки», но в ее позе чувствовалась некая скованность.

Не прошло и трех минут, как снова раздался свисток Ангелины. Гарри, как раз заметивший Проныру, кружившего у дальних колец, очень расстроился.

— Что на этот раз? — раздраженно спросил он у Алисии, которая оказалась к нему ближе всех.

— Кэти, — коротко ответила та.

Гарри повернулся и увидел, что Ангелина, Фред и Джордж со страшной скоростью мчатся к Кэти. Гарри с Алисией тоже полетели. Похоже, Ангелина остановила игру вовремя: белая как мел Кэти была вся в крови.

— Ей надо в лазарет, — сказала Ангелина.

— Мы отведем, — с готовностью отозвался Фред. — Она... э-э... по ошибке приняла козинак-кровопуск...

— Ну все, без Отбивал и Охотника играть не имеет смысла, — хмуро бросила Ангелина, когда близнецы ринулись к замку, с двух сторон поддерживая ослабевшую Кэти. — Пошли переодеваться.

Они потащились к раздевалке. Слизеринцы продолжали распевать свою идиотскую песню.

— Как прошла тренировка? — холодно осведомилась Гермиона. Прошло полчаса, и Гарри с Роном только что вскарабкались в гриффиндорскую гостиную.

— Тренировка прошла... — начал Гарри.

— Хуже некуда, — глухо закончил Рон, падая в кресло рядом с Гермионой. Та внимательно посмотрела на него и на глазах оттаяла.

— Ну, это же первый раз, — утешила она, — ясно же, что нужно время, чтобы...

— А кто сказал, что это из-за меня? — огрызнулся Рон.

— Никто не сказал, — испугалась Гермиона, — просто я подумала...

— Что я обязательно окажусь дерымом?

– Нет, конечно нет! Просто ты сказал, что тренировка прошла хуже некуда, и я решила...

– Мне некогда! Мне надо делать домашние задания! – грозно выкрикнул Рон и затопал наверх в спальню.

Когда он скрылся, Гермиона повернулась к Гарри:

– Что, он и правда ужас?

– Нет, – храни верность другу, ответил Гарри.

Гермиона подняла брови.

– Конечно, он мог бы играть и получше, – добавил Гарри, – но ты правильно говоришь, это только первая тренировка...

В тот вечер ни Гарри, ни Рону не удалось сильно преуспеть в выполнении домашних заданий. Гарри знал, что Рон все время думает о том, как опозорился на тренировке, а у него самого вертелась в голове дурацкая речевка: «гриффиндорцы – слабаки»...

Все воскресенье они просидели в гостиной, зарывшись в учебники. Комната сначала была полна народа, потом опустела. Опять стояла отличная погода, и почти все остальные гриффиндорцы гуляли во дворе, торопясь насладиться, быть может, последним погожим днем. Под вечер у Гарри было чувство, будто кто-то целый день старательно бил его мозг о черепную коробку.

– Знаешь, наверно, все-таки надо хотя бы часть домашних заданий выполнять на неделе, – пробормотал Гарри, когда они покончили с длиннющим сочинением по деанимационному созидальному заклинанию для профессора Макгонаголл и в отчаянии перешли к такой же длинной и трудной работе о многочисленных спутниках Юпитера, которую задала профессор Синистра.

– Да уж. – Рон потер покрасневшие глаза и бросил в камин пятый испорченный лист. – Слушай... Может, попросим у Гермионы ее работу? Просто посмотреть...

Гарри взглянул на Гермиону. Та сидела с Косолапусом на коленях и весело болтала с Джинни, а перед ней в воздухе быстро мелькали спицы, вязавшие бесформенные носки.

– Нет, – сурово произнес он, – ты и сам понимаешь, что она не даст.

Они работали дотемна. Толпа, набившаяся в гостиную к вечеру, медленно, но верно редела. В половине двенадцатого к Гарри и Рону, зевая, подошла Гермиона:

– Ну что, почти закончили?

– Нет, – отрывисто бросил Рон.

– Самый большой спутник Юпитера – Ганимед, а не Каллисто. –

Гермиона через плечо Рона показала на строчку в его сочинении. – А вулканы есть на Ио.

– Спасибо, – недовольно буркнул Рон, вычеркивая ошибки.

– Извини, я просто...

– Постигаю: всего лишь подошла покритиковать...

– Рон...

– У меня нет времени выслушивать проповеди – надеюсь, это ясно?

У меня еще по горло работы...

– Нет... Смотрите!

Она показывала на окно. За стеклом на подоконнике сидела красивая сова – она взирала на Рона.

– Это же Гермес, да? – изумленно сказала Гермиона.

– Ничего себе! – тихо ответил Рон, бросая перо и поднимаясь. – С чего это Перси вздумал мне писать?

Едва окно открылось, Гермес влетел, сел на сочинение Рона и протянул ему лапку с письмом. Рон снял письмо, и Гермес тут же улетел, оставив на изображении Ио чернильные отпечатки.

– Почерк Перси, это точно. – Рон снова опустился в кресло, вытаращившись на адрес, написанный на свитке: «“Хогварц”, колледж “Гриффиндор”, Рональду Уизли». Он поднял глаза. – Ну что?

– Открывай скорей! – возбужденно воскликнула Гермиона. Гарри кивнул.

Рон развернул свиток и начал читать. Чем дальше он читал, тем угрюмее становился, а под конец явственно кривился в отвращении. Он сунул письмо Гарри и Гермионе, и те, склонив головы над пергаментом, вместе прочли:

Дорогой Рон!

Я только что узнал (и не от кого-нибудь, а от самого министра магии, которого, в свою очередь, уведомила ваша новая преподавательница профессор Кхембридж), что тебя назначили старостой «Хогварца».

Это известие приятно удивило меня, и прежде всего я хочу от души тебя поздравить. Должен признаться, меня всегда терзали опасения, что ты не последуешь моему примеру, а пойдешь, скажем

так, по «пути Фреда и Джорджа», так что вообрази, как счастлив я был узнать, что ты наконец перестал пренебрегать дисциплиной и взял на себя настоящую взрослуую ответственность.

Однако, Рон, помимо поздравлений мне хотелось бы дать тебе совет – потому я и посылаю это письмо вечером, а не обычной утренней почтой. Надеюсь, тебе удастся прочесть это послание вдали от любопытных глаз и тем самым избежать нежелательных расспросов.

Из некоторых фраз, которые вырвались у министра, когда он рассказывал мне о твоем назначении, я заключил, что ты по-прежнему проводишь много времени с Гарри Поттером. Должен предупредить тебя, Рон: ничто не представляет такой угрозы для твоего нового положения, как дальнейшее общение с этим типом. Да, да! Я уверен, что, прочитав это, ты будешь удивлен – и, без сомнения, возразишь, что Поттер всегда был любимцем Думбльдора, – но я полагаю своей обязанностью известить тебя, что Думбльдор недолго будет оставаться директором «Хогварца», а те люди, чье мнение имеет значение, совершенно иначе – и, вероятно, более трезво, – оценивают поведение Поттера. Больше я ничего не добавлю, однако, если ты прочитаешь завтрашний выпуск «Оракула», то сумеешь составить достаточно верное представление о том, куда дует ветер, – и заодно поищи на фотографии твоего покорного!

А если серьезно, тебе, Рон, не следует допускать, чтобы тебя ставили на одну доску с Поттером, ибо это может очень навредить твоему будущему, и здесь я помимо прочего имею в виду будущее после окончания школы. Как ты, должно быть, знаешь – поскольку твой отец сопровождал Поттера в суд, – этим летом твой так называемый друг предстал перед Мудрейхом на дисциплинарном слушании и, надо сказать, не произвел хорошего впечатления. По моему мнению, ему удалось счастливо отделаться исключительно благодаря лазейке в законодательстве, и многие из тех, с кем я обсуждал это дело, по-прежнему убеждены в его виновности.

Возможно, ты боишься открыто порвать с Поттером – я знаю, что он неуравновешен и, по моим сведениям, агрессивен. Если тебя беспокоит это или если ты заметишь в его поведении нечто подозрительное, прошу тебя, смело обращайся к Долорес

Кхембридж. Эта прекрасная женщина будет счастлива дать тебе доброе наставление.

Здесь я перехожу ко второму своему совету. Как я уже намекнул, времена Думбльдора в «Хогварце», можно сказать, миновали. Поэтому тебе, Рон, следует блюсти верность не ему, а школе и министерству. Я был чрезвычайно огорчен, узнав, что в настоящее время профессор Кхембридж не находит среди преподавателей «Хогварца» должной поддержки своим начинаниям, когда пытается провести в жизнь необходимые изменения, столь желательные для министерства (впрочем, со следующей недели ее жизнь значительно упростится – опять же, читай завтрашний «Оракул»!). Я же скажу только одно – тот, кто сейчас продемонстрирует желание помочь профессору Кхембридж, через пару лет имеет все шансы стать старшим старостой!

Прости, что этим летом я не уделял тебе достаточно внимания. Мне больно осуждать наших родителей, однако боюсь, до тех пор, пока они поддерживают связи с опасным окружением Думбльдора, я не могу оставаться под крышей их дома. (Если будешь писать маме, можешь сказать ей, что некий Стурджис Подмор, большой друг Думбльдора, был недавно приговорен к сроку в Азкабане за попытку взлома в министерстве. Возможно, это откроет родителям глаза на то, с какими мошенниками и мелкими воришками они связались.) Я считаю, мне повезло, что я не запятнан общением с подобными личностями, – министр со мной необычайно любезен, – и я очень надеюсь, Рон, что и ты не позволишь семейным привязанностям ослепить тебя и поймешь ошибочность взглядов и поступков наших родителей. Искренне верю, что со временем они осознают свои ошибки и когда настанет этот день, с готовностью приму от них безоговорочные извинения.

Прошу тебя, хорошенько обдумай то, что я сказал, особенно о Гарри Поттере, и – еще раз поздравляю с назначением на должность старосты!

Твой брат,
Перси

Гарри поднял глаза на Рона.

— Ладно, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал так, будто все это он воспринимает как глупую шутку, — если ты хочешь... э-э... как там?.. — Он сверился с текстом. — Ах да!.. «открыто порвать» со мной, обещаю обойтись без агрессии.

— Отдай. — Рон протянул руку. — Просто Перси... — продолжал он дрогнувшим голосом, разрывая письмо пополам, — самый, — Рон разорвал и половинки, — выдающийся на свете, — четвертинки превратились в осьмушки, — кретин. — Рон бросил обрывки в огонь. — Давай, должны же мы закончить хотя бы до рассвета, — как ни в чем не бывало сказал он Гарри, подтягивая к себе работу по астрономии.

Гермиона посмотрела на Рона очень странно.

— Ладно, давайте сюда, — бросила она.

— Что? — не понял Рон.

— Ваши работы. Я проверю и поправлю, — пояснила Гермиона.

— Ты что, серьезно? Гермиона, ты просто спасительница! — воскликнул Рон. — Чем я могу...

— Вы оба можете, например, сказать: «Мы обещаем больше никогда не откладывать домашние задания на последнюю минуту». — Гермиона протянула обе руки за сочинениями. Впрочем, судя по ее лицу, она забавлялась.

— Гермиона, спасибо тебе огромное, — пролепетал Гарри, протянул ей сочинение, повалился на спинку кресла и принялся тереть глаза.

Полночь уже миновала, и в гостиной не осталось никого, кроме них с Косолапусом. Стояла глубокая тишина — если не считать скрипа пера Гермионы, которая время от времени что-то вычеркивала, и шелеста страниц разбросанных по столу справочников, по которым она что-то проверяла. Гарри совершенно изнемог, и, кроме того, в животе была странная сосущая пустота, но не от усталости, а из-за письма, почерневшие останки которого, стремительно съеживаясь, догорали в камине.

Разумеется, для него не новость, что минимум половина школы считает его странным, даже чокнутым, как не новость и то, что «Оракул» уже который месяц пишет о нем гадости. И все-таки послание Перси — его совет Рону порвать отношения с Гарри и доносить о нем Кхембридж — как ничто другое заставило Гарри прочувствовать реальность происходящего. Они с Перси целых четыре года довольно тесно общались, летом жили в одном доме, спали в

одной палатке на кубке мира, в прошлом году Перси даже поставил Гарри высшую оценку за второе испытание Тремудрого Турнира, а теперь этот же самый Перси считает его неуравновешенным и потенциально опасным...

На Гарри волной нахлынуло сочувствие к крестному. Пожалуй, среди всех его знакомых один только Сириус способен понять, каково сейчас Гарри, потому что Сириус и сам точно в таком же положении. Практически весь колдовской мир уверен, что Сириус – опасный маньяк-убийца и приспешник Вольдеморта. Вот уже четырнадцать лет Сириусу приходится жить с этим знанием...

Гарри удивленно моргнул. Он увидел в огне нечто такое, чего там быть не могло. Оно мелькнуло и тут же исчезло. Нет... невозможно. Просто он сейчас думал о Сириусе, вот ему и привиделось...

– Все, перепиши вот это, – Гермиона подтолкнула к Рону его сочинение и листок, исписанный ее почерком, – а потом добавь мое заключение.

– Гермиона, честно, ты самый потрясающий человек на свете, – чуть ли не со слезами в голосе сказал Рон, – и если я еще раз позволю себе грубо с тобой разговаривать...

– ...я пойму, что ты пришел в норму, – закончила за него Гермиона. – Гарри, а у тебя все нормально, вот только в конце... Ты, наверное, неправильно расслышал профессора Синистру: Европу покрывает лед, а не мед... Гарри?

Гарри соскользнул с кресла на прожженный и протертый коврик у камина и стоял на коленях, вглядываясь в огонь.

– Э-э... Гарри? – неуверенно позвал Рон. – Зачем ты?..

– Затем, что я только что видел в камине голову Сириуса.

Гарри произнес это очень спокойно – в конце концов, в прошлом году он уже видел ее в том же самом месте и даже с ней разговаривал; но сейчас он не был уверен, что ему не привиделось... Голова так быстро исчезла...

– Голову Сириуса? – повторила Гермиона. – Как в прошлом году во время Тремудрого Турнира? Но сейчас он не стал бы, это слишком... *Сириус!*

Она ахнула от испуга. Рон выронил перо. Из танцующих языков пламени смотрела голова Сириуса. Длинные черные волосы падали на довольное улыбающееся лицо.

– Я уж боялся, что вы уйдете спать раньше, чем все разойдутся, – сказал он. – Я проверял каждый час.

– Ты появлялся здесь каждый час? – чуть не рассмеялся Гарри.

– На пару секунд. Смотрел, свободен ли путь.

– А если бы тебя заметили? – заволновалась Гермиона.

– Кажется, одна девочка – на вид первоклассница – меня видела, но не беспокойтесь, – поспешил добавил Сириус, поскольку Гермиона зажала рот ладонью, – я скрылся, как только она на меня взглянула. Наверняка подумала, что я – странное полено.

– Но, Сириус, это такой риск... – начала Гермиона.

– Ты прямо как Молли, – оборвал ее Сириус. – Как еще мне ответить на письмо Гарри? Иначе пришлось бы писать шифровки – а любой шифр можно взломать.

При словах «письмо Гарри» Рон и Гермиона повернулись к нему.

– Ты не говорил, что писал Сириусу! – упрекнула Гермиона.

– Я забыл, – ответил Гарри, и это была истинная правда; после встречи с Чо в совяльне он позабыл обо всем на свете. – Не смотри на меня так! Там ничего криминального не было, никаких секретов, скажи, Сириус?

– Да, письмо гениальное, – улыбнулся тот. – Ну, к делу – вдруг кто придет. Итак. Шрам.

– А что шра?.. – начал было Рон, но Гермиона его перебила:

– Мы все обсудим потом. Говори, Сириус.

– Я понимаю, не очень-то приятно, когда он болит, но нам не кажется, что об этом стоит беспокоиться. Он ведь болел весь прошлый год, так?

– Да, и Думблдор сказал, что это происходит, когда у Вольдеморта особо сильные эмоции, – подтвердил Гарри, как всегда не обращая внимания на исказившиеся от ужаса лица друзей. – Может, когда я был у Кхембридж, Вольдеморт вдруг страшно разозлился или, я не знаю, озверел.

– Теперь, когда он возродился, шрам неизбежно должен болеть чаще, – сказал Сириус.

– Значит, ты думаешь, Кхембридж тут ни при чем? – спросил Гарри.

– Вряд ли это из-за нее. Я о ней слышал, и я уверен, что она не Упивающаяся Смертью...

– Надо же – а сволочь редкостная, – мрачно изрек Гарри. Рон и Гермиона закивали.

– Это да, но мир не делится только на хороших людей и Упивающихся Смертью, – криво усмехнулся Сириус. – Впрочем, она и правда та еще мерзавка… Слышали бы вы, что говорит о ней Рем.

– Люпин с ней знаком? – быстро спросил Гарри, вспомнив замечание об «опасных метисах», которое Кхембридж отпустила на первом уроке.

– Нет, – ответил Сириус, – но два года назад она протолкнула кое-какие антиоборотневые указы, из-за которых он теперь не может найти работу.

Гарри вспомнил донельзя истрапанную одежду Люпина и тут же возненавидел Кхембридж в два раза сильнее.

– А что, собственно, она имеет против оборотней? – с вызовом спросила Гермиона.

– Боится их, надо думать, – ответил Сириус. Возмущение Гермионы вызвало у него улыбку. – Я так понимаю, она вообще ненавидит всех, кто человек только наполовину. В прошлом году устроила кампанию против русалидов, предлагала отловить их всех и окольцевать. Подумать только – тратить столько сил на русалидов, когда на свободе бегает такое дрянцо как Шкверчок…

Рон засмеялся, но Гермиона явно расстроилась.

– Сириус! – укоризненно воскликнула она. – Вот честное слово, если бы ты хоть немного постарался, Шкверчок стал бы гораздо лучше. Ты же единственный из семьи, кто у него остался, а профессор Думблдор сказал…

– Ну его, лучше скажите, чем вы с этой Кхембридж занимаетесь на уроках? – перебил Сириус. – Она вас учит истреблять метисов?

– Нет, – ответил Гарри, не обращая внимания на гримасу Гермионы, недовольной тем, что ей не дали выступить в защиту Шкверчка. – Она не разрешает нам колдовать! Совсем!

– Мы без конца читаем какой-то тупой учебник, – добавил Рон.

– Что ж, все сходится, – проговорил Сириус. – У нас есть информация из надежного источника в министерстве о том, что Фудж не хочет, чтобы вы были готовы к бою.

– *Готовы к бою?* – не веря своим ушам, повторил Гарри. – Он что думает, у нас тут армия?

– Именно так он и думает, – подтвердил Сириус, – а точнее, он боится, что Думблдор собирает армию – свою армию, с которой пойдет завоевывать министерство магии.

Повисла пауза, а потом Рон сказал:

– В жизни не слышал ничего глупее – даже от Луны Лавгуд.

– Получается, нам не дают учиться защите от сил зла, потому что Фудж боится, как бы мы не использовали эти заклинания против министерства? – возмутилась Гермиона.

– Ага, – сказал Сириус. – Фудж считает, что Думблдор ради захвата власти пойдет на все. У него уже просто паранойя какая-то. Еще чуть-чуть, и Думблдора арестуют – вот только предлог сочинят.

Это напомнило Гарри о письме Перси.

– А ты не знаешь, завтра в «Оракуле» ничего не должно быть про Думблдора? Перси, брат Рона, думает, что…

– Не знаю, – сказал Сириус. – В выходные я никого из Ордена не видел, все заняты. Сижу тут один со Шкверчком…

В его голосе явственно звучала горечь.

– А про Огрида у тебя тоже никаких новостей?

– Ах да… – проговорил Сириус. – По идеи он уже должен был вернуться. Никто не знает, где он и что с ним. – Заметив их потрясение, он поспешил добавить: – Но Думблдор не тревожится, так что не делайте такие лица! Я уверен, что с Огридом все в порядке.

– Но… если он уже должен был вернуться… – чуть слышно пролепетала испуганная Гермиона.

– С ним была мадам Максим, мы связались с ней, и она говорит, что по дороге домой они расстались – но никаких намеков на то, что он как-то пострадал, – в общем, никаких поводов для беспокойства.

Это не слишком утешило ребят. Они тревожно переглянулись.

– Вы об Огриде особо не расспрашивайте, – торопливо добавил Сириус, – это привлекает лишнее внимание к его отсутствию, а я знаю, что Думблдору бы этого не хотелось. Огрид крут, с ним все будет хорошо. – Увидев, что ребята нисколько не повеселились, Сириус решил сменить тему: – Слушайте, а когда вы теперь в Хогсмед? А то я тут подумал: раз на вокзале собачий маскарад удался, может, мы?..

– НЕТ! – хором завопили Гарри и Гермиона.

– Ты что, не читал «Оракул»? – нервно спросила Гермиона.

– А, это, – ухмыльнулся Сириус. – Да они все время гадают, где я да что я, а на самом деле понятия не имеют...

– А нам кажется, что на этот раз имеют, – возразил Гарри. – В поезде Малфой сказал одну вещь... в общем, он, похоже, знал, что это был ты... и его отец – ну, знаешь, Люциус Малфой – он ведь тоже был на платформе! Пожалуйста, Сириус, не надо в Хогсмед, ни в коем случае. Если Малфой опять тебя узнает...

– Ладно, ладно, понял, – раздраженно сказал Сириус. – Я просто подумал, что ты был бы рад повидаться.

– Даже очень! Только я не хочу, чтобы ты снова оказался в Азкабане! – воскликнул Гарри.

Повисла пауза. Сириус из огня внимательно глядел на Гарри. Между впалых глаз на переносице пролегла морщинка.

– А ты не так похож на своего отца, как я думал, – вымолвил он наконец с явным холодком. – Джеймс любил риск.

– Понимаешь...

– Все, мне пора, Шкверчок спускается по лестнице, – не дослушал Сириус, но Гарри понял, что про Шкверчка он наврал. – Я напишу, сообщу, когда снова смогу здесь быть, хорошо? Если это не слишком для вас рискованно?

Раздался еле слышный хлопок, и там, где только что была голова Сириуса, остались лишь танцующие языки пламени.

Глава пятнадцатая

Главный инспектор «Хогварца»

Наутро ребята были готовы прочесывать свежий номер «Оракула» от корки до корки, чтобы найти статью, о которой упомянул Перси. Однако это не понадобилось. Не успела почтовая сова взлететь с молочного кувшина, как Гермиона, вскрикнув, лихорадочно расправила на столе газету. С большой фотографии, ослабясь и редко моргая, смотрела Долорес Кхембридж. Заголовок над фотографией гласил:

**МИНИСТЕРСТВО ПРОВОДИТ РЕФОРМУ СИСТЕМЫ
ОБРАЗОВАНИЯ**

**ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ «ХОГВАРЦА» УЧРЕЖДЕНА
ДОЛЖНОСТЬ ГЛАВНОГО ИНСПЕКТОРА**

**ДОЛОРЕС КХЕМБРИДЖ ПОЛУЧАЕТ НОВОЕ
НАЗНАЧЕНИЕ**

– Кхембридж – «главный инспектор»? – хмуро переспросил Гарри, роняя недоеденный гренок. – Что это значит?

Гермиона стала читать вслух:

Вчера вечером министерство магии сделало неожиданный ход, издав новый закон, согласно которому оно получило беспрецедентную возможность контролировать действия администрации школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц».

«Происходящее в “Хогварце” тревожило министра уже довольно давно, – сообщил нашему корреспонденту младший помощник министра Перси Уизли. – Предпринятые в настоящее время меры – адекватная реакция на неоднократно поступавшие сигналы от родителей, также чрезвычайно обеспокоенных тем, что школа, где учатся их дети, развивается в нежелательном направлении».

За последние несколько недель это отнюдь не первый случай, когда министр магии Корнелиус Фудж, пекущийся о повышении качества колдовского образования, издает новые законы. Так, 30 августа сего года увидел свет декрет об образовании за номером 22, гласящий, что в случае, если ныне действующий директор «Хогварца» не может заполнить пустующую преподавательскую вакансию, право выбора подходящей кандидатуры переходит к министерству.

«Именно таким образом в штат преподавательского состава была зачислена Долорес Кхембридж, – сказал Перси Уизли. – Думбльдор не смог никого найти, и тогда министр назначил на вакантное место профессора Кхембридж. Как мы и ожидали, ее вступление в должность было поистине триумфальным...»

– Поистине КАКИМ?! – выкрикнул Гарри.

– Погоди, это еще не все, – мрачно сказала Гермиона.

«...поистине триумфальным. Профессор Кхембридж сразу сумела революционизировать процесс преподавания столь сложного предмета, как защита от сил зла. Помимо этого в ее обязанности входит осуществление постоянной связи с министерством и своевременное уведомление министра Фуджа о реальном положении дел в школе».

В этой последней роли Долорес Кхембридж получила официальный статус согласно декрету об образовании № 23, учреждающему новую должность главного инспектора «Хогварца».

«Для борьбы с тем, что многие называют “стремительно опускающейся планкой стандартов” образования в “Хогварце”, министерством разработан стратегический план, и введение новой должности – его принципиально важный этап, – добавил Уизли. – Инспектору предоставляется право осуществлять проверку работы своих коллег, дабы убедиться в ее соответствии требуемым нормам. Мы попросили профессора Кхембридж совместить преподавательские обязанности с работой на этом посту, и, к нашей большой радости, на это предложение она ответила согласием».

Новые реформы министерства получили горячее одобрение со стороны родителей учащихся «Хогварца».

«Теперь, когда я знаю, что действия Альбуса Думблдора подлежат справедливой, объективной оценке, на душе у меня гораздо легче, – поделился с нашим корреспондентом мистер Люциус Малфой, 41 год, владелец особняка в Уилтшире. – Последние несколько лет многие родители, озабоченные будущим своих детей, постоянно тревожились из-за некоторых довольно эксцентричных поступков Думблдора, и мы рады, что министерство взяло ситуацию под контроль».

Вне всякого сомнения, под «эксцентричными поступками» мистер Малфой подразумевал, в частности, весьма сомнительные кадровые решения, о которых наша газета писала ранее, а именно, прием на работу оборотня Рема Люпина, полуиггана Рубеуса Огрида и отставного аврора «Шизоглаза» Хмури, страдающего паранойей.

Вполне естественно, в колдовском мире распространяются слухи о том, что Альбус Думблдор, в недавнем прошлом Вышенекуд Международной конфедерации чародейства и Верховный Ведун Мудрейха, вследствие своего почтенного возраста более не способен возглавлять престижную колдовскую школу «Хогварц».

«Думаю, введение должности главного инспектора станет первым шагом на пути к тому, чтобы “Хогварц” обрел такого директора, которому мы все могли бы со спокойной душой доверить судьбы наших детей», – сказал вчера вечером один из работников министерства.

В то же время, старейшие члены Мудрейха Гризельда Марчбэнкс и Тиберий Огден подали в отставку в знак протesta против учреждения в «Хогварце» упомянутой должности.

«“Хогварц” – это школа, а не филиал кабинета Корнелиуса Фуджа, – заявила мадам Марчбэнкс. – Вся эта затея – лишь очередная грязная попытка дискредитировать Альбуса Думблдора».

(Подробное расследование деятельности мадам Марчбэнкс, подозреваемой в связях с подрывными группировками гоблинов, см. на стр. 17.)

Гермиона дочитала и подняла глаза на Гарри и Рона.

– Теперь понятно, как к нам попала эта Кхембридж! Фудж издал «декрет об образовании» и нам ее попросту навязал! А теперь он дал

ей право инспектировать других учителей! – Гермиона часто дышала, и ее глаза очень ярко сверкали. – У меня нет слов! Это *возмутительно!*

– Да уж, – сказал Гарри. Правой рукой он стискивал край стола. На тыльной стороне ладони еще виднелся белый шрам – фраза, которую из-за Кхембридж он вырезал на собственной коже.

Но по лицу Рона отчего-то расползлась довольная улыбка.

– Что? – уставившись на него, хором спросили Гарри и Гермиона.

– Мечтаю увидеть, как она будет инспектировать Макгонаголл, – со вкусом ответил Рон. – Кхембридж сама не знает, на что нарявается.

– Знаете, давайте-ка поторопимся, – вскочила Гермиона, – лучше не опаздывать, вдруг она надумает проверять Бинз...

Но на историю магии профессор Кхембридж не пришла, и урок был скучен, как и в прошлый понедельник. Не пришла она и в подземелье Злея на пару зельеделия, где Гарри получил назад свое сочинение о лунном камне. В верхнем углу красовалось большое, заостренное, черное «У».

– Я поставил вам те оценки, которые вы получили бы за подобные работы на экзаменах, – с усмешкой сказал Злей, стремительно расхаживая между рядами и раздавая проверенные сочинения. – Я хотел дать вам реальное представление о том, на что вы можете рассчитывать.

Он вернулся к доске и встал лицом к классу.

– Должен сказать, что работы ваши, в общей массе, ужасны. Будь это экзамен, большинство из вас провалилось бы с треском. Очень надеюсь, что при написании нового сочинения – о различных видах противоядий к ядам животного происхождения – вы проявите намного больше усердия, в противном случае я буду вынужден назначить взыскания тем остолопам, которые снова получат «У». – И он ухмыльнулся, услышав, как Малfoy звучно прошептал:

– А что, нашлись дебилы, которые получили «У»? Ха!

Гарри заметил, что Гермиона, скосив глаза, пытается разглядеть оценку на его сочинении, тут же понял, что желал бы сохранить эту информацию в тайне, и торопливо сунул свою работу в рюкзак.

На этом уроке Гарри твердо решил не дать себя опозорить и, прежде чем приступить к заданию, минимум трижды перечитывал каждую строчку инструкции на доске. Конечно, его живительная жидкость получилась не такой ярко-бирюзовой, как у Гермионы, но, во

всяком случае, она была голубой, а не розовой, как у Невилла, так что в конце урока Гарри отнес флакон с зельем к столу Злея со смесью дерзкого вызова и глубокого облегчения.

– Что ж, все не так плохо, как в прошлый раз, да? – спросила Гермиона. Они уже покинули подземелье, поднялись по лестнице и через вестибюль шли на обед. – И с домашним заданием все, в общем, обошлось.

Ни Рон, ни Гарри не ответили, но Гермиона не отставала:

– Я хочу сказать, что я, конечно, и не ожидала высшего балла, раз он оценивал как на С.О.В.У., но на этом этапе не провалиться – уже хорошо, правда?

Гарри буркнул что-то невразумительное.

– Конечно, до экзаменов далеко, у нас масса времени, многое еще можно выучить, но эти оценки – как бы точка отсчета. Некий отправной пункт…

Они сели за гриффиндорский стол.

– Конечно, я была бы просто счастлива, если бы получила «В»…

– Гермиона, – резко перебил Рон, – если ты хочешь узнать, что нам поставили, так и спроси.

– Я не… то есть… в общем, если хотите, скажите…

– Я получил «П», – сообщил Рон, наливая суп в миску. – Довольна?

– Что же, тут нечего стыдиться, – влез в разговор Фред, появиввшись у стола вместе с Джорджем и Ли Джорданом и сев рядом с Гарри. – Что плохого в здоровом, добром «П»?

– Но, – спросила Гермиона, – «П» – это же вроде…

– Совершенно верно, это «плохо», – ответил Ли. – Но все же лучше, чем «У» – «ужасающее».

Кровь бросилась Гарри в лицо. Он сделал вид, что подавился булочкой, и закашлялся, но, оправившись от мнимого припадка, с огорчением обнаружил, что Гермиона все еще обсуждает оценки, которые ставят на экзаменах на С.О.В.У.

– Значит, высшая оценка – это «В», «великолепно», – говорила она, – потом «Н»…

– Нет, сначала «С», – поправил Джордж, – «сверх стандарта». Кстати, мы с Фредом всегда считали, что нам должны по всем предметам ставить «С». Мы же приходили на экзамены – это уже сверх стандарта.

Все засмеялись, кроме Гермионы, упорно гнувшей свою линию:

– А после «С» идет «Н», «нормально», и это нижний проходной балл, да?

– Угу, – кивнул Фред, окунул булочку в суп, отправил в рот и заглотил целиком.

– Потом «П» – «плохо», – Рон в притворном ликовании воздел руки, – и «У». Что значит «ужасающее».

– А еще «Т», – напомнил Джордж.

– «Т»? – ужаснулась Гермиона. – Ниже «У»? Это что?

– «Тролль», – быстро ответил Джордж.

Гарри снова посмеялся вместе со всеми, хотя и не был уверен, что Джордж шутит. Он представил, как пытается скрыть от Гермионы, что получил «Т» на всех экзаменах, и немедленно дал себе слово с сегодняшнего дня больше заниматься.

– У вас уже инспектировали что-нибудь? – поинтересовался Фред.

– Нет, – ответила Гермиона. – А у вас?

– Только что, перед обедом, – сказал Джордж. – Заклинания.

– Ну и как? – хором спросили Гарри и Гермиона.

Фред пожал плечами:

– Не так уж и страшно. Кхембридж тихо сидела в уголке и писала на пергаменте. Вы же знаете Флитвику, она как будто в гости к нему пришла, он совсем не напрягался. А она в основном помалкивала. Спросила у Алисии, что у нас обычно бывает на заклинаниях, а Алисия сказала, что всегда очень интересно. Вот.

– Не знаю, к Флитвику, по-моему, не за что придаться, – сказал Джордж. – У него все сдают экзамены нормально.

– А что у вас после обеда? – спросил Фред у Гарри.

– Трелони...

– Вот уж «Т» так «Т»!

– ...а потом Кхембридж собственной персоной.

– Тогда будь паинькой,тише воды ниже травы, – велел Джордж. – Если пропустишь еще хоть одну тренировку, Ангелина тебя убьет.

Чтобы встретиться с Кхембридж, Гарри не пришлось ждать урока защиты от сил зла. Только он вошел в сумеречный класс прорицания, уселся в самом дальнем уголке и полез в рюкзак за дневником сновидений, как Рон ткнул его локтем в бок. Гарри обернулся – над люком показался торс профессора Кхембридж. Веселая болтовня сразу

смолкла. Внезапная тишина насторожила профессора Трелони, которая дрейфовала между столиками, раздавая «Толмач сновидений», и она обернулась.

— Добрый день, профессор Трелони, — с широчайшей улыбкой промурлыкала профессор Кхембридж. — Надеюсь, вы получили мою записку? С уведомлением о дне и часе проверки?

Профессор Трелони коротко и очень недовольно кивнула и продолжила раздавать учебники. Профессор Кхембридж, не переставая улыбаться, цапнула за спинку ближайшее кресло и подтащила его к креслу профессора Трелони, чтобы устроиться прямо у нее за спиной. Затем села, достала из цветастой сумки пергамент и выжидательно уставилась перед собой.

Профессор Трелони, у которой подрагивали руки, плотнее запахнулась в свои шали и сквозь мощные линзы очков воззрилась на класс.

— Сегодня мы продолжаем изучать пророческие сновидения, — начала она, храбро пытаясь придать дрожащему голосу мистическое звучание. — Пожалуйста, разделитесь на пары и с помощью «Толмача сновидений» растолкуйте свежие сны друг друга.

Она шагнула было к своему креслу, но, увидев, что рядом сидит профессор Кхембридж, круто свернула влево, к Парвати и Лаванде, уже погрузившимся в обсуждение последнего сна Парвати.

Гарри открыл «Толмач», украдкой наблюдая за Кхембридж. Та вовсю строчила на пергаменте. Пару минут спустя она встала и принялась ходить за Трелони по пятам, внимательно слушая ее разговоры с учениками, а изредка и сама задавая вопросы. Гарри поспешно склонился над книгой.

— Скорей, придумывай сон, — сказал он Рону, — вдруг эта старая жаба подойдет.

— Я в прошлый раз придумывал, — запротестовал Рон, — теперь твоя очередь.

— Прямо не знаю... — безнадежно пробормотал Гарри. В последнее время ему вообще ничего не снилось. — Ну, скажем... мне снилось, что я... утопил Злея в своем кotle. Сойдет?

Рон хрюкнул и тоже открыл «Толмач».

— Так... Надо сложить твой возраст с датой, когда ты видел сон, и прибавить количество букв в теме сна... А что брать-то? «Утопил», «в

котле» или «Злей»?

— Какая разница, бери что угодно. — Гарри отважился обернуться. Профессор Трелони обсуждала с Невиллом его дневник, а профессор Кхембридж стояла у нее за спиной и делала записи.

— Так, еще раз: когда тебе это приснилось? — спросил Рон, с головой ушедший в вычисления.

— Не знаю, вчера, когда хочешь, — ответил Гарри, стараясь расслышать, что говорит Кхембридж профессору Трелони. От него с Роном преподавательниц отнялся всего один столик. Профессор Кхембридж опять что-то записывала, а у профессора Трелони был донельзя обескураженный вид.

— Скажите, — осведомилась Кхембридж, поднимая глаза на прорицательницу, — как давно вы занимаете эту должность?

Профессор Трелони, скрестив на груди руки и нахмурившись, словно защищаясь от унизительной инспекции, помолчала, недовольно уставившись на Кхембридж. Потом она, видимо, решила, что вопрос не настолько оскорбителен, чтобы его можно было с полным правом игнорировать, и обиженно произнесла:

— Почти шестнадцать лет.

— Немало. — Профессор Кхембридж сделала пометку. — Значит, вас нанял на работу профессор Думблэйдор?

— Совершенно верно, — кивнула профессор Трелони.

Профессор Кхембридж сделала еще одну пометку.

— И вы праправнучка знаменитой предсказательницы Кассандры Трелони?

— Да. — Профессор Трелони выше подняла голову.

Снова пометка на пергаменте.

— Но, по-моему, — поправьте меня, если я ошибаюсь, — вы первая в семье после Кассандры наделены Внутренним Взором?

— Такие вещи часто передаются через... э-э... три поколения, — сказала профессор Трелони.

Улыбка на лице профессора Кхембридж стала шире.

— Разумеется, — сладко произнесла она, делая новую запись. — Что ж. Вы не могли бы что-нибудь мне предсказать? Будьте так любезны. — И, не переставая улыбаться, вопросительно подняла глаза на Трелони.

Профессор Трелони вся словно одеревенела, не в силах поверить своим ушам.

— Я вас не понимаю, — сказала она, конвульсивно тиская шали на тощей шее.

— Я попросила вас что-нибудь мне предсказать, — очень отчетливо повторила профессор Кхембридж.

Теперь уже не только Гарри и Рон, а весь класс осторожно, из-за учебников, слушал этот разговор. Большинство зачарованно смотрело на профессора Трелони. Та, зашелестев бусами и браслетами, гордо выпрямилась в полный рост.

— Видения не приходят по команде! — негодующе воскликнула она.

— Понятно, — мягко произнесла профессор Кхембридж, вновь что-то записывая.

— Я... но... но... *подождите!* — неожиданно вскричала профессор Трелони. Она пыталась изобразить загробную таинственность, но гневная дрожь в голосе изрядно портила впечатление. — Я... кажется, я *действительно* что-то вижу... это касается *вас*... о, я чувствую что-то... *темное*... какую-то беду...

Профессор Трелони наставила на Кхембридж трясущийся палец. Та, подняв брови, продолжала ласково улыбаться.

— Боюсь... Боюсь, вам угрожает смертельная опасность! — драматическим шепотом закончила профессор Трелони.

Возникла пауза. Профессор Кхембридж смерила профессора Трелони равнодушным взглядом.

— Понятно, — негромко сказала она и зацарапала на пергаменте. — Что же, если это ваш предел...

И отвернулась. Трелони застыла, тяжело дыша. Гарри переглянулся с Роном и понял, что они оба думают об одном: да, профессор Трелони глупая старая мошенница, но они всецело на ее стороне, потому что до смерти ненавидят Кхембридж, — и эти мысли владели друзьями несколько секунд, пока прорицательница внезапно не напустилась на них.

— Итак? — Профессор Трелони щелкнула длинными пальцами у Гарри перед носом — на удивление оживленно. — Дайте-ка мне взглянуть на ваши дневники.

К тому времени, как Трелони закончила громогласно толковать сны Гарри — и каждый сон, даже тот, где Гарри ел овсянку, предвещал его трагическую безвременную кончину, — он уже не очень-то ей сострадал. Профессор Кхембридж стояла чуть поодаль и делала

записи. Когда зазвонил колокол, она первой спустилась по серебряной лесенке, а через десять минут уже встречала ребят в аудитории защиты от сил зла.

Когда они вошли, Кхембридж, улыбаясь собственным мыслям, что-то напевала про себя. Пока все доставали «Теорию защитной магии», Гарри и Рон поведали вернувшейся с арифмантики Гермионе обо всем, что случилось на прорицании, но она не успела задать ни одного вопроса: профессор Кхембридж призвала класс к порядку. Воцарилась тишина.

— Убрали палочки, — улыбаясь, велела Кхембридж. Оптимисты грустно спрятали их обратно в рюкзаки. — На прошлом уроке мы закончили изучение первой главы. Сейчас я прошу вас открыть учебник на странице девятнадцать и начать читать главу вторую, «Основные защитные теории и их происхождение». Объяснения не потребуются.

Самодовольно улыбаясь, она уселась за свой стол. Класс дружно вздохнул и открыл учебник на странице девятнадцать. Гарри без особого интереса подумал, хватит ли в этой книге глав на весь год, и собирался уже проверить оглавление, но вдруг заметил, что Гермиона опять подняла руку.

Профессор Кхембридж тоже заметила. Более того, оказалось, что на такой случай она выработала специальную тактику. Она не стала делать вид, будто не замечает вытянутой руки. Вместо этого она поднялась из-за стола, подошла к Гермионе, склонилась к ней и тихо-тихо, чтобы не мешать остальным, прошептала:

- Что на этот раз, мисс Грейнджен?
- Я уже читала вторую главу, — сказала Гермиона.
- Читайте третью.
- Ее я тоже уже читала. Я прочла всю книгу.

Профессор Кхембридж удивленно моргнула, но сумела сохранить самообладание.

— Тогда, полагаю, вы сможете пересказать, что говорит Уиляйл о контрпорче в главе пятнадцать.

— Он утверждает, что это название неверное, — ни на секунду не задумавшись, ответила Гермиона. — И что люди называют порчу «контрпорчей» в тех случаях, когда хотят оправдать ее применение.

Профессор Кхембридж подняла брови, и Гарри понял, что она против воли поражена.

– Но я не согласна, – продолжала Гермиона.

Брови профессора Кхембридж поднялись выше, а ее взгляд стал заметно холоднее.

– Не согласны? – переспросила она.

– Нет. – Гермиона, в отличие от Кхембридж, говорила четко и звучно и сумела привлечь внимание всего класса. – Мистер Уиляйл не любит порчу, да? А я считаю, что порча, если применять ее в защитных целях, бывает чрезвычайна полезна.

– Вот как? Вы считаете? – Профессор Кхембридж забыла, что нужно шептать, и выпрямилась во весь рост. – Боюсь вас огорчить, мисс Грейнджен, однако здесь, в классе, нам интересно мнение мистера Уиляяла, а не ваше.

– Но... – начала Гермиона.

– Довольно, – оборвала профессор Кхембридж. Она отошла к своему столу и повернулась к классу. Вся ее веселость сошла на нет. – Мисс Грейнджен, я намерена вычесть пять баллов у колледжа «Гриффиндор».

По рядам побежал ропот.

– За что?! – сердито вскричал Гарри.

– Не влезай! – лихорадочно зашептала Гермиона.

– За нарушение хода занятий посредством не относящихся к делу вопросов, – ровным голосом отвечала профессор Кхембридж. – Я здесь для того, чтобы обучать вас по одобренной министерством программе. Она не предусматривает обсуждение личных мнений учащихся по вопросам, в которых они некомпетентны. Возможно, мои предшественники давали вам больше свобод, но, поскольку ни один из них не прошел бы лицензирования – за исключением, быть может, профессора Страунса, который, по крайней мере, пытался следить за тем, чтобы изучаемые темы соответствовали вашей возрастной группе...

– Да-да, Страунс был великолепным учителем, – громко заявил Гарри, – с одним лишь маленьkim недостатком: из затылка у него торчала физиономия Вольдеморта.

За этим заявлением последовала оглушительнейшая тишина. А затем...

— Мне кажется, мистер Поттер, еще одна неделя наказаний пойдет вам только на пользу, — мурлыкнула Кхембридж.

Порез на руке у Гарри еще не успел зажить и назавтра вновь кровоточил. Накануне вечером, отбывая наказание, Гарри не жаловался — он твердо решил не доставлять Кхембридж такой радости. Снова и снова он писал: «Я никогда не должен лгать», и хотя с каждой буквой порез становился все глубже, Гарри не издал ни единого звука.

Хуже всего в этой истории, как и предсказывал Джордж, оказалась реакция Ангелины. Когда во вторник утром Гарри пришел на завтрак, она загнала его в угол и так истошно заорала, что к ним подошла профессор Макгонаголл.

— Мисс Джонсон, как вы *смеете* шуметь в Большом зале? Минус пять баллов с «Гриффиндора»!

— Но, профессор... Он *снова* получил взыскание! На целую неделю!

— Что?! Это правда, Поттер? — Профессор Макгонаголл круто обернулась к Гарри. — Взыскание? От кого?

— От профессора Кхембридж, — пробормотал Гарри, избегая взгляда профессора Макгонаголл, негодующе смотревшей на него сквозь квадратные очки.

— Вы хотите сказать, — Макгонаголл понизила голос, чтобы не услышали вранзорцы, которые сидели поблизости и уже навострили уши, — что после того, о чем мы с вами говорили в прошлый понедельник, вы опять сорвались на уроке профессора Кхембридж?

— Да, — признался Гарри, обращаясь к полу.

— Поттер, вы обязаны взять себя в руки! Вы так и напрашиваетесь на неприятности! Минус еще пять баллов!

— Но... как же... Профессор, нет! — возмущенный этой несправедливостью, воскликнул Гарри. — Меня и так наказали, зачем же еще и баллы вычитать?

— Затем, что наказания на вас не действуют! — поджав губы, ответила профессор Макгонаголл. — И больше ни слова об этом, Поттер! А вы, мисс Джонсон, на будущее запомните: кричать разрешается только на квидишином стадионе — иначе можете рас простряться с капитанством!

И профессор Макгонаголл решительно направилась к преподавательскому столу. Ангелина с величайшим презрением

посмотрела на Гарри и тоже удалилась, а сам он, кипя от ярости, плюхнулся на скамью рядом с Роном.

– Мне каждый вечер режут руку, а она за это снимает баллы с «Гриффиндора»! Вот скажи, это справедливо? *Справедливо?*

– Да, друг, – сочувственно пробормотал Рон и положил Гарри на тарелку кусок бекона, – это и правда ни в какие ворота.

Гермиона, однако, лишь перелистнула страницу «Оракула» и ничего не сказала.

– Ты, конечно, считаешь, что Макгонаголл права, да?! – сердито крикнул Гарри, обращаясь к портрету Корнелиуса Фуджа на первой полосе.

– Мне очень жаль, что она вычла баллы, но я думаю, она была права, когда советовала не выходить из себя перед Кхембридж, – отвечал голос Гермионы из-за Фуджа, который, яростно жестикулируя, выступал с речью.

Гарри не разговаривал с Гермионой весь урок заклинаний, но после, когда они вошли в класс превращений, мигом забыл о своей обиде: в углу с пергаментом в руках сидела Кхембридж, и при виде нее все, что случилось за завтраком, мгновенно улетучилось у Гарри из головы.

– Отлично, – шепнул Рон, когда они садились на свои места. – Сейчас Кхембридж получит по заслугам.

Вошла профессор Макгонаголл – невозможно было понять, знает ли она, что в классе присутствует профессор Кхембридж.

– Тишина, – сказала профессор Макгонаголл, и воцарилось гробовое молчание. – Мистер Финниган, будьте любезны, подойдите ко мне, раздайте проверенные сочинения... Мисс Браун, пожалуйста, возьмите ящик с мышами... Что за глупости, ничего они вам не сделают! Раздайте всем по одной...

– Кхе-кхем, – кашлянула профессор Кхембридж, прибегнув к тому же дурацкому приему, которым воспользовалась на пирами, чтобы перебить Думблдора. Профессор Макгонаголл не обратила ни малейшего внимания. Шеймас протянул Гарри его сочинение. Тот, не глядя на Шеймаса, забрал свою работу и с облегчением увидел, что каким-то непостижимым образом сумел написать ее «нормально».

– Прошу внимания... Дин Томас! Если вы еще раз сделаете что-нибудь подобное со своей мышью, я наложу на вас взыскание!.. Вы в

большинстве своем научились заставлять исчезать улиток, и даже те, кто не мог до конца справиться с раковинами, поняли, в чем суть заклинания. Поэтому сегодня мы с вами...

— Кхе-кхем, — снова кашлянула профессор Кхембридж.

— Да? — Профессор Макгонаголл развернулась, грозно сведя брови в одну линию.

— Я лишь хотела уточнить, профессор, получили ли вы мою записку с указанием даты и времени проведения провер?..

— Разумеется, получила, в противном случае я давно бы поинтересовалась, что вы делаете у меня на уроке. — Профессор Макгонаголл решительно повернулась к Кхембридж спиной. Многие в классе злорадно переглянулись. — Итак, сегодня мы с вами переходим к значительно более сложному исчезанию мышей. Исчезальное заклинание...

— Кхе-кхем.

— Позвольте осведомиться, — с холодной яростью заговорила профессор Макгонаголл, поворачиваясь к Кхембридж, — как вы собираетесь получить представление о моих методах преподавания, если вы постоянно меня перебиваете? На моих уроках, видите ли, никому не разрешается разговаривать одновременно со мной.

Кхембридж словно ударили по лицу. Она молча разгладила пергаментный лист и принялась лихорадочно строчить.

Профессор Макгонаголл невозмутимо продолжила урок:

— Как я уже сказала, сложность исполнения исчезального заклинания возрастает пропорционально сложности строения животного, которое необходимо заставить исчезнуть. Улитка — беспозвоночное, и работа с ней не представляет особых трудностей; в то время как мышь — млекопитающее, и для ее исчезания требуется значительно больше усилий. Колдовство такого уровня невозможно применить между прочим, размышая о том, что сегодня будет на ужин. Итак, приступим. Как произносится заклинание, вам известно, — давайте посмотрим, что у вас получится.

— И она еще читает мне нотации про то, как нехорошо выходить из себя перед Кхембридж! — еле слышно шепнул Гарри Рону. Впрочем, он улыбался — его злость на профессора Макгонаголл напрочь испарилась.

Профессор Кхембридж не ходила за Макгонаголл по пятам (видимо понимая, что та, в отличие от Трелони, этого не потерпит), зато, тихо сидя в своем углу, постоянно что-то записывала, а когда профессор Макгонаголл закончила урок и велела ребятам собирать вещи, Кхембридж поднялась с весьма суровой гримасой.

— Что ж, для начала неплохо, — хмыкнул Рон, высоко поднимая длинный извивающийся мышиный хвост и бросая его в коробку, с которой Лаванда обходила класс.

Толкаясь в очереди на выход, Гарри увидел, что профессор Кхембридж подошла к учительскому столу, и ткнула Рона в бок. Тот пихнул в бок Гермиону, и все трое стали пропускать вперед других, надеясь подслушать, о чем пойдет разговор.

— Как долго вы работаете в «Хогварце»? — спросила профессор Кхембридж.

— В декабре будет ровно тридцать девять лет, — отрезала профессор Макгонаголл, захлопывая портфель.

Профессор Кхембридж сделала пометку.

— Очень хорошо, — сказала она. — Через десять дней вы получите уведомление о результатах инспекции.

— Жду не дождусь, — с ледяным равнодушием бросила профессор Макгонаголл. — Ну-ка побыстрее, вы, трое, — добавила она, подталкивая Гарри, Рона и Гермиону к двери.

Гарри, не удержавшись, еле заметно улыбнулся ей, и она — он готов был поклясться — еле заметно улыбнулась в ответ.

Гарри был уверен, что не увидит Кхембридж до вечера, но ошибся. Спустившись по склону на урок по уходу за магическими существами, ребята увидели, что вместе с профессором Гниллер-Планк их дожидается главный инспектор и ее пергамент.

— В принципе это не ваш класс, верно? — услышал Гарри, когда все столпились у деревянных козел с пленными лечурками. Те, напоминая груду ожившего хвороста, суетливо копошились в поисках мокриц.

— Совершенно верно, — ответила профессор Гниллер-Планк. Она стояла, заложив руки за спину и покачиваясь на каблуках. — Я заменяю профессора Огрида.

Гарри, Рон и Гермиона обменялись напряженными взглядами. Малфой шептался с Краббе и Гойлом; ясно было, что он только и ждет

повода наговорить про Огрида гадостей представительнице министерства.

– Хмм. – Профессор Кхембридж понизила голос. – Интересно... Знаете, директор проявляет странное нежелание обсуждать эту тему. А *вы* не могли бы проинформировать меня о причинах столь длительного отсутствия профессора Огрида?

Гарри увидел, как на них с любопытством уставился Малфой.

– Боюсь, что не смогу, – беззаботно отозвалась профессор Гниллер-Планк. – Знаю ничуть не больше вашего. Думбльдор прислал сову, спросил, не хотела бы я пару недель преподавать. Я согласилась. Вот и все, что я знаю. Итак... я могу начинать занятие?

– Да, пожалуйста, – сказала профессор Кхембридж, старательно водя пером по пергаменту.

На этом уроке Кхембридж избрала иную тактику. Она расхаживала между учениками и задавала им вопросы о магических существах. Большинство отвечало хорошо, отчего у Гарри чуточку улучшилось настроение: по крайней мере, к Огриду придаться не за что.

– Скажите, – профессор Кхембридж, долго пытавшая Дина Томаса, повернулась к профессору Гниллер-Планк, – как вы, временный преподаватель – иными словами, объективный сторонний наблюдатель, – оцениваете работу «Хогварца»? По вашему мнению, вы получаете от администрации школы необходимую поддержку?

– О да, Думбльдор превосходный директор, – с чувством ответила профессор Гниллер-Планк. – Мне все здесь очень нравится, работа организована просто прекрасно.

Кхембридж, всем своим видом выразив вежливое недоверие, что-то царапнула на пергаменте и продолжила:

– А какой материал вы предполагаете давать в этом году – при условии, разумеется, что профессор Огрид не вернется?

– Ну, покажу им существ, которые чаще всего попадаются на экзаменах на С.О.В.У., – сказала профессор Гниллер-Планк. – Собственно, их и осталось-то немного – единорогов и нюхлей они прошли, так что перейдем к замыкарлам и рюхлям. Кроме того, я хочу научить их распознавать хрупов и сварлей...

– Насколько я вижу, *вы* знаете свой предмет, – перебила профессор Кхембридж и, судя по движению ее руки, поставила на пергаменте

галочку. Гарри очень не понравилось, как она подчеркнула слово «вы». Еще меньше понравился ему вопрос, который она тут же задала Гойлу:

– Мне говорили, в этом классе среди учеников бывали несчастные случаи?

Гойл глупо ухмыльнулся. Малфой поспешил ответить вместо него:

– Да, со мной. Меня поранил гиппогриф.

– Гиппогриф? – переспросила профессор Кхембридж, бешено строча.

– Потому что ему не хватило мозгов послушать, что говорил Огрид! – сердито выкрикнул Гарри.

Рон с Гермионой дружно застонали. Профессор Кхембридж медленно повернула голову к Гарри.

– Думаю, мы прибавим к вашему наказанию еще один денечек, – негромко проговорила она. – Что же, профессор Гниллер-Планк, большое спасибо, кажется, я узнала все, что хотела. Через десять дней вы получите уведомление о результатах инспекции.

– Вот и отличненько, – сказала профессор Гниллер-Планк, и Кхембридж вверх по склону отправилась к замку.

В тот вечер Гарри ушел от Кхембридж уже за полночь. Рука кровоточила так сильно, что на шарфе, которым Гарри ее обмотал, простили пятна. Гарри никак не думал застать кого-нибудь в такое время в общей гостиной, но оказалось, что там его дожидаются Рон и Гермиона. Гарри очень обрадовался – тем более что Гермиона не стала читать мораль, а, наоборот, пожалела его.

– Вот, – она озабоченно подтолкнула к нему миску с желтой жидкостью, – опусти сюда руку. Это маринад из-под щупалец горегубки, должно помочь.

Рука истекала кровью и от боли пульсировала. Гарри сунул ее в миску, и ему мгновенно полегчало. Косолапсус, громко мурлыча, потерся об его ноги, вскочил к нему на колени и улегся там.

– Спасибо, – благодарно сказал Гарри, левой рукой почесывая Косолапсуса за ушами.

– А я все равно считаю, что ты должен пожаловаться, – буркнул Рон.

– Нет, – отрезал Гарри.

– Если бы Макгонаголл про это узнала, она бы с ума сошла...

— Очень может быть, — проговорил Гарри. — Но сколько, по-твоему, времени потребуется Кхембридж, чтобы издать новый декрет — о том, что всякий, кто жалуется на главного инспектора, подлежит немедленному увольнению?

Рон хотел возразить и уже открыл было рот, но, не найдя аргументов, закрыл его, признав тем самым свое поражение.

— Она ужасная женщина, — очень тихо сказала Гермиона. — Ужасная. Когда ты вошел, я как раз говорила Рону... с ней надо что-то делать.

— Я предлагал яд, — мрачно поделился Рон.

— Нет... Я имею в виду, с тем, что она очень плохой преподаватель и из-за нее мы ничему не научимся, — пояснила Гермиона.

— А что мы можем с этим поделать? — зевнул Рон. — Поезд ушел. Ее уже взяли на работу, она никуда не денется. Фудж об этом позаботится.

— Понимаете, — осторожно начала Гермиона, — я тут подумала... — Она боязливо покосилась на Гарри и продолжила: — Подумала, что... наверное, пришло время, когда мы... должны сами.

— Что «сами»? — с подозрением спросил Гарри, полоща руку в маринаде.

— Ну... нам надо учиться защите от сил зла самим, — ответила Гермиона.

— Кончай, — простонал Рон. — Тебе что, уроков не хватает? Ты что, не видишь — мы с Гарри и так не справляемся с домашними заданиями? А сейчас, между прочим, всего-навсего вторая неделя года!

— Но это гораздо важнее домашних заданий, — возразила Гермиона. Рон и Гарри вытаращились на нее.

— А я думал, во вселенной ничего не бывает важнее домашних заданий! — воскликнул Рон.

— Не говори глупостей, конечно, бывает, — сказала Гермиона, и Гарри похолодел, увидев, что ее лицо озарилось вдохновением, наводившим на мысль о П.У.К.Н.И. — Гарри сам говорил на первом уроке Кхембридж, что нам надо готовиться к тому, что нас ждет в жизни, и учиться себя защищать. А если мы пропустим целый год...

— Сами мы не многому научимся, — упавшим голосом сказал Рон. — Можно, конечно, ходить в библиотеку и выискивать в книжках разные проклятия, можно даже, наверное, тренироваться...

– Нет, понятно, что время книжек миновало, – согласилась Гермиона. – Нам нужен учитель, настоящий, который покажет, как пользоваться заклинаниями, и поправит, когда мы что-то сделаем неправильно.

– Если ты про Люпина... – начал Гарри.

– Нет-нет, не про Люпина, – замотала головой Гермиона. – У него масса дел в Ордене, и потом, с ним мы сможем видеться разве что в Хогсмеде, а этого совсем недостаточно.

– А про кого тогда? – недоуменно нахмурился Гарри.

Гермиона очень глубоко вздохнула.

– Неужели непонятно? – спросила она. – Я про *тебя*, Гарри.

Повисло молчание. Оконные стекла за спиной у Рона дребезжали на ночном ветру; пламя в камине угасало.

– Про меня? Чтобы я что? – спросил Гарри.

– Чтобы ты учил нас защите от сил зла.

Гарри в изумлении уставился на нее. А затем повернулся к Рону, рассчитывая обменяться с ним утомленно-досадливыми взглядами, как всякий раз, когда Гермиона придумывала что-нибудь невообразимое, вроде П.У.К.Н.И. Но, к своему ужасу, Гарри не заметил на лице Рона ни досады, ни утомления. Рон, нахмурив лоб, напряженно что-то обдумывал. А потом сказал:

– Идея.

– Какая идея? – спросил Гарри.

– Про тебя, – ответил Рон. – Чтобы ты нас учил.

– Но...

Тут Гарри заулыбался. Эти двое решили над ним подшутить.

– Я же не учитель, я не могу...

– Гарри, по защите от сил зла ты лучший во всей параллели, – сказала Гермиона.

– Я? – Гарри заулыбался еще шире. – Ничего подобного, ты гораздо лучше меня. На всех экзаменах...

– Вообще-то не на всех, – невозмутимо отвечала Гермиона. – В третьем классе – а это единственный год, когда у нас был нормальный учитель, который действительно знал предмет, – ты оказался лучше меня. И вообще, Гарри, я говорю не об экзаменах. Вспомни о том, что ты *сделал!*

– В смысле?

– Знаешь что? Мне такой тупой учитель не нужен, – усмехнулся Рон Гермионе и повернулся к Гарри: – Дай-ка вспомнить. – И он скрчил рожу, изобразив Гойла в глубокой задумчивости. – Так... В первом классе... ты спас философский камень от Сам-Знаешь-Кого...

– Мне просто повезло, – возразил Гарри, – я вовсе ничего не умел...

– Во втором классе, – перебил Рон, – ты убил василиска и уничтожил Реддля.

– Да, но если бы не Янгус, я бы...

– В третьем классе, – еще повысив голос, продолжал Рон, – ты одним махом отогнал штук этак сто дементоров...

– Ты сам знаешь, что это была чистая удача, если бы не времяворот...

– А в прошлом году, – Рон почти орал, – ты победил Сам-Знаешь-Кого *снова*...

– Да послушайте же! – вскричал Гарри, уже сердясь, потому что оба они снисходительно улыбались. – Выслушайте меня, хорошо? Если вот так рассказывать, звучит замечательно, но *мне просто везло*. В половине случаев я вообще не понимал, что творю, я ничего не обдумывал, я делал, что приходило в голову, и потом, почти всегда мне кто-то помогал...

Рон с Гермионой продолжали ухмыляться, и Гарри разозлился – сам не понимал, отчего злится так сильно.

– Нечего тут улыбаться, как будто вы самые умные! Это было со мной, а не с вами! – закричал он. – И мне лучше знать, как это было, ясно? Я выкручивался не потому, что лучше всех знаю защиту от сил зла, а потому... потому что вовремя приходила помошь или я случайно делал то, что нужно... Я ломился вслепую, я понятия не имел... **ХВАТИТ РЖАТЬ!**

Миска с маринадом горегубки упала и разбилась. Гарри обнаружил, что вскочил и стоит возле кресла, но не помнил, как это произошло. Косолапус юркнул под диван. Рон и Гермиона перестали улыбаться.

– *Вы не понимаете, каково это!* Вы не стояли с ним лицом к лицу! Думаете, это так просто: запомнил с десяток заклинаний и выпалил ему в морду? Как на уроке? Там же помнишь об одном: что от смерти тебя спасут только твои мозги, или смелость, или... сам не знаю что –

там же нельзя мыслить трезво, когда понимаешь, что примерно через наносекунду тебя убьют, или начнут пытать, или на твоих глазах замучают твоих друзей, – на уроках не учат, как тут быть, а вы такие тут сидите, как будто я умный мальчик и поэтому остался жив, а вот зато Диггори был дурак и облажался, – вы не понимаете, с тем же успехом мог погибнуть и я, я бы и погиб, просто я был нужен Вольдеморту...

– Ты что, друг, мы ничего такого не думаем, – ошеломленно пролепетал Рон. – Ничего плохого про Диггори мы не... Ты все не так...

И он беспомощно посмотрел на потрясенную Гермиону.

– Гарри, – робко заговорила она, – как ты не понимаешь? Именно затем... именно поэтому ты нам и нужен... мы должны знать, к-каково это... смотреть ему... смотреть в глаза В-вольдеморту.

Она впервые в жизни произнесла имя Вольдеморта, и это сразу успокоило Гарри. Тяжело дыша, он рухнул в кресло; рука опять сильно болела. Угораздило же его разбить миску с маринадом!

– В общем... ты подумай над этим, – тихо попросила Гермиона. – Пожалуйста.

Гарри не знал, что сказать. Ему уже было стыдно за свою вспышку. Он кивнул, не очень понимая, на что, собственно, соглашается.

Гермиона встала.

– Ну, я иду спать, – сказала она как можно естественнее. – Эмм... спокойной ночи.

Рон тоже встал.

– Ты идешь? – неловко спросил он Гарри.

– Да, – ответил Гарри. – Через... минутку. Только приберу здесь.

Он показал на разбитую миску. Рон кивнул и пошел к лестнице.

– Репаро, – пробормотал Гарри, направив волшебную палочку на фарфоровые черепки. Те молниеносно соединились, и миска стала как новенькая, только пустая.

Гарри внезапно так устал, что возникло искушение никуда не ходить и спать в кресле, но он заставил себя встать и пойти за Роном. Ночью ему вновь снились длинные коридоры и запертые двери, а утром, когда он проснулся, шрам опять неприятно покалывало.

Глава шестнадцатая

В «Башке борова»

Прошло две недели, а Гермиона ни разу не заговаривала об уроках защиты от сил зла. Прежде чем эта тема возникла вновь, Гарри успел отбыть наказание у Кхембридж (и теперь сомневался, что след когда-нибудь полностью сойдет с его руки), Рон пережил еще четыре квидишиные тренировки (и на двух последних на него даже не орали), и все трое научились растворять в воздухе мышей (а Гермиона уже перешла к котятам). Как-то в конце сентября, ненастным вечером, когда они сидели в библиотеке, по заданию Злея выискивая сведения об ингредиентах одного зелья, Гермиона неожиданно спросила:

– Я хотела узнать, Гарри, ты думаешь об уроках защиты от сил зла?
– Конечно, думаю, – недовольно буркнул Гарри, – как о них не думать, с этой старой дурой...
– Я говорю о нашем с Роном предложении. – Рон метнул на нее тревожно-предостерегающий взгляд, а она в ответ нахмурилась: – Ну хорошо, о *моем* предложении, чтобы ты давал нам уроки.

Гарри ответил не сразу, притворившись, будто не может оторваться от учебника «Азиатские антидоты к ядам животного происхождения». Он не хотел признаваться, что у него на уме.

За последние две недели он очень много об этом думал. Порой идея казалась ему безумной, но порой он вдруг ловил себя на странных мыслях – например, о том, какие заклинания больше всего пригодились ему при столкновениях с силами зла и Упивающимися Смертью... То есть фактически подсознательно готовился к урокам.

– Ну, – протянул он, когда притворяться, что «Азиатские антидоты» вызывают у него живейший интерес, стало неудобно, – в общем... я думал, да.

– И? – живо спросила Гермиона.
– Я не знаю, – стараясь выиграть время, сказал Гарри и поглядел на Рона.

— А вот мне нравится. — Рон, убедившись, что Гарри не собирается на них кричать, подключился к разговору с готовностью.

От неловкости Гарри заерзal в кресле:

— А вы помните, что я говорил? Что во многом это было везение?

— Да, Гарри, помним, — мягко ответила Гермиона, — но все-таки не надо делать вид, будто ты ничего не умеешь, потому что это не так. В прошлом году ты один смог противостоять проклятию подвластия, ты умеешь вызывать Заступника и делать такое, что не под силу даже взрослым колдунам. Виктор всегда говорил...

Рон развернулся так резко, что у него хрустнула шея. Потирая ее, Рон сардонически осведомился:

— Так-так? И что же говорил наш дорогой Викки?

— Ха-ха, — со скукой сказала Гермиона. — Он говорил, что не умеет делать того, что умеет Гарри, а ведь он тогда уже заканчивал школу.

Рон подозрительно уставился на Гермиону:

— Ты с ним, случайно, не переписываешься?

— А если и да, то что? — невозмутимо спросила Гермиона — впрочем, немного покраснев. — Я что, не могу переписываться с друзьями?

— Он метит не просто в друзья, — упрекнул ее Рон.

Гермиона сердито покачала головой и, не обращая внимания на Рона, гневно сверлившего ее взглядом, обратилась к Гарри:

— Ну, так как? Ты согласен нас учить?

— Тебя и Рона?

— Понимаешь, — Гермиона опять чуточку смущилась, — я думаю... только, Гарри, не вставай сразу на дыбы, ладно? Я думаю, ты должен учить всех, кто захочет. Тут ведь речь о том, чтобы научиться защищаться от В-вольдеморта. Ой, Рон, не делай такое лицо! Нечестно лишить других такого шанса.

Гарри поразмыслил над ее словами, а потом сказал:

— Да, только я сомневаюсь, что, кроме вас двоих, кто-нибудь захочет у меня учиться. Я же псих, забыли?

— Ты удивишься, сколько народу хочет тебя послушать, — серьезно ответила Гермиона. — Значит, так, — она наклонилась к Гарри, и Рон, мрачно смотревший на нее из-под нахмуренных бровей, тоже склонился ближе, — в первые выходные октября поход в Хогсмед, да?

Скажем всем, кому это интересно, и встретимся с ними в деревне. Там все и обсудим.

– А почему не в школе? – спросил Рон.

– Потому что, – объяснила Гермиона, возвращаясь к китайской каверзной капусте, которую она пересовывала из книги, – вряд ли Кхембридж придет в восторг от наших занятий.

Гарри очень ждал выходных и похода в Хогсмед, но его беспокоила одна вещь. С начала сентября, со своего появления в камине, Сириус хранил молчание. Крестный обиделся, что они не захотели встречаться с ним в Хогсмеде, это понятно – но все-таки Гарри время от времени тревожился. Вдруг Сириус, отбросив осторожность, объявитя в деревне? Что делать, если им навстречу бросится огромный черный пес? А если это случится на глазах у Драко Малфоя?

– Знаешь, немудрено, что ему изредка хочется вырваться на волю, – заметил Рон, когда Гарри поделился своими страхами с ним и Гермионой. – Конечно, он целых два года был в бегах, это тоже не сахар, я понимаю, но он хоть был на свободе! А теперь бедняга все равно что в тюрьме с этим кошмарным эльфом.

Гермиона скроила недовольное лицо, но в остальном не отреагировала на неуважение к Шкверчку.

– Беда в том, – сказала она Гарри, – что пока В-вольдеморт… ой, Рон, я тебя умоляю!.. не выступит в открытую, Сириус вынужден прятаться. Наше тупое министерство признает, что Сириус невиновен, только когда согласится, что Думблдор говорил о нем правду. И только когда эти идиоты начнут ловить настоящих Упивающихся Смертью, станет ясно, что Сириус не из них… Прежде всего у него нет Знака.

– Не дурак же он – появляться в Хогсмеде, – ободрил друзей Рон. – Думблдор бы жутко разозлился, а Сириус его слушается, хоть ему это и не по нраву.

Но Гарри все равно тревожился, и Гермиона сказала:

– Мы тут с Роном поговорили кое с кем – с теми, кто вроде должен был захотеть учиться настоящей защите от сил зла, – и пара-тройка людей заинтересовались. Мы сказали, чтоб они нашли нас в Хогсмеде.

– Хорошо, – думая о Сириусе, неопределенно ответил Гарри.

– Гарри, перестань волноваться, – тихо посоветовала Гермиона. – Тебе и без Сириуса забот хватает.

И она, разумеется, была совершенно права: он едва успевал справляться с домашними заданиями; теперь, правда, не приходилось тратить все вечера, отбывая наказание у Кхембридж, и дело пошло чуть полегче. Рон, на котором лежали обязанности старосты, к тому же вместе с Гарри тренировался два раза в неделю и отставал еще сильнее. Зато Гермиона, изучавшая намного больше предметов, не только вовремя выполняла задания, но и находила время вязать эльфам одежду. Гарри был вынужден признать, что она достигла значительных успехов: теперь шапочки почти всегда можно было отличить от носков.

В день похода в Хогсмед утро выдалось ясное, но ветреное. После завтрака все выстроились в очередь к Филчу, который проверял, указаны ли их фамилии в списке учащихся, имеющих разрешение родителей или опекунов на поход в деревню. Гарри слегка кольнуло в сердце: если бы не Сириус, он бы вообще никуда не смог сегодня пойти.

Когда Гарри дошел до Филча, тот зашевелил носом, будто что-то вынюхивая, а затем коротко кивнул, отчего дряблые щеки мелко затряслись. Миновав Филча, Гарри вышел на каменное крыльцо, навстречу холодному солнечному дню и вместе с Роном и Гермионой по широкой дороге быстро зашагал к воротам.

– А почему Филч тебя обнюхал? – спросил Рон.

– Наверно, проверял, не пахнет ли от меня навозными бомбами, – усмехнулся Гарри. – Я забыл вам рассказать... – И он поведал о том, как, едва он отоспал сову к Сириусу, в совяльню ворвался Филч и потребовал показать письмо.

Гарри немного удивило, что Гермиона так заинтересовалась – он-то сам не счел эту историю особо увлекательной.

– Он сказал, что его уведомили, будто ты хочешь заказать навозные бомбы? Но кто?

– Понятия не имею, – пожал плечами Гарри. – Может, Малfoy? Шуточка в его стиле.

Они миновали высокие каменные колонны с боровами наверху и свернули налево, на дорогу в Хогсмед. Дул ветер, и волосы лезли им в глаза.

– Малfoy? – скептически повторила Гермиона. – Хм... м-да... возможно.

До самой деревни она пребывала в глубокой задумчивости.

– А куда мы вообще идем? – спросил Гарри. – В «Три метлы»?

– Ой! Нет, – очнулась Гермиона, – нет, там всегда полно народу и очень шумно. Я сказала всем, чтобы приходили в другой паб, знаешь, тот, что не на главной дороге, – в «Башку борова». Конечно, местечко это... сам понимаешь... *сомнительное*... зато школьников там не бывает и никто нас не подслушает.

Они прошли по главной дороге мимо «Хохмазина Зонко», где, вполне естественно, увидели Фреда, Джорджа и Ли Джордана, миновали почту, откуда регулярно вылетали совы, и свернули в переулок, где в самом начале стоял небольшой трактир. Над входом на ржавом металлическом кронштейне висела обшарпанная деревянная вывеска с изображением отрубленной кабаньей головы, из которой на белую скатерть текла кровь. Вывеска на ветру поскрипывала. Гарри, Рон и Гермиона нерешительно замерли перед дверью.

– Ну пошли, – чуть дрогнувшим голосом сказала Гермиона. Гарри первым шагнул внутрь.

Ничто здесь не походило на просторный зал «Трех метел», по-домашнему уютный и сверкавший чистотой. «Башка борова» оказалась тесной, убогой, очень грязной комнатушкой, где стоял острый, крепкий дух – не исключено, что козлиный. Залапанные окна почти не пропускали дневного света; на неструганых деревянных столах торчали свечные огарки. Пол на первый взгляд казался земляным, но, ступив на него, Гарри понял, что под вековыми наслоениями грязи скрывается камень.

Гарри вспомнил, что в первом классе Огрид рассказывал, как ему удалось выиграть драконье яйцо у незнакомца в капюшоне: «В “Башке борова” полно чудиков», пояснил он. Тогда Гарри не понял, почему Огриду не показалось странным, что его собеседник за весь разговор ни разу не снял капюшона, но теперь выяснилось, что для здешней публики это вполне нормально. У барной стойки сидел человек, с головой, целиком обмотанной грязными серыми бинтами, – не считая узкой щели на месте рта, сквозь которую забинтованный то и дело вливал в себя дымящуюся, смертоносную на вид жидкость. За столиком у окна выпивали двое в капюшонах – если бы не сильный йоркширский акцент, Гарри непременно принял бы этих людей за дементоров, – а в самом темном углу ютилась какая-то ведьма. Она

была с ног до головы укутана густой черной вуалью, и виднелся только нос – он слегка из-под вуали выпирал.

– Ну, я не знаю, Гермиона, – пробормотал Гарри, когда они подошли к стойке, и подозрительно посмотрел на таинственную ведьму. – Тебе не приходило в голову, что под этой тряпкой может оказаться Кхембридж?

Гермиона оглядела загадочную фигуру под вуалью и тихо ответила:

– Кхембридж ниже. А потом, даже если это она, она ничего не может нам сделать. Я сто раз перепроверила школьные правила – мы ничего не нарушаем. Я специально спрашивала у Флитвика, можно ли школьникам посещать «Башку борова», и он сказал да – правда, настоятельно советовал приносить свои стаканы. И еще, я выискала все, что можно, о школьных кружках и о группах подготовки домашних заданий – это точно разрешено. Мне просто кажется, что не стоит наши занятия *афишировать*.

– Да уж, – сухо сказал Гарри, – тем более что мы вовсе не домашние задания будем делать.

Из комнаты за стойкой выскоцилзнул бармен – высокий, худой, сердитый старик с длинными седыми волосами и бородой. Гарри он показался смутно знакомым.

– Вам чего? – буркнул старик.

– Три усладэля, пожалуйста, – попросила Гермиона.

Старик полез под барную стойку, вытащил три очень пыльных и грязных бутылки и шваркнул ими о прилавок.

– Шесть сиклей, – объявил он.

– Я заплачу, – сказал Гарри и торопливо отдал деньги. Бармен смерил Гарри взглядом, и его глаза на долю секунды задержались на шраме. Затем, отвернувшись, он убрал деньги в старинную деревянную кассу – ящичек при приближении монет открылся автоматически. Гарри, Рон и Гермиона прошли к самому дальнему столику, сели и стали осматриваться. Забинтованный человек постучал костяшками по стойке и немедленно получил от бармена еще один дымящийся кубок.

– Знаете что? – Рон вдохновенно поглядел на бар. – Мы тут можем заказать все что хотим. Этот тип продаст нам что угодно, ему явно до лампочки. Всегда хотел попробовать огневиски...

– Ты – же – староста! – грозно отчеканила Гермиона.

— А, — радостная улыбка сошла с лица Рона, — да...

— Так кто, вы сказали, придет? — спросил Гарри, открутив пробку и сделав глоток.

— Так, пара-тройка людей, — повторила Гермиона, беспокойно глянув на часы, а затем на дверь. — Я сказала, чтоб они приходили примерно в это время... Должны же они знать, где находится «Башка борова»... А, смотрите, вот, кажется, и они.

Дверь отворилась. На мгновение широкая пыльная полоса солнечного света разделила помещение надвое — и сразу исчезла, поскольку в дверной проем потянулась толпа.

Первыми вошли Невилл, Дин и Лаванда. Следом Парвати и Падма Патил, а с ними (у Гарри екнуло сердце) Чо с одной из своих смешливых подружек. Затем (отдельно от остальных и с таким мечтательным видом, будто забрела сюда по ошибке) Луна Лавгуд. Затем Кэти Белл, Алисия Спиннет, Ангелина Джонсон, Колин и Деннис Криви, Эрни Макмиллан, Джастин Финч-Флетчи, Ханна Аббот и девочка из «Хуффльпuffa» с длинной толстой косой (ее Гарри не знал), три мальчика из «Вранзора» (их вроде бы звали Энтони Голдштейн, Майкл Корнер и Терри Бут), Джинни и по пятам за ней высокий тощий светловолосый парнишка со вздернутым носом — кажется, игрок квидишной команды «Хуффльпuffa». Замыкали шествие близнецы Уизли и их друг Ли Джордан; все трое тащили большие бумажные пакеты, доверху набитые хохмазинными товарами.

— Пара людей? — повернулся к Гермионе Гарри. От волнения он охрип. — *Пара людей?*

— Ну а что? Идея много кому понравилась, — ответила довольная Гермиона. — Рон, не принесешь еще стульев?

Бармен, протирающий стакан тряпкой — такой грязной, словно ее никогда-никогда не стирали, — замер; возможно, в его заведении еще не бывало подобного аншлага.

— Салют, — сказал Фред, первым подходя к стойке и быстро пересчитывая своих товарищей, — будьте добры... двадцать пять усладэлей, пожалуйста.

Бармен смерил Фреда негодящим взглядом, а затем, раздраженно бросив тряпку, словно его оторвали от очень важного дела, начал доставать из-под прилавка пыльные бутылки.

— Пейте на здоровье, — говорил Фред, раздавая бутылки. — Ну-ка, детишки, скинулись, я не такой богач, столько не наберу...

Гарри оторопело смотрел, как вся эта гомонящая братия принимает у Фреда напитки и роется в карманах в поисках мелкой монеты. Непонятно, зачем все они сюда явились; затем его посетила кошмарная мысль, что от него, наверное, ждут какой-то речи. Он в ужасе повернулся к Гермионе.

— Что ты им сказала? — тихонько спросил он. — Чего они ждут?

— Я же говорила, они просто хотят тебя послушать, — успокоила его Гермиона; впрочем, Гарри смотрел на нее с такой яростью, что она тут же добавила: — Можешь пока ничего не говорить — сначала я сама.

— Привет, Гарри, — просиял Невилл и уселся напротив.

Гарри слабо улыбнулся в ответ, но сказать ничего не смог — рот пересох от волнения. Что молча улыбнулась ему и села справа от Рона, а ее златовласая подруга посмотрела на Гарри хмуро и в высшей степени недоверчиво. Было ясно, что по своей воле она бы ни за что сюда не пришла.

Все подходили по двое или по трое и устраивались вокруг Гарри, Рона и Гермионы — одни откровенно предвкушали, другие смотрели с любопытством. Луна Лавгуд мечтательно вперилась в пространство. Наконец все подтащили стулья, уселись, и гвалт стих. Все уставились на Гарри.

— Кхм, — начала Гермиона. Она нервничала и говорила пронзительнее обычного. — Э-э... мmm... здравствуйте.

Теперь все смотрели на нее, хотя то и дело метали на Гарри быстрые взгляды.

— Вы все... э-э... знаете, зачем мы здесь собирались. Э-э... В общем, у Гарри родилась мысль, — (Гарри пронзительно на нее посмотрел), — точнее, у меня родилась мысль... что было бы неплохо, если бы те, кто хочет изучать защиту от сил зла... Я имею в виду, настоящую защиту, а не то, чем мы занимаемся с Кхембридж, — голос Гермионы вдруг уверенно окреп, — потому что это не защита от сил зла, а полная ерунда. — («Золотые слова» — отметил Энтони Гольдштейн, и Гермиона воспрянула духом.) — Короче говоря, я подумала, что мы должны взять дело в свои руки. — Она помолчала, искоса поглядела на Гарри и продолжила: — Я имею в виду — самостоятельно обучаться методам самозащиты, не в теории, а на практике...

– Небось ты хочешь еще и С.О.В.У по защите получить? – перебил Майкл Корнер.

– Конечно, – сразу ответила Гермиона. – Но еще я хочу научиться защищаться, теперь... теперь... – Она глубоко вдохнула и решительно закончила: – Когда Вольдеморт возродился.

Реакция собрания была незамедлительной и вполне предсказуемой. Подруга Чо вскрикнула и пролила на себя уладэль, Терри Бут непроизвольно скривился, Падма Патил содрогнулась, а Невилл взвизгнул, сумев, впрочем, сделать вид, что поперхнулся. Однако все смотрели на Гарри – не отрываясь, даже увлеченно.

– В общем... таков наш план, – сказала Гермиона. – Если вы хотите учиться вместе с нами, надо решить, как мы будем...

– А где доказательства, что Сами-Знаете-Кто вернулся? – довольно агрессивно перебил блондин из хуффльпуффской квидишной команды.

– Во-первых, в это верит Думблдор... – начала Гермиона.

– В смысле Думблдор верит *ему*. – Блондин кивнул на Гарри.

– А ты вообще кто? – не слишком вежливо осведомился Рон.

– Захария Смит, – представился мальчик. – По-моему, мы имеем право знать, почему он так уверен, что Сами-Знаете-Кто вернулся.

– Послушайте, – торопливо вмешалась Гермиона, – мы собирались не затем, чтобы обсуждать...

– Все нормально, Гермиона, – сказал Гарри.

До него вдруг дошло, почему явилось столько народу. Уж Гермиона могла бы догадаться, подумал он. Кое-кто – а вполне возможно, что и большинство, – пришел лишь потому, что рассчитывал услышать историю о возвращении Вольдеморта из первых уст.

– Почему я уверен, что Сами-Знаете-Кто вернулся? – спросил он, глядя Захарии в глаза. – Потому что я сам видел. Но в прошлом году Думблдор все вам рассказал, и если вы не верите ему, значит, не верите и мне, а я никого ни в чем убеждать не намерен.

Стоило Гарри заговорить, все как один затаили дыхание. Кажется, прислушался даже бармен. Он без устали тер грязной тряпкой один и тот же стакан, отчего стекло с каждой минутой становилось все грязнее.

Захария безапелляционно продолжал:

– Думблдор сказал только, что Седрика Диггори убил Сам-Знаешь-Кто, а ты доставил тело в «Хогварц». Мы не знаем

подробностей, ни как именно убили Диггори, ничего, а я думаю, нам всем...

– Если вам всем интересно, как Вольдеморт убивает, я ничем не могу помочь, – отрезал Гарри. В нем опять закипал гнев – в последнее время он всегда был на грани кипения. Гарри твердо решил не смотреть на Чо и не сводил глаз с дерзкой физиономии Захарии Смита. – Я не собираюсь говорить о Седрике Диггори, это понятно? Так что если вы пришли за этим, смело можете уходить.

Он метнул яростный взгляд на Гермиону. Это все она виновата! Выставила его на всеобщее обозрение как циркового уродца! Понятно, чего им всем надо, – пришли послушать его новые бредни! Однако никто и не думал уходить, даже Захария Смит, хотя он и продолжал сверлить Гарри взглядом.

– Итак, – заговорила Гермиона, вновь тонким от волнения голосом, – итак... как я уже сказала... если вы хотите учиться защите от сил зла, надо решить, где, когда и как мы будем заниматься...

– А правда, – перебила девочка с длинной косой, глядя на Гарри, – что ты умеешь вызывать Заступника?

Все взволнованно зашумели.

– Да, – слегка напрягся Гарри.

– Овеществленного Заступника?

Где-то Гарри это уже слышал.

– Ты... ты, случайно, не знакома с мадам Боунс? – спросил он.

Девочка улыбнулась:

– Это моя тетя. Меня зовут Сьюзен Боунс. Тетя мне рассказывала о дисциплинарном слушании. Так это правда? У тебя Заступник – олень?

– Да, – подтвердил Гарри.

– Ничего себе, Гарри! – потрясенно воскликнул Ли. – Я и не знал!

– Мама не велела Рону болтать. – Фред, поглядев на Гарри, ухмыльнулся: – Сказала, тебе и без того хватает внимания.

– Что верно, то верно, – промямлил Гарри, и кое-кто рассмеялся.

Таинственная ведьма под вуалью слегка поерзала.

– И ты правда убил василиска мечом из кабинета Думблдора? – вопросил Терри Бут. – Это мне один портрет рассказал, когда я там был в том году...

– Да, правда, – кивнул Гарри.

Джастин Финч-Флетчи присвистнул, братья Криви ошеломленно переглянулись, а Лаванда Браун тихо воскликнула: «Ого!» Гарри вдруг сделалось очень жарко под воротником. Он изо всех сил старался не смотреть на Чо.

— А в первом классе, — сообщил всем Невилл, — он спас филологический камень…

— Философский, — прошипела Гермиона.

— Ну да, его… от Сами-Знаете-Кого, — закончил Невилл.

Глаза Ханны Аббот стали круглыми, как галлеоны.

— Не говоря уже, — добавила Чо (Гарри рискнул на нее взглянуть; Чо открыто улыбалась ему, и сердце у него опять исполнило сальто), — обо всем, с чем он столкнулся на Тремудром Турнире: драконы, русалиды, акромантлы…

Все согласно забормотали. Внутри у Гарри все сжалось, и он постарался скроить скромную мину. После того, как его похвалила Чо, ему было гораздо, гораздо труднее сказать то, что он обязательно хотел сказать.

— Слушайте, — начал он, и все сразу замолчали, — я… не подумайте, я не прибедняюсь, но… мне всегда кто-то помогал…

— С драконом — никто, — немедленно возразил Майкл Корнер. — Летал-то ты сам! Кстати говоря, здорово летал…

— Да, но… — пробормотал Гарри, не желая на пустом месте упрямиться.

— И летом никто не помогал тебе с дементорами, — вставила Сьюзен Боунс.

— Не помогал, — согласился Гарри. — Нет, конечно, что-то я делал сам, но я другое хочу сказать…

— Хорош юлить, ты умеешь, а мы что, рыжие? — перебил Захария Смит.

— Слыши, друг, у меня идея, — громко объявил Рон, не успел Гарри открыть рот, — давай ты заткнешься, ага?

Взбесило ли Рона слово «рыжие» или какое другое, непонятно, однако на лице его было написано, что он умирает от желания съездить Захарии по морде. Тот вспыхнул и заворчал:

— А чего он, мы пришли учиться, а он теперь говорит, что ничего не умеет.

— Ничего подобного он не говорит, — свирепо сказал Фред.

— Может, тебе ушки прочистить? — предложил Джордж, доставая из хохмазинного пакета длинный и страшный металлический инструмент.

— А можем и не только ушки, нам без разницы, куда это засунуть, — добавил Фред.

— Все, — заторопилась Гермиона, — идем дальше... Прежде всего давайте договоримся: все согласны брать у Гарри уроки?

В ответ раздалось невнятное утвердительное бормотание. Захария, скрестив руки на груди, молчал — может, потому что отвлекся на металлический инструмент Джорджа.

— Хорошо. — В голосе Гермионы звучало явное облегчение: хотя бы один вопрос наконец решен. — Тогда надо договориться, как часто мы будем собираться. По-моему, реже раза в неделю смысла нет...

— Минуточку, — перебила Ангелина, — только надо так, чтобы собрания не совпадали с нашими квидишными тренировками.

— Да, — кивнула Чо, — и с нашими тоже.

— И с нашими, — добавил Захария Смит.

— Я думаю, мы найдем время, которое устроит всех, — с легким раздражением сказала Гермиона, — но вы ведь понимаете, насколько это важно? Мы учимся защищаться от приспешников В-вольдеморта, от Упивающихся Смертью...

— Правильно! — неожиданно бухнул Эрни Макмиллан — а Гарри-то уже удивлялся, почему тот до сих пор безмолвствует. — Лично я думаю, это важнее всего остального, может, даже важнее экзаменов на С.О.В.У.!

Он с вызовом огляделся, точно ожидая, что кто-нибудь закричит: «Как это важнее?!» Все промолчали, и Эрни продолжил:

— Лично я вообще не понимаю, как могло министерство в такое сложное время навязать нам такого бесполезного преподавателя! Им неохота признавать, что Сами-Знаете-Кто вернулся, это понятно, но все равно, присылать учителя, который *нарочно* не дает нам учить защитные заклинания...

— Нам кажется, Кхембридж не хочет, чтобы мы умели защищаться, — сказала Гермиона, — из-за... бредовых опасений, будто Думбльдор собирает из учащихся «Хогварца» собственную армию. Кхембридж боится, что он бросит нас на штурм министерства.

Все ошарашенно вытаращились — все, кроме Луны Лавгуд, которая заявила:

– Ну а что? Похоже на правду. В конце концов, у Корнелиуса Фуджа есть ведь своя армия.

– А? – спросил Гарри, совершенно обескураженный этой нежданной новостью.

– Да-да, у него есть армия гелеопатов, – серьезно закивала Луна.

– Нет у него никакой армии, – досадливо бросила Гермиона.

– Нет, есть, – упорствовала Луна.

– Кто такие гелеопаты? – растерялся Невилл.

– Духи огня, – объяснила Луна. Она выпучила и без того выпуклые глаза, отчего больше прежнего смахивала на полуумную. – Высоченные такие огненные существа, они скачут и все выжигают на своем...

– Их не бывает, Невилл, – поджав губы, перебила Гермиона.

– Нет, бывает! – рассердилась Луна.

– Прошу прощения, но где доказательства? – сурово осведомилась Гермиона.

– Полно свидетельств очевидцев! А если ты такая узколобая, что тебя непременно нужно носом ткнуть, то...

– Кхе-кхем, – вмешалась Джинни, так удачно изобразив профессора Кхембридж, что кое-кто в страхе оглянулся, а потом засмеялся. – Мы вроде хотели решить, как часто будем проводить уроки?

– Ах да, – опомнилась Гермиона, – конечно, Джинни, ты права.

– По-моему, раз в неделю вполне нормально, – сказал Ли Джордан.

– Если только... – начала было Ангелина.

– Да-да, про квидиш мы помним, – раздраженно кивнула Гермиона. – И еще. Надо решить, где мы будем собираться...

Этот вопрос оказался потруднее; все примолкли.

– В библиотеке? – после паузы предложила Кэти.

– Вряд ли мадам Щипц обрадуется, если мы начнем наводить порчу в библиотеке, – заметил Гарри.

– Может, в пустом классе каком-нибудь? – подал голос Дин.

– Точно! – воскликнул Рон. – Макгонаголл нам разрешит. Она же пустила к себе Гарри к Турниру готовиться.

Но Гарри был практически уверен, что на сей раз профессор Макгонаголл не проявит гостеприимства. Что бы ни говорила

Гермиона про школьные кружки, он подозревал, что их собрания слишком чреваты бунтом.

— Ладно, придумаем что-нибудь, — сказала Гермиона. — Как только выберем время и место для первого собрания, мы всем сообщим.

Она порылась в рюкзаке, достала пергамент и перо и замялась, будто набираясь храбрости.

— А теперь… я думаю, мы все должны подписаться, просто чтобы мы знали, кто был на собрании. Кроме того, я считаю, — она сделала глубокий вдох, — что надо уговориться не кричать об этом на каждом углу. Поставив свою подпись, вы обязуетесь не рассказывать о нашем обществе Кхембридж и вообще никому.

Фред тут же потянулся к пергаменту и живо поставил автограф, но перспектива подписывать какой-то документ обрадовала отнюдь не всех.

— Ммм… — промычал Захария, делая вид, что не замечает пергамента, который Джордж пытался ему всучить, — я… мне Эрни скажет, когда, где и что.

Но Эрни тоже колебался. Гермиона поглядела на него, высоко подняв брови.

— Я… мы же *старосты*, — выпалил Эрни. — А если этот список найдут… То есть… Ты сама говоришь, если Кхембридж узнает…

— Пять минут назад ты утверждал, что нет ничего важнее этого общества, — напомнил ему Гарри.

— Я… да, — кивнул Эрни, — я действительно так думаю, но…

— Эрни, по-твоему, я оставлю этот список валяться где попало? — презрительно спросила Гермиона.

— Нет. Конечно нет, — с некоторым облегчением замотал головой Эрни. — Я… Да, конечно, я подпишу.

После Эрни никто больше не высказывал никаких возражений, хотя Гарри заметил, что златовласая девица, перед тем как поставить подпись, посмотрела на Чо с укором. Когда подписался последний человек — Захария, — Гермиона аккуратно спрятала пергамент в рюкзак. Всем вдруг стало неуютно — их будто связал тайный контракт.

— Ладно, часики-то тикают, — бодро сказал Фред и вскочил. — Нам с Ли и Джорджем надо еще приобрести кое-что секретное. До скорого, ребятки!

По двое, по трое все стали расходиться. Чо долго возилась с замочком на рюкзаке, пряча лицо за длинными черными волосами, но ее подруга топтала рядом, скрестив руки и недовольно щекая языком, и в конце концов Чо пришлось уйти с ней, словно под конвоем. В дверях Чо обернулась и помахала Гарри.

— Что ж, кажется, все прошло удачно, — радостно сказала Гермиона, когда через пару минут они с Гарри и Роном вышли из «Башки борова» на яркий солнечный свет. Гарри и Рон допивали усладэль.

— Захария этот — редкостный козел. — Рон мрачно прищурился вслед смутной фигуре Смита вдалеке.

— Мне он тоже не очень понравился, — согласилась Гермиона, — но он случайно услышал, как я разговаривала с Эрни и Ханной за хуффльпуффским столом, и очень захотел прийти. Что мне было делать? К тому же чем больше народу, тем лучше... Например, Майкл Корнер с друзьями не пришли бы, если бы он не гулял с Джинни...

Рон, пытавшийся выщедить из бутылки последние капли усладэля, поперхнулся и все выплюнул себе на мантию.

— ЧТО?! Он с Джинни? — Рон зашелся от возмущения, и его уши сделались похожи на куски сырого мяса. — Джинни встречается... моя сестра встречается... то есть что, с этим Майклом?

— Да, поэтому-то они с друзьями и пришли... Я так думаю. То есть они, конечно, хотят учиться защите от сил зла, но если бы не Джинни...

— И когда же... Когда она?..

— Они подружились на рождественском балу, а в конце прошлого года начали встречаться, — невозмутимо объяснила Гермиона. Они свернули на Высокую улицу, и она остановилась у магазина письменных принадлежностей Шкрябенштюка, глядя на красивую выкладку фазаных перьев в витрине. — Хмм... Пожалуй, мне бы не помешало новое перо.

Она зашла в магазин. Гарри и Рон последовали за ней.

— А который из них Майкл Корнер? — свирепо спросил Рон.

— Темноволосый, — ответила Гермиона.

— Мне он не понравился, — тотчас объявил Рон.

— Кто бы сомневался, — вполголоса буркнула Гермиона.

— Но, — продолжал Рон, бродя по пятам за Гермионой вдоль медных горшков с перьями, — я думал, что Джинни влюблена в Гарри!

Гермиона окинула его жалостливым взглядом и покачала головой:

– Это было раньше. А теперь она про Гарри и думать забыла. Нет, ты ей, конечно, все равно нравишься, – рассматривая длинное чернозолотое перо, утешительно кивнула она Гарри.

Гарри был не в силах забыть о Чо и о том, как она помахала ему на прощание, и интересовался разговором гораздо меньше Рона, которого от негодования попросту тряслось. Тем не менее слова Гермионы неожиданно все расставили по местам.

– Так она поэтому теперь при мне разговаривает? – спросил он у Гермионы. – Раньше она всегда молчала.

– Именно, – кивнула Гермиона. – Пожалуй, я возьму вот это...

Она подошла к прилавку и протянула продавцу пятнадцать сиклей и два кнуда. Рон, не отставая, дышал ей в затылок.

– Рон, – сурово произнесла Гермиона, повернувшись и наступив ему на ногу, – вот поэтому Джинни и не говорит тебе про Майкла. Она так и думала, что ты это плохо воспримешь. Ради всего святого, кончай нудить.

– А кто нудел? Ничего я не нудел! Кто плохо воспринял? Ничего я не плохо... – И когда они шли по улице, Рон не переставал бурчать.

Гермиона глянула на Гарри, закатила глаза к небу и, пока Рон осыпал Майкла Корнера проклятиями, вполголоса поинтересовалась:

– Кстати, о Майкле и Джинни... а что у вас с Чо?

– То есть? – быстро спросил Гарри.

Внутри все как будто вскипело; лицо стало больно жечь на холода... Неужели все настолько очевидно?

– А то, – губы Гермионы слегка изогнулись в улыбке, – что она не могла отвести от тебя глаз. Можно подумать, ты сам не видел.

Никогда прежде Гарри не замечал, как необыкновенно красив Хогсмед.

Глава семнадцатая

Декрет об образовании № 24

Остаток выходных Гарри был счастлив – с начала триместра такого не случалось. Почти все воскресенье они с Роном делали накопившиеся домашние задания. Конечно, развлечением это не назовешь, но, поскольку осеннее солнце напоследок упорствовало, они не стали корпеть над книжками в общей гостиной, а вынесли пергамент и учебники на улицу и уселись на берегу озера в тени большого бука. Гермиона, которая давно покончила с уроками, прихватила с собой шерсть, заколдовала спицы, и они быстро мелькали перед ней в воздухе, неустанно производя все новые и новые шапочки и шарфы.

Мысль о том, что он и другие решились противостоять Кхембридж и министерству, а лично он – ключевая фигура мятежа, приносila Гарри глубочайшее удовлетворение. В памяти постоянно всплывало субботнее собрание. Столько людей, и все пришли у него поучиться! А как они на него смотрели, слыша, что он умеет! И Чо похвалила его выступление на Тремудром Турнире... Его считали не вралем и психом ненормальным, а, наоборот, человеком, достойным всяческого восхищения, это сильно поднимало Гарри настроение, и даже в понедельник утром, несмотря на то что его ждали самые нелюбимые предметы и преподаватели, он все еще был очень весел.

Они с Роном спускались из спальни, обсуждая предложение Ангелины попробовать вечером на тренировке новый прием под названием Подвес Ленивца, и успели дойти до середины солнечной гостиной, но тут заметили нечто такое, что уже привлекло внимание стайки ребят.

На доске объявлений висел большой плакат, загородивший все остальное: списки выставленных на продажу подержанных сборников заклинаний; регулярные напоминания Аргуса Филча о соблюдении школьных правил; расписание квидишиных тренировок; предложения по обмену шокогадушных карточек; сообщение о новом наборе

испытателей продукции близнецов Уизли; даты походов в Хогсмед; записки о забытых или найденных вещах... Новое объявление напечатали большими черными буквами, а внизу, рядом с аккуратной витиеватой подписью, стояла весьма официальная печать.

УКАЗОМ ГЛАВНОГО ИНСПЕКТОРА «ХОГВАРЦА»

Отныне и впредь распускаются все школьные организации, общества, команды, группы и клубы.

Под организацией, обществом, командой, группой или клубом понимается собрание школьников на регулярной основе в составе от трех человек и выше.

За разрешением на возобновление деятельности организации, общества, команды, группы или клуба следует обращаться к главному инспектору школы (профессору Кхембридж).

Школьные организации, общества, команды, группы и клубы не имеют права функционировать без ведома и одобрения главного инспектора.

Учащиеся, замеченные в создании организации, общества, команды, группы или клуба либо в принадлежности к таковым без санкции главного инспектора, подлежат немедленному отчислению из школы.

Данный указ выпущен на основании декрета об образовании № 24.

Подпись:

Долорес Джейн Амбридж

Главный инспектор «Хогварца»

Гарри и Рон прочитали указ поверх голов каких-то второклассников.

– Это что же, они закроют клуб побрякуш? – взволнованно спросил один у своего товарища.

– О побрякушах можешь не беспокоиться, – мрачно изрек Рон. Второклашка так и подскочил от испуга. – А вот нам вряд ли повезет, – добавил Рон, когда второклассники торопливо отошли от доски.

Гарри внимательно перечитал объявление. Радость, владевшая им с самой субботы, куда-то испарилась. Все внутри так и кипело от ярости.

– Это не совпадение, – сказал он, сжимая кулаки. – Она знает.

– Откуда? – спросил Рон.

– Кто-то подслушал нас в пабе. И знаешь, если подумать здраво...

Мы что, доверяем всем, кто там был? Любой мог пойти и настучать Кхембридж...

А он-то, дурак, уши развесил! Ах, ему верят, им восхищаются...

– Захария Смит! – сразу догадался Рон, кулаком ударив по ладони. – И потом... этот Майкл Корнер какой-то подозрительный...

– А Гермиона-то уже знает? – задумчиво проговорил Гарри, оглядываясь на дверь в спальню девочек.

– Пошли скажем! – воскликнул Рон. Он распахнул дверь и кинулся вверх по винтовой лестнице.

Он был уже на шестой ступеньке, когда вдруг оглушительно завыла сирена, а каменная лестница сама собой разгладилась в ровную спиральную горку. Какое-то мгновение Рон еще пытался бежать, бешено перебирая ногами и молотя руками, как мельница, но скоро опрокинулся на спину и, просвистев по новоявленной горке, соскользнул к ногам Гарри.

– Видимо, нам нельзя в спальню к девочкам, – стараясь не рассмеяться, пробормотал тот и помог Рону встать.

По каменной горке, весело хихикая, съехали две четвероклассницы.

– Это кто хотел пробраться к нам в спальню? – кокетливо пропели они, вскочив и состроив глазки Гарри и Рону.

– Ну я, – сказал встрепанный Рон. – Я что, знал? И вообще так нечестно! – добавил он, обращаясь к Гарри. Девочки, не переставая хихикать, направились к выходу. – Гермионе можно заходить к нам в спальню, а нам к ней нельзя?..

– Это устаревшее правило, – объяснила Гермиона. Она только что грациозно съехала на коврик и поднималась на ноги. – Но, как сказано в «Истории “Хогварца”», основатели школы считали, что мальчикам, в отличие от девочек, нельзя полностью доверять. Как бы там ни было: что вам понадобилось у нас в спальне?

– Ты нам понадобилась! Смотри! – И Рон потащил ее к доске объявлений.

Гермиона быстро пробежала глазами указ. Ее лицо окаменело.

– Кто-то на нас донес! – в сердцах бросил Рон.

– Не может такого быть, – вполголоса отозвалась Гермиона.

– Какая ты наивная, – сказал Рон, – думаешь, если ты вся из себя честная-благородная…

– Такого не может быть, потому что я заколдовала пергамент, который мы все подписали, – мрачно пояснила Гермиона. – Если бы кто-то вздумал настучать Кхембридж, мы бы узнали сразу. А стукач сильно бы об этом пожалел, уж поверь.

– А что бы с ним случилось? – с любопытством спросил Рон.

– Скажем так, – ответила Гермиона, – прыщи Элоизы Мошкар показались бы ему симпатичными веснушками. Ладно, пошли завтракать – заодно узнаем, кто что думает про указ… Интересно, его во всех колледжах повесили?

В Большом зале сразу стало ясно, что указ Кхембридж появился не только в гриффиндорской гостиной. Все как заведенные бегали вдоль столов и напряженно переговаривались. Как только Гарри, Рон и Гермиона заняли свои места, подошли Невилл, Дин, Фред, Джордж и Джинни.

– Видели?

– Думаете, она знает?

– Что будем делать?

Все смотрели на Гарри. Он оглянулся – проверил, нет ли поблизости учителей.

– Что делать? Что задумали, то и делать, конечно, – тихо ответил он.

– Я знал, что ты так скажешь, – просиял Фред и ткнул Гарри в плечо.

– И старосты тоже? – Фред вопросительно посмотрел на Рона и Гермиону.

– Разумеется, – холодно сказала Гермиона.

– Вон идут Эрни и Ханна Аббот, – оглянувшись через плечо, сообщил Рон. – И эти, из «Вранзора»… и Захария Смит… Прыщей ни у кого не видно.

Гермиона встревожилась.

– Ладно – прыщи, они что, идиоты, зачем они сюда идут? Хотят, чтобы нас заподозрили? Сядьте! – одними губами прошептала она, глядя на Эрни и Ханну и отчаянно жестикулируя. – Потом! Мы – поговорим – *потом!*

— Я скажу Майклу, — с раздражением бросила Джинни, поднимаясь из-за стола, — ну что за болван, честное слово...

Она поспешила к столу «Вранзора», а Гарри проследил за ней глазами. Чо сидела неподалеку и разговаривала с кудрявой златовласой подружкой. Что, если она испугается указа и решит не посещать собрания?

Впрочем, во всей полноте смысл указа дошел до ребят, лишь когда они уже собирались уходить на историю магии, а к ним кинулась ужасно несчастная Ангелина.

— Гарри! Рон!

— Все нормально, — тихо сказал Гарри, когда она приблизилась, — мы все равно будем...

— Вы что, не понимаете? Это же и к квидишу относится! — перебила Ангелина. — Теперь надо идти просить разрешение на возобновление деятельности гриффиндорской команды!

— *Что?!* — вскричал Гарри.

— Не может быть, — ужаснулся Рон.

— Вы же читали указ, команды там тоже упомянуты! Поэтому, Гарри... В последний раз тебя прошу — умоляю... Пожалуйста, *пожалуйста*, когда будешь разговаривать с Кхембридж, не выходи из себя, а то она не разрешит нам играть!

— Ладно, ладно, — быстро сказал Гарри, а то Ангелина была уже близка к истерике. — Не бойся, я буду хорошо себя вести...

Они отправились на урок. Рон хмуро сказал:

— Спорим, Кхембридж придет на историю магии. Она же еще не проверяла Биннза... Спорю на что хотите, она уже там...

Но Рон ошибался; в классе не было никого из учителей, кроме самого Биннза. Он парил в дюйме над своим креслом, готовый продолжить нуднейшее повествование о войнах с гигантами. Гарри даже не пытался слушать и скучающе рисовал на пергаменте закорючки, не обращая внимания на частые гневные взгляды (а иногда и тычки) Гермионы. Наконец, больно получив под ребра, Гарри сердито вскинулся:

— Ну *чего?*

Гермиона молча указала на окно. Гарри обернулся. За стеклом на узком подоконнике сидела Хедвига с письмом на лапке. Гарри

удивился: завтрак только что кончился, почему она не доставила письмо в положенное время? Многие в классе тоже заметили сову.

– Ой, мне она так нравится, такая прелесть, – вздохнув, поделилась Лаванда с Парвати.

Гарри посмотрел на профессора Биннза. Тот безмятежно читал свои конспекты, не замечая, что внимание класса рассеянно еще больше обычного. Гарри тихонько соскользнул со стула, пригнулся, вдоль ряда ринулся к окну, отодвинул задвижку и медленно открыл створку.

Он думал, Хедвига дождется, пока он снимет письмо, и улетит в совяльню, но, едва окно приотворилось, сова, горестно ухая, впрыгнула в комнату. Гарри, испуганно покосившись на Биннза, закрыл окно, снова пригнулся и, с Хедвигой на плече, поспешно пробрался на место. Сел, пересадил сову к себе на колени и потянулся за письмом.

И лишь тогда заметил, что перья у нее странно взъерошены, некоторые погнуты, и она как-то неловко держит крыло.

– Она ранена! – прошептал Гарри, наклоняясь к Хедвиге. Гермиона и Рон тоже склонились ближе, Гермиона даже отложила перо. – Смотрите... у нее что-то с крылом...

Хедвига дрожала; когда Гарри попытался коснуться крыла, она дернулась, так что все перья встали дыбом, и обиженно на него уставилась.

– Профессор Биннз! – громко произнес Гарри, и все повернулись к нему. – Я плохо себя чувствую.

Профессор Биннз, как всегда, донельзя потрясенный тем обстоятельством, что в классе полно каких-то детей, оторвал глаза от конспекта.

– Плохо себя чувствуете? – неуверенно повторил он.

– Очень плохо, – решительно подтвердил Гарри, поднимаясь из-за парты. Хедвигу он прятал за спиной. – Кажется, мне надо в лазарет.

– Да, – сказал профессор Биннз, явно застигнутый врасплох. – Да... в лазарет... что ж, идите, Перкинс...

За дверью Гарри снова посадил Хедвигу на плечо и торопливо зашагал по коридору. Свернув за угол, он на секунду остановился подумать. Кто может вылечить сову? Естественно, первым делом на ум

пришел Огрид, но, раз Огрида нет, остается профессор Гниллер-Планк.

Он выглянул в окно. Погода стояла ненастная, небо было мрачное, затянутое тучами. Возле хижины Огрида никого; видимо, у Гниллер-Планк нет урока, а значит, она, скорее всего, в учительской. Гарри стал спускаться по лестнице. Хедвига слабо ухала, покачиваясь у него на плече.

Дверь в учительскую охраняли две каменные горгульи. Увидев Гарри, одна прокаркала:

– Почему не на уроке, сынок?

– Срочное дело, – огрызнулся Гарри.

– А-а-ах, *срочное*? Вот оно что? – высоким голосом пропела другая горгулья. – А мы-то тут прохладляемся.

Гарри постучал. Послышались шаги, дверь распахнулась, и он оказался лицом к лицу с профессором Макгонаголл.

– Только не говорите, что вас опять наказали! – сразу же сказала она. Квадратные стекла очков пугающе сверкнули.

– Нет-нет, профессор, – поспешил разуверить Гарри.

– Почему тогда вы не на уроке?

– У него *срочное* дело, – язвительно сообщила вторая горгулья.

– Я ищу профессора Гниллер-Планк, – объяснил Гарри. – Моя сова ранена.

– Ранена сова, говорите?

За спиной Макгонаголл появилась профессор Гниллер-Планк. Она курила трубку и держала в руках «Оракул».

– Да, – подтвердил Гарри, осторожно снимая Хедвигу с плеча. – Прилетела позже остальных, у нее очень странно вывернуто крыло, смотрите...

Профессор Гниллер-Планк решительно сунула трубку в рот и забрала у Гарри сову. Профессор Макгонаголл молча наблюдала.

– Хмм, – промычала профессор Гниллер-Планк, и трубка, зажатая в зубах, покачнулась. – Похоже, на нее напали. Правда, не представляю, кто или что. В принципе тестрали иногда нападают на птиц, но местных Огрид выучил не трогать сов...

Гарри не знал, кто такие тестрали, и ему, честно говоря, было на это совершенно наплевать, лишь бы с Хедвигой все обошлось. Но профессор Макгонаголл пронзила Гарри острым взглядом и спросила:

– Поттер, вы знаете, откуда прилетела ваша сова?

– Э-э, – замялся Гарри. – Наверное, из Лондона.

Их глаза на мгновение встретились, и по тому, как сошлись на переносице брови Макгонаголл, он понял: она догадалась, что «Лондон» означает «площадь Мракэнтлен, дом № 12».

Профессор Гниллер-Планк достала из внутреннего кармана монокль, вставила его в глаз, внимательно осмотрела крыло Хедвиги и изрекла:

– Я ее вылечу, Поттер, но ей придется побывать у меня. В любом случае несколько дней ее нельзя никуда посыпать.

– Э-э... понятно... Спасибо, – ответил Гарри, и одновременно с его словами прозвучал колокол с урока.

– Не стоит, – буркнула профессор Гниллер-Планк, поворачиваясь спиной.

– Одну минутку, Вильгельмина! – окликнула ее профессор Макгонаголл. – Письмо.

– Ах да! – сказал Гарри, который о нем совершенно забыл.

Профессор Гниллер-Планк передала ему свиток и вместе с Хедвигой удалилась в учительскую. Птица огромными глазами смотрела на Гарри, будто не в силах поверить, что хозяин вот так запросто отдает ее чужим людям. Гарри, слегка угрызаясь, собрался было уйти, но профессор Макгонаголл окликнула и его:

– Поттер!

– Да, профессор?

Она огляделась; коридор заполнялся школьниками.

– Не забывайте, – быстро и тихо сказала профессор Макгонаголл, глядя на свиток в его руке, – за каналами связи в «Хогварце» могут следить. Поняли?

– Я... – начал Гарри, но тут его буквально смыло человеческой волной. Профессор Макгонаголл коротко кивнула и скрылась в учительской, а Гарри вместе с толпой вынесло во двор. Там он увидел Рона и Гермиону, которые, подняв воротники, стояли в уголке, прячась от дождя и ветра. Гарри на ходу вскрыл письмо и прочел пять слов, написанных почерком Сириуса:

Сегодня, тогда же, там же.

– Что с Хедвигой? – взволнованно спросила Гермиона, не успел Гарри подойти.

– Куда ты ее отнес? – спросил Рон.

– К Гниллер-Планк, – ответил Гарри. – И еще я встретил Макгонахолл... Слушайте...

И он поведал, что она сказала. К его удивлению, друзья не были потрясены – напротив, многозначительно посмотрели друг на друга.

– Что? – спросил Гарри, переводя взгляд с Рона на Гермиону и обратно.

– Понимаешь, я только что говорила Рону... а вдруг Хедвигу пытались перехватить? Раньше-то с ней никогда ничего не случалось, правда?

– А от кого, кстати, письмо? – поинтересовался Рон, забирая у Гарри записку.

– От Шлярика, – тихо ответил Гарри.

– «Тогда же, там же»? То есть в общей гостиной?

– Очевидно, – сказала Гермиона, тоже прочитав. Вид у нее был встревоженный. – Надеюсь, кроме нас, этого никто не видел...

– Свиток был запечатан, все как всегда, – отозвался Гарри, стараясь убедить не только ее, но и себя. – И вообще больше никто не поймет, что это значит. Откуда им знать, где мы с ним разговаривали в последний раз?

– Не знаю. – Ударил колокол, и Гермиона закинула рюкзак на плечо. – Запечатать свиток заново с помощью колдовства вовсе не сложно... а если за кружаной сетью следят... но я не вижу способа его отговорить так, чтоб не перехватили и *наше* письмо!

В глубокой задумчивости они побрали на зельеделие, но в подземелье у подножия лестницы их вывел из раздумья голос Драко Малфоя. Тот стоял у двери аудитории, размахивал каким-то явно официальным документом, и говорил еще громче, чем обычно, так что слышно было каждое слово:

– Вот так! Нашей команде Кхембридж мигом разрешила играть, я прямо с утра к ней ходил. Это, конечно, формальность, она же прекрасно знает папу, он постоянно бывает в министерстве... Интересно, а «Гриффиндору» дадут разрешение?

– Только не возникайте, – умоляюще прошептала Гермиона Рону и Гарри. У обоих окаменели лица, а руки сжимались в кулаки. – Ему только этого и надо.

— Я что хочу сказать. — Малфой, злобно сверкнув серыми глазами на Гарри и Рона, сильнее повысил голос: — Если это зависит от связей в министерстве, по-моему, у них нет шансов. Папа говорит, там уже много лет ищут повода уволить Артура Уизли... Я уж о Поттере молчу... Папа сказал, еще чуть-чуть — и министерство отправит Поттера к святому Лоскуту. Там вроде есть отделение для этих... Ну, у кого в мозгах волшебной палочкой помешали...

Малфой отвесил нижнюю челюсть и закатил глаза. Краббе и Гойл зашлись дебильным гоготом, а Панси Паркинсон завизжала от восторга.

Что-то сильно ударило Гарри по плечу и отбросило в сторону. Через секунду он понял, в чем дело: это, бросившись на Малфоя, мимо пронесся Невилл.

— Невилл, *стой!*

И Гарри цапнул его сзади за мантию. Невилл отчаянно вырывался и пытался дотянуться до Малфоя, а тот застыл, совершенно опешив.

— Помоги! — крикнул Гарри Рону. Он сумел обхватить Невилла за шею и тащил его назад, подальше от слизеринцев. Краббе и Гойл загородили собой Малфоя и играли мускулами, готовясь в любую минуту ринуться в бой. Рон схватил Невилла за руки и помог Гарри отволочь его к гриффиндорцам. Лицо Невилла было пунцовыми; рука Гарри давила ему на горло, и слов было почти не разобрать, но иногда доносилось:

— Не... смешно... не... сметь... Лоскута... ему... покажу...

Дверь распахнулась. На пороге стоял Злей. Его черные глаза пробежали по линейке гриффиндорцев и остановились на Гарри и Роне, пытавшихся совладать с Невиллом.

— Поттер, Уизли, Лонгботтом? Деремся? — холодно и высокомерно произнес Злей. — Минус десять баллов с «Гриффиндора». Поттер, отпустите Лонгботтома, иначе будете наказаны. Все в класс.

Гарри отпустил Невилла. Тот стоял, тяжело дыша и гневно сверкая глазами.

— У меня не было другого выхода, — с трудом переводя дух, выговорил Гарри и поднял с пола рюкзак. — Краббе с Гойлом разорвали бы тебя на куски.

Невилл ничего не ответил, схватил свой рюкзак и решительно направился на урок.

– Во имя Мерлина, что это было? – медленно произнес Рон, когда они с Гарри двинулись следом.

Гарри промолчал. Он прекрасно знал, почему упоминание о психиатрическом отделении больницы св. Лоскута так сильно расстроило Невилла. Но он поклялся Думблдору никому не выдавать эту тайну. О том, что Гарри все известно, не знал даже сам Невилл.

Гарри, Рон и Гермиона, как обычно, прошли в самый конец класса, сели, достали пергамент, перья и учебник «Тысяча волшебных трав и грибов». Все вокруг оживленно шептались, обсуждая странное поведение Невилла, но замолчали, стоило Злею с гулким грохотом захлопнуть дверь.

– Обратите внимание, – презрительно процедил Злей, – что сегодня у нас на уроке присутствует гостья.

Он махнул рукой в темный угол, где с пергаментом на коленях сидела профессор Кхембридж. Гарри поднял брови и искоса взглянул на друзей. Злей – и Кхембридж. Два самых ненавистных учителя. Непонятно, за кого болеть.

– Сегодня мы продолжаем заниматься живительной жидкостью. Свои творения вы найдете в том же виде, в каком оставили их на прошлом уроке. Если вы все сделали правильно, за выходные зелье должно было хорошо настояться… Рецепт, – он снова взмахнул рукой, – на доске. Приступайте.

Первые полчаса профессор Кхембридж молча делала записи. Гарри мечтал о том, что будет, когда она начнет задавать Злею вопросы, и так замечтался, что про зелье и думать забыл.

– Гарри! – простонала Гермиона и схватила его за руку, чтобы он не добавил неверный ингредиент в третий раз. – Кровь саламандры, а не гранатовый сок!

– Точно, – рассеянно ответил Гарри и, не отрывая взгляда от Кхембридж, которая только что поднялась, отставил бутылочку. Увидев, что Кхембридж направляется к Злею, склонившемуся над котлом Дина Томаса, он чуть слышно добавил: – Ха!

– Должна сказать, класс для своего возраста производит неплохое впечатление, – бодро обратилась Кхембридж к спине Злея. – Но я не уверена, что детям стоит изучать живительную жидкость. Насколько мне известно, в министерстве подумывают совсем исключить ее из программы.

Злей медленно выпрямился и повернулся к ней.

– Итак... как давно вы состоите в штате «Хогварца»? – спросила Кхембридж, занося перо над пергаментом.

– Четырнадцать лет, – ответил Злей. Его лицо было непроницаемо. Гарри, не сводя с него глаз, добавил в котел несколько капель. Зелье грозно зашипело и из бирюзового стало оранжевым.

– По моим сведениям, вы первоначально претендовали на место преподавателя защиты от сил зла? – продолжала Кхембридж.

– Да, – тихо подтвердил Злей.

– Безуспешно?

Губы Злея изогнулись.

– Как видите.

Профессор Кхембридж нацарапала что-то на пергаменте.

– И с зачисления в штат «Хогварца» вы регулярно подаете заявку на эту должность?

– Да, – еще тише, еле шевеля губами, ответил Злей. Было видно, что он сильно разгневан.

– Вы не знаете, почему Думбльдор упорно вам отказывает? – спросила Кхембридж.

– Предлагаю спросить об этом у него самого, – раздраженно ответил Злей.

– Разумеется, я так и сделаю, – сладко улыбнулась Кхембридж.

– Это относится к делу? – сузив черные глаза, поинтересовался Злей.

– О да, – сказала профессор Кхембридж, – да. Министерство хочет знать все подробности... эмм... биографии учителей.

Она развернулась, подошла к Панси Паркинсон и начала задавать ей вопросы по предмету. Злей повернул голову к Гарри, и их глаза на мгновение встретились. Гарри поспешно перевел взгляд на свое зелье. Оно успело коагулироваться и отвратительно пахло паленой резиной.

– Как всегда, ноль баллов, Поттер, – мстительно объявил Злей и легким движением палочки опустошил котел. – К следующему уроку напишете мне работу о правильном приготовлении данного зелья, с указанием своих ошибок. Ясно?

– Да, – разъяренно бросил Гарри. Злей уже и так задал предостаточно, а на вечер была назначена квидишная тренировка. Чтобы написать работу, придется не спать еще пару ночей.

Невозможно поверить, что утром он был счастлив! Теперь хотелось только одного – чтобы этот день как можно скорее закончился.

– Наверно, придется прогулять прорицание, – хмуро пробормотал Гарри. После обеда друзья стояли во дворе, и ветер трепал полы мантий и поля шляп. – Скажусь больным, а сам напишу работу для Злея. Тогда не придется сидеть над ней полночи.

– Нельзя прогуливать прорицание, – сурово изрекла Гермиона.

– Кто бы говорил, ты сама его вообще бросила, ты же ненавидишь Трелони! – возмутился Рон.

– Я ее не *ненавижу*, – несколько свысока ответила Гермиона, – а считаю никчемным педагогом и нелепой шарлатанкой. Но Гарри уже пропустил историю магии, и, по-моему, сегодня ему больше не стоит прогуливать.

Гермиона была, к несчастью, права, и через полчаса Гарри, ненавидя всех и вся, занял свое место в жарком, душном от благовоний классе прорицания. Профессор Трелони снова стала раздавать «Толмач сновидений». Намного полезнее было бы писать работу для Злея, а не сидеть здесь, выискивая скрытый смысл в придуманных снах.

Но сегодня не он один пребывал в дурном расположении духа. Профессор Трелони, поджав губы, швырнула учебник на стол Гарри и Рону и стремительно прошла дальше; бросила, едва не попав Шеймасу в голову, следующий экземпляр между ним и Дином, а последнюю книгу метнула Невиллу в грудь с такой силой, что тот свалился с пуфика.

– Ну-с, приступайте! – громко приказала профессор Трелони высоким голосом, в котором слышались истерические нотки. – Вы знаете, что делать! Или я настолько бездарный преподаватель, что даже не научила вас открывать книги?

Ребята в изумлении уставились на нее, потом переглянулись. Впрочем, Гарри догадывался, в чем дело. Когда профессор Трелони – в ее огромных глазах стояли сердитые слезы – бросилась в свое кресло, он склонился к Рону и прошептал:

– Кажется, она получила результаты проверки.

– Профессор? – тихо позвала Парвати Патил (они с Лавандой всегда преклонялись перед Трелони). – Профессор, что-нибудь… э-э… не так?

– Не так! – вне себя выкрикнула профессор Трелони. – Разумеется, нет! Все так! Правда, мне нанесли оскорбление... отвратительными, гнусными инсинуациями... ужасными, необоснованными обвинениями... но нет, все так, все так!

Она судорожно перевела дыхание и отвела глаза от Парвати. Из-под очков брызнули злые слезы.

– Я не буду напоминать, – захлебываясь, продолжила прорицательница, – о шестнадцати годах беспорочной службы... их, как я понимаю, никто и не заметил... Но обижать себя я не позволю, нет, нет!

– Но, профессор, кто вас обижает? – робко спросила Парвати.

– Государственная машина! – глубоким, драматическим, дрожащим голосом провозгласила профессор Трелони. – О, люди, чей взгляд замутнен земными обольщениями, люди, которым не дано видеть то, что виджу я, недоступно то, что понимаю я... Впрочем, нас, провидцев, всегда боятся, всегда подвергают гонениям... такова – увы! – наша судьба.

Она громко сглотнула, промокнула влажные щеки концом шали, вытащила из рукава вышитый платочек и высморкалась с таким звуком, какой любил издавать Дрюзг.

Рон хихикнул. Лаванда обожгла его негодящим взглядом.

– Профессор, – сказала Парвати, – вы говорите о... Вы о профессоре Кхембридж?

– Не упоминайте при мне имени этой женщины! – вскричала профессор Трелони и вскочила. Сверкнули очки, загремели бусы. – И, сделайте одолжение, вернитесь к занятиям!

Весь урок она, почти не пытаясь унять слезы, расхаживала по классу и вполголоса бормотала какие-то угрозы:

– ...могу и уволиться... какое унижение... испытательный срок... мы еще посмотрим... да как она смеет...

– У вас с Кхембридж есть кое-что общее, – вполголоса сообщил Гермионе Гарри, встретившись с ней на защите от сил зла. – Кажется, она тоже считает, что Трелони – нелепая шарлатанка... похоже, назначила ей испытательный срок.

Вошла Кхембридж с бархатным бантом на голове и с чрезвычайно самодовольной гримасой.

– Добрый день, ребята.

– Добрый день, профессор Кхембридж, – уныло пропели ребята.

– Попрошу убрать палочки.

В ответ не раздалось ни звука – никто и не думал их доставать.

– Пожалуйста, откройте «Теорию защитной магии» на странице тридцать четыре и приступайте к чтению главы третьей, «Обоснование выжидательной тактики отражения колдовских атак». Объяснения...

– ...не потребуются, – еле слышно хором закончили вместе с ней Гарри, Рон и Гермиона.

– Тренировки сегодня не будет, – замогильно возвестила Ангелина, едва Гарри, Рон и Гермиона вошли в общую гостиную после ужина.

– Но я ничего такого не делал! – в ужасе вскричал Гарри. – Я ей ни слова не сказал, Ангелина, клянусь, я...

– Знаю, знаю, – несчастным голосом вымолвила Ангелина. – Она говорит, ей нужно время, чтобы все обдумать.

– Что обдумывать?! – гневно выкрикнул Рон. – Слизеринцам она сразу разрешила! А нам почему нельзя?

Но Гарри прекрасно понимал, как приятно Кхембридж держать их в подвешенном состоянии; естественно, ей не хочется выпускать из рук столь действенное оружие.

– Что ж, – сказала Гермиона, – нет худа без добра – у тебя есть время на задание Злея!

– И это ты называешь добром? – взвился Гарри. Рон вытаращился на Гермиону в безмолвном потрясении. – Никакой тренировки и дополнительное зельеделие?

Гарри плюхнулся в кресло, нехотя вытащил из рюкзака пергамент и принялся за работу. Сосредоточиться было трудно; конечно, он знал, что Сириус появится в камине еще очень и очень нескоро, но все равно каждые две минуты посматривал в огонь – так, на всякий случай. И потом, в гостиной страшно шумели: Фред с Джорджем наконец-то довели до совершенства одну из разновидностей злостных закусок и по очереди демонстрировали свои достижения вопящей от радости толпе.

Сначала Фред откусывал кусочек от оранжевого конца конфеты и театрально изрыгал содержимое желудка в подставленное ведро. Затем он с усилием заталкивал в рот фиолетовый кусок, и рвота мгновенно прекращалась. Ассистировавший при показе Ли Джордан то и дело

лениво убирал рвоту исчезающим заклятием, которым Злей расправлялся с зельями Гарри.

Под регулярную рвоту, торжествующие вопли, голоса Фреда и Джорджа, которые вовсю принимали предварительные заказы у восхищенной публики, Гарри никак не мог сконцентрироваться. Гермиона тоже только мешала; едва струя рвоты била по дну ведра и затем следовал взрыв ликования, она громко и неодобрительно фыркала, что, собственно, и отвлекало Гарри больше всего.

– Если так не нравится, пойди и запрети им! – раздраженно сказал он, в четвертый раз зачеркнув неверный вес толченых когтей гриффона.

– Не могу, формально они не делают ничего плохого, – сквозь зубы процидила Гермиона. – Они имеют полное право глотать любую гадость, и я не нашла ни одного правила, где бы говорилось, что нельзя продавать эту гадость другим идиотам, если, конечно, гадость неопасна – что вряд ли.

Она, Гарри и Рон понаблюдали, как Джордж прицельно изверг струю в ведро, заглотил остаток конфеты и под бурные аплодисменты торжествующе выпрямился, простирая руки к зрителям.

– Не понимаю, почему они так плохо сдали С.О.В.У., – проговорил Гарри, глядя, как Фред, Джордж и Ли собирают у восторженной толпы деньги. – Они ведь знают свое дело.

– Да это все сплошная показуха, от нее никакой пользы, – пренебрежительно отозвалась Гермиона.

– Никакой пользы? – с чувством повторил Рон. – Гермиона, они за какие-то полчаса заработали двадцать шесть галлеонов минимум!

Толпа разошлась нескоро, потом Фред, Джордж и Ли очень долго подсчитывали прибыль, и, когда Гарри, Рон и Гермиона остались в общей гостиной одни, было уже далеко за полночь. Фред, демонстративно погремев коробкой с деньгами (Гермиона сурово нахмурилась), закрыл за собой дверь в спальни мальчиков. Гарри, крайне мало преуспевший в зельеделии, решил, что на сегодня хватит, и убрал книжки. Рон тихо дремал в кресле. Он заворчал, проснулся и мутным взором уставился в огонь.

– Сириус! – вскрикнул он.

Гарри резко обернулся. В языках пламени виднелась нечесаная темноволосая голова.

– Привет, – улыбаясь, сказала она.

– Привет, – хором поздоровались Гарри, Рон и Гермиона, опускаясь на колени перед камином. Косолапсус громко замурлыкал, подбежал к огню и, невзирая на жар, попытался потереться мордой о лицо Сириуса.

– Как дела? – спросил тот.

– Так себе, – ответил Гарри. Гермиона оттащила Косолапсуса от огня, чтобы не опалил усы. – Министерство издало новый указ, и теперь нам нельзя проводить квидишные тренировки...

– А также создавать тайные общества изучения защиты от сил зла? – лукаво добавил Сириус.

Последовала пауза.

– Откуда ты знаешь? – вопросил Гарри.

– Надо лучше выбирать места встреч, – ответил Сириус и заулыбался еще шире. – «Башка борова», я вас умоляю!

– Все лучше, чем «Три метлы»! – попробовала защититься Гермиона. – Там всегда столько народу...

– И поэтому там вас было бы труднее подслушать, – сказал Сириус. – Да, Гермиона, тебе еще учиться и учиться.

– А кто нас подслушал? – продолжал Гарри.

– Мундугнус, кто ж еще, – ответил Сириус и, прочтя на их лицах полнейшее недоумение, рассмеялся. – Ведьма под вуалью – это он.

– Мундугнус? – поразился Гарри. – А что он делал в «Башке борова»?

– Как что делал? Приглядывал за тобой, конечно.

– За мной по-прежнему следят? – рассердился Гарри.

– Следят, – сказал Сириус, – и правильно делают! Как же иначе, если в свободные выходные вы первым же делом попытались организовать тайное общество.

Впрочем, Сириус, похоже, не сердился и не тревожился. Наоборот, он смотрел на Гарри с явной гордостью.

– А зачем Гнус от нас прятался? – расстроенно спросил Рон. – Мы бы с ним поболтали.

– Ему двадцать лет назад запретили появляться в «Башке борова», – ответил Сириус, – а у бармена очень хорошая память. После ареста Стурджиса у нас больше нет плаща-невидимки, так что Гнус

теперь часто переодевается в женское... Ну да ладно... Во-первых, Рон, я обещал твоей маме кое-что тебе передать.

– Что? – напрягся Рон.

– Она велит тебе ни под каким видом не вступать в запрещенное секретное общество. Говорит, что тебя непременно исключат и это разрушит твое будущее. Ты еще успеешь выучиться защите от сил зла. Ты слишком юн, сейчас тебе незачем об этом думать. Кроме того, она, – Сириус перевел взгляд на Гарри и Гермиону, – просит Гарри и Гермиону также оставить эту затею. Она понимает, что не имеет права ими командовать, но умоляет их не забывать, что прежде всего печется об их интересах. Она написала бы вам письмо, но боится, что сову перехватят и тогда вы попадете в беду, а сама встретиться с вами не может, так как сегодня ночью у нее дежурство.

– Какое еще дежурство? – немедленно спросил Рон.

– Не важно. Дела Ордена, – ответил Сириус. – В общем, мне поручено все это вам передать. Пожалуйста, не забудьте ей сказать, что я передал, – она, по-моему, не верила.

Возникла еще одна пауза. Косолапсус,мяукая, пытался лапой потрогать голову Сириуса, а Рон пальцем ковырял дырку в коврике.

– То есть что, я должен обещать, что не буду участвовать в обществе? Ты это хочешь сказать? – в конце концов пробормотал он.

– Я? Ничего подобного! – удивился Сириус. – Я считаю, что общество – отличная идея!

– Правда? – У Гарри тотчас полегчало на душе.

– Конечно! – подтвердил Сириус. – Думаешь, мы с твоим отцом стали бы сидеть смирно и слушаться какой-то старой каракатицы?

– Но... в том году ты все твердил, чтобы я был осторожен и не рисковал ...

– В том году было ясно, что кто-то в «Хогварце» хочет тебя убить! – возразил Сириус. – А в этом году кое-кто вне «Хогварца» хочет убить нас всех, и мне кажется, сейчас самое время учиться себя защищать!

– А если нас исключат? – спросила Гермиона.

– Гермиона, это же твоя затея! – уставился на нее Гарри.

– Знаю. Мне просто интересно, что думает Сириус, – пожала плечами она.

— По мне, лучше вылететь из школы, но уметь за себя постоять, чем сидеть в школе как баран, не понимая, что происходит, — ответил Сириус.

— Верно, верно, — с энтузиазмом закивали Гарри и Рон.

— Короче, — сказал Сириус, — как вы будете встречаться? Вы уже решили где?

— Вот с этим как раз проблема, — ответил Гарри. — Понятия не имеем.

— А Шумной Шалман?

— Слушайте, а это мысль! — возбужденно воскликнул Рон, но Гермиона скептически хмыкнула, и все, в том числе голова Сириуса в камине, повернулись к ней.

— Понимаешь, Сириус, в Шалмане вы встречались вчетвером, — объяснила Гермиона, — при этом все умели превращаться в животных и могли, если что, укрыться одним плащом-невидимкой. А нас двадцать восемь, и ни одного анимага, нам понадобится не плащ, а шатер-невидимка...

— Это верно, — несколько смущился Сириус. — Ладно, что-нибудь обязательно найдется. Помнится, на четвертом этаже за большим зеркалом был довольно просторный секретный проход. Может, там хватило бы места потренироваться в порче.

— Фред с Джорджем говорят, что прохода больше нет, — покачал головой Гарри. — Завалило, что ли.

— А... — Сириус нахмурился. — Ну, я еще подумаю, а потом...

Он неожиданно умолк и тревожно нахмурился. Затем повернулся и посмотрел вбок, в кирпичную стенку камина.

— Сириус? — обеспокоенно позвал Гарри.

Но тот исчез. Гарри оstonбенело поглядел в огонь и повернулся к Рону с Гермионой:

— Куда он?..

Гермиона судорожно охнула и, не отрывая глаз от камина, в страшном испуге вскочила.

Среди танцующих языков пламени появилась рука, тщетно пытавшаяся что-то схватить, — широкая кисть с пальцами-обрубками, унизанными уродливыми старинными кольцами.

Ребята бросились бежать. У двери в спальню Гарри обернулся. Рука Кхембридж в камине по-прежнему цапала пальцами воздух,

словно прекрасно знала, где именно была голова Сириуса, и твердо
вознамерилась его поймать.

Глава восемнадцатая

«Думблдорова армия»

— Кхембридж читает твои письма, Гарри. Это единственное объяснение.

— По-твоему, это она напала на Хедвигу? — в яности спросил Гарри.

— Я почти уверена, — угрюмо сказала Гермиона. — Следи за лягушкой, она сейчас сбежит.

Гарри направил палочку на лягушку-быка, которая с надеждой поскакала было к краю стола.

— Акцио! — И недовольная лягушка тотчас перенеслась к нему в руку.

Вести приватные беседы на уроке заклинаний очень удобно: все так шумят и мельтешат, что подслушать чей-то разговор практически невозможно. Вот и сегодня за кваканьем лягушек, карканьем воронов и громким стуком дождя в окна никто не обращал внимания на Гарри, Рона и Гермиону, тихо обсуждавших, как Кхембридж чуть не поймала Сириуса.

— Я это подозревала с тех самых пор, как Филч обвинил тебя, что ты заказываешь навозные бомбы. Совершенно идиотская ложь, — шептала Гермиона. — Если бы он прочитал твое письмо, он бы сразу увидел, что никаких бомб ты не заказывал... Неубедительный какой-то предлог. Но потом я подумала: а вдруг кому-то просто нужен повод прочитать твое письмо? Тогда для Кхембридж все складывалось идеально — намекнула Филчу, подождала, пока он сделает за нее грязную работу, а потом забрала бы письмо. Украла бы или потребовала — вряд ли Филч был бы против, какое ему дело до нарушения прав школьников. Гарри, ты раздавиши лягушку.

Гарри опустил взгляд; и впрямь он так сдавил лягушку, что глаза у нее вылезли из орбит. Гарри поскорее положил несчастное животное на стол.

— Мы вчера чуть не попались, — сказала Гермиона. — Мне только интересно, догадывается ли Кхембридж, насколько близко она к нам

подобралась. Силенцио.

Лягушка, на которой Гермиона практиковалась в наложении замолчары, затихла на полузвуке и обиженно воззрилась на Гермиону.

– Если бы она поймала Шлярика...

Гарри договорил за нее:

– ...Он бы, скорее всего, сегодня утром уже сидел в Азкабане. – Гарри рассеянно махнул палочкой, лягушка-бык раздулась, как огромный зеленый воздушный шар, и тоненько засвистела.

– Силенцио! – Гермиона торопливо ткнула палочкой в сторону раздувшейся лягушки, и та быстро и беззвучно сдулась. – Значит, теперь ему ни в коем случае нельзя здесь появляться, только и всего. Правда, непонятно, как ему об этом сообщить. Сову ведь не пошлешь.

– Да он и сам не дурак, не станет рисковать, – сказал Рон. – Он же понимает, что чуть не попался. Силенцио.

Его большой и уродливый ворон насмешливо каркнул.

– Силенцио. СИЛЕНЦИО!

Ворон каркнул еще громче.

– Ты неправильно двигаешь палочкой, – заметила Гермиона, критически поглядев на Рона, – надо не взмах, а такой резкий выпад.

– Вороны – это тебе не лягушки, – процедил Рон.

– Хорошо, давай поменяемся. – Гермиона схватила ворона и посадила на его место жирную лягушку. – Силенцио! – Ворон по-прежнему открывал и закрывал клюв, но из него не раздавалось ни звука.

– Очень хорошо, мисс Грейндже, – раздался за их спинами скрипучий голосок профессора Флитвика. Ребята вздрогнули. – А теперь хотелось бы посмотреть, что получается у вас, мистер Уизли.

– Что?.. О!.. А!.. Сейчас, – всполошился Рон. – Э-э... Силенцио!

Он сделал резкий выпад в сторону лягушки и, не рассчитав, попал ей палочкой в глаз. Лягушка оглушительно квакнула и спрыгнула со стола.

Неудивительно, что Гарри и Рон получили дополнительное домашнее задание – им было велено практиковаться в замолчарах.

На перемене ученикам разрешили остаться в помещении – на улице шел проливной дождь. Гарри, Рон и Гермиона нашли место в классе на первом этаже, где было полно народу и очень шумно, а под потолком у люстры плавал сонный Дрюзг и изредка лениво сбрасывал

кому-нибудь на голову чернильную бомбочку. Не успели ребята сесть, как к ним между группами школьников пробралась Ангелина.

– Я получила разрешение! – победно объявила она. – На возобновление деятельности квидишной команды!

– Здорово! – хором воскликнули Рон и Гарри.

– Да, – просияла Ангелина. – Я была у Макгонаголл. А она, по-моему, ходила к Думблдору. Так или иначе, Кхембридж сдалась. Ха! В общем, сегодня в семь собираемся на поле, хорошо? Надо наверстать упущенное. Вы в курсе, что до первой игры осталось всего три недели?

Ангелина отбыла, протискиваясь сквозь толпу, и исчезла, успев ловко увернуться от чернильной бомбочки, которая попала в какого-то первоклассника.

Рон поглядел в окно, от ливня мутное, и улыбка его поугасла.

– Надеюсь, дождь прекратится... Гермиона, ты что?

Она тоже смотрела в окно, но ее мысли явно витали где-то далеко. Взгляд был затуманен, лоб нахмурен.

– Я думаю... – пробормотала она, не отводя глаз от залитого дождем стекла.

– О Си... о Шлярике? – спросил Гарри.

– Нет... не совсем... – медленно ответила Гермиона. – Скорее... интересно... думаю, мы поступаем правильно... по-моему... Да?

Гарри переглянулся с Роном.

– Спасибо, теперь понятно, – сказал Рон. – А то, знаешь, очень раздражает, когда тебе ничего не могут толком объяснить.

Гермиона перевела на него взгляд, будто лишь теперь заметила, что он стоит рядом.

– Я думала, – она заговорила отчетливее, – правильно ли мы поступаем. Я имею в виду общество защиты от сил зла.

– Что?! – хором вскричали Рон и Гарри.

– Гермиона, ты же сама это затеяла! – возмутился Рон.

– Сама, – кивнула Гермиона, сплетая пальцы. – Но после разговора со Шляриком...

– Но он же за, – удивился Гарри.

– Вот именно. – Гермиона снова уставилась в окно. – Вот именно. Поэтому я и думаю: может, это все-таки неправильно?

Лежа на животе, над ними проплыл Дрюзг, держа на изготовку трубочку для стрельбы горохом. Ребята автоматически подняли над головами рюкзаки и держали, пока полтергейст не пролетел мимо.

— Я ничего не понимаю, — недовольно сказал Гарри, когда они опустили рюкзаки на пол. — Сириус за нас, и поэтому ты сомневаешься, стоит ли это затевать?

Гермиона жалобно, даже затравленно скривилась и уставилась на свои руки:

— Вот скажи честно: ты его суждениям доверяешь?

— Да! Доверяю! — не задумываясь ответил Гарри. — Он всегда давал нам хорошие советы.

Мимо просвистела бомбочка и сильно ударила по уху Кэти Белл. Кэти вскочила и начала яростно кидаться в Дрюзга чем попало. Гермиона молча наблюдала. Прошло довольно много времени, прежде чем она заговорила вновь.

— Вам не кажется, что Шлярик стал... — она очень тщательно подбирала слова, — как бы это сказать... безрассуден... с тех пор, как ему приходиться безвылазно сидеть дома? Вам не кажется, что он... живет... как бы... через нас?

— Что это значит, «через нас»? — с вызовом спросил Гарри.

— Я имею в виду... По-моему, он сам был бы счастлив организовать тайное общество под носом у представителя министерства... По-моему, он бесится оттого, что сейчас практически бессилен... поэтому, мне кажется, он нас и... как бы получше выразиться... подстрекает.

Рона это ошеломило.

— Сириус прав, — изрек он. — Ты и правда совсем как моя мама.

Гермиона прикусила губу и ничего не ответила. Дрюзг подлетел к Кэти Белл и вылил ей на голову целую бутылку чернил. В этот момент прозвонил колокол.

К вечеру погода не улучшилась, и Гарри и Рон, пока дошли до стадиона, успели вымокнуть до нитки. Ноги скользили и разъезжались на мокрой траве, над головами висели мрачные свинцовые тучи. Приятно было хоть на время укрыться в теплой, ярко освещенной раздевалке. Фред и Джордж уже пришли. Они всерьез обсуждали, не прогулять ли тренировку, воспользовавшись какой-нибудь из злостных закусок.

— …но она сразу догадается, — вполголоса говорил Фред. — Я только вчера пытался продать ей рвотные ракушки.

— Может, гриппозную галету попробовать? — пробормотал Джордж. — Их мы еще никому не показывали…

— А что, правда действуют? — сразу заинтересовался Рон. За окнами выл ветер. Дождь с новой силой забарабанил в стекло.

— Еще как, — сказал Фред, — температура подскакивает выше некуда.

— Но появляются огромные гнойные фурункулы, — добавил Джордж, — и мы пока не знаем, как от них избавляться.

— Не вижу никаких фурункулов. — Рон внимательно оглядел братьев.

— Неудивительно, — хмуро проворчал Фред, — они на таком месте, которое не принято демонстрировать публике.

— Но летать с ними на метле — истинный гемо…

— Так, слушайте сюда, — раздался громкий голос Ангелины, которая только что вышла из капитанского кабинета. — Я понимаю, погода не идеальная. Но не исключено, что первый матч со «Слизерином» придется играть в таких же условиях, поэтому все очень даже удачно — мы сможем выработать правильную тактику. Гарри, помнится, на матче с «Хуффльпффом» ты сделал что-то такое со своими очками, чтобы они не запотевали?

— Это Гермиона сделала, — ответил Гарри. Он достал палочку, постучал по стеклам очков и сказал: — Импервиус!

— Думаю, всем стоит попробовать, — решила Ангелина. — Если дождь не будет бить в лицо, видимость сильно улучшится… Давайте, все вместе: импервиус! Вот так. Пошли.

Спрятав палочки во внутренние карманы мантий, все взвалили на плечи метлы и вслед за Ангелиной вышли из раздевалки.

Прохлюпав по глубокой грязи, скрипевшей под ногами, команда вышла на середину поля. Видимость, несмотря на заклятие, была ужасная. Дождь стоял стеной, и в довершение ко всему быстро темнело.

— Готовы? По моему свистку! — прокричала Ангелина.

Гарри оттолкнулся от земли — из-под ног во все стороны брызнула грязь, — и устремился вверх; ветер немного сносил его в сторону. Несколько, как в такую погоду разглядеть Проныру — тут и Нападалы-то

не видно. Спустя минуту после начала тренировки коварный мяч чуть не сшиб Гарри с метлы, и пришлось применить Подвес Ленивца. Жаль, Ангелина не видела. Собственно, она, как и все прочие, не видела почти ничего. Никто не имел ни малейшего представления, чем занимаются остальные. Ветер крепчал, и даже с поля был слышен шипящий грохот дождя по поверхности озера.

Прошел почти час, прежде чем Ангелина признала свое поражение и повела вымокшую, страшно недовольную команду назад в раздевалку, заверяя всех, что время было потрачено совсем не напрасно, – впрочем, без особой убежденности. Фред с Джорджем злились больше всех; они плелись враскоряку, морщась при каждом шаге. Гарри, вытираясь полотенцем, слышал, как они тихо жаловались друг другу.

– По-моему, у меня несколько штук лопнуло, – в изнеможении вздохнул Фред.

– А у меня нет, – отозвался Джордж, сжимая зубы, – нарывают со страшной силой... Такие огромные, прямо как я не знаю что...

– ОЙ! – вскрикнул Гарри.

Он зажмурился от боли и прижал полотенце к лицу. Так сильно шрам не болел уже очень давно.

– Что случилось? – спросило сразу несколько голосов.

Гарри опустил полотенце. Без очков все в раздевалкеказалось размытым, но он видел, что лица повернуты к нему.

– Ничего, ничего, – пробормотал он, – просто я... случайно ткнул себя в глаз.

При этом он со значением посмотрел на Рона, и, когда все, укутавшись в плащи и низко надвинув шляпы, вышли на улицу, они вдвоем задержались в раздевалке. Алисия скрылась за дверью последней, и Рон тут же спросил:

– В чем дело? Опять шрам?

Гарри кивнул.

– Но... – Рон испуганно выглянул в дождь за окном, – ведь... он не может быть рядом, нет?

– Нет. – Гарри опустился на скамейку и потер лоб. – Он за много миль отсюда. Шрам болит, потому что... он... страшно зол.

Гарри совершенно не собирался этого говорить, слова получились как чужие, но едва услышав их, он понял, что это правда. Он не

понимал, откуда это ему известно, но нисколько не сомневался: Вольдеморт, где бы ни был и что бы ни делал, кипит от ярости.

– Ты что, видел его? – в ужасе спросил Рон. – У тебя... было видение? Или что?

Гарри сидел не шевелясь и глядел себе под ноги. Он старался пустить мысли на самотек, расслабиться после боли.

Перед ним пронеслись какие-то тени, раздались голоса...

– Ему что-то нужно, он приказал что-то сделать, а дело продвигается медленно, – сказал Гарри и опять, услышав эти слова, очень удивился, но понял, что это правда.

– Но... откуда ты знаешь? – пролепетал Рон.

Гарри покачал головой, закрыл лицо руками и надавил ладонями на глаза. Под веками ярко сверкнули звезды. Он почувствовал, что Рон сел рядом, ощущил его взгляд.

– В кабинете Кхембридж было то же самое, да? – сдавленно заговорил Рон. – Когда у тебя заболел шрам? Сам-Знаешь-Кто тогда тоже злился?

Гарри покачал головой.

– А что?

Гарри стал вспоминать. Он посмотрел Кхембридж в лицо... шрам заболел... а в животе возникло странное ощущение... как будто что-то подпрыгнуло, замерло... *счастье*... конечно, тогда он не понял, что это счастье, потому что ему самому было так плохо...

– Тогда он, наоборот, чему-то радовался, – сказал в конце концов Гарри. – Очень сильно. Он ждал... чего-то хорошего. А в ночь перед началом учебного года, – Гарри стал припоминать подробности той ночи, когда шрам заболел в спальне на площади Мракэнтлен, – он был разъярен...

Он повернулся к Рону. У того округлились глаза.

– Да, друг, тебе пора заменять Трелони, – благоговейно промолвил он.

– Я же не пророчествую, – возразил Гарри.

– Нет, но... знаешь, что ты делаешь? – В голосе Рона страх мешался с восхищением. – *Ты читаешь мысли Сам-Знаешь-Кого!*

– Нет, – покачал головой Гарри. – Это не мысли, скорее... настроение, наверное. Передо мной что-то мелькает, и я понимаю, в каком он настроении. Думбльдор говорил, что и в прошлом году было

то же самое. Он сказал, я чувствую, когда Вольдеморт рядом или когда у него приступ ненависти. А теперь, похоже, я чувствую, и когда ему хорошо...

Оба замолчали. Стены раздевалки сотрясались от дождя и ветра.

– Надо кому-то рассказать, – произнес Рон.

– В прошлый раз я говорил Сириусу.

– Значит, расскажи и в этот раз!

– А как? Я не могу! – мрачно ответил Гарри. – Забыл, что ли: и очаги и совы – все под контролем Кхембридж.

– Тогда Думблдору.

– Он и так знает, – буркнул Гарри. Он встал со скамейки, снял плащ с крючка и накинул на плечи. – Что толку сто раз говорить одно и то же.

Рон, застегивая свой плащ, задумчиво посмотрел на Гарри.

– А по-моему, Думблдор должен знать, – проговорил он.

Гарри пожал плечами:

– Пойдем... Нам еще замолчары отрабатывать.

Ни слова не говоря, они шагали по темному двору, поскользываясь и спотыкаясь на раскисшей траве. Гарри напряженно думал. Что так нужно Вольдеморту? Что происходит медленнее, чем ему бы хотелось?

«...у него есть и другие цели... их он может достичь без всякого шума... нечто такое, что добывается только хитростью... скажем, оружие. То, чего у него не было в прошлый раз».

С головой погрузившись в школьную жизнь, в борьбу с Кхембридж и несправедливостью министерства, Гарри уже которую неделю не вспоминал эти слова. А теперь вспомнил и задумался... Если Вольдеморту не удается добраться до этого самого оружия – не важно, что это такое, – его гнев вполне понятен. Видимо, Орден мешает Вольдеморту, не дает заполучить оружие? Где оно хранится? У кого оно сейчас?

– Мимбулюс мимблетония. – Голос Рона вывел Гарри из забытья как раз вовремя, и он через дыру за портретом вскарабкался в общую гостиную.

Гермиона, как оказалось, ушла спать рано. Косолапсус валялся в кресле. На столике у камина было разложено множество шишковатых шапочек. Гарри был рад, что Гермионы нет; у него не было сил снова

говорить о боли в шраме и выслушивать советы сообщить обо всем Думблдору. Рон то и дело беспокойно на него косился, но Гарри решительно достал учебник по зельям и принялся за сочинение. Впрочем, мысли его где-то витали, и, к тому времени как Рон тоже собрался спать, Гарри почти ничего не написал.

Наступила и миновала полночь, а Гарри все читал и перечитывал абзац про любисток, а также цинготную и чихотную траву, не понимая ни слова.

Растенья эти распаляют мозг, а оттого особо действенны в замешательном и задуряющем зельях, когда колдун желает возбудить горячечность и безрассудство...

Гермиона сказала, что Сириус стал безрассуден, из-за того что безвылазно сидит дома...

...распаляют мозг, а оттого особо действенны...

...если бы в «Оракуле» узнали, что Гарри улавливает чувства Вольдеморта, они сочли бы, что у него воспаление мозга...

...в замешательном и задуряющем зельях...

...замешательно... это уж точно... *Откуда* он знает, что чувствует Вольдеморт? Из-за той самой связи между ними, которую Думблдор так и не смог толком объяснить?

...когда колдун желает...

...как же хочется спать...

...возбудить горячечность...

...у камина тепло и уютно, дождь стучит в окна, Косолапус мурлычет, потрескивает огонь...

Книга выскользнула из рук и с глухим стуком упала на коврик. Голова Гарри запрокинулась набок...

Он опять шел по коридору без окон, и его шаги гулко отдавались в тишине. Дверь в конце коридора становилась все больше; сердце от волнения колотилось... только бы ее открыть... войти...

Он протянул руку... почти коснулся двери кончиками пальцев...

– Гарри Поттер, сэр!

Сильно вздрогнув, Гарри проснулся. Свечи погасли, а совсем рядом что-то движется...

– Хтозесь? – Гарри подскочил в кресле. Огонь в камине почти потух, в комнате было очень темно.

– Добби принес вашу сову, сэр! – проскрипел чей-то голос.

– Добби? – пробубнил Гарри, вглядываясь в темноту на голос.

У стола, где Гермиона оставила полдюжины своих творений, стоял домовый эльф Добби. На его голове высилась пирамида шапочек, надетых одна на другую – похоже, всех, что связала Гермиона. В шапочках голова эльфа удлинилась фута на два, а то и три. Под ними торчали большие заостренные уши. Сверху, мирно ухая, покачивалась вполне здоровая Хедвига.

– Добби вызвался вернуть Гарри Поттеру его сову, – пропищал эльф. Его лицо светилось обожанием. – Профессор Гниллер-Планк говорит, что сова здорова, сэр. – Он склонился в глубоком поклоне, клюнув вытертый коврик острым носом-карандашником. Хедвига возмущенно ухнула и перепорхнула к Гарри на подлокотник.

– Спасибо тебе, Добби! – поблагодарил Гарри, поглаживая Хедвигу по голове.

Он усиленно моргал – перед глазами еще стояла запертая дверь... Все было так ярко... Гарри посмотрел на Добби внимательнее и заметил, что эльф надел несколько шарфиков и кучу носков, отчего ноги у него стали огромны до нелепости.

– Ты собираешь *все*, что связала Гермиона?

– Ой нет, сэр, – радостно ответил эльф. – Добби берет вещи и для Винки, сэр.

– Как она поживает? – поинтересовался Гарри.

Уши Добби немного поникли.

– Винки по-прежнему много пьет, Гарри Поттер, сэр, – уныло пробормотал он, уставив в пол круглые зеленые глаза, огромные, как теннисные мячи. – И она никак не полюбит одежду. Другие эльфы тоже, сэр. Никто больше не хочет прибираться в гриффиндорской башне, сэр, здесь повсюду носки и шапочки, это их обижает, сэр. Добби приходится самому, сэр, но Добби не против, Добби каждый раз надеется встретить Гарри Поттера, сэр, и сегодня его мечта сбылась! – Эльф опять склонился в глубоком поклоне. – Но Гарри Поттер отчего-то грустен, – продолжал Добби, выпрямляясь и робко поднимая глаза на Гарри. – Добби слышал, как Гарри Поттер бормотал во сне. Ему снился плохой сон?

– Ну не то чтобы плохой. – Гарри зевнул и потер глаза. – Видели и похуже.

Эльф внимательно посмотрел на Гарри громадными шарообразными глазами. Потом, повесив уши, серьезно сказал:

– Добби очень хотел бы помочь Гарри Поттеру. Гарри Поттер освободил Добби, и Добби стал намного, намного счастливее.

Гарри улыбнулся:

– Ты ничем не можешь мне помочь, Добби, но я очень благодарен тебе за предложение.

Он наклонился и поднял книгу о зельях. Придется дописать сочинение завтра. Он захлопнул книгу, и тусклый свет камина упал на тонкий витой шрам – фразу, вырезанную на руке, напоминание о наказании Кхембридж…

– Погоди-ка, Добби… Я знаю, что ты можешь для меня сделать, – медленно проговорил Гарри.

Эльф, просияв, обернулся:

– Только скажите, что именно, Гарри Поттер, сэр!

– Мне нужно найти место, где двадцать восемь человек могли бы практиковаться в защите от сил зла и их не нашел бы никто из учителей. Особенно, – Гарри стиснул книгу, и слова на руке перламутрово сверкнули, – профессор Кхембридж.

Он ждал, что улыбка исчезнет с лица эльфа, а уши поникнут, он думал, Добби скажет, что это невозможно или в лучшем случае что он постараится, но надежды на успех мало. Гарри никак не ожидал, что Добби, тряхнув ушами, весело подпрыгнет и хлопнет в ладоши.

– Добби знает подходящее место, сэр! – вскричал эльф. – Добби услышал про него от других эльфов, когда только поступил на работу в «Хогварц», сэр. Это место называют Комната Есть-Нет, или Кстати-комната.

– Почему? – удивился Гарри.

– Потому что, – ответил Добби, – войти в эту комнату человек может, только когда она ему очень кстати. Иногда она появляется, иногда исчезает, но если она есть, человек всегда найдет в ней то, что ему нужно. Добби однажды был там, сэр, – эльф виновато понизил голос, – когда Винки сильно напилась усладэля. Добби спрятал ее в Кстати-комнате, сэр. Он нашел там средство от опьянения, сэр, и хорошую удобную кровать как раз эльфу по размеру, и Добби уложил Винки, чтоб она проспалась, сэр… И еще Добби знает, сэр, что мистер

Филч всегда находит там запас моющих средств, когда они у него вдруг заканчиваются, а...

– А если человеку вдруг очень сильно приспичит в туалет, – перебил Гарри, внезапно вспомнив рассказ Думбльдора, – там будет полным-полно ночных горшков?

– Добби думает, что да, сэр, – без тени улыбки кивнул эльф. – Это очень и очень удивительная комната, сэр.

– А сколько народу про нее знает? – Гарри выпрямился в кресле.

– Очень мало, сэр. Большинство попадает туда случайно, когда им что-то до зарезу нужно, но потом, очень часто, больше не могут ее найти, они не знают, что комната всегда на месте, только и ждет, когда кому-нибудь понадобится.

– Но это же здорово! – Сердце у Гарри колотилось как бешеное. – Здорово, Добби! Когда сможешь показать, где эта комната?

– В любое время, Гарри Поттер, сэр. – Добби был в восторге, что сумел угодить Гарри. – Если желаете, можем пойти прямо сейчас!

Гарри чуть было не согласился. Он уже привстал с кресла, собираясь сбегать за плащом-невидимкой... но уже не в первый раз голос, чрезвычайно похожий на Гермионин, шепнул ему на ухо: *безрассуден*. И потом, уже поздно, и он ужасно устал.

– Нет, Добби, не сегодня. – Гарри неохотно опустился обратно. – Это слишком важно... Нельзя все испортить, я сначала должен как следует подумать. Слушай, а можешь мне точно рассказать, где эта Кстати-комната и как в нее попасть?

Когда на следующий день ребята шлепали по затопленному огороду на пару гербологии, мантии то разевались, то облепляли тело на ветру. Капли дождя, больше похожие на градины, так грохотали по крыше теплицы, что почти невозможно было расслышать объяснений профессора Спарж. Урок ухода за магическими существами пришлось перенести в пустую аудиторию на первом этаже. За обедом, ко всеобщему несказанному облегчению, Ангелина объявила команде, что на сегодня тренировка отменяется.

– И очень хорошо, – негромко ответил Гарри, – потому что мы нашли место для первого собрания. Встречаемся в восемь вечера на седьмом этаже, напротив гобелена, знаешь, где тролли забивают дубинами Барнабаса Безбашенного. Скажешь Кэти и Алисии?

Ангелину эта новость застала врасплох, но она обещала все передать. Гарри жадно набросился на пюре с сосисками. Подняв голову, чтобы отпить тыквенного сока, Гарри обнаружил, что за ним очень пристально наблюдает Гермиона.

– Что? – с набитым ртом спросил он.

– Просто... то, что предлагает Добби, не всегда безопасно. Забыл, как лишился костей?

– Но Добби не придумал эту комнату. Думбльдор про нее тоже знает – он упоминал на рождественском балу.

Лицо Гермионы прояснилось.

– Думбльдор о ней говорил?

– Так, мимоходом, – пожал плечами Гарри.

– Тогда ладно, тогда все в порядке, – удовлетворенно кивнула Гермиона и больше возражений не высказывала.

Большую часть дня Гарри с Роном разыскивали тех, кто был в «Башке борова» и подписался на пергаменте, – сообщали, где и когда будет первое собрание (Гарри немного огорчился, узнав, что Джинни уже сказала о собрании Чо и ее подружке). Так или иначе, к концу ужина он был уверен, что новость передали всем, кому нужно.

В половине восьмого Гарри, Рон и Гермиона вышли из гриффиндорской гостиной; Гарри крепко сжал в руках некий старинный пергамент. Пятиклассникам разрешалось находиться в коридорах до девяти вечера, но, поднимаясь на седьмой этаж, ребята то и дело нервно озирались.

– Подождите, – сказал Гарри на последней площадке, развернул пергамент, постучал по нему волшебной палочкой и пробормотал: – Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего.

На пустом листе простирали карта «Хогварца», по которой двигались крошечные черные точки с пометками: сразу видно, где кто.

– Филч на втором этаже, – поднеся карту к глазам, сообщил Гарри, – миссис Норрис на четвертом.

– А Кхембридж? – озабоченно спросила Гермиона.

– У себя в кабинете, – показал Гарри. – Ладно, пошли.

Они торопливо добрались до места, которое описал Добби. На одной стене висел огромный gobelin, изображавший неудачную попытку Барнабаса Безбашенного научить троллей балету. Довольно большой кусок стены напротив был абсолютно гол.

— Так, — тихо произнес Гарри, и один из траченных молью троллей, неутомимо избивавших несостоявшегося хореографа, опустил дубинку и посмотрел на ребят, — Добби сказал пройти вдоль этой стены три раза, как следует сосредоточившись на том, что нам нужно.

Они принялись ходить вдоль стены, резко разворачиваясь то у окна, то у громадной вазы высотой в человеческий рост. Рон усердно щурился, Гермиона шептала что-то себе под нос, а Гарри смотрел прямо перед собой и крепко сжимал кулаки.

Нам нужно место, чтобы учиться сражаться... — думал он. — Пожалуйста, дайте нам место для тренировок... место, где нас не найдут...

— Гарри! — воскликнула Гермиона, как только они круто развернулись после третьего прохода.

В стене появилась отполированная до глянцевого блеска дверь. Рон посмотрел на нее с опаской. Гарри взялся за медную ручку, потянул на себя и первым вошел в просторную комнату, освещенную мерцающими факелами, как в подземельях восемью этажами ниже.

Вдоль стен стояли деревянные книжные шкафы, а на полу, заменяя кресла, лежали большие шелковые подушки. На полках у дальней стены стояли разнообразные приборы: горескопы, сенсоры секретности, большое надтреснутое Зеркало Заклятых. Гарри был уверен, что именно это зеркало висело в прошлом году в кабинете лже-Хмури.

— Пригодится для сногсшибания. — Рон с воодушевлением пнул подушку.

— Вы только взгляните, какие тут книжки! — восхитилась Гермиона, пробегая пальцем по корешкам кожаных переплетов. — «Краткий справочник общеупотребительных заклятий и их нейтрализация»... «Победа над силами зла»... «Заклятия для самозащиты»... ничего себе... — Сияя, она обернулась к Гарри, и он понял: куча книг в этой комнате наконец убедила Гермиону, что они все делают правильно. — Гарри, это же замечательно, здесь все, что нам нужно!

Она без промедления вытянула с полки книгу под названием «Порча для испорченных», опустилась на подушку и погрузилась в чтение.

В дверь тихо постучали. Гарри оглянулся. Пришли Джинни, Невилл, Лаванда, Парвати и Дин.

— Мама, — потрясенно промолвил Дин, озираясь. — Что это тут?

Гарри начал объяснять, но, не успел он закончить, явились новые люди, и пришлось объяснять заново. К восьми часам все подушки были заняты. Гарри подошел к двери и повернул ключ в замке. Раздался успокоительно громкий щелчок, и все замолчали, выжидательно глядя на Гарри. Гермиона, аккуратно пометив страницу, отложила «Порчу для испорченных».

— Вот, — немного волнуясь, начал Гарри, — нам удалось найти место для собраний, и всем, я вижу... э-э... оно понравилось.

— Здесь здорово! — воскликнула Чо, и кое-кто согласно забормотал.

— Странное дело. — Фред, нахмутившись, вертел головой. — Мы как-то прятались здесь от Филча, помнишь, Джордж? Только тогда это был чулан.

— Гарри, а это что за штуки? — спросил Дин из дальнего угла, показывая на горескоп и Зеркало Заклятых.

— Детекторы сил зла, — объяснил Гарри, пробираясь к ним меж подушек. — В принципе они показывают, что где-то поблизости находится черный колдун или враг, но полностью полагаться на них нельзя, их можно одурачить...

Он постоял в задумчивости, глядя в Зеркало Заклятых. В мутной глубине двигались какие-то тени, но Гарри никого не узнавал. Он отвернулся от зеркала.

— Ладно, к делу. Я тут думал, с чего начать и... — Он заметил поднятую руку. — Что, Гермиона?

— Мне кажется, нам надо выбрать руководителя, — сказала Гермиона.

— Руководитель — Гарри, — немедленно отозвалась Чо, глядя так, будто Гермиона сошла с ума.

Внутри у Гарри в очередной раз все перевернулось.

— Да, но, по-моему, мы должны за это проголосовать, — нисколько не смущившись, ответила Гермиона. — Чтобы официально закрепить за ним права. Итак — кто считает, что главным должен быть Гарри?

Все подняли руки — даже Захария Смит, хотя он голосовал с явной неохотой.

— Спасибо. — Гарри сильно покраснел. — Тогда... Что *еще*, Гермиона?

– Еще я думаю, что у нас должно быть название, – не опуская руки, бодро объявила Гермиона. – Это поспособствует укреплению командного духа и чувства единства.

– Может, «Лига против Кхембридж»? – вдохновенно предложила Ангелина.

– Или движение «Министерство магии – мазурики»? – предложил Фред.

– Я думаю, – Гермиона посмотрела на Фреда, сурово сдвинув брови, – нам нужно такое название, чтобы по нему нельзя было догадаться, о чем речь, и мы бы спокойно могли его произносить вне занятий.

– «Доблестная армия»? – сказала Чо. – Сокращенно – «Д. А.». Никто не догадается.

– «Д. А.» – это хорошо, – одобрила Джинни. – Только пусть это значит «Думбльдорова армия» – этого же министерство и боится больше всего?

Все одобрительно загомонили и засмеялись.

– Все согласны на Д. А.? – начальственно осведомилась Гермиона и встала на колени на подушке, чтобы сосчитать голоса. – Так, большинство – предложение принято!

Она повесила на стену пергамент со всеми подписями и написала сверху большими буквами:

ДУМБЛЬДОРОВА АРМИЯ

– Превосходно, – сказал Гарри, когда Гермиона наконец села, – может, теперь приступим? Я думаю, надо начать с «экспеллиармус» – с разоружного заклятия. Я понимаю, оно простое, но мне очень пригодилось...

– Я тебя умоляю. – Захария Смит закатил глаза и сложил руки на груди. – Как-то я сомневаюсь, что «экспеллиармус» спасет нас от Сам-Знаешь-Кого.

– В июне оно спасло мне жизнь, – негромко ответил Гарри. – Я его и использовал.

Смит глупо разинул рот. В комнате сделалось очень тихо.

– Но если ты выше этого, можешь уйти, – сказал Гарри.

Смит не шевельнулся. Остальные тоже.

— Отлично, — кивнул Гарри. Оттого, что все взгляды были направлены на него, во рту немного пересохло. — Давайте разделимся на пары и потренируемся.

Было очень странно раздавать указания, но еще страннее — видеть, как другие им подчиняются. Все встали и разделились на пары. Невилл, как водится, остался без партнера.

— Ты будешь со мной, — сказал ему Гарри. — На счет три: раз, два, три...

По всей комнате зазвенело: «Экспеллиармус!» Волшебные палочки полетели в разные стороны, заклинания, ударившие мимо, сбили с полок книги. Гарри действовал слишком быстро, Невилл за ним не успевал: палочка, закрутившись винтом, вылетела у бедняги из рук, стукнулась о потолок, высекла фонтан искр и со стуком упала на полку. Гарри пришлось применить призывное заклятие. Потом он огляделся и подумал, что, решив начать с азов, был абсолютно прав — его ученики выступали отнюдь не блестяще. Многие не столько разоружили оппонента, сколько заставили его отпрыгнуть или просто чуть поморщиться от слабенького удара заклинанием.

— Экспеллиармус! — проговорил Невилл, и Гарри, застигнутый врасплох, почувствовал, как палочка вылетела у него из рук.

— ПОЛУЧИЛОСЬ! — ошелев от радости, закричал Невилл. — Раньше никогда не получалось!.. ПОЛУЧИЛОСЬ!!

— Молодец, — похвалил Гарри. Он решил не огорчать Невилла и не стал говорить, что на настоящей дуэли противник не стоял бы, тупо глазея по сторонам и позабыв о собственной палочке. — Слушай, потренируйся пока с Роном и Гермионой, по очереди, а я похожу и посмотрю, как успехи у остальных.

Гарри прошел в центр комнаты. С Захарией Смитом творилось что-то странное. Стоило ему открыть рот, чтобы разоружить Энтони Голдштейна, как палочка вылетала у него из рук, а Энтони при этом не издавал ни звука. Впрочем, Гарри быстро понял, в чем дело: в нескольких шагах за спиной Смита стояли Фред с Джорджем и по очереди показывали на него палочками.

— Прости, Гарри, — сказал Джордж, встретившись с ним взглядом. — Не могли удержаться.

Гарри подходил к дуэлянтам и поправлял тех, у кого что-то получалось неправильно. Джинни стояла в паре с Майклом Корнером,

и у нее все шло очень хорошо; Майкл же либо плохо колдовал, либо боялся обидеть Джинни. Эрни Макмиллан слишком замысловато размахивал палочкой, и противник успевал пробить его защиту; братья Криви действовали с большим воодушевлением, но хаотично – именно они раскидали большинство книжек; Луна Лавгуд тоже была непредсказуема: у Джастина Финч-Флетчи то вылетала из рук палочка, то всего-навсего дыбом вставали волосы.

– Все, стоп! – крикнул Гарри. – *Стоп! СТОП!*

Мне нужен свисток, – подумал он и тут же заметил свисток поверх книжек на ближайшей полке. Он схватил его и сильно дунул. Все опустили палочки.

– Неплохо, – сказал Гарри, – но можно и лучше. – (Захария Смит прожег его взглядом.) – Попробуем еще.

Гарри снова стал ходить по комнате, иногда останавливаясь и давая советы. Мало-помалу все стали делать успехи. Гарри избегал приближаться к Чо и ее подруге, но через некоторое время стало невозможно их игнорировать: к другим парам он подходил уже по два раза.

– Ой нет, – испуганно забормотала Чо. – Экспел-лиармиус! То есть экспеллимеллиус! Ой! Прости, Мариэтта!

Рукав ее кудрявой подружки загорелся. Мариэтта потушила огонь волшебной палочкой и воззрилась на Гарри так, будто в пожаре виноват он.

– Гарри, это я из-за тебя разволновалась, у меня все получалось раньше! – удрученно вздохнула Чо.

– Да все было нормально, – соврал Гарри, но, когда Чо подняла брови, сказал: – Если честно, это никуда не годилось, но я знаю, что ты все умеешь, я наблюдал издалека.

Чо засмеялась. Мариэтта с отвращением поглядела на них и отвернулась.

– Не обращай внимания, – шепнула Чо. – Она не хотела приходить, это я ее заставила. Родители велели ей не перечить Кхембридж. У нее мама работает в министерстве.

– А твои родители? – спросил Гарри.

– Мне тоже не велели, – гордо приосанилась Чо. – Но, если они думают, что после Седрика я не буду бороться с Сам-Знаешь-Кем...

Она смущенно оборвала себя на полуслове, и между ними повисло неловкое молчание. Палочка Терри Бута, просвистев мимо уха Гарри, больно ударила по носу Алисию Спиннет.

— А мой папа поддерживает любые выступления против министерства! — раздался за плечом Гарри победный голос Луны Лавгуд. Видимо, пока Джастин Финч-Флетчи выпытывался из задравшейся на голову мантии, она слушала их разговор с Чо. — Папа всегда говорил, что от Фуджа можно ждать чего угодно. Только подумайте, сколько гоблинов он убил! И потом, департамент тайн разрабатывает ему всякие страшные яды, а Фудж потом подсыпает их своим врагам. И еще у него есть глобалденный рассекайфер...

— Даже не спрашивай, — шепнул Гарри, когда Чо заинтересованно открыла рот. Чо хихикнула.

— Эй, Гарри, — через всю комнату позвала Гермиона, — ты следишь за временем?

Он взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что уже десять минут десятого и надо срочно расходиться — не то можно попасться Филчу и получить взыскание за прогулки по коридорам в неподложенное время. Гарри подул в свисток, все прекратили кричать «экспеллиармус», и последняя пара палочек со стуком упала на пол.

— Что ж, вы работали очень неплохо, — сказал Гарри, — но мы подзадержались. Итак — здесь же, в то же время, через неделю?

— Побыстрее! — с жаром закричал Дин Томас, и многие закивали.

Ангелина, однако, тут же вмешалась:

— Скоро открывается квидишний сезон, тренироваться пора!

— Давайте в следующую среду, — решил Гарри, — тогда и договоримся о дополнительных занятиях. А теперь всё, уходим.

Он достал Карту Каверзника и внимательно посмотрел, нет ли на седьмом этаже учителей. Потом стал выпускать всех по троє или четверо и озабоченно смотрел по карте, благополучно ли они добрались до своих общежитий: хуффльпуффцы — на нижний этаж, в коридор, который вел и на кухню, вранзорцы — в западную башню замка, а гриффиндорцы — к портрету Толстой Тети в конце коридора.

— Гарри, все прошло очень, очень здорово, — сказала Гермиона, когда в Кстати-комнате остались лишь они трое.

— Да! — с чувством поддержал Рон. Они выскоцкнули за дверь, и та медленно растворилась в стене. — Гарри, ты видел, как я разоружил

Гермиону?

– Всего один раз, – оскорблённо отозвалась та. – А я тебя – намного больше...

– Ничего не один раз, а минимум три...

– Ну, если ты считаешь тот случай, когда ты споткнулся и выбил палочку у меня из рук...

Они спорили всю дорогу до общей гостиной, но Гарри их не слушал. Он одним глазом следил за Картой Каверзника, а еще вспоминал слова Чо: «Это я из-за тебя раз волновалась».

Глава девятнадцатая

Лев и Змея

Прошло две недели. Гарри как будто носил в груди некий талисман – сияющую тайну, что очень помогала ему в трудную минуту. Он невозмутимо сидел на уроках Кембридж и лишь равнодушно улыбался, встречая взгляд ее ужасных выпученных глаз. Что ни говори, а Д. А. оказывает сопротивление Кембридж прямо у нее под носом, занимается именно тем, чего в министерстве боятся больше всего! На уроках защиты от сил зла, вместо того чтобы читать Уилberta Уиляйла, Гарри предавался приятным воспоминаниям о собраниях Д. А.: Невилл сумел разоружить Гермиону; Колин Криви после долгих трудов (целых три вечера!) овладел порчей-помехой; Парвати Патил так успешно применила раскидальное заклятие, что столик с горескопами буквально обратился в пыль.

Назначить для занятий какой-то определенный день не удавалось: приходилось приспосабливаться к графику трех разных квидищных команд, а тренировки из-за плохой погоды часто переносили. Но Гарри считал, что подобная непредсказуемость только к лучшему. Чем спонтаннее встречи, тем труднее их выследить, если кто-то и пытается.

Вскоре Гермиона изобрела хитрый способ извещать членов общества о дате и времени следующей встречи, особенно когда появлялась необходимость срочно перенести собрание: все учились в разных колледжах, и частые переговоры в Большом зале выглядели бы подозрительно. Поэтому Гермиона раздала всем участникам Д. А. по фальшивому галлеону (Рон, увидев корзинку, пришел в страшное возбуждение: он решил, что деньги настоящие).

– Видите цифры с краю? – в конце четвертой встречи общества сказала Гермиона, подняв повыше один галлеон. Желтая монета жирно блеснула в свете факелов. – На настоящем галлеоне здесь стоит серийный номер, он указывает на гоблина, отчеканившего монету. А здесь цифры меняются – они показывают дату и время очередного собрания. При смене даты монета делается горячей – почувствуете

даже сквозь карман. Каждый возьмет себе по монете; Гарри, как только решит, когда мы встречаемся, установит дату и время на своей монете, и на всех остальных цифры тоже изменятся – я наложила на них сменочару.

За этими словами последовало гробовое молчание. Гермиона в замешательстве обвела взглядом запрокинутые к ней лица.

– Мне показалось, это хорошая идея, – неуверенно проговорила она. – Потому что если Кхембридж вдруг захочет проверить, что у нас в карманах, деньги – это же естественно, правда? Но... если вам не нравится...

– Ты умеешь налагать сменочару? – проговорил Терри Бут.

– Да, – кивнула Гермиона.

– Но это же... уровень П.А.У.К., – ослабевшим голосом пролепетал Терри.

– Ну... – скромно потупилась Гермиона. – В общем, да.

– А почему ты не во «Вранзоре»? – осведомился он, глядя на нее чуть ли не с благоговейным ужасом. – С такими-то мозгами?

– На Распределении Шляпа всерьез думала отправить меня во «Вранзор», – бодро сказала Гермиона, – но в конце концов остановилась на «Гриффиндоре». Так что, будем пользоваться галлеонами?

Раздался согласный гомон, и все подошли к корзинке с монетами. Гарри искоса посмотрел на Гермиону:

– Знаешь, что мне это напоминает?

– Нет. Что?

– Татуировки Упивающихся Смертью. Вольдеморт дотрагивается до одной, они горят у всех, и все знают, что он требует их к себе.

– Ну... да, – спокойно ответила Гермиона, – собственно, так мне и пришла эта идея... но, заметь, у меня дата появляется на металле, а не на коже.

– Да... Твой способ бесспорно лучше, – усмехнулся Гарри и спрятал галлеон в карман. – Единственная проблема – как бы их случайно не потратить.

– Вот уж вряд ли. – Рон горестно посмотрел на свою монету. – Мне ее и спутать-то не с чем.

Приближался первый квидишный матч сезона, «Гриффиндор» против «Слизерина». Ангелина требовала выходить на поле почти

каждый день, поэтому встречи Д. А. пришлось временно прекратить. Квидишиный кубок не разыгрывался уже очень давно, и предстоящая игра вызывала острый интерес и сильно оживляла школьную жизнь – исход дела волновал и «Вранзор», и «Хуффльпуфф», которым в этом году предстояло играть с обеими командами. Кураторы «Гриффиндора» и «Слизерина» ради победы готовы были на все, хотя и маскировали свои чувства под благопристойный спортивный азарт. На неделе, предшествовавшей матчу, профессор Макгонаголл ничего не задала на дом, и лишь тогда Гарри стало ясно, до какой степени она заинтересована в победе.

– Вам и так забот хватает, – изрекла Макгонаголл. Все долго не осмеливались поверить своим ушам, пока она не посмотрела в глаза Гарри и Рону и не прибавила сурово: – Я, мальчики, уже привыкла, что квидишиный кубок стоит *у меня* в кабинете. Совсем не хочется отдавать его профессору Злею. Поэтому, прошу вас, потратьте свободное время на тренировки, хорошо?

Злей тоже из кожи вон лез; он так часто резервировал квидишиное поле для своей команды, что гриффиндорцам с трудом удавалось туда попасть. Кроме того, он был абсолютно глух к многочисленным жалобам на слизеринцев, которые то и дело пытались наложить порчу на гриффиндорских игроков. Когда Алисия Спиннет попала в лазарет – ее брови вдруг принялись расти так густо и быстро, что совершенно закрыли и глаза и рот, – Злей всерьез утверждал, что она сама виновата, поскольку, судя по всему, хотела воспользоваться заклятием загустейвласа. При этом он наотрез отказывался выслушать показания четырнадцати свидетелей, которые своими глазами видели, как Охранник слизеринской команды Майлз Блетчли, зайдя со спины, заколдовал Алисию, когда та занималась в библиотеке.

Гарри в целом был настроен оптимистически – они еще ни разу не проигрывали команде Малфоя. Конечно, Рону пока далеко до Древа, но он старается изо всех сил. Правда, самое слабое его место – то, что он, допустив ошибку, сразу падает духом. Пропустит мяч, и так смущается, что неизбежно пропускает следующий. С другой стороны, будучи в форме, Рон охраняет кольца на редкость хорошо. На одной тренировке он, держась одной рукой, повис на метле и с такой силой отшвырнул Кваффл от кольца, что тот пронесся через все поле и попал в центральное кольцо на противоположной стороне. Это было

незабываемо; команда единодушно согласилась, что этот удар лучше недавнего броска Барри Райана, Охранника ирландской сборной, против лучшего польского Охотника Ладислава Замойского. Даже Фред сказал, что, кажется, они с Джорджем все-таки могут гордиться младшим братом и, пожалуй, готовы признать свое с ним родство, которое, по заверению близнецов, они долгие четыре года всячески пытались отрицать.

Однако Гарри всерьез беспокоило, что Рон очень болезненно реагирует на гнусные выходки слизеринцев и иной раз раскисает, еще не дойдя до поля. Сам Гарри за четыре года так привык к их подлым повадкам, что высказывания вроде: «Эй, Потный, говорят, Уорингтон пообещал в субботу сбросить тебя с метлы» не только не пугали его, но, напротив, искренне веселили. «Уорингтон такой косой – мне страшно за того, кто окажется со мной рядом», – ответил он тогда. Рон с Гермионой захочутали, а улыбка сразу слиняла с лица Панси Паркинсон.

Но Рон никогда не сталкивался с неотступными оскорблениями, унизительными насмешками и запугиванием. Как-то в коридоре слизеринцы – в том числе семиклассники, здоровенные парни, – проходя мимо, негромко спросили: «Ну что, Уизли, не забыл заказать себе койку в лазарете?» – и Рон не засмеялся, а, наоборот, заметно позеленел. Драко Малфой взял моду при каждой встрече изображать, как Рон роняет Кваффл, и уши Рона неизменно начинали светиться малиновым, а руки тряслись, и он нередко ронял что-нибудь еще.

Октябрь угас в ураганных ветрах и затяжных ливнях. Пришел ноябрь, студеный, с утренними заморозками, с ледяным ветром, от которого болели щеки и руки. Небо, а с ним и потолок Большого зала затянуло бледно-серым перламутром, горы вокруг «Хогварца» надели снежные шапки, а в замке было так холодно, что на переменах многие ученики ходили в толстых защитных перчатках из драконьей кожи.

Утро матча выдалось яркое и морозное. Проснувшись, Гарри посмотрел на Рона и увидел, что тот сидит в постели, обняв колени руками и тупо уставившись в пространство.

– Ты как, нормально? – спросил Гарри.

Рон кивнул, но ничего не ответил. Глядя на него, Гарри невольно вспомнил случай, когда Рон случайно наложил на себя слизнервотное

заклятие. Тогда у него было точно такое же зеленое лицо, и он точно так же сидел в холодном поту и не желал открывать рот.

– Тебе надо поесть, – ободрил его Гарри. – Вставай.

Большой зал быстро наполнялся школьниками – голоса громче обычного, настроение бодрее. Когда Гарри и Рон проходили мимо стола «Слизерина», там загомонили. Обернувшись, Гарри увидел, что помимо своих зелено-серебристых шарфов и шляп слизеринцы надели серебряные значки – кажется, в форме короны. Почему-то все дико хотели и махали руками Рону. Гарри попробовал прочитать, что написано на значках, но не успел – важнее было поскорее увести Рона подальше от слизеринцев.

Стол «Гриффиндора», где все были одеты в золотое и красное, встретил их приветственными возгласами, но это не только не подняло боевого духа Рона, но, напротив, лишило его последних остатков храбрости. Рон упал на скамью – лицо у него было как у приговоренного к казни за последним в жизни завтраком.

– Какой же я идиот, что на это согласился, – надтреснутым шепотом сказал он. – *Идиот.*

– Перестань, – решительно отмахнулся Гарри, протягивая ему хлопья, – все будет хорошо. А то, что ты нервничаешь, совершенно естественно.

– Я – полный ноль, – простонал Рон, – ничтожество. Я и под страхом смерти лучше играть не смогу. Что мне вообще взбрело?

– Возьми себя в руки, – строго сказал Гарри. – Вспомни, как ты сыграл ногой позавчера. Даже Фред с Джорджем признали, что это потрясающее.

Рон обратил к Гарри измученное лицо.

– Это случайно вышло, – в отчаянии зашептал он. – Я не собирался! Я соскользнул с метлы – просто никто не видел, – а когда влезал обратно, ненароком пнул Кваффл.

– Ну и что, – сказал Гарри, спешно скрыв неприятное удивление, – пара-тройка таких случайностей – и игра у нас в кармане!

Напротив сели Гермиона и Джинни – в красно-золотых шарфах, перчатках и с гриффиндорскими розетками.

– Ты как? – спросила Джинни у Рона. Тот смотрел в миску на остатки молока из-под хлопьев, словно всерьез подумывал в них утопиться.

– Немного нервничает, – ответил Гарри.

– Это очень хорошо. Я всегда говорю: перед экзаменами обязательно надо как следует поволноваться, – с чувством сказала Гермиона.

– Привет, – произнес за их спинами загадочный, мечтательный голос; от стола «Вранзора» подплыла Луна Лавгуд. Все смотрели на нее, а кое-кто смеялся и показывал пальцами: Луна нахлобучила на себя львиную голову в натуральную величину.

– Я болею за «Гриффиндор». – И Луна показала на свою шляпу, хотя все и так было понятно. – Смотрите, что она умеет...

Луна постучала по шляпе волшебной палочкой. Лев распахнул пасть и издал очень натуральный рык. Поблизости все вздрогнули.

– Здорово, да? – проговорила Луна. – Вообще-то я хотела сделать, чтоб он съедал слизеринскую змею, просто не успела. В общем... Удачи тебе, Рональд!

Луна уплыла. Не успели ребята прийти в себя от потрясения, вызванного шляпой, как подбежали Ангелина, Кэти и Алисия, чьи брови стараниями мадам Помфри пришли в норму.

– Как позавтракаете, – сказала Ангелина, – идите прямо на стадион. Надо посмотреть, какие условия, и переодеться.

– Мы скоро, – заверил Гарри, – вот только Рон поест...

Но через десять минут стало ясно, что Рон не может глотать, и Гарри счел, что лучше пойти на стадион. Когда они встали из-за стола, Гермиона тоже поднялась и за локоть отвела Гарри в сторонку.

– Постарайся, чтобы Рон не увидел слизеринских значков, – озабоченно шепнула она.

Гарри вопросительно на нее посмотрел, но она лишь мотнула головой: к ним на негнущихся ногах подошел Рон, потерянный и несчастный.

– Удачи, Рон, – пожелала Гермиона, приподнявшись на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Тебе тоже, Гарри...

По дороге к выходу из Большого зала Рон, казалось, постепенно приходил в чувство. Он недоумленно трогал щеку, словно не понимал, что сейчас произошло. Он так волновался, что ничего не замечал, но Гарри на ходу бросил любопытный взгляд на значки-короны у слизеринцев и на сей раз сумел прочесть надпись:

УИЗЛИ – НАШ КОРОЛЬ

Подозревая, что такой лозунг не сулит ничего хорошего, Гарри побыстрее прогнал Рона через вестибюль и вывел на улицу, на ледяной холод.

Они быстро шагали вниз по склону к квидишиному полю, и заиндевевшая трава хрустела под ногами. Ветра не было; небеса уже не первый день сияли перламутровой белизной – значит, при хорошей видимости солнце не будет слепить глаза. Гарри попытался ободрить этим Рона, но не был уверен, что тот расслышал.

Ангелина уже переоделась и беседовала с остальными в раздевалке. Гарри и Рон надели форму (Рон несколько минут пытался натянуть ее задом наперед, пока Алисия не сжалась и не подошла помочь), сели и стали слушать наставления Ангелины. Снаружи нарастал гвалт – на стадионе собирались болельщики.

– Я наконец узнала, кто играет у слизеринцев, – заглянув в пергамент, сообщила Ангелина. – Прошлогодние Отбивалы, Деррик и Боул, ушли, и Монтею, вместо того чтобы заменить их игроками, которые умеют нормально летать, естественно, взял каких-то громил. Фамилии – Краббе и Гойл. Я про них почти ничего не знаю…

– Зато мы знаем, – хором сказали Гарри и Рон.

– С виду они не очень… в общем, с метлой путаются, где верх, где низ. – Ангелина убрала пергамент в карман. – Впрочем, меня всегда удивляло, и как Деррик с Боулом без указателей находили дорогу на стадион.

– Краббе и Гойл не лучше, – заверил Гарри.

С улицы доносился топот сотен ног – школьники взирались на зрительские трибуны – и пение; правда, слов не разберешь. Гарри занервничал, но понимал, что его волнение – ничто по сравнению с состоянием Рона. С абсолютно серым лицом бедняга держался за живот и, стиснув зубы, смотрел прямо перед собой.

– Пора, – глухим голосом объявила Ангелина, поглядев на часы. – Ребята, пошли… Удачи нам.

Все встали, вскинули на плечи метлы и гурьбой вышли из раздевалки на солнечный свет. Их встретила какофония, в которой, несмотря на приветственные крики, вопли и свист, явственно слышалось пение.

Команда «Слизерина» уже их дождалась. Они все тоже нацепили серебряные значки-короны. Новый капитан слизеринцев, Монтею,

сложением походил на Дудли Дурслея – его массивные предплечья напоминали поросшие волосом окорока. За спиной Монтегю, почти такие же огромные, маячили Краббе и Гойл. Они глупо шурились на солнце и размахивали новыми битами. Малфой стоял с краю, в его светлых волосах играли яркие блики. Он поймал взгляд Гарри, ухмыльнулся и постучал по значку у себя на груди. Ангелина и Монтегю подошли друг к другу, и судья мадам Самогони приказала:

– Капитаны, обменяйтесь рукопожатиями. – Гарри увидел, что Монтегю жестоко сдавил пальцы Ангелины, но та даже не поморщилась. – По метлам...

Мадам Самогони сунула в рот свисток и дунула.

Выпустили мячи, и четырнадцать игроков взмыли в небо. Краем глаза Гарри проследил, как Рон устремился к кольцам. Гарри набрал высоту, увернулся от Нападалы и стал по периметру облетать стадион, взглядом выискивая золотой проблеск. Драко Малфой занимался тем же самым на другом конце поля.

– И Джонсон – она берет Кваффл, – как же эта девочка играет! Столько лет об этом твержу, а она все не соглашается пойти со мной на свидание!..

– ДЖОРДАН! – завопила профессор Макгонаголл.

– ...детали спортивной биографии, профессор, это я так, для интереса – вот она увернулась от Уоррингтона, обошла Монтегю, и – ой! – ее ударяет Нападала, запущенный Краббе... Монтегю ловит Кваффл, возвращается на поле... Так, это Джордж Уизли, отличный удар Нападалой по голове Монтегю! Монтегю роняет Кваффл, Кваффл у Кэти Белл, игрока «Гриффиндора», броском за спину она отдает мяч Алисии Спиннет, та уходит...

Комментарии Ли Джордана громко разносились по стадиону. Гарри вслушивался изо всех сил, хотя в ушах выл ветер, а на трибунах шумели, кричали, вопили, пели...

– ...обходит Уоррингтона, уворачивается от Нападалы – чуть не попалась, Алисия! – зрители ликуют, кстати, что это там поют?

Ли замолчал, и с зелено-серебристых трибун громко, отчетливо понеслось:

*Уизли лишь ворон считает
И колец не защищает,
«Слизерин» весь распевает:
Уизли – наш король.*

*Он в помойке проживает,
Вечно Кваффлы пропускает,
Нам победу обещает
Уизли – наш король.*

– ...Алисия передает мяч Ангелине! – заорал Ли, пытаясь заглушить песню. Гарри резко вильнул вбок – от гадостных стишков внутри все вскипело. – Давай же, Ангелина! Ей осталось лишь обойти Охранника! – ОНА ЗАБИВАЕТ – ОНА – а-а-а-а!..

Блетчли, Охранник «Слизерина», не пропустил мяч. Он бросил Кваффл Уоррингтону, и тот, стремительным зигзагом проскользнув между Алисией и Кэти, помчался через поле. Чем ближе он подлетал к Рону, тем громче пели внизу:

*Уизли – наш король!
Уизли – наш король!
Вечно Кваффлы пропускает
Уизли – наш король!*

Гарри не смог совладать с собой: забыв о Проныре, он развернулся и стал смотреть на Рона – далекую одинокую фигурку, на которую стремительно надвигалась мощная туша Уоррингтона.

– ...Кваффл у Уоррингтона; Уоррингтон летит к кольцам, он недосягаем для Нападал, и перед ним лишь Охранник...

С трибун загремело:

*Уизли лишь ворон считает
И колец не защищает...*

– ...это первое испытание нового Охранника «Гриффиндора» Рона Уизли! Младший брат Отбивал Фреда и Джорджа, очень многообещающий игрок... Давай, Рон!..

Но тут раздался восторженный вопль болельщиков «Слизерина» – Рон вслепую нырнул за Кваффлом, но тот шумно просвистел между

широко растопыренными руками гриффиндорского Охранника и угодил пряником в центральное кольцо.

– «Слизерин» забивает гол! – вырвался из общего крика голос Ли. – И счет становится десять – ноль в пользу «Слизерина». Да, не повезло, Рон...

Слизеринцы запели еще громче:

*ОН В ПОМОЙКЕ ПРОЖИВАЕТ,
ВЕЧНО КВАФФЛЫ ПРОПУСКАЕТ...*

– Гриффиндор снова владеет мячом; Кэти Белл несется по полю!.. – храбро кричал Ли, хотя его почти заглушало пение.

*НАМ ПОБЕДУ ОБЕЩАЕТ
УИЗЛИ – НАШ КОРОЛЬ...*

– Гарри, ТЫ ЧТО, ЗАСНУЛ? – взвизнула Ангелина, проносясь мимо следом за Кэти. – ШЕВЕЛИСЬ!

Гарри сообразил, что уже целую минуту неподвижно висит в воздухе, забыв о главной задаче – найти Проныру. Ужаснувшись, он резко ушел вниз и закружил над полем, пристально глядя по сторонам и стараясь не обращать внимания на хоровой рев:

*УИЗЛИ – НАШ КОРОЛЬ,
УИЗЛИ – НАШ КОРОЛЬ...*

Проныры нигде не было видно; Малфой, как и Гарри, неопределенно кружил над стадионом. Когда они встретились на середине поля, Гарри услышал, что Малфой тоже громко поет:

ОН В ПОМОЙКЕ ПРОЖИВАЕТ...

– Опять Уоррингтон, – надрывался Ли, – передает мяч Пусею – Пусей проходит Спиннет – ну же, Ангелина, возьми его – ну, нет так нет, – отличный бросок Нападалой, Фред, то есть Джордж, да без разницы – Уоррингтон упускает Кваффл – Кэти Белл – э-э – тоже упускает – мяч у Монтегю, капитан команды «Слизерина» хватает Кваффл и мчится к кольцам «Гриффиндора» – гриффиндорцы, давайте, блокируйте его!

Гарри в это время облетал кольца «Слизерина» сзади, заставляя себя не смотреть на другой конец поля. Мчась мимо слизеринского Охранника, он услышал, как тот вместе с толпой на трибунах голосит:

УИЗЛИ ЛИШЬ ВОРОН СЧИТАЕТ...

– ...Пусей вновь обходит Алисию и летит прямо к кольцам... Рон, да что ж ты делаешь-то!..

Гарри и не глядя догадался, что произошло: гриффиндорская часть трибун отчаянно застонала, а слизеринцы разразились визгом и рукоплесканиями. Внизу Гарри увидел на краю трибуны мопсообразное лицо Панси Паркинсон. Та стояла спиной к полю и дирижировала хором:

**«СЛИЗЕРИН» ВЕСЬ РАСПЕВАЕТ:
УИЗЛИ – НАШ КОРОЛЬ!**

Счет двадцать – ноль – это ерунда, уверял себя Гарри; «Гриффиндор» еще сто раз успеет обойти противника в счете либо поймать Проныру. Надо забить всего несколько мячей, и они, как всегда, будут впереди... Гарри, ныряя и виляя между игроками, помчался за золотым зайчиком, но оказалось, что это всего-навсего блестит браслет часов Монтегю.

Но вскоре Рон пропустил еще два мяча. Гарри уже слегка паниковал: надо как можно быстрее поймать Проныру, пора заканчивать эту игру!

– ...Кэти Белл обходит Пусея и, резко нырнув, уворачивается от Монтегю, отличный маневр Кэти, она передает мяч Джонсон, Ангелина ведет Кваффл, минует Уорингтона, летит к кольцам... Давай, давай, Ангелина! И «ГРИФФИНДОР» ЗАБИВАЕТ ГОЛ! Счет становится сорок – десять, сорок – десять в пользу «Слизерина», Кваффл у Пусея...

Вместе с криками гриффиндорских болельщиков до Гарри донесся рык нелепого льва Луны, и у него отлегло от сердца; всего тридцать очков, пустяки, они быстро сравняют счет. Гарри увернулся от Нападалы, которым со всей силы запустил в него Краббе, и опять ринулся на поиски Проныры, не переставая одним глазком следить за Малфоем – вдруг тот уже заметил маленький золотой мячик... Но и Малfoy все так же безрезульятно кружил над стадионом...

– ...Пусей передает Кваффл Уорингтону, Уорингтон – Монтегю, Монтегю – обратно Пусею – мяч перехватывает Джонсон, передача Белл, очень хорошо – в смысле плохо: Нападала, брошенный игроком «Слизерина» Гойлом, попадает в Белл – мяч снова у Пусея...

*ОН В ПОМОЙКЕ ПРОЖИВАЕТ,
ВЕЧНО КВАФФЛЫ ПРОПУСКАЕТ,
НАМ ПОБЕДУ ОБЕЩАЕТ...*

И тут на слизеринском конце стадиона Гарри наконец увидел Проныру – крохотный золотой мячик трепетал крылышками в каких-то футах от земли.

Гарри круто ушел в пике...

Спустя секунду, слева от него буквально из воздуха возник Малфой – зелено-серебристое пятно, слившееся с метлой...

Проныра облетел подножие одного из шестов и устремился к противоположным трибунам – очень кстати для Малфоя, который находился с нужной стороны. Гарри развернул «Всполох», они с Малфоем шли над самой землей ноздря в ноздрю...

Гарри оторвал правую руку от метлы и потянулся за Пронырой... справа к мячу, жадно хватая пальцами воздух, тянулась и рука Малфоя...

Несколько безумных, отчаянных, стремительных секунд, и пальцы Гарри сомкнулись на крохотном сопротивляющемся мячике – ногти Малфоя царапнули по его руке – Гарри, крепко держа вырывающийся мячик, потянул древко вверх – болельщики «Гриффиндора» одобрительно завопили...

Спасены! Плевать на них, на эти голы, которые пропустил Рон, «Гриффиндор» победил, о них никто и не вспомнит...

БАМ-М.

В поясницу на полной скорости врезался Нападала, и Гарри слетел с метлы. К счастью, он был футах в пяти-шести над землей, но все равно удар спиной о мерзлую землю чуть не вышиб из него дух. Раздался пронзительный свисток мадам Самогони, трибуны загадели – свист, сердитые вопли, язвительные насмешки. Потом о землю стукнулись чьи-то ноги, и Гарри услышал тревожный голос Ангелины:

– Ты жив?

– Ну а то, – сказал Гарри, уцепился за ее протянутую руку и встал. Над ним мадам Самогони спешила к одному из слизеринских игроков – Гарри не понял к которому.

– Этот урод Краббе, – сердито бросила Ангелина. – Как увидел, что ты поймал Проныру, – запустил в тебя Нападалой! Но мы выиграли, Гарри, мы выиграли!

Позади кто-то фыркнул. Гарри, сжимая в кулаке Проныру, обернулся. Рядом только что приземлился Драко Малфой, от злости побелевший, что, впрочем, не мешало ему издевательски ухмыляться.

– Что, спас своего дружка? – обратился Малфой к Гарри. – В жизни не видел Охранника хуже... впрочем, чего и ждать от *жителя помойки*... Кстати, Поттер, тебе понравились мои стихи?

Гарри не ответил. Он отвернулся от Малфоя к своей команде – игроки один за другим приземлялись неподалеку. Они орали от восторга и победно потрясали кулаками – все, кроме Рона. Тот слез с метлы под шестами и одиноко побрел к раздевалке.

– Мы хотели сочинить еще пару куплетов! – выкрикнул Малфой, когда Кэти и Алисия бросились обнимать Гарри. – Только не смогли придумать рифму к «жирной» и «уродине» – хотели, понимаешь, спеть что-нибудь про его матушку...

– Зелен виноград, ага. – Ангелина с отвращением поглядела на Малфоя.

– ...да и к «жалкому неудачнику» – к папочке – тоже ничего не подобрали...

Фред с Джорджем, которые в этот момент жали Гарри руку, вдруг поняли, о чем идет речь. Оба одеревенели и круто повернулись к Малфою.

– Не надо! – Ангелина схватила Фреда за руку. – Пусть проорется, он бесится, что проиграл, паршивый жалкий...

– ...но ты ведь любишь эту семейку, правда, Поттер? – не унимался Малфой. – Ездишь к ним на каникулы и все такое? Не понимаю, конечно, как ты выносишь их вонь, но, наверно, раз ты сам вырос у муглов, тебе и хибарка Уизли – все равно что рай...

Гарри успел схватить Джорджа. Фреда объединенными усилиями удерживали Ангелина, Алисия и Кэти. Малфой скалился им в лицо. Гарри оглянулся на мадам Самогони, но та все еще отчитывала Краббе за запрещенный удар Нападалой.

– Или, Поттер, ты еще не забыл, – медленно отступая, ухмыльнулся Малфой, – как воняло в доме *твоей* мамочки, и свинарник Уизли пробуждает в тебе теплые воспоминания...

Гарри не помнил, как отпустил Джорджа, – знал только, что секундой позже они оба уже налетели на Малфоя. Забыв обо всем на свете – в частности, о том, что кругом полно учителей, – Гарри хотел

лишь одного: причинить Малфою как можно больше боли. Доставать волшебную палочку времени не было, и кулаком с Пронырой Гарри со всей силы врезал Малфою в живот...

– Гарри! ГАРРИ! ДЖОРДЖ! ПЕРЕСТАНЬТЕ!

Он слышал визг девочек, и вопли Малфоя, и проклятия Джорджа, и свисток, и рев толпы – слышал, но не замечал. И пока кто-то рядом не крикнул: «Импедимента!» и его не отбросило назад, Гарри был и был Малфоя, стремясь сделать из него котлету.

– Ты что? Белены объелся?! – заорала мадам Самогони. Гарри вскочил. Видимо, это она ударила его порчей-помехой; в одной руке у нее был свисток, в другой – волшебная палочка; метла валялась на земле чуть поодаль. Малфой, с разбитым носом, сжавшись в комок и поскучивая, лежал на земле; у Джорджа распухла губа; Фреда по-прежнему удерживали три девочки. На заднем плане глупо хихикал Краббе. – В жизни не встречалась с подобным поведением! Марш в замок, оба, пряником к куратору! Быстро!

Гарри и Джордж, тяжело отдуваясь, решительно зашагали с поля. Ни один не произнес ни слова. Улюлюканье толпы становилось все тише, и наконец они вошли в вестибюль, где не было слышно ничего, кроме их шагов. Гарри неожиданно ощущил в правой руке – он отбил костяшки о челюсть Малфоя – какое-то трепыхание. Между пальцев торчали серебристые перышки Проныры – тот рвался на свободу.

На подходе к кабинету профессора Макгонаголл они услышали за спиной ее громкие шаги. Трясущимися руками она на ходу срывала с шеи гриффиндорский шарф. Вид у нее был страшный.

– В кабинет! – свирепо приказала она, указывая на дверь.

Гарри с Джорджем вошли. Профессор Макгонаголл воздвиглась за своим столом и, дрожа от гнева, бросила шарф на пол.

– Ну? – сказала она. – Что за отвратительные выходки? Двое на одного! Будьте любезны, объяснитесь!

– Малфой сам нарвался, – буркнул Гарри.

– Нарвался?! – заорала профессор Макгонаголл и со всего маху ударила кулаком по столу. Клетчатая жестянка съехала и упала, крышка открылась, на пол посыпались имбирные тритоны. – Он же проиграл! И естественно, хотел вас спровоцировать! Но что он такого сказал, чтобы вы вдвоем...

– Он оскорбил моих родителей, – огрызнулся Джордж. – И маму Гарри.

– А вы, вместо того чтобы предоставить мадам Самогони с ним разбираться, устроили отвратительное мугловое побоище?! – взревела профессор Макгонаголл. – Вы вообще представляете, что вы…

– Кхе-кхем.

Гарри и Джордж резко обернулись. На пороге стояла Долорес Кхембридж в зеленом твидовом плаще, который очень усиливал ее сходство с гигантской жабой. Она улыбалась той гадкой и жуткой улыбкой, от которой Гарри уже привык ожидать неминуемого несчастья.

– Вам чем-то помочь, профессор Макгонаголл? – приторно промурлыкала Кхембридж.

Кровь бросилась Макгонаголл в лицо.

– Помочь? – сдавленно переспросила она. – Что значит «помочь»?

Профессор Кхембридж, не переставая улыбаться, шагнула в кабинет.

– Мне показалось, что вам не помешает помочь представителя власти.

Гарри ничуть бы не удивился, если бы из ноздрей профессора Макгонаголл посыпалась искры.

– Вам показалось, – процедила она, поворачиваясь к Кхембридж спиной. – А теперь, вы, двое, слушайте меня внимательно. Мне безразлично, чем и как вас спровоцировал Малфой, пусть даже он оскорбил всех ваших родственников до седьмого колена! Ваше поведение отвратительно, и я назначаю вам обоим по неделе наказаний! Не смотрите на меня так, Поттер, вы это заслужили! И если вы хоть когда-нибудь…

– Кхе-кхем.

Профессор Макгонаголл закрыла глаза, словно призывая на помощь все свое терпение, и снова посмотрела на профессора Кхембридж:

– Да?

– Думаю, они заслужили не просто наказание, – сказала Кхембридж, растягивая рот в широченной улыбке.

Профессор Макгонаголл широко распахнула глаза.

– Но, к сожалению, Долорес, – она изобразила ответную улыбку, отчего у нее сделался такой вид, точно она вывихнула челюсть, – они в *моем* колледже, поэтому в данном случае важно то, что думаю я.

– *Видите ли*, Минерва, – пропела профессор Кхембридж, – сейчас вы поймете, почему мое мнение *тоже* имеет значение. Где это у меня? Корнелиус только что прислал… я хочу сказать, – фальшиво хохотнув, она полезла в сумочку, – *министр* только что прислал… ах да…

Она извлекла из сумки лист пергамента, развернула его и, прежде чем начать читать, деловито прочистила горло:

– Кхе-кхем… «Декрет об образовании номер двадцать пять».

– Только не это! – вскричала профессор Макгонаголл.

– Отчего же. – Улыбка не сходила с лица Кхембридж. – Если уж на то пошло, именно благодаря вам, Минерва, мне стало ясно, что нам *необходимы* дополнительные поправки… Ведь это вы пошли мне наперекор, когда я не захотела дать разрешение на возобновление деятельности квидишной команды «Гриффиндора». Вы обратились к Думблдору, и по его настоянию команде разрешили играть. Как вы понимаете, для меня подобное положение вещей недопустимо. Я немедленно обратилась к министру. Он полностью согласен, что главный инспектор должен обладать полномочиями лишать учащихся любых привилегий, в противном случае его – то есть мои – полномочия меньше, чем полномочия обыкновенных учителей! Думаю, теперь, Минерва, вы поняли, как я была права, когда пыталась воспрепятствовать играм этой команды? *Ужасающее* поведение… Впрочем, прежде всего позвольте зачитать вам поправку… кхе-кхем… «Настоящим главный инспектор “Хогварца” получает непрекаемые полномочия назначать любые наказания, налагать любые санкции, лишать учащихся школы любых ранее данных им привилегий, а также отменять решения остальных членов преподавательского состава касательно упомянутых наказаний, санкций и привилегий. Подпись: Корнелиус Фудж, министр магии, орден Мерлина первой степени, и т. д. и т. п.».

Она скатала свиток и, не переставая улыбаться, спрятала его в сумочку.

– Итак… Я считаю своим долгом навсегда запретить этим ученикам играть в квидиш, – изрекла она, переводя взгляд с Гарри на Джорджа и обратно.

Гарри почувствовал, как бешено бьется в руке Проныра.

– Запретить? – Голос Гарри прозвучал странно, словно издалека. – Игратъ?.. Навсегда?..

– Да, мистер Поттер, полагаю, только пожизненный запрет научит вас вести себя как подобает. – Кхембридж наблюдала, как до Гарри постепенно доходит смысл ее слов, и скалилась все шире. – Равно и мистера Джорджа Уизли. Помимо того, я считаю, что для вящей безопасности брату-близнецу этого юноши также следует запретить играть – если бы его не остановили другие члены команды, он, безусловно, тоже напал бы на мистера Малфоя. Разумеется, я настаиваю на конфискации метел; во избежание нарушений моего распоряжения они должны храниться в моем кабинете. Но, профессор Макгонаголл, я отнюдь не требую крайних мер, – продолжила она, поворачиваясь к профессору Макгонаголл, которая застыла статуей, высеченной из льда, и сверлила Кхембридж глазами. – Остальная команда может продолжать играть, в них я не заметила склонности к неуправляемой агрессии. Что же... Приятного всем дня.

И чрезвычайно довольная Кхембридж покинула комнату, оставив по себе трагическое молчание.

– Запретили, – бесцветным голосом повторила Ангелина. Был поздний вечер, и они сидели в общей гостиной. – Запретили. Мы остались без Ловчего и Отбивал... Что же нам теперь делать?

«Гриффиндор» победил, но это вовсе не ощущалось; отовсюду на Гарри глядели несчастные или злые лица. Вся команда, печально нахмурившись, сидела у камина – вся, кроме Рона. Его после матча никто не видел.

– Это ужасно несправедливо, – глухо сказала Алисия. – А как же Краббе? Он кинул Нападалу уже после свистка! *Ему-то* играть не запретили?

– Не запретили, – грустным эхом откликнулась Джинни. Они с Гермионой сидели по обе стороны от Гарри. – Он будет писать предложения – за ужином Монтегю ужасно веселился по этому поводу.

– А Фред? Он вообще ничего не сделал! – яростно воскликнула Алисия и треснула кулаком по коленке.

– А я не виноват, что ничего не сделал, – очень зловеще сказал Фред. – Если бы не вы, я бы изметелил гаденыша так, что от него бы мокрого места не осталось.

Гарри в отчаянии смотрел на черное окно. На улице падал снег. Проныра кругами летал по гостиной, и все следили за ним как загипнотизированные. Пытаясь его поймать, Косолапус скакал по креслам.

– Пойду спать, – объявила Ангелина и медленно встала. – Вдруг завтра окажется, что все это дурной сон... Проснусь – а мы еще даже не играли...

Вскоре за ней последовали Алисия и Кэти. Близнецы ушли спать чуть позже, окинув всех напоследок хмурыми взглядами, а потом ушла и Джинни. У огня остались только Гарри и Гермиона.

– Ты видел Рона? – тихо спросила она.

Гарри покачал головой.

– Видимо, он нас избегает, – сказала Гермиона. – Как думаешь, куда он мог...

В этот миг заскрипел портрет, и в отверстии показалась голова Рона. Лицо его было очень бледно, на волосах лежал снег. Увидев Гарри и Гермиону, Рон застыл.

– Где ты был?! – встревоженно закричала Гермиона вскакивая.

– Гулял, – промямлил Рон. Он все еще был в квидишиной форме.

– Ты же насекомый промерз! – воскликнула она. – Иди сюда, садись!

Рон подошел к камину и рухнул в кресло подальше от Гарри, не поднимая глаз. Под потолком кружил похищенный Проныра.

– Простите, – пробормотал Рон, глядя себе под ноги.

– За что? – спросил Гарри.

– За то, что я возомнил, будто могу играть в квидиши, – сказал Рон. – Завтра утром уйду из команды.

– Тогда, – саркастически проговорил Гарри, – в команде останется всего три игрока. – Рон смотрел непонимающе, и Гарри продолжил: – Мне навсегда запретили играть. Фреду с Джорджем тоже.

– Что?! – так и задохнулся Рон.

Гермиона рассказала ему всю историю; Гарри больше не мог повторять. Рон был совершенно убит.

– Это все я виноват...

– Ты не заставлял меня бросаться на Малфоя, – сердито оборвал Гарри.

– ...если бы я не играл так плохо...

– ...это здесь ни при чем.

— …если бы я не раскис из-за этой песни…

— …из-за нее кто угодно бы раскис.

Чтобы не участвовать в споре, Гермиона отошла к окну и стала смотреть, как кружатся снежинки.

— В общем, кончай уже, ладно? — взорвался Гарри. — И так плохо, а тут еще ты со своими угрызениями!

Рон не ответил. Он печально разглядывал мокрый подол своей мантии и спустя некоторое время скучно сказал:

— Мне еще никогда не бывало так плохо.

— Добро пожаловать в наш клуб, — горько отозвался Гарри.

— Кажется, — дрогнувшим голосом проговорила Гермиона, — я знаю, чем вас порадовать.

— Уверена? — скептически бросил Гарри.

— Да. — Гермиона отвернулась от черного стекла, испещренного снежными крапинками, и ее лицо осветила широкая улыбка: — Огрид вернулся!

Глава двадцатая

История Огрида

Гарри бросился в спальню за плащом-невидимкой и Картой Каверзника и обернулся так быстро, что им с Роном пришлось целых пять минут дожидаться Гермиону. Та спустилась из спальни девочек в шарфе, варежках и шишковатой шапочке собственного производства.

— А что, на улице холодно, — оправдалась она, услышав нетерпеливое Роново цоканье.

Они тихонько пролезли в дыру за портретом и быстро накрылись плащом; затем медленно и осторожно стали спускаться по многочисленным лестницам. Рон сильно вырос, и ему теперь, чтобы ноги не высовывались, под плащом приходилось сгибаться. То и дело они останавливались и проверяли по Карте, где находятся Филч и миссис Норрис. Ребятам повезло; они не встретили никого, кроме Почти Безголового Ника. Призрак рассеянно проплыл мимо, напевая что-то подозрительно напоминающее «Уизли – наш король!». Гарри, Рон и Гермиона прокрались по вестибюлю и вышли на безмолвный заснеженный двор. Гарри увидел золотые прямоугольники окошек Огридовой хижины, дымок, кольцами выющийся из трубы, и его сердце радостно екнуло. Он торопливо зашагал по двору; Рон и Гермиона, натыкаясь друг на друга, семенили сзади. Снег весело хрустел под ногами. Добравшись до хижины, Гарри три раза постучал кулаком в деревянную дверь. Внутри бешено залаяла собака.

— Огрид, это мы! – крикнул Гарри в замочную скважину.

— Яс’ дело, кто ж еще! – ответил хриплый голос.

Ребята под плащом обменялись улыбками; по голосу Огрида было слышно, что он очень рад.

— Всего три секунды как вернулся… Уйди, Клык… *Уйди*, дурная ты собака…

Щелкнула задвижка, дверь со скрипом отворилась, и в щель высунулась косматая голова.

Гермиона закричала.

– Мерлинова борода! Тише ты! – цыкнул Огрид, блуждая взглядом поверх их голов. – Вы под плащом, да? Ну, заходьте, заходьте!

– Ой, простите! – выдохнула Гермиона, когда они втроем протиснулись мимо Огрида в хижину и сняли плащ. – Я просто... Ой, *Огрид!*

– Да это ничего, ничего! – успокоил Огрид, захлопнул дверь и поспешил задернуть занавески. Но Гермиона по-прежнему смотрела на него с ужасом.

Шевелюра Огрида пропиталась кровью и свалялась; левый глаз опух и превратился в узенькую щелочку, еле видную на фоне чернолилового фингала. Лицо и руки сплошь в царапинах – некоторые еще кровоточили. Двигался Огрид с большой осторожностью – похоже, у него были сломаны ребра. По всем признакам, домой он и впрямь добрался буквально только что: на стуле висел толстый черный дорожный плащ, а у двери стоял ранец-рюкзак, такой большой, что в нем без труда поместилось бы с полдюжины младенцев. Огрид прохромал к очагу и повесил над огнем медный чайник.

– Что это с тобой? – спросил Гарри. Клык танцевал вокруг, стараясь хоть кого-нибудь лизнуть в лицо.

– Сказал же, *ничего*, – твердо ответил Огрид. – Чай будете?

– Брось, – сказал Рон, – ты только посмотри на себя!

– Говорю вам, со мной все путем. – Огрид выпрямился и, повернувшись к ребятам, попытался улыбнуться, но тут же сморщился от боли. – Мать честная, до чего ж я рад вас видеть!.. Как провели лето, нормально?

– Огрид, на тебя кто-то напал! – объявил Рон.

– Последний раз повторяю – это ерунда! – решительно отрезал Огрид.

– А если б у кого-нибудь из нас вместо физиономии была отбивная, ты бы тоже сказал, что это ерунда? – осведомился Рон.

– Огрид, тебе надо к мадам Помфри, – сказала Гермиона, – у этих царапин очень нехороший вид.

– Я сам разберусь, ладно? – закрыл тему Огрид.

Он подошел к огромному деревянному столу посреди комнаты и сдернул с него полотенце. Под полотенцем скрывался сырой, сочającyся кровью, подернутый зеленою пленкой кусок мяса чуть побольше автомобильной покрышки.

– Огрид, ты, надеюсь, не собираешься это есть? – Рон наклонился, рассматривая мясо. – По-моему, оно отравленное.

– Еще бы – это ж драконье, – отзвался Огрид. – И потом, оно не для еды.

Он взял стейк и шлепнул его на лицо. К бороде побежали струйки зеленоватой крови. Огрид с облегчением застонал.

– Так-то лучше. Хоть не щипет.

– Так ты расскажешь, где был? – спросил Гарри.

– Не могу. Сверхсекретно. Так я вам и рассказал.

– Тебя гиганты избили, да? – тихо проговорила Гермиона.

Пальцы Огрида соскользнули с драконьего стейка, и он, хлюпая, съехал Огриду на грудь; не успело мясо, впрочем, доползти до ремня, Огрид поймал его и вновь плюхнул на лицо.

– Гиганты? – растерянно повторил он. – Это кто вам сказал? С кем вы говорили? Кто сказал, что я... Кто сказал, где я?.. А?

– Мы сами догадались, – покаянно ответила Гермиона.

– Ах, догадались! Вот оно, значит, чего? – Огрид сурово поглядел на них одним глазом.

– Вообще-то это... очевидно, – сказал Рон. Гарри кивнул.

Огрид свирепо посмотрел на них, фыркнул, бросил стейк на стол и пошел к чайнику, который как раз засвистел.

– Что ж вы за ребятня-то за такая! Это ж надо – столько всего знать, чего не положено! – бормотал он, плеща кипяток в три ведроподобные кружки. – Это вам не похвала. Больно вы любопытные, есть такое мнение. Куда не надо нос суете.

Но в бороде у него мелькнула ухмылка.

– Так ты правда искал гигантов? – с улыбкой спросил Гарри, усаживаясь за стол.

Огрид поставил перед ними кружки, сел, снова взял стейк и бросил его на лицо.

– Ну да, так и быть, – буркнул он, – искал.

– И нашел? – прошептала Гермиона.

– Сказать по правде, найти-то их не фокус, – сказал Огрид. – Чай, не иголки.

– И где они? – спросил Рон.

– В горах, – неопределенно ответил Огрид.

– А почему же муглы?..

— Мулы-то как раз... — мрачно и неопределенно отозвался Огрид, — только это у них называется «погиб от несчастного случая».

Он подвинул стейк, и тот закрыл самую страшную часть кровоподтека.

— Огрид, ну давай — колись, что с тобой было! — воскликнул Рон. — Расскажи, как на тебя напали гиганты, а Гарри за это расскажет, как на него напали дементоры...

Огрид поперхнулся, хрюкнул в чашку (одновременно уронив мясо), зашелся булькающим кашлем, и по столу разбрзгались слюна, чай и драконья кровь. Стейк тихонько шлепнулся на пол.

— Как это, напали дементоры? — проворчал Огрид.

— А ты не знал? — распахнула глаза Гермиона.

— Откуда? Я с самого отъезда не в курсах. Я ж на секретном задании был! Не хватало, чтоб за мной там совы гоняли. Проклятые дементоры! Неужто правда?

— Правда-правда, объявились в Литтл Уинджинге, напали на меня и моего двоюродного брата, а потом министерство магии исключило меня из школы...

— ЧЕГО?!

— ...и еще меня вызывали на слушание и все такое. Но сначала расскажи про гигантов.

— Тебя исключили?

— Сначала расскажи, как провел лето *ты*.

Огрид грозно посмотрел на него одним глазом. Гарри с невинной решимостью встретил его взгляд.

— Ох. Ладно, ваша взяла, — сдался Огрид.

Он наклонился и вытянул стейк из пасти Клыка.

— Ой, Огрид, не надо, ты что, это же негигиени... — начала Гермиона, но Огрид уже прихлопнул мясом распухший глаз. Подкрепив силы глотком чая, он сказал:

— В общем, так. Как учебный год кончился, мы отправились...

— С мадам Максим? — перебила Гермиона.

— С ней, — ответил Огрид, и те несколько дюймов его лица, что не были скрыты бородой и драконьим мясом, осветились нежностью. — Только мы вдвоем и пошли. И скажу я вам, она, Олимпия, боец что надо. Вроде образованная вся, и в хорошей одежде... Я все думал — ну

куда ей по горам карабкаться да по пещерам ночевать? А она ничего, ни разу и не пожаловалась.

– А вы знали, куда идти? – спросил Гарри. – Знали, где живут гиганты?

– Думблдор знал, – сказал Огрид. – Он нам и объяснил.

– Они скрываются? – спросил Рон. – В тайном убежище?

– Не сказать, что тайном. – Огрид покачал косматой головой. – Просто колдунам в общем-то до лампочки, где там гиганты обретаются – лишь бы где подальше. Но все равно добраться трудно, в смысле людям трудно, так что без указаний Думблдора мы бы пропали. Целый месяц шли...

– *Месяц?* – повторил Рон, явно не поверив, что на свете бывают столь несуразно долгие путешествия. – Но... А нельзя было портшлюс взять?

Огрид как-то странно, почти жалостливо на него сощурился и пробурчал:

– За нами следили, Рон.

– То есть?

– Ты не понимаешь, – сказал Огрид. – Министерство приглядывает за Думблдором и за всеми, кто с Думблдором в одной лодке, и...

– Это мы знаем, – перебил Гарри, желая как можно скорее услышать продолжение. – Что министерство следит за Думблдором, мы знаем.

– И что, нельзя было колдовать? – пролепетал потрясенный Рон. – И вы *всю дорогу* вели себя как муглы?

– Ну, не совсем всю, – уклончиво ответил Огрид. – Но осторожничали, это да. Мы ведь с Олимпией люди, попросту говоря, выдающиеся...

Рон издал сдавленный звук, нечто среднее между фырканьем и всхлипом, и поспешно глотнул чаю.

– ...выследить нас – раз плонуть. Мы знали, что к нам приставлен министерский хвост, – ну и делали вид, что просто вместе путешествуем. Сначала во Францию мотанули, будто бы школу Олимпии посмотреть. Ехали долго, мне ж колдовать запрещено, а министерство только и искало повода к нам придаться. Но потом от болвана, который за нами следил, оторвались-таки возле Ди-Джона...

– О-о-о, Дижон?! – воскликнула Гермиона. – Я была там на каникулах! А вы видели?.. – И осеклась, заметив, какое у Рона лицо.

– Потом мы все-таки чуток поколдовали… В общем, погуляли неплохо так. Правда, на польской границе столкнулись с парочкой троллей – вот уж психи так психи! – а в Минске, в пивной, у меня вышла небольшая драка с вампиром. А так все гладко… Потом добрались до места и стали искать гигантов по горам, следы ихних стоянок… Там уж было не до магии. Перво-наперво гиганты колдунов не жалуют – чего ж нам их сразу злить? Ну и во-вторых, нас же предупредили: Сами-Знаете-Кто тоже их разыскивать будет. Думбльдор велел бытьтише воды ниже травы, особенно около гигантов – вдруг поблизости кто из Упивающихся Смертью ошивается.

Огрид сделал паузу и отхлебнул чаю.

– Дальше! – поторопил его Гарри.

– В общем, отыскали мы их, – продолжил Огрид. – Взошли как-то ночью на гряду, а они – вот они, голубчики, прямо под ногами. Повсюду костерки и тени громадные… Как будто ходят горы…

– А какие они? Какого размера? – прошептал Рон.

– Футов двадцать, – обронил Огрид. – Которые побольше, те все двадцать пять.

– И много их было? – спросил Гарри.

– Ну… семьдесят, а то восемьдесят… – сказал Огрид.

– Так мало? – удивилась Гермиона.

– Ага, – грустно кивнул Огрид, – всего восемьдесят, а когда-то была туча, племен сто – ежели по всему миру считать. Но они уж много веков подряд вымирают. Кое-кого, яс’ дело, убили колдуны, но так они сами друг дружку перебили, а теперь и вовсе мрут с жуткой скоростью. Им не годится вот так жить, кучей. Думбльдор говорит, это мы, колдуны, виноваты, из-за нас они забрались в глухомань и сбились вместе, чтоб от нас защищаться.

– А дальше? – спросил Гарри. – Вы их увидели – а дальше что?

– Дальше дождались утра, страшно же было в темноте подкрадываться, – ответил Огрид. – Часика этак в три ночи они все заснули – прям где сидели, там и повалились. А мы не спали. Боялись, как бы кто из них не проснулся и к нам не сунулся, ну и храп там стоял – не поверите. Под утро даже лавина сошла. Ну а как рассвело, пошли к ним.

– Вот так вот взяли и пошли? – поразился Рон. – К гигантам в лагерь?

– А нам Думбльдор объяснил, чего делать, – сказал Огрид. – Велел перво-наперво преподнести Гургу дары,уважение выказать.

– Какие гургудары? – не понял Гарри.

– Гург – это по-ихнему значит «вожак».

– А как вы узнали, кто у них Гург? – спросил Рон.

Огрид хмыкнул:

– Без проблем. Который самый большой, уродливый да ленивый – тот Гург и есть. Целыми днями сидит и ждет, пока другие принесут еды. Коз каких-нибудь. Каркус его прозвание. Росту фута двадцать два – двадцать три, а весу – на парочку хороших слонов. И шкура как у носорога. Короче, понятно.

– И вы просто взяли и к нему подошли? – еле слышно выдохнула Гермиона.

– Даже, в общем, сошли – он в лощине лежал... Стоянка-то ихняя между четырьмя высокими горами, у озера – ну вот там, у озера, он и разлегся. И все рычал на остальных: кормите, мол, меня и мою жену. Ну, мы с Олимпией спустились по склону...

– А они не пытались вас убить? Сразу, как увидели? – удивился Рон.

– По-моему, они хотели, – пожал плечами Огрид, – но мы все делали так, как сказал Думбльдор, – дары подняли повыше, смотрим Гургу в глаза, а остальные нам по барабану. И они все затихли, только глядели, как мы к нему идем, а мы дошли до его ног, поклонились и положили перед ним дары.

– А что дарят гигантам? – с любопытством спросил Рон. – Еду?

– Не-а, еду они и сами могут добыть, – ответил Огрид. – Мы им колдовство принесли. Они любят волшебное. Ну, если только оно не против них. В общем, в первый раз мы подарили ему ветвь Огня Последнего Дня.

Гермиона воскликнула: «Ничего себе!» – а Гарри и Рон недоуменно нахмурились.

– Ветвь?..

– Негасимого огня, – раздраженно объяснила Гермиона, – вы должны знать! Профессор Флитвик упоминал о нем на уроках минимум дважды!

– Короче, – перебил Огрид, не успел Рон ответить Гермионе, – ветвь, которую Думблдор заколдовал, чтоб горела вечно, – а это, я вам скажу, не всякий колдун сумеет. Я положил ее на снег Каркусу под ноги и говорю: «Это дар Гургу гигантов от Альбуса Думблдора, он шлет вам свой привет и уважение».

– А что сказал Гург? – заинтересованно спросил Гарри.

– А чего он скажет, – ответил Огрид, – ежели он по-английски ни бельмеса.

– Да ты что?!

– Да ерунда, – невозмутимо продолжил Огрид, – Думблдор о таком предупреждал. Но кое-чего Каркус таки скумекал и подозревал гигантов, которые смыслили по-нашему, они ему все и перевели.

– Понравился ему подарок? – спросил Рон.

– А как же! Столько шума было, когда они наконец дотумкали, чего мы принесли. – Огрид перевернул мясо прохладной стороной. – Очень понравился. Ну а потом я ему: «Альбус Думблдор просит Гурга поговорить с его посланником завтра, когда тот вернется с другим подарком»…

– А почему нельзя было поговорить сразу? – не поняла Гермиона.

– Думблдор велел не спешить, – объяснил Огрид. – Чтобы сначала они увидели, как мы держим слово. Сказали «придем завтра с другим подарком» – и пришли завтра с другим подарком. Чтоб хорошее впечатление произвести, ясно? И дать им время – пускай проверят первый подарок, поймут, что он и правда хороший, и захотят еще. А вообще эти Каркусы, они такие: если им чего сложное объяснять помногу, они тебя и прихлопнут как муху, лишь бы никто жить не мешал. Ну и мы, кланяясь на ходу, поскорее убрались с глаз долой и нашли себе славную пещерку. Там и переночевали. А наутро, как шли назад, Каркус уже вовсю нас выглядывал.

– Удалось поговорить?

– Да. Подарили ему сначала красивый боевой шлем – гоблинской работы, нерушимый, все дела, – а потом сели и поговорили.

– И что он сказал?

– Да не так чтобы много, – ответил Огрид. – Больше слушал. Но кое-чего обнадеживало. Он, скажем, слыхал про Думблдора, как тот боролся против истребления последних гигантов в Британии. И вроде ему, Каркусу, интересно было, чего ему хочет сказать Думблдор. И

другие гиганты, особенно кто по-нашему петрил, подошли поближе и тоже слушали. В тот день мы ушли довольные, обещали вернуться наутро с новыми подарками. А ночью все пошло наперекосяк.

– Как это? – удивился Рон.

– Ну, я ж говорю, им, гигантам, не годится жить стадом, – печально промолвил Огрид. – Особливо таким огромным. Против природы не попрешь – убивают друг друга, и все тут. Каждые несколько недель – по полплемени. Вечно все дерутся: и мужчины, и женщины, и те, кто раньше был в разных племенах… Это не говоря про драки за еду, за место у огня, и где спать. Вроде бы, раз такие дела, раз вся порода вот-вот вымрет, им бы уговориться, а они… – Огрид тяжко вздохнул. – Ночью разразилась битва. Мы смотрели сверху, из пещеры. Долго-долго, много часов. Гвалт стоял – с ума сойти. Когда взошло солнце, снег был весь красный, а его башка валялась на дне озера.

– Чья башка? – ахнула Гермиона.

– Каркусова, – мрачно сказал Огрид. – А у племени был новый Гург, Голгоматом звали. – Огрид вздохнул еще тяжелее. – И чего – два дня назад братались со старым Гургом, а теперь к новому лезть? Както не того. И вообще мы подозревали, что он слушать не станет, но выхода-то нету – надо.

– И вы пошли с ним разговаривать?! – не веря своим ушам, воскликнул Рон. – После того, как он оторвал башку другому гиганту?

– Пошли, куда деваться, – пожал плечами Огрид, – а то зачем столько дней угрожали? Чтоб тут же и восвояси? Пошли, с подарком, который Каркусу хотели дарить. Только я еще рта не раскрыл, а уж понял – дохлый номер. Гляжу, Голгомат сидит в шлеме Каркуса и лыбится, нагло так. Огромный, из самых крупных там. Космы черные, зубы такие же и ожерелье из костей. Человечьих, по виду. Но делать нечего, выкатил я перед ним рулон драконьей кожи и завел песню, мол, дар Гургу гигантов… Оглянувшись не успел, а уж болтаюсь вниз головой – двое его дружков меня схватили…

Гермиона зажала рот ладонями.

– Как же ты выпутался?! – воскликнул Гарри.

– А и не выпутался бы, когда б не Олимпия, – ответил Огрид. – Выхватила палочку и давай колдовать как прямо молния! Раз, раз! В жизни такого не видал! Долбанула этих двух по глазам конъюнктивитным заклятием, они меня и уронили. Да только стало

еще хуже – гиганты страсть как не любят, когда против них колдуют. Пришлось поскорей уносить ноги. И уж после соваться к ним в становище нечего было и думать.

– Ну дела, – прошептал Рон.

– А чего ж ты так долго возвращался, если вы пробыли там всего три дня? – спросила Гермиона.

– Какие три дня! – возмутился Огрид. – Мы ж не могли подвести Думбльдора!

– Но ты сам сказал, что вернуться было нельзя!

– Днем – нет. Пришлось новый план сочинять. Пару дней отсидались в пещере, понаблюдали. И, прямо скажем, ничего хорошего не наблюдали.

– Что, он еще кому-то голову оторвал? – Гермиона брезгливо поджала губы.

– Если бы, – буркнул Огрид.

– А что?

– А то, что скоро мы узнали – Голгомат не всех колдунов не жалует, а только нас.

– Упивающиеся Смертью? – сразу догадался Гарри.

– Да, – мрачно отозвался Огрид. – Двое. Ходили к гигантам каждый день, носили дары Гургу. Их он кверху тормашками не подвешивал.

– А откуда ты знаешь, что это были Упивающиеся Смертью? – спросил Рон.

– А я одного узнал, – проворчал Огрид. – Макнейр, помните? Его еще присыпали казнить Конькура. Чистый маньяк. Любит убивать не меньше Голгомата. То-то они спелись.

– Значит, Макнейр убедил гигантов присоединиться к Сам-Знаешь-Кому? – в отчаянии спросила Гермиона.

– Ты попридержи гиппогрифов-то, дай закончить! – вознегодовал Огрид. Он уже разошелся, хотя вначале вообще ничего не хотел рассказывать. – Мы с Олимпией все как следует обтолковали и решили: пусть Гург склоняется к Сами-Знаете-Кому, это ж не значит, что и остальные тоже, а потому надо попробовать переманить тех, которые против Голгомата.

– А как их отличить-то? – спросил Рон.

– Ясно как. Их там без конца метелили, – терпеливо разъяснил Огрид. – Те, что пособоразительней, держались подальше, прятались в

пещерах, совсем как мы. Ну мы и решили походить ночью по пещерам, посмотреть, кого можно уговорить.

– Вы по ночам входили в пещеры к гигантам? – в голосе Рона звучало благоговейное почтение.

– Да мы больше боялись не гигантов, – сказал Огрид, – а Упивающихся Смертью. Думбльдор велел, старайтесь, мол, на глаза им не попадаться, а они ж знали, что мы где-то рядом, – от Голгомата, я так думаю. Ночью, пока гиганты спят, а нам бы к ним в пещеры просочиться, Макнейр и тот, второй, шныряли по горам, нас разыскивали. И задачка же мне была Олимпию унимать, – косматая борода Огрида приподнялась вместе с уголками губ, – так и рвалась в бой... ох и темперамент же у ней, у Олимпии... огонь, как есть огонь... что же... французская кровь...

Огрид затуманившимися глазами посмотрел в огонь. Гарри дал ему тридцать секунд на лирические воспоминания, а потом громко откашлялся.

– Ну а дальше? Подобрались вы к другим гигантам?

– Чего? А... Подобрались. На третью ночь после того, как Каркуса убили. Выползли мы потихоньку, спустились в лощину, только смотрели, как бы Упивающимся Смертью в лапы не попасться. Сунулись в несколько пещер – без толку, зато в шестой, что ли, нашли сразу трех гигантов.

– Тесно там, наверно, было, – заметил Рон.

– Рюхль бы не прошмыгнул, – кивнул Огрид.

– И они на вас не бросились? – спросила Гермиона.

– Они бы и бросились, если б были в форме, – ответил Огрид, – а так у них и сил-то не осталось. Голгомат их забил до потери сознания. Они, как очнулись, заползли в первую пещеру, какая попалась. Там у них один слегка соображал по-английски и растолковал остальным, что мы сказали, и вроде они все неплохо восприняли. Ну, стали мы к ним ходить, навещать бедолаг... В какой-то момент вроде даже убедили шестерых-семерых...

– Шестерых-семерых? – в порыве чувств перебил Рон. – И очень даже неплохо! Они придут? Будут вместе с нами сражаться против Сам-Знаешь-Кого?

Но Гермиона спросила:

– Что значит «в какой-то момент», Огрид?

Огрид печально посмотрел на нее:

– Банда Голгомата устроила налет на пещеры. И уж те, кто выжил, видеть нас больше не хотели.

– То есть... гиганты не придут? – расстроился Рон.

– Нет, – Огрид глубоко вздохнул и опять перевернул стейк, – но, чего могли, мы все сделали. Передали послание Думбльдора, кое-кто его понял, а некоторые, глядишь, и запомнили. Вдруг кто из них не захочет с Голгоматом оставаться и решит уйти с гор... Тогда они вспомнят, что Думбльдор к ним добрый... вдруг придут.

Снег заваливал окошко хижины. Внезапно Гарри почувствовал, что у него совсем мокрая мантия: Клык, положив голову ему на колени, напускал слюней.

– Огрид? – спустя некоторое время тихо позвала Гермиона.

– Ммм?

– А ты там... видел... слышал что-нибудь о... о твоей... маме?

Открытый глаз Огрида остановился на Гермионе, и та как-то испугалась.

– Прости... я... забудь...

– Померла, – пророкотал Огрид. – Давно. Они там сказали.

– Ой... Я... Мне... очень жаль, – чуть слышно пролепетала Гермиона.

Огрид пожал мощными плечами.

– Чего жалеть-то, – бросил он. – Я ее и не помню вовсе. Мамка из нее была не ахти.

Все снова замолчали. Гермиона нервно взглянула на Гарри и Рона, явно призывая их что-нибудь сказать.

– Огрид, но ты не объяснил, почему ты в таком виде. – Рон показал на окровавленную физиономию Огрида.

– И почему опоздал, – добавил Гарри. – Сириус говорил, мадам Максим давным-давно вернулась...

– Кто на тебя напал? – спросил Рон.

– Да никто на меня не нападал! – повысил голос Огрид. – Я...

Но продолжение заглушил неожиданный стук в дверь. Гермиона ахнула; кружка выскользнула у нее из пальцев и разбилась; Клык звякнул. Все четверо уставились в окно у двери. За тонкой занавеской маячила широкая приземистая тень.

– Это она! – прошептал Рон.

– Быстро сюда! – выпалил Гарри.

Схватив плащ-невидимку, он укрыл себя и Гермиону. Рон обежал стол и тоже нырнул под плащ. Тесно прижимаясь друг к другу, они попятались в угол. Клык как сумасшедший лаял на дверь. Огрид растерянно стоял посреди комнаты.

– Спрячь наши кружки!

Огрид схватил кружки Гарри и Рона и сунул их под подушку в корзине Клыка. Клык стал бросаться на дверь, Огрид отпихнул пса ногой и отворил.

На пороге стояла профессор Кхембридж в зеленом твидовом плаще и такой же шапке с наушниками. Поджав губы, она отклонилась назад, чтобы посмотреть в лицо Огриду – она едва доходила ему до пупка.

– *Итак*, – медленно и громко, словно разговаривая с глухим, произнесла она. – Вы – Огрид?

И, не дожидаясь ответа, прошла в дом. Выпученные глаза так и шныряли по комнате.

– Прочь, – рявкнула она и сумочкой отмахнулась от Клыка, который скакнул ближе, пытаясь лизнуть ее в лицо.

– Э-э... я, может, невежа, – уставившись на нее, сказал Огрид, – но все одно спрошу: вы, Мерлин побери, кто?

– Я Долорес Кхембридж.

Она окинула взглядом хижину. Дважды ее глаза остановились на Гарри, зажатом между Роном и Гермионой.

– Долорес Кхембридж? – совершенно смешался Огрид. – Я думал, вы из министерских... Вы разве не у Фуджа работаете?

– Совершенно верно, я работала старшим заместителем министра, – ответила Кхембридж, расхаживая по комнате и вбиная взглядом каждую мелочь, от рюкзака у двери до дорожного плаща. – А теперь я преподаю защиту от сил зла...

– Вот это да, – сказал Огрид. – Смелая вы женщина. На эту работенку уже никто не решается идти.

– ...и главный инспектор «Хогварца», – будто не слыша Огрида, закончила Кхембридж.

– А это еще что? – нахмурился Огрид.

– Я хотела задать вам тот же вопрос. – И Кхембридж указала под стол на фарфоровые черепки.

— Это? — И Огрид совершенно напрасно посмотрел в угол, где прятались Гарри, Рон и Гермиона. — А, это!.. Это... Клык. Разбил кружку. Пришлось взять другую.

Огрид, не отнимая руки от драконьего стейка, показал кружку, из которой пил. Подробно оглядев его жилище, Кхембридж теперь пристально взирала на него самого.

— Я слышала голоса, — тихо сообщила она.

— А это я с Клыком разговаривал, — решительно заявил Огрид.

— И он, как я понимаю, вам отвечал?

— Ну... Как бы да, — неловко поежившись, ответил Огрид. — Клык иной раз совсем как человек...

— К вашей двери от замка ведут следы троих, — вкрадчиво сказала Кхембридж.

Гермиона ахнула; Гарри зажал ей рот рукой. К счастью, Клык очень громко обнюхивал подол Кхембридж, и та ничего не услышала.

— Да я только-только вернулся. — Огрид махнул огромной ладонью в сторону рюкзака. — Может, ко мне кто и приходил чуть раньше, откуда мне знать.

— Следов, ведущих *от* двери, нет.

— Ну, это... это я не знаю почему... — Огрид в волнении подергал себя за бороду и еще раз беспомощно посмотрел в угол, на ребят. — Эмм...

Кхембридж круто развернулась и пошла по комнате, заглядывая во все углы. Нагнулась и посмотрела под кровать. Открыла шкафы. Прошла в двух дюймах от Гарри, Рона и Гермиона — те вжимались в стену, а Гарри пришлось даже втянуть живот. Сунув нос в огромный котел, где Огрид готовил себе еду, Кхембридж снова резко развернулась и спросила:

— А что с вами произошло? Как вы получили эти ранения?

Огрид поспешило убрал с лица шмат мяса. По мнению Гарри, это было ошибкой — стало видно и фиолетово-черный синяк на глазу, и свежезапекшуюся кровь.

— Да так... незадачка вышла, — невнятно пробормотал Огрид.

— Какого свойства?

— Я... упал.

— Упали, — невозмутимо повторила Кхембридж.

— Ага. Спотыкнулся... об метлу одного приятеля. Сам-то я не летаю. Вон я какой — и метлы-то, чтоб меня удержала, не същешь. А вот у меня кое-кто знакомый выращивает абраксанских лошадей, не знаю, видали вы их али нет, здоровенные такие зверюги, с крыльями, так вот, я раз полетал на такой и, доложу вам...

— Где вы были? — равнодушно спросила Кхембридж, прервав его бормотание.

— Где я?..

— Были, да, — повторила она. — Учебный год начался два месяца назад. Вас заменяет другой преподаватель. Никто из ваших коллег не смог предоставить мне никакой информации относительно вашего местопребывания. Вы не оставили контактного адреса. Где вы были?

Возникла пауза. Огрид пялился на Кхембридж. Было почти слышно, как ворочаются его мозги.

— Я уезжал... поправлять здоровье, — наконец сказал он.

— Поправлять здоровье, — повторила Кхембридж. Ее глаза медленно скользнули по опухшей и разноцветной физиономии Огрида. Драконья кровь беззвучно капала ему на жилет. — Понятно.

— Да, — закивал Огрид, — сами знаете, свежий воздух...

— Понимаю. Будучи лесником, вы, естественно, ощущаете острую нехватку свежего воздуха, — любезно поддержала Кхембридж. Те немногочисленные участки Огридова лица, которые не были лиловыми или черными, побагровели.

— Ну... смена обстановки, понимаете...

— Горные пейзажи? — тут же спросила Кхембридж.

Она все знает, — в ужасе подумал Гарри.

— Горные пейзажи? — переспросил Огрид. По лицу было видно, как быстро ему приходится соображать. — Нет, лично мне по душе юг Франции. Солнце, море...

— Солнце? — сказала Кхембридж. — Вы мало загорели.

— Ну, у меня... кожа чувствительная. — Огрид сделал попытку обворожительно улыбнуться, и Гарри заметил, что у него не хватает двух зубов.

Кхембридж смотрела холодно, и улыбка Огрида быстро увяла. Кхембридж поплотнее зажала сумку под мышкой и произнесла:

— Мне, разумеется, придется уведомить министра о вашем опоздании.

– Ага, – кивнул Огрид.

– Кроме того, вы должны знать, что на меня как главного инспектора школы возложена трудная, но необходимая задача проверять работу своих коллег. Поэтому мы, смею сказать, очень скоро увидимся.

Она круто развернулась и, печатая шаг, направилась к двери.

– Вы проверяете учителей? – тупо повторил Огрид, глядя ей вслед.

– О да, – тихо ответила Кхембридж, уже взявшись за дверную ручку и оглянувшись. – Да, Огрид. Министерство намерено избавиться от всех преподавателей, которые не отвечают требованиям. Всего доброго.

Громко захлопнув за собой дверь, она удалилась. Гарри начал было снимать плащ, но Гермиона перехватила его руку.

– Подожди, – шепнула она ему в ухо, – вдруг Кхембридж еще не ушла.

Огрид, похоже, думал о том же; он прошел через комнату и чуть-чуть отогнул занавеску.

– Почапала в замок, – негромко проговорил он. – Иди ж ты... Проверяльщица!..

– Да-да, проверяльщица, – сказал Гарри, стаскивая плащ. – Трелони, например, уже на испытательном сроке...

– А... чем ты собираешься с нами заниматься, Огрид? – спросила Гермиона.

– Про это не беспокойся, я столько планов насоставлял, – с воодушевлением отозвался Огрид, хватая со стола мясо и нашлепывая его на лицо. – Я уж давно приберегал кой-каких зверюшек к этому году, к вашим экзаменам на С.О.В.У. Погодите, еще увидите, это что-то особенное!

– Э-э... Особенное в каком смысле? – осторожно поинтересовалась Гермиона.

– Пока не скажу, – радостно ответил Огрид. – Чтоб не портить сюрприз.

– Послушай. – Гермиона решила говорить прямо. – Профессор Кхембридж не обрадуется, если ты приведешь на урок что-нибудь опасное.

– Опасное? – искренне удивился Огрид. – С ума сошла, разве ж я привел бы опасное? Конечно, эти зверюшки умеют за себя постоять...

– Огрид, тебе надо пройти проверку, а для этого пусть лучше Кхембридж увидит, что ты нас учишь ухаживать за замыкарлами или отличать сварлей от ежей, что-нибудь в этом роде, – серьезно сказала Гермиона.

– Гермиона, да это ж скучно, – возразил Огрид. – Чего я вам приготовил, поинтересней будет. Я их много лет собирал, у меня, наверно, единственное одомашненное стадо в Британии.

– Огрид… прошу тебя. – В голосе Гермионы зазвучало отчаяние. – Кхембридж ищет любые предлоги, лишь бы избавиться от учителей из окружения Думблдора. Пожалуйста, Огрид, учи нас чему-нибудь скучному, такому, что попадется на экзаменах…

Но Огрид широко зевнул и одним глазом с вожделением посмотрел в угол, на широкую кровать.

– Слушайте, денек был долгий, поздно уже. – Он нежно похлопал Гермиону по плечу; ноги у ее подогнулись, и она грохнулась коленками об пол. – Ой!.. Прости… – Огрид поднял ее за шиворот. – В общем, не волнуйтесь вы за меня, я, чес’ слово, очень интересные уроки вам придумал… А теперь давайте-ка бегите в замок и не забудьте замести следы!

– Я не уверен, что до него дошло, – сказал вскоре Рон.

Убедившись, что путь свободен, они брали по глубокому снегу к замку. Гермиона на ходу избавлялась от следов заметальным заклятием.

– Тогда я пойду к нему завтра, – решительно ответила она. – Если надо, буду составлять за него планы уроков. Она может выкинуть Трелони, но Огрида мы не отдадим!

Глава двадцать первая

Глазами змеи

В воскресенье утром Гермиона по двухфутовому снегу опять отправилась к Огриду. Гарри и Рон хотели составить ей компанию, но на них снова висела такая гора невыполненных домашних заданий, что им, пусть и с великой неохотой, пришлось остаться в общей гостиной — где они сейчас и сидели, стараясь не обращать внимания на галдеж во дворе. Казалось, там веселится весь «Хогварц»: школьники катались на коньках по замерзшему озеру, по двору на санках и, что самое ужасное, то и дело бросались заколдованными снежками в окна гриффиндорской башни.

— Значит, так! — взревел Рон, потеряв наконец терпение и высывая голову на улицу. — Я как-никак староста! Если еще хоть один снежок попадет... ОЙ!

Он отшатнулся от окна. Все лицо у него было в снегу.

— Оказывается, это Фред с Джорджем, — горько пожаловался Рон, захлопывая створки. — Вот болваны...

Дрожа от холода, Гермиона вернулась от Огрида перед обедом, в промокшей до колен мантии.

— Ну? — спросил Рон, едва она вошла. — Все планы уроков ему написала?

— Попыталась, — устало отозвалась Гермиона и бессильно повалилась в кресло рядом с Гарри. Она достала волшебную палочку, замысловато ю повела, и из кончика потекла струя горячего воздуха. Гермиона направила палочку себе на подол, и от него повалил пар. — Его вообще-то сначала и дома не было, я стучала, стучала, полчаса, наверное. Потом наконец явился из леса...

Гарри застонал. Запретный лес полон всяких тварей, из-за которых Огрида запросто могут уволить.

— Кого он там держит? Не сказал? — спросил Гарри.

— Нет, — несчастным голосом ответила Гермиона. — Говорит, что приготовил сюрприз. Я пробовала ему объяснить, что такое

Кхембридж, но он не желает ничего понимать. Только твердит, что ни один человек в здравом уме не захочет изучать сварлей вместо химер – вряд ли, конечно, у него там химера, – прибавила она, когда лица Гарри и Рона исказились ужасом, – хотя он явно пытался ее завести, судя по разговорам о том, как трудно раздобыть яйца. Я ему уж не знаю сколько раз повторила: придерживайся программы Гниллер-Планк, но, по-моему, он меня даже не слышал. Он вообще странно себя ведет. Не признается, откуда у него раны...

Появление Огрида за завтраком обрадовало отнюдь не всех. Конечно, некоторые, как Фред, Джордж и Ли, взревев от восторга, бросились пожимать Огридова лапишу; зато другие – например, Парвати и Лаванда – лишь покачали головами и сумрачно переглянулись. Гарри знал, что многие отдают предпочтение профессору Гниллер-Планк, и, что самое страшное, некая тайная, непредвзятая часть его сознания с ними соглашалась: Гниллер-Планк считала интересными не только те занятия, где кому-то могут оторвать голову.

Во вторник Гарри, Рон и Гермиона, тепло одевшись, с нехорошим предчувствием отправились к Огриду на урок. Гарри беспокоило не только то, чем Огрид будет с ними заниматься, но и как поведут себя при Кхембридж остальные, особенно Малфой и его дружки.

Однако, пробираясь по глубокому снегу к Огриду, который ждал на опушке леса, они нигде не заметили главного инспектора. Выглядел Огрид неутешительно: синяки, прежде лиловые, стали зеленовато-желтыми, порезы местами продолжали кровоточить. Гарри не понимал, в чем дело. Может, это укусы какого-то чудища с таким ядом, который не дает ранам затянуться? В довершение неприглядной картины Огрид держал на плече половину коровьей туши.

– Сегодня занимаемся там! – возвестил он и мотнул головой на устрашающие темные деревья. – Там ветра поменьше! И вообще они больше уважают темноту.

– Кто больше уважает темноту? – резко спросил Малфой Краббе и Гойла у Гарри за спиной. В голосе звучала плохо скрываемая паника. – Кто, он сказал, уважает темноту? Вы слышали?

Гарри вспомнился тот единственный случай, когда Малфой ходил в Запретный лес. Малфой и тогда не проявил особой храбрости. Гарри

усмехнулся: после памятного квидишного матча его радовало все, что огорчало Малфоя.

— Готовы? — весело спросил Огрид, окинув взглядом учеников. — Думал, не дотерплю до вашего пятого класса, все ждал, когда можно будет вас в Запретный лес повести. Их лучше показывать в естественной среде. Эти звери, которых я для вас припас, — они редкие, я, может, один на всю Британию, кто их приручил.

— Уверен, что приручил? — с нарастающей паникой уточнил Малфой. — А то кое-кто ведь любитель подсунуть нам каких-нибудь диких тварей!

Слизеринцы невнятно поддакнули; судя по лицам некоторых гриффиндорцев, они сочли, что даже Малфой иногда говорит дельные вещи.

— Яс' дело, приручил, — обиделся Огрид и повыше пристроил тушу на плече.

— А что тогда с лицом? — осведомился Малфой.

— Не твое дело! — рассердился Огрид. — Коли глупых вопросов больше ни у кого нету, лучше пошли!

Он повернулся и зашагал в лес. Последовать за ним никто не спешил. Гарри посмотрел на Рона с Гермионой. Те вздохнули, кивнули и вместе с Гарри двинулись за Огридом, а за ними потянулись и остальные.

Минут через десять они очутились в чаще. Деревья здесь росли так плотно, что свет почти не проникал и на земле не было снега. Огрид, крякнув, свалил тушу себе под ноги, отступил на шаг и повернулся к ребятам. Большинство крадучись пробирались к нему от дерева к дереву и при этом так испуганно озирались, словно с минуты на минуту ожидали нападения.

— Подходьте, подходьте, — подбодрил Огрид. — Сейчас они мясо почуют и сбегутся... Но я их все одно покличу, пусть знают, что это я пришел.

Он повернулся, тряхнул космами и издал пронзительный вопль — точно закричала чудовищная птица. Вопль эхом разнесся по лесу. Никто не засмеялся: от страха все боялись даже пикнуть.

Огрид еще раз пронзительно крикнул. Прошла минута; все нервно оглядывались по сторонам, ожидая появления чего-то страшного. А затем, едва Огрид в третий раз тряхнул волосами и набрал полную

грудь воздуха, Гарри ткнул Рона в бок и показал в темноту между двумя корявыми тисами.

Там засияли два пустых белых глаза. Они становились больше, больше, и спустя миг появилась драконья морда, затем шея, а затем и костлявое туловоище – огромный, черный, крылатый конь. Несколько секунд он, размахивая длинным черным хвостом, внимательно рассматривал ребят, потом склонил голову и страшными острыми клыками принялся отрывать от коровьей туши большие куски мяса.

Гарри окатила волна облегчения: вот доказательство, что чудовища ему не привиделись, что они правда существуют! Огрид о них знает! Гарри с воодушевлением посмотрел на Рона, но тот продолжал озираться и через пару секунд прошептал:

– Почему Огрид их снова не позовет?

Большинство, как и Рон, недоуменно таращились куда угодно, только не на коня у себя перед носом. Кроме Гарри его видели только двое: худой мальчик из «Слизерина», который стоял за Гойлом и с отвращением смотрел, как конь ест, и Невилл, зачарованно следивший за взмахами длинного хвоста.

– А вот и еще один! – гордо воскликнул Огрид. Из чащи появился второй черный конь. Прижимая крылья к телу, он опустил голову к мясу. – Так, а теперь... поднимите руки, которые их видят.

Чрезвычайно довольный – скоро он узнает тайну крылатых коней, – Гарри поднял руку. Огрид кивнул.

– Ага... с тобой, Гарри, понятно, – серьезно сказал он. – И ты тоже, Невилл, да? И...

– Прошу прощения, – раздался насмешливый голос Малфоя, – но что, собственно, мы должны видеть?

Вместо ответа Огрид показал на коровью тушу. Некоторое время все безмолвно на нее взирали; потом несколько человек испуганно ахнули, а Парвати закричала. И неудивительно: жутковато было видеть, как от туши сами собой отрываются и исчезают в воздухе куски мяса.

– Кто это делает?! – истерично закричала Парвати, отступая за дерево. – Кто его ест?

– Тестрали, – гордо объявил Огрид, и Гарри услышал за спиной понятливое «ах» Гермионы. – У нас в «Хогварце» их целый табун. Ну, кто мне скажет...

– Но они же приносят ужасные несчастья! – в панике перебила Парвати. – Тем, кто их видит, они сулят всякие страдания и неудачи! Профессор Трелони говорила...

– Нет, нет, нет, – засмеялся Огрид, – это суеверие, ерунда, не сулят они никаких несчастий, они жутко умные и полезные! Правда, как раз этим зверюшкам особо вкалывать не приходится, знай только вози школьные кареты на станцию, ну и если Думбльдор куда собирается, а аппарировать не хочет... Вон еще парочка, гляньте!..

Из-за деревьев бесшумно появились еще два коня. Один прошел очень близко к Парвати. Та вздрогнула и прижалась к дереву с возгласом:

– Ой, я что-то почувствовала! По-моему, он рядом!

– Не боись, не тронет, – успокоил Огрид. – Ладно, так кто скажет, почему одни их видят, а другие нет?

Гермиона подняла руку.

– Давай, говори, – просиял Огрид.

– Тестралей, – сказала Гермиона, – замечают только те, кто своими глазами видел смерть.

– Точно так, – сурово подтвердил Огрид, – десять баллов «Гриффиндору». Ну вот. Тестрали...

– Кхе-кхем.

Появилась профессор Кхембридж все в том же зеленом плаще и шляпе. Она стояла всего в нескольких шагах от Гарри, с пергаментом наизготовку. Огрид, который никогда раньше не слышал ее фальшивого кашля, озабоченно посмотрел на ближнего тестраля, видимо решив, что тот подавился.

– Кхе-кхем.

– Ой, здрасьте! – заулыбался Огрид, сообразив, откуда доносится звук.

– Вы получили записку, которую я отправила к вам в хижину сегодня утром? – осведомилась Кхембридж. Как и в прошлый раз, она говорила медленно и сильно повысив голос, словно обращалась к умственноотсталому иностранцу. – С извещением о том, что я приду с проверкой на ваш урок?

– А! Да! – закивал Огрид. – Вижу, вы нас нашли без проблем! Вот, видите... или я не знаю... видите? Мы проходим тестралей...

— Простите? — громко переспросила профессор Кхембридж, хмуря лоб и прикладывая ладонь к уху. — Что вы сказали?

Огрид немного смущался.

— Э-э... *Тестралей!* — выкрикнул он. — Знаете, таких больших... э-э... крылатых коней! — И Огрид для наглядности помахал руками.

Профессор Кхембридж подняла брови и принялась строчить, бормоча:

— «Вынужден... прибегать... к примитивному... языку... жестов...»

— В общем... не важно... — проговорил Огрид и в некотором расстройстве повернулся к классу: — Эмм... Чего я говорил?

— «Судя по... некоторым признакам... обладает... плохой... кратковременной... памятью». — Кхембридж говорила как будто себе под нос, но все ее прекрасно слышали. Драко Малфой сиял как именинник, а Гермиона от гнева стала пунцовой.

— Ах да. — Огрид опасливо покосился на пергамент Кхембридж, но храбро продолжил: — Я хотел рассказать, как получилось, что у нас их целый табун. Короче... все пошло с одного жеребца и пяти кобылиц... А вот этот вот, — он похлопал коня, пришедшего первым, — Тенебрус, мой любимчик, он первый народился у нас в лесу...

— А вам известно, — громогласно перебила Кхембридж, — что министерство магии относит этих животных к разряду «опасных»?

У Гарри упало сердце, но Огрид только хмыкнул:

— Ничего они не опасные! Цапануть, яс' дело, могут, но это ежели ты их достал до печенок...

— «С явным... удовольствием... говорит о... насилии», — снова застручила Кхембридж.

— Погодите! Послушайте! — немного встревожился Огрид. — Я чего хотел сказать-то... И собака укусит, коли ее дразнить, так? А у тестралей просто репутация неважнецкая, из-за смерти и все такое — в старые-то времена их считали за плохую примету! Но это же чистое суеверие, правда?

Кхембридж не ответила. Она дописала фразу, подняла глаза на Огрида и громко, размеренно сказала:

— Прошу вас, продолжайте урок как обычно. А я похожу, — она пальцами изобразила ходьбу (Малфой и Панси Паркинсон зашлись

беззвучным хохотом), – и поговорю с учениками. – При слове «поговорю» Кхембридж показала на свой рот.

Огрид оторопело смотрел на нее, не в силах понять, зачем ей понадобилось вести себя так, словно он не понимает простого английского языка. В глазах Гермионы стояли слезы ярости.

– Ах ты ведьма, ах ты злая ведьма! – шептала она. Кхембридж тем временем направилась к Панси Паркинсон. – Я знаю, что ты затеяла, мерзкая, гадкая, злобная…

– Эмм… короче, – заговорил Огрид, изо всех сил стараясь вернуть урок в нормальное русло. – В общем. Тестрали. Такие дела. Ну, от них много пользы…

– Скажите, вот вам лично, – звонко спросила профессор Кхембридж у Панси Паркинсон, – всегда понятны объяснения профессора Огрида?

В глазах Панси тоже стояли слезы, но от смеха; она давилась, и разобрать ее ответ было трудно.

– Нет… потому что… знаете… он так говорит… как будто рычит…

Кхембридж это записала. Здоровые участки Огридова лица густо покраснели, но он сделал вид, будто не услышал Панси.

– Э-э… Польза от тестралей. Ну… перво-наперво, коли они у тебя ручные, ты ни в жисть больше не заблудишься. Отлично ориентируются: только скажи, куда тебе надо, и…

– Это если они смогут разобрать, что ты говоришь! – выкрикнул Малфой, и Панси Паркинсон чуть не повалилась на землю в новом приступе хохота.

Профессор Кхембридж снисходительно им улыбнулась, а затем повернулась к Невиллу.

– Так вы, Лонгботтом, видите тестралей? – осведомилась она.

Невилл кивнул.

– При чьей же смерти вы присутствовали? – равнодушно спросила Кхембридж.

– Моего дедушки, – робко ответил Невилл.

– И что вы о них думаете? – Кхембридж махнула короткими пальцами на коней. Те успели почти полностью обгладать принесенное угощение.

– Э-э… – Невилл замялся и нервно посмотрел на Огрида. – Они… э-э… ничего, нормальные.

— «Учащиеся... боятся... признаваться... что им... страшно», — забормотала Кхембридж, делая запись.

— Совсем нет! — расстроился Невилл. — Вовсе мне не страшно!

— Тише, тише, все в порядке. — Кхембридж похлопала Невилла по плечу, растягивая губы в якобы понимающей улыбке (с точки зрения Гарри, то был гнусный оскал). — Что же, — она опять повернулась к Огриду и заговорила медленно и громко, — полагаю, я увидела вполне достаточно. Результаты проверки, — Кхембридж показала на пергамент, — вы получите, — она изобразила, как берет что-то из воздуха, — через десять дней. — Она растопырила перед собой толстые пальцы-обрубки, лучезарно улыбнулась и, жаба жабой в своей зеленой шляпе, сквозь толпу учеников пошла прочь. Малфой и Панси Паркинсон умирали от хохота, Гермиона кипела от бешенства, а Невилл растерялся и совсем приуныл.

— Мерзкая, лживая, подлая старая горгулья! — взорвалась Гермиона полчаса спустя, когда по тоннелю в снегу, который они проделали утром, ребята возвращались в замок. — Вы поняли, что она затеяла? Это все ее пунктик — полукровки! Она хочет представить Огрида этаким троллем-недоумком только потому, что его мать — гигантесса! О, как же это несправедливо! Урок-то, между прочим, был совсем не плохой! Если бы опять взрывастые драклы, тогда я бы поняла... но тестрали вполне ничего — а для Огрида, так просто прекрасно!

— Кхембридж говорит, они опасные, — заметил Рон.

— Они, как совершенно справедливо сказал Огрид, могут постоять за себя, — оборвала Гермиона, — и, наверно, Гниллер-Планк все-таки не стала бы их сейчас давать, они, пожалуй, тянут на П.А.У.К., но все равно, они такие *интересные!* Надо же, кто-то их видит, а кто-то нет!.. Я бы тоже хотела увидеть!..

— Уверена? — тихо спросил Гарри.

Гермиона ужаснулась:

— Ой, Гарри! Прости!.. Нет, конечно, не хотела бы! Надо же сморозить такую глупость!

— Да ладно, — отмахнулся Гарри, — ерунда.

— Честно сказать, я удивился, что их видят столько народу, — сказал Рон, — сразу трое...

— Кстати, Уизли, интересно, — раздался за их спинами издевательский голос. Оказывается, по пятам за ними шли Малфой,

Краббе и Гойл – снег глушил их шаги. – Как считаешь, если б ты видел, как кто-то отбросил коньки, может, ты бы лучше различал Кваффл?

Они загоготали, грубо распихали Гарри, Рона и Гермиону, вырвались вперед и хором грянули «Уизли – наш король!». Уши Рона побагровели.

– Наплюй, просто наплюй, – как заклинание твердила Гермиона. Она достала волшебную палочку и горячим воздухом принялась растапливать снежную целину, прокладывая дорогу к теплицам. Наступил декабрь, с новыми снегопадами и лавиной домашних заданий для пятиклассников. Приближалось Рождество, и на Рона с Гермионой навалилась куча обязанностей. Им как старостам поручили следить за украшением замка («Попробуй, повесь гирлянду, когда за другой конец ухватился Дрюзг и пытается тебя ею задушить», – сказал как-то Рон) и приглядывать за учениками первых и вторых классов, чтобы те на переменах не выходили на мороз («Эти шмакодявки наглые – жуть, мы в первом классе такими не были», – объявил Рон). Кроме того, им по очереди пришлось дежурить в коридорах с Аргусом Филчем – смотритель вбил себе в голову, что рождественское возбуждение чревато колдовскими дуэлями («У этого идиота в голове не мозги, а навоз», – констатировал Рон). Словом, они были так заняты, что Гермиона даже перестала вязать шапочки и ужасно переживала, что у нее осталось всего три.

– Как подумаю, сколько эльфов я еще не освободила! Несчастные, им придется встречать Рождество здесь – а все потому, что не хватает шапочек!

А Гарри не хватало духу сказать Гермионе, что все ее творения достаются Добби, поэтому, услышав ее слова, он лишь ниже склонился над сочинением по истории магии. Ему самому про Рождество даже думать не хотелось. Он бы предпочел провести каникулы где-нибудь подальше от «Хогварца». Играть в квидиш запрещено, страх, что Огриду назначат испытательный срок, не отпускает – Гарри очень обиделся на школу в целом. Жизнь скрашивали только собрания Д. А., но и те на каникулах прекратятся, поскольку большинство ребят уезжало домой, к родным. Гермиона с родителями собирались кататься на лыжах, что крайне забавляло Рона – он не знал, что муглы привязывают к ногам узкие деревянные дощечки, чтобы съезжать с

гор. Рон собирался в «Гнездо». Узнав об этом, Гарри завидовал несколько дней, пока Рон в ответ на вопрос, как он будет добираться, не воскликнул: «Но ты же едешь со мной! Я что, не говорил? Мама велела тебя пригласить чуть ли не полтора месяца назад!»

Гермиона закатала глаза, а Гарри воспрянул духом: Рождество в «Гнезде»! Что может быть чудеснее! Впрочем, к радости примешивалось горькое чувство вины: значит, он не сможет провести каникулы с Сириусом... Интересно, нельзя ли уговорить миссис Уизли пригласить крестного на праздники? Гарри опасался, что она может и не согласиться: они с Сириусом вечно на ножах. Впрочем, что об этом думать, если Думбльдор, скорее всего, не разрешит Сириусу покинуть дом на площади Мракэнтлен? С последнего появления в камине Сириус ни разу не пытался связаться с крестником. Гарри понимал, что выходить на контакт под бдительным оком Кхембридж неразумно, но не мог без боли думать о том, как Сириус встретит Рождество в старом ненавистном доме, один, и будет разрывать хлопушку на пару со Шкверчком.

На последнюю встречу Д. А. Гарри пришел рано – и очень кстати. Как только зажглись факелы, он увидел, что Добби взял на себя труд самостоятельно украсить Кстати-комнату к Рождеству. Его авторство не оставляло сомнений: кто еще мог подвесить к потолку сотню золотых шаров, с которых смотрела сотня лиц Гарри? Кроме того, на шарах значилось: «ГАРРИЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ С РОЖДЕСТВОМ!»

Гарри едва успел убрать последний шар, как со скрипом отворилась дверь и в комнату вошла неизменно загадочная Луна Лавгуд.

– Привет, – сонно сказала она, оглядывая остатки украшений. – Как мило! Это ты повесил?

– Нет, – ответил Гарри, – это Добби. Домовой эльф.

– Омела, – мечтательно произнесла Луна, показывая на большую гроздь белых ягод, которая свисала с потолка почти до самой макушки Гарри. Он отпрыгнул. – Правильно, – серьезно одобрила Луна. – Там бывает полно въедлов.

Появление замерзших, запыхавшихся Ангелины, Кэти и Алисии спасло Гарри от необходимости выяснять, что такое въедлы.

– В общем, – буркнула Ангелина, снимая плащ и швыряя его в угол, – мы наконец тебя заменили.

– Заменили? – не понял Гарри.

– Тебя, Фреда и Джорджа, – нетерпеливо пояснила Ангелина. – У нас теперь новая Ловчая!

– Кто? – тут же спросил Гарри.

– Джинни Уизли, – ответила Кэти.

Гарри удивленно взорвался на нее.

– Ну да, я понимаю. – Ангелина достала палочку и помахала ею для разминки, – Но она очень даже ничего. С тобой, – она кинула на Гарри очень нехороший взгляд, – разумеется, никакого сравнения, но... за неимением гербовой...

Гарри сдержался и не сказал того, что так и просилось на язык: неужели Ангелина не понимает, что сам он жалеет об исключении из команды в сто раз больше, чем она?

– А Отбивалы? – с деланным спокойствием спросил он.

– Эндрю Кёрк, – без энтузиазма сказала Ангелина, – и Джек Слопер. Не блестяще, конечно, но по сравнению с остальными идиотами...

Появление Рона и Гермионы оборвало этот безрадостный разговор, а через пять минут в комнате было уже столько народа, что Гарри смог спрятаться от обжигающих, гневных глаз Ангелины.

– Итак! – крикнул он, призывая всех к порядку. – Сегодня повторяем пройденное. Впереди трехнедельный перерыв, начинать что-то новое смысла нет...

– Как? Мы не будем проходить ничего нового? – недовольным шепотом, который разнесся по всей комнате, спросил Захария Смит. – Я бы не приходил, если б знал.

– Нам всем очень-очень жаль, что Гарри тебя не предупредил, – громко сказал Фред.

Кое-кто фыркнул. Гарри увидел, что Чо тоже засмеялась, и в животе у него привычно что-то оборвалось – будто он, спускаясь по лестнице, случайно пропустил ступеньку.

– Работаем парами, – объявил он. – Начнем с порчи-помехи, минут десять, а потом достанем подушки и займемся сногшибальным заклятием.

Все послушно разделились на пары, Гарри, как обычно, встал с Невиллом. Очень скоро комната наполнилась выкриками «Импедимента!». При этом один из партнеров на некоторое время

замирал, а второй бесцельно глазел по сторонам, наблюдая за другими парами; потом застывший отмировал и завораживал партнера.

Невилла было не узнать – он колдовал все лучше. Отмерев три раза подряд, Гарри оставил Невилла с Роном и Гермионой, а сам пошел по комнате посмотреть на достижения остальных. Когда он оказался возле Чо, та одарила его таким сияющим взглядом, что в дальнейшем Гарри пришлось бороться с искушением ходить мимо нее снова и снова.

Уделив десять минут порче-помехе, они разложили по полу подушки и стали практиковаться в сногсшибальном заклятии. Комната была недостаточно велика, поэтому пришлось разделиться на две группы и тренироваться по очереди. Глядя на своих учеников, Гарри так и раздувался от гордости. Да, конечно, Невилл сшиб с ног Падму Патил, а вовсе не Дина, в которого метил, но ведь он промахнулся куда меньше обычного, а остальные и вовсе достигли колossalных успехов.

Час прошел незаметно, и Гарри объявил конец занятия.

– Вы настоящие молодцы, – сказал он, улыбаясь всем. – После каникул приступим к более серьезным вещам – может быть, даже к вызову Заступников.

Все возбужденно загомонили. Потом стали расходиться, по двое-трое; большинство желали Гарри счастливого Рождества. На душевном подъеме он вместе с Роном и Гермионой собрал с полу подушки и сложил в стороне аккуратной стопкой. Потом Рон с Гермионой ушли, а Гарри решил немного задержаться: Чо была еще здесь, и он рассчитывал, что и она пожелает ему счастливого Рождества.

– Нет, ты иди, – донеслись до него ее слова, обращенные к Мариэтте. Сердце Гарри подпрыгнуло и очутилось в горле.

Он притворился, будто поправляет стопку подушек. Теперь, когда, кроме них двоих, в комнате никого не осталось, он ждал, что Чо заговорит. Но услышал громкий всхлип.

Он обернулся. Чо стояла посреди комнаты, и по ее лицу струились слезы.

– В чем де?..

Он не знал, как поступить. Чо стояла и плакала.

– Что с тобой? – неуверенно спросил Гарри.

Чо потрясла головой и вытерла глаза рукавом.

— Про... прости, — заплаканным голосом пролепетала она. — Наверно... просто мы... учим все это... я подумала... вот если бы *он* это знал... может, он был бы жив.

Сердце Гарри камнем прокатилось из горла мимо груди и обосновалось в районе пупка. Как он не догадался? Ей просто хотелось поговорить о Седрике.

— Он знал, — сумрачно произнес Гарри. — Он очень хорошо все это умел, иначе не дошел бы до центра лабиринта. Но когда Вольдеморт взаправду хочет тебя убить, у тебя нет шансов.

От страшного имени она опять всхлипнула, но не отвела взгляда от Гарри.

— Ты же выжил. А ты был младенцем, — тихо проговорила она.

— Выжил, — устало сказал Гарри и направился к двери. — Не знаю почему, и никто не знает, так что гордиться тут нечем.

— Прошу тебя, не уходи! — воскликнула Чо. В ее голосе снова зазвучали слезы. — Мне так стыдно, что я расклеилась... Я не хотела...

Она опять всхлипнула. Даже сейчас, с красными, опухшими глазами, она была прелестна. А Гарри был глубоко несчастен. Эх, если бы она просто пожелала ему счастливого Рождества.

— Я понимаю, как тебе тяжело, — продолжала Чо, вновь промокая глаза рукавом, — когда я говорю о Седрике... Ты же видел, как он умирал... Тебе, наверно, лучше бы забыть об этом поскорее?

Гарри ничего не ответил. Она, конечно, права, но признать это слишком жестоко.

— А ты очень х-хороший учитель, — сквозь слезы улыбнулась Чо. — Раньше мне ничего не удавалось сшибить.

— Спасибо, — неловко ответил Гарри.

Довольно долго они молча смотрели друг на друга. Гарри отчаянно хотел стремглав выбежать из комнаты и в то же время был абсолютно не способен пошевелиться.

— Омела, — тихо сказала Чо, показывая на потолок над его головой.

— Да, — кивнул Гарри. Во рту у него пересохло. — Там, наверно, полно въедлов.

— Каких еще въедлов?

— Понятия не имею, — ответил Гарри. Она подошла ближе. Гарри как будто ударили сногшибателем по голове. — Спроси у Психуны. В

смысле у Луны.

Что то ли всхлипнула, то ли усмехнулась. И шагнула еще ближе – Гарри мог бы сосчитать веснушки у нее на носу.

– Гарри... Ты мне очень нравишься.

Он потерял способность мыслить. Звенящая пустота распространялась по телу, парализуя руки, ноги, мозг.

Она была совсем близко. Он видел каждую слезинку, повисшую на ее ресницах...

Через полчаса он пришел в общую гостиную. Рон и Гермиона сидели в лучших креслах у камина; кроме них, в комнате почти никого не осталось. Гермиона писала очень длинное письмо; она уже до половины заполнила пергамент, свисавший со стола. Рон лежал на коврике у камина и возился с работой по превращениям.

– Что ты так долго? – спросил он, когда Гарри сел в кресло.

Гарри не ответил. Он был в шоке. Одна его половина хотела немедленно поведать друзьям обо всем, что произошло, другая желала унести секрет в могилу.

– Гарри, с тобой все в порядке? – Гермиона внимательно посмотрела на него поверх пера.

Гарри неуверенно пожал плечами. Он вообще не понимал, что с ним.

– Да что такое-то? – Рон приподнялся на локте, чтобы лучше видеть Гарри. – Что случилось?

Гарри не знал, что сказать, не знал, хочет ли об этом говорить. Но, стоило ему окончательно решиться молчать, Гермиона взяла дело в свои руки.

– Чо? – деловито осведомилась она. – Отловила тебя после собрания?

Гарри оторопело кивнул. Рон захихикал, но, поймав взгляд Гермионы, смолк.

– И что же она... э-э... хотела? – притворно невинным тоном поинтересовался он.

– Она... – начал Гарри; голос прозвучал хрипло, он откашлялся и начал снова: – Она... э-э...

– Вы целовались? – живо спросила Гермиона.

Рон сел так быстро, что опрокинул чернильницу, и та прокатилась по всему коврику. Полностью проигнорировав это обстоятельство, Рон

жадным взглядом впился в лицо Гарри:

– Да?

Гарри поглядел на Рона, которого разрывало от смеха и любопытства, на чуть сдвинутые брови Гермионы и кивнул.

– ХА! – Рон победно вскинул кулак и оглушительно захохотал.

Второклассники, тихонько стоявшие у окна, от испуга вздрогнули. Наблюдая, как Рон катается по коврику, Гарри и сам невольно улыбнулся. Гермиона с глубоким отвращением посмотрела на Рона и вернулась к своему письму.

– Ну? – отсмеявшись, спросил Рон. – И как?

Гарри поразмыслил.

– Мокро, – честно признался он.

Рон хрюкнул – не поймешь, в ликовании или омерзении.

– Потому что она плакала, – мрачно добавил Гарри.

– Ой, – улыбка Рона слегка увяла, – ты что, так плохо целуешься?

– Откуда я знаю, – ответил Гарри. Такое объяснение еще не приходило ему в голову, и он тотчас забеспокоился. – Может, и плохо.

– Какая ерунда, – рассеянно, не переставая строчить, проговорила Гермиона.

– А ты откуда знаешь? – вскинулся Рон.

– Что в последнее время только и делает, что плачет, – обронила Гермиона. – За едой, в туалетах, везде.

– От поцелуев должна бы повеселеть, – хихикнул Рон.

– Рон, – с большим достоинством произнесла Гермиона, макая перо в чернильницу, – ты самый бесчувственный болван, каких мне выпадало несчастье встречать.

– Что ты такое говоришь? – возмутился Рон. – Лучше скажи, кто это плачет, когда их целуют?

– Вот именно, – с некоторым отчаянием поддержал его Гарри, – кто?

Гермиона сострадательно на них посмотрела.

– Вы что, совсем не понимаете, что она сейчас чувствует? – спросила она.

– Совсем, – хором ответили Гарри и Рон.

Гермиона вздохнула и отложила перо.

– Прежде всего дураку ясно, что ей очень грустно из-за Седрика. Потом, надо думать, она в растерянности – раньше ей нравился

Седрик, теперь нравится Гарри, и она не понимает, кто больше. Кроме того, она угрывается: она думает, что целоваться с Гарри – это оскорбление памяти Седрика, и не знает, что про нее скажут, если она начнет встречаться с Гарри. Плюс она, скорее всего, толком не разобралась, что чувствует к Гарри, потому что Гарри видел, как Седрик умер, и от этого все очень запутанно и болезненно. Да, и еще она боится, что ее выгонят из команды, потому что она сейчас так плохо летает.

Гарри и Рон помолчали в некотором оцепенении, затем Рон сказал:

– Один человек не может столько всего чувствовать, он взорвется.

– Если у тебя полторы эмоции, это еще не значит, что и у остальных тоже, – съязвила Гермиона и снова взялась за перо.

– Но она первая начала, – сказал Гарри. – Я бы не стал... Она просто подошла и... А через секунду уже рыдала у меня на плече... Я не знал, что делать...

– А кто бы знал? – Самая мысль о подобной ситуации устрашила Рона.

– Нужно было ее пожалеть. – Гермиона озабоченно подняла глаза от пергамента. – Надеюсь, ты так и сделал?

– Ну, – Гарри обдало неприятным жаром, – я ее вроде как... похлопал по спине.

Было ясно видно, каких огромных усилий воли Гермионе стоит не закатывать глаза.

– Что же, это не худший вариант, – объявила она. – Ты будешь с ней встречаться?

– А куда я денусь? – ответил Гарри. – Д. А. ведь никто не отменял.

– Ты понял, что я имею в виду, – сказала Гермиона.

Гарри промолчал. Слова Гермионы открыли перед ним абсолютно новую и очень пугающую перспективу. Он попытался представить себе, как идет куда-то с Чо – в Хогсмед, например, – и должен пробыть с ней наедине несколько часов. Естественно, теперь, после того что произошло, она будет ждать приглашения... От этой мысли у Гарри скрутило живот.

– Не важно, – равнодушно произнесла Гермиона, возвращаясь к письму, – у тебя еще масса возможностей ее пригласить.

– А если он не хочет? – спросил Рон, необычайно проницательно наблюдавший за Гарри.

— Что за глупости, — рассеянно отмахнулась Гермиона, — она давным-давно ему нравится, правда, Гарри?

Он не ответил. Да, она давно ему нравилась, но, представляя себя с ней вдвоем, Гарри всегда видел, как Чо радуется жизни, а не безудержно рыдает у него на плече.

— А кому, собственно, предназначается этот роман? — спросил Рон у Гермионы, пытаясь прочесть, что написано на пергаменте, который давно уже стелился по полу. Гермиона поддернула письмо к себе, подальше от Рона.

— Виктору.

— Круму?

— А каких еще Викторов мы знаем?

Рон ничего не сказал, но насупился. Потом они минут двадцать сидели молча. Рон, фыркая от нетерпения и постоянно что-то вычеркивая, доделывал работу по превращениям; Гермиона, старательно водя пером, исписала весь пергамент, аккуратно скатала его и запечатала. Гарри смотрел в огонь, больше всего на свете желая, чтобы там появился Сириус и посоветовал, как вести себя с девочками. Но языки пламени лишь больше съеживались, и наконец красные жаркие угли превратились в золу. Оглянувшись, Гарри обнаружил, что они опять остались в общей гостиной одни.

— Ну все, спокойной ночи. — Гермиона широко зевнула и направилась к лестнице.

— Что она нашла в этом Круме? — возмутился Рон, когда они с Гарри тоже пошли спать.

— Наверно, — подумав, ответил Гарри, — это потому, что он старше... к тому же всемирно известный квидишний игрок...

— Да, но что еще? — раздраженно спросил Рон. — Он же мрачный тип!

— Ну да, мрачный, — согласился Гарри, чьи мысли по-прежнему были заняты Чо.

Они сняли мантии и переоделись в пижамы. Гарри положил очки на тумбочку, но не задернул полог, а стал смотреть в окно у кровати Невилла на звездное небо. Думал ли он вчера, ложась спать, что через двадцать четыре часа сможет сказать, что целовался с Чо Чан?..

— Спокойной ночи, — буркнул откуда-то справа Рон.

— Спокойной ночи, — ответил Гарри.

Может, в следующий раз... если такое случится... она будет немного счастливее. Надо куда-нибудь ее пригласить; она, наверное, рассчитывала на это, а теперь обижается... А может, она сейчас лежит в постели и плачет о Седрике? Гарри не знал, что и думать. От объяснений Гермионы все только больше запуталось.

Вот чему нас должны здесь учить, – решил он, поворачиваясь на бок, – что у них, у девочек, в голове... Все полезнее, чем прорицание...

Невилл сопел во сне. Где-то в ночи ухнула сова.

Гарри снилось, что он стоит в Кстати-комнате, а Чо гневно его корит: «Зачем ты заманил меня сюда?» Она утверждала, будто он обещал, если она придет, дать ей сто пятьдесят шокогадушных карточек. Гарри возражал... Чо закричала: «Седрик всегда давал мне много-много карточек! Вот, смотри!» – и стала пригоршнями вынимать из карманов карточки и кидать их в воздух. Затем она превратилась в Гермиону, которая сказала: «Ты правда обещал, Гарри... По-моему, ты должен дать ей что-то взамен... Может быть, твой “Всполох”?»... Гарри принялся доказывать, что не может отдать «Всполох», он ведь у Кхембридж, и вообще это смешно, он пришел в Кстати-комнату развешивать шары, вон они какие, в форме головы Добби...

Сон внезапно изменился...

Его тело сделалось гладким, мощным, гибким. Он ловко проскользнул между блестящими прутьями металлической решетки, заструился на животе по темному холодному полу. Было темно, но он видел, как все вокруг пульсирует странными цветами... он повернул голову... вроде бы в коридоре никого... хотя... впереди, на полу, свесив голову на грудь, сидит человек... контуры тела мерцают во мраке...

Гарри высунул язык... почуял в воздухе запах человека... человек жив, но задремал... сидит перед дверью в конце коридора...

Гарри томило желание укусить спящего... этому надо противостоять... у него другая, очень важная задача...

Но человек шевельнулся... Он вскочил, и с колен упал серебристый плащ; Гарри видел над собой размытые, дрожащие очертания... человек вытащил из-за пояса волшебную палочку... у Гарри не осталось выбора... он высоко поднялся над полом и ударил сокрушительно, раз, другой, третий, глубоко вонзая зубы в

человеческую плоть, чувствуя, как ломаются ребра, ощущая горячий поток крови...

Человек кричал от боли... потом затих... беспомощно привалился к стене... пол в крови...

Лоб так страшно болит... сейчас расколется голова...

– Гарри! ГАРРИ!

Весь в холодном поту, Гарри открыл глаза. Сбитые простыни обвивали его тело, как смирительная рубашка; в лоб словно ткнули раскаленной кочергой.

– Гарри!

Над ним склонялся смертельно перепуганный Рон. В ногах кровати стоял кто-то еще. Гарри обеими руками схватился за лоб; боль буквально ослепляла... Он перекатился на живот, свесился с постели, и его вырвало.

– Ему плохо, – сказал чей-то тревожный голос. – Может, надо кого-нибудь позвать?

– Гарри! Гарри!

Надо сообщить Рону, это очень важно... Судорожно хватая ртом воздух, Гарри рывком поднялся в кровати, усилием воли подавляя рвоту. От боли он почти ничего не видел.

– На твоего... – выдохнул он. Его грудь тяжело вздымалась. – На твоего папу... напали...

– Что? – не понял Рон.

– Твой папа! Его покусали, очень сильно, повсюду кровь!..

– Я пойду позову кого-нибудь, – сказал все тот же тревожный голос, и Гарри услышал, как кто-то выбежал из спальни.

– Гарри, дружище, – неуверенно произнес Рон, – тебе... приснился кошмар...

– Нет! – гневно закричал Гарри; Рон должен понять, это очень важно. – Это не кошмар! Не обычный сон!.. Я там был, я видел... Я это сделал!..

Он слышал бормотание Дина и Шеймаса, но ему было все равно. Боль поутихла, но пот продолжал литься, и Гарри дрожал как в лихорадке. Его еще раз вырвало – Рон едва успел отскочить.

– Гарри, ты заболел, – дрожащим голосом сказал он, – Невилл побежал за помощью.

— Со мной все в порядке! — выдохнул Гарри, вытирая рот пижамой. Его была сильная дрожь. — Со мной ничего страшного, а вот с твоим папой — надо узнать, где он, — из него кровь льет ручьями! Я был... там была огромная змея.

Он хотел встать, но Рон толкнул его обратно. Дин с Шеймасом тихо шептались чуть поодаль. Сколько времени прошло, одна минута или десять, Гарри не знал; он просто сидел, дрожал и чувствовал, как боль очень-очень медленно отступает... Затем послышались торопливые шаги, и до него донесся голос Невилла:

— Сюда, профессор.

В спальню ворвалась профессор Макгонаголл в клетчатом халате, в очках, косо сидящих на костлявом носу.

— Что такое, Поттер? Где болит?

Никогда еще он ей так не радовался — вот кто сейчас нужен, член Ордена Феникса, а не врач, который стал бы сузиться, выписывать зелья...

— С отцом Рона случилась беда, — снова сев очень прямо, сказал он. — На него напала змея. Он очень серьезно ранен, я видел это своими глазами.

— Что значит «своими глазами»? — свела брови профессор Макгонаголл.

— Не знаю... я спал и вдруг очутился там...

— Вы хотите сказать, что это вам приснилось?

— Нет! — сердито бросил Гарри; ну почему никто ничего не понимает? — Сначала мне снилось что-то совершенно другое, глупость какая-то... а потом вдруг это. Все было как наяву, я ничего не выдумал. Мистер Уизли спал на полу, на него набросилась громадная змея, было очень много крови, он упал... Надо узнать, где он сейчас...

Профессор Макгонаголл уставилась на него сквозь перекошенные очки так, словно зрелище ее ужасало.

— Я не вру и я не сумасшедший! — Гарри почти кричал. — Говорю вам, я видел, как это случилось!

— Я верю вам, Поттер, — отрезала профессор Макгонаголл. — Быстро надевайте халат — мы идем к директору.

Глава двадцать вторая

Больница св. Лоскута, Институт причудливых повреждений и патологий

Оттого что Макгонаголл восприняла его слова всерьез, Гарри невероятно полегчало. Ни секунды не колеблясь, он вскочил с постели, натянул халат и быстро нацепил на нос очки.

— Уизли, вам придется пойти с нами, — велела профессор Макгонаголл.

Следом за ней Гарри и Рон миновали безмолвно застывших Невилла, Дина и Шеймаса, вышли из спальни, спустились по винтовой лестнице в общую гостиную, пролезли в дыру за портретом Толстой Тети и зашагали по залитому лунным светом коридору. Гарри переполняла паника; хотелось бежать, кричать, звать Думбльдора; пока они тут разгуливают, мистер Уизли истекает кровью, к тому же... вдруг зубы змеи (Гарри изо всех сил старался не думать «мои зубы») были ядовитыми? Им повстречалась миссис Норрис — она уставила на них светящиеся глаза-фонари и тихо зашипела, но профессор Макгонаголл сказала: «Брысь!» — и кошка скользнула куда-то в тень. Через несколько минут они уже стояли возле каменной горгульи, охранявшей кабинет Думбльдора.

— Шипучая шмелька, — произнесла профессор Макгонаголл.

Горгулья ожила и отпрыгнула; стена за ней расступилась, обнаружив винтовую каменную лестницу, которая непрерывно двигалась, точно эскалатор. Они шагнули на ступеньки; стена с глухим стуком закрылась, лестница по спирали повезла их наверх, и вскоре они оказались перед полированной дубовой дверью с медным молотком в форме грифона.

Было глубоко за полночь, но из-за двери доносились голоса, и они галдели прямо-таки не переставая; похоже, Думбльдор принимал

гостей.

Профессор Макгонаголл трижды стукнула в дверь молотком, и рокот голосов прекратился, точно их кто-то взял и выключил. Дверь сама по себе отворилась, и Макгонаголл провела Гарри и Рона в кабинет.

Там царил полумрак; загадочные серебряные приборы на столе застыли, вопреки обыкновению не вращаясь и не пыхая клубами дыма; на многочисленных портретах по стенам тихо дремали бывшие директора и директрисы «Хогварца». За дверью, на шесте, сунув голову под крыло, спала птица с роскошным малиново-золотым оперением.

– А, это вы, профессор Макгонаголл... и... о!

Думбльдор сидел за письменным столом в кресле с высокой спинкой; перед ним лежали какие-то пергаменты, горела свеча. Он чуть подался вперед и попал в круг света: белоснежная ночная рубашка, красиво расшитый лилово-золотой халат. Впрочем, ни тени сонливости. Пронзительные светло-голубые глаза вперились в профессора Макгонаголл.

– Профессор Думбльдор, Поттеру... скажем так, приснился кошмар, – доложила профессор Макгонаголл. – Он говорит...

– Это был не кошмар, – тут же перебил Гарри.

Профессор Макгонаголл, чуть нахмутившись, повернулась к Гарри:

– Хорошо, Поттер, расскажите вы.

– Я... я, конечно, спал... – начал Гарри и, несмотря на ужас и отчаянное желание быть понятым, слегка разозлился: почему директор смотрит не на него, а на свои переплетенные пальцы? – Но это был не обычный сон... Это было как наяву... Я видел, как все произошло... – Он глубоко вдохнул. – Папу Рона – мистера Уизли – искусала гигантская змея.

Он замолчал, но его слова – слегка нелепые, даже комичные – некоторое время звенели в воздухе. Повисла пауза. Думбльдор, откинувшись в кресле, внимательно изучал потолок. Рон, от потрясения побелев, смотрел то на Гарри, то на Думбльдора.

– Как ты это видел? – спокойно спросил Думбльдор, по-прежнему не глядя на Гарри.

— Я не знаю, — рассердился Гарри. Да какая разница? — В голове, кажется...

— Ты неправильно меня понял, — все так же спокойно проговорил Думбльдор. — Я хотел спросить... помнишь ли ты... э-э... где ты находился, когда видел нападение? Ты стоял рядом с жертвой или, может быть, смотрел сверху?

Вопрос был настолько странный, что Гарри потрясенно уставился на Думбльдора; тот как будто все знает...

— Я сам был змеей, — сказал он. — Я видел все глазами змеи.

Все помолчали; затем Думбльдор перевел взгляд на Рона, чье лицо оставалось совершенно бескровным, и спросил уже резче:

— Артур серьезно ранен?

— Да, — с нажимом ответил Гарри. Да что же они все за тупицы, неужели непонятно, сколько крови можно потерять, если тебе в бок вонюются такие огромные зубы? И неужели Думбльдору трудно хотя бы из вежливости разочек на него взглянуть?

Но Думбльдор стремительно встал — Гарри даже подскочил от неожиданности — и обратился к одному из старинных портретов почти под самым потолком.

— Эверард! — громко позвал он. — И вы, Дилис!

Колдун с землистым лицом и короткой черной челкой и пожилая ведьма с длинными серебристыми локонами с соседнего портрета сразу открыли глаза, хотя за секунду до этого вроде бы крепко спали.

— Вы слышали? — спросил Думбльдор.

Колдун кивнул; ведьма сказала: «Естественно».

— У него рыжие волосы, и он носит очки, — сообщил Думбльдор. — Эверард, поднимите тревогу и, пожалуйста, сделайте так, чтобы его нашли те, кто нужно...

Оба кивнули, скрылись за рамами своих портретов и, не появившись на соседних (как обычно бывало в «Хогварце»), исчезли. На одной картине остался лишь занавес, на другой — красивое кожаное кресло. Гарри заметил, что многие директора и директрисы — хотя они весьма убедительно похрапывали и даже пускали слюни во сне — украдкой бросают на визитеров любопытные взгляды, и понял, кто тут разговаривал с Думбльдором.

— Эверард и Дилис — два славнейших директора «Хогварца». — Думбльдор стремительно обогнул Гарри, Рона и профессора

Макгонаголл и подошел к великолепной птице, спавшей на шесте у двери. – Их известность такова, что портреты обоих имеются и в других колдовских учреждениях. И они всегда могут разузнать, что где происходит, поскольку волны перемещаться по своим портретам...

– Но мистер Уизли может быть где угодно! – воскликнул Гарри.

– Прошу вас, сядьте, – будто не слыша Гарри, обратился к гостям Думблдор, – возможно, Эверард и Дилис вернутся лишь через несколько минут. Профессор Макгонаголл, не сообразите ли пару стульев?

Профессор Макгонаголл достала из кармана халата волшебную палочку, взмахнула ею, и из воздуха появились три стула – деревянные и неудобные, совершенно непохожие на ситцевые кресла, которые Думблдор создал на дисциплинарном слушании. Гарри сел и через плечо покосился на директора. Тот нежно погладил Янгуса пальцем по золотому хохолку. Феникс мгновенно проснулся. Он высоко поднял свою прекрасную голову и посмотрел на Думблдора блестящими темными глазами.

– Нужно будет, – очень тихо сказал Думблдор птице, – предупредить.

Вспыхнуло пламя, и феникс исчез.

Думблдор взял один из своих хрупких серебряных приборов неизвестного назначения, перенес на письменный стол, сел и легонько постучал по прибору волшебной палочкой.

Прибор, звякнув, ожил и равномерно защелкал. Из миниатюрной трубочки на самом верху повалили крохотные клубы бледно-зеленого дыма. Думблдор, хмуря брови, внимательно всматривался. Через несколько секунд клубы превратились в ровную струю; та все утолщалась, вилась кольцами... На конце образовалась змеиная голова и широко распахнула пасть. Подтвердило это историю Гарри? Он выжидательно посмотрел на Думблдора, надеясь получить какой-то знак, свидетельство своей правоты, но Думблдор не поднял глаз.

– Разумеется, разумеется, – пробормотал Думблдор вроде бы сам себе, не отводя взгляда от пара и не выказывая ни малейшего удивления. – Но по сути разделены?

Гарри не имел представления, что директор такое спросил. Змея между тем разделилась на две отдельные змеи, и обе извивались, сворачивались кольцами в полумраке. Думблдор с мрачным

удовлетворением еще раз коснулся прибора. Пощелкивание постепенно прекратилось, змеи побледнели, превратились в бесформенную дымку и скоро растворились в воздухе.

Думбльдор возвратил прибор на тонконогий столик. Многие портреты следили за ним, но, перехватив взгляд Гарри, поспешно притворялись спящими. Гарри хотел спросить, что это за странный прибор, но не успел, потому что со стены справа, с самого верху, послышался крик: вернулся слегка запыхавшийся Эверард.

– Думбльдор!

– Какие новости? – тут же спросил Думбльдор.

– Я кричал, пока не сбежались люди, – колдун промокнул лоб занавесом, – сказал им, что слышал, как внизу кто-то ходит. Они сомневались, верить мне или нет, – вы же знаете, внизу нет портретов, откуда я мог бы что-то видеть, – но пошли проверить. В общем, через несколько минут они его уже принесли. Выглядит неважко, весь в крови – когда уносили, я перебежал на портрет Эльфриды Крэгг, хорошенько рассмотрел…

Рон конвульсивно вздрогнул, а Думбльдор сказал:

– Прекрасно. Насколько я понимаю, Дилис увидит, как его доставят…

И почти тотчас ведьма с серебряными локонами тоже вернулась на свою картину. Она, кашляя, упала в кресло и сообщила:

– Да, Думбльдор, его привезли к святому Лоскуту… пронесли прямо под моим портретом… на вид дела плохи…

– Благодарю вас, – кивнул Думбльдор. И круто повернулся к профессору Макгонаголл: – Минерва, я прошу вас разбудить остальных детей Уизли.

– Разумеется…

Профессор Макгонаголл встала и быстро пошла к двери. Гарри искоса посмотрел на Рона. Тот в ужасе застыл.

– Думбльдор… А Молли? – задержавшись у двери, спросила профессор Макгонаголл.

– Этим займется Янгус, когда кончит патрулировать, – сказал Думбльдор. – Но она, скорее всего, уже знает… Эти ее замечательные часы…

Гарри знал, о каких часах речь. Они показывали не время, а местонахождение и состояние всех членов семьи Уизли. Гарри

представил, как стрелка мистера Уизли даже сейчас указывает на «смертельную опасность», и у него сильно сжалось сердце. Но сейчас так поздно. Может, миссис Уизли спит и на часы не смотрит. Гарри похолодел, вспомнив вризрака, пугавшего миссис Уизли, — безжизненное тело мистера Уизли, очки съехали набок, по лицу струится кровь... Нет, мистер Уизли не умрет!.. Не может умереть...

Думблдор тем временем порылся в шкафу, наконец извлек старый почерневший чайник и поставил его на письменный стол. Затем поднял волшебную палочку и проговорил:

— Портус!

Мгновение чайник вибрировал, излучая странный голубой свет, затем, содрогнувшись напоследок, затих и снова почернел.

Думблдор подошел к другому портрету — колдуна с очень умным лицом и заостренной бородкой, в одежде слизеринских цветов. Колдун, похоже, спал так крепко, что Думблдора не слышал.

— Финей. Финей.

Обитатели многочисленных прочих портретов перестали прикидываться, будто дремлют, и беспокойно задвигались, наблюдая за происходящим. Умный колдун по-прежнему делал вид, что спит, и другие портреты присоединились к побудке:

— Финей! Финей! ФИНЕЙ!

Притворяться дальше было бессмысленно; колдун театрально вздрогнул и широко раскрыл глаза:

— Кто меня звал?

— Мне нужно, чтобы вы еще раз посетили свой другой портрет, Финей, — сказал Думблдор. — И передали еще одно сообщение.

— Другой портрет? — пронзительно переспросил Финей и продолжательно, фальшиво зевнул (при этом глаза его, обежав комнату, остановились на Гарри). — О нет, Думблдор, я сегодня слишком устал.

Голос Финея показался Гарри знакомым. Откуда бы? Но Гарри не успел над этим поразмыслить, так как остальные портреты вдруг подняли ужасный гвалт.

— Неподчинение, сэр! — гремел тучный красноносый колдун, потрясая кулаками. — Вы нарушаете долг!

— Для нас дело чести служить действующему директору «Хогварца»! — кричал хрупкий старичок, в котором Гарри узнал

Армандо Диппета, предшественника Думбльдора. – Стыдитесь, Финей!

– Может быть, *мне* его уговорить, Думбльдор? – громко спросила какая-то ведьма, пристально щурясь и поднимая необычайно увесистую волшебную палочку, больше похожую на розгу.

– Ладно, так уж и *быть*, – нехотя согласился Финей, с опаской покосившись на палочку-розгу, – но тот мой портрет могли уже и уничтожить, он почти полностью разделся со всем семейным...

– Сириус знает, что не следует уничтожать ваш портрет, – сказал Думбльдор, и Гарри сразу вспомнил, где ему доводилось слышать голос Финея: он раздавался с якобы пустого холста в спальне на площади Мракэнтлен. – Передайте, что Артур Уизли серьезно ранен, а его жена, дети и Гарри Поттер вскоре прибудут. Понятно?

– Артур Уизли ранен, жена, дети и Гарри Поттер остановятся у Сириуса, – скучающе повторил Финей. – Так, так... очень хорошо...

Он скользнул за раму и скрылся из виду. В тот же миг двери кабинета распахнулись, и в сопровождении профессора Макгонаголл вошли Фред, Джордж и Джинни. Все трое были в пижамах, растрепаны и совершенно ошеломлены.

– Гарри!.. Что случилось? – испуганно спросила Джинни. – Профессор Макгонаголл говорит, что ты видел, как на папу напали...

Прежде чем Гарри успел открыть рот, Думбльдор сказал:

– Ваш отец был ранен при исполнении задания Ордена Феникса. Его поместили в больницу святого Лоскута, Институт причудливых повреждений и патологий. Вас я отправляю к Сириусу, оттуда гораздо удобнее добираться до больницы. Ваша мать тоже туда прибудет.

– А как мы туда попадем? – спросил потрясенный Фред. – Кружаная мука?

– Нет, – ответил Думбльдор. – Сейчас это небезопасно, кружаная сеть просматривается. Вы отправитесь на портшлюсе. – Он показал на старый чайник, невинно стоящий на письменном столе. – Мы ждем возвращения Финея Нигеллия... Я хочу сначала убедиться, что путь свободен...

Посреди кабинета вспыхнуло и погасло пламя, оставив после себя золотое перо, которое медленно полетело на пол.

– Это предупреждение Янгуса, – сказал Думбльдор, подхватывая перо. – Видимо, профессор Кхем бридж узнала, что вы покинули

спальни... Минерва, пойдите, задержите ее, придумайте что угодно...

Мелькнула шотландская клетка, и профессор Макгонаголл исчезла.

— Он говорит, что будет счастлив их принять, — произнес скучающий голос за спиной у Думбльдора; Финей вновь появился на фоне слизеринского флага. — Мой праправнук всегда отличался странным вкусом в выборе гостей.

— Отправляйтесь, — велел Думбльдор Гарри и всем Уизли. — И быстро, пока к нам никто не присоединился.

Гарри и остальные сгрудились вокруг письменного стола.

— Раньше пользовались портшлюсом? — спросил Думбльдор. Все кивнули и прикоснулись к почерневшему чайнику. — Хорошо. Тогда на счет три: раз... два...

Все случилось в мгновение ока: в бесконечно малую долю секунды, перед тем как Думбльдор сказал «три», Гарри посмотрел на него — они стояли совсем рядом, — и тут же ясные голубые глаза скользнули с портшлюса на лицо Гарри.

Шрам на лбу ожги страшной болью, будто внезапно вновь открылась старая рана, и Гарри захлестнуло невероятной ненавистью, нежданной, непрошеною, пугающе сильной. Не было ничего желаннее, чем ударить — укусить — вонзить зубы в этого вот человека...

— ...*три*.

Что-то с силой дернуло Гарри за пупок, из-под ног ушел пол, рука приклеилась к чайнику, в ушах пронзительно засвистел ветер. Гарри и остальные толкались и все вместе, влекомые портшлюсом, неслись куда-то в вихре разноцветных пятен, а потом ноги Гарри стукнулись о землю с такой силой, что подогнулись коленки, чайник с лязгом упал, и где-то рядом чей-то голос произнес:

— Что — вернулись, изменники, выродки? Это правда, что их отец умирает?

— ВЫЙДИ ВОН! — взревел другой голос.

Гарри с трудом поднялся на ноги и огляделся. Портшлюс перенес их в мрачный подвал — кухню дома № 12 по площади Мракэнтлен. Тускло тлел огонь в очаге; единственная оплавившая свеча бросала зыбкий свет на остатки одинокого ужина. Шкверчок уже скрывался за дверью в холл, злобно оглядываясь и подтягивая набедренную повязку; взволнованный Сириус спешил к ребятам. Он был небрит, одет в

дневную одежду, и от него попахивало перегаром, почти как от Мундугнуса.

– Что случилось? – тревожно спросил он, помогая Джинни встать. – Финей Нигеллий говорит, что Артур серьезно ранен...

– Спроси у Гарри, – сказал Фред.

– Да я и сам бы хотел его послушать, – поддержал Джордж.

Близнецы и Джинни уставились на Гарри. Шаги Шкверчка на лестнице за дверью внезапно стихли.

– У меня... – начал Гарри. Кошмар, это даже хуже, чем рассказывать Думбльдору и Макгонаголл. – У меня было... какое-то... видение...

И он рассказал обо всем, но с небольшими поправками – якобы он видел нападение змеи со стороны, а не ее глазами. Рон, по-прежнему белый как мел, покосился на него, но ничего не сказал. Когда Гарри закончил, Фред, Джордж и Джинни не сводили с него глаз. Может, Гарри и почудилось, но в их взглядах читалось обвинение. Что ж, если они готовы винить его за то, что он оказался свидетелем нападения, значит, он правильно умолчал, что сам был змеей.

– А мама здесь? – спросил Фред Сириуса.

– Она, может, еще и не знает, – ответил тот. – Самое главное было забрать вас из школы, пока Кхембридж не вмешалась. Я думаю, Думбльдор как раз сейчас посыпает Молли известие.

– Нам нужно в больницу, – решительно сказала Джинни. Она оглянулась на братьев; все, естественно, были по-прежнему в пижамах. – Сириус, одолжиши нам плащи какие-нибудь?

– Погодите, нельзя же вот так взять и рвануть в больницу! – воскликнул Сириус.

– Еще как можно! – упрямо возразил Фред. – Это же наш папа!

– А как вы объясните, откуда вам известно, что Артур ранен? И как вы узнали об этом раньше, чем его жена?

– Да какая разница! – горячо воскликнул Джордж.

– Такая! Незачем лишний раз привлекать внимание к тому, что у Гарри видения! – сердито воскликнул Сириус. – Вы что, не понимаете, как к этому отнесутся в министерстве?

На лицах близнецов было написано, что им глубоко наплевать, как и к чему отнесутся в министерстве. Рон, мертвенно-белый, молчал. А Джинни проговорила:

— Мы могли узнать от кого-то еще... не от Гарри.

— А от кого? — раздраженно бросил Сириус. — Послушайте. Вашего отца ранили на дежурстве по заданию Ордена. Ситуация сама по себе скользкая, а если к тому же выяснится, что буквально через несколько секунд после нападения об этом узнали его дети, Орден окажется под угрозой...

— Плевать нам на ваш идиотский Орден! — заорал Фред.

— У нас отец умирает! — завопил Джордж.

— Ваш отец прекрасно знал, на что идет, и, если вы все испортите, вряд ли он скажет вам спасибо! — вспылил Сириус. — На войне как на войне... потому вас и не взяли в Орден... вам не понять... есть вещи, ради которых стоит умереть!

— Хорошо тебе говорить! Ты-то сидишь тут! — взревел Фред. — Сам-то головой не рискуешь!

И без того бледное лицо Сириуса совершенно обескровело — похоже, на миг ему очень серьезно захотелось ударить Фреда... Но, сумев овладеть собой, Сириус подчеркнуто спокойно заговорил:

— Я понимаю, это тяжело, но мы обязаны вести себя так, будто еще ничего не знаем. Поэтому мы останемся здесь и будем ждать известий от вашей матери. Ясно?

Фред с Джорджем по-прежнему глядели вызывающе, но Джинни медленно отошла и бессильно опустилась в ближайшее кресло. Гарри посмотрел на Рона. Тот не то кивнул, не то пожал плечами, и они оба тоже сели. Близнецы, с минуту посверлив Сириуса гневными взорами, уселись по бокам от Джинни.

— Вот и ладненько, — ободряюще кивнул Сириус, — а теперь... давайте-ка выпьем. Пока ждем, можно и выпить. Акцио усладэль!

С этими словами он взмахнул палочкой — бутылки вылетели из кладовой, поскакали по столу, расталкивая остатки ужина, и браво остановились — перед каждым по одной. Все отпили, и потом некоторое время в кухне слышалось только потрескивание огня в очаге да постукивание бутылок по столу.

Гарри пил, лишь бы чем-то заняться. Вина выжигала его изнутри. Если бы не он, все спокойно спали бы в своих постелях. И нет смысла убеждать себя, что, если бы он не поднял тревогу, мистера Уизли не нашли бы — ведь мистер Уизли и не пострадал бы, если б Гарри на него не напал.

Какая чушь, у тебя же нет ядовитых зубов, – сказал себе Гарри, но рука с бутылкой не переставала дрожать. – Ты спал, ты ни на кого не нападал...

А что же тогда было в кабинете Думбльдора? – возразил он себе. – Мне хотелось броситься и на него...

Он ненароком сильно стукнул бутылкой о столешницу, усладэль расплескался, но никто не обратил внимания. А затем над столом, на мгновение выхватив из темноты грязные тарелки, вспыхнул огонь. Все вскрикнули. На стол со стуком упал пергаментный свиток, следом спорхнуло золотое хвостовое перо феникса.

– Янгус! – воскликнул Сириус, хватая пергамент. – Но письмо не от Думбльдора... Скорее всего, от вашей мамы... На...

Он сунул его Джорджу в руку, тот одним рывком распечатал свиток и громко прочел:

– «Отец пока жив. Срочно отправляюсь в больницу. Оставайтесь на месте. Как только будут новости, я сообщу. Мама».

Джордж оглядел всех.

– Пока жив... – медленно повторил он. – Но так выходит...

Договаривать было необязательно – мистер Уизли находился между жизнью и смертью. Мертвенно-бледный Рон неотрывно смотрел на письмо матери, словно оно могло как-то его утешить. Фред вынул пергамент из руки Джорджа и прочел его про себя, а потом поднял глаза на Гарри. Тот почувствовал, что рука с усладэлем опять затряслась, и, чтобы унять дрожь, крепко сжал бутылку.

В жизни Гарри еще не бывало ночи длиннее – по крайней мере, он не припоминал. Один раз Сириус довольно вяло предложил ребятам лечь спать, но ответом ему послужили возмущенные взгляды. Все молча сидели за столом, смотрели на свечу – фитилек опускался все ниже и ниже над лужей воска – и время от времени прихлебывали усладэль. Изредка кто-нибудь спрашивал, сколько времени, либо вслух гадал, что сейчас происходит в больнице св. Лоскута, либо заверял остальных, что плохое известие дошло бы сразу – ведь миссис Уизли, конечно, давно уже там.

Фред задремал, свесив голову на плечо. Джинни кошкой свернулась в кресле, но глаза ее были открыты – Гарри видел, как в них отражается огонь очага. Рон сидел, спрятав лицо в ладонях; не поймешь, спал он или нет. Гарри и Сириус поглядывали друг на друга,

чувствуя себя так, словно не имеют права вторгаться в семейное горе, и ждали... ждали...

В десять минут шестого по часам Рона дверь распахнулась, и в кухню вошла необычайно бледная миссис Уизли. Все резко повернулись к ней, а Фред, Джордж и Гарри даже привстали с кресел. Миссис Уизли слабо улыбнулась.

– Папа поправится, – обессиленно сказала она. – Он спит. Попозже сможем его навестить. Сейчас с ним Билл, он взял отгул на первую половину дня.

Фред упал на стул и закрыл руками лицо. Джордж и Джинни ринулись к матери и порывисто ее обняли. Рон испустил дребезжащий смешок и одним глотком допил усладэль.

– Завтракать! – громко и радостно вскричал Сириус, вскакивая с места. – Где этот проклятущий домовый эльф? Шкверчок! ШКВЕРЧОК!

Но Шкверчок на зов не явился.

– Ну и пропади он, – пробормотал Сириус, пересчитывая сидящих за столом. – Так, значит, завтрак на... постойте-ка... семь персон... пожалуй, яичница с беконом, чай и гренки...

Гарри пошел к плите помочь Сириусу. Ему было неловко – все-таки это прежде всего семейная радость, – и он боялся, что миссис Уизли вот-вот попросит его опять пересказать видение. Он достал из шкафчика тарелки, но миссис Уизли тут же забрала их и крепко его обняла.

– Даже думать не хочу, что могло бы случиться, если бы не ты, – сказала она сдавленным голосом. – Артура могли не найти вовремя, и было бы слишком поздно! Но он жив, спасибо тебе, и к тому же Думблдор успел придумать объяснение, почему Артур был... там, где он был. А иначе ты даже не представляешь, как он рисковал! Взять хоть бедного Стурджаиса...

Гарри еле вытерпел ее теплые слова, но, к счастью, скоро она его отпустила, повернулась к Сириусу и принялась благодарить за то, что он присмотрел за детьми. Сириус сказал, что был рад оказаться полезен, и выразил надежду, что, пока мистер Уизли в больнице, все они поживут у него.

– Ой, Сириус, я так тебе призательна... Видимо, ему придется некоторое время полежать – было бы чудесно жить поближе... Что ж,

значит, Рождество встречаем здесь.

— Вместе веселее! — воскликнул Сириус так искренне, что миссис Уизли просияла, надела фартук и принялась помогать с завтраком.

— Сириус, — тихонько сказал Гарри, не в силах больше терпеть. — Можно тебя на пару слов?.. *Сейчас?*

Гарри увел Сириуса в темную кладовую и там, без всяких преамбул, в подробностях поведал о видении — в частности о том, что змеей был он, Гарри.

Стоило ему на секунду замолчать, чтобы перевести дыхание, Сириус спросил:

— А Думбльдору ты рассказал?

— Да, — сердито бросил Гарри, — но он не объяснил, что все это значит. Впрочем, он теперь со мной вообще не разговаривает.

— Если бы было что-то серьезное, я уверен, он бы сказал, — размеренно проговорил Сириус.

— Но это еще не все, — еле слышно, почти шепотом, продолжил Гарри. — Сириус, я... По-моему, я схожу с ума. В кабинете Думбльдора, прямо перед тем, как мы улетели на портшлюсе, мне... пару секунд казалось, что я — змея. Я чувствовал себя как змея... я посмотрел на Думбльдора, и шрам очень сильно заболел... Сириус, я хотел броситься на него!

Гарри видел лишь кусочек Сириусова лица, остальное скрывалось в тени.

— Я думаю, это просто последствие сна, — проговорил Сириус. — Ты продолжал о нем думать, вот и...

— Нет, тут другое, — потряс головой Гарри, — во мне поднялось что-то такое страшное, как будто внутри меня змея!

— Тебе надо спать, — решительно объявил Сириус. — Сейчас ты поешь, потом пойдешь наверх и ляжешь в постель, а после обеда вместе со всеми навестишь Артура. У тебя шок, Гарри; ты винишь себя за то, чему был всего лишь свидетелем, — и очень, кстати, хорошо, что был, иначе Артур мог бы погибнуть. Так что перестань нервничать.

Он хлопнул крестника по плечу и вышел из кладовой, оставив Гарри стоять в темноте.

Первую половину дня все, кроме Гарри, спали. Он вместе с Роном поднялся в ту комнату, где они жили летом, и Рон уснул, едва успев

лечь. Гарри сидел одетый, привалясь к холодным металлическим прутьям изголовья. Он нарочно сел как можно неудобнее – перспектива задремать его ужасала. Вдруг он проснется, а выяснится, что он снова обернулся змеей и напал, например, на Рона? Или прополз по дому и атаковал еще кого-нибудь…

Наконец Рон проснулся. Гарри притворился бодрым, словно тоже спал. Пока они обедали, из «Хогварца» доставили их сундуки, а с ними и мугловую одежду. Все, кроме Гарри, пребывали в радостном возбуждении и, переодеваясь в джинсы и толстовки, безудержно болтали. Скоро в доме появились Бомс и Шизоглаз, которым предстояло сопровождать детей и миссис Уизли в поездке. Их весело приветствовали, откровенно потешаясь над котелком Шизоглаза, надетым набекрень и скрывавшим волшебный глаз. Все дружно считали, что в метро котелок привлечет гораздо больше внимания, чем ярко-розовая стрижка Бомс.

В поезде, который, громыхая на ходу, вез всю компанию в центр Лондона, Бомс, сидевшая рядом с Гарри, чрезвычайно заинтересовалась его видением – хотя ему меньше всего на свете хотелось это обсуждать.

– У тебя в семье провидцев не было? – полюбопытствовала Бомс.

– Нет, – отозвался Гарри. Он сразу вспомнил Трелони и оскорбился.

– Нет, – задумчиво повторила Бомс, – нет. Я так понимаю, это же и не пророчество? Я хочу сказать, ты же видишь не будущее, а настоящее… странно, да? Зато полезно…

Гарри промолчал. К счастью, на следующей остановке они вышли, и, пользуясь толкотней, Гарри пропустил вперед близнецов, чтобы те оказались между ним и Бомс, которая шла первой. Следуя за ней, все шагнули на эскалатор. Хмури, замыкающий, клацал по полу деревянной ногой. Котелок был низко надвинут на глаза, а узловатая рука просунута между пуговицами плаща – Хмури крепко держался за волшебную палочку. Гарри чувствовал на себе взгляд волшебного глаза и в надежде избежать расспросов о видении поинтересовался у Шизоглаза, где находится больница св. Лоскута.

– Отсюда недалеко, – пророкотал Хмури. Они вышли из метро на широкую улицу, вдохнули морозный воздух. Кругом сплошные магазины, толпы людей сновали туда-сюда в поисках рождественских

подарков. Шизоглаз чуть подтолкнул Гарри вперед и зашагал, едва не наступая ему на пятки; Гарри знал, что волшебный глаз под котелком бешено вертится во все стороны. – Не так-то легко было найти подходящее место для больницы. На Диагон-аллее нет больших участков под строительство, а под землю, как министерство, больницу не запихнешь – запрещено санитарными нормами. В конце концов удалось заполучить здание в этом районе. Вроде как здесь больным колдунам удобно незаметно приходить-уходить – смешался с толпой, и порядок.

Он схватил Гарри за плечо, чтобы их не разделила кучка людей, которые шли, не видя перед собой ничего, кроме вожделенного магазина электротоваров.

– Вот мы и на месте, – минуту спустя объявил Хмури.

Они стояли перед большим старым зданием из красного кирпича, где располагался магазин под названием «Отто Драт & Заблес Тид Лтд». Был он унылый и заброшенный; в витринах кое-как расставлены несколько щербатых манекенов в перекошенных париках и одетых по моде десятилетней давности. На покрытых пылью дверях висели одинаковые большие таблички: «РЕМОНТ». Гарри ясно услышал, как какая-то крупная дама, увшанная многочисленными пакетами, сказала подруге:

– Вечно он не работает, этот магазин...

– Так, – сказала Бомс и поманила своих подопечных к витрине, пустой, если не считать на редкость уродливого манекена в зеленом нейлоновом сарафане и с выпавшими ресницами. – Все готовы?

Все, сгрудившись около нее, кивнули. Хмури еще раз подтолкнул Гарри в спину между лопатками, а Бомс наклонилась очень близко к стеклу (оно запотело от дыхания), посмотрела на уродливый манекен и тихо обратилась к нему:

– Здорово! Мы пришли навестить Артура Уизли.

Гарри удивился: неужели Бомс думает, что манекен услышит ее, когда на улице так шумно? Да к тому же сквозь стекло? Потом он напомнил себе, что манекены вообще ничего и никого не слышат, но секундой позже раскрыл рот от изумления: манекен еле заметно кивнул и поманил визитеров пальцем на шарнирах. Бомс подхватила под руки Джинни и миссис Уизли, шагнула сквозь стекло и исчезла.

Фред, Джордж и Рон вошли следом. Гарри оглянулся на кишащих людей: уродливые витрины «Отто Драт & Заблес Тид Лтд» никого не интересовали, и исчезновение целых шести человек прошло совершенно незамеченным.

— Вперед, — рыкнул Хмури, вновь пихая Гарри в спину. Они вместе шагнули в витрину и оказались словно под прохладным водопадом — но тут же вышли с другой стороны, нимало не промокнув.

Там, куда они попали, не было ни манекена, ни витрины. Перед ними простирался переполненный приемный покой больницы. Многочисленные колдуны и ведьмы сидели рядами на шатких деревянных стульчиках. Некоторые выглядели вполне нормально и лениво перелистывали старые номера «Ведьмополитена»; зато на других было страшно смотреть — слоновьи хоботы, лишние руки, торчащие из груди. В приемной было шумно, как на улице, — многие пациенты издавали весьма странные звуки. Из рта какой-то дамы с потным лицом, которая непрестанно обмахивалась «Оракулом», то и дело с пронзительным свистом вырывалась струя пара, а в углу сидел неряшливый ведун, который при каждом движении звенел как колокольчик; при этом голова его так отчаянно вибрировала, что бедняге приходилось держать себя за уши, чтобы она не отвалилась.

Между рядами ходили колдуны и ведьмы в лаймовых мантлях. Они задавали вопросы и делали пометки в пергаментах, совсем как Кхембридж. На груди у каждого, заметил Гарри, была вышита эмблема: перекрещенные волшебная палочка и кость.

— Это врачи? — спросил он у Рона.

— Врачи? — испугался Рон. — Муглы-маньяки, которые режут людей? Ты что! Это знахари.

— Сюда! — позвала миссис Уизли, перекрикивая треньканье неряшливого ведуна, и ребята подошли к ней. Она стояла в очереди к стойке «Справочная», за которой сидела пухлая блондинка. Стена сзади была увешана плакатами: «Чистота котла — залог качественного зелья», «Противоядие, не одобренное квалифицированным знахарем, противно» и прочее в том же духе. Здесь же висел большой портрет ведьмы с серебристыми локонами, с табличкой на раме:

ДИЛИС ДЕРВЕНТ

Знахарка больницы св. Лоскута 1722–1741

*Директор школы колдовства и ведьминских искусств
«Хогварц» 1741–1768*

Дилис внимательно, словно пересчитывая, посмотрела на семейство Уизли. Гарри поймал ее взгляд. Она чуть заметно подмигнула, бочком вышла с портрета и исчезла.

Тем временем в начале очереди некий молодой человек, исполняя на месте какую-то странную джигу и вскрикивая от боли, пытался в промежутках между воплями рассказать ведьме за столиком о своем недомогании.

— Это все — ОЙ! — ботинки, которые мне подарил брат — У-У-У! — они просто пожирают мои — А-А-А! — ноги — это какое-то проклятие — В-В-В-В! — никак не могу — АЙ! — их снять. — Он прыгал с ноги на ногу, будто танцую на горячих углях.

— Но ведь читать они вам не мешают? — бросила пухлая блондинка, с раздражением тыча в большое объявление слева от стола. — Пятый этаж, отделение порчетерапии. В путеводителе по этажам все сказано. Следующий!

Молодой человек, гарцуя, бочком отбыл прочь от стола. Компания Гарри продвинулась на несколько шагов вперед, и ему стал виден путеводитель по этажам:

ТРАВМЫ НЕЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1 этаж

Взрывы котлов, разрывы волшебных палочек, падение с метел и т. п.

ТРАВМЫ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

2 этаж

Укусы, ужаления, ожоги, застрявшие шипы и т. п.

МАГИЧЕСКИЕ ИНФЕКЦИИ

3 этаж

Инфекционные заболевания, в т. ч. драконья оспа, пропадки, золотуша и т. п.

ОТРАВЛЕНИЯ ЗЕЛЬЯМИ И РАСТЕНИЯМИ

4 этаж

Высыпания на коже, отрыжка, бесконтрольный смех и т. п.

ПОРЧЕТЕРАПИЯ

5 этаж

Неснимаемые заклятия, порча, некорректно наложенные заклятия и т. п.

КАФЕ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ / БОЛЬНИЧНЫЙ КИОСК

6 этаж

Если вы не знаете, куда обратиться, не способны нормально говорить или не можете вспомнить, как сюда попали, обращайтесь к дежурной доброведьме, которая будет рада оказать вам помощь.

Подошла очередь согбенного престарелого колдуна со слуховым рожком. Он, шаркая, приблизился к столу и сплю обьявил:

– Я пришел навестить Бродерика Дода!

– Палата сорок девять. Но, боюсь, вы зря потеряете время, – безапелляционно заявила белокурая ведьма. – Совершенно не в своем уме – до сих пор считает себя чайником. Следующий!

У стола оказался ошалевший от ужаса колдун. Он крепко держал за лодыжку маленькую девочку, а та парила у него над головой, хлопая огромными оперенными крыльями, которые росли прямо из комбинезона.

– Пятый этаж, – ни о чем не спрашивая, скучающе произнесла ведьма, и человек с девочкой, похожей на странный воздушный шарик, скрылся за двойными дверями позади стола. – Следующий!

Миссис Уизли придинулась к столу.

– Здравствуйте, – сказала она. – Моего мужа, Артура Уизли, сегодня утром должны были перевести в другую палату, не могли бы вы...

– Артур Уизли? – Ведьма пробежала пальцем по длинному списку. – Так... второй этаж, вторая дверь справа, палата имени Даля Луэллина.

– Спасибо, – поблагодарила миссис Уизли. – Ребята, пойдемте.

Все следом за ней прошли сквозь двойные двери и зашагали по узкому коридору; по стенам сплошь висели портреты знаменитых знатарей, под потолком плавали хрустальные шары со свечами внутри, похожие на гигантские мыльные пузыри. Туда-сюда непрестанно

сновали работники больницы в лаймовых мантиях. Из одной двери вырвался желтый вонючий газ, за другой отчетливо послышался жалобный стон. Миссис Уизли и все остальные поднялись по лестнице и вошли в отделение травм животного происхождения. Вывеска на второй двери справа гласила: «Палата имени Дая Луэллина Разбойника: тяжелые укусы». Под вывеской в медной рамке красовалась табличка, на которой от руки было написано: «Главный знахарь: Гиппократ Смешвик. Знахарь-ординатор: Огастэс Ой».

– Молли, мы подождем снаружи, – сказала Бомс. – Не идти же всей толпой... Сначала родные.

Шизоглаз согласно зарычал и привалился спиной к стене. Волшебный глаз яростно вращался во все стороны. Гарри тоже попятился, но миссис Уизли подтолкнула его к двери со словами:

– Не глупи, Гарри, Артур хочет сказать тебе спасибо.

Палата была маленькая и довольно темная – единственное узкое оконце располагалось напротив двери высоко под потолком. Свет испускали в основном хрустальные шары, сбившиеся в кучу посреди потолка. На одной из оббитых дубовыми панелями стен висел портрет колдуна со зверским лицом. Подпись гласила: «Уркахарт Терзль, 1612–1697, изобретатель кишкодрального проклятия».

В палате было всего три пациента. Мистер Уизли занимал койку в дальнем конце комнаты, под крохотным окном. Он лежал, опираясь на подушки, и в свете одинокого солнечного лучика читал «Оракул». Гарри, ожидавший худшего, страшно обрадовался. Мистер Уизли поднял глаза и, увидев, кто пришел, просиял.

– Привет! – закричал он, отбрасывая газету. – Молли, Билл только-только уехал, ему пора было на работу, но он сказал, что попозже обязательно к тебе заскочит.

– Артур, как ты себя чувствуешь? – взволнованно спросила миссис Уизли, наклонилась поцеловать мужа в щеку и озабоченно взгляделась в его лицо. – Ты так осунулся.

– Я себя чувствую прекрасно, – бодро ответил мистер Уизли и здоровой рукой потянулся обнять Джинни. – Если бы не повязки, меня можно было бы выписывать.

– А почему нельзя их снять, пап? – спросил Фред.

– Кровотечение начинается, очень сильное, – радостно сообщил мистер Уизли, взял с тумбочки палочку и создал шесть стульев. –

Видимо, у этой змеи какой-то особенный яд – не дает ранам затянуться. Но знахари обещают найти противоядие; они говорят, бывали случаи и похуже. А пока мне нужно каждый час принимать крововосстанавливающее зелье, вот и все. Другое дело вон тот парень. – Мистер Уизли понизил голос и кивнул на койку напротив, где, уставившись в потолок, лежал зеленоватый, явно очень больной человек. – Бедняга. Его покусал *оборотень*. Это же вообще не лечится.

– Оборотень? – тревожным шепотом переспросила миссис Уизли. – Что же его держат в общей палате? Разве не нужно перевести в отдельную?

– До полнолуния еще целых две недели, – тихо напомнил ей мистер Уизли. – Сегодня утром знахари долго с ним разговаривали, пытались убедить, что он сможет вести почти нормальный образ жизни. Я тоже сказал – не называя имен, конечно, – что лично знаком с одним оборотнем и это очень милый человек, который находит свое положение вполне приемлемым.

– А больной что сказал? – поинтересовался Джордж.

– Что, если я не заткнусь, он мне добавит укусов, – печально ответил мистер Уизли. – А женщина вот *там*, – он показал на постель у двери, – не признается, кто ее укусил. Подозревают, что она держала у себя какое-то запрещенное существо. И оно выхватило у нее из ноги огромный кус мяса… запах, когда снимают повязки, *немыслимый*.

– Пап, а расскажи, что с тобой случилось, – попросил Фред, придвигая стул ближе к койке.

– Да вы уже и так все знаете. – Мистер Уизли со значением улыбнулся Гарри. – Все очень просто – у меня был трудный день, я задремал, змея незаметно подобралась и напала.

– Про это написали в «Оракуле», да? – Фред показал на газету, которую отбросил мистер Уизли.

– Ну конечно нет, – с легкой горечью усмехнулся мистер Уизли. – Зачем министерству обнародовать, что огромная змеюка хотела добраться до…

– Артур! – предостерегла миссис Уизли.

– До… э-э… меня, – скомкал фразу мистер Уизли. Но Гарри было ясно: он хотел сказать что-то совсем другое.

– А где это было, пап? – спросил Джордж.

— Где было, там нету, — ответил мистер Уизли, слабо улыбнувшись. Он схватил «Оракул», встряхнул: — Когда вы пришли, я читал про арест Уилли Уиздесуверса. Оказывается, срыгивающие унитазы — летом, помните? — его рук дело! Так вот, в один прекрасный день проклятие случайно отрикошетило, унитаз взорвался, и Уилли нашли среди обломков без сознания, с ног до головы в...

— Говорят, ты был «на дежурстве», — понизив голос, перебил Фред. — Что именно ты делал?

— Ты же слышал, что сказал папа, — зашептала миссис Уизли, — здесь мы это не обсуждаем! И что дальше было с Уилли Уиздесуверсом, Артур?

— Не спрашивайте, каким образом, но ему удалось отвертеться, — мрачно изрек мистер Уизли. — Могу лишь предположить, что без взятки не обошлось...

— Ты его охранял, да, пап? — еле слышно спросил Джордж. — Оружие? За которым охотится Сам-Знаешь-Кто?

— Джордж, тише! — цыкнула миссис Уизли.

— Как бы там ни было, — сильно повысив голос, продолжил мистер Уизли, — теперь Уилл попался на продаже муглам кусачих дверных ручек. Вряд ли ему и на этот раз удастся выкрутиться — если верить статье, двое муглов лишились пальцев и сейчас здесь, в больнице. Им срочно выращивают кости, а потом подвергнут модификации памяти. Представляете, муглы в Лоскуте! Интересно, в какой палате?

И он огляделся, словно надеясь увидеть указатель.

— Гарри, ты, кажется, говорил, что у Сам-Знаешь-Кого есть змея? — спросил Фред, наблюдая между тем за реакцией отца. — Огромная? Ты вроде ее видел в ту ночь, когда он возродился?

— Ну все, довольно, — сердито перебила миссис Уизли. — Артур, там, снаружи, Шизоглаз и Бомс, они тоже хотят тебя повидать. А вы подождите за дверью, — сказала она остальным. — Потом зайдете попрощаться. Идите, идите.

Ребята толпой вышли в коридор. Шизоглаз и Бомс скрылись в палате. Фред поднял брови.

— Ну и пожалуйста, — холодно бросил он и полез в карман. — Сколько угодно. Можете ничего не говорить.

— Ты, часом, не это ищешь? — И Джордж протянул своему близнеццу нечто похожее на моток веревок телесного цвета.

– Ты просто читаешь мои мысли, – усмехнулся Фред. – Давайте-ка проверим, защищают ли в Лоскуте двери непроницаемым заклятием.

Они с Джорджем распутали моток, разделили его на пять подслушей, раздали остальным. Гарри замялся.

– Давай, бери! Ты спас папе жизнь. Кому, как не тебе, его подслушивать?

Гарри невольно улыбнулся, взял веревку и, подражая близнецам, вставил ее одним концом в ухо.

– Вперед! – шепотом приказал Фред.

Веревка, извиваясь, как длинный тощий червяк, заползла под дверь. Вначале Гарри ничего не слышал, но потом подскочил: ему в ухо ударили шепот Бомс – да так отчетливо, будто она стояла совсем рядом.

– ...они все обыскали, но змеи не нашли. Такое впечатление, Артур, что она напала на тебя, а потом взяла и растворилась в воздухе... Но вряд ли Сам-Знаешь-Кто рассчитывал, что змее удастся пробраться внутрь?

– Небось послал ее на разведку, – пророкотал голос Хмури, – сам-то он пока не преуспел. Видно, пытается разузнать, с чем ему предстоит иметь дело. Если бы не Артур, тварь пробыла бы там гораздо дольше... Стало быть, Поттер утверждает, что все видел?

– Да, – довольно напряженно сказала миссис Уизли. – Такое впечатление, будто Думблдор давно ждал, что с Гарри случится нечто подобное.

– Да уж, – отозвался Хмури, – но мы всегда знали, что паренек-то непростой.

– Утром я говорила с Думблдором, – прошептала миссис Уизли. – По-моему, он беспокоится за Гарри.

– Конечно, беспокоится, а как иначе, – проворчал Хмури, – если мальчишка видит всякое глазами змеи Сами-Знаете-Кого. Поттер-то, ясное дело, не понимает, что это значит, но если Сами-Знаете-Кто им завладел...

Гарри выдернул подслушу из уха. Сердце колотилось как бешеное, кровь бросилась в лицо. Он поглядел на остальных. Все они, с веревками в ушах, смотрели на него в страхе.

Глава двадцать третья

Рождество в закрытом отделении

Так вот почему Думбльдор не глядит ему в глаза! Боится, что из ярко-зеленых они вдруг превратятся в кроваво-красные с кошачьими прорезями зрачков; боится встретиться взглядом с Вольдемортом? Гарри сразу вспомнилась змеиная физиономия, торчавшая из затылка профессора Страунса, и он провел рукой по собственной голове, пытаясь представить, каково это.

Он всей кожей, всем телом чувствовал свою нечистоту – он носитель ужасной болезни, он недостоин сидеть в метро рядом с невинными, чистыми людьми, которые не запятнаны связью с Вольдемортом... Теперь он точно знал, что не просто видел все глазами змеи, но сам *был* ею...

И тут его посетило поистине кошмарное воспоминание. Оно всплыло на поверхность сознания, и внутренности Гарри зашевелились змеиным клубком.

А что еще ему нужно, кроме сторонников?

Нечто такое, что добывается только хитростью... скажем, оружие. То, чего у него не было в прошлый раз.

Поезд, покачиваясь на ходу, проезжал темный тоннель. *Оружие – это я,* – подумал Гарри, и от жуткой мысли по венам словно заструился яд. Гарри похолодел, его бросило в пот. – *Это меня хочет использовать Вольдеморт, вот почему меня так охраняют! Не меня, а от меня, да только без толку, нельзя же круглосуточно наблюдать за мной в «Хогварце»...* *Это я вчера ночью напал на мистера Уизли, Вольдеморт меня заставил... Может, он и сейчас внутри меня? И слышит все мои мысли?..*

– Гарри, детка, что с тобой? – шепотом спросила миссис Уизли, наклоняясь к нему через Джинни, чтобы он расслышал ее за громыханием поезда. – Ты что-то неважно выглядишь. Тебе плохо?

Все внимательно на него посмотрели. Гарри яростно потряс головой и решительно уставился на рекламу страхования

недвижимости.

— Гарри, милый, ты уверен, что нормально себя чувствуешь? — обеспокоенно повторила миссис Уизли уже на улице, когда они огибали некошеный травяной пятак в центре площади Мракэнтлен. — Ты такой бледный... Тебе удалось утром хоть немного спать? Точно? Как придем, сразу ложись в постель, до ужина еще два часа, ты успеешь отдохнуть, хорошо?

Гарри кивнул. Вот и прекрасно, можно будет избежать разговоров, об этом он и мечтал. Едва отворилась дверь, Гарри мимо ноги тролля, набитой зонтами, взбежал по лестнице в спальню.

И принял расхаживать по комнате вдоль двух кроватей и пустого портрета Финея Нигеллия. В голове проносились мысли, одна страшнее другой.

Как я превратился в змею? Я что, анимаг?.. Нет, невозможно, я бы знал... Может, это *Вольдеморт* анимаг?.. Да, решил Гарри, это многое бы объяснило... В кого ему и превращаться, как не в змею... А раз он завладел мной, мы превратились вместе... Но все равно непонятно, как я за пять минут сумел оказаться в Лондоне и тут же вернуться? Впрочем, Вольдеморт — самый могущественный колдун в мире, не считая Думбльдора, конечно; перемещать людей с место на место ему, наверно, раз плюнуть.

И ведь... Какой ужас!.. Накатила острая паника: если Вольдеморт завладел им, значит, в эту самую минуту он видит штаб-квартиру Ордена Феникса, знает, кто в составе Ордена, знает, где прячется Сириус... И вообще, в голове у Гарри столько секретов — в первый же вечер здесь Сириус много чего понарассказал...

Остается одно: немедленно покинуть этот дом. Он проведет Рождество в «Хогварце», без друзей, и тем самым обезопасит их хотя бы на время каникул... Нет, не годится — в школе полно других ребят, есть кого ранить и калечить. Что, если его следующей жертвой станет Шеймас, или Дин, или Невилл? Гарри остановился и воззрился на пустой холст. На душе было очень и очень тягостно. Выбора нет: чтобы защитить от себя колдовское сообщество, придется вернуться на Бирючинную улицу.

Что же, подумал Гарри, раз другого выхода нет, медлить незачем. И, стараясь не думать, какие у Дурслеев будут лица, когда он вернется из школы на полгода раньше срока, Гарри пошел к своему сундуку.

Захлопнув крышку, он запер замок и машинально поиском глазами Хедвигу. Потом вспомнил, что сова в школе – вот и хорошо, одной проблемой меньше, – схватил сундук за ручку, потащил к двери, но на полпути услышал чей-то презрительный голос:

– Стало быть, убегаем?

Гарри оглянулся. С портрета, небрежно прислонясь к раме, на него с насмешливым любопытством глядел Финей Нигеллий.

– Нет, не убегаем, – коротко ответил Гарри и потащил сундук дальше.

– Мне казалось, – Финей Нигеллий любовно огладил острую бородку, – что в колледж «Гриффиндор» зачисляют *храбрецов*? Однако, как я вижу, тебе место в *моем* колледже. Мы, слизеринцы, бесспорно храбры – но не глупы. И, если выбор есть, прежде всего спасаем *свою* шкуру.

– Я спасаю вовсе не свою шкуру, – холодно отрезал Гарри и, с трудом одолев особенно бугристый участок траченного молью ковра, подтащил сундук к самой двери.

– А, *понимаю*, – проговорил Финей Нигеллий, не переставая поглаживать бородку, – это не трусливый побег, но игра в *благородство*.

Гарри решил не реагировать. Он уже взялся за дверную ручку, когда Финей Нигеллий лениво процедил:

– У меня для тебя сообщение от Альбуса Думблдора.

Гарри круто обернулся:

– Какое?

– «Оставайся на месте».

– А я и не двигаюсь, – не отнимая руки от двери, сказал Гарри. – Так что за сообщение?

– Я только что его передал, тушица, – любезно ответил Финей Нигеллий. – Думблдор велит тебе: «Оставайся на месте».

– Почему?! – выпустив сундук, закричал Гарри. – Зачем ему, чтобы я здесь оставался? Что еще он сказал?

– Больше ничего. – Финей Нигеллий поднял тонкую черную бровь, словно удивляясь дерзости Гарри.

В Гарри поднялся гнев – словно змея из высокой травы. Он страшно устал, он совершенно запутался; за какие-то полсугодия ему

довелось пережить отчаяние, облегчение, снова отчаяние, а Думбльдор по-прежнему не желает с ним разговаривать!

– Значит, вот как?! – выкрикнул он. – «Оставайся на месте»? Когда на меня напали дементоры, все тоже только это и говорили! Сиди тихо, Гарри, пока взрослые все уладят! Тебе, конечно, мы ничего объяснять не будем, твои крошечные мозги не в состоянии это переварить!

– Знаешь, – чтобы перекричать Гарри, Финею пришлось повысить голос, – именно поэтому я *ненавидел* учительствовать! Молодежь всегда так *всецело* уверена в своей правоте! А не приходило ли в твою глупую голову, несчастный ты самоуверенный задавака, что у директора школы «Хогварц» имеются очень веские основания не посвящать тебя во все свои планы? Ты так увлеченно переживаешь из-за всеобщей бесчеловечности, но ни на секунду не задумался, что до сих пор, слушаясь Думбльдора, ни разу не попадал в беду. Ты, как все молодые люди, убежден, что лишь ты один наделен способностью думать и чувствовать, ты один умеешь распознать опасность или проникнуть в планы Черного Лорда…

– Значит, это правда? Он что-то планирует, и это связано со мной? – перебил Гарри.

– Разве я это сказал? – обронил Финей Нигеллий, рассматривая свои шелковые перчатки. – А теперь прошу меня извинить. Есть занятия и поинтереснее, нежели выслушивать глупости неблагодарных подростков… Приятного тебе дня.

И он изящно удалился за раму.

– Ну и катись! – заорал Гарри на пустой холст. – И передай Думбльдору спасибо неизвестно за что!

Холст молчал. Гарри, кипя от злости, оттащил сундук к кровати и бросился лицом вниз на изъеденное молью покрывало. Он лежал с закрытыми глазами, не в силах пошевелиться; тело ломило от усталости, словно он прошел пешком много-много миль…

Невозможно представить, что всего сутки назад они с Чо Чан стояли под омелой… Как он устал… Но спать страшно… хотя непонятно, сколько он сможет бороться со сном… Думбльдор велел оставаться… наверно, это значит, что спать все-таки можно… но страшно… а если все повторится?

Он медленно проваливался в темноту…

В голове будто стояла кассета с фильмом, которая только и дожидалась, когда ее включат. Гарри опять шел вдоль шероховатых каменных стен пустынного коридора к черной двери... Вот, слева, поворот на лестницу вниз...

Гарри дошел до черной двери, но никак не мог ее открыть... Он стоял и смотрел на нее, отчаянно желая проникнуть внутрь... Там, за дверью, что-то очень-очень нужное и важное... Какая-то необыкновенная награда... Если бы только шрам перестал саднить... Тогда он сможет хорошенько все обдумать...

— Гарри, — откуда-то издалека позвал голос Рона, — мама говорит, ужин готов, но, если ты не хочешь, можешь не вставать, она тебе оставит.

Гарри открыл глаза, но Рон уже вышел.

Он боится быть со мной наедине, — пронеслось в голове у Гарри. — *Что ж, естественно, после того, что сказал Хмури.*

Теперь все знают, что у него внутри, и, наверно, никто не хочет, чтобы он здесь оставался...

Он не пойдет ужинать, не станет никому навязываться. Гарри перевернулся на другой бок и вскоре снова провалился в сон. Он спал долго и проснулся ранним утром. Живот сводило от голода. На соседней кровати похрапывал Рон. Гарри, щурясь, огляделся. На портрете темнел силуэт Финея Нигеллия. Видимо, его прислал Думблдор — следить, чтобы Гарри ни на кого не напал.

Гарри с новой силой ощутил собственную нечистоту. Он жалел, что послушался Думблдора... Чем так мучиться на площади Мракэнтлен, лучше уж отправиться к Дурслеям.

Следующий день до обеда все, кроме Гарри, украшали дом к Рождеству. Гарри уже и не помнил, когда Сириус последний раз так веселился — по-детски радуясь, что встречает праздник не один, крестный даже распевал рождественские гимны. Его голос доносился снизу, из-под пола холодной гостиной, где прятался Гарри. Он глядел в окно, на стремительно белеющее, набухающее снегопадом небо и с мрачным удовлетворением думал о том, что все, должно быть, сейчас судачат о нем — ну и пожалуйста, ему не жалко. Когда миссис Уизли негромко позвала его к столу, он не откликнулся, а лишь перебрался этажом выше.

Около шести вечера раздался звонок в дверь, и миссис Блэк, как всегда, подняла крик. Гарри, полагая, что это Мундугнус или еще кто-то из Ордена, поерзал, устраиваясь поудобнее. Он сидел у стены в комнате Конькура и, стараясь не замечать собственного голода, кормил гиппогрифа дохлыми крысами. И ужасно испугался, когда вскоре кто-то забарабанил в дверь.

— Я знаю, что ты там, — послышался голос Гермионы. — Выйди, пожалуйста. Мне надо с тобой поговорить.

— *Ты-то* что здесь делаешь? — изумленно спросил Гарри, открывая дверь. Конькур усердно скреб устланный соломой пол в надежде отыскать оброненные куски крыс. — Я думал, ты с родителями катаешься на лыжах.

— Сказать по правде, лыжи — это не мое, — ответила Гермиона. — Так что я решила встречать Рождество здесь. — Она раскраснелась с мороза, в волосах был снег. — Только Рону не говори. Я же ему без конца твердила, что лыжи — это очень здорово, а то он все потешался. Мама с папой, конечно, немного расстроились, но я сказала, что все, кто хочет нормально сдать экзамены, остаются в школе заниматься. Они не обиделись — они ведь хотят мне добра. Ладно, — деловито продолжила она, — пошли в вашу комнату. Мама Рона разожгла там камин и прислала сэндвичи.

Вслед за ней Гарри спустился на второй этаж. В комнате он с удивлением обнаружил Рона и Джинни, сидящих рядышком на кровати Рона.

— Я приехала на «ГрандУлет», — не дав Гарри сказать ни слова, бодро сообщила Гермиона и сняла куртку. — Вчера утром Думбльдор мне сразу рассказал, что произошло, но я не могла уехать, не дождавшись официального окончания триместра. Кхембридж, кстати, в бешенстве, что вы улизнули прямо у нее из-под носа. Хотя Думбльдор ей и объяснил, что он вас отпустил и что мистер Уизли в святом Лоскуте. В общем...

Она села рядом с Джинни, и они обе вместе с Роном уставились на Гарри.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Гермиона.

— Отлично, — буркнул Гарри.

— Ой, Гарри, только не ври, — сказала Гермиона. — Рон и Джинни говорят, что с тех пор, как вы вернулись из больницы, ты от всех

прячешься.

– Ах вот как! – Гарри гневно посмотрел на Рона и Джинни. Рон уставился себе под ноги, но Джинни сохраняла невозмутимость.

– Но это же правда! – воскликнула она. – И ты ни на кого не смотришь!

– Это вы на меня не смотрите! – огрызнулся Гарри.

– Видимо, вы смотрите друг на друга по очереди и никак не попадете в такт, – предположила Гермиона. Уголки ее губ дрогнули.

– Очень смешно, – разозлился Гарри и повернулся к ним спиной.

– Ладно, хватит изображать всеми непонятного, – резко сказала Гермиона. – Я знаю, что вы вчера вечером подслушали…

– Неужели? – проворчал Гарри. Он стоял, сунув руки глубоко в карманы и глядя на снегопад за окном. – Значит, разговариваем обо мне? Пожалуйста, мне не привыкать.

– Мы хотели поговорить *с тобой*, – сказала Джинни, – но ты прятался…

– А я не хотел ни с кем разговаривать, – заявил Гарри, раздражаясь все больше.

– Ну и очень глупо, – сердито ответила Джинни. – Кроме меня, у тебя нет знакомых, в которых вселялся Вольдеморт. Я лучше других знаю, что это такое.

Ее слова так подействовали на Гарри, что он на некоторое время застыл. А потом развернулся.

– Я забыл, – сказал он.

– Тебе легче, – холодно отозвалась Джинни.

– Прости меня, – искренне попросил Гарри. – Но, значит… ты считаешь, он в меня вселился?

– Ты помнишь все, что ты делал? – деловито спросила Джинни. – У тебя бывают провалы, когда ты не знаешь, чем занимался?

Гарри судорожно порылся в памяти.

– Нет, – ответил он наконец.

– Тогда никто в тебя не вселялся, – объявила Джинни. – Потому что у меня были провалы по несколько часов подряд. Я оказывалась где-нибудь, но не помнила, как туда попала.

Гарри едва осмеливался ей верить, однако ему против воли полегчало.

– Но мой сон про змею и вашего папу…

— Гарри, такие сны бывали у тебя и раньше, — вмешалась Гермиона. — В прошлом году ты тоже иногда видел, что делает Вольдеморт.

— Тогда было по-другому. — Гарри покачал головой. — Сейчас я находился *внутри* змеи. Я как будто был змеей... Что, если Вольдеморт как-то перенес меня в Лондон?..

— Когда-нибудь, — смертельно усталым голосом произнесла Гермиона, — ты прочтешь «Историю “Хогварца”» и, возможно, запомнишь, что на территории нашей школы нельзя аппарировать. Так что, Гарри, даже Вольдеморту не под силу заставить тебя перелететь из спальни в Лондон.

— Ты все время был в кровати, дружище, — сказал Рон. — Пока нам не удалось тебя разбудить, я не меньше минуты смотрел, как ты мечешься.

Гарри снова стал расхаживать по комнате и все думал, думал. Слова друзей не просто успокаивали, но и очень разумно все объясняли... Он машинально взял сэндвич с тарелки на кровати и жадно затолкал его в рот.

Значит, я все-таки не оружие, — подумал Гарри. Его сердце наполнилось ликованием, и в этот миг из-за двери донеслись рулады Сириуса, который поднимался к Конькуру, во всю глотку распевая «Возрадуйтесь, счастливы гиппогрифы». Гарри страшно захотелось запеть вместе с ним.

Как только ему могла прийти в голову мысль вернуться на Бирючинную улицу? Сириус очень заразительно радовался тому, что дом полон гостей и, главное, что Гарри снова с ним, — от мрачного мизантропа, каким крестный был летом, не осталось и следа. Напротив, он словно задался целью сделать Рождество в своем доме таким же веселым, как в «Хогварце», а то и лучше. Он трудился без устали, убирал, украшал, и к вечеру в сочельник дом стало просто не узнать: все канделябры начищены и увешаны уже не паутиной, а гирляндами остролиста, золотым и серебряным дождем; на вытертых ковриках искрится волшебный снег; огромная елка, добытая Мундугнусом и украшенная живыми феями, загораживает генеалогическое дерево Блэков, а на торчащие из стены головы домовых эльфов надеты бороды и колпаки Санта-Клауса.

Рождественским утром Гарри, проснувшись, увидел в ногах горку подарков. Горка Рона была несколько больше, и он ее почти наполовину разобрал.

– Неплохой улов в этом году, – донесся его голос из облака упаковочной бумаги. – Кстати, спасибо за компас для метлы – красота! Получше, чем подарочек Гермионы, – ты прикинь, *дневник домашних заданий*...

Гарри порылся в своих подарках и нашел сверток, подписанный Гермионой. Она и ему подарила книжечку, похожую на ежедневник, только эта книжечка, если ее раскрыть, изрекала сентенции вроде: «Если в срок дела не делать, то потом придется бегать».

Сириус и Люпин подарили Гарри великолепный многотомник «Практическая защитная магия и ее применение в борьбе с силами зла». Там рассказывалось обо всех видах контрпорчи и заклятий, и каждая статья сопровождалась прекрасной двигающейся цветной иллюстрацией. Гарри увлеченно пролистал первый том; сразу было ясно, что книги окажутся хорошим подспорьем для занятий Д. А. Огрид прислал лохматый коричневый кошелек, очень зубастый, видимо, для защиты от воров, но, к сожалению, Гарри не удалось положить в него ни одной монетки – он рисковал остаться без пальцев. Бомс подарила маленькую действующую модель «Всполоха». Гарри долго смотрел, как крохотная метелка летает по комнате, и жалел, что лишен настоящей. От Рона он получил огромную коробку всевкусных орешков, от мистера и миссис Уизли, как обычно, свитер и сладкие пирожки, а от Добби – какую-то немыслимую картину. Судя по всему, эльф нарисовал ее сам. Гарри перевернул картину вверх ногами, чтобы посмотреть, не лучше ли повесить ее так, и тут с громким хлопком у его кровати появились Фред и Джордж.

– Веселого Рождства, – пожелал Джордж. – Не ходите пока вниз.

– Почему? – удивился Рон.

– Мама опять плачет, – хмуро сказал Фред. – Перси вернулся рождественский свитер.

– Без записи, – прибавил Джордж. – Не спросил, как папа, не навестил его, ничего.

– Мы попытались ее утешить, – продолжал Фред, обходя вокруг кровати, чтобы взглянуть на картину. – Объяснили, что Перси – всего лишь навсего разбухшая куча крысиного дерьяма.

— Но это не помогло, — закончил Джордж, угощаясь шокогадушкой. — Пришлось подключить Люпина. Так что пусть он сначала ее немного развеселит, а уж потом мы пойдем завтракать.

— А это вообще что такое? — Фред, прищурясь, поглядел на творение Добби. — Похоже на гиббона с двумя фингалами.

— Да это Гарри! — объявил Джордж, тыча в обратную сторону картины. — Вот же написано!

— Точно, вылитый, — ухмыльнулся Фред.

Гарри кинул в него дневником домашних заданий; книжечка ударила об стену, упала на пол и радостно заголосила: «Став точки над “е” и крючки над “и” — и только тогда за ворота иди!»

Наконец Гарри и Рон оделись и пошли вниз. Отовсюду слышались голоса обитателей дома, желавших друг другу веселого Рождества. На лестнице ребята встретили Гермиону.

— Спасибо за книгу, Гарри, — поблагодарила она. — Я давным-давно мечтала о «Новой теории нумерологии»! А духи, Рон, весьма необычные.

— Ерунда, — отмахнулся Рон и, кивнув на аккуратно упакованный сверток у нее в руках, полюбопытствовал: — А это для кого?

— Для Шкверчка, — вдохновенно ответила Гермиона.

— Надеюсь, не одежда? — развелся Рон. — Помнишь, что сказал Сириус? «Шкверчок слишком много знает, мы не можем его отпустить!»

— Не одежда, — сказала Гермиона, — хотя, будь моя воля, я бы подарила ему что-нибудь вместо этой его жуткой тряпки. А тут стеганое одеяло — по-моему, как раз подойдет для его спальни.

— Какой еще спальни? — Гарри понизил голос до шепота — они проходили мимо портрета матери Сириуса.

— Сириус говорит, у Шкверчка на кухне в общем-то не спальня, а... каморка, — ответила Гермиона. — Он вроде бы спит в чулане под бойлером.

В кухне было пусто, если не считать миссис Уизли, которая стояла у плиты. Гнусаво, как при сильной простуде, она пожелала всем счастливого Рождества. Ребята отвели глаза.

— Это здесь, что ли, спальня Шкверчка? — Рон прошел к обшарпанной двери в углу напротив кладовки. Гарри ни разу не видел, чтобы эта дверь была открыта.

— Да. — Гермиона явно нервничала. — Эмм... Наверно, лучше постучать?

Рон постучал. Ответа не последовало.

— Рыщет небось где-нибудь наверху, — сказал Рон и недолго думая потянул дверь на себя. — Фу-у!

Гарри заглянул внутрь. Большую часть чулана занимал огромный старинный бойлер, но внизу, под трубами, Шкверчок устроил себе гнездо. На полу валялись вонючие тряпки и одеяла, усеянные засохшими хлебными крошками и огрызками заплесневелого сыра. Посередине, где Шкверчок спал, была небольшая вмятина. В дальнем углу поблескивали монетки, валялись разные вещички, спасенные Шкверчком от Сириуса, в том числе семейные фотографии в серебряных рамках, которые Сириус летом выкинул. Стекла побились, но черно-белые фигурки смотрели на Гарри свысока, и он, чуть задохнувшись, узнал темноволосую женщину с тяжелыми веками, которую судили в Думбльдоровом дубльдуме: Беллатрикс Лестранж. Судя по всему, ее фотография была у Шкверчка любимой — он поставил ее перед другими и, как умел, склеил стекло колдолентой.

— Пожалуй, я оставлю подарок здесь. — Гермиона аккуратно положила сверток в ложбинку и притворила дверь. — Он придет и найдет его.

Из кладовки вышел Сириус с огромной индейкой в руках.

— Кстати, кто-нибудь вообще в последнее время видел Шкверчка? — спросил он.

— Я не видел с тех пор, как мы сюда приехали, — отозвался Гарри. — Ты еще приказал ему выйти вон из кухни.

— Точно... — нахмурился Сириус. — Знаешь, по-моему, я тоже его с тех пор не видел... должно быть, где-то прячется.

— А он не мог уйти? — спросил Гарри. — Вдруг, когда ты сказал: «вон», он подумал: «вон из дома»?

— Нет-нет, эльфы не могут просто так уйти. Только если получат одежду. С домом их связывают очень крепкие узы, — сказал Сириус.

— Если очень хотят, то могут, — возразил Гарри. — Добби два года назад ушел от Малфоев, чтобы предупредить меня. Естественно, ему пришлось себя наказать, но он тем не менее смог.

Сириус растерялся, но потом ответил:

— Я его попозже поищу. Наверняка рыдает где-то наверху над какими-нибудь панталонами моей мамаши. Конечно, он мог забраться в вытяжной шкаф и умереть... но не будем радоваться раньше времени.

Близнецы и Рон засмеялись; Гермиона, наоборот, оскорбилась.

После рождественского обеда все Уизли, Гарри и Гермиона в сопровождении Шизоглаза и Люпина собирались в больницу навестить мистера Уизли. Мундугнус пришел к пудингу и бисквитному пирогу. Он каким-то образом исхитрился «взять напрокат» машину — метро в праздник не работало. Автомобиль, позаимствованный, вероятнее всего, без согласия владельца, расширили изнутри с помощью того же заклинания, которое использовалось для незабвенного «форда-англия». Снаружи машина выглядела как обычно, но в салоне спокойно разместились десять пассажиров. За руль сел Мундугнус. Миссис Уизли долго колебалась — неприязнь к Мундугнусу боролась в ней с отвращением к немагическим путешествиям, — но в конце концов холод на улице и мольбы детей победили, она сдалась и охотно уселась на заднее сиденье между Фредом и Биллом.

Улицы были пусты, и до св. Лоскута они доехали быстро. По безлюдной улице к больнице с оглядкой плелись немногочисленные колдуны и ведьмы. Все вылезли из машины, и Мундугнус отъехал за угол, чтобы подождать там. Остальные, будто прогуливаясь, добрались до витрины с манекеном в зеленом нейлоне и по очереди прошли сквозь стекло.

Приемный покой выглядел празднично: светящиеся хрустальные шары, теперь красно-золотые, превратились в гигантские блестящие украшения; дверные проемы увили остролистом, а по углам стояли белые рождественские елочки, усыпанные волшебным снегом и льдинками и увенчанные мерцающими золотыми звездами. Народу было гораздо меньше, чем в прошлый раз, хотя посреди зала Гарри чуть не сбила с ног какая-то ведьма, стремглав летевшая к справочному столику с японским мандарином в левой ноздре.

— Семейное недоразумение? — ухмыльнулась пухлая блондинка. — Вы сегодня третья... Порчетерапия, пятый этаж.

Когда они вошли, мистер Уизли сидел в постели с подносом на коленях и доедал индейку. По его лицу блуждала робкая улыбка.

– Ну как ты, Артур, нормально? – спросила миссис Уизли мужа, когда все поздоровались и вручили ему подарки.

– Нормально, даже отлично, – преувеличенно пылко заверил мистер Уизли. – Вы случайно... э-э... по дороге не встретили знахаря Смешвики, нет?

– Нет, – насторожилась миссис Уизли, – а что?

– Ничего, ничего, – помотал головой мистер Уизли и стал разворачивать подарки. – Ну а как вы? Хорошо провели день? Кому что подарили? *О Гарри – это же просто чудо!* – Мистер Уизли только что развернул его подарок: моток легкоплавкой проволоки и отвертки.

Миссис Уизли была явно не удовлетворена ответом мужа и, когда тот принялся жать Гарри руку, внимательно поглядела на бинты под ночной рубашкой.

– Артур, – в ее голосе явственно послышался щелчок захлопнувшейся мышеловки, – тебе сменили повязку. На день раньше, Артур! Они должны были сделать это завтра.

– Что? – испуганно переспросил мистер Уизли и повыше подтянул одеяло. – Нет, нет... это так... это... я...

Под пронзительным взглядом миссис Уизли он, казалось, стремительно съеживался.

– Но... Молли, только не нервничай... У Огастеса Оя появилась одна идея... Это ординатор, ты его знаешь, милый такой мальчик... Он увлекается... мmm... нетрадиционной медициной... потому что... некоторые мугловые методы очень и очень... а это, Молли... это называется *швы*, они дают великолепные результаты при лечении ран... у муглов...

Миссис Уизли издала очень страшный звук, не то вопль, не то рык. Люпин отошел от койки и направился к обратному – у того не было посетителей, и он с завистью смотрел на гостей мистера Уизли. Билл пробормотал что-то насчет чая и ретировался, а близнецы, ухмыляясь, вскочили и бросились вслед за ним.

– Ты хочешь сказать, – с каждым словом голос миссис Уизли становился все громче: казалось, она не замечает, как все разбегаются в страхе, – что связался с мугловой медициной?

– Не связался, Молли, дорогая, – умоляюще произнес мистер Уизли, – а просто... просто мы с Оем решили попробовать... только, к

несчастью, с моими ранениями... короче говоря, вышло не так, как мы рассчитывали...

– *To есть?*

– Ну... Не знаю, представляешь ли ты, что такое... швы?

– Насколько я понимаю, вы пытались зашить кожу, – с безрадостным смешком проговорила миссис Уизли, – но даже ты, Артур... даже ты не мог так сглупить...

– Пожалуй, я бы тоже выпил чаю, – сказал Гарри, поспешно вскакивая.

Он, а вместе с ним Гермиона, Рон и Джинни вылетели из палаты. Дверь за ними с размаху закрылась, но они еще успели услышать вопль миссис Уизли: «ЧТО ЗНАЧИТ «МЫ ДУМАЛИ»?!»

Они зашагали по коридору. Джинни, покачав головой, сказала:

– Папа в своем репертуаре. Швы... Я вас умоляю...

– Честно говоря, при немагических ранениях они и правда помогают, – заметила Гермиона. – Просто, наверно, этот яд их растворяет... Слушайте, а где тут вообще буфет?

– На шестом этаже, – ответил Гарри, вспомнив путеводитель.

Пройдя по коридору, они сквозь двойные двери вышли на лестницу и зашагали вверх по скрипучим ступенькам. Стены здесь тоже были увешаны портретами грозных знахарей. Знахари что-то кричали визитерам вслед, ставили непонятные диагнозы, предлагали зверские способы лечения. Какой-то средневековый колдун во всеуслышание объявил Рону, что у него очень запущенная рябоглазость. Рон ужасно оскорбился, но колдун не отставал, а портретов шесть бежал за ним, распихивая постоянных обитателей.

– Ну и что это за гадость? – свирепо спросил Рон.

– Весьма тяжелый кожный недуг, молодой господин, из-за него ваше обличье обретет еще более изъязвленный и ужасающий вид, нежели теперь...

– У самого у тебя ужасающий вид! – Уши Рона сильно покраснели.

– ...есть только одно лекарство – возмите печень жабы, в полнолуние крепко привяжите ее к горлу, обнажитесь, встаньте в бочку с глазами угря...

– У меня нет никакой рябоглазости!

– Но, молодой господин, неприглядные пятна на ваших ланитах...

– Это веснушки! – истерично заорал Рон. – Оставь меня в покое!
Вали на свою картину!

Он повернулся к остальным. Те изо всех сил пытались сохранять невозмутимость.

– Какой этаж?

– По-моему, шестой, – сказала Гермиона.

– Нет, это пятый, – возразил Гарри, – нам на следующий...

Но тут он оказался на площадке и застыл в изумлении: перед ним были двойные двери, которые, согласно вывеске, вели в отделение порчетерапии, а в дверях – окошко, откуда, прижимая нос к стеклу и широко, бессмысленно улыбаясь, пристально смотрел голубоглазый белозубый мужчина с золотистыми кудрями.

– Батюшки мои! – воскликнул Рон, уставившись в свой черед на кудрявого блондина.

– Мамочки! – воскликнула и Гермиона, задохнувшись от удивления. – Профессор Чаруальд!

Бывший преподаватель защиты от сил зла изящно распахнул дверь и направился к ребятам. На нем был длинный лиловый халат.

– Здравствуйте, здравствуйте! – бодро воскликнул он. – Вы, я полагаю, ко мне за автографами?

– Надо же, ничуть не изменился, – шепнул Гарри на ухо Джинни, и та усмехнулась.

– Э-э... как поживаете, профессор? – поинтересовался Рон слегка виновато: в свое время Чаруальд лишился памяти и оказался в Лоскуте из-за барахлившей волшебной палочки Рона. Впрочем, Чаруальд тогда хотел стереть память и Гарри и Рону, поэтому Гарри сейчас не очень-то ему сострадал.

– Прекрасно, даже восхитительно, благодарю вас! – с чувством ответил Чаруальд и достал из кармана изрядно потрепанное павлине перо. – Ну-с, сколько вам автографов? Я, знаете ли, выучился писать без отрыва!

– Эмм... Спасибо, но сейчас нам автографы не нужны. – Рон, повернувшись к Гарри, поднял брови.

– Профессор, – сказал Гарри, – вам, наверное, не следует ходить по коридорам? Вам нужно бы вернуться в палату.

Улыбка Чаруальда постепенно увяла. Он внимательно поглядел на Гарри, а затем спросил:

– Мы с вами, случайно, не встречались?

– Да... встречались, – подтвердил Гарри. – Вы были у нас учителем. В «Хогварце», помните?

– Учителем? – слегка встревожился Чаруальд. – Я? Правда? – А затем его лицо с пугающей внезапностью вновь расцвело улыбкой: – Я ведь научил вас всему, что вы знаете, не так ли? Ну-с, так как же автографы? Дюжины, я полагаю, будет довольно? Подарите их своим друзьям-приятелям, чтобы они не чувствовали себя обделенными!

Тут из двери в дальнем конце коридора показалась чья-то голова, и раздался крик:

– Сверкароль, проказник, куда ты опять удрал?

Немолодая знахарка с добрым лицом и елочным дождем в волосах торопливо дошла до двери и заулыбалась ребятам.

– Ах вот что, Сверкароль! У тебя гости! Как это *мило*, и к тому же в Рождество! Знаете, к нему ведь никто не ходит, к бедняжке! Ума не приложу почему, он у нас такой зайчик... Правда, лапушка?

– Мы пишем автографы! – с лучезарной улыбкой сообщил Сверкароль знахарке. – Им надо много-много! Отказы не принимаются! Надеюсь, мне хватит фотографий...

– Только послушайте, – с нежностью сказала знахарка, улыбаясь Чаруальду как шаловливому двухлетнему малышу, и взяла его за локоть. – Пару лет назад он был известной личностью, и мы очень надеемся, что его страсть раздавать автографы – признак, что память возвращается. Вы не зайдете? Понимаете, у нас закрытое отделение, он, должно быть, улизнул, пока я вносила рождественские подарки, обычно-то мы дверь запираем... Не подумайте, он не опасен! Но, – она понизила голос до шепота, – бедняжка, храни его небеса, может сам себе навредить... Он же непомнит, кто он такой, уйдет куда-нибудь, а дорогу назад найти не сможет... как замечательно, что вы зашли его навестить.

– Э-э, – Рон показал наверх, – мы вообще-то... э-э...

Но знахарка выжидательно улыбалась, и слова Рона «хотели выпить чаю» как-то растворились в воздухе. Ребята беспомощно посмотрели друг на друга и вслед за Чаруальдом и знахаркой пошли по коридору в отделение.

– Только давайте недолго, – шепнул Рон.

Знахарка указала палочкой на дверь палаты им. Яна Вотжедуба и пробормотала: «Алохомора». Дверь распахнулась, и она, не отпуская Чаруальда, первой ступила через порог, подвела больного к его койке и усадила рядом в кресло.

— Это палата для хроников, — негромко проговорила она. — Для неизлечимых. Конечно, при современных зельях и заклинаниях — и известной доле удачи, разумеется, — можно рассчитывать на некоторое улучшение. Сверкароль, например, явно начинает понимать, кто он такой; у мистера Дода тоже наблюдается улучшение и речь восстанавливается. Мы, правда, никак не разберем, что он говорит... Ладно, ребятки, я еще не всем раздала подарки, так что я вас оставлю, поболтайте пока.

Гарри осмотрелся. Да, сразу видно, что в этой палате пациенты живут постоянно; там, где лежит мистер Уизли, личные вещи никто не копит. Стена у койки Чаруальда сплошь увешана его портретами — все они зубасто улыбаются и приветливо машут. Многие подписаны Чаруальдом для себя, детскими печатными буквами. Сейчас, как только знахарка усадила его в кресло, Сверкароль придвинул к себе свежую стопку фотографий, схватил перо и со страшной скоростью начал ставить автографы.

— Можете раскладывать по конвертам, — сказал он Джинни, одну за другой швыряя подписанные фотографии ей на колени. — Видите, меня не забыли, я постоянно получаю кучу писем от поклонников... Глэдис Прэсто菲尔 пишет *каждую неделю*... Знать бы еще *зачем*... — Он озадаченно замер, но затем вновь просиял и с удвоенной энергией взялся за автографы. — Полагаю, дело в моей внешности...

На койке напротив лежал очень печальный мужчина с нездоровым цветом лица; он что-то бормотал себе под нос и не замечал ничего вокруг. Через две койки от него находилась женщина с головой, обросшей густой шерстью; Гарри вспомнил, что нечто подобное случилось во втором классе и с Гермионой — к счастью, ее случай оказался излечим. Две самые дальние койки были отгорожены цветастыми занавесками, чтобы посетители могли спокойно пообщаться с больными.

— Вот видишь, Агнес, — весело обратилась знахарка к женщине с меховым лицом, передавая ей небольшую горку рождественских

подарков. – И тебя не забывают! И сын твой прислал сову, что вечерком забежит. Замечательно, правда?

Агнес несколько раз громко гавкнула.

– И, Бродерик, смотри, тебе прислали цветочек в горшке и чудесный календарь. Вот, тут на каждый месяц – новый красивый гиппогриф! Все веселей будет, правда? – Знахарка подошла к бормочущему человеку, поставила на тумбочку малопривлекательное растение с длинными вислыми щупальцами и с помощью палочки повесила на стену календарь. – И… ой, миссис Лонгботтом, вы уже уходите?

Гарри круто обернулся. Цветастые занавески были раздвинуты, а по проходу между койками к двери шли посетители: грозная старуха в длинном зеленом платье, побитой молью лисьей горжетке и остроконечной шляпе с чучелом ястреба и – Невилл. Он уныло брел по пятам за бабушкой.

До Гарри вдруг дошло, кого они навещали, и его бросило в жар. Лихорадочно озираясь, он искал, чем бы отвлечь остальных, чтобы Невилл вышел из палаты незамеченным, чтобы ему не пришлось отвечать на вопросы. Но Рон, услышав фамилию Лонгботтом, тоже поднял глаза и, не успел Гарри его остановить, позвал:

– Невилл!

Невилл вздрогнул и весь сжался, будто чудом увернулся от пули.

– Это мы, Невилл! – обрадовался Рон и вскочил со стула. – Ты видел?.. Тут Чаруальд! А ты кого навещаешь?

– Это твои друзья, Невилл, деточка? – любезно проговорила бабушка Невилла, нависая над ребятами.

Невилл явно готов был провалиться сквозь землю. По его лицу ползли темно-багровые пятна, и он упорно отводил глаза.

– Ах да. – Вглядевшись в Гарри, бабушка сунула ему морщинистую руку, похожую на когтистую птичью лапу. – Да-да. Разумеется, я вас знаю. Невилл отзываются о вас с большим уважением.

– Э-э… спасибо. – Гарри пожал протянутую руку. Невилл упорно не поднимал глаз, и его лицо все гуще багровело.

– А вы, двое, конечно же Уизли, – продолжала миссис Лонгботтом, царственно предлагая руку Рону, а затем Джинни. – Я знакома с вашими родителями – не очень близко, разумеется, – но это

прекрасные люди, прекрасные... А вы, должно быть, Гермиона Грейнджер?

Гермиона, изумленная тем, что миссис Лонгботтом знает ее по имени, обменялась с ней рукопожатиями.

– Невилл много о вас рассказывал. Вы его не раз выручали, не так ли? Он хороший мальчик, – она с суровым одобрением поглядела на внука, – но, боюсь, не унаследовал отцовского таланта. – И миссис Лонгботтом кивнула на койки у дальней стены. Ястреб на шляпе угрожающе покачнулся.

– Что?! – поразился Рон. Гарри хотел наступить ему на ногу, но оказалось, что в джинсах проделать это незаметно довольно трудно. – Там твой *papa*, Невилл?

– Что это значит, Невилл? – грозно осведомилась миссис Лонгботтом. – Ты не говорил друзьям о своих родителях?

Невилл сделал глубокий вдох, поднял лицо к потолку и потряс головой. Гарри никогда и никого не жалел так, как сейчас Невилла, но не знал, чем ему помочь.

– Здесь нечего стыдиться! – сердито воскликнула миссис Лонгботтом. – Ты должен *гордиться*, Невилл, *гордиться*! Не затем они пожертвовали своим здоровьем и рассудком, чтобы их стыдился единственный сын!

– Я не стыжусь, – еле слышно отозвался Невилл. Он по-прежнему избегал встречаться взглядом с друзьями. Рон привстал на цыпочки, чтобы получше рассмотреть родителей Невилла.

– Но ты избрал странный способ это показать! – заявила миссис Лонгботтом. – Мой сын и его жена, – она величаво повернулась к Гарри, Рону, Гермионе и Джинни, – потеряли рассудок под пытками приспешников Сами-Знаете-Кого.

Гермиона и Джинни зажали рты ладонями. Рон, перестав выгибать шею, пристыженно замер.

– Они были аврорами, и их очень уважали в колдовской среде, – продолжала миссис Лонгботтом. – Это были чрезвычайно одаренные люди. Я... Алиса, деточка, что такое?

К ним боязливо, бочком, подошла мама Невилла, одетая в ночную рубашку. От круглолицей счастливой женщины с фотографии первого Ордена Феникса не осталось ровным счетом ничего. Лицо постарело, щеки ввалились; глаза казались чересчур большими, а всклокоченные,

абсолютно белые волосы – мертвыми. Она не хотела – или не могла – говорить, но, глядя на Невилла, как-то странно топталась, робко протягивая ему что-то на ладони.

– Опять? – устало вздохнула миссис Лонгботтом. – Спасибо, Алисочка, спасибо. Невилл, возьми, что там у нее?

Но Невилл и так уже подставил руку, и его мама уронила туда фантик от взрывачки Друблиса.

– Какая прелесть, – с деланным восторгом похвалила бабушка Невилла и похлопала невестку по плечу.

А Невилл тихо и серьезно сказал:

– Спасибо, мамочка.

Алиса, напевая про себя, заковыляла к своей койке. Невилл обвел всех вызывающим взглядом, словно говоря: только попробуйте засмеяться! Но Гарри в жизни не видел ничего менее забавного.

– Что же, нам пора, – вздохнула миссис Лонгботтом, натягивая длинные зеленые перчатки. – Очень приятно было познакомиться. Невилл, выбрось эту обертку, у тебя их столько, что комнату можно оклеить.

Но, глядя им вслед, Гарри заметил, что Невилл тайком сунул фантик в карман.

Дверь палаты закрылась.

– Я знала, – со слезами в голосе произнесла Гермиона.

– И я, – хрипло отозвался Рон.

– И я, – еле выдохнула Джинни.

Они посмотрели на Гарри.

– Я знал, – хмуро проговорил он. – Мне Думбльдор сказал. Но я обещал никому не говорить… За это Беллатрикс Лестранж и посадили в Азкабан – за применение пыточного проклятия. Она пытала родителей Невилла, пока они не сошли с ума.

– Беллатрикс Лестранж? – в ужасе переспросила Гермиона. – Это которая на фотографии в каморке у Шкверчка?

Повисло долгое молчание, которое нарушил возмущенный Чаруальд:

– Слушайте, для чего я, спрашивается, учился писать без отрыва?

Глава двадцать четвертая

Окклуменция

Шкверчок, как выяснилось, прятался на чердаке, где его, по уши в пыли, и обнаружил Сириус. Очевидно, эльф искал оставшиеся семейные реликвии в свою коллекцию. Это объяснение полностью устраивало Сириуса, а вот Гарри – не слишком. Поведение Шкверчка настораживало: он смотрел веселее, меньше ворчал, покорнее подчинялся приказам. Пару раз Гарри ловил на себе пронзительный взгляд домового эльфа, и тот сразу отводил глаза.

Но подозрения Гарри были настолько смутными, что он решил не высказывать их Сириусу. Тот и так после Рождества приуныл. Чем ближе подходил день возвращения ребят в «Хогварц», тем чаще Сириус, как выражалась миссис Уизли, «впадал в меланхолию». Он становился хмур, неразговорчив и нередко по несколько часов кряду сидел у Конькура, а его тоска, как ядовитый газ, просачивалась под дверью и распространялась по дому, заражая всех.

Гарри очень не хотелось снова оставлять Сириуса одного, в малоприятной компании Шкверчка; и вообще, впервые в жизни у него не было ни малейшего желания возвращаться в школу. Что он там не видел? Кхембридж, которая за каникулы наверняка успела наиздеваться тысячу декретов? О квидише можно забыть: домашних заданий будет невпроворот, экзамены-то на носу... От Думблдора слова не дождешься... В общем, если бы не Д. А., Гарри упросил бы Сириуса разрешить ему уйти из «Хогварца» и они бы вместе жили на площади Мракэнтлен.

А в последний день каникул случилось такое, после чего возвращаться в школу стало просто страшно.

– Гарри, милый, – заглянув в спальню, позвала миссис Уизли. Гарри и Рон играли в шахматы, а Гермиона, Джинни и Косолапус следили за игрой. – Ты не мог бы спуститься в кухню? С тобой хочет поговорить профессор Злей.

Смысл ее слов дошел до Гарри не сразу; его ладья вступила в жестокую схватку с пешкой Рона, и Гарри активно ее подзадоривал:

– Дави ее! *Дави!* Это всего лишь пешка, дубина! Простите, миссис Уизли, что вы сказали?

– Профессор Злей, милый. В кухне. Хочет с тобой поговорить.

Гарри в ужасе разинул рот и посмотрел на Рона, Гермиону и Джинни. Те в не меньшем потрясении смотрели на него. Косолапсус, который последние четверть часа безуспешно рвался из рук Гермионы, победно вскочил на доску. Фигурки, громко вереща, припустили в разные стороны.

– Злей? – тупо переспросил Гарри.

– *Профессор* Злей, – укоризненно поправила миссис Уизли. – Иди скорей, у него мало времени.

– Чего ему от тебя надо? – нервно спросил Рон, когда миссис Уизли вышла. – Ты ничего такого не сделал, нет?

– Нет! – возмутился Гарри, лихорадочно соображая, зачем Злею приспично явиться по его душу аж на площадь Мракэнтлен. Неужто «Т» за последнюю домашнюю работу?

Через две минуты он открыл дверь на кухню. Сириус и Злей молча сидели за длинным столом, сверкая глазами, однако друг на друга не глядя. Воздух пропитался густой взаимной неприязнью. Перед Сириусом на столе лежало распечатанное письмо.

– Э-э, – объявил о своем появлении Гарри.

Злей повернулся к нему бледное лицо, обрамленное черными сальными лохмами.

– Садись, Поттер.

– Знаешь, Злей, – громко произнес Сириус, качнувшись на задних ножках стула и уставившись в потолок, – я бы предпочел, чтобы ты тут не распоряжался. Это как-никак мой дом.

Меловое лицо Злея пошло пятнами. Гарри сел рядом с Сириусом и через стол взорвался на Злея.

– Мне было велено переговорить с тобой наедине, Поттер, – прощедил тот, и знакомая усмешка искривила его губы, – но Блэк...

– Я его крестный, – еще громче сказал Сириус.

– Я здесь по приказу Думблдора, – продолжал Злей. Его язвительный голос, напротив, звучал все тише. – Но ты, Блэк, можешь

оставаться, я знаю, ты любишь делать вид... *что держишь руку на пульсе.*

– Это что ты хочешь сказать? – Сириус качнулся вперед, и стул с громким стуком встал на все четыре ножки.

– Только то, что, по-моему, тебе сейчас очень... мmm... неуютно, поскольку ты не делаешь ничего *полезного*, – Злей деликатно подчеркнул последнее слово, – для Ордена.

Настала очередь Сириуса покраснеть. Губы Злея победно изогнулись, и он повернулся к Гарри:

– Меня прислал директор, Поттер. Он хочет, чтобы в этом триместре ты изучал окклуменцию.

– Что изучал? – не понял Гарри.

Усмешка Злея стала шире.

– Окклуменцию, Поттер. Магическую защиту сознания от проникновения извне. Это малоизученная, но весьма полезная область колдовства.

Сердце Гарри очень сильно забилось. Защита от проникновения извне? Но ведь в него никто не вселялся, с этим же все согласились...

– А зачем мне учить эту охлу... как ее там? – выпалил он.

– Затем, что так хочет директор, – ровным голосом ответил Злей. – Раз в неделю ты будешь брать частные уроки, но об этом никто не должен знать, в первую очередь – Долорес Кхембридж. Понятно?

– Да, – сказал Гарри. – А кто будет давать мне уроки?

Злей воздел бровь.

– Я, – ответил он.

От ужаса внутренности у Гарри как будто начали плавиться. Дополнительные уроки со Злеем – за что?! Чем он это заслужил? Ища поддержки, он глянул на Сириуса.

– А почему Думблдор сам не может учить Гарри? – рявкнул тот. – Почему ты?

– Потому, я полагаю, что директор обладает правом делегировать подчиненным наименее приятные свои обязанности, – шелковым голосом объяснил Злей. – Смею тебя уверить, я не напрашивался. – Он встал. – Поттер, жду тебя в понедельник, в шесть часов вечера. В моем кабинете. Если кто спросит, у тебя дополнительные занятия по зельеделию. Те, кто видел тебя на моих уроках, не станут отрицать, что ты в этом нуждаешься.

И повернулся к двери, взметнув черным дорожным плащом.

– Минутку, – сказал Сириус, выпрямившись.

Злей с мерзкой ухмылкой посмотрел на него.

– Я тороплюсь, Блэк. В отличие от тебя, у меня нет времени на праздные разговоры.

– Тогда я сразу перейду к делу. – Сириус встал. Он был намного выше Злея. Гарри обратил внимание, что Злей сжал кулак в кармане плаща – по всей видимости, схватился за волшебную палочку. – Если я узнаю, что своей окклуменцией ты портишь Гарри жизнь, будешь иметь дело со мной.

– Как трогательно, – осклабился Злей. – Но, надеюсь, ты заметил, что Поттер на удивление похож на своего отца?

– Да, заметил, – гордо вскинул голову Сириус.

– Тогда ты должен понимать, что твой подопечный настолько же самоуверен и критика на него не действует, – вкрадчиво произнес Злей.

Сириус отшвырнул стул и в обход стола направился к Злею, вынимая из кармана палочку. Злей резко выдернул свою. Они надвигались друг на друга, Сириус – вне себя от гнева, Злей – что-то просчитывая в уме, поглядывая то в лицо Сириусу, то на его волшебную палочку.

– Сириус! – громко крикнул Гарри, но крестный ничего не слышал.

– Я тебя предупреждаю, *Соплеус*, – зашипел Сириус, лицом почти надвинувшись на Злея, – мне плевать, что Думбльдор думает, будто ты переродился. Я-то знаю…

– А что же ты не поделившись своими подозрениями с ним? – шепотом осведомился Злей. – Или ты боишься, что он не сможет серьезно отнестись к словам человека, который вот уже полгода прячется в доме своей матери?

– Скажи-ка лучше, как поживает Люциус Малфой? Радуется небось, что его карманная собачка служит в «Хогварце»?

– К слову о собачках, – тихо проговорил Злей, – ты в курсе, что Люциус Малфой тебя узнал? Во время твоей последней вылазки? Отличная идея, Блэк, показаться на совершенно безопасной платформе… Железный предлог, чтобы больше никогда не высовываться из норы, не так ли?

Сириус взметнул волшебную палочку.

— НЕТ! — заорал Гарри, перемахивая через стол и вклиниваясь между ними. — Сириус, не надо!

— Хочешь сказать, что я трус? — загремел Сириус, отпихивая Гарри; тот не сдавался.

— Пожалуй, именно это я и хочу сказать, — кивнул Злей.

— Гарри — прочь — с дороги! — рявкнул Сириус, свободной рукой отталкивая Гарри.

Дверь отворилась, и вошли сияющие от счастья Уизли в полном составе и Гермиона. Посредине гордо шагал мистер Уизли в полосатой пижаме и макинтоше.

— Я здоров! — провозгласил он на всю кухню. — Абсолютно здоров!

Но при виде немой сцены мистер Уизли и остальные замерли на пороге и испуганно уставились на Сириуса и Злея. Те, направив палочки друг на друга, стояли как вкопанные, а Гарри, растопырив руки, пытался их разнять.

— Мерлинова борода, — проговорил мистер Уизли, и улыбка сошла с его лица, — это что за дела?

Сириус и Злей опустили палочки. Гарри поглядел на одного, затем на другого. Лица их горели глубочайшим омерзением. В то же время неожиданное появление толпы народу все-таки привело их в чувство. Злей спрятал палочку в карман, развернулся и, не сказав ни слова никому из Уизли, стремительно пошел к двери. На пороге оглянулся:

— В понедельник вечером, в шесть, Поттер.

И удалился. Сириус, опустив руку с палочкой, гневно смотрел ему вслед.

— Что все это значит? — еще раз спросил мистер Уизли.

— Ничего, Артур, — ответил Сириус. Он тяжело дышал, словно пробежал десять миль. — Дружеская беседа двух старых школьных приятелей. — И с огромным усилием выдавил улыбку: — Так ты... здоров? Отличная новость, просто отличная.

— Это точно, — сказала миссис Уизли, подводя мужа к стулу. — Знахарь Смешвик в конце концов вспомнил свои колдовские умения и нашел противоядие. Ну а Артур получил хороший урок. Теперь он знает, что не стоит путаться с мугловской медициной. *Правда, мой дорогой?* — грозно прибавила она.

— Правда, милая Молли, — нежно ответил мистер Уизли.

Итак, мистер Уизли вернулся, и ужин в этот вечер должен был получиться веселым. Гарри видел, что Сириус старается изо всех сил. Но, когда крестный забывал, что нужно смеяться шуткам близнецов и усердно всех угождать, лицо его тотчас мрачнело. Между ним и Гарри сидели Мундугнус и Шизоглаз – они зашли поздравить мистера Уизли с выздоровлением. Гарри хотелось поговорить с Сириусом, успокоить: мол, не слушай Злея, он нарочно тебя доводил; хотелось заверить крестного, что никто и не думает считать его трусом. Но Гарри не выпало такой возможности, да он бы и не осмелился ничего сказать – до того угрюмое было у Сириуса лицо. Зато Гарри вполголоса поведал Рону и Гермионе об уроках окклуменции у Злея.

– Думбльдор хочет, чтобы у тебя прекратились сны о Вольдеморте, – мгновенно догадалась Гермиона. – Ты же не будешь по ним скучать, правда?

– Дополнительные уроки со Злеем? – в ужасе переспросил Рон. – Уж лучше кошмары!

В «Хогварц» ребятам предстояло ехать на «ГрандУлет» вместе с Бомс и Люпином. Когда наутро Гарри, Рон и Гермиона спустились в кухню, те уже завтракали. Открыв дверь, Гарри прервал какую-то горячую дискуссию; взрослые дружно обернулись и сразу же замолчали.

Наспех поев, все надели куртки и шарфы – на улице стоял январский холод и было пасмурно. У Гарри щемило в груди: ему не хотелось расставаться с Сириусом. Его терзали дурные предчувствия – доведется ли свидеться; он понимал, что должен с Сириусом поговорить, попросить его не делать глупостей. Гарри боялся, что обвинение в трусости сильно задело крестного и тот уже сейчас помышляет об отчаянной вылазке. Но Гарри никак не мог придумать, что сказать. Тут Сириус поманил его к себе.

– Вот, возьми-ка, – прошептал он и сунул Гарри в руку небрежно упакованный сверток размером с небольшую книжку.

– А что это? – спросил Гарри.

– Способ сообщить мне, если Злей будет над тобой издеваться. Нет, здесь не открывай! – Сириус опасливо покосился на миссис Уизли, которая уговаривала близнецов надеть варежки. – Боюсь, Молли не одобрят… Но если понадоблюсь – воспользуйся, хорошо?

— Хорошо. — Гарри спрятал сверток во внутренний карман куртки, зная, что никогда этим не воспользуется. Что бы ни вытворял Злей, Гарри не заставит Сириуса покинуть безопасное укрытие.

— Тогда пошли. — Сириус, хмуро улыбнувшись, хлопнул Гарри по плечу, и тот опять не успел ничего сказать, потому что они вдруг оказались у запертой на все засовы двери, где уже стояли остальные.

— До свидания, Гарри, всего тебе хорошего, — обняла его миссис Уизли.

— Пока, Гарри! Последживай за змеями, ладно, а то как я без тебя? — Мистер Уизли сердечно пожал ему руку.

— Да… конечно, — рассеянно ответил Гарри; это последняя возможность попросить Сириуса не совершать безрассудных поступков; Гарри обернулся, посмотрел в лицо крестному и открыл было рот, но тут Сириус обнял его одной рукой и хрипло проговорил:

— Ты уж там поосторожней.

Спустя миг Гарри выставили на морозный воздух, и Бомс (сегодня — высокая, одетая в твид женщина со стальными волосами) подтолкнула его в спину: мол, пошевеливайся.

Дверь дома № 12 захлопнулась. Все, следуя за Люпином, спустились с парадного крыльца. На мостовой Гарри оглянулся. Особняк Сириуса стремительно растворялся в воздухе; соседние здания, расширяясь, заполняли образовавшуюся пустоту. В мгновение ока номера 12 не стало.

— Давайте, давайте, чем скорее сядем в автобус, тем лучше, — сказала Бомс. Гарри показалось, что площадь она оглядывает довольно нервно. Люпин поднял правую руку.

БАММ.

Прямо перед ними из воздуха соткался трехэтажный ядовито-фиолетовый автобус, который чуть не врезался в фонарный столб — к счастью, тот вовремя успел отскочить.

Из автобуса на мостовую спрыгнул тощий прыщавый юнец с ушами как ручки кувшина и затараторил:

— Добро пожаловать в…

— Да-да, спасибо, мы в курсе, — перебила Бомс. — Ну, быстро, быстро, залезаем…

И она подтолкнула Гарри. Кондуктор округлил глаза:

— Ба! Да эта ж ‘Арри!

– Будешь так орать – урою, – грозно пообещала Бомс, загоняя в автобус Джинни и Гермиону.

– Всегда мечтал покататься на этой штуке, – сообщил счастливый Рон, тоже забравшись в автобус и озираясь.

В прошлый раз Гарри ездил на «ГрандУлет» ночью, и на всех трех этажах стояли латунные кровати. Теперь же, ранним утром, здесь было полно разномастных стульев, в беспорядке расставленных у окон. Кое-какие валялись на полу – очевидно, упали, когда автобус резко затормозил на площади Мракэнтлен. Несколько колдунов и ведьм, ворча, поднимались с пола, а чья-то хозяйственная сумка, проехавшись по автобусу, оставила за собой неприглядный след – смесь лягушачьей икры, тараканов и заварного крема.

– Похоже, вместе не сядем. – Бомс деловито осмотрелась в поисках свободных стульев. – Фред, Джордж, Джинни, идите туда, назад... с вами останется Рем. – Бомс с Гарри, Роном и Гермионой пошла на самый верх. Там обнаружилось два места впереди салона и два сзади. Стэн Самосвалт, кондуктор, восторженно проводил Гарри и Рона в конец автобуса. Головы пассажиров, как намагниченные, поворачивались вслед за Гарри. Едва он сел, все как по команде отвернулись.

Гарри и Рон заплатили Стэну по одиннадцать сиклей, и автобус, угрожающе раскачиваясь, тронулся в путь. Громыхая, он обогнул площадь Мракэнтлен, то спрыгивая с тротуара, то опять на него запрыгивая; потом раздалось оглушительное «БАММ!», и всех отбросило назад; стул Рона опрокинулся; Свинринтель, чью клетку Рон держал на коленях, вырвался на свободу и, щебеча как ненormalный, умчался вперед, где уселся на плечо к Гермионе. Гарри, который вцепился в канделябр и поэтому не упал, выглянул в окно: они сломя голову неслись по какой-то автостраде.

– Тока-тока от Бирмингема отчалили, – радостно сообщил Стэн, отвечая на невысказанный вопрос Гарри. – Сталоть, у тя все путем, ‘Арри? Я летом все на тя натыкался в ‘азетах, тока там вечно какие-то ‘адости. Я оот тут грю, Эрн, грю, мы ж его видали, не такой уж он и псих, оот те и здрасьте, а?

Не сводя глаз с Гарри, он протянул им с Роном билеты. Стэн, похоже, было совершенно все равно, псих ты или не псих, если ты настолько знаменит, что попал в газеты. «ГрандУлет», накренившись

почти до земли и нарушив правила, обогнал вереницу автомобилей. Гарри посмотрел в начало автобуса. Гермиона в ужасе закрыла лицо руками. Довольный Свинринтель раскачивался у нее на плече.

БАММ.

Стулья опять смело назад – «ГрандУлет» перескочил с Бирмингемской автострады на тихий извилистый проселок. Кусты по обочинам еле успевали отпрыгивать. Потом автобус переместился на оживленную главную улицу какого-то городка, потом на виадук среди высоких холмов, а потом на продуваемую ветром улицу, застроенную многоэтажками, и каждый раз издавал громкое «БАММ!».

– Знаешь, я передумал, – проворчал Рон, в шестой раз поднимаясь с пола, – в жизни больше не поеду на этой штуке.

– Слышите, щас будет «‘огварц», – бодро сообщил Стэн. Он, покачиваясь, шел к ним по проходу. – Эта дамочка спереди, деловая, ну, которая с вами вошла, дала нам на лапу, чтоб мы вас в очереди малость подвинули. Но тока вперед все одно пустим мадам Марш, – снизу донесся чей-то рвотный позыв, за которым последовал мощный выплеск, – ей чевой-та нехорошо.

Через пару минут «ГрандУлет» со скрипом затормозил у небольшого паба, которому, чтобы избежать столкновения, пришлось сильно втянуть бока. Гарри и Рон слышали, как Стэн выводит из автобуса несчастную мадам Марш, слышали и дружный вздох облегчения, который издали пассажиры, ехавшие вместе с ней на втором этаже. Автобус, набирая скорость, полетел дальше, и...

БАММ.

Они покатили по заснеженному Хогсмеду. В переулке промелькнула «Башка борова» – вывеска с отрубленной кабаньей головой громко скрипела на зимнем ветру. На большое ветровое стекло автобуса липли снежинки. Наконец «ГрандУлет» остановился у ворот «Хогварца».

Люпин и Бомс помогли ребятам вынести багаж и вышли попрощаться. Гарри посмотрел вверх и увидел, что все пассажиры, прилепив носы к окнам, внимательно за ними наблюдают.

– На территории будете в безопасности, – Бомс обшарила взглядом пустынную улицу. – Ну давайте, учитесь на отлично!

– Успехов вам, – пожелал Люпин, по очереди пожимая всем руки. Гарри оказался последним. – Да... кстати. – Люпин понизил голос и,

пользуясь тем, что остальные прощались с Бомс, сказал: – Гарри, я знаю, что ты не любишь Злея, но он прекрасный окклументор, а мы – и Сириус тоже – очень хотим, чтобы ты выучился защищать себя, поэтому занимайся как следует, ладно?

– Ладно, – мрачно пообещал Гарри, заглянув в изборожденное ранними морщинами лицо Люпина. – Все, до свидания.

В шестером, спотыкаясь на скользкой дороге, они потащили сундуки к замку. Гермиона вслух мечтала о шапочках для эльфов, которые связает перед сном. У дубовых дверей Гарри оглянулся. «ГрандУлет» исчез, и Гарри, вспомнив, что ждет его завтра вечером, тщетно пожелал исчезнуть вместе с ним.

Практически весь следующий день Гарри провел в тоскливо-ожидании вечера. Утренняя пара зельеделия не развеяла его страхи – Злей был, как всегда, брюзглив. К тому же к Гарри то и дело подходили члены Д. А. и с надеждой спрашивали, состоится ли вечером занятие, – что тоже отнюдь не улучшало настроения.

– О следующей встрече я сообщу как обычно, – снова и снова повторял Гарри, – но сегодня не получится, у меня… э-э… дополнительные занятия по зельеделию.

– Дополнительные по зельеделию? – презрительно хмыкнул Захария Смит, который поймал Гарри после обеда в вестибюле. – Ты, видно, полный швах? Злей обычно не дает дополнительных уроков.

И нарочито бодрой походкой Смит зашагал прочь. Рон свирепо смотрел ему вслед.

– Колдануть его, что ли? Отсюда я еще достану. – Он поднял палочку и прищелился Смиту между лопаток.

– Плюнь, – угрюмо ответил Гарри, – все равно все так и будут думать. Что я непроходимый болва…

– Привет, Гарри, – произнес нежный голосок за его спиной.

Гарри обернулся и увидел Чо.

– О, – только и смог сказать он. В животе, как всегда, что-то сжалось. – Привет.

– Гарри, мы в библиотеке, – решительно заявила Гермиона и, схватив Рона за локоть, поволокла его к мраморной лестнице.

– Как провел Рождество, хорошо? – спросила Чо.

– Неплохо, – ответил Гарри.

— А я — довольно тихо, — проговорила Чо. Почему-то она смущалась. — Слушай... видел объявление? На следующий месяц назначен Хогсмед.

— Что? А. Нет, я еще не видел доску.

— На День святого Валентина...

— Понятно, — отозвался Гарри, недоумевая, зачем она это говорит. — Ты, наверное, хочешь...

— Только если ты тоже хочешь, — с надеждой ответила она.

Гарри вытаращился. Он хотел сказать: «Ты, наверное, хочешь узнать, когда собрание Д. А.?», и ее ответ поставил его в тупик.

— Я... э-э... — промямлил он.

— Ой, не хочешь, и ладно, — с убитым видом произнесла Чо. — Ничего страшного. Тогда... пока.

И она пошла прочь. Гарри стоял и смотрел ей вслед, лихорадочно соображая, в чем дело. Наконец в мозгу что-то щелкнуло и встало на место.

— Чо! Эй! ЧО!

Он побежал за ней и догнал уже на середине мраморной лестницы.

— Э-э... Хочешь пойти со мной в Хогсмед на Валентинов день?

— О-о-о! Конечно! — просияла Чо, густо покраснев.

— Хорошо... тогда... договорились, — сказал Гарри и, решив, что день в конечном итоге не пропал даром, буквально поскакал в библиотеку, чтобы до послеобеденных занятий застать Рона и Гермиону.

Впрочем, к шести вечера даже успешно назначенное свидание с Чо уже не облегчало его страданий, которые с каждым шагом к кабинету Злея становились все ужаснее.

Гарри немного постоял перед дверью, думая о том, как хорошо было бы сейчас оказаться... да, собственно, где угодно; затем глубоко вдохнул, постучал и вошел.

В помещении царил сумрак. На стенах висели полки, заставленные сотнями стеклянных банок, где в разноцветных жидкостях плавали скользкие куски животных и растений. В углу стоял шкаф с ингредиентами для зелий, в краже которых Злей когда-то — не без оснований — обвинил Гарри. Но сейчас внимание Гарри привлек письменный стол: там, в круге света свечи, стояла пустая каменная чаша, покрытая старинными рунами и символами. Гарри сразу ее

узнал – это был Думблдоров дубльдум. Зачем он здесь? Размышая, Гарри так и подскочил, когда из темноты раздался голос Злея:

– Закрой за собой дверь, Поттер.

Гарри, с неприятным ощущением, будто сам себя запирает в тюрьму, выполнил приказ. Злей вышел на свет и молча показал на стул рядом с письменным столом. Гарри сел. Злей тоже сел и холодным, немигающим взглядом уставился на Гарри. Его глаза источали неприязнь.

– Итак, Поттер, тебе известно, для чего мы здесь, – промолвил он. – Директор просил научить тебя окклуменции. Смею лишь надеяться, что к этой дисциплине ты окажешься способнее, чем к зельеделию.

– Да, – коротко ответил Гарри.

– Это, конечно, не обычный урок, Поттер, – продолжал Злей, зловеще сузив глаза, – но я тем не менее твой учитель, и, следовательно, ты обязан называть меня «сэр» либо «профессор».

– Да... сэр, – сказал Гарри.

– К делу. Окклуменция. Как я говорил в доме твоего дражайшего крестного, это область магии, изучающая способы защиты сознания от постороннего влияния и проникновения извне.

– А почему Думблдор думает, что мне это нужно, сэр? – Гарри посмотрел Злею прямо в глаза. Интересно, ответит?

Злей, не сводя глаз с Гарри, помолчал, а потом презрительно бросил:

– Полагаю, даже ты, Поттер, мог бы догадаться? Черный Лорд – мастер легилименции...

– А это что такое? Сэр?

– Умение извлекать мысли и воспоминания из чужого сознания...

– Он умеет читать мысли? – перебил Гарри. Подтверждались его худшие опасения.

– Как ты примитивен, Поттер, – сверкнул глазами Злей. – В тебе нет тонкости. Этот недостаток среди прочих и мешает тебе достичь хотя бы наималейших успехов в зельеделии.

Злей сделал паузу, очевидно наслаждаясь унижением Гарри, а затем продолжил:

– «Чтение мыслей» – мугловое понятие. Сознание – не книга, которую можно открывать и листать на досуге. А мысли – не надписи на стенках черепа, доступные взгляду незваного пришельца. Сознание,

Поттер, есть сложная, многослойная структура – не у всех, разумеется, но у большинства. – Он усмехнулся. – Однако, те, кто овладел искусством легилименции, способны при определенных условиях проникать в сознание жертвы и расшифровывать содержимое. Так, скажем, Черный Лорд почти всегда может распознать ложь. Но мастера окклуменции умеют блокировать чувства и воспоминания, изобличающие ложь, и могут говорить ему неправду, не опасаясь разоблачения.

Вопреки словам Злея Гарри остался при убеждении, что легилименция – не что иное, как чтение мыслей, и это ему ужасно не понравилось.

– То есть он прямо сейчас может знать, о чем мы говорим? Сэр?

– Черный Лорд находится на значительном удалении, а стены и территория «Хогварца» защищены многочисленными древними заклятиями, обеспечивающими физическую и ментальную неприкосновенность здешних обитателей, – сказал Злей. – В магии, Поттер, время и пространство имеют большое значение. Так, зачастую при легилименции принципиальную роль играет зрительный контакт.

– Какой тогда смысл учиться окклуменции?

Злей смотрел на Гарри, водя длинным тонким пальцем по губам.

– Дело в том, что с тобой, Поттер, обычные правила, кажется, не действуют. Убийственное проклятие, которое тебя не убило, видимо, создало между тобой и Черным Лордом некую связь. Очевидно, что временами, когда твой мозг расслаблен и особенно уязвим – во сне, например, – ты воспринимаешь мысли и эмоции Черного Лорда. Директор считает, что это следует прекратить. Он пожелал, чтобы я научил тебя блокировать сознание.

Сердце Гарри быстро-быстро забилось. Все это звучало неубедительно.

– Но зачем прекращать? – резко спросил он. – Мне, конечно, неприятно, но ведь это пригождается. Скажем… я же увидел змею. А если бы нет, профессор Думблдор не смог бы спасти мистера Уизли. Ведь верно же? Сэр?

Злей, не переставая водить пальцем по губам, еще поглядел на Гарри. Потом заговорил – медленно, размеренно, взвешивая каждое слово:

– У нас создалось впечатление, что Черный Лорд до последнего времени не знал о связи между вами. Ты чувствовал его эмоции и мысли, но он об этом не подозревал. Однако видение, посетившее тебя перед Рождеством...

– Со змеей и мистером Уизли?

– Не перебивай, Поттер, – угрожающе процедил Злей. – Как я сказал, видение, посетившее тебя перед Рождеством, представляло собой столь значительное проникновение в сознание Черного Лорда...

– Я видел все глазами змеи, а не его глазами!

– По-моему, Поттер, я велел не перебивать?

Но Гарри уже было безразлично, рассердится ли на него Злей; кажется, вот-вот забрезжит суть. Он сам не заметил, как сдвинулся на самый краешек стула и напружиинился, словно готовясь в любую минуту вскочить и убежать.

– Если я проник в мысли Вольдеморта, то почему видел все глазами змеи?

– *Не смей произносить имени Черного Лорда!* – рявкнул Злей.

Повисло недобродое молчание. Глядя поверх дубльдума, они гневно сверлили друг друга глазами.

– Профессор Думблдор его произносит, – тихо заметил Гарри.

– Думблдор – необыкновенно могущественный колдун, – пробормотал Злей. – Для него, возможно, это и безопасно... но для всех нас... – И он явно машинально потер левую руку – Гарри знал, что там выжжено клеймо, Смертный Знак.

– Я только хочу знать, – снова начал Гарри, принуждая себя говорить вежливо, – почему...

– В сознание змеи ты проник по той причине, что там находился Черный Лорд, – проворчал Злей. – Он был там, и ты попал туда же.

– А Воль... он понял, что я там?

– Похоже на то, – холодно ответил Злей.

– Откуда вы знаете? – не отступал Гарри. – Это просто догадка Думблдора или...

– Я же сказал, – Злей весь напрягся, и его глаза превратились в щелочки, – называй меня «сэр».

– Да, сэр, – нетерпеливо кивнул Гарри, – но все-таки откуда вы знаете...

— Довольно того, что мы *знаем*, — отрезал Злей. — Важно, что теперь Черному Лорду известно: у тебя есть доступ к его мыслям и чувствам. Также он догадался, что эта связь обаюдна; то есть понял, что и сам может проникать в твоё сознание...

— И может заставить меня что-нибудь сделать? — опять перебил Гарри. — *Сэр?* — поспешил добавил он.

— Может, — равнодушно согласился Злей. — И это возвращает нас к тому, с чего мы начали, — к окклуменции.

Злей достал из внутреннего кармана волшебную палочку; Гарри напрягся, но Злей просто поднес палочку к виску, к корням сальных волос. Потом осторожно отстранил ее, и из головы толстой прозрачной нитью потянулось нечто серебристое — очень странная субстанция, не газ и не жидкость. Злей отдернул палочку, нить оборвалась, спорхнула в дубльдум и заклубилась туманным облаком. Злей еще два раза подносил палочку к виску и перемещал серебристое вещество в каменную чашу, а затем, никак не объяснившись, аккуратно взял дубльдум, убрал на полку и, с палочкой наготове, повернулся к Гарри:

— Встань и приготовь волшебную палочку, Поттер.

Гарри встал. Он нервничал. Они стояли, глядя друг на друга через письменный стол.

— Можешь попытаться разоружить меня или защититься любым способом, какой придет в голову, — сказал Злей.

— А что вы будете делать? — Гарри с опаской покосился на его палочку.

— Я попробую проникнуть в твоё сознание, — вкрадчиво проговорил Злей. — Посмотрим, насколько ты способен сопротивляться. Говорят, ты неплохо блокировал проклятие подвластия. Сейчас тебе понадобятся приблизительно те же навыки... Итак, приготовься. *Легилименс!*

Гарри не успел ни приготовиться, ни сколько-нибудь собраться, а заклинание Злея уже ударило по нему. Комната поплыла перед глазами и исчезла; в голове, будто обрывки фильма, замелькали бессвязные, но очень яркие образы, и они затмили все остальное.

Вот ему снова пять, и он смотрит, как Дудли катается на новом красном велосипеде — сердце разрывается от зависти... Девять лет: бульдог Рваклер загнал его на дерево, а внизу, на газоне, хохочут Дурслеи... А вот он сидит под Шляпой-Распределницей, и та говорит:

«Слизерин» выведет тебя прямиком к величию... Гермиона, в лазарете: лицо, густо поросшее кошачьим мехом... Армия дементоров медленно окружает его на берегу черного озера... Чо Чан, под омелой, близко-близко...

И при воспоминании о Чо чей-то голос в голове Гарри сказал: «Нет, сюда я тебя не пущу, не пущу, это личное...»

Колено пронзила острая боль. Очертания кабинета обрели фокус, и Гарри понял, что упал на пол, больно ударившись коленом о ножку стола. Он поднял глаза на учителя. Тот, опустив палочку, потирал запястье – там выступил яркий, как от ожога, рубец.

– Ты специально применил жгучую порчу? – невозмутимо поинтересовался Злей.

– Нет, – не без сожаления ответил Гарри, поднимаясь с пола.

– Я так и думал, – презрительно сказал Злей. – Ты впустил меня слишком глубоко. Потерял контроль.

– Вы видели то же, что и я? – спросил Гарри, неуверенный, что хочет знать ответ.

– Местами, – усмехнулся Злей. – Чья была собака?

– Тети Мардж, – пробормотал Гарри, ненавидя Злея.

– Ладно, для первой попытки не так уж и плохо. – Злей снова поднял палочку. – Ты все-таки сумел остановить меня, хотя потерял много времени и сил на совершенно бесполезные вопли. Ты должен быть спокоен, сосредоточен. Пусть меня отторгает твое сознание, тогда и волшебная палочка не понадобится.

– Я пытаюсь, – сердито откликнулся Гарри, – но вы же не говорите как!

– Манеры, Поттер, манеры, – недобро проговорил Злей. – А теперь закрой глаза.

Прежде чем выполнить это указание, Гарри смерил его яростным взглядом. Стоять с закрытыми глазами перед Злеем, который вооружен волшебной палочкой? Перспективка...

– Ни о чем не думай, Поттер, – велел ему холодный голос. – Освободись от всех эмоций...

Но гнев, как яд, пульсируя, бежал по жилам. Как от него избавишься? Проще ногу оторвать...

– Ты не слушаешься, Поттер... Тебе не хватает дисциплины... Сосредоточься!

Гарри попытался расслабиться, не думать, не помнить, не чувствовать...

– Попробуем еще раз... на счет три... Раз... два... три!
Легилименс!

Огромный черный дракон взметнулся на дыбы... Родители... машут руками из зачарованного зеркала... Седрик Диггори, на земле: смотрит на Гарри пустыми глазами...

– НЕ-Е-Е-ЕТ!

Гарри опять стоял на коленях, уткнувшись лицом в ладони. Самый мозг болел так, словно кто-то пытался выдернуть его из черепа.

– Вставай! – крикнул Злей. – Вставай! Ты не стараешься! Тебе лень сделать над собой усилие! Ты пустил меня в воспоминания, которые тебя пугают! Сам снабдил меня оружием!

Гарри встал. Сердце билось очень сильно, будто он и правда только что вернулся с кладбища, где лежал мертвый Седрик. Злей редко бывал так бледен и зол – но Гарри был еще злее.

– Я – очень – даже – стараюсь! – отчеканил он.

– Я велел освободиться от всех эмоций!

– Да? Сию секунду это не так-то просто, – огрызнулся Гарри.

– Значит, для Черного Лорда ты будешь легкой добычей! – в гневе выкрикнул Злей. – Чувствительные идиоты с душой нараспашку, те, кто не в силах управлять своими чувствами, кто купается в печальных воспоминаниях и так легко поддается на провокации, – иными словами, слабаки – не имеют против него ни малейшего шанса! Ты и не заметишь, как он проникнет в твоё сознание, Поттер!

– Я не слабак, – еле слышно возразил Гарри. Им владело бешенство – он был готов в любую минуту броситься на Злея.

– Вот и докажи это! Возьми себя в руки! – выплюнул Злей. – Сдержи гнев, возьми разум под контроль! Попробуем еще раз! Готовься! Легилименс!

Дядя Вернон заколачивает прорезь для писем... сотня дементоров скользит к Гарри через озеро... Гарри и мистер Уизли бегут по коридору без окон... Черная дверь вдалеке... ближе, ближе... Гарри подумал, что им туда... но мистер Уизли потащил его влево, к лестнице, вниз...

– Я ПОНЯЛ! ПОНЯЛ!

И снова он стоял на четвереньках; шрам противно саднил, но голос прозвучал победно. Гарри вскочил. Злей, не отводя палочки, смотрел на него пристально. Похоже, учитель снял заклятие прежде, чем Гарри начал оказывать сопротивление.

– В чем дело, Поттер? – не спуская с него глаз, осведомился Злей.

– Я видел... я вспомнил, – задыхаясь, проговорил Гарри. – Я только что понял...

– Что понял? – резко спросил Злей.

Гарри ответил не сразу. Он стоял, потирая шрам и наслаждаясь своим ослепительным открытием...

Коридор без окон с запертой дверью в конце снился ему много месяцев подряд, но он не понимал, что это место взаправду существует. И вот теперь, вернувшись в собственные воспоминания, он вдруг осознал, что это тот самый коридор, по которому они с мистером Уизли бежали двенадцатого августа, опаздывая на дисциплинарное слушание; коридор, ведущий в департамент тайн, – дверь, у которой на мистера Уизли напала змея.

Он поднял глаза на Злея:

– Что спрятано в департаменте тайн?

– Что ты сказал? – тихо переспросил Злей, и Гарри, к огромному своему удовольствию, увидел, что тот растерялся.

– Я спросил, что спрятано в департаменте тайн, *сэр*? – повторил Гарри.

– А почему, собственно, – медленно заговорил Злей, – тебя это интересует?

– Потому что, – Гарри внимательно следил за его лицом, – коридор, который я только что видел, – я давно вижу его во сне, а сейчас я его узнал – ведет в департамент тайн... и, по-моему, Вольдеморту там что-то нужно...

– *Я же тебе сказал: не смей произносить имени Черного Лорда!*

Они гневно вззрились друг на друга. Шрам Гарри пронзила дикая боль, но он даже не обратил внимания. Злей развелся; после паузы он заговорил, и было ясно, что он изо всех сил изображает холодное равнодушие.

– В департаменте тайн есть много чего, Поттер; мало что тебе будет понятно и решительно ничто тебя не касается. Надеюсь, я ясно выразился?

– Да, – сказал Гарри, потирая шрам, который саднил все сильнее.

– Занятия продолжим в среду в то же время.

– Ладно, – бросил Гарри. Он сгорал от нетерпения поскорее разыскать Рона и Гермиону.

– Каждый вечер перед сном ты должен освобождать сознание от всех чувств и мыслей. Надо, чтобы ты был абсолютно спокоен, а в голове – совершенно пусто. Ты понял меня?

– Да. – Гарри едва его слушал.

– И имей в виду, Поттер… Если ты не будешь тренироваться, я обязательно узнаю…

– Ага, – буркнул Гарри. Он забросил рюкзак на плечо, кинулся к выходу и уже с порога обернулся на Злея. Тот стоял к Гарри спиной, волшебной палочкой вытаскивая из дубльдума свои мысли и аккуратно возвращая их в голову. Гарри молча вышел и плотно прикрыл за собой дверь. Шрам пульсировал от боли.

Рон и Гермиона сидели в библиотеке и корпели над домашней работой по защите от сил зла – Кхембридж задала кучу всего. Было людно; за соседними столами под лампами, уткнув носы в книги, усердно скрипели перьями школьники (почти все – пятиклассники). Небо за створчатыми окнами быстро темнело. В тишине поскрипывал башмак мадам Щипц – библиотекарша грозно расхаживала по рядам между полками и как коршун следила за всеми, кто осмеливался касаться ее драгоценных книг.

Шрам болел; Гарри знобило, лихорадило. Он сел напротив Рона с Гермионой и случайно увидел в зеркале свое отражение: мертвенно-бледное лицо, шрам проступает четче обычного.

– Ну, как все прошло? – шепотом спросила Гермиона и встревоженно добавила: – Ты здоров?

– Да… все нормально… не знаю, – отрывисто выговорил Гарри и поморщился от очередного приступа боли. – Слушайте… Я только что понял одну вещь…

И он рассказал о своем открытии.

– Значит, ты думаешь, – зашептал Рон, дождавшись, пока мадам Щипц проскрипит мимо, – что оружие… та штука, за которой охотится Сам-Знаешь-Кто… она в министерстве магии?

– В департаменте тайн. По всему выходит так, – тоже шепотом ответил Гарри. – Эту дверь я видел, когда мы с твоим папой шли на

дисциплинарное слушание, и ее же он охранял, когда его укусила змея.

– Ну конечно, – выдохнула Гермиона.

– Конечно – что? – нетерпеливо спросил Рон.

– Рон, подумай сам... Помнишь, Стурджис Подмор пытался взломать какую-то дверь в министерстве? Конечно, это та самая дверь! Иначе слишком много совпадений!

– А зачем Стурджису ее взламывать, если он за нас? – не понял Рон.

– Этого я не знаю, – призналась Гермиона. – Как-то странно...

– Так что там, в департаменте тайн? – спросил Гарри Рона. – Твой папа что-нибудь рассказывал?

– Я знаю только, что всех, кто там работает, в министерстве называют «неописуемые», – нахмурился Рон. – Потому что никто толком не в курсе, чем они занимаются... Странный какой-то у них арсенал.

– Вовсе не странный, наоборот, – сказала Гермиона. – Наверно, это сверхсекретная разработка... Гарри, ты точно здоров?

Гарри в этот момент с силой прижал обе руки ко лбу, словно пытаясь как следует его разгладить.

– Да... нормально. – Он опустил руки – они дрожали. – Просто мне что-то... Не нравится мне эта окклуменция.

– Видимо, это естественно, когда тебе раз за разом проникают в сознание, – посочувствовала Гермиона. – Слушайте, пойдемте-ка в общую гостиную, там будет удобнее.

Но в гостиной было полным-полно народу, и все смеялись и вопили от восторга: Фред с Джорджем демонстрировали свои последние изобретения.

– Уборы головные! – орал Джордж. Фред в это время размахивал перед публикой остроконечной шляпой с пушистым розовым пером. – Два галлеона штука! Следите за Фредом!

Сияющий Фред с размаху нахлобучил шляпу на голову. Сначала он постоял как дурак, затем и шляпа и голова растворились в воздухе.

Кто-то из девочек завизжал, остальные зашлись от хохота.

– А теперь снимаем! – закричал Джордж. Фред пощупал воздух над плечом, сорвал шляпу, и голова появилась снова.

– Интересно, в чем принцип действия? – Гермиона, отвлекшись от домашней работы, наблюдала за близнецами. – Понятно, конечно, что

это какая-то форма заклятия невидимости, но... расширение поля невидимости за пределы зачарованного объекта... очень умно... Впрочем, наверное, недолго действует...

Гарри не ответил, ему было нехорошо.

– Я сделаю уроки завтра, – пробормотал он и затолкал книги обратно в рюкзак.

– Запиши в дневник домашних заданий! – живо предложила Гермиона. – Чтобы не забыть!

Гарри с Роном переглянулись. Гарри полез в рюкзак, достал дневник и очень осторожно его открыл.

– Не забудь про делишки, тупая мартышка! – брюзжал тот, пока Гарри записывал задание Кхембридж. Гермиона, улыбаясь, созерцала эту сцену.

– Я, пожалуй, пойду спать, – сказал Гарри и убрал дневник, думая о том, что надо будет при первой же возможности случайно уронить эту дрянь в камин.

Он прошел через гостиную, увернулся от Джорджа – тот попытался нацепить на него убор головной – и наконец добрался до тихой и прохладной каменной лестницы, ведущей в спальню мальчиков. Его тошнило, как после видения змеи, но он решил, что стоит немного полежать, и все пройдет.

Гарри открыл дверь спальни, перешагнул порог – и голову пронзила такая страшная боль, словно кто-то воткнул в нее острый клинок. Гарри перестал понимать, где находится, что делает, не помнил даже собственного имени...

В ушах звенел безумный смех... он был счастлив, он давно не бывал так счастлив... он в буйном экстазе торжествовал победу... случилось нечто прекрасное, восхитительное...

– Гарри? ГАРРИ!

Кто-то ударил его по лицу. Хохот на секунду прервался, раздался крик боли. Счастье улетучивалось, но смех не умолкал...

Гарри открыл глаза и понял, что смеется он сам. В тот же миг смех прекратился. Гарри, задыхаясь, лежал на полу и смотрел в потолок. Голова раскалывалась. Над ним склонился перепуганный Рон:

– В чем дело?

– Не... не знаю, – выдохнул Гарри и сел. – Он очень счастлив... очень...

– Сам-Знаешь-Кто?

– Случилось что-то хорошее, – еле вымолвил Гарри. Его был озноб, как тогда, после змеиного видения, и сильно тошнило. – Он давно этого ждал.

Слова прозвучали так, словно их произнес кто-то чужой, – как тогда, в раздевалке на стадионе. Но Гарри не сомневался, что это истинная правда. Он глубоко дышал, усилием воли сдерживая рвоту, радуясь, что на этот раз его не видят Дин и Шеймас.

– Гермиона велела пойти проверить, как ты, – тихо сказал Рон, помогая Гарри подняться. – Она говорит, что сейчас, после того как Злей влезал в твоё сознание, у тебя ослабла защита… Но все-таки в конечном итоге это ведь поможет, да?

Рон, укладывая Гарри в постель, смотрел на него с сомнением. Гарри без убеждения кивнул и повалился на подушки. За сегодняшний день он падал столько раз, что ломило все тело, а шрам дергало не переставая. Поневоле приходилось сделать вывод, что первое занятие окклуменцией не укрепило, а ослабило сопротивляемость сознания. Гарри лежал и в страхе гадал, что могло столь безмерно осчастливить Вольдеморта – так сильно тот не ликовал целых четырнадцать лет.

Глава двадцать пятая

Жук, зажатый в угол

Ответ на свой вопрос Гарри получил утром, как только Гермионе принесли свежий номер «Оракула». Развернув газету, она некоторое время застывшим взглядом смотрела на первую полосу, а потом вскрикнула, да так, что поблизости все испуганно обернулись.

— Что? — хором спросили Гарри и Рон.

Вместо ответа Гермиона положила газету на стол и ткнула пальцем. С черно-белых фотографий смотрели девять колдунов и одна ведьма. Одни молча ухмылялись, другие вызывающе барабанили пальцами по рамкам. Каждое фото сопровождалось подписью — имя, фамилия и преступление, послужившее причиной заключения в Азкабан.

«Антонин Долохов, — с фотографии нагло пялился человек с длинным бледным лицом и кривой усмешкой, — осужден за зверское убийство Гидеона и Фабиана Пруиттов».

«Огастэс Гадвуд, — рябой мужчина с сальными волосами со скучой во взоре привалился к рамке своей фотографии, — осужден за передачу Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут секретной информации из министерства магии».

Но взгляд Гарри поневоле привлекла фотография внизу страницы. Эту женщину с черными, длинными, свалявшимися волосами он видел и в другом обличье — эффектной, с гладкой блестящей прической. Она пристально смотрела на Гарри из-под тяжелых век, и на тонких губах играла надменная, презрительная улыбка. Как и Сириус, она сохранила следы прежней привлекательности, но все же — видимо, из-за Азкабана — красота ее была утрачена безвозвратно.

«Беллатрикс Лестранж, осуждена за применение пыток к Фрэнку и Алисе Лонгботтом, что привело к необратимой потере ими дееспособности».

Гермиона ткнула Гарри в бок и показала на заголовок, который Гарри, чье внимание полностью поглотила Беллатрикс, прочитать не успел.

МАССОВЫЙ ПОБЕГ ИЗ АЗКАБАНА

Блэк – идейный вдохновитель и лидер старой гвардии?

– Блэк?! – громко воскликнул Гарри. – Не?..

– *Тише!* – испуганно шикнула Гермиона. – Не кричи – читай про себя!

Вчера поздно вечером министерство магии объявило, что из Азкабана совершен массовый побег.

Министр магии Корнелиус Фудж принял репортеров в личном кабинете, где и подтвердил, что несколькими часами ранее из тюремного блока строгого режима бежали десять заключенных. Фудж сообщил также, что уже уведомил премьер-министра муглов о том, насколько опасны данные преступники.

«К несчастью, мы с вами вновь оказались в той же ситуации, что и два с половиной года назад, после побега маньяка-убийцы Сириуса Блэка, – сказал Фудж. – И нам кажется, что оба происшествия связаны между собой. Столь массовый побег невозможен без пособничества извне, и, по-видимому, помощь была оказана не кем иным, как Блэком, первым заключенным, которому удалось бежать из Азкабана. Мы считаем, что Блэк выступил идейным вдохновителем и лидером беглецов, в числе которых находится и его двоюродная сестра Беллатрикс Лестранж. Со своей стороны мы делаем все возможное, чтобы выследить и поймать мерзавцев, и убедительно просим колдовскую общественность проявлять бдительность и ни при каких обстоятельствах не вступать в контакт с вышеозначенными преступниками».

– Вот тебе и пожалуйста, Гарри, – в ужасе прошептал Рон. – Потому-то вчера вечером он и был счастлив.

– Вот что это, а? – злобно выпалил Гарри. – Фудж хочет повесить побег на Сириуса?

– А что ему остается? – с горечью бросила Гермиона. – Не может же он сказать: «Господа, вы будете смеяться, но случилось то, о чем предупреждал Думблдор: азкабанские стражники перешли на сторону лорда Вольдеморта...» – хватит ойкать, Рон! – «...и самые верные его приспешники бежали». Что же он, зря целых полгода всех убеждал, что вы с Думблдором – закоренелые вруны?

Гермиона рывком раскрыла газету и стала читать статью на следующей полосе. Гарри бесцельно водил глазами по Большому залу. Он не мог понять, почему никто не мечется в испуге, не обсуждает страшную новость. Впрочем, кроме Гермионы газету выписывают очень немногие; никто пока не знает, что воинство Вольдеморта пополнилось десятью сторонниками, поэтому, естественно, болтают себе о домашних заданиях, о квидише, о всякой ерунде.

Гарри поглядел на учительский стол. Там дело обстояло иначе. Думбльдор и профессор Макгонаголл с траурными лицами очень серьезно что-то обсуждали; профессор Спарж читала, прислонив «Оракул» к бутылке с кетчупом, и не замечала, что с ложки, так и не донесенной до рта, прямо ей на колени капает желток. Профессор Кхембридж сидела в дальнем конце стола, уткнувшись в миску с овсяной кашей, и – редкий случай – не шныряла глазами по залу. Сегодня хулиганы ее не интересовали. Она мрачно глотала еду и поминутно бросала злобные взгляды на Думбльдора и Макгонаголл, с головой ушедших в напряженную беседу.

– Ой нет... – не отрываясь от газеты, вдруг сказала Гермиона.
– Что еще? – вздрогнул Гарри. Он очень нервничал.
– Это... просто ужасно, – пролепетала она. Затем открыла десятую полосу, перегнула газету и протянула Гарри и Рону.

ТРАГИЧЕСКАЯ КОНЧИНА СЛУЖАЩЕГО МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

Больница им. св. Лоскута обещает провести всестороннее расследование кончины работника министерства магии Бродерика Дода, 49 лет, вчера вечером обнаруженного мертвым в своей постели. Бродерик Дод был задушен комнатным растением. Знахарям, вызванным на место происшествия, не удалось вернуть к жизни мистера Дода, оказавшегося в больнице в результате производственной травмы.

Знахарь Мириам Страут, в момент происшествия дежурившая в отделении, где лечился мистер Дод, была отстранена от работы с сохранением заработной платы. Наш корреспондент не смог встретиться со знахарем Страут, однако штатный колдун по связям с прессой в своем заявлении сказал:

«Администрация больницы св. Лоскута глубоко сожалеет о кончине мистера Дода, тем более что в последнее время больной неуклонно шел на поправку.

У нас имеются четкие инструкции относительно украшений и подарков, разрешенных к приему в отделение, однако знахарь Страут, очевидно, вследствие чрезвычайной загруженности в предрождественский период, недооценила потенциальную опасность, которую представляло собой комнатное растение, поставленное ею на прикроватную тумбочку мистера Дода. Так как речь и мускульная подвижность больного начали восстанавливаться, знахарь Страут поощряла попытки мистера Дода ухаживать за упомянутым растением, не зная, что это не безопасная взмаха ония, а отводок Силков Дьявола, каковые и удушили выздоравливающего мистера Дода, стоило ему их тронуть.

Администрации больницы пока неизвестно, как злополучное растение оказалось в отделении, и она просит всех, кто обладает какими-либо сведениями, с нею связаться».

— Дод... — проговорил Рон. — Дод. Что-то такое было...

— Мы его видели, — прошептала Гермиона. — Помните, в палате? Он лежал напротив Чаруальда — лежал и смотрел в потолок. И Силки Дьявола принесли при нас. Помните? Знахарка сказала, что это рождественский подарок.

Гарри постарался припомнить. В горле желчью заклокотал ужас.

— Как же мы не распознали Силки Дьявола? Мы ведь их раньше видели... могли бы предотвратить!

— Да кому придет в голову, что в больницу пришлют Силки Дьявола в горшочке? — резко возразил Рон. — *Мы* не виноваты, виноват урод, который их прислал! Вот дебил, неужели трудно проверить, что покупаешь?

— Брось, Рон! — дрожащим голосом воскликнула Гермиона. — Тот, кто пересаживал Силки Дьявола в горшок, не мог не знать, что они душат всякого, кто к ним прикасается. Это... убийство, к тому же тщательно спланированное... прислали-то анонимно, теперь не узнаешь, кто это сделал.

Но Гарри думал не о Силках Дьявола. Он вспоминал, как в день дисциплинарного слушания ехал в лифте, а из атриума вошел человек с землистым лицом.

— Я встречал Дода, — медленно выговорил он. — В министерстве. Вместе с твоим папой.

У Рона отвисла челюсть.

— Да, я помню, папа о нем говорил! Он был неописуемый — работал в департаменте тайн!

Ребята молча посмотрели друг на друга. Гермиона потянула к себе газету, сложила, долгим взглядом пронзила фотографии десяти беглецов, а затем выскочила из-за стола.

— Ты куда? — от неожиданности вздрогнув, спросил Рон.

— Отправить письмо, — ответила Гермиона, закидывая рюкзак на плечо. — Да… впрочем, я не знаю… но попытаться стоит… я одна сумею.

Рон и Гарри тоже встали и намного медленнее направились к выходу из Большого зала.

— Терпеть не могу, когда она так делает, — ворчал Рон. — Трудно, что ли, нормально объяснить? Жалко потратить лишние десять секунд?.. Привет, Огрид!

Огрид, по-прежнему весь в синяках и со свежей царапиной на переносице, стоял у двери и ждал, пока пройдет толпа вранзорцев.

— Как делишки? — Огрид попытался улыбнуться (вышла гримаса) и похромал за вранзорцами.

— Что это с тобой? — спросил Гарри, шагая следом.

— Ничего, ничего, — с деланой беззаботностью отозвался Огрид и махнул рукой, отчего перепуганная профессор Вектор чуть не схлопотала сотрясение мозга. — Сами знаете, делов невпроворот — уроки вот надо готовить… у саламандр чешуйчатая гниль… а еще… я на испытательном сроке, — невнятной скороговоркой закончил он.

— *На испытательном сроке?*! — очень громко переспросил Рон, и вокруг многие с любопытством обернулись. — Ой… прости… я хотел сказать… тебе дали испытательный срок? — шепотом повторил Рон.

— Ага, — кивнул Огрид. — По правде, я другого-то и не ждал. Вы, может, не поняли, только инспекция прошла неважнецки… Ну да что уж теперь, — глубоко вздохнул он. — Пойду… Надо еще разик натереть саламандр порошком чили, а то как бы они у меня хвосты не пооткидывали… Ну, Гарри… Рон… Пока.

Огрид добрел до парадной двери и вышел наружу, где сегодня было очень сыро. Гарри смотрел ему вслед в горестном недоумении —

сколько еще ударов судьбы предстоит пережить?

За пару дней новость об испытательном сроке облетела всю школу и, к негодованию Гарри, никого особо не возмутила; некоторые, наоборот, ликовали – и Драко Малfoy больше всех. Что же до загадочной кончины рядового сотрудника департамента тайн, то она,казалось, волновала лишь Гарри, Рона и Гермиону. В школьных коридорах обсуждали одно – побег из Азкабана, о котором наконец-то стало известно от немногочисленных подписчиков «Оракула». Ходили слухи, что беглецов видели в Хогсмеде, в Шумном Шалмане; что они, как и Сириус Блэк, намерены пробраться в «Хогварц».

Ребята из колдовских семей с детства привыкли бояться этих людей: их имена вызывали почти такой же трепет, как и имя Вольдеморта; об их преступлениях в дни его расцвета ходили легенды. Некоторые школьники были в родстве с жертвами Упивающихся Смертью и, сами того не желая, внезапно и как-то нехорошо прославились. Например, у Сьюзен Боунс дядя, тетя, а также двоюродные братья и сестры погибли от рук одного из беглецов, и однажды на гербологии бедная Сьюзен печально сказала, что теперь хорошо понимает, каково это – быть Гарри.

– Не знаю, как у тебя хватает сил выносить этот ужас, – без обиняков заявила она и гневно шмякнула на поднос с саженцами крикапканции чересчур много навоза. Саженцы возмутились, задергались и запищали.

Действительно, на Гарри опять показывали пальцами; перешептывались, едва завидев его в коридорах. В то же время у пересудов изменилась интонация, в них звучало скорее любопытство, чем враждебность, а пару раз Гарри подслушал обрывки разговоров, из которых понял, что не всех устраивают объяснения «Оракула» касательно побега из Азкабана. Движимые страхом и замешательством, сомневающиеся, похоже, готовы были рассмотреть единственную альтернативную версию – ту, о которой Гарри и Думблдор твердили с прошлого года.

Но потряхивало не только учеников; учителя тоже частенько собирались в коридорах по двое или трое и что-то приглушенно, тревожно обсуждали, а едва завидев кого-нибудь из школьников, умолкали сию же секунду.

— Понятно, теперь в учительской нормально не поговоришь, — шепнула Гермиона, когда они с Гарри и Роном прошли мимо Макгонаголл, Флитвика и Спарж, тесной кучкой сбившихся у класса заклинаний. — Там Кхембридж.

— Как думаете, они выяснили что-нибудь новое? — спросил Рон, оглядываясь на учителей.

— Если и да, мы об этом ничего не знаем, — недовольно бросил Гарри. — После декрета... на каком там номере мы остановились?

Ибо наутро после побега на досках объявлений появился новый декрет:

УКАЗОМ ГЛАВНОГО ИНСПЕКТОРА «ХОГВАРЦА»

Преподавательскому составу школы запрещается предоставлять учащимся какую-либо информацию, не имеющую прямого отношения к преподаваемым предметам.

Данный указ выпущен на основании декрета об образовании № 26

Подпись:

Долорес Джейн Амбридж

Главный инспектор «Хогварца»

Указ стал поводом для множества шуток. Так, Ли Джордан сказал Кхембридж, что она, согласно своему же декрету, не должна отчитывать Фреда и Джорджа за игру в карты-хлопушки на защите от сил зла.

— Карты-хлопушки не имеют отношения к защите от сил зла, профессор! К вашему предмету!

Когда Гарри в следующий раз встретил Ли, у того сильно кровоточила тыльная сторона ладони. Гарри порекомендовал маринад горегубки.

Гарри казалось, что дерзкий побег из Азкабана сбьет с Кхембридж спесь — должно же ей быть стыдно, что под самым носом у ее обожаемого Фуджа произошла катастрофа. Но Кхембридж лишь сильнее закрутила гайки, стремясь взять под контроль буквально все в «Хогварце», и, похоже, твердо решила в самое ближайшее время хоть кого-нибудь уволить. Непонятно было только, кого же — Трелони или Огрида.

Уроки прорицания и ухода за магическими существами проходили теперь исключительно в присутствии главного инспектора и ее любимого пергамента. Кхембридж стояла у камина в душном от благовоний классе прорицания, прерывала объяснения профессора Трелони (которая почти постоянно находилась на грани истерики); задавала немыслимые вопросы по орнитомантике и септологии; настаивала, чтобы Трелони заранее предсказывала ответы учеников; требовала продемонстрировать умение гадать на хрустальном шаре, чайной гуще и рунах. Гарри опасался, что профессор Трелони сломается под давлением. Он несколько раз встречал ее в коридорах – само по себе странно, прорицательница почти никогда не покидала свою башню; Трелони, возбужденно бормоча, заламывала руки и испуганно озиралась, при этом от нее несло кулинарным хересом. Бедняжку можно было только пожалеть, и Гарри непременно бы это сделал, не беспокойся он так сильно об Огриде. Раз уж одному из них суждено потерять работу, Гарри свой выбор сделал.

Увы, Огридправлялся ничуть не лучше Трелони. Он внял советам Гермионы – после Рождества самым страшным существом из всех, что он приводил на урок, был хруп, неотличимый от джек-рассел-терьера, только с раздвоенным хвостом, – но куража явно лишился. На занятиях он отвлекался, дергался, терял нить, неверно отвечал на вопросы и все время опасливо косился на Кхембридж. С Гарри, Роном и Гермионой он держался отчужденно и решительно запретил им приходить в хижину после темноты.

– Ежели она вас поймаёт, нам всем головы не сносить, – твердо заявил он, и ребятам, которым не хотелось, чтобы Огрид потерял работу, пришлось рас прощаться еще с одним удовольствием.

Казалось, Кхембридж задалась целью лишить Гарри всех радостей: визитов к Огриду, писем Сириуса, «Всполоха», квидиша. И он мстил ей единственным способом – отдавая все силы Д. А.

После побега Упивающихся Смертью все его ученики, даже Захария Смит, стали заниматься усерднее прежнего, что нескажанно радовало Гарри. Особенно заметных успехов достиг Невилл. Известие о том, что преступники, замучившие его родителей, находятся на свободе, произвело в нем странную, жутковатую даже перемену. Он ни разу не заговаривал с Гарри, Роном и Гермионой о встрече в больнице, и они, подстроившись, тоже молчали. Ни слова не было сказано и о

побеге Беллатрикс Лестранж и ее сообщников. Собственно, на собраниях Д. А. Невилл теперь вообще толком не открывал рта, но без устали тренировался, овладевая каждым новым контрзаклятием или порчей. Сосредоточенно хмуря пухлое лицо и не замечая ни боли, ни неудач, он трудился старательнее всех и добился такого прогресса, что это просто пугало. Когда Гарри стал учить группу заградительному заклятию, которое отражает несильное колдовство так, что оно бumerангом возвращается к нападающему, одна Гермиона сумела овладеть им раньше Невилла.

Гарри многое бы отдал за подобные успехи в окклуменции. Занятия со Злеем, начавшись не самым удачным образом, точно так же и продолжались. Более того: Гарри казалось, что с каждым уроком становится хуже.

Раньше шрам саднил нечасто, обычно по ночам, иногда – от случайно пойманых мыслей или настроений Вольдеморта. Теперь лоб болел почти не переставая, и в Гарри часто вспыхивали злость или веселье, которые не имели ничего общего с его собственным настроением, зато всегда сопровождались особо резкой болью. У него создавалось кошмарное впечатление, будто он превращается в antennу, улавливающую малейшие колебания Вольдеморта настроения, и столь необыкновенная чувствительность появилась после первого же урока окклуменции. Хуже того, сны о коридоре и двери он теперь видел каждую ночь, и они неизменно заканчивались тем, что он стоял перед черной дверью, страстно мечтая проникнуть в департамент тайн.

– Может, это как болезнь, – озабоченно предположила Гермиона, когда Гарри пожаловался ей и Рону. – Горячка, например. Перед улучшением обязательно бывает ухудшение.

– От занятий со Злеем становится хуже, – твердо сказал Гарри. – Шрам болит – нет сил, и вообще, меня достало разгуливать по этому коридору. – Он сердито потер лоб. – Хоть бы дверь наконец открылась, обрыдло уже – стоишь и пляшишься на нее как дурак...

– Не смешно, – строго оборвала Гермиона. – Думбльдор считает, что ты не должен видеть сны про коридор, иначе он не попросил бы Злея учить тебя окклуменции. Надо постараться...

– Я стараюсь! – раздраженно закричал Гарри. – Сама бы попробовала! Представь, что Злей лезет тебе в голову – каково?

– Может... – задумчиво проговорил Рон.

– Может, что? – довольно резко спросила Гермиона.

– Может, Гарри не виноват, что у него не получается блокировать сознание, – мрачно закончил Рон.

– Что ты хочешь сказать? – не поняла Гермиона.

– А то! Вдруг Злей на самом деле вовсе не помогает Гарри…

Гарри и Гермиона взорвались на Рона. Тот ответил тяжелым многозначительным взглядом и очень тихо продолжил:

– Что, если он, наоборот, хочет пошире приоткрыть ему сознание… чтобы Сами-Знаете-Кому было легче…

– Замолчи, Рон, – гневно перебила Гермиона. – Ох уж эти твои подозрения! Они ведь *ни разу* не оправдались! Думбльдор Злею доверяет, Злей работает в Ордене – чего еще нужно?

– Он был Упивающимся Смертью, – упрямо сказал Рон. – И у нас нет ни одного *реального* доказательства, что он теперь за нас.

– Думбльдор ему доверяет, – повторила Гермиона. – А если не верить Думбльдору – значит, верить совсем некому.

Тревоги не отпускали, дел навалилась целая куча – домашние задания, над которыми нередко приходилось засиживаться далеко за полночь, тайные встречи Д. А., занятия со Злеем, – и январь пролетел пугающе незаметно. Не успел Гарри оглянуться, как настал февраль, сырой, но уже не такой холодный. Надвигался второй поход в Хогсмед. Гарри, с тех пор как они с Чо договорились пойти туда вместе, толком с ней не разговаривал – и вдруг выяснилось, что День святого Валентина уже настал и его предстоит целиком провести в ее обществе.

Утром четырнадцатого числа Гарри оделся с особенной тщательностью. Они с Роном пришли на завтрак к утренней почте. Хедвиги не было, да Гарри ее и не ждал. Зато Гермиона как раз отнимала письмо у незнакомой неясыти.

– Наконец-то! Если бы не пришло сегодня… – Гермиона нетерпеливо разорвала конверт, достала листочек пергамента и быстро пробежала его глазами; губы ее растянула улыбка угрюмого удовлетворения. – Гарри, – сказала она, – это очень важно. Можешь около полудня прийти в «Три метлы»?

– Ну… не знаю, – неуверенно протянул Гарри. – Чо, наверно, рассчитывает, что я весь день буду с ней. Мы не обсуждали, что станем делать, но…

– Значит, приводи ее с собой, – не отступала Гермиона. – Придешь?

– Ну... ладно. А зачем?

– Сейчас некогда объяснять, надо срочно написать ответ.

И Гермиона убежала из Большого зала с письмом в одной руке и гренком в другой.

– А ты придешь? – спросил Гарри у Рона.

Тот мрачно покачал головой:

– Я вообще в Хогсмед не пойду. Ангелина хочет, чтобы мы весь день тренировались. Как будто это поможет! Мы – худшая команда в мире. Видел бы ты Слопера и Кёрка – сплошные слезы, даже хуже, чем я. – Рон тяжело вздохнул. – Не знаю, почему Ангелина не дает мне уйти.

– Потому что ты, когда в форме, играешь очень даже хорошо, – с раздражением бросил Гарри.

Сочувствовать Рону было трудно – сам Гарри отдал бы что угодно за возможность участвовать в матче против «Хуффльпuffа». Рон по тону Гарри, похоже, догадался и до конца завтрака о квидише не говорил. Попрощались они прохладно; Рон отправился на стадион, а Гарри, глядясь в чайную ложку, кое-как пригладил волосы и вышел в вестибюль, чтобы там встретиться с Чо. Он не знал, о чем с ней говорить, и вообще ужасно нервничал.

Она стояла чуть в стороне от парадных дверей, очень красивая – волосы она завязала в хвост. Гарри пошел к ней, с ужасом ощущая, какие огромные у него ноги, а уж руки... почему он раньше не замечал, до чего они дурацкие и как глупо болтаются при ходьбе?

– Привет, – сказала Чо.

– Привет, – ответил Гарри.

Они молча посмотрели друг на друга, а потом Гарри произнес:

– Ну что... пошли?

– А... да...

Они встали в очередь к Филчу, который по списку проверял уходивших. Оба переглядывались, смущенно улыбались друг другу, но молчали. Потом наконец оказались на улице, и Гарри обрадовался: молча идти рядом все-таки проще, чем просто стоять с глупым видом. Было свежо и немного ветreno. Проходя мимо стадиона, Гарри заметил, как над трибунами проносятся Рон и Джинни, и у него защемило сердце – как жаль, что он не с ними!

– Скучаешь без квидиша, да? – спросила Чо.

Он повернулся к ней и понял, что она внимательно за ним наблюдает.

– Да, – вздохнул Гарри, – очень.

– Помнишь, как мы первый раз играли друг против друга, в третьем классе? – спросила Чо.

– Конечно, – усмехнулся Гарри. – Ты все время меня блокировала.

– А Древ сказал: «Не время строить из себя джентльмена, скинь ее с метлы, если надо», – ностальгически улыбнулась Чо. – Я слышала, его взяли в «Младость Мимолеттона»?

– Нет, в «Малолетston Юнайтед»; в прошлом году я видел его на кубке мира.

– Ой, мы же с тобой там встречались, помнишь? Мы жили в одном лагере. Здорово было, да?

Бесед о мировом чемпионате хватило до ворот и еще чуть-чуть. Гарри поражался, до чего легко разговаривать с Чо, – не труднее, чем с Роном или Гермионой. Но не успел он расслабиться и повеселеть, как мимо прошла стайка девиц из «Слизерина», в том числе Панси Паркинсон.

– Поттер и Чан! – скрипуче взвизгнула Панси, и ее слова потонули во взрыве презрительного хохота. – Ну и вкус у тебя, Чан! Диггори по крайней мере был красавчик!

Девицы быстро ушли вперед, вопя, хохоча и демонстративно оборачиваясь на Гарри и Чо. Те смущенно молчали. Гарри не знал, что еще сказать про квидиш, а покрасневшая Чо сосредоточенно смотрела себе под ноги.

– Ну… куда пойдем? – спросил Гарри, когда они вошли в Хогсмед. На Высокой улице было полно школьников: они лениво гуляли, глазели на витрины, группками стояли на тротуаре, оживленно болтали.

– Ой… мне все равно, – пожала плечами она. – Может… походим по магазинам?

Они медленно направились к «Дервишу и Гашишу». В витрине висело большое объявление; возле него стояли несколько деревенских жителей. Когда подошли Гарри с Чо, люди чуть отодвинулись, и Гарри опять увидел фотографии десяти беглецов. В объявлении, «по приказу министерства магии», предлагалось вознаграждение в тысячу

галлеонов за любую информацию, которая поможет поймать преступников.

– Странно, – тихо сказала Чо, глядя на Упивающихся Смертью, – помнишь, когда бежал Сириус Блэк, повсюду было полно дементоров? Сейчас бежали десять человек – а дементоров нет...

– Да, – ответил Гарри, оторвал взгляд от Беллатрикс Лестранж и из конца в конец осмотрел Высокую улицу. – И правда странно.

Он ничуть не жалел об отсутствии дементоров, но, если подумать, оно говорило само за себя. Дементоры не только позволили приспешникам Вольдеморта сбежать, но даже не пытаются их разыскивать... Видно, они и впрямь больше не подчиняются министерству.

Десять беглецов смотрели на Гарри и Чо со всех витрин. Когда они проходили мимо магазина Шкрябеншюка, пошел дождь; холодные тяжелые капли били Гарри по лицу и падали за воротник.

– А не хочешь... выпить кофе? – потупив глаза, спросила Чо. Дождь усилился.

– Давай, – Гарри завертел головой. – А где?

– Там, дальше, есть замечательное место! Был когда-нибудь у мадам Пуднафут? – оживленно спросила Чо и повела Гарри в переулок к маленькому кафе, которого он никогда раньше не замечал. В тесном зальчике было очень жарко и абсолютно все украшено кружевами и бантиками. Гарри вспомнил кабинет Кхембридж, и ему стало неприятно.

– Миленько, правда? – с воодушевлением сказала Чо.

– Э-э... да, – неискренне согласился Гарри.

– Смотри, как она все украсила к Валентинову дню! – Чо показала на стайки золотых херувимчиков, которые порхали над круглыми столиками и время от времени осыпали посетителей розовым конфетти.

– Да-а...

Они заняли последний свободный столик у запотевшего окна. В полутора футах от них, держась за руки, сидели Роджер Дэйвис, квидишиный капитан «Вранзора», и хорошенькая блондинка. При виде их Гарри сделалось не по себе, а потом, когда он обвел кафе взглядом и понял, что за столиками – одни парочки и все, решительно все,

держатся за руки, ему стало и вовсе нехорошо. Наверно, Чо ждет, чтобы он тоже взял ее за руку?

– Что вам принести, мои дорогие? – Мадам Пуднафут, очень полная женщина с блестящими черными волосами, собранными в пучок, с превеликим трудом втиснулась между их столиком и столиком Роджера Дэйвиса.

– Два кофе, пожалуйста, – заказала Чо.

Когда они дождались кофе, Роджер Дэйвис и его подруга, склонившись друг к другу над сахарницей, уже начали целоваться. Гарри ужасно страдал; Дэйвис словно задавал некий стандарт поведения – Чо, вероятно, скоро захочет, чтобы он, Гарри, соответствовал. Гарри бросило в жар; он отвел глаза к окну, но оно запотело, и за ним ничего не было видно. Оттягивая момент, когда придется снова посмотреть на Чо, Гарри поднял глаза к потолку, будто проверяя, хорошо ли тот покрашен, и получил по физиономии розовым конфетти.

После нескольких минут тягостного молчания Чо заговорила о Кхембридж. Гарри вздохнул с облегчением, и они некоторое время дружно поносили главного инспектора, но, поскольку Кхембридж была предметом бесконечных обсуждений на встречах Д. А., тема быстро исчерпалась. Воцарилась тишина. Гарри отчетливо различал хлюпанье за соседним столиком и лихорадочно придумывал, о чем бы еще поговорить.

– Слушай... а ты не хочешь к обеду подойти в «Три метлы»? Я там встречаюсь с Гермионой Грейндженер.

Чо подняла брови:

– С Гермионой Грейндженер? Сегодня?

– Да. Понимаешь, она попросила... Вот я и думаю, надо бы. Пойдешь со мной? Она сказала, если ты тоже придешь, не страшно.

– О!.. Как мило с ее стороны.

Но по тону Чо было ясно – она вовсе не считает, что это мило; напротив, от ее слов сквозило холодком, а лицо посуворело.

Еще некоторое время прошло в гробовом молчании. Кофе исчезал с неимоверной быстротой – скоро Гарри понадобится вторая чашка. Роджер Дэйвис с девицей, видимо, навсегда приклеились друг к другу губами.

Рука Чо лежала на столе у чашки, и Гарри все яснее чувствовал, что ему просто необходимо до нее дотронуться. *Возьми, и все*, — твердил он себе. В груди фонтаном били эмоции — и жуть, и восторг, и трепет. *Протяни руку и хватай!* Поразительно: заставить себя дотянуться до неподвижно лежащей ладони — всего каких-то двенадцать дюймов — труднее, чем схватить несущегося на бешеноей скорости Проныру...

Но, стоило Гарри двинуть рукой, Чо убрала ладонь со стола. И с легким интересом стала наблюдать за Дэйвисом и его подругой.

— А знаешь, он звал меня на свидание, — еле слышно сказала Чо. — Пару недель назад. Роджер. Я отказалась.

Гарри — чтобы как-то объяснить резкое движение рукой, ему пришлось схватить сахарницу — удивился: для чего она это рассказывает? Если ей жаль, что не она взасос целуется с Дэйвисом, зачем было идти на свидание с ним?

Он промолчал. Херувимчик швырнул в них еще одну горсть конфетти. Несколько кружочков упали в остывшую кофейную бурду, которую Гарри как раз собрался допить.

— В прошлом году мы были здесь с Седриком, — прошептала Чо.

Когда смысл ее слов дошел до Гарри, его сердце сковало льдом. Да как она может говорить о Седрике здесь, где целуются парочки и летают херувимчики?

Чо заговорила снова, пронзительнее:

— Я давно хотела спросить... Седрик... говорил что-нибудь... обо м-мне... перед смертью?

О чем о чем, а об этом Гарри разговаривать не хотелось вовсе — тем более с Чо.

— В общем... нет, — скованно ответил он. — Понимаешь... он и не успел бы. Эмм... так ты... так ты... на каникулах часто ходила на квидиши? Ты ведь болеешь за «Торнадо», да?

Голос его прозвучал неестественно бодро. К своему ужасу, он увидел, что глаза Чо полны слез, совсем как тогда, под омелой.

— Слушай, — в отчаянии сказал он, наклоняясь к Чо очень близко, чтобы его больше никто не услышал, — давай сейчас не будем о Седрике... давай лучше о чем-нибудь другом...

Кажется, именно этого говорить не стоило.

— Я думала, — пролепетала Чо, и на стол брызнули слезы, — думала, что *ты*... должен меня по... понять! Мне *нужно* об этом говорить! И тебе, конечно, то... тоже! Ты же это ви... видел!

Проклятье, да что же это такое! Роджер Дэйвис даже отклеился от девицы, чтобы посмотреть на рыдающую Чо.

— Я... уже говорил, — прошептал Гарри, — с Роном и Гермионой, но...

— Ах, с Гермионой! — взвизгнула Чо. Ее лицо блестело от слез. Еще несколько пар перестали целоваться и повернули к ним головы. — А со мной, значит, нельзя! Может, мы лучше... мы лучше... мы... расплатимся, и ты пойдешь к Гермионе Гре... Грейндже! Тебе же только этого и хочется!

Гарри смотрел на нее в полнейшем потрясении. Она схватила со стола кружевную салфетку и стала вытираять мокрое лицо.

— Чо? — пролепетал Гарри, страстно желая, чтобы Роджер Дэйвис вспомнил про свою девицу и перестал таращиться.

— Давай, давай, иди! — Чо разрыдалась в салфетку. — Я вообще не понимаю, зачем ты меня приглашал! Чтобы после меня встречаться с другими?.. Сколько у тебя свиданий на сегодня, после Гермионы?

— Да все совсем не так! — воскликнул Гарри. Догадавшись наконец, почему она сердится, он почувствовал такое облегчение, что даже рассмеялся — а это, как стало понятно секунду спустя, тоже было ошибкой.

Чо выскочила из-за стола. Все кафе, замерев, жадно наблюдало за бурной сценой.

— До свидания, Гарри! — трагически вскричала Чо, всхлипнула, бросилась к двери, распахнула ее и выбежала под дождь.

— Чо! — крикнул Гарри, но за ней уже с мелодичным звоном закрылась дверь.

Воцарилась полнейшая тишина. Все взгляды были устремлены на Гарри. Он бросил на столик галлеон, стряхнул с головы розовое конфетти и вслед за Чо выбежал на улицу.

Там хлестал ливень. Чо нигде не было. Гарри не мог взять в толк, почему все так обернулось, — ведь полчаса назад они отлично ладили.

— Женщины! — в сердцах бросил он и, сунув руки в карманы, зашлепал по мокрой дороге. — И чего, спрашивается, ей понадобилось

говорить о Седрике? Зачем она постоянно вспоминает такое, от чего превращается в живой поливальный шланг?

Он повернулся направо и побежал, взметая фонтаны брызг, а через пару минут уже вошел в «Три метлы». До встречи с Гермионой было далеко, но он подумал, что в баре наверняка найдется, с кем провести время. Убрав с глаз мокрые волосы, Гарри огляделся и заметил в углу мрачного Огрида.

— Эй, привет! — поздоровался он, протиснувшись между забитыми до отказа столиками, и придинул стул.

Огрид вздрогнул и поглядел сверху вниз, будто не узнавая.

— А, это ты, — протянул он затем. На лице красовались два свежих пореза и несколько новых синяков. — Как делишки?

— Нормально, — соврал Гарри; впрочем, по сравнению с израненным и глубоко несчастным Огридом ему действительно было не на что жаловаться. — А ты как?

— Я? — переспросил Огрид. — Шикарно, Гарри, прям-таки обалдеть.

Он заглянул в оловянную кружку размером с ведро и тяжко вздохнул. Гарри не знал, что сказать; они помолчали. Затем Огрид отрывисто произнес:

— Ну чего, снова мы в одной лодке, да, Гарри?

— Ммм... — неопределенно промычал Гарри.

— Да... я всегда говорю... изгои мы с тобой, оба два, — мудро закивал Огрид. — Оба сироты. Да... оба сироты.

И он основательно отхлебнул из кружки.

— Приличная семья — большое дело, — продолжал он. — Папаша у меня был приличный. И у тебя мама-папа приличные. Не помри они, жизнь пошла бы по-другому, да?

— Да... наверно, — осторожно согласился Гарри. Огрид был как-то странный.

— Семья, — хмуро пробурчал Огрид. — Что ни говори, кровь — это важно... — И стер струйку этой самой крови с глаза.

— Огрид, — не удержавшись, спросил Гарри, — откуда у тебя эти раны?

— А? — перепугался Огрид. — Какие раны?

— Да вот эти! — Гарри показал на его лицо.

— А!.. Это, Гарри, обычные синяки да шишки, — наставительно сказал Огрид, — работа у меня такая. — Он осушил кружку и поднялся

из-за стола. – Ну, пока, Гарри… не болей.

Огрид грустно похромал к двери и вышел под проливной дождь. Гарри понуро смотрел ему вслед. Огриду плохо, он что-то скрывает, но почему-то отказывается от помощи. В чем дело? Гарри не успел как следует об этом подумать, потому что услышал крик:

– Гарри! Гарри! Сюда!

Через весь зал ему махала Гермиона. Он встал, начал продираться сквозь толпу и, еще не дойдя, увидел, что Гермиона не одна и заседает с двумя самыми невообразимыми компаньонками: Луной Лавгуд и Ритой Вритер, бывшей журналисткой «Оракула», личностью, которую Гермиона откровенно ненавидела.

– Ты так рано! – Гермиона подвинулась, освобождая место. – Я думала, ты с Чо и придешь не раньше чем через час!

– С Чо? – заинтересовалась Рита. Она круто развернулась и с жадным любопытством взиралась на Гарри. – С девочкой?

И запустила руку в сумочку из крокодиловой кожи.

– Хоть с тысячей девочек, вас это не касается, – холодно заявила Гермиона. – Так что уберите.

Рита – она почти уже достала из сумки ядовитозеленое перо – щелкнула замочком с таким видом, будто ее заставили выпить стакан смердосока.

– Что вы затеяли? – спросил Гарри, переводя взгляд от Риты к Луне и Гермионе.

– Перед тем как ты появился, маленькая мисс Совершенство как раз собиралась нас просветить. – Рита отхлебнула из стакана. – Надеюсь, разговаривать с ним можно? – поинтересовалась она у Гермионы.

– Можно, – невозмутимо отозвалась та.

Надо сказать, безработица не пошла Рите на пользу: волосы, некогда уложенные тугими кудрями, висели некрасивыми лохмами; красный лак на двухдюймовых ногтях облупился, с оправы очков осыпалась часть фальшивых бриллиантиков. Рита сделала еще один большой глоток и уголком рта пробормотала:

– Она хорошенькая, Гарри?

– Еще одно слово о личной жизни Гарри, и сделка отменяется! Это я вам обещаю, – раздраженно пригрозила Гермиона.

— Какая еще сделка? — Рита ладонью вытерла губы. — Ты ничего не говорила о сделке, мисс Идеал, ты просто позвала меня сюда, и все. О, когда-нибудь... — Она глубоко, судорожно вздохнула.

— Да-да, когда-нибудь вы напишете кучу гадостей обо мне и Гарри, — равнодушно бросила Гермиона. — Идите поищите, кому это интересно.

— В этом году про него и без меня понаписали кучу гадостей. — Рита поверх стакана скосила глаза на Гарри и хрипло зашептала: — Что ты при этом чувствовал? Что тебя предали? Не поняли? Обидели?

— Он злился, — жестко и четко произнесла Гермиона. — Он сказал министру магии правду, а этому идиоту не хватило мозгов поверить.

— Значит, ты продолжаешь утверждать, что Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут вернулся? — Пронзительные Ритиньи глаза впились в Гарри, а рука, отставив стакан, жадно потянулась к замочку сумки. — Ты подписываешься под этой чепухой, которую городит Думбльдор? Якобы Сами-Знаете-Кто возродился, а ты был единственным свидетелем?

— Не единственным, — огрызнулся Гарри. — Там еще было больше дюжины Упивающихся Смертью. Назвать их имена?

— Ну разумеется, — хищно выдохнула Рита и снова затеребила сумочку. Она смотрела на Гарри так, будто в жизни не видела ничего прекраснее. — Заголовок крупным жирным шрифтом: «Поттер обвиняет...» Подзаголовок: «Упивающиеся Смертью среди нас — Гарри Поттер называет имена». А под большой красивой фотографией — твоей, Гарри, — текст: «Гарри Поттер, неуравновешенный пятнадцатилетний подросток, переживший нападение Сами-Знаете-Кого, вызвал вчера возмущение общественности, обвинив уважаемых членов колдовского сообщества в принадлежности к Упивающимся Смертью...»

В ее руке как-то само собой оказалось принципиарное перо. Рита уже поднесла его ко рту, но тут ее восторг вдруг угас.

— Впрочем, — она опустила перо и испепелила Гермиону взглядом, — юная мисс Совершенство не захочет, чтобы подобная статья появилась в печати?

— На самом деле, — любезно ответила Гермиона, — это именно то, чего *хочет* юная мисс Совершенство.

Рита удивленно воззрилась на Гермиону. И Гарри тоже. А Луна, мечтательно промурлыкав «Уизли – наш король», помешала в коктейле маринованной луковкой на палочке.

– *Хочет?* Чего? Чтобы я написала, что он говорит о Том-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут? – глухо спросила Рита.

– Да, – подтвердила Гермиона. – Все как есть. Без исключения. И в точности так, как говорит Гарри. Он подробно все расскажет, назовет имена Упивающихся Смертью, которых там видел, опишет внешность Вольдеморта… ну что вы, держите себя в руках, – чуть брезгливо прибавила она и через стол швырнула Рите салфетку: услышав имя Вольдеморта, журналистка так вздрогнула, что вылила на себя полстакана огневиски.

Не сводя глаз с Гермионы, Рита промокнула грязный плащ. И ответила прямо:

– В «Оракуле» такой материал не примут. Может, ты не заметила, но его рассказням никто не верит. Его считают психом. Вот если мне будет позволено повернуть историю под таким углом…

– Нам не нужна очередная статья про то, что у Гарри поехала крыша! – возмутилась Гермиона. – Нет уж, спасибо! Я хочу, чтобы у него появилась возможность рассказать правду!

– На правду нет спроса, – отрезала Рита.

– Вы хотите сказать, что «Оракул» этого не напечатает, потому что Фудж не позволит! – раздражилась Гермиона.

Рита посмотрела на нее долгим тяжелым взглядом. Затем, перегнувшись через стол, деловито сказала:

– Ладно, Фудж давит на «Оракул», да, но результат один, как ни поверни. Они не напечатают положительную статью о Гарри. Это никто не станет читать. Это идет вразрез с настроениями общественности. Побег из Азкабана и так всех напугал. Никто не хочет верить, что Сами-Знаете-Кто вернулся.

– Значит, цель существования «Оракула» – рассказывать людям то, что они хотят слышать? – процедила Гермиона.

Рита, подняв брови, выпрямилась и осушила стакан с огневиски.

– Глупая девочка. Цель существования «Оракула» – увеличение объема продаж, – ледяным тоном сообщила она.

– Мой папа считает, что это ужасная газета, – неожиданно вмешалась Луна и, посасывая луковку, вперила в Риту огромные,

выпуклые, слегка безумные глаза. – А он публикует только то, что обязаны знать читатели. И на деньги ему плевать.

Рита окинула Луну презрительным взглядом.

– Полагаю, наш папа издает какую-нибудь идиотскую деревенскую газетенку? – осведомилась она. – «Двадцать пять способов слиться с муглами в экстазе» и даты сельских распродаж?

– Нет, – Луна снова окунула луковку в ледниколу, – папа – редактор «Правдобра».

Рита так громко фыркнула, что на нее стали оборачиваться.

– Стало быть, он публикует лишь то, что обязаны знать читатели? – презрительно повторила она. – Да его издание годится только на то, чтобы сады удобрять.

– Что ж, значит, у вас будет шанс немного поднять планку, – приятным голосом сказала Гермиона. – Луна говорит, что ее папа будет рад получить интервью Гарри. Вот кто его напечатает.

Рита некоторое время молча смотрела на них обеих, а потом разразилась хохотом.

– «Правдобор»! – заливалась она. – Думаете, если его интервью напечатают в «Правдоборе», публика ему поверит?

– Кто-то не поверит, – размеренно произнесла Гермиона. – Но в рассказе о побеге, опубликованном в «Оракуле», есть очевидные нестыковки. Мне кажется, многие уже задумались, нет ли другого объяснения, поэтому, если появится альтернативная версия, пусть даже в... – она покосилась на Луну, – в... скажем так, *необычном* журнале... думаю, многие захотят прочесть.

Рита помолчала, чуть склонив голову набок и внимательно глядя на Гермиону.

– Хорошо, предположим, я напишу статью, – отрывисто сказала она. – Сколько я за это получу?

– Папа обычно не платит авторам, – сонно проговорила Луна. – Они работают с ним потому, что печататься в нашем журнале – большая честь... Ну и конечно, чтобы увидеть в печати свою фамилию.

У Риты опять сделался такой вид, будто она наглоталась смердосока. Она гневно повернулась к Гермионе:

– То есть я что, должна работать *бесплатно*?

— В общем, да, — спокойно отозвалась Гермиона, отпив из своего стакана. — В случае отказа я, как вы понимаете, сообщу властям, что вы — незарегистрированный анимаг. Думаю, «Оракул» неплохо заплатит за репортаж из Азкабана.

Видно было, что Рита готова отдать что угодно за возможность засунуть бумажный зонтик из Гермиониного стакана ей же в нос.

— Очевидно, у меня нет выбора? — чуть дрогнувшим голосом пробормотала журналистка, открыла сумочку, достала пергамент и выжидательно подняла принципиарное перо.

— Папа будет очень рад, — ободрила ее Луна. Рита сжала челюсти.

— Ну что? — Гермиона повернулась к Гарри: — Готов поведать людям правду?

— Да, — ответил Гарри, глядя, как Рита ставит перо на пергамент.

— Тогда валяйте, Рита, — безмятежно улыбнулась Гермиона и выудила вишенку со дна своего стакана.

Глава двадцать шестая

Виденное – непредвиденное

Луна не сказала внятно, когда интервью с Гарри появится в «Правдоборе»; мол, в ближайшем номере папа планировал разместить огромную увлекательную статью – рассказы очевидцев о недавних встречах со складкорогими стеклопами. «А поскольку это очень важный сюжет, Гарри, может, придется подождать до следующего выпуска», – закончила Луна.

Вспоминать о возрождении Вольдеморта было нелегко. Но Рита старалась выудить мельчайшие подробности, и Гарри изо всех сил напрягал память, понимая, что обязан воспользоваться этим шансом, поскольку другого может и не быть. Интересно, как воспримут его историю? Надо полагать, многие лишь уверятся в его невменяемости – не в последнюю очередь потому, что интервью выйдет в журнале, где печатают бредовые рассказы про складкорогих стеклопов. Но после побега Беллатрикс Лестранж и ее соратников Гарри сжигало желание сделать хоть что-нибудь, а уж поможет или нет – увидим…

– Прямо не терпится посмотреть, что скажет Кхембридж! – воскликнул потрясенный Дин за ужином в понедельник.

Шеймас сидел по другую сторону от него и жадно поглощал пирог с курицей и ветчиной, но чувствовалось, что он внимательно прислушивается.

– Ты правильно поступаешь, Гарри, – сказал Невилл, сидевший напротив. Он сильно побледнел, но все-таки очень тихо продолжил: – Тяжело было… наверное… вспоминать?

– Да, – пробормотал Гарри, – но люди должны знать, на что способен Вольдеморт.

– Вот именно, – кивнул Невилл, – и не только Вольдеморт, его приспешники тоже… все должны знать…

Невилл не договорил и стал доедать печеную картошку. Шеймас поднял глаза, но, встретившись взглядом с Гарри, вновь уткнулся в тарелку. Вскоре Дин, Шеймас и Невилл отправились в

гриффиндорскую башню, а Гарри с Гермионой остались за столом ждать Рона, который еще не вернулся с тренировки.

В Большой зал вошли Чо Чан и ее подруга Мариэтта. У Гарри сразу подвело живот, но Чо, даже не обернувшись, уселась к нему спиной. Гермиона, посмотрев на стол «Вранзора», бодро поинтересовалась:

— Кстати, а что у вас произошло? Почему ты пришел со свидания так рано?

— Раз уж ты спрашиваешь... в сущности, — протянул Гарри, придвигая к себе блюдо с рассыпчатым пирогом из ревеня и накладывая добавку, — это было не свидание, а катастрофа.

И рассказал Гермионе о сцене в кафе мадам Пуднафут.

— ...а потом, — закончил он, проглотив последний кусочек пирога, — она вскочила и говорит: «До свидания, Гарри»! И выбежала на улицу! — Гарри отложил ложку и удрученно посмотрел на Гермиону: — Ну вот скажи, что все это значит? А?

Гермиона, поглядев на затылок Чо, вздохнула.

— Ох, Гарри, Гарри, — она грустно покачала головой, — извини, но ты был довольно бес tacten.

— Я бес tacten? — возмутился Гарри. — А она? Все было хорошо, а она вдруг заявляет, что Роджер Дэйвис звал ее на свидание, и давай рассказывать, как ходила в это идиотское кафе обниматься с Седриком!.. А мне каково?

— Понимаешь, — сказала Гермиона с беспредельным терпением человека, который вынужден объяснять чрезмерно возбудимому полуторагодовалому малышу, что один плюс один будет два, — не надо было посреди свидания говорить, что ты хочешь встретиться со мной.

— Но, но, — захлебнулся Гарри, — но... Ты же сама просила, чтобы я пришел в двенадцать и привел ее с собой! Как бы я пошел?

— Надо было по-другому, — все тем же противным снисходительным тоном объяснила Гермиона. — Сказать, например, что это ужасно некстати, но я *вынудила* тебя пообещать, что ты придешь в «Три метлы», а тебе ужасно не хочется и вообще ты рассчитывал провести весь день с ней, но раз уж так вышло, то пожалуйста, пожалуйста, не могла бы она пойти с тобой, потому что, может быть, тогда тебе удастся пораньше от меня отделаться. И еще неплохо было бы сказать, какой уродиной ты меня считаешь, — подумав, добавила Гермиона.

— Но я вовсе не считаю тебя уродиной, — смущаясь Гарри.

Гермиона засмеялась.

— Гарри, ты еще хуже Рона... хотя, пожалуй, все-таки нет, — вздохнула она. В Большой зал как раз ввалился хмурый Рон, весь измазанный грязью. — Понимаешь... Когда ты сказал, что встречаешься со мной, Что расстроилась и решила заставить тебя ревновать. Она хотела понять, сильно ли тебе нравится.

— Так вот оно что... — протянул Гарри. Рон рухнул на скамью напротив и начал подтаскивать к себе все стоявшие поблизости тарелки. — А не проще прямо спросить, кто мне нравится больше — ты или она?

— Девочки обычно таких вопросов не задают, — ответила Гермиона.

— А должны бы! — с чувством воскликнул Гарри. — Я бы тогда так и сказал: ты мне очень нравишься. И ей не пришлось бы впадать в истерику из-за смерти Седрика!

— Я не говорю, что ее поведение разумно, — заметила Гермиона. Тут к ним присоединилась Джинни, тоже вся в грязи и расстроенная. — Я пытаюсь объяснить, что она в тот момент чувствовала.

— Гермиона, тебе надо написать книжку для мальчиков, — изрек Рон, нарезая картошку, — с толкованиями девчачьих фортелей.

— Точно, — горячо поддержал Гарри, глядя на стол «Вранзора». Что встала и, упорно не глядя на него, ушла. Огорченный, он повернулся к Рону и Джинни: — Как прошла тренировка?

— Кошмарно, — хмуро буркнул Рон.

— Брось, — сказала Гермиона и посмотрела на Джинни, — наверняка все было не так уж и...

— Так уж, так уж, — закивала Джинни, — даже хуже. Ангелина под конец чуть не плакала.

Рон и Джинни пошли мыться и переодеваться; Гарри и Гермиона вернулись в шумную общую гостиную к привычной горе домашних заданий. Гарри успел полчаса провозиться с новой звездной картой по астрономии, когда к нему подошли Фред и Джордж.

— Рона с Джинни нет? — Фред огляделся, подвинул себе стул и, когда Гарри помотал головой, продолжил: — Хорошо. Мы смотрели их тренировку. На матче из них сделают котлету. Без нас это команда, а ерунда какая-то.

– Да ладно тебе, Джинни вполне ничего, – честно прибавил Джордж, усаживаясь рядом с Фредом. – Даже не знаю, как она умудрилась научиться, мы же ее вечно прогоняли.

– А она с шести лет залезала в сарай и тайком брала ваши метлы, по очереди, – раздался голос Гермионы из-за шаткой башни учебников по древним рунам.

– А-а, – протянул Джордж, слегка удивившись. – Тогда понятно.

– Рону удалось взять хоть один мяч? – Глаза Гермионы появились над «Магическими иероглифами и логограммами».

– Вообще-то, когда он забывает, что на него смотрят, у него все получается. – Фред закатил глаза к потолку. – Придется в субботу попросить народ поворачиваться к стадиону спиной, когда Кваффл будет пролетать возле Рона.

Он нервно вскочил, отошел к окну и уставился в темноту.

– Знаете, без квидиша в школе делать нечего.

Гермиона посмотрела на него укоризненно:

– А экзамены?

– Я же говорю, П.А.У.К. нас мало интересует, – ответил Фред. – Злостные закуски готовы. Мы теперь знаем, как избавляться от фурункулов: пара капель маринада горегубки – и порядок. Ли подсказал.

Джордж широко зевнул и печально посмотрел на облачное ночное небо.

– Даже не знаю, хочу ли я идти на этот матч. Представляете, что будет, если нас сделает Захария Смит? Я, наверно, убью себя.

– Лучше его, – отозвался Фред.

– Вот это в квидише и плохо, – рассеянно пробормотала Гермиона, склоняясь над переводом, – из-за него между колледжами возникает вражда.

Она подняла глаза, чтобы найти «Тарабарий Толковиана», и увидела, что Фред, Джордж и Гарри взирают на нее в недоумленном отвращении.

– А что? Так и есть! – упрямо мотнула головой Гермиона. – Это же всего-навсего игра!

– Гермиона, – покачал головой Гарри, – ты, конечно, хорошо разбираешься в чувствах, но в квидише ты ровным счетом ничего не смыслишь.

— Возможно, — мрачно согласилась Гермиона и снова взялась за перевод, — зато мое настроение не зависит от спортивных достижений Рона.

Гарри скорее бы спрыгнул с астрономической башни, чем согласился с Гермионой, но в субботу, наблюдая за игрой, понял, что готов отдать любые деньги за равнодущие к квидишу.

Лучшим в этом матче была его непродолжительность: агония гриффиндорских болельщиков продлилась всего двадцать две минуты. Что было худшим, сразу не скажешь: Рон совершенно по-идиотски пропустил четырнадцатый мяч; Слопер, метивший в Нападалу, попал битой Ангелине по губам; Кёрк при виде Захарии Смита с Кваффлом в руках завопил от страха и скатился с метлы... Правда, как ни удивительно, «Гриффиндор» проиграл всего десять очков: Джинни ухитрилась выхватить Проныру из-под носа хуффльпуффского Ловчего Соммерби, и счет в итоге стал 240: 230.

— Молодец, — похвалил Гарри. Все сидели в общей гостиной, печальные, как после похорон.

— Мне просто повезло, — пожала плечами Джинни. — Проныра был какой-то вялый, а Соммерби простужен, он как раз чихнул и закрыл глаза. А, ладно!.. Вот когда ты вернешься в команду...

— Джинни, мне запретили играть *пожизненно*.

— Не *пожизненно*, а пока в школе Кембридж, — поправила Джинни. — Две большие разницы. Короче, когда ты вернешься, я хочу попробоваться в Охотники. Ангелина с Алисией в следующем году уйдут, а мне больше нравится забивать, чем гоняться за Пронырой.

Гарри поискал глазами Рона. Тот сидел в углу, глядя на собственные колени и сжимая в руке усладэль.

— Ангелина не дает ему уйти из команды. — Джинни словно прочитала мысли Гарри. — Говорит: я знаю, у тебя есть способности.

За такую веру Гарри был глубоко благодарен Ангелине, но в то же время считал, что гуманнее все-таки Рона отпустить. Сегодня бедняга опять ушел со стадиона под громогласную песню «Уизли — наш король!», которую с удовольствием горланили слизеринцы — нынешние фавориты квидишного кубка.

Подошли Фред с Джорджем.

— Язык не поворачивается над ним щутить, — сказал Фред, бросив взгляд на сгорбленную фигуру в углу. — Хотя... как он прошляпил

четырнадцатый...

Фред бешено заколотил руками по воздуху, словно пытался стоя плыть по-собачьи.

— ...ладно, прибережем шутки до лучших времен.

Очень скоро Рон встал и поплелся спать. Из уважения к его чувствам Гарри немного подождал, прежде чем отправиться наверх: если Рон хочет, пусть притворится спящим. И действительно, когда Гарри вошел в спальню, Рон громко — неправдоподобно громко — храл.

Гарри лег и стал вспоминать матч. Как обидно наблюдать за игрой со стороны! Джинни играла неплохо, но сам он поймал бы Проныру значительно быстрее... был момент, когда мячик завис у лодыжки Кёрка; если бы Джинни не растерялась, «Гриффиндор» мог и выиграть...

На стадионе Кхембридж сидела несколькими рядами ниже Гарри и Гермионы. Пару раз она неуклюже оборачивалась и смотрела на него, растягивая широкую пасть в злорадной ухмылке. Эта картина так ясно всплыла в памяти, что Гарри бросило в жар от злости. Но потом он вспомнил, что перед сном нужно освободиться от всех эмоций — Злей неустанно напоминал об этом в конце каждого занятия окклуменцией.

Он попробовал успокоиться, но мысли о Зле и Кхембридж лишь разожгли обиду и раздражение. Как же сильно он ненавидит их обоих! Рон постепенно перестал хралеть, задышал ровно и глубоко. А Гарри еще долго не мог заснуть; уставшее тело молило об отдыхе, но мозг никак не желал отключаться.

Потом ему стала сниться Кстати-комната; профессор Макгонаголл играла на волынке, а Невилл и профессор Спарж вальсировали. Гарри, очень счастливый, за ними наблюдал, а затем решил пойти поискать остальных членов Д.А.

Но, выйдя из комнаты, он увидел не гобелен с Барнабасом Безбашенным, а голую каменную стену и горящий факел. Гарри медленно повернул голову влево. Вдалеке, в конце коридора, виднелась черная дверь.

Гарри направился туда. В груди ширилось волнение; отчего-то он был уверен, что сегодня наконец проникнет внутрь... он подошел совсем близко и, задохнувшись от возбуждения, обнаружил, что из-за

двери, справа, льется неяркий голубой свет... Дверь чуть приоткрыта... Гарри протянул руку, намереваясь ее толкнуть...

Рон судорожно, оглушительно, по-настоящему всхрапнул, и Гарри проснулся. Он лежал, вытянув правую руку вверх – хотел открыть дверь, находящуюся в сотнях миль. Гарри огорченно и виновато опустил руку. Да, он не должен видеть эту дверь во сне, но... так хочется узнать, что за ней скрывается! Он злился на Рона – трудно было, что ли, захрапеть попозже?

Когда в понедельник утром Гарри, Рон и Гермиона вошли в Большой зал, совы как раз принесли почту. Теперь «Оракул» с нетерпением ждали все, а не только Гермиона – всю школу живо интересовали новости о беглых преступниках. Вопреки регулярным сообщениям о том, что их видели там или сям, Упивающиеся Смертью оставались на свободе. Гермиона, заплатив сове, поскорее развернула газету. Гарри тем временем спокойно наливал себе апельсиновый сок. За весь год он получил по почте одну-единственную записку, поэтому, когда перед ним на стол грузно плюхнулась первая сова, решил, что это ошибка.

– Ты к кому? – спросил он, лениво отодвигая сок от птицы и наклоняясь, чтобы прочитать адрес:

Гарри Поттер

Большой зал

Школа «Хогварц»

Он удивленно нахмурился и хотел взять письмо, но тут на стол стали садиться еще совы – вторая, третья, четвертая, пятая... Каждая хотела вручить свое письмо первой; совы пихались, толкались, наступали в масло, опрокинули соль...

– Что это?! – изумился Рон.

Гриффиндорцы, пытаясь понять, в чем дело, наклонились над столом и смотрели на Гарри. Возле него приземлились еще семь сов. Птицы кричали, ухали и хлопали крыльями.

– Гарри! – почти беззвучно воскликнула Гермиона, сунула руку в пернатое месиво и извлекла оттуда совку с длинной цилиндрической посылкой. – Кажется, я знаю... Открой сначала вот это!

Гарри сорвал коричневую упаковку, достал свернутый плотной трубкой мартовский номер «Правдобора» и, развернув, увидел на обложке собственное глупо улыбающееся лицо. По фотографии шла надпись большими красными буквами:

ГАРРИ ПОТТЕР ЗАГОВОРИЛ!

ПРАВДА О ТОМ-КТО-НЕ-ДОЛЖЕН-БЫТЬ-ПОМЯНУТ И О НОЧИ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ УНИКАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

— Хорошо получилось, да? — сказала Луна, подплыв к гриффиндорскому столу и втискиваясь между Фредом и Роном. — Номер вышел вчера, я попросила папу прислать тебе бесплатный экземпляр. А это, — она обвела рукой совиное сбогище, — видимо, письма от читателей?

— Вот и я думаю, — поддержала Гермиона. — Гарри, не возражаешь, если мы?..

— Пожалуйста, — кивнул Гарри, немного оторопев.

Рон и Гермиона принялись разрывать конверты.

— Так... Этот считает, что ты слетел с катушек, — сообщил Рон, быстро пробегая глазами письмо. — Ну что ж...

— А эта дама рекомендует тебе пройти курс шоковой порчтерапии у святого Лоскута, — разочарованно произнесла Гермиона, скомкав второе письмо.

— Зато вот это нормальное, — медленно проговорил Гарри, бегло просматривая длинное письмо от ведьмы из Пейсли. — Смотрите-ка! Она пишет, что верит мне!

— А этот колеблется. — Фред с энтузиазмом подключился к чтению писем. — Говорит, что ты, конечно, вовсе не такой псих, как он считал, но ему ужасно не хочется верить в возвращение Сами-Знаете-Кого, и он теперь не знает, что и думать. Надо же, столько пергамента зря перевел!

— Гарри! Вот еще человек, который тебе поверил! — воскликнула Гермиона. — «Прочитав ваше интервью, пришла в выводу, что “Оракул” обошелся с вами крайне несправедливо... Да, мне очень не хочется верить в возвращение Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, но я вынуждена признать, что вы говорите правду...» Отлично!

— Так, этот дядя думает, что ты ку-ку. — Рон выбросил скомканное письмо через плечо. — Зато тетя... считает тебя настоящим героем... ты ее убедил... Вот, кстати, и фотография... Ух ты!

— Что здесь происходит? — пропел фальшиво-сладкий девичий голосок.

Гарри, держа в руках охапку писем, поднял глаза. За Фредом и Луной, пристально глядя на стаю сов и груду писем, стояла профессор Кхембридж. У нее из-за спины за происходящим жадно следила толпа школьников.

— Откуда у вас столько писем, мистер Поттер? — ровным голосом спросила Кхембридж.

— Это что, преступление? — громко огрызнулся Фред. — Получать почту?

— Ведите себя прилично, мистер Уизли, иначе мне придется вас наказать, — проговорила Кхембридж. — Итак, мистер Поттер?

Гарри замялся. Признаваться или нет? Пожалуй, скрывать бессмысленно; Кхембридж так или иначе скоро узнает.

— Это письма от людей, которые прочли мое интервью, — объяснил Гарри. — О том, что случилось в прошлом июне.

Почему-то, сказав это, он посмотрел на учительский стол, и ему показалось, что Думбльдор только-только отвел от него взгляд. Впрочем, сейчас директор был полностью поглощен беседой с профессором Флитвиком.

— Интервью? — Кхембридж даже привзвизгнула. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что репортер задавал мне вопросы, а я отвечал. Вот... — И Гарри бросил ей «Правдобор».

Кхембридж поймала, поглядела на обложку, и ее бледное одутловатое лицо пошло безобразными фиолетовыми пятнами.

— Когда это было? — дрожащим голосом спросила она.

— В прошлый поход в Хогсмед, — ответил Гарри.

Она смотрела на него, побелев от гнева; журнал мелко дрожал в коротких толстых пальцах.

— Больше вы не пойдете в Хогсмед, мистер Поттер, — просипела она. — Как вы могли... как посмели... — Она набрала побольше воздуха. — Я ведь учила вас, что лгать нельзя. Видимо, мои уроки до

вас не дошли. Минус пятьдесят баллов с «Гриффиндора» и неделя наказаний.

Прижав «Правдобор» к груди, она удалилась. Школьники проводили ее взглядами.

К середине дня вся школа – не только доски объявлений в общих гостиных, но и классы, и коридоры – была увешана огромными плакатами.

УКАЗОМ ГЛАВНОГО ИНСПЕКТОРА «ХОГВАРЦА»

Учащиеся, у которых будет найден журнал «Правдобор», подлежат немедленному исключению из школы.

Данный указ выпущен на основании декрета об образовании № 27.

Подпись:

Долорес Джейн Амбридж

Главный инспектор «Хогварца»

Гермиона, видя эти плакаты, по какой-то загадочной причине сияла от счастья.

– Чему ты так радуешься? – поинтересовался Гарри.

– Гарри, неужели ты не понимаешь? – шепнула Гермиона. – Ничего лучше она придумать не могла! Запретить журнал! Да теперь твоё интервью прочитает вся школа!

Как оказалось, Гермиона была совершенно права. За весь день Гарри не увидел и краешка «Правдобра», но скоро его интервью уже цитировали повсюду: в коридорах перед аудиториями, на уроках, за обедом и даже, по словам Гермионы, в туалете. Она заскочила туда перед рунами и услышала, как какие-то девочки переговариваются друг с другом из разных кабинок, обсуждая статью.

– Потом они увидели меня и засыпали вопросами – они, видимо, знали, что мы с тобой знакомы, – блестя глазами, рассказывала Гермиона, – и знаешь, Гарри, мне кажется, они тебе верят, мне правда так кажется, по-моему, тебе наконец удалось всех убедить!

Профессор Кхембридж между тем расхаживала по школе и искала «Правдобор», наугад останавливая учеников и требуя показать учебники и вывернуть карманы. Но школьники оказались хитры и проворны. Страницы из журнала были заколдованы и непосвященному

взгляду казались исписанными или совершенно пустыми пергаментами. Очень скоро в школе не осталось ни одного человека, который не читал бы интервью.

Декретом номер двадцать шесть учителям запрещалось обсуждать статью, но они все-таки находили способы на нее откликнуться. Профессор Спарж начислила «Гриффиндору» двадцать баллов только за то, что Гарри передал ей лейку; профессор Флитвик после урока сунул ему коробочку пищащих сахарных мышей, шепнул: «Ш-ш-ш!» – и убежал; а профессор Трелони разрыдалась на уроке и, к вящему неудовольствию Кхембридж, объявила удивленному классу, что, как выясняется, Гарри не грозит безвременная кончина и он доживет до преклонного возраста, станет министром магии и родит двенадцать детей.

Но самый большой подарок Гарри получил на следующий день, когда бежал по коридору на превращения. Внезапно его остановила Чо; не успел он опомниться, как ее рука оказалась в его руке, и она зашептала ему на ухо:

– Не обижайся на меня, пожалуйста, не обижайся. Это интервью... Ты такой смелый... Я так плакала!

Жаль, конечно, что ей снова пришлось проливать слезы, но зато она и Гарри помирились! Какое счастье! Потом Чо быстро поцеловала его в щеку и убежала. Ликование Гарри было беспредельно; казалось, обрадоваться еще больше невозможно, но тут у класса превращений к нему подошел Шеймас.

– Я только хотел сказать, – промямлил он, щурясь на левое колено Гарри, – что я тебе верю. И еще я послал журнал маме.

А когда после обеда в библиотеке Гарри увидел Малфоя с дружками, его счастье стало абсолютным. Малфой, Краббе, Гойл и еще какой-то дохляк – Гермиона шепнула Гарри на ухо, что это Теодор Нott, – сидели, склонившись друг к другу. Гарри искал на полках книгу по частичным исчезаниям. Компания Малфоя дружно оглянулась. Гойл угрожающе хрустнул костяшками, а Драко шепнул что-то Краббе – несомненно, какую-то гадость. Гарри прекрасно понимал, что с ними такое: благодаря ему теперь все знают, что их отцы – Упивающиеся Смертью.

– А главное, – шепнула довольная Гермиона, когда они выходили из библиотеки, – эти болваны не смеют ничего отрицать – нельзя же

признаться, что они читали интервью!

И, словно для полноты счастья, за ужином ребята узнали от Луны, что ни один номер «Правдобора» не расходился быстрее.

– Папа печатает дополнительный тираж! – сообщила она Гарри, возбужденно тараща глаза. – Он поражен: оказалось, людям это даже интереснее, чем складкорогие стеклопы!

Вечером Гарри был героем гриффиндорской гостиной. Фред с Джорджем дерзко наложили на обложку «Правдобора» увеличительное заклятие и повесили ее на стену. Гигантская голова Гарри, наблюдая за общим весельем, периодически громко изрекала что-нибудь вроде: «МИНИСТЕРСТВО – КОЗЛЫ» или «ЖРИ НАВОЗ, КХЕМБРИДЖ». Гермиона ругалась, что это не смешно и мешает ей сосредоточиться. Кончилось тем, что она разозлилась и рано ушла спать. Через пару часов говорильное заклятие начало выветриваться, и плакат больше не казался таким уж забавным: он, все тоньше пища, чаще и чаще выкрикивал отдельные слова: «НАВОЗ!.. КХЕМБРИДЖ!» От этого у Гарри разболелась голова; шрам стало покалывать, и скоро, под разочарованный стон гриффиндорцев, сидевших вокруг и в невесть какой раз просивших рассказать об интервью, он объявил, что тоже хочет лечь пораньше.

В спальне никого не было. Гарри постоял у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу, – это успокаивало боль. Потом разделся и лег, мечтая лишь об одном – чтобы прошла голова. Его подташнивало. Он повернулся на бок, закрыл глаза и практически сразу уснул...

И очутился в темной комнате с занавешенными окнами, освещенной единственным канделябром. Он стоял позади кресла, держась за спинку. На темном бархате обивки резко выделялись пальцы, длинные, белые – такие белые, будто он много-много лет провел под землей. Его кисть напоминала большого бесцветного паука.

Перед креслом, в круге света, на коленях стоял человек в черной мантии.

– Значит, меня неверно информировали, – заговорил Гарри пронзительным, холодным, пульсирующим от гнева голосом.

– Господин, умоляю, пощадите, – прохрипел с пола человек. Он заметно дрожал. На черных волосах мерцал отблеск свечей.

– Я не виню тебя, Гадвуд, – объявил Гарри все тем же холодным жестоким голосом.

Он отпустил спинку кресла, обошел вокруг, приблизился к коленопреклоненному человеку и взорвался на него из мрака, с высоты – гораздо выше обычного.

– Ты уверен в достоверности этих фактов? – спросил Гарри.

— Да, милорд, да... Я ведь работал в департаменте все... все-таки.

– Эйвери утверждал, что Дод сможет его забрать.

– Дод никак не мог, господин… Он, должно быть, и сам знал, что это невозможно… Видимо, поэтому он так сопротивлялся проклятию подвластия Малфоя…

— Встань, Гадвуд, — прошептал Гарри.

Человек вскочил с колен так поспешно, что едва не упал. В свете свечей четким рельефом обозначились отметины на рябом лице. Гадвуд, не решаясь окончательно распрямить спину, застыл в нелепом полупоклоне, опасливо поглядывая Гарри в лицо.

— Ты правильно поступил, рассказав мне об этом, — промолвил Гарри. — Очень правильно... Получается, я потратил массу времени на бесплодные шаги... но это не важно... начнем сначала. Лорд Вольдеморт благодарен тебе, Гадвуд...

— Милорд... спасибо, милорд, — прошептал Гадвуд, от облегчения враз осипнув.

— Мне понадобится твоя помощь. Вся информация, какую ты можешь дать.

— Разумеется, милорд, разумеется... все что угодно...

— Очень хорошо... можешь идти. Пришли ко мне Эйвери.

Гадвуд проворно попятился к двери и, кланяясь, исчез.

Гарри повернулся к стене. Там, в полумраке, висело старое и испятнанное треснувшее зеркало. Гарри приблизился. Отражение становилось все больше, все отчетливее... лицо белее кости... красные глаза с прорезями зрачков...

- HE-E-E-E-E-E-E-E-ET!

– Что такое? – заорал вблизи чей-то голос.

Гарри замахал руками, запутался в балдахине и свалился на пол. Сначала он никак не мог понять, где находится; он был уверен, что сейчас опять увидит выступающее из темноты белое, похожее на череп лицо. Затем совсем рядом раздался голос Рона:

— Да хорош метаться-то! Никак тебя не распутаю.

Рон разобрался со шторами, и Гарри увидел освещенное луной лицо друга. Гарри лежал на спине; шрам разрывался от боли. Рон, видимо, собирался ложиться – мантия висела на одном плече.

– Что, на кого-то опять напали? – Рон рывком вздернул Гарри на ноги. – На папу? Опять змея?

– Нет... все живы... и здоровы... – хрипло выдохнул Гарри. Лоб горел огнем. – Вот только... Эйвери... ему не светит ничего хорошего... он дал неверные сведения... Вольдеморт в бешенстве...

Гарри застонал, мелко задрожал и бессильно рухнул на кровать, потирая шрам.

– Гадвуд все исправит... Вольдеморт снова встал на верный путь...

– О чём ты? – испуганно спросил Рон. – Ты что... видел Сам-Знаешь-Кого?

– Я был Сам-Знаешь-Кем, – ответил Гарри и медленно поднес руку к лицу – вдруг это мертвенно-белая паукообразная лапа? – Сам-Знаешь-Кто был с Гадвудом, это один из беглых Упивающихся Смертью, помнишь? Гадвуд сказал, что Дод не мог этого сделать.

– Чего этого?

– Что-то забрать... он сказал: «Дод, должно быть, и сам знал, что это невозможно»... Дод был под проклятием подвластия... Кажется, Гадвуд сказал, что проклятие наслал отец Малфоя.

– Дода околдовали, чтобы что-то забрать?! – вскричал Рон. – Но, Гарри, это же, наверно...

– Оружие, – закончил Гарри. – Да.

Дверь в спальню распахнулась, и вошли Дин с Шеймасом. Гарри торопливо забросил ноги на кровать. Нельзя показать, что с ним опять случилось нечто странное, – Шеймас только-только перестал считать его психом...

– Так ты говоришь, – Рон близко придинулся к Гарри, притворившись, будто пьёт воду из его кувшина, – что был Сам-Знаешь-Кем?

– Да, – шепнул Гарри.

Рон захлебнулся; вода полилась с подбородка на грудь. Дин и Шеймас, раздеваясь, шумели, переговаривались и ничего не заметили.

– Гарри, – произнес Рон, – ты должен рассказать...

– Ничего я не должен, – оборвал Гарри. – Надо было как следует заниматься окклуменцией, ничего бы и не увидел. Я же должен

научиться блокировать эту чушь. Так, по крайней мере, они хотят.

Под словом «они» подразумевался Думблдор. Гарри лег, повернулся к Рону спиной и через некоторое время услышал скрип матраса – Рон тоже улегся в постель. Шрам опять стало жечь, и, чтобы не застонать, Гарри вцепился зубами в подушку. Он знал: сейчас, в эту самую минуту, Эйвери карают.

Чтобы поговорить с Гермионой, Гарри и Рону пришлось ждать первой перемены – они хотели быть уверены, что их не подслушают. Они вышли во двор – на улице было прохладно, ветрено, – и там, в любимом уголке, Гарри подробно пересказал свой сон. Гермиона долго молчала и с какой-то болезненной сосредоточенностью разглядывала безголовых Фреда и Джорджа, которые на другом конце двора из-под полы продавали уборы головные.

– Так вот почему его убили, – пробормотала она, оторвав наконец взгляд от близнецов. – Дод попытался украсть оружие, и с ним случилось что-то непонятное. Видимо, само оружие или пространство вокруг защищено мощными заклятиями, чтобы нельзя было дотронуться. Поэтому он повредился в уме и разучился говорить. Но помните, что сказала знахарка? Он выздоравливал. А это большой риск, они не могли такого допустить. Насколько я понимаю, то, что с ним случилось, вызвало шок, и проклятие подвластия пало. Потом речь бы восстановилась и он бы обо всем рассказал… И все узнали бы, что его послали украсть оружие. И конечно, Люциус Малфой легко мог наслать проклятие – он же не вылезает из министерства!

– Он там был даже в день слушания, – подтвердил Гарри. – И… постойте-ка, – добавил он. – Мы его встретили в коридоре возле департамента тайн! Твой папа еще сказал, что Малфой, наверно, хочет узнать о результатах слушания, но… что, если…

– Стурджис! – в ужасе ахнула Гермиона.

– Что Стурджис? – удивился Рон.

– Его… – еле слышно вымолвила Гермиона, – его арестовали, когда он пытался взломать какую-то дверь! Значит, Малфой подчинил себе и его! И как раз в тот день, когда вы его видели, Гарри! У Стурджа был плащ-невидимка Шизоглаза, так? Что, если он стоял в плаще у двери и случайно пошевелился, а Малфой услышал? Или применил проклятие подвластия наугад, на случай, если у двери окажется часовой? И потом, при первой же возможности – например, когда

снова подошла его очередь стоять на часах – Стурджис попытался пробраться в департамент и украсть оружие для Вольдеморта – Рон, тихо! – но его поймали и посадили в Азкабан… – Она посмотрела на Гарри: – Гадвуд рассказал Вольдеморту, как заполучить оружие?

– Я не слышал всего разговора, но похоже на то, – сказал Гарри. – Гадвуд раньше работал в департаменте… теперь, наверно, Вольдеморт пошлет на задание его?

Гермиона, погруженная в раздумья, кивнула. А затем вдруг заявила:

– Ты не должен был этого видеть, Гарри.

– Что? – растерялся он.

– Ты же учишься блокировать сознание от таких вещей, – очень серьезно сказала она.

– Да, – согласился Гарри, – но…

– Значит, нам надо забыть об этом сне, – решительно перебила Гермиона. – А тебе с сегодняшнего дня как следует взяться за окклуменцию.

Дни летели, но дела шли все так же плохо. Гарри дважды получил «У» по зельеделию; он переживал из-за Огрида и постоянно думал о своем сне, но с друзьями поговорить не решался – очень не хотелось снова получить выволочку от Гермионы. Обсудить бы все с Сириусом… Нет, нельзя, исключено. Но выбросить сон из головы не удавалось, и Гарри старался поглубже затолкать его в подсознание.

Увы, подсознание лишилось былой неприкосновенности.

– Вставай, Поттер.

С той ночи, когда Гарри видел сон, прошло недели две. Гарри снова стоял на коленях в кабинете Злея и, тряся головой, пытался прийти в себя. Перед ним в тысячный, наверное, раз пронеслась череда детских воспоминаний – он и не подозревал, что столько всего помнит, – о том, как его унижали Дудли и его банда.

– Последняя картинка, – сказал Злей, – что это?

– Не знаю. – Гарри тяжело поднялся с пола. Бурный поток образов, которые Злей извлекал из его памяти, не желал разлепляться на отдельные воспоминания. – Вы имеете в виду, как мой двоюродный брат пытается поставить меня в унитаз?

– Нет, – вкрадчиво проговорил Злей, – я имею в виду, как человек стоит на коленях в темной комнате…

– Это... так, ерунда.

Злей буравил его взглядом. Вспомнив о важности зрительного контакта при легилименции, Гарри моргнул и отвел глаза.

– Откуда в твоей, Поттер, памяти этот человек и эта комната? – осведомился Злей.

– Я... – Гарри упорно смотрел куда угодно, только не на Злея, – недавно видел сон...

– Сон? – повторил Злей.

Гарри молчал, сосредоточенно изучая огромную лягушку, замаринованную в пурпурной жидкости.

– Поттер, ты ведь помнишь, для чего мы здесь, не так ли? – страшным шепотом спросил Злей. – Не забыл, почему мне приходится отдавать этой нудной работе свое свободное время?

– Не забыл, – выдавил Гарри.

– Тогда напомни и мне. Итак, Поттер, для чего мы здесь?

– Чтобы я научился окклуменции. – Гарри перевел взгляд на банку с угрем.

– Совершенно верно. И мне казалось, что за два месяца ты, невзирая на скудоумие, – (Гарри с ненавистью посмотрел на Злея), – мог бы достичь хоть каких-то успехов. Сколько раз за последнее время ты видел во сне Черного Лорда?

– Один, – соврал Гарри.

– Может быть, – холодные черные глаза Злея сузились, – тебе нравятся эти сны, Поттер? Может быть, благодаря им ты чувствуешь себя особенным? Значительным?

– Ничего подобного, – сквозь зубы ответил Гарри и крепко сжал палочку.

– Как бы там ни было, Поттер, – процедил Злей, – ты не особенный, ты не значительный, и не твое дело выяснять, о чем Черный Лорд беседует со своими подчиненными.

– А чье это дело? Ваше? – выпалил Гарри.

Он не собирался этого говорить – само вырвалось, от злости. Они смерили друг друга долгим взглядом, и Гарри заподозрил, что зашел слишком далеко. Но Злей со странной гримасой почти удовлетворенно ответил:

– Да, Поттер. Мое. – Он сверкнул глазами. – А теперь, если ты готов, вернемся к занятиям.

И поднял палочку:

– Раз... два... три... легилеменс!

Дементоры... надвигаются от озера с двух сторон... Гарри зажмурился, стараясь собрать все силы... Дементоры ближе, ближе... уже видны черные провалы под капюшонами... Но одновременно Гарри видел и Злея... Вот он, рядом, не сводит глаз с Гарри и безостановочно бормочет...

Вдруг непонятно почему дементоры начали бледнеть, растворяться в воздухе... Очертания Злея, напротив, становились все отчетливее...

Гарри взмахнул волшебной палочкой:

– Протего!

Злей оступился, палочка вылетела у него из рук – а в голову Гарри хлынули воспоминания – не его воспоминания, чужие. Какой-то крючконосый мужчина... орет на женщину... бедняжка, вся сжалась от страха... в углу – маленький темноволосый мальчик... плачет... темная спальня... подросток с сальными волосами, один... тычет палочкой в потолок, отстреливая мух... тощий юноша пытается оседлать сопротивляющуюся метлу... девочка... смеется над ним...

– ДОВОЛЬНО!

Что-то невидимое больно ударило Гарри в грудь. Он попятился, налетел на полки и, судя по звуку, что-то разбил. Смертельно бледного Злея била дрожь.

Гарри почувствовал, что мантия сзади промокла, – оказывается, он раскокал какую-то банку и из нее стремительно вытекала жидкость. Маринованное содержимое, вращаясь по спирали, опускалось на дно.

– Репаро, – прошептал Злей, и банка склеилась. – Что же, Поттер... Это, определенно, прогресс... – Злей поправил дубльдум, куда перед началом занятий переложил часть мыслей, словно хотел проверить, все ли на месте, и, чуть задыхаясь, продолжил: – Я ведь, кажется, не говорил, что можно использовать заградительное заклятие?.. Но результат, безусловно, достигнут...

Гарри молчал; говорить было рискованно. Ясно, что он, сам того не желая, проник в детские воспоминания Злея. Так странно... плачущий малыш, наблюдавший зассорой родителей, сейчас стоит перед Гарри и смотрит на него с такой ненавистью в глазах...

– Попробуем еще раз? – предложил Злей.

Гарри охватил страх; кажется, его ждет расплата за дерзость. Он и Злей встали по обе стороны письменного стола. У Гарри в голове теснились мысли – избавиться от них было затруднительно.

– Как всегда, на счет три, – сказал Злей и поднял палочку. – Раз... два...

Гарри совершенно не успел подготовиться, а Злей уже выкрикнул:
– Легилименс!

Гарри сломя голову мчался к департаменту тайн... шероховатые стены, горящие факелы... черная дверь все ближе... он не успеет затормозить и непременно ударится... он почти добежал... изнутри сочится слабый голубой свет...

Дверь открылась! Ему удалось войти! Перед ним – круглое помещение с черным полом, черными стенами... свечи горят голубым светом, множество дверей... Нужно идти дальше... но куда?

– ПОТТЕР!

Гарри открыл глаза. Он опять лежал на спине и совсем не помнил, как упал. Он дышал так часто, будто и правда несся по коридору к черной двери, а потом прорвался в департамент тайн.

– Немедленно объяснись! – Над ним в гневе склонился Злей.

– Я... не знаю, что произошло, – честно сказал Гарри, поднимаясь. На затылке выросла шишка, все тело горело огнем. – Раньше я такого не видел. Я же говорю, эта дверь мне давно снится... но она никогда еще не открывалась...

– Ты не стараешься!

По какой-то неведомой причине Злей разъярился больше, чем когда Гарри проник в его воспоминания.

– Ты ленив и небрежен, Поттер, неудивительно, что Черный Лорд...

– Может, вы мне кое-что объясните, сэр? – перебил его Гарри, опять вскипев. – Почему вы называете Вольдеморта Черным Лордом? Так только Упивающиеся Смертью говорят.

Лицо Злея исказилось, он открыл рот... и тут раздался громкий женский крик.

Злей вздернул голову и посмотрел в потолок.

– Что за?.. – пробормотал он.

Сверху – кажется, из вестибюля – доносился непонятный шум. Злей, нахмутившись, поглядел на Гарри:

– Поттер, по дороге сюда ты видел что-нибудь необычное?

Гарри покачал головой. Наверху опять закричала женщина. Злей, не опуская палочки, стремительно вышел из кабинета. Гарри мгновение поколебался, а затем поспешил следом.

Крики и в самом деле неслись из вестибюля; пока Гарри бежал по лестнице, они становились все громче. В вестибюле было полно школьников: одни выбежали из Большого зала; другие остановились на мраморной лестнице, образовав затор. Гарри прорвался сквозь стену рослых слизеринцев и увидел толпу, сгрудившуюся в эпицентре; потрясенные, испуганные лица. Напротив Гарри заметил профессора Макгонаголл – лицо у нее было такое, будто ее слегка мутит.

В центре кольца с волшебной палочкой в одной руке и пустой бутылкой хереса в другой стояла решительно обезумевшая профессор Трелони. Волосы у нее торчали дыбом, очки съехали набок, отчего один глаз казался больше другого, бесчисленные шали и шарфы разметались – казалось, прорицательница разъезжается по швам. Рядом стояли два больших сундука, причем один – вверх дном; похоже, багаж сбросили по ступенькам. Несчастная в ужасе смотрела на подножие лестницы – Гарри не было видно, что там такое.

– Нет! – пронзительно вопила Трелони. – НЕТ! Не может быть... не может... я отказываюсь понимать!..

– Неужели вы не сознавали, к чему идет дело? – с равнодушным удивлением спросил пронзительный девичий голосок. Гарри чуть подвинулся вправо и понял, что кошмарное видение, представшее Трелони, – не кто иная, как профессор Кхембридж. – Конечно, вам не под силу предсказать и погоду на завтра, но не понять, что увольнение неизбежно? С такими низкими результатами проверки и отсутствием каких-либо улучшений?

– Вы не м-можете! – выла профессор Трелони. Из-под огромных стекол ручьями текли слезы. – Н-не можете м-меня уволи-и-ить! Я здесь шест... шестнадцать лет! «Х-хогварц» – м-мой дом!

– Был, – безжалостно уточнила профессор Кхембридж. Трелони, истерически рыдая, осела на сундук. Гарри с отвращением смотрел на плотоядную улыбку, медленно расползающуюся по жабьей физиономии. – Пока министр магии час назад не завизировал приказ о вашем увольнении. Теперь же будьте любезны удалиться. Ваше поведение неприлично.

Однако, не двинувшись с места, Кхембридж продолжала наблюдать за муками профессора Трелони. Та, вне себя от горя, раскачивалась на сундуке, стеная и сотрясаясь от рыданий. Слева от Гарри кто-то всхлипнул. Он обернулся. Лаванда и Парвати, обнявшись, тихо и горько плакали. Профессор Макгонаголл решительно пробилась сквозь толпу, подошла к Трелони и жестко похлопала ее по спине, одновременно извлекая из кармана большой носовой платок.

— Ну полноте, Сибилла... успокойтесь... вот, возьмите-ка, вы сморкайтесь... все не так уж плохо... вам не придется уезжать из «Хогварца»...

— Неужели, профессор Макгонаголл? — смертоносным тоном осведомилась Кхембридж и приблизилась на несколько шагов. — И кто же дал вам право делать подобные заявления?

— Я, — сказал звучный голос.

Парадная дверь распахнулась. На пороге стоял Думблдор. Школьники, загораживавшие ему дорогу, прыснули в стороны. Непонятно, что директор делал во дворе, но сейчас, воздвигнувшись в дверном проеме, в ореоле ночного тумана, смотрелся он очень внушительно. Не закрыв двери, он твердым шагом прошел сквозь кольцо людей к заплаканной, дрожащей Трелони и профессору Макгонаголл.

— Вы, профессор Думблдор? — Кхембридж на редкость неприятно усмехнулась. — Боюсь, вы не вполне понимаете свое положение. У меня, — она достала из внутреннего кармана пергаментный свиток, — имеется приказ об увольнении, подписанный мною и министром магии. Согласно указу об образовании номер двадцать три, главный инспектор «Хогварца» имеет право проверять работу преподавателей, а также назначать испытательный срок и увольнять тех лиц, чью квалификацию он — то есть я — считает не соответствующей министерским стандартам. Я приняла решение о служебном несоответствии профессора Трелони. Я ее уволила.

К великому удивлению Гарри, Думблдор продолжал улыбаться. Он поглядел на Трелони, взахлеб рыдавшую на сундуке, и сказал:

— Разумеется, профессор Кхембридж, вы совершенно правы. Как главный инспектор, вы имеете полное право увольнять учителей. Но вы не вправе прогонять их из «Хогварца». Боюсь, — галантно поклонившись, продолжал он, — что это право остается за директором,

а потому в соответствии с моими пожеланиями профессор Трелони останется жить в замке.

Услышав это, профессор Трелони дико хохотнула, не вполне успешно замаскировав икоту.

– Нет! Нет, я уй... уйду, Думбльдор! Я поки... покину «Хогварц», отправлюсь прочь ис... искать счастья...

– Нет, – отрезал Думбльдор. – Я хочу, чтобы вы остались, Сибилла. – Он повернулся к Макгонаголл: – Профессор Макгонаголл, могу ли я попросить вас проводить Сибиллу наверх?

– Конечно, – отозвалась Макгонаголл. – Поднимайтесь, Сибилла, вот так...

Из толпы выскочила профессор Спарж и подхватила Трелони под другую руку. Вместе с Макгонаголл они провели обессилевшую прорицательницу мимо Кхембридж к мраморной лестнице. Профессор Флитвик побежал за ними. Взмахнув волшебной палочкой, он пискнул: «Локомотор сундуки!» – и багаж профессора Трелони поплыл по воздуху вслед за хозяйкой; Флитвик замыкал процессию.

Профессор Кхембридж осталась на Думбльдора. Тот дружелюбно ей улыбался.

– Что же, – осведомилась она громким шепотом, разнесшимся по всему вестибюлю, – вы будете с нею делать, когда я назначу нового преподавателя прорицания? Ему ведь потребуется ее жилье?

– О, с этим проблем не будет, – приятным голосом ответствовал Думбльдор. – Видите ли, я уже нашел ей замену. Новый педагог предпочитает жить в цокольном этаже.

– Вы нашли?.. – пронзительно вскричала Кхембридж. – Вы? Позвольте напомнить, Думбльдор, что, согласно указу об образовании за номером двадцать два...

– Министерство имеет право самостоятельно назначать педагогов в том – и только в том – случае, если директор не в состоянии найти подходящей кандидатуры, – сказал Думбльдор. – Однако счастлив сообщить, что в данном случае мне это удалось. Позвольте представить...

Он повернулся к парадной двери, в которую вползал ночной туман. Гарри услышал стук копыт. По вестибюлю пробежал взволнованный ропот. Школьники у дверей, в спешке спотыкаясь, попятались, давая дорогу пришельцу.

Сначала из тумана возникло лицо – Гарри оно было знакомо, однажды он видел его страшной ночью в Запретном лесу. Потом появились светлые волосы, поразительные голубые глаза – мужская голова и торс, крепко сидящий на соловом конском теле.

– Фиренце! – радостно объявил Думблдор потрясенной Кхембридж. – Надеюсь, вы его полюбите.

Глава двадцать седьмая

Кентавр и гнида

– Ну, Гермиона, жалеешь теперь, что бросила прорицание? – с улыбкой спросила Парвати.

Это было за завтраком, через два дня после увольнения профессора Трелони. Собираясь на первое занятие к Фиренце, Парвати гляделась в обратную сторону ложки и подкручивала ресницы волшебной палочкой.

– Не особенно, – равнодушно ответила Гермиона, не отрываясь от «Оракула». – Никогда не любила лошадей.

Она перевернула страницу и стала бегло просматривать заголовки.

– Он не лошадь, он кентавр! – возмутилась Лаванда.

– *Роскошный* кентавр… – вздохнула Парвати.

– Так или иначе, у него четыре ноги, – отрезала Гермиона. – Но вы же вроде бы страшно переживали за Трелони?

– Мы и сейчас переживаем! – заверила Лаванда. – Мы ее навещали! Отнесли нарциссы – не хрюкающие, которые у Спарж, а нормальные.

– Как она? – поинтересовался Гарри.

– Так себе, – сочувственно ответила Лаванда. – Бедняжка – все плачет, плачет… Говорит, готова уехать куда глаза глядят, лишь бы подальше от Кхембридж. Еще бы! Кхембридж обошлась с ней ужасно, просто ужасно.

– И это только начало, – мрачно изрекла Гермиона.

– Ерунда, – сказал Рон, любовно склоняясь над огромной тарелкой яичницы с беконом. – Ужаснее, чем сейчас, быть не может.

– Помяни мое слово: она еще отомстит Думблдору за то, что назначил нового учителя, не посоветовавшись с ней. – Гермиона сложила газету. – К тому же полукровку. Ты же видел, как она смотрела на Фиренце.

После завтрака Гермиона пошла на арифмантику, а Гарри и Рон вместе с Лавандой и Парвати отправились на прорицание.

– Нам разве не в Северную башню? – удивился Рон, когда Парвати прошла мимо мраморной лестницы.

Парвати презрительно глянула на него через плечо:

– Что, по-твоему, Фиренце должен карабкаться через люк? Мы теперь в аудитории одиннадцать, вчера на доске было объявление.

Одннадцатая аудитория располагалась на первом этаже, и к ней из вестибюля вел коридор напротив Большого зала. Там находились классы, где занимались чрезвычайно редко; в них царило запустение, и они больше напоминали кладовки. Поэтому, войдя в дверь вслед за Роном и неожиданно очутившись на лесной поляне, Гарри от удивления застыл.

– Что это?..

Пол порос упругим мхом; деревья покачивали густыми кронами, которые закрывали потолок и окна, и вся комната была исчерчена косыми потоками мутно-зеленого пятнистого света. Те, кто уже пришел на урок, сидели на земле, прислонясь спинами к стволам или валунам, обхватив колени либо скрестив руки на груди. Все явно нервничали. На полянке, где не было деревьев, стоял Фиренце.

– Гарри Поттер, – сказал он и протянул руку.

– Эмм... здравствуйте. – Гарри обменялся рукопожатиями с кентавром, который, не улыбаясь, не моргая, пристально посмотрел на него удивительными сапфировыми глазами. – Э-э... рад вас видеть.

– Взаимно, – откликнулся кентавр, наклоняя белокурую голову. – Мы встретились вновь – как и было предсказано.

На груди Фиренце виднелся еле заметный синяк в форме копыта. Гарри повернулся к одноклассникам, выискивая, где бы сесть; все смотрели на него в восхищении, очевидно, потрясенные их с Фиренце знакомством. Похоже, кентавр наводил на всех благоговейный ужас.

Наконец дверь закрылась; последний ученик уселся на пенек возле корзины для бумаг, и Фиренце широким жестом обвел помещение.

– Профессор Думблдор любезно обустроил этот кабинет, – начал кентавр, когда все затихли, – в соответствии с естественной средой моего обитания. Разумеется, я бы предпочел давать уроки в Запретном лесу, который до прошлого понедельника был моим домом... но, увы, это невозможно.

– Простите, э-э... сэр, – еле слышно выдохнула Парвати, поднимая руку, – но почему? Мы были там с Огридом, мы не боимся!

— Дело не в вашей храбрости, — пояснил Фиренце, — а в моем положении. Я не могу вернуться в лес. Табун изгнал меня.

— Табун? — озадаченно переспросила Лаванда, и Гарри догадался, что она воображает мустангов. — Какой та... А! — На ее лице забрезжило понимание. — Так вас *много*?! — изумилась она.

— Вас что, Огрид выращивает, как тестралей? — оживился Дин.

Фиренце очень медленно повернул к нему голову, и Дин сразу смекнул, что ляпнул нечто оскорбительное.

— Я не... не то хотел... простите, — хрипло промямлил он.

— Кентавры — не скот и не домашние животные, — промолвил Фиренце.

Последовала пауза, а затем Парвати вновь подняла руку:

— Скажите, сэр... а почему вас изгнали другие кентавры?

— Потому что я дал согласие работать у профессора Думблдора, — ответил Фиренце. — Они расценили это как предательство.

Гарри вспомнил, как почти четыре года назад кентавр Бейн ругал Фиренце, когда тот на собственной спине вывез Гарри в безопасное место. Бейн тогда сказал, что Фиренце «уподобился мулу»... Интересно, это Бейн ударил Фиренце в грудь?

— Начнем урок, — произнес Фиренце. Он взмахнул длинным серебристым хвостом, поднял руку к зеленому шатру над головой, потом медленно ее опустил — и свет померк. Над поляной сгостились сумерки, в небе зажглись звезды. Все заахали. Рон громко вскрикнул: «Ни фига себе!»

— Лягте на спину, — спокойно велел Фиренце, — и обратите взоры к небесам. Там, среди звезд, начертаны судьбы наших рас. Способные Видеть прочтут их.

Гарри растянулся на спине и уставился в потолок. Мерцающая красная звезда подмигнула ему с вышины.

— Мне известно, что на астрономии вы изучали названия планет и их спутников, — продолжал невозмутимый голос кентавра, — и отмечали на картах пути движения звезд. За много веков кентавры сумели раскрыть тайный смысл этих перемещений. Наши исследования говорят о том, что, поглядев в небеса, можно разгадать будущее...

— Мы с профессором Трелони проходили астрологию! — взволнованно перебила Парвати, лежа на спине и смешно выбрасывая

руку вверх. – Марс вызывает несчастные случаи, ожоги и всякие такие вещи, а когда он находится в оппозиции к Сатурну, как сейчас, – Парвати нарисовала в воздухе прямой угол, – надо осторожнее обращаться с горячими предметами...

– Все это, – безмятежно сказал Фиренце, – глупые людские выдумки.

Парвати беспомощно уронила руку.

– Незначительные происшествия, крошечные человечьи события, – Фиренце переступил копытами на мшистом полу, – для Вселенной – лишь жалкое муравьиное копошение. Движение планет на них не влияет.

– Но профессор Трелони... – начала Парвати с обидой в голосе.

– Тоже человек, – чуть пожал плечами Фиренце. – А посему слепа и опутана предрассудками, как и вся ваша порода.

Гарри, слегка повернув голову, взглянул на Парвати. Ее лицо горело оскорбленным возмущением – как, впрочем, и лица некоторых других учеников.

– Возможно, Сибилла Трелони способна Видеть, я не знаю, – продолжал Фиренце, прохаживаясь по полянке (Гарри слышал, как он хлещет хвостом), – но в целом она зря тратит время на чепуху, которую люди называют гаданием и которой сами себе льстят. Я же намерен поделиться с вами великим знанием – непредвзятым и беспристрастным. Взгляд кентавров устремлен в небеса. Иногда там появляются знаки – вестники беды или перемен. Но порой проходит десять лет, прежде чем мы поймем, что увидели.

Фиренце показал на красную звезду, висящую прямо над Гарри.

– Согласно знакам, последнее десятилетие в жизни колдовской расы – лишь краткое перемирие между двумя войнами. Марс, вдохновитель сражений, сияет ярко, а это означает, что скоро, очень скоро вновь грянет буря. Когда? Иногда кентаврам удается это узнать, сжигая определенные травы и листья, по форме дыма и пламени...

Это был самый необычный урок в жизни Гарри. Ребята жгли шалфей и медовую мальву на полу и старались разглядеть в едком дыму некие формы и символы, которых велел ждать Фиренце. То, что никто ничего не увидел, кентавра нисколько не смущило. Он сказал, что люди вообще плохо в этом разбираются, да и кентаврам требуются годы, чтобы хоть чему-то научиться, а напоследок сообщил, что глупо

слишком уж доверять знакам, ибо даже кентавры иногда трактуют их неверно. Такого учителя у Гарри еще не бывало. Казалось, главная задача Фиренце – не передать знания, а внушить ученикам, что никакое знание, даже знание кентавров, не является непреложным.

– Как-то у него все размыто, да? – шепнул Рон, когда они с Гарри тушили костер. – Я бы вот не отказался побольше узнать об этой войне, которая у нас тут будет.

Прямо за дверью громко зазвонил колокол, и все вздрогнули; Гарри совсем забыл, что они в замке, а не в лесу. Несколько озадаченные, ребята побрали из класса.

Гарри и Рон тоже хотели идти, но Фиренце сказал:

– Гарри Поттер, прошу на пару слов.

Гарри обернулся. Кентавр шагнул к нему. Рон замер в нерешительности.

– Можешь остаться, – разрешил Фиренце. – Но закрой, пожалуйста, дверь.

Рон торопливо выполнил просьбу.

– Гарри Поттер, ты – друг Огрида, верно? – начал кентавр.

– Да, – подтвердил Гарри.

– Тогда, будь добр, передай ему мое предупреждение. Попытки не увенчиваются успехом. Лучше их оставить.

– Попытки не увенчиваются успехом? – непонимающе повторил Гарри.

– И лучше их оставить, – кивнул Фиренце. – Я бы предупредил Огрида сам, но мне было бы неразумно появляться в окрестностях леса. Драка кентавров Огриду ни к чему, ему и так хватает забот.

– Но... какие попытки? – нервно спросил Гарри.

Фиренце окинул Гарри бесстрастным взглядом и промолвил:

– Недавно Огрид оказал мне большую услугу. И я очень уважаю его за то, что он заботится обо всех живых существах. Я не выдам его секрет. Но Огрида необходимо образумить. Попытки не увенчиваются успехом. Передай ему это, Гарри Поттер. Доброго дня вам обоим.

Душевный подъем, случившийся после выхода интервью, давно прошел. Скучный март незаметно сменился промозглым, ветреным апрелем, и жизнь опять превратилась в сплошную череду забот и тревог.

Кхембридж по-прежнему инспектировала все уроки ухода за магическими существами, и передать Огриду предупреждение Фиренце оказалось непросто. В конце концов Гарри притворился, будто забыл учебник «Фантастические твари и где они обитают», и вернулся за ним после урока. Он передал слова Фиренце, и Огрид, застигнутый врасплох, молча вытаращил опухшие, подбитые глаза. Потом опомнился и проворчал:

— Хороший парень, Фиренце, жалко, чепуху городит. С попытками порядок — чем надо, тем и увенчаются.

— Огрид, во что ты ввязался? — серьезно спросил Гарри. — Учи, тебе надо сидеть тихо. Кхембридж уже уволила Трелони, и, если хочешь знать мое мнение, это только начало. Если ты делаешь что-то не то, тебя...

— В жизни есть вещи поважней работы, — изрек Огрид. Но руки у него затряслись, и таз со сварлевым пометом грохнулся на пол. — Не парься из-за меня, Гарри. А теперь иди, иди, вот молодчага.

Пришлось отправиться восвояси, оставив Огрида собирать навоз, но, пока Гарри брел к замку, настроение у него было препаршивое.

Между тем, как постоянно напоминали учителя и Гермиона, неумолимо приближались экзамены на С.О.В.У. Пятиклассники испытывали большое нервное напряжение, и Ханна Аббот оказалась первой, кто получил от мадам Помфри смирительное зелье. Бедняжка расплакалась на гербологии, лепеча в перерывах между рыданиями, что непоправимо глупа, никогда не сдаст экзамены и лучше уйдет из школы прямо сейчас.

Если б не Д. А., Гарри было бы очень плохо. Казалось, он живет исключительно ради собраний, где отдает все силы, но взамен получает огромное удовольствие. Он очень гордился успехами своих учеников и порой воображал, что скажет Кхембридж, когда все они на экзаменах по защите от сил зла получат «великолепно».

Они перешли к вызову Заступников, чего все давно и с нетерпением ждали. Впрочем, Гарри не уставал напоминать: в ярко освещенной комнате, когда никому ничего не грозит, это совсем не то, что в реальных условиях, когда на тебя надвигается, скажем, дементор.

— Ой, не занудствуй, — беззаботно отмахнулась Чо на последнем занятии перед Пасхой, следя за своим серебристым лебедем, парящим под потолком. — Они такие хорошенъкие!

– Они должны быть не хорошенкие, а надежные, – попытался втолковать Гарри. – Нам бы пригодился вризрак... Я учился так: вызывал Заступника, когда вризрак изображал демонтора.

– Но это же очень страшно! – воскликнула Лаванда, чья палочка пыхала облачками серебристого пара. – А я... и так... никак... не могу... научиться! – сердито добавила она.

У Невилла тоже ничего не получалось. Он сосредоточенно морщился, но из кончика волшебной палочки вылетали лишь хлипкие клочки дыма.

– Надо думать о хорошем, – напомнил Гарри.

– Я стараюсь, – жалобно отозвался Невилл. Он действительно старался изо всех сил – круглое лицо блестело от пота.

– Гарри, кажется, получается! – заорал Шеймас. Он впервые пришел на занятие вместе с Дином. – Смотри... ой!.. исчез... Но, Гарри, он точно был мохнатый!

Вокруг Гермионы, резвясь, скакал ее Заступник – блестящая серебристая выдра.

– А они *и правда* милые, да? – Гермиона с нежностью глядела на свое творение.

Дверь Кстати-комнаты открылась и сразу закрылась. Гарри обернулся посмотреть, кто пришел, но никого не увидел. И только через несколько секунд осознал, что те, кто стоял ближе к двери, замолчали. Потом кто-то потянул его за подол. Гарри опустил голову и, к великому своему удивлению, увидел домового эльфа Добби: огромные круглые глаза под восемью шапками.

– Привет, Добби! – сказал Гарри. – Почему ты?.. В чем дело?

Эльф в ужасе таращился и дрожал. Все молчали и смотрели на него. Заступники рассеялись туманом, и в комнате потемнело.

– Гарри Поттер, сэр... – запищал эльф, дрожа с головы до ног. – Гарри Поттер, сэр... Добби пришел предупредить вас... хотя домовым эльфам не велено...

И Добби ринулся головой в каменную стену. Гарри, хорошо знакомый с повадками эльфа, попытался его перехватить, но не успел. К счастью, шапки смягчили удар, и Добби мячиком отскочил от стены. Гермиона и другие девочки сочувственно вскрикнули.

– Что случилось, Добби? – спросил Гарри, схватив эльфа за тонкую ручку, чтобы он не покалечился.

– Гарри Поттер... она... она...

Свободным кулаком эльф со всей силы вмазал себе по носу. Гарри схватил его за вторую руку.

– Кто «она», Добби?

Но он уже знал кто; столь неодолимый страх мог вызвать только один человек. Добби смотрел на Гарри склоненными к переносице глазами и беззвучно что-то шептал.

– Кхембридж? – спросил Гарри, похолодев.

Добби кивнул и тут же предпринял попытку головой стукнуться о колени Гарри. Тот отодвинул его подальше.

– Но что она? Добби? Она ведь не узнала про... про это... про нас... про Д. А.?

Ответ он прочел на потрясенном, убитом лице эльфа. Не в силах высвободить руки, Добби попытался пнуть себя ногой и упал.

– Она идет сюда? – почти беззвучно спросил Гарри.

Добби взвыл:

– Да, Гарри Поттер, да!

Гарри выпрямился и обвел взглядом неподвижных ребят, которые в страхе взирали на бьющегося эльфа.

– ЧЕГО ВЫ ЖДЕТЕ? – взревел Гарри. – БЕГИТЕ!

Все ринулись к выходу; у двери образовался затор, потом кто-то прорвался наружу. Прислушиваясь к быстрому топоту, Гарри от души надеялся, что у всех хватит ума бежать не в общежития, а в библиотеку или совяльню, это гораздо ближе, а сейчас ведь только без десяти девять...

– Гарри, быстрей! – пронзительно крикнула Гермиона из клубка толкающихся у двери.

Гарри подхватил на руки Добби, который упорно старался нанести себеувечья, и кинулся в конец очереди.

– Добби, послушай... это приказ... беги на кухню к остальным эльфам! Если она спросит, предупреждал ли ты меня, соври, скажи нет! – быстро заговорил Гарри. – И я запрещаю тебе себя калечить! – добавил он, отпуская эльфа, когда оказался наконец за дверью и захлопнул ее за собой.

– Спасибо, Гарри Поттер! – пискнул Добби, улепетывая.

Гарри посмотрел налево, направо... с обеих сторон сверкнули чьи-то пятки, и коридор опустел. Гарри бросился вправо; там, дальше,

туалет, и если он успеет добежать, то сможет притвориться, что...

— А-А-А-А-А!

Он на что-то наткнулся, полетел головой вперед и пропахал на животе футов пять или шесть. Сзади кто-то засмеялся. Гарри перекатился на спину и увидел Малфоя, притаившегося в нише под уродливой вазой в форме дракона.

— Спотыклявая порча, Поттер! — ухмыльнулся он. — Эй, профессор... ПРОФЕССОР! Я тут кое-кого поймал!

Из-за дальнего угла выскочила Кхембридж. Она задыхалась, но на лице играла торжествующая улыбка.

— Он! — победно крикнула Кхембридж, увидев на полу Гарри. — Очень хорошо, Драко, молодец! Пятьдесят баллов «Слизерину»! Я с ним разберусь... Вставайте, Поттер!

Гарри поднялся, с омерзением глядя на Кхембридж и Малфоя. Главная жаба никогда еще не была так счастлива. Она, как клещами, обхватила его локоть и, широко ухмыляясь, повернулась к Малфою:

— Поищи здесь, Драко, может, еще кого-нибудь найдешь. Скажи остальным, пусть заглянут в библиотеку... всех, кто тяжело дышит... да, и проверьте туалеты, мисс Паркинсон поможет... Скорей... А вы, — продолжила она самым нежным, самым страшным своим голоском, когда Малфой ушел, — вы, Поттер, вместе со мной идете к директору.

Очень скоро они оказались перед каменной горгульей. Гарри гадал, скольких его товарищей тоже схватили. Он думал о Роне — миссис Уизли его убьет — и о том, что будет с Гермионой, если ее исключат и она не сдаст экзаменов на С.О.В.У. А бедный Шеймас... на первом же занятии... А Невилл... у него так хорошо получалось...

— Шипучая шмелка, — пропела Кхембридж. Каменная горгулья отпрыгнула, стена расступилась, они взошли на движущуюся каменную лестницу и через минуту уже стояли перед полированной дверью с молотком-гриффоном. Впрочем, Кхембридж не стала стучать, а прошла прямо в кабинет, не ослабляя хватки на локте Гарри.

В кабинете было полно людей. Думблдор сидел за письменным столом — лицо безмятежно, пальцы домиком. Рядом очень прямо, с каменным лицом, стояла профессор Макгонаголл. Министр магии Корнелиус Фудж, чем-то очень довольный, на каблуках раскачивался у камина; по обе стороны от двери, как стража, выселись Кингсли Кандаллер и незнакомый колдун крепкого сложения и с жестким

ежиком. Поодаль, у стены, маячил веснушчатый, очкастый, вдохновенный Перси Уизли с пером и тяжелым пергаментным свитком – очевидно, готовился стенографировать.

Портреты директоров и директрис сегодня не притворялись спящими; они были насторожены и серьезны. При виде Гарри некоторые бросились к соседям и принялись жарко шептаться.

Дверь закрылась, и Гарри высвободился из рук Кхембридж. На него злобно, но удовлетворенно уставился Корнелиус Фудж.

– Так, – сказал он. – Так-так-так…

Гарри в ответ поглядел как только мог свирепо. Сердце выскакивало из груди, но в голове было на удивление ясно и спокойно.

– Он бежал к гриффиндорской башне, – объявила Кхембридж с прямо-таки неприличным возбуждением. Лицо ее сияло той жестокой радостью, с какой она наблюдала за рыдающей Трелони. – Его схватил Малфой-младший.

– Вот как? Молодец, – похвалил Фудж. – Не забыть рассказать Люциусу… Что же, Поттер… Надо думать, тебе известно, почему ты здесь?

Гарри хотел бросить в лицо министру вызывающее «да»; открыл рот, почти произнес это слово… и тут его взгляд случайно упал на Думбльдора. Тот смотрел не на Гарри, а куда-то выше его плеча, но, когда Гарри поглядел, Думбльдор чуть-чуть – на крохотную долю дюйма – повернул голову сначала в одну, потом в другую сторону.

Гарри переменил решение на полуслове.

– Д… нет.

– Что-что? – переспросил Фудж.

– Нет, – решительно повторил Гарри.

– Не знаешь, почему тебя сюда привели?

– Не знаю, – сказал Гарри.

Фудж, не веря собственным ушам, посмотрел на Кхембридж. Гарри воспользовался случаем, чтобы еще раз украдкой поглядеть на Думбльдора. Тот едва заметно кивнул и подмигнул ковру под ногами.

– Стало быть, ты понятия не имеешь, – голос Фуджа источал сарказм, – почему профессор Кхембридж привела тебя сюда? И не знаешь, что нарушил школьные правила?

– Школьные правила? – поднял брови Гарри. – Нет.

– Декреты министерства, – сердито поправился Фудж.

— Если и да, то мне об этом ничего не известно, — нахально заявил Гарри.

Сердце билось как бешеное. Врать стоило хотя бы ради того, чтобы у Фуджа подскочило давление, но выкрутиться не удастся. Если Кхембридж узнала про Д. А., Гарри, зачинщик, сейчас отправится собирать вещи.

— Значит, тебе неизвестно, — продолжал Фудж невнятным от гнева голосом, — что в школе обнаружено нелегальное ученическое общество?

— Нет. — Гарри спешно изобразил невинное удивление — нельзя сказать, что удачно.

— Полагаю, министр, — приятнейше пропела Кхембридж, — мы быстрее достигнем успеха, если я приведу осведомителя.

— Да, да, пожалуйста, — закивал Фудж. Кхембридж вышла. Фудж мстительно посмотрел на Думбльдора: — Что может быть лучше хорошего свидетеля, не так ли, Думбльдор?

— Истинно так, Корнелиус, — сурово ответил Думбльдор, склоняя голову.

Они ждали несколько минут, стараясь не встречаться взглядами; затем Гарри услышал за спиной скрип двери. Мимо прошла Кхембридж. Она вела за плечо Мариэтту, кудрявую подругу Чо, прятавшую лицо в ладонях.

— Не бойся, дорогая, не бойся, — мягко проговорила Кхембридж, похлопывая девочку по спине, — все в порядке. Ты все сделала правильно. Министр очень доволен. Он расскажет твоей маме, какая ты умница. Вы знаете мать Мариэтты, министр, — добавила Кхембридж, взглянув на Фуджа. — Это мадам Эджком из департамента волшебных путей сообщения, управление кружанных путей — помните, она помогала нам с каминами «Хогварца»?

— Отлично, отлично! — обрадовался Фудж. — Яблочко от яблоньки, а? Ну, детка, посмотри-ка на меня, не стесняйся, давай послушаем, что ты нам... ах ты ж, горгулья ясная!

Мариэтта подняла голову; Фудж в ужасе отшатнулся, попал ногой в камин и, чертыхнувшись, принялся топтать задымившийся подол. Мариэтта взвыла и натянула мантию до самых глаз. Тем не менее все успели увидеть уродливые лиловые гнойники на носу и щеках, образующие слово «ГНИДА».

— Забудь о прыщах, милая, — нетерпеливо сказала Кхембридж, — опусти мантию и расскажи министру...

Но Мариэтта опять глухо взывала и отчаянно затрясла головой.

— Ну хорошо, глупая, я расскажу, — рявкнула Кхембридж. Она вновь пристроила на лицо свою ужасную улыбочку и начала: — Итак, министр, сегодня вечером, вскоре после ужина, мисс Эджком пришла ко мне в кабинет, желая о чем-то рассказать. По ее словам выходило, что если я поднимусь в некую тайную комнату на седьмом этаже, так называемую Кстати-комнату, то найду нечто для себя приятное. Я расспросила ее подробнее и выяснила, что там состоится какое-то собрание. К несчастью, тут вступила в действие порча, — Кхембридж раздраженно указала на Мариэтту, — и мисс Эджком, случайно увидев себя в зеркале, так расстроилась, что больше не могла говорить.

— Ну что ж, — Фудж одарил Мариэтту взглядом, который, без сомнения, считал добрым и отеческим, — это очень смелый поступок. Ты сделала правильно. А теперь расскажи, что там происходило, на этом собрании? Для чего вы собирались? И кто там был?

Мариэтта не ответила и лишь раз потрясла головой, в страхе глядя перед собой широко раскрытыми глазами.

— А у нас что, нет контрпорчи? — нетерпеливо спросил Фудж у Кхембридж. — Чтобы она могла нормально разговаривать?

— Я пока не нашла, — неохотно призналась Кхембридж, и Гарри испытал невероятную гордость за Гермиону. — Но это не важно, она может и не говорить. Я сама. Помните, министр, в октябре я сообщала вам, что Поттер и некоторые другие учащиеся встречались в Хогсмеде, в «Башке борова»...

— У вас есть доказательства? — неожиданно вмешалась профессор Макгонаголл.

— Да, Минерва, — самодовольно заявила Кхембридж. — Показания Уилли Уиздесайерса, который оказался в баре в то же самое время. Он был весь забинтован, но слух его отнюдь не пострадал. Он слышал каждое слово Поттера и, поспешив в школу, передал мне...

— Так вот почему он не понес наказания за срыгивающие унитазы, — сказала профессор Макгонаголл, высоко поднимая брови. — Любопытная подробность! Вот как, оказывается, работает наша правоохранительная система!

– Вопиющая коррупция! – загрохотал могучий красноносый колдун с портрета над столом Думбльдора. – В мое время, господа, министерство не вступало в сделки с преступниками!

– Благодарю вас, Фортескью, однако успокойтесь, – мягко проговорил Думбльдор.

– Целью встречи, – продолжала профессор Кхембридж, – было склонить собравшихся к вступлению в нелегальное общество с тем, чтобы изучать заклятия и контрпорчу, исключенные министерством из школьной программы…

– Вы ошибаетесь, Долорес, – перебил Думбльдор, спокойно глядя поверх очков на крючковатом носу.

Гарри удивленно на него уставился. Как Думбльдор собирается вытащить его из этой передряги? Если Уилли Уиздесуйерс действительно все слышал, ему, Гарри, спасения нет…

– Ого! – Фудж снова закачался на пятках. – Да-да, давайте послушаем очередное вранье! Вы готовы на все, лишь бы обелить Поттера! Ну же, Думбльдор, говорите! Полагаю, Уилли Уиздесуйерс лжет? В «Башке борова» был не Поттер, а его близнец? Или все, как обычно, элементарно объясняется путешествием во времени, воскрешением из мертвых и парочкой невидимых дементоров?

Перси Уизли картино расхохотался:

– О, как смешно, министр, как остроумно!

Эх, пнуть бы его как следует! Тут Гарри, к своему огромному изумлению, увидел, что Думбльдор тоже улыбается.

– Не стану отрицать, Корнелиус, – уверен, не станет и Гарри, – он действительно был в «Башке борова» и хотел собрать группу для изучения защиты от сил зла. Я лишь хотел внести небольшое уточнение. Долорес Кхембридж неправа, утверждая, что в то время подобная группа была нелегальной. Если помните, министерский декрет, запрещающий школьные общества, появился через два дня после встречи в «Башке борова», а следовательно, Гарри не нарушил никаких правил.

У Перси сделался такой вид, будто он получил по физиономии чем-то очень тяжелым. Фудж, забыв опуститься на пятки, застыл с разинутым ртом.

Кхембридж пришла в себя первой.

— Все это прекрасно, директор, — сладко улыбнулась она, — но со дня издания декрета номер двадцать четыре прошло около полугода. И если первая встреча не была незаконной, то все остальные определенно были.

— Ну, — сказал Думблдор, с вежливым интересом глядя на Кхембридж поверх сплетенных пальцев, — *были бы*, если бы продолжались после издания декрета. Но есть ли тому доказательства?

Пока Думблдор это говорил, за спиной Гарри раздался странный шорох, и Кингсли как будто что-то произнес. К тому же нечто едва ощутимое — не то струя воздуха, не то птичье крыло — мазнуло Гарри по боку. Однако, опустив глаза, он ничего не заметил.

— Доказательства? — с кошмарной жабьей улыбкой повторила Кхембридж. — Вы не слушаете, Думблдор? Зачем я, по-вашему, привела Мариэтту Эджком?

— Ах, так она готова свидетельствовать за все полгода? — вскинул брови Думблдор. — Я-то думал, она сообщила только о сегодняшнем собрании.

— Мисс Эджком, дорогая, — тут же сказала Кхембридж, — расскажите, давно ли продолжались собрания. Можете только кивнуть или покачать головой — я уверена, прыщей от этого больше не станет. Итак: собрания происходили регулярно в течение последних шести месяцев?

У Гарри внутри все оборвалось. Вот, пожалуйста, — бесспорное доказательство, против которого не сможет возразить даже Думблдор.

— Кивни или покачай головой, милая, — ласково повторила Кхембридж, — ну давай! Заклятие не может действовать дважды.

Все, затаив дыхание, смотрели на Мариэтту, на ее глаза, видневшиеся между воротником и кудрявой челкой. Взгляд ее был как-то странно пуст — или это только казалось из-за отблесков камина? Потом, к величайшему изумлению Гарри, Мариэтта помотала головой.

Кхембридж глянула на Фуджа и снова уставилась на Мариэтту:

— Ты, наверное, не поняла вопроса, дорогая? Я спрашиваю: ты посещала эти собрания в течение последних шести месяцев? Да?

Мариэтта опять помотала головой.

— Что это значит, дорогая? — злобно спросила Кхембридж.

— По-моему, смысл очевиден, — резко сказала профессор Макгонаголл, — в течение последних шести месяцев никаких тайных

собраний не было. Верно, мисс Эджком?

Мариэтта кивнула.

– Но сегодня вечером оно было! – в ярости закричала Кхембридж. – Собрание было, мисс Эджком, в Кстати-комнате, вы сами сказали! И Поттер был зачинщиком, не так ли? Поттер – организатор, он... *Что ты трясеешь головой, девчонка?*

– Обычно, когда человек качает головой, – ледяным тоном отчеканила профессор Макгонаголл, – он имеет в виду «нет». Поэтому, если только мисс Эджком не пользуется языком жестов, доселе неизвестным человечеству...

Профессор Кхембридж схватила Мариэтту, развернула ее лицом к себе и изо всех сил затрясла. Думбльдор тотчас оказался на ногах и стоял, вскинув волшебную палочку; Кингсли шагнул к Кхембридж – и та отскочила от Мариэтты, размахивая руками, будто обожглась.

– Я не могу допустить рукоприкладства, Долорес, – сказал Думбльдор, впервые за все время рассердившись.

– Давайте успокоимся, мадам Кхембридж, – низко, тягуче промолвил Кингсли. – Мы же не хотим неприятностей, правда?

– Нет, – почти беззвучно выдохнула Кхембридж, поднимая глаза на громадного Кингсли. – В смысле да... вы правы, Кандальер... я... немного забылась.

Мариэтта неподвижно стояла там, где ее отпустили. Казалось, ее нисколько не всполошили ни внезапная атака, ни столь же внезапное освобождение; она прижимала мантию к лицу и бессмысленно пялилась в пустоту.

Вспомнив шепот Кингсли и нечто проскользнувшее мимо, Гарри кое-что заподозрил.

– Долорес, – подсказал Фудж с видом человека, намеренного расставить точки над «и», – сегодняшнее собрание... оно точно имело место...

– Да, – Кхембридж взяла себя в руки, – да... Так вот, мисс Эджком сообщила о собрании, и я вместе с некоторыми *надежными* учениками немедленно отправилась на седьмой этаж, с тем чтобы схватить нарушителей на месте преступления. Однако их, видимо, предупредили, так как, пока мы поднимались, они успели разбежаться. Впрочем, это не имеет значения. Все фамилии мне известны. Кроме того, мисс Паркинсон по моей просьбе осмотрела Кстати-комнату на

предмет обнаружения улик. И Кстати-комната предоставила то, что было весьма кстати.

Тут, к ужасу Гарри, Кхембридж достала из кармана список группы и передала Фуджу.

— Увидев фамилию Поттера, я сразу поняла, с чем мы имеем дело, — тихо проговорила Кхембридж.

— Превосходно, — на лице Фуджа расцвела улыбка, — превосходно, Долорес. И... разрази меня гром...

Он поглядел на Думбльдора. Тот, бессильно опустив волшебную палочку, стоял подле Мариэтты.

— Так вот как они себя называют? — медленно произнес Фудж. — «Думбльдорова армия».

Думбльдор взял у Фуджа пергаментный лист, посмотрел на заглавие, написанное Гермионой полгода назад, и на некоторое время как будто лишился дара речи. Затем, улыбаясь, поднял глаза.

— Что же, игра окончена, — просто сказал он. — Вам нужно письменное признание, Корнелиус, или устного заявления в присутствии свидетелей будет достаточно?

Кингсли и профессор Макгонаголл переглянулись — в их лицах читался страх. Гарри решительно не понимал, что происходит, — так же как и Фудж.

— Заявление? — недоуменно переспросил Фудж. — Какое... я не по...

— «Думбльдорова армия», Корнелиус. — Думбльдор, не переставая улыбаться, помахал списком перед лицом министра. — Не «Поттерова армия». *Думбльдорова*.

— Но... но...

В глазах Фуджа мелькнуло понимание. Он в ужасе отшатнулся, взвизгнул и опять выскоцил из камина.

— Вы? — прошептал он, затаптывая задымившийся подол.

— Именно, — любезно подтвердил Думбльдор.

— Все это организовали вы?

— Я, — кивнул Думбльдор.

— Набрали армию школьников?.. Собственную армию?

— Сегодня должно было состояться первое собрание, — пояснил Думбльдор. — С единственной целью — чтобы дети подтвердили свое согласие в нее вступить. Разумеется, теперь я вижу, что было ошибкой пригласить мисс Эджком.

Мариэтта кивнула. Фудж поглядел на нее, на Думбльдора и гневно раздул грудь.

– Так вы *действительно* хотели устроить заговор против меня! – завопил он.

– Действительно, – весело согласился Думбльдор.

– НЕТ! – выкрикнул Гарри.

Кингсли ожег его взглядом, Макгонаголл угрожающе расширила глаза, но до Гарри внезапно дошло, что затевает Думбльдор, и он чувствовал, что обязан этому помешать.

– Нет!.. Профессор Думбльдор!..

– Тише, Гарри, иначе, боюсь, тебе придется покинуть мой кабинет, – спокойно сказал Думбльдор.

– Да уж, помолчи, Поттер! – рявкнул Фудж. В потрясении и восторге он не сводил с Думбльдора вытаращенных глаз. – Так-так-так... Я прибыл сюда, чтобы исключить Поттера, а вместо этого...

– Вместо этого арестуете меня, – улыбнулся Думбльдор. – Потеряли кнуд, а нашли галлеон, так?

– Уизли! – закричал Фудж, задрожав в ликовании. – Уизли, вы все записали, все, что он сказал? Его признание и все-все-все?

– Да, сэр, да! – пылко отозвался Перси. Его нос был весь забрызган чернилами – с такой скоростью он строчил.

– И про армию для борьбы с министерством, и про то, что он хотел подорвать мое положение?

– Да, сэр, да, все записал! – ответил Перси, вдохновенно просматривая записи.

– Вот и замечательно, – просиял Фудж, – сделайте копию, Уизли, и немедленно отошлите в «Оракул». Если послать срочной совой, они успеют дать это в утреннем выпуске! – Перси ринулся вон из кабинета. Дверь с грохотом захлопнулась, и Фудж повернулся к Думбльдору: – А вас сопроводят в министерство и по исполнении формальных процедур переправят в Азкабан, дожидаться суда!

– А, – мягко проговорил Думбльдор, – разумеется. Вот загвоздка. Впрочем, я это предполагал.

– Загвоздка? – все так же радостно переспросил Фудж. – Не вижу никаких загвоздок, Думбльдор!

– А я, – извиняющимся тоном сказал Думбльдор, – к сожалению, вижу.

— Ах, неужели?

— Дело в том... вы рассуждаете, исходя из убеждения, что я... как бы это?.. *безропотно подчинюсь*. Увы, Корнелиус, этого не произойдет. Я не имею ни малейшего желания отправляться в Азкабан. Разумеется, я легко смогу бежать — но это такая бездарная потеря времени! Говоря откровенно, у меня масса других дел, которые я безусловно предпочту пребыванию в Азкабане.

Хембридж с каждой минутой все гуще краснела, будто ее медленно заливали кипятком. Фудж ошарашенно смотрел на Думблдора — так, словно получил по физиономии, но никак не мог в это поверить. Он как-то странно закудахтал, а потом оглянулся на Кингсли и человека с седым ежиком, единственного из всех, кто до сей поры не издал ни звука. Последний ободряюще кивнул Фуджу и отступил от стены. Его рука небрежно скользнула к карману.

— Не делайте глупостей, Давлиш, — ласково сказал Думблдор. — Не сомневаюсь, вы прекрасный аврор — насколько я помню, все экзамены на П.А.У.К. вы сдали с оценкой «великолепно», — но если вы попытаетесь... э-э... *применить силу*, я не гарантирую вашей безопасности.

Человек по фамилии Давлиш глупо заморгал и опять посмотрел на Фуджа — на сей раз надеясь на подсказку, что делать дальше.

— Вы что, — осклабился Фудж, приходя в себя, — хотите в одиночку справиться со мной, Давлишем, Кандальером и Долорес?

— Мерлинова борода, разумеется, нет, — улыбнулся Думблдор, — если вы не станете дурить.

— Ему не придется действовать в одиночку! — громко объявила профессор Макгонаголл, запуская руку во внутренний карман мантии.

— Придется, Минерва, придется, — резко возразил Думблдор. — Вы нужны «Хогварцу»!

— Ну все, довольно! — воскликнул Фудж, выхватывая волшебную палочку. — Давлиш! Кандальер! *Взять его!*

Сверкнула серебристая молния; раздался грохот, напоминавший ружейный выстрел; кабинет заходил ходуном; чья-то рука схватила Гарри за шиворот и швырнула на пол. В тот же миг вспыхнула вторая молния; загадели портреты; Янгус пронзительно вскрикнул; комнату наполнило густое облако пыли. Гарри закашлялся; перед ним с грохотом упал кто-то высокий и темный; раздался чей-то визг, что-то

рухнуло, кто-то завопил: «Нет!»; разбилось стекло; быстро пробежали чьи-то ноги, послышался стон... и наступила тишина.

Гарри с трудом повернулся, чтобы посмотреть, кто его чуть не придушил, и увидел пригнувшуюся Макгонаголл; это она бросила его и Мариэтту на пол, подальше от опасности. В воздухе по-прежнему стояла пыль, Гарри никак не мог отдохнуться. К ним приблизился кто-то очень высокий.

— Целы? — спросил Думблдор.

— Да! — ответила профессор Макгонаголл, вставая и вздергивая на ноги Гарри и Мариэтту.

Пыль начала оседать. Стали видны причиненные разрушения: опрокинутый письменный стол, рухнувшие тонконогие столики, обломки серебристых приборов. Фудж, Кхембридж, Кингсли и Давлиш неподвижно лежали на полу. Феникс Янгус с тихим пением парил над ними широкими крыльями.

— К сожалению, пришлось околдовать и Кингсли, иначе было бы слишком подозрительно, — еле слышно пояснил Думблдор. — Надо сказать, он сегодня действовал просто блестяще: пока все отвлеклись, модифицировал память мисс Эджком! Поблагодарите его от моего имени, Минерва, хорошо? Далее. Очень скоро они очнутся. Им лучше не знать, что мы с вами успели переговорить, — ведите себя так, будто они потеряли сознание всего на миг. Они ни о чем не догадаются.

— Куда вы отправитесь, Думблдор? — шепотом спросила профессор Макгонаголл. — На площадь Мракэнтлен?

— О нет, — с мрачной улыбкой ответил Думблдор, — скрываться я не намерен. Фудж еще пожалеет, что выставил меня из «Хогварца», это я вам обещаю.

— Профессор Думблдор... — пролепетал Гарри.

Он не знал, с чего и начать: как он сожалеет, что организовал Д. А. и причинил столько неприятностей, или как ему горько, что из-за него Думблдор покидает школу? Но директор не дал ему вымолвить ни слова.

— Послушай меня, Гарри, — с напором заговорил он, — ты должен научиться окклуменции, понимаешь? Делай все, что велит профессор Злей, упражняйся каждый вечер перед сном, чтобы прекратились кошмары, — скоро ты поймешь, зачем это нужно, но сейчас просто пообещай...

Человек по фамилии Давлиш пошевелился. Думбльдор схватил Гарри за запястье:

– Помни... необходимо закрыть сознание...

Но, едва пальцы Думбльдора прикоснулись к коже, шрам пронзила боль, и Гарри охватило кошмарное, жгучее желание ударить директора, укусить, разорвать...

– Скоро ты все поймешь, – шепнул Думбльдор.

Янгус сделал последний круг и завис над головой хозяина. Думбльдор отпустил Гарри, поднял руку и взялся за длинный птичий хвост. Полыхнуло пламя, и оба исчезли.

– Где он? – завопил Фудж, садясь на полу. – *Где он?*

– Не знаю! – заорал Кингсли, вскакивая.

– Дезаппариовать он не мог! – выпалила Кхембридж. – Из школы невозможно дезаппариовать...

– На лестницу! – закричал Давлиш, ринулся к двери, рывком распахнул ее и исчез. За ним бросились Кингсли и Кхембридж. Фудж, поразмыслив, медленно встал и отряхнулся. Повисло долгое, напряженное молчание.

– Итак, Минерва, – злорадно сказал Фудж, оправляя порванный рукав. – Боюсь, вашему другу Думбльдору пришел конец.

– О, вы так думаете? – очень обидным тоном отозвалась профессор Макгонаголл.

Фудж как будто не услышал. Он осмотрел разгромленный кабинет. Портреты, глядя на него, злобно шипели, а кое-кто очень грубо жестикулировал.

– Отправьте-ка этих двоих спать, – приказал Фудж, обрачиваясь к Макгонаголл и указывая подбородком на Гарри и Мариэтту.

Не ответив, профессор Макгонаголл быстро повела их к выходу. Когда уже закрывалась дверь, Гарри успел услышать обрывок фразы, сказанной Финеем Нигеллием:

– Знаете, министр, мы, конечно, во многом расходимся с Думбльдором, но, согласитесь, у него есть стиль...

Глава двадцать восьмая

Худшее воспоминание Злея

УКАЗОМ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

Альбус Думблдор отстранен от должности директора школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц». На его место назначена Долорес Джейн Кхембридж (главный инспектор).

Данный указ выпущен на основании декрета об образовании № 28.

Подпись:

Корнелиус Освальд помадки

Министр магии

Объявления развесили по школе ночью. Из них никак нельзя было узнать, что Думблдор, одолев двух авроров, главного инспектора и министра магии с младшим помощником, скрылся в неизвестном направлении, а между тем об этом знал каждый; о побеге гудела вся школа. Разумеется, при многочисленных пересказах искались кое-какие подробности (например, Гарри слышал, как одна второклассница уверяла подружку, что Фудж попал к св. Лоскуту и вместо головы у него тыква), но в целом излагали на удивление точно. В частности, было доподлинно известно, что Гарри и Мариэтта – единственные свидетели случившегося, и, поскольку Мариэтта лежала в лазарете, с вопросами приставали к Гарри.

– Думблдор скоро вернется, – уверенно заявил Эрни Макмиллан, выслушав рассказ Гарри по дороге с гербологии. – Они ничего не смогли с ним сделать, когда мы были во втором классе, и теперь тоже не смогут. Жирный Монах говорит, – Эрни заговорщицки понизил голос, и Гарри, Рон и Гермиона наклонились ближе, – что вчера вечером, когда они обыскали замок и территорию, Кхембридж хотела вернуться в кабинет Думблдора. А горгулья ее не пустила. Кабинет закрылся сам собой, и все. – Эрни ухмыльнулся. – Говорят, у жабы случилась истерика.

— Воображаю. Она, наверно, уже видела себя в директорском кресле, — мстительно произнесла Гермиона. Ребята почти уже поднялись в вестибюль. — Как она сидит и властвует над всеми учителями! Тупая, наглая, деспотичная, старая...

— Уверена, что хочешь высказаться до конца, Грейндженер?

Откуда-то из-за двери выскользнул Драко Малфой — как всегда, в сопровождении Краббе и Гойла. Бледное острое лицо светилось злобной радостью.

— Боюсь, придется лишить «Гриффиндор» и «Хуффльпuff» парочки баллов, — прощедил он.

— Ты не можешь вычитать баллы у других старост, — возразил Эрни.

— Я в курсе, что *старосты* не имеют права вычитать баллы, — осклабился Малфой. Краббе и Гойл захихикали. — Зато члены инспекционной бригады...

— Члены *чего*? — вскинулась Гермиона.

— Инспекционной бригады, Грейндженер, — повторил Малфой, тыча в серебряную буковку «И» под значком старосты. — Бригада поддержки министерства магии, набранная лично профессором Кхембридж. Мы имеем право вычитать баллы... Поэтому, Грейндженер, минус пять баллов за грубость по отношению к нашему новому директору. А с тебя, Макмиллан, пять за пререкания со мной. С Поттера пять за то, что он мне не нравится. А у тебя, Уизли, рубашка не заправлена, так что тоже минус пять. Да, и еще, Грейндженер, я забыл: с тебя минус десять за то, что ты мугродье.

Рон выхватил палочку, но Гермиона оттолкнула ее, шепнув:

— Не надо!

— Мудро, Грейндженер, — прошипел Малфой. — Новый директор — новые времена... Так что ведите себя прилично... Потрох... Король Уизгляк...

И, от души хохоча, Малфой удалился вместе с Краббе и Гойлом.

— Это блеф, — в ужасе залепетал Эрни. — Ему не могли дать право вычитать баллы... это просто смешно... это подрывает институт старост...

Но Гарри, Рон и Гермиона машинально повернулись к четырем гигантским песочным часам в нишах; часы показывали количество баллов, которые заработали колледжи. Утром с равным счетом

лидировали «Гриффиндор» и «Вранзор». А сейчас у ребят на глазах камешки летели вверх, понижая уровень в нижних колбах. Ничто не менялось лишь в изумрудных часах «Слизерина».

– Заметили, да? – сказал голос Фреда.

Они с Джорджем только что спустились по мраморной лестнице.

– Малфой лишил нас примерно пятидесяти баллов, – в ярости сообщил Гарри, глядя, как еще несколько камешков улетают вверх.

– Утром, на перемене, Монтегю попытался сделать то же самое с нами, – отозвался Джордж.

– Что значит «попытался»? – тут же заинтересовался Рон.

– Бедняга не успел договорить, – объяснил Фред, – поскольку был засунут башкой вперед в шкаф-исчезант на первом этаже.

– Но вам же надают по шее! – воскликнула потрясенная Гермиона.

– Пока Монтегю не объявится, не надают, а я понятия не имею, куда мы его отправили, – невозмутимо заявил Фред. – И потом, наши шеи больше ничего не боятся.

– А когда-нибудь боялись? – повела бровью Гермиона.

– Ну как же, – сказал Джордж. – Нас ведь еще ни разу не исключали.

– Мы никогда не переступали черту, – сказал Фред.

– Разве что на полпальчика, – уточнил Джордж.

– Но никогда не устраивали *настоящего* безобразия, – пояснил Фред.

– А теперь? – робко спросил Рон.

– А тепе-ерь... – протянул Джордж.

– ...когда Думблдора нет... – подхватил Фред.

– ...нам кажется, настояще безобразие... – продолжил Джордж.

– ...это именно то, чего заслуживает наша дорогая новая директриса, – закончил Фред.

– Вы что! – прошептала Гермиона. – Вы что! Она только и ищет предлога, чтобы вас исключить!

– Гермиона, ты не поняла, да? – улыбнулся Фред. – Нам тут больше делать нечего. Собственно, мы бы уже ушли, но сначала хотим уважить Думблдора. Короче, – он посмотрел на часы, – скоро час «Х» этапа номер один. На вашем месте я бы пошел в Большой зал обедать – чтобы учителя знали, что вы ни при чем.

– При чем «ни при чем»? – встревожилась Гермиона.

– Увидишь, – сказал Джордж. – Ну, дети, бегите.

Близнецы повернулись и растворились в толпе школьников, спешащих на обед. Эрни растерянно пробормотал что-то насчет невыполненного задания по превращениям испешно ретировался.

– Кажется, *и правда* надо уходить, – нервно пробормотала Гермиона. – На всякий случай...

– Да, точно, – согласился Рон, и все трое шагнули к дверям Большого зала. Гарри успел лишь мельком взглянуть на потолок и бегущие по нему белые облака, и тут кто-то похлопал его по плечу. Он круто обернулся и оказался нос к носу со смотрителем Филчем. Гарри торопливо отступил; чем дальше от Филча, тем лучше.

– Тебя к директору, Поттер, – с отвратительной ухмылкой сообщил Филч.

– Это не я, – по-глупому сказал Гарри, сразу подумав о коварных замыслах Фреда и Джорджа. Брылы Филча затряслись от беззвучного смеха.

– На воре шапка горит, а? – одышливо прохрипел он. – Следуй за мной.

Гарри оглянулся на Рона и Гермиону. Оба встревоженно хмурились. Он пожал плечами и за Филчем пошел назад в вестибюль, навстречу потоку оголодавших школьников.

Филч пребывал в прекрасном настроении и, всходя по мраморной лестнице, скрипуче напевал что-то себе под нос. Одолев первый марш, он сказал:

– Времена изменились, Поттер.

– Я заметил, – сухо ответил Гарри.

– Да-с... Сколько лет я твердил Думблдору, что он с вами слишком цацкается. – Филч противно захихикал. – Вы ведь, пакостники, не осмелились бы бросить ни одной вонючей бомбочки, если б знали, что я могу надавать плетей, да так, что шкура сойдет, верно? Не посмели бы выпускать в коридорах пилозубых пчел, если б я имел право подвесить вас за ноги в своем кабинете! Но скоро, Поттер, скоро выйдет указ номер двадцать девять, и у меня появится власть! Вот тогда я смогу развернуться... а еще, я знаю, *она* попросила министра подписать приказ об увольнении Дрюзга... о, теперь, *с нею* во главе, все пойдет иначе...

Очевидно, Кхембридж не пожалела сил, чтобы умаслить Филча. Что хуже всего, Филч действительно серьезный противник; секретные переходы и тайники он знает немногим хуже, чем близнецы Уизли.

– Вот и пришли, – глянув на Гарри, ухмыльнулся Филч, трижды постучал в кабинет Кхембридж и толкнул дверь. – К вам Поттер, мэм.

Кабинет, до боли знакомый Гарри, нисколько не изменился, если не считать внушительного деревянного бруска на письменном столе, где большими золотыми буквами было написано: «ДИРЕКТОР». А позади стола Гарри увидел свой «Всполох» и «Чистые победы» близнецов, перекрученные цепями и пристегнутые к толстой металлической штанге в стене. Сердце мучительно сжалось.

Кхембридж сидела за столом и деловито строчила что-то на розовом пергаменте, но, как только вошли Гарри и Филч, подняла голову и широко улыбнулась.

– Благодарю вас, Аргус, – промурлыкала она.

– Не за что, мэм, не за что. – И, низко кланяясь, насколько позволял ревматизм, Филч попятился к выходу.

– Садитесь, – коротко приказала Кхембридж, указывая на стул. Гарри сел. Она продолжала писать. Поверх ее головы Гарри смотрел на отвратных котят, резвящихся на настенных тарелочках, и гадал, какие еще пытки приготовила для него новоиспеченная директриса.

– Итак, – Кхембридж отложила перо и посмотрела на Гарри, довольная, как жаба, нацелившаяся на очень вкусную муху. – Что будете пить?

– А? – Гарри был уверен, что не рассышал.

– Пить, мистер Поттер, – повторила Кхембридж, шире растягивая губы. – Чай? Кофе? Тыквенный сок?

Называя напитки, она взмахивала палочкой, и на столе появлялась чашка или стакан.

– Спасибо, ничего.

– Но я бы очень хотела, чтобы вы составили мне компанию. – Ее голос приобрел угрожающую медоточивость. – Выпейте что-нибудь.

– Ладно… тогда чай, – пожал плечами Гарри.

Она поднялась и, повернувшись к нему спиной, с нарочитой прилежностью стала наливать в чай молоко. Затем, шурша одеянием и пугающе любезно улыбаясь, обошла вокруг стола.

— Прошу. — Она протянула чашку. — Пейте, пока не остыл. Ну-с, мистер Поттер... Думаю, нам необходимо обсудить прискорбные события прошлой ночи.

Гарри промолчал. Кхембридж вернулась за стол и подождала. Пауза затянулась. Потом Кхембридж бодро сказала:

— Но вы ничего не пьете!

Он поднес чашку к губам, потом резко опустил. Круглые голубые глаза одного из страшенных котят напоминали волшебный глаз Хмури, что и навело Гарри на кое-какие мысли. Что сказал бы Шизоглаз, узнав, как Гарри принял питье из рук заведомого врага?

— В чем дело? — осведомилась Кхембридж, не спуская с него внимательного взгляда. — Хотите сахару?

— Нет, — сказал Гарри.

Он опять поднес чашку ко рту и, не разжимая губ, притворился, будто пьет. Улыбка Кхембридж стала шире.

— Хорошо, — прошептала она. — Очень хорошо. Итак... — Она чуть наклонилась вперед. — *Где сейчас Альбус Думблдор?*

— Понятия не имею, — ответил Гарри.

— Пейте, пейте. — Кхембридж не переставала улыбаться. — И, мистер Поттер, давайте оставим детские игры. Я знаю, что вам известно, куда он направился. Вы и Думблдор вместе замешаны в этой истории. Подумайте о своем положении, мистер Поттер...

— Я не знаю, где он, — повторил Гарри.

Он притворился, будто отпил еще.

— Очень хорошо, — недовольно бросила она. — В таком случае будьте любезны сказать, где находится Сириус Блэк.

У Гарри внутри все оборвалось. Рука с блюдцем дрогнула, чашка задребезжала. Он приставил ее к плотно сжатым губам, и горячая жидкость пролилась на мантию.

— Не знаю, — ответил он поспешнее, чем следовало.

— Мистер Поттер, — сказала Кхембридж, — позвольте напомнить, что именно я в октябре месяце чуть не схватила беглого преступника Блэка в камине гриффиндорской башни. И мне превосходно известно, что он был там ради встречи с вами. Имей я доказательства, вы оба не оставались бы по сей день на свободе. Повторяю вопрос, мистер Поттер: где Сириус Блэк?

— Понятия не имею, — громко ответил Гарри. — Ни малейшего.

Они смотрели друг на друга так долго, что у Гарри заслезились глаза. Затем Кхембридж встала.

— Хорошо, Поттер, на сей раз я вам поверю, но имейте в виду: за мной — мощь всего министерства. Все каналы связи с внешним миром просматриваются. За всеми каминами «Хогварца» — исключая мой, разумеется, — постоянно следит диспетчер кружаных сетей. Инспекционная бригада вскрывает и просматривает входящую и исходящую корреспонденцию. Мистер Филч охраняет все тайные входы и выходы. И если найдется малейшее подтверждение...

БУММ!

Пол кабинета содрогнулся. Пораженная Кхембридж едва не соскользнула со стула и ухватилась за стол.

— Что это?..

Она посмотрела на дверь. Гарри воспользовался случаем и вылил чай в ближайшую вазу с сухоцветами. Откуда-то снизу неслись крики и топот.

— Идите обедать, Поттер! — крикнула Кхембридж, вскинула палочку и выбежала из кабинета. Гарри дал ей пару секунд форы и поспешил следом выяснить, в чем дело.

Узнать это оказалось нетрудно. Этажом ниже царил полнейший кавардак: похоже, кто-то (и Гарри, кажется, знал кто) поджег огромную корзину зачарованных фейерверков.

Всюду, грохоча и изрыгая огненное пламя, летали драконы из зеленых и золотых искр; с жутким свистом туда-сюда носились пятифутовые ярко-розовые огненные колеса, будто косяк летающих тарелок; ракеты, рикошетом отскакивая от стен, распускали сверкающие хвосты серебряных искр; бенгальские огни писали в воздухе грубые ругательства; на каждом шагу как бомбы взрывались петарды, и, вместо того чтобы выгореть дотла или шипя погаснуть, эти чудеса пиротехники двигались все быстрее и горели все ярче.

Филч и Кхембридж в ужасе застыли на лестнице. Когда Гарри на них посмотрел, крупное огненное колесо, которому, видимо, не хватало места для маневра, с грозным «уи-и-и-и-и-и-и-и-и» покатило на директора и смотрителя. Оба заорали и пригнулись. Колесо, просвистев над их спинами, вылетело в окно и помчалось по двору. Тем временем несколько драконов и интенсивно дымящая гигантская

летучая мышь пурпурного цвета вырвались в открытую дверь в конце коридора и устремились на второй этаж.

– Скорее, Филч, скорее! – завопила Кхембридж. – Надо что-то делать, не то их разнесет по всей школе! Обомри!

Сноп красного света, выпущенный ее волшебной палочкой, ударили по ракете. Та, однако, вовсе не застыла в воздухе, а взорвалась, да так, что пробила дыру в картине с весьма сентиментальным сюжетом. К счастью, ведьмочка, гулявшая по лужайке, успела вовремя убежать и пару секунд спустя, вся помятая, появилась на соседнем полотне. Колдуны, игравшие там в карты, поспешили вскочили, освобождая ей место.

– Не пользуйтесь сногсшибателем, Филч! – гневно закричала Кхембридж, как будто это он произнес заклинание.

– Слушаюсь, директор! – прохрипел тот. Какие сногсшибатели? Полный швах, с тем же успехом он мог глотать эти ракеты. Ринувшись к ближайшему шкафу, Филч выхватил метлу и принялся тыкать ею в петарды; хворостины тут же загорелись.

Гарри решил, что насмотрелся; он пригнулся и смеясь побежал к секретной двери за гобеленом чуть дальше по коридору. Проскочив туда, он столкнулся с Фредом и Джорджем. Близнецы, слушая вопли Кхембридж и Филча, с трудом сдерживали хохот.

– Сильно, – улыбаясь, шепнул Гарри, – очень сильно... Доктор Филибустер отдыхает.

– Спасиочки, – прошептал Джордж, утирая слезы. – Надеюсь, она попробует исчезальное заклинание... Их тогда становится в десять раз больше.

Весь день по всей школе горели фейерверки. И хотя они, особенно петарды, причиняли множество неудобств и разрушений, учителя не выражали особенного недовольства.

– Батюшки, какой ужас, – сардонически прокомментировала профессор Макгонаголл, когда в класс, оглушительно грохоча и выдыхая пламя, ворвался дракон. – Мисс Браун, пожалуйста, сбегайте за директором, сообщите, что к нам в аудиторию случайно залетела штуиха.

В итоге свой первый день директорства профессор Кхембридж провела, бегая по вызовам подчиненных, которые, казалось, поголовно не умели справиться с закодованными фейерверками без ее помощи.

Когда колокол возвестил конец последнего урока и гриффиндорцы отправились к себе в башню, Гарри с невыразимым удовлетворением увидел встрепанную, измазанную сажей Кхембридж, с потным лицом выходящую из класса Флитвика.

– О, благодарю вас, профессор! – пищал вслед Флитвик. – Конечно, я мог бы погасить бенгальские огни сам, но сомневался, имею ли право...

И, сияя, нахально захлопнул дверь перед ее перекошенной физиономией.

Вечером Фред и Джордж были героями гриффиндорской гостиной. Даже Гермиона пробилась сквозь восторженную толпу, чтобы их поздравить.

– Фейерверк был загляденье! – восхищенно сказала она.

– Спасибо, – ответил Джордж с удивленным, но довольным видом. – «Улетная Убайма Уизли». Одна беда, извели весь запас; завтра придется начинать по новой.

– Все равно дело того стоило, – проговорил Фред, принимая заказы у настойчивой толпы. – Если хочешь записаться в очередь, Гермиона, то пять галлеонов за «Пакет простейших полыхалок» и двадцать за «Долбанады Делюкс»...

Гермиона вернулась к столику, где сидели Гарри и Рон. Те смотрели на свои рюкзаки с таким видом, точно ждали, что домашние задания выпрыгнут оттуда и начнут делаться сами.

– Слушайте, может, денек отдохнем? – беззаботно предложила Гермиона, когда мимо окна пронеслась среброхвостая ракета. – В конце концов, в пятницу начинаются пасхальные каникулы, у нас еще будет масса времени.

– Ты себя как чувствуешь? Нормально? – поинтересовался Рон, вытаращившись на Гермиону.

– Раз уж ты спрашиваешь, – счастливо ответила та, – знаешь... пожалуй, я настроена бунтарски.

Часом позже Гарри и Рон поднялись в спальню. Вдалеке еще гремели петарды. Гарри начал раздеваться. Мимо башни проплыл бенгальский огонь, старательно выписывая в воздухе слово «КАКА».

Гарри лег, зевнул. Без очков фейерверки за окнами казались размытыми кляксами, облаками, что красиво и таинственно мерцали в черном небе. Он повернулся на бок, размышая, понравился ли

Кхембридж первый день на месте Думбльдора и что скажет Фудж, узнав, что в школе царит полный хаос. Улыбаясь, Гарри закрыл глаза...

Свист и грохот фейерверков отдалялись... или это он сам все быстрее уносился куда-то...

Он попал прямо в коридор возле департамента тайн. И помчался к черной двери... *Пусть она откроется... пусть откроется...*

Дверь открылась. Гарри оказался в круглом помещении со множеством одинаковых дверей... пересек его, толкнул одну дверь... она открылась...

Вот он уже в длинной прямоугольной комнате... Отовсюду слышится странное механическое клацанье... На стене танцуют блики... Гарри не задержался посмотреть... надо идти дальше...

В дальней стене – дверь... тоже легко откачнулась...

Тускло освещенный зал, просторный, высокий, как собор... сплошные стеллажи, заставленные пыльными шариками из непрозрачного стекла... сердце быстро-быстро забилось... он знает, куда идти... Гарри побежал... но его шагов не было слышно в этом огромном зале...

Здесь есть что-то очень желанное...

То, о чем он страстно мечтает... он или кто-то другой?..

Боль в шраме...

БАБАХ!

Гарри мгновенно проснулся. Он ничего не понимал, но был очень рассержен. В темноте спальни кто-то громко смеялся.

– Здорово! – воскликнул Шеймас, чей силуэт темнел на фоне окна. – Представляете, одно колесо столкнулось с ракетой, и они, кажется, спарились, идите посмотрите!

Гарри слышал, как Рон и Дин вылезли из постелей и побежали к окну. Он лежал молча, неподвижно, ждал, пока утихнет боль, и был ужасно разочарован, будто у него из-под носа в последний момент увели чудесный подарок... на этот раз он подошел так близко!

За окном парили блестящие серебристо-розовые поросыта. Гарри лежал, слушая гиканье гриффиндорцев из спален нижних этажей. Потом вспомнил, что завтра урок окклуменции, и в животе шевельнулся неприятный холодок.

Весь следующий день прошел в страшном напряжении. Что скажет Злей, когда узнает, куда Гарри удалось проникнуть во вчерашнем сне?

Гарри виновато вспомнил, что с последнего урока ни разу не практиковался в окклуменции. С тех пор как Думблдор покинул школу, столько разного произошло; Гарри при всем желании не смог бы освободиться от мыслей. Впрочем, Злей вряд ли сочтет это приемлемым оправданием.

Гарри попытался поупражняться перед самым занятием, но без толку. Стоило ему замолчать, освобождая сознание от мыслей и эмоций, Гермиона тотчас спрашивала, как он себя чувствует, да и вообще не время опустошать мозг, когда учителя проводят опрос по пройденному материалу.

После ужина Гарри, готовясь к худшему, отправился в подземелье. В вестибюле его остановила Чо.

– Иди сюда. – Гарри, радуясь предлогу оттянуть встречу со Злеем, поманил ее в уголок к гигантским песочным часам. У «Гриффиндора» нижняя колба почти опустела. – Ты как? Нормально? Кхембридж не допрашивала тебя про Д. А.?

– Нет-нет, – торопливо ответила Чо. – Просто… я хотела сказать… Гарри, я и представить не могла, что Мариэтта на нас донесет…

– Что уж теперь, – досадливо буркнул Гарри. Он и впрямь считал, что Чо могла бы получше выбирать друзей; конечно, Мариэтта до сих пор в лазарете, и ее прыщи не поддаются даже мадам Помфри, но это слабое утешение.

– Она вообще-то хорошая, – сказала Чо. – Просто совершила ошибку…

Гарри вытаращил глаза:

– *Хорошая, но совершила ошибку?* Да она продала нас всех, включая тебя!

– Ну… все же обошлось, – умоляюще произнесла Чо. – У нее же мама в министерстве, ей было трудно…

– Отец Рона тоже в министерстве! – яростно вскричал Гарри. – Но *у него*, если ты не заметила, на лице не написано «гнида»…

– Гермиона Грейнджен поступила чудовищно, – не менее яростно ответила Чо. – Могла бы предупредить, что заколдовала список…

– А по-моему, это была гениальная идея, – ледяным тоном отрезал Гарри.

Чо вспыхнула, ее глаза засияли.

— Ах да! Я и забыла... Естественно, раз это идея *дорогой Гермионы*...

— Только не вздумай плакать, — предупредил Гарри.

— Не собираюсь! — выкрикнула Чо.

— Ну... вот и хорошо, — сказал он. — Мне и так забот хватает.

— Ну и иди и заботься о чем хочешь! — Чо гневно развернулась и удалилась.

Гарри, кипя от злости, спустился в подземелье. Он знал по опыту, что, если придет раздраженный и обиженный, Злею будет намного легче проникнуть в его сознание. Но успокоиться не сумел и, дойдя до двери, преуспел лишь в том, что придумал еще пару аргументов против Мариэтты, которыми мог бы уязвить Чо.

— Ты опоздал, Поттер, — бросил Злей, когда Гарри вошел и закрыл дверь.

Учитель стоял спиной и перекладывал мысли в дубльдум. Сбросив последнюю серебристую нить в каменную чашу, он повернулся к Гарри:

— Ну что? Занимался?

— Да, — соврал Гарри, пристально глядя на ножку письменного стола.

— Сейчас проверим, — невозмутимо отозвался Злей. — Доставай палочку, Поттер.

Гарри занял привычную позицию перед письменным столом, лицом к Злею. От ссоры с Чо и волнения при мысли о том, что Злей на сей раз увидит в его памяти, сердце билось очень быстро.

— На счет три, — лениво проговорил Злей. — Раз... два...

Дверь распахнулась, и в кабинет влетел Драко Малфой.

— Профессор Злей, сэр... О!.. Простите...

Малфой с удивлением уставился на Злея и Гарри.

— Все нормально, Драко, — сказал Злей, опуская палочку. — У Поттера дополнительные занятия по зельеделию.

Подобного злорадства на лице Малфоя Гарри не видел с тех пор, как Кхембридж пришла с инспекцией на урок к Огриду.

— Я не знал, — оскалился Малфой. Гарри чувствовал, что очень покраснел, и многое бы отдал за возможность высказать Малфою в лицо всю правду — или, еще лучше, садануть хорошим заклятием.

— Драко, в чем дело? — спросил Злей.

– Профессор Кхембридж, сэр... ей нужна ваша помощь, – ответил Малфой. – Нашелся Монтегю, сэр. В туалете четвертого этажа, сэр, в унитазе.

– Как он туда попал? – осведомился Злей.

– Я не знаю, сэр, он немного не в себе.

– Хорошо, очень хорошо, – забормотал Злей. – Поттер, занятия продолжим завтра вечером.

Он повернулся и вылетел из кабинета. Малфой за спиной Злея одними губами сказал Гарри: «Дополнительные по зельеделию?» – и спешно зашел за учителем.

Гарри вне себя от ярости спрятал волшебную палочку и тоже направился к двери. У него появились лишние двадцать четыре часа для тренировки; он знал, что должен благодарить судьбу за счастливое избавление, но не мог. Слишком уж высока цена – теперь Малфой по всей школе растрезвонит о том, что у Гарри дополнительные занятия.

У самой двери Гарри увидел на косяке блик. Он остановился и поглядел на пятно. О чем-то оно напоминало... ну да, точно: похоже на вчерашний сон, на световые зайчики во второй комнате департамента тайн.

Гарри обернулся. Бликовал дубльдум на письменном столе. Серебристо-белое содержимое плескалось и клубилось. Мысли Злея... то, чего он не хотел показывать Гарри, если бы тот случайно проник в его сознание...

Гарри не отрываясь смотрел на дубльдум, и его все больше одолевало любопытство... Что там? Что Злей так тщательно скрывает?

По стене плясали серебристые огоньки... Гарри, напряженно размышляя, сделал два шага к столу. Может, там секретные сведения о департаменте тайн?

Гарри глянул через плечо. Сердце билось отчаянно. Интересно, освободить Монтегю из унитаза – это долго? И что потом будет делать Злей – вернется к себе или поведет Монтегю в лазарет? Конечно, поведет... Монтегю – капитан квидишной команды «Слизерина», Злей обязательно захочет убедиться, что с Монтегю все в порядке...

Гарри одолел оставшиеся несколько футов, встал над дубльдумом, заглянул в его таинственные глубины и, прислушиваясь, застыл в нерешительности. Затем вытащил волшебную палочку. В кабинете и в

коридоре за дверью стояла абсолютная тишина. Гарри легонько ткнул палочкой содержимое дубльдума.

Серебристая субстанция быстро закружилась. Гарри наклонился: вешество постепенно прояснялось. Вскоре он, словно в круглое окно на потолке, увидел какое-то помещение. Кажется, это Большой зал...

Поверхность мыслей туманилась от дыхания Гарри... у него, наверно, разжижение мозгов... только псих решится на подобное... Злей вот-вот вернется...

Гарри весь дрожал... но вспомнилссору с Чо, нагло ухмылявшегося Малфоя, и его охватила бесшабашная решимость.

Глубоко вдохнув, он решительно окунул лицо в мысли Злея. Пол кабинета дрогнул, и Гарри головой вперед опрокинуло в дубльдум...

Бешено вращаясь, он полетел сквозь холодную черноту, а затем...

Оказался посреди Большого зала. Вместо четырех столов там стояло множество столиков, и за каждым, лицом в одну сторону, сидело по одному человеку; все низко склоняли головы и прилежно писали. Тишину нарушало лишь поскрипывание перьев да редкий шорох, когда кто-то поправлял пергамент. Очевидно, шел экзамен.

В высокие окна лился яркий солнечный свет. Склоненные головы отливали золотом, медью, каштановым блеском. Гарри внимательно осмотрелся. Злей должен быть где-то здесь... это ведь его воспоминания...

А, вот он, за столиком прямо позади Гарри. Злей-подросток; худосочный, бледный. Комнатный цветок, выросший в темноте. Прямые сальные волосы спадают почти до самого стола, крючковатый нос – в полудюйме от пергамента. Гарри зашел Злею за спину и прочитал на опросном листе: «ЗАЩИТА ОТ СИЛ ЗЛА – СОВЕРШЕННО ОБЫЧНЫЙ ВОЛШЕБНЫЙ УРОВЕНЬ».

Значит, Злею лет пятнадцать-шестнадцать, примерно столько же, сколько сейчас Гарри. Рука Злея так и порхала по пергаменту; надо же, накатал по крайней мере на фут больше, чем ближайшие соседи, хотя пишет очень тесно и мелким почерком.

– Осталось пять минут!

Этот возглас заставил Гарри вздрогнуть. Обернувшись, он увидел, как неподалеку между столиками движется макушка профессора Флитвика. Тот прошел мимо лохматого черноволосого юноши... очень лохматого черноволосого юноши...

Гарри ринулся туда так поспешно, что, не будь он бесплотен, смел бы все на своем пути. Но этого не случилось; он, как во сне, гладко проскользил через два ряда столиков к третьему. Лохматый затылок все ближе... юноша выпрямился, отложил перо и притянул к себе пергамент, чтобы перечитать...

Гарри уставился на своего пятнадцатилетнего отца.

Его распирал восторг: он будто смотрел на свой портрет, но с намеренно допущенными ошибками. Глаза у Джеймса были карие, нос чуть длиннее, чем у Гарри, на лбу отсутствовал шрам. Но у них были одинаковые худые лица, рты, брови, руки; волосы Джеймса так же торчали на макушке, и, если бы он сейчас встал, они оказались бы примерно одного роста.

Джеймс широко зевнул и взъерошил волосы, окончательно испортив прическу. Затем, покосившись на профессора Флитвика, повернулся к тому, кто сидел через четыре стола позади.

Задохнувшись от волнения, Гарри увидел Сириуса. Тот, беспечно раскачиваясь на стуле, победно показал Джеймсу большие пальцы. Сириус был на редкость хорош собой; темные волосы ниспадали на глаза с небрежной элегантностью, недоступной ни Гарри, ни, как выясняется, его отцу. Девочка, сидевшая сзади, смотрела на него с робкой надеждой, но Сириус этого совершенно не замечал. Через два столика от девочки – в груди Гарри снова что-то радостно шевельнулось – сидел Рем Люпин, бледный и изнуренный (наверно, скоро полнолуние?). Люпин с головой ушел в работу; он проверял ответы, чуть нахмурясь и почесывая подбородок кончиком пера.

Где-то рядом должен быть Червехвост... да, вот он: худой коротышка с острым носом и мышастыми волосами. Червехвост очень нервничал: грыз ногти, возил ногами по полу и поминутно подглядывал в работу соседа. Гарри посмотрел на Червехвоста, а затем повернулся к Джеймсу. Тот рисовал каракули на клочке пергамента. Он уже изобразил Проныру, а теперь старательно обводил буквы «Л. Э.». Интересно, что это значит?

– Опустили перья! – пропищал профессор Флитвик. – Стеббинс, к вам это тоже относится! Прошу всех оставаться на местах, пока я не соберу работы! Акцио!

Пергаментные свитки дружно взвились в воздух, ринулись в протянутые руки профессора Флитвика и повалили его на пол. Кто-то

засмеялся. Ребята, сидевшие впереди, встали, взяли профессора Флитвика под локти и поставили на ноги.

– Спасибо… спасибо, – пропыхтел Флитвик. – Что ж, прекрасно. Теперь все свободны!

Гарри посмотрел на отца. Тот торопливо замазал буквы «Л. Э.», над которыми столь усердно трудился, вскочил, запихнул перо и опросный лист в рюкзак, перекинул его через плечо и стал ждать Сириуса.

Гарри огляделся. Злей был рядом и брел к выходу, не поднимая глаз от экзаменационных вопросов. Сутулый и угловатый, он двигался рывками и напоминал паука. Сальные волосы подпрыгивали при каждом шаге.

Злея и Джеймса разделила стайка щебечущих девочек. Всунувшись между ними, Гарри получил возможность, не выпуская Злея из поля зрения, прислушиваться к разговору Джеймса и его друзей.

– Как тебе, Лунат, десятый вопрос? – уже в вестибюле поинтересовался Сириус.

– Отлично, – бодро отозвался Люпин. – «Назовите пять отличительных признаков оборотня». Гениальный вопрос.

– Ты все признаки вспомнил? – изображая озабоченность, спросил Джеймс.

– Думаю, да, – серьезно ответил Люпин. Они влились в толпу у парадных дверей, где все толкались, желая как можно скорее попасть во двор, на солнышко. – Признак первый: он сидит на моем стуле. Признак второй: на нем моя одежда. Признак третий: его зовут Рем Люпин.

Не засмеялся только Червехвост.

– Я написал про вытянутую морду, зрачки и кисточку на хвосте, – озабоченно сказал он, – а больше ничего не вспомнил…

– Ты что, Червехвост, совсем тупой? – раздраженно бросил Джеймс. – Каждый месяц оборотня наблюдаешь…

– Тише, – умоляюще произнес Люпин.

Гарри встревоженно оглянулся. Злей оставился неподалеку и по-прежнему изучал опросник. Это его воспоминание: если он решит во дворе пойти в другую сторону, Гарри уже не сможет быть около Джеймса. Однако, когда четверка друзей направилась к озеру, Злей, к большому облегчению Гарри, последовал за ними, не отрываясь от экзаменационного листа и, очевидно, не отдавая себе отчета, куда идет.

Держась чуть впереди него, Гарри мог внимательно следить за Джеймсом и остальными.

– По-моему, вопросы были ерундовые, – донесся до него голос Сириуса. – Я удивлюсь, если не получу как минимум «великолепно».

– И я тоже, – отозвался Джеймс. Он сунул руку в карман и достал вырывающегося золотого Проныру.

– Где взял?

– Стащил, – беспечно ответил Джеймс и начал играть с мячиком. Он давал ему отлететь на фут, а потом снова ловил; реакция у него была просто потрясающая. Червехвост наблюдал за ним с благоговейным восторгом.

Они остановились у озера, в тени того самого бука, под которым Гарри, Рон и Гермиона однажды целое воскресенье делали уроки, и упали на траву. Гарри снова оглянулся – к счастью, Злей тоже сел под кустами, в густой тени. Он был все так же погружен в экзаменационную работу, и Гарри со спокойной душой устроился на траве, между буком и кустами, и стал смотреть на отца и его друзей. Солнце ослепительно сверкало на озерной глади, заливало берег, где, болтая босыми ногами в прохладной воде, сидела группка смеющихся девочек.

Люпин достал книгу и начал читать. Сириус, необыкновенно элегантный, высокомерно, со скукой, озирал сидящих тут и там школьников. Джеймс играл с Пронырой; он отпускал мяч все дальше, тот почти вырывался на волю, но всякий раз Джеймс схватывал его в самый последний момент. Червехвост следил за ним, раскрыв рот, и при каждом особенно ловком трюке ахал и аплодировал. Через пять минут Гарри уже недоумевал, почему Джеймс не одернет Червехвоста, но Джеймсу, по всей видимости, льстило внимание. Гарри отметил привычку отца то и дело ерошить волосы, словно от страха, что они, упаси небеса, лягут аккуратно. И еще он поминутно взглядывал на девочек, сидящих на берегу.

– Слушай, убери ты его, будь другом, – не выдержал наконец Сириус, когда Джеймс в очередной раз поймал мяч, а Червехвост испустил восторженный вопль, – пока Червехвост не обмочился от счастья.

Червехвост покраснел, а Джеймс довольно ухмыльнулся.

— Ладно, если тебя раздражает, — сказал он, запихивая Проныру в карман. По-видимому, один только Сириус мог заставить Джеймса прекратить рисоваться.

— Скучно, — пожаловался Сириус. — Жалко, что сейчас не полнолуние.

— Тебе, может, и жалко, — сумрачно проговорил Люпин из-за книги. — Но у нас еще превращения, и, если тебе нечего делать, проверь меня. На... — И он протянул учебник.

Но Сириус фыркнул:

— Видеть не могу эту белиберду, я ее помню наизусть.

— А я знаю, что тебя позабавит, — тихо сказал Джеймс. — Смотри, кто здесь...

Сириус повернулся голову. И замер, как гончий пес, почувствовавший зайца.

— Роскошно, — прошептал он. — *Соплеус*.

Гарри посмотрел, куда глядит Сириус.

Злей встал и убрал экзаменационные бумаги в рюкзак. Затем вышел из тени и побрел по траве. Сириус и Джеймс встали.

Люпин и Червехвост остались сидеть: Люпин смотрел в книгу, но глаза его не двигались, а меж бровей пролегла чуть заметная складка; Червехвост с жадным ожиданием поглядывал то на Джеймса с Сириусом, то на Злея.

— Как делишки, Соплеус? — громко спросил Джеймс.

Злей отреагировал так быстро, словно ожидал нападения: бросил рюкзак, сунул руку во внутренний карман и почти уже достал волшебную палочку, когда Джеймс выкрикнул:

— Экспеллиармус!

Палочка Злея взлетела вверх футов на двенадцать и с легким стуком упала в траву за его спиной. Сириус засмеялся — почти гавкнул.

— Импедимента, — сказал он, направляя палочку на Злея, который бросился за собственной палочкой, и того сбило с ног.

Все, кто был поблизости, уже обворачивались. Кое-кто вскочил и подошел поближе. Кто-то смотрел испуганно, кто-то забавлялся.

Злей, тяжело дыша, лежал на траве. Джеймс и Сириус, подняв палочки, надвигались на него; Джеймс через плечо посматривал на девочек у озера. Червехвост, хищно наблюдая, встал и обошел вокруг Люпина, чтобы лучше видеть происходящее.

– Как экзамен, Соплюшка? – поинтересовался Джеймс.

– Соплюшка так тыкался носом в пергамент, – ядовито сказал Сириус, – что там, наверное, одни сальные пятна. Никто и прочитать ничего не сможет.

Кое-кто из зрителей засмеялся; Злей явно не пользовался популярностью. Червехвост тоненько захихикал. Злей пытался встать, но проклятие еще действовало; он был точно связан невидимыми веревками.

– Я вам еще покажу, – пыхтел он, с неприкрытой ненавистью глядя на Джеймса, – еще покажу!

– Интересно что? – невозмутимо осведомился Сириус. – Что ты с нами сделаешь? Вытрешь о нас сопли?

Злей разразился потоком бранных слов и заклинаний, но его палочка была далеко, и ничего не произошло.

– Надо вымыть твой грязный рот, – холодно сказал Джеймс. – Заблистай!

Изо рта Злея полезли розовые мыльные пузыри; на губах выступила пена, он давился, задыхался...

– ОТСТАНЬТЕ ОТ НЕГО!

Джеймс и Сириус обернулись. Рука Джеймса немедленно взметнулась к волосам.

К ним подошла одна из девочек, сидевших у озера. У нее были густые темно-рыжие волосы до плеч и поразительные зеленые миндалевидные глаза – глаза Гарри.

Мама.

– Как жизнь, Эванс? – спросил Джеймс. Его голос неожиданно зазвучал глубже, приятнее, взрослея.

– Оставьте его в покое, – повторила Лили. Она смотрела на Джеймса с глубокой неприязнью. – Что он вам сделал?

– Ну, – протянул Джеймс, будто задумавшись, – нас не устраивает скорее самый факт его существования, если ты меня понимаешь...

Многие вокруг засмеялись, в том числе Сириус и Червехвост – но не Люпин, упорно не отрывавший глаз от книги, и не Лили.

– Думаешь, это остроумно? – ледяным тоном бросила она. – Нет, Поттер. Ты обыкновенный наглый задира. Оставь его в покое.

– Оставлю, если пойдешь со мной на свидание, Эванс, – тут же ответил Джеймс. – Давай, соглашайся! Я тогда больше и палочки не

направлю на старичка Соплеуса.

Тем временем порча-помеха стала выветриваться, и Злей за спиной Джеймса, плюясь мылом, дюйм за дюймом подползал к своей палочке.

— Я бы не пошла, даже если бы выбор был между тобой и гигантским кальмаром, — ответила Лили.

— Вот невезуха, Рогалис, — равнодушно усмехнулся Сириус и повернулся к Злею: — ЭЙ!

Поздно; Злей направил палочку на Джеймса; вспыхнул свет, что-то полоснуло Джеймса по щеке; на мантию брызнула кровь. Джеймс резко обернулся, вновь полыхнул свет, и через мгновение Злей повис в воздухе вверх тормашками. Мантия свесилась вниз, обнажив костлявые бледные ноги и не очень чистые сероватые трусы.

В толпе загикали; Сириус, Джеймс и Червехвост покатились со смеху.

Разъяренная Лили — впрочем, на ее лице чуть заметно дрогнула улыбка — потребовала:

— Отпусти его!

— Пожалуйста. — Джеймс дернул палочкой, и Злей бесформенной кучей свалился наземь. Выпутавшись из мантии, он вскочил, на ходу поднимая палочку, но Сириус сказал:

— Петрификаус Тоталус! — И Злей, прямой как доска, снова упал.

— ОСТАВЬТЕ ЕГО В ПОКОЕ! — закричала Лили. У нее в руках тоже оказалась палочка. Джеймс и Сириус опасливо на нее покосились.

— Эванс, не заставляй меня тебя проклинать, — серьезно сказал Джеймс.

— Тогда сними с него проклятие!

Джеймс глубоко вздохнул, повернулся к Злею и пробормотал контрзаклятие.

— Прошу, — проговорил он, пока Злей с трудом поднимался на ноги. — Скажи спасибо, Соплеус, что здесь оказалась Эванс...

— Я не нуждаюсь в заступничестве мугродья!

Лили моргнула.

— Отлично, — холодно промолвила она. — Учу на будущее. Да и знаешь, на твоем месте я бы иногда стирала трусы, *Соплеус*.

— Извинись перед Эванс! — взревел Джеймс, направляя палочку на Злея.

– Я не хочу, чтобы его заставлял извиняться *ты!* – крикнула Лили, обрачиваясь к Джеймсу. – Ты ничуть не лучше его.

– Что? – захлебнулся от возмущения тот. – Я НИКОГДА не называл тебя... сама знаешь как!

– Ты!.. Да ты только и делаешь, что волосы ерошишь, потому что думаешь, что это классно – ходить с таким видом, будто только что свалился с метлы, да играешь с Пронырой, да насылаешь порчу на всех подряд! Удивительно, как твоей метле удается взлетать, с этаким надутым болваном! Меня от тебя **ТОШНИТ!**

Она резко развернулась и пошла прочь.

– Эванс! – закричал вдогонку Джеймс. – Эй, ЭВАНС!

Но она не оглянулась.

– Что это с ней? – пробормотал Джеймс, безуспешно пытаясь сделать вид, что этот вопрос его мало занимает.

– Читая между строк, я бы сказал, что она о тебе не очень высокого мнения, – изрек Сириус.

– Ах вот как, – разозлился Джеймс, – вот как...

Вновь полыхнул свет, и Злей опять повис в воздухе вверх ногами.

– Кто хочет посмотреть, как я снимаю с Соплюшки трусы?

Но Гарри не суждено было узнать, снял ли Джеймс трусы со Злея. Кто-то крепко схватил его за руку выше локтя. Скривившись, Гарри обернулся и, к полнейшему своему ужасу, увидел Злея – в полный рост, взрослого, побелевшего от ярости.

– Развлекаешься?

Гарри поволокло вверх. Летний день померк; он поплыл сквозь ледяную черноту. Злей цепко держал его за руку. Затем Гарри, как будто перекувырнувшись в воздухе, ударился ногами об пол. Он снова оказался у стола, перед дубльдумом, в тускло освещенном, сегодняшнем кабинете преподавателя зельеделия.

– Итак, – сказал Злей, впиваясь пальцами в руку Гарри – у того уже онемела кисть. – *Итак...* тебе понравилось, Поттер?

– Н-нет, – пролепетал Гарри, пытаясь высвободиться.

Ему было страшно: губы Злея тряслись, лицо помертвело, зубы обнажились.

– Остроумный человек, твой папаша, правда? – Злей изо всех сил встряхнул Гарри, и очки у того сползли на кончик носа.

– Я... я не...

Злей отшвырнул его от себя; Гарри рухнул на пол.

– Ты никому не расскажешь о том, что видел! – проревел Злей.

– Нет. – Гарри отползл как можно дальше, одновременно пытаясь встать на ноги. – Нет, конечно, я не...

– Прочь, прочь, и не смей больше появляться в моем кабинете!

Гарри метнулся к выходу, и над его головой взорвалась банка с дохлыми тараканами. Он распахнул дверь, понесся по коридору и остановился, лишь когда между ним и Злеем было уже целых три этажа. Тогда он прислонился к стене, тяжело дыша и потирая синяк на руке.

У него не было ни малейшего желания возвращаться так рано в гриффиндорскую башню, а тем более делиться впечатлениями с Роном и Гермионой. Его терзало горе и потрясение, но не оттого, что на него наорали или кидались банками. Просто он знал, каково это, когда тебя унижают на глазах толпы, и прекрасно понимал, что переживал Злей, когда над ним издевался Джеймс. Судя по тому, что видел Гарри, Злей всю дорогу говорил правду: отец и впрямь был малоприятной самодовольной личностью.

Глава двадцать девятая

Профориентация

– Но почему ты больше не занимаешься окклуменцией? – нахмурилась Гермиона.

– Я же тебе *объяснил*, – пробормотал Гарри. – Злей говорит, я уже знаком с азами и могу заниматься сам...

– Хочешь сказать, что сны у тебя прекратились? – скептически спросила она.

– В общем и целом... – протянул Гарри, отводя глаза.

– А по-моему, пока ты не научился как следует ими управлять, Злей не должен был прекращать занятий! – вознегодовала она. – Гарри, я считаю, тебе надо пойти к нему и попросить...

– Нет, – решительно сказал Гарри. – Все, забудь – хорошо?

Это было в первый день пасхальных каникул. Следуя устоявшейся традиции, Гермиона провела его, составляя расписания подготовки к экзаменам для себя и мальчиков. Гарри и Рон не сопротивлялись: во-первых, бесполезно, а во-вторых, расписания могли и пригодиться.

Рон, узнав, что до экзаменов осталось всего полтора месяца, пришел в ужас.

– Как это ты ухитрился забыть? – поразилась Гермиона. Она постучала волшебной палочкой по квадратикам его расписания – и каждый предмет засветился своим цветом.

– Не знаю, – промямлил Рон. – Столько всякого было...

– Вот, – сказала Гермиона, вручая ему расписание, – если не выбьешься из графика, то все успеешь.

Рон мрачно взирался на разноцветную таблицу, но потом просиял:

– Свободный вечер каждую неделю!

– Это для тренировок, – объяснила Гермиона.

Улыбка Рона увяла.

– А смысл? – скучно буркнул он. – У нас не больше шансов выиграть кубок, чем у папы – стать министром магии.

Гермиона не ответила; она смотрела на Гарри, который сверлил стену отсутствующим взглядом. Косолапсус трогал лапой его руку: дескать, за ухом-то почеши.

– Гарри, в чем дело?

– Что? – встрепенулся он. – Не, ни в чем.

Он поспешил схватил «Теорию защитной магии» и притворился, будто ищет что-то по оглавлению. Косолапсус махнул на него лапой и залез под кресло Гермионы.

– Я тут видела Чо, – осторожно начала та. – Она тоже вся несчастная… вы что, опять поссорились?

– Что?.. А… Да. – Гарри охотно ухватился за это объяснение.

– Почему?

– Из-за ее подруги-стукачки, Мариэтты, – ответил Гарри.

– И правильно! – гневно воскликнул Рон, положив расписание на стол. – Если бы не она…

Рон пустился проклинать Мариэтту Эджком, что очень устраивало Гарри: ему оставалось лишь смотреть волком, кивать, изрекать «вот именно», когда Рон замолкал, чтобы перевести дух, а самому тем временем думать, думать, думать об увиденном в дубльдуме – и с каждой минутой терзаться все мучительнее.

Воспоминания грызли его. Он никогда не сомневался в порядочности родителей и с легкостью отмечал клевету Злея, полагая, что тот просто хочет опорочить память Джеймса. И разве Огрид с Сириусом не твердили постоянно, что отец Гарри был прекрасным человеком? (*Да уж, а сам-то Сириус, – возразил противный голосок в голове, – не лучше, если не хуже…*) Конечно, однажды Гарри слышал, как профессор Макгонаголл назвала отца и Сириуса баламутами, но, насколько он понял, имелся в виду некий прообраз близнецов Уизли… а Гарри не мог себе представить, чтобы Фред и Джордж забавы ради подвесили кого-то вверх ногами… разве что если взаправду ненавидят… может, Малфоя… если человек действительно заслужил…

Гарри уговаривал себя, что Злей, возможно, как-то обидел Джеймса, но разве Лили не спросила: «Что он вам сделал?» И разве Джеймс не сказал: «Нас не устраивает скорее самый факт его существования»? Джеймс все затянул только потому, что Сириус пожаловался на скуку. Гарри вспомнилось, что говорил Люпин на

площади Мракэнтлен: Думбльдор, мол, назначил его старостой, чтобы он мог приструнить Джеймса и Сириуса... Но в дубльдуме Люпин взирал на происходящее молча...

Гарри то и дело напоминал себе, что Лили пыталась заступиться за Злея, — по крайней мере, мама была приличным человеком. Но, вспоминая ее лицо, Гарри мучился не меньше; она явно презирала Джеймса, и непонятно, как их угораздило пожениться. Неужели Джеймс ее заставил?..

Почти пять лет мысль об отце служила ему источником утешения, гордости, вдохновения. Когда говорили, что он — вылитый Джеймс, Гарри млюл от удовольствия. А сейчас... сейчас при мысли об отце накатывали холод и горечь.

Дни становились ветренее, но теплее и солнечнее, а Гарри вместе с другими пяти-и семиклассниками торчал в четырех стенах и повторял пройденное, снуя членоком из общей гостиной в библиотеку и обратно. Он притворялся, что переживает из-за надвигающихся экзаменов, — и его одноклассники, до тошноты уставшие от занятий, охотно в это верили.

— Гарри, я к тебе обращаюсь! Ау! Ты меня слышишь?

— А?

Он обернулся. К библиотечному столу, за которым он сидел в одиночестве, приблизилась ужасно растрепанная Джинни Уизли. Воскресный вечер подходил к концу; Гермиона ушла в гриффиндорскую башню заниматься древними рунами; Рон был на квидишином поле.

— Ой, привет, — сказал Гарри, придвигая к себе книги. — А почему ты не на тренировке?

— Она кончилась, — ответила Джинни. — Рон повел Джека Слопера в лазарет.

— А что случилось?

— Точно непонятно, но, *кажется*, он сам себя нокаутировал битой. — Джинни тяжело вздохнула. — Ладно, не важно... Тут посылка пришла... Только что. Новая процедура досмотра — спасибо Кхембридж.

Джинни водрузила на стол весьма небрежно упакованную коробку: посылку явно вскрывали. Сверху красными чернилами значилось: «Проверено главным инспектором “Хогварца”».

— Пасхальные яйца от мамы, — объяснила Джинни. — Вот твое... на.

Она протянула ему красивое шоколадное яйцо, украшенное маленькими сахарными Проньрами и, судя по упаковке, с шипучими шмельками внутри. Гарри посмотрел на подарок — и вдруг в ужасе почувствовал, что к горлу подступает комок.

— Гарри, ты чего? — тихо спросила Джинни.

— Ничего, — хрипло ответил он. От сдерживаемых слез заболело горло. Он решительно не понимал, почему пасхальное яйцо так странно на него подействовало.

— Ты последнее время очень грустный, — настаивала Джинни. — Знаешь, если бы ты просто *поговорил с Чо*...

— Я вовсе не с Чо хотел бы поговорить, — неожиданно признался Гарри.

— А с кем?

— Я...

Он огляделся, проверяя, не подслушивает ли кто. Через несколько стеллажей от них мадам Щипц выдавала огромную кипу книг почти обезумевшей Ханне Аббот.

— Я хотел бы поговорить с Сириусом, — тихо сказал Гарри. — Но это невозможно.

Чтобы чем-то заняться, он развернул яйцо, отломил от него порядочный кусок и положил в рот.

— Ну, — медленно проговорила Джинни, тоже отламывая кусочек, — если тебе и вправду охота поговорить с Сириусом, я думаю, это можно устроить.

— Брось, — безнадежно отмахнулся Гарри. — Кхембридж охраняет все камини и читает всю почту.

— Когда растешь рядом с Фредом и Джорджем, — задумчиво произнесла Джинни, — поневоле приходишь к выводу, что возможно все, на что у тебя хватит смелости.

Гарри посмотрел на нее. Может, дело в шоколаде (Люпин всегда давал его после столкновений с дементорами), а может, в том, что он наконец высказал вслух желание, которое жгло его всю неделю; так или иначе, ему полегчало — у него появилась надежда.

— ВЫ ЧТО СЕБЕ ПОЗВОЛЯЕТЕ?

— Ой-ёй, — прошептала Джинни вскаивая. — Совсем забыла...

К ним со всех ног бежала мадам Щипц. Морщинистое лицо было искажено яростью.

– *Шоколад в библиотеке!* – верещала мадам Щипц. – Вон! Вон! ВОН!

Она взмахнула волшебной палочкой и, пока Гарри и Джинни стремглав неслись к двери, книжки, рюкзак и чернильница, не отставая, летели за ними и пребольно били по головам.

Вскоре после каникул, будто для того, чтобы подчеркнуть важность предстоящих экзаменов, на столах гриффиндорской гостиной появились брошюры, листовки и проспекты, рекламирующие различные колдовские профессии. На доске повесили объявление:

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Всем пятиклассникам надлежит обсудить с кураторами свои будущие профессии. Беседы состоятся в первую неделю летнего триместра. Ниже указаны даты и время индивидуальных встреч.

Просмотрев список, Гарри узнал, что в понедельник в половине третьего должен быть в кабинете профессора Макгонаголл – значит, почти целиком пропустит прорицание. Выходные перед началом триместра Гарри вместе с другими пятиклассниками провел за изучением многочисленных проспектов и брошюр.

– Нет уж, знаяхарем я быть не хочу, – сказал Рон в последний вечер каникул. Он сидел, читая листок с эмблемой больницы св. Лоскута: перекрещенные кость и волшебная палочка. – Тут сказано, что на Претруднейшей Аттестации Умений Колдуна нужно получить как минимум «С» по зельеделию, гербологии, превращениям, заклинаниям и защите от сил зла. В общем... мама дорогая... буквально всего ничего...

– Но это же очень ответственная работа, – рассеянно отозвалась Гермиона, внимательно просматривая яркую розово-оранжевую брошюру, озаглавленную «РЕШИЛИ СТАТЬ КОЛДУНОМ ПО СВЯЗЯМ С МУГЛАМИ?». – Вот здесь особенно много не требуется: достаточно иметь С.О.В.У. по мугловедению. «Гораздо важнее энтузиазм, терпение и хорошее чувство юмора!»

– Тому, кто решит связаться с моим дядей, понадобится не просто чувство юмора, – мрачно изрек Гарри. – Еще умение вовремя увернуться, например. – Сам Гарри читал проспект о банковском

деле. – Послушайте: «Хотите иметь интересную работу, много путешествовать и получать солидные ценные доплаты за риск? Колдовской банк “Гринготтс” ждет вас! Нам нужны умелые взломщики заклятий! Проводится набор персонала для работы за рубежом. Уникальные перспективы...» Тут, правда, нужна арифмантика; Гермиона, ты бы подошла!

– Работа в банке меня не вдохновляет, – пробормотала Гермиона, увлеченно читая рекламку с призывом «СУМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ДРЕССИРОВАТЬ СЛУЖЕБНЫХ ТРОЛЛЕЙ?».

– Эй, – шепнул чей-то голос у Гарри над ухом. Он оглянулся и увидел Фреда и Джорджа. – Джинни замолвила за тебя словечко, – сказал Фред и закинул ноги на соседний столик. Несколько буклотов министерства магии свалились на пол. – Она говорит, ты желаешь пообщаться с Сириусом?

– Что? – вскинулась Гермиона. Ее рука, потянувшаяся было к «ХОТИТЕ НАДЕЛАТЬ ШУМА В ДЕПАРТАМЕНТЕ ВОЛШЕБНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ И КАТАСТРОФ?», застыла на полу пути.

– Ну... – с напускной небрежностью бросил Гарри, – я подумал, неплохо бы...

– Что за глупости? – Гермиона распрямилась и посмотрела на Гарри так, будто сама не верила тому, что видит. – Кхембридж роется в каминах, обыскивает сов!..

– Мы знаем, как это обойти. – Джордж с довольной улыбкой потянулся. – Нужен отвлекающий маневр. Вы, может быть, заметили, что в каникулы мы вели себя исключительно тихо?

– Стоит ли, подумали мы, мешать людям отдыхать? – подхватил Фред. – Не стоит, ответили мы сами себе. И потом, мы бы помешали людям не только отдыхать, но и заниматься, а это никак не годится.

Он церемонно поклонился Гермионе. Ее подобная забота явно ошеломила.

– Но с завтрашнего дня начинаются трудовые будни, – бойко продолжал Фред. – И, коль скоро мы все равно затеваем небольшой шурум-бурум, почему бы Гарри им не воспользоваться и не поболтать с Сириусом?

– Хорошо, – проговорила Гермиона с видом человека, объясняющего элементарную вещь непроходимому тушице, –

допустим, отвлекающий маневр удался. Но *откуда* Гарри будет говорить с Сириусом?

– Из кабинета Кхембридж, – негромко сказал Гарри.

Он обдумывал это две недели и не видел альтернативы. Кхембридж сама сказала, что ее камин – единственный, за которым не ведется наблюдение.

– Ты что... совсем того? – прошептала Гермиона.

Рон, опустив листовку о промышленном выращивании грибковых культур, прислушивался к разговору.

– Не совсем, – пожал плечами Гарри.

– Для начала, как ты туда проникнешь?

На этот вопрос у Гарри был ответ.

– Нож Сириуса, – сказал он.

– Какой еще нож?

– На позапрошлую Рождество Сириус подарил мне нож – открывает любой замок, – пояснил Гарри. – Даже если Кхембридж заколдовала дверь и «алохомора» не поможет, а я сильно подозреваю, что так и есть...

– А ты что думаешь? – требовательно обратилась Гермиона к Рону, и Гарри невольно вспомнился его первый ужин на площади Мракэнтлен и миссис Уизли, точно так же возвавшая к мужу.

– Не знаю, – ответил Рон, испуганный тем, что должен иметь какое-то мнение. – Раз Гарри так хочет, то ему и решать – правда?

– Слова истинного друга и истинного Уизли, – одобрил Фред, крепко хлопнув Рона по спине. – Отлично. Операцию назначаем на завтра, сразу после уроков: чем больше народа будет в коридорах, тем лучше... Гарри, чтобы выманить Кхембридж из кабинета, мы все устроим где-нибудь в восточном крыле... Думаю, мы можем тебе гарантировать... сколько? минут двадцать? – Он оглянулся на Джорджа.

– Легко, – сказал тот.

– А что за отвлекающий маневр? – спросил Рон.

– Увидишь, маленький братец, – сказал Фред, и они с Джорджем встали из-за стола. – Если, конечно, завтра в районе пяти вечера подгребешь к коридору Грегори Льстивого.

На следующий день Гарри проснулся очень рано. Нервничал он не меньше, чем в день дисциплинарного слушания, – и не только потому,

что предстояло пробраться к камину Кхембридж, хотя и этого было бы достаточно. Однако сегодня его ждала еще и встреча со Злеем – первая с тех пор, как тот вышвырнул Гарри из своего кабинета.

Гарри немного полежал в постели, размышляя о предстоящих испытаниях, потом бесшумно встал и прошел к окну у кровати Невилла. Утро прекрасное, небо – ясной, дымчатой, опаловой голубизны. Гарри смотрел на высокий бук, под которым его отец издевался над Злеем, не представляя, как Сириус сможет оправдать этот поступок. Но отчаянно хотелось выслушать Сириуса – может, были смягчающие обстоятельства, может, найдется хоть какое-то извинение поведению Джеймса…

Тут Гарри различил движение на опушке Запретного леса. Он прищурился против слепящих солнечных лучей и увидел, как из чащи выходит Огрид. Тот, прихрамывая, добрел до хижины и скрылся внутри. Гарри пару минут понаблюдал. Огрид не выходил, но над трубой вскоре завился дымок. Ну, если Огрид сумел развести огонь, значит, не так сильно ранен.

Гарри вернулся к своему сундуку и стал одеваться.

Учитывая обстоятельства, Гарри не надеялся, что день пройдет спокойно, и тем не менее оказался не готов к бесконечным мольбам, увещаниям и возвзаниям Гермионы. На истории магии она впервые в жизни не обращала внимания на лекцию профессора Биннза и бомбардировала Гарри упреками, которых он очень старался не слышать.

– …если она тебя поймет, тебя не просто исключат, она догадается, что ты разговаривал со Шляриком, и заставит принять признавалиум, и будет допрашивать…

– Гермиона, – возмущенно зашептал Рон, – ты когда-нибудь отстанешь от Гарри и начнешь слушать Биннза? Или я должен сам все это конспектировать?

– Ничего, поконспектируешь, не умрешь!

К тому времени, как они спустились в подземелье Злея, ни Рон, ни Гарри с Гермионой уже не разговаривали. Это, впрочем, нимало ее не смущало. Наоборот, пользуясь их молчанием, она продолжала монотонно бубнить, изрекая зловещие предсказания таким неистово-шипящим шепотом, что Шеймас целых пять минут проверял, не течет ли у него котел.

Злей вел себя так, словно Гарри не существует. Гарри был к этому привычен – такова была излюбленная тактика дяди Вернона – и, в сущности, радовался, что Злей не придумал чего-нибудь похуже. Собственно, если учесть, сколько издевок и презрительных насмешек выпадало на его долю раньше, новая манера Злея его даже устраивала. Гарри с удовольствием отметил, что, как только его оставили в покое, он без особых трудностей и вполне успешно подготовил закаляющее зелье. В конце урока, перелив немного отвара во флакончик и закрыв пробкой, он отнес его на учительский стол; возможно, наконец-то удастся получить по зельеделию «С».

Едва отвернувшись от стола, он услышал звон стекла. Малфой радостно захохотал. Гарри круто развернулся. Осколки его флакончика рассыпались по полу. Злей с жестоким удовлетворением посмотрел Гарри в глаза.

– Упало, – еле слышно прошептал он. – Ноль баллов, Поттер.

От ярости Гарри лишился дара речи. Он вернулся на свое место, намереваясь налить еще один флакончик и добиться от Злея справедливости, но с ужасом увидел, что котел пуст.

– Прости! – пролепетала Гермиона, прижимая ладони ко рту. – Прости, пожалуйста! Я думала, ты закончил, и решила все убрать!

Гарри не нашел в себе сил ответить. Едва прозвонил колокол, он, не оглядываясь, убежал из подземелья, а за обедом сел между Невиллом и Шеймасом, лишь бы Гермиона больше его не пилила.

Гарри так расстроился, что совсем забыл про профориентацию и вспомнил только на прорицании, когда Рон спросил, почему он не у Макгонаголл. Гарри стремглав полетел наверх и, опоздав всего на несколько минут, ворвался в кабинет куратора.

– Извините, профессор, – пропыхтел он. – Я забыл.

– Ничего, Поттер, – сказала она.

В углу кто-то фыркнул. Гарри обернулся.

И увидел Кхембридж в пышном кружевном воротничке и с пергаментом на коленях. На губах ее играла надменная улыбочка.

– Садитесь, Поттер, – велела профессор Макгонаголл, чуть дрожащими руками перебирая броши на столе.

Гарри сел к Кхембридж спиной, стараясь не слышать шуршания ее пера.

— Итак, Поттер, вы пришли поговорить о вашей будущей профессии, чтобы я смогла посоветовать, какие предметы вам следует изучать в шестом и седьмом классах, — заговорила профессор Макгонаголл. — Вы уже думали, чем хотели бы заниматься после школы?

— Эмм... — промычал Гарри.

Скрип пера ужасно мешал сосредоточиться.

— Да? — ободряюще сказала профессор Макгонаголл.

— Ну, я думал, что, наверно, неплохо стать аврором, — промямлил Гарри.

— Для этого нужна очень хорошая успеваемость. — Профессор Макгонаголл извлекла из кипы бумаг темную брошюру. — Так... П.А.У.К. 5 минимум и оценки не ниже «сверх стандарта». Кроме того, претенденты в обязательном порядке проходят серию психологических тестов и испытания на профпригодность в штаб-квартире авроров. Это трудная профессия, Поттер, туда принимают только самых достойных. И, насколько я помню, за последние три года никого не взяли.

Профессор Кхембридж еле слышно кашлянула, словно проверяя, насколько незаметно может это сделать. Профессор Макгонаголл не обратила на нее ни малейшего внимания.

— Полагаю, вы хотите знать, какие предметы вам потребуются? — несколько повысив голос, продолжила она.

— Да, — кивнул Гарри. — Наверно, защита от сил зла?

— Разумеется, — подтвердила профессор Макгонаголл. — Также я бы советовала...

Профессор Кхембридж кашлянула еще раз, погромче. Профессор Макгонаголл на мгновение прикрыла глаза, потом открыла и, как ни в чем не бывало, продолжила:

— Я бы советовала изучать превращения — это умение нередко пригождается аврорам в их работе. Да, должна сразу предупредить вас, Поттер: в старшие классы я принимаю учащихся, сдавших экзамены на Совершенно Обычный Волшебный Уровень с оценками не ниже «сверх стандарта». Сейчас вы работаете, я бы сказала, на средненькое «нормально», поэтому вам необходимо как следует стараться, чтобы хорошо сдать экзамены и получить право продолжать обучение моему предмету. Далее. Вам нужно хорошо знать заклинания — это всегда полезно — и зельеделие. Да-да, Поттер, зельеделие, — добавила она с

легкой улыбкой. – Знание ядов и противоядий принципиально важно для авроров. При этом, должна вам сказать, профессор Злей принимает только и исключительно тех, кто сдал экзамены на С.О.В.У. с оценкой «великолепно», поэтому...

Профессор Кхембридж кашлянула довольно отчетливо.

– Хотите леденец от кашля, Долорес? – бросила профессор Макгонаголл, даже на нее не поглядев.

– Ах нет, большое спасибо, – отозвалась Кхембридж с жеманным смешком, который Гарри так люто ненавидел. – Я лишь хотела узнать, не могу ли прервать вас на по-о-олсекундочки.

– И, осмелюсь предположить, узнали, что можете, – сквозь зубы процедила профессор Макгонаголл.

– Я немного засомневалась: а обладает ли мистер Поттер подходящим темпераментом для того, чтобы стать аврором? – сладко пропела профессор Кхембридж.

– Вот как? – с отменным безразличием сказала профессор Макгонаголл. – Что же, Поттер, – продолжила она так, будто никто ее не перебивал, – если ваши намерения серьезны, я бы рекомендовала вам подтянуть оценки по превращениям и зельеделию. Как я вижу, профессор Флитвик последние два года ставил вам «нормально» и «сверх стандарта»... с заклинаниями, по-видимому, все в порядке. Что касается защиты от сил зла, то здесь ваша успеваемость в целом высока; профессор Люпин считал, что у вас... *Может быть, все-таки предложить вам леденцы от кашля, Долорес?*

– О нет, благодарю, не нужно, Минерва, – манерничая, отказалась профессор Кхембридж, которая только что громко кашлянула. – Просто меня обеспокоило, что вы, должно быть, не видели справки о последних оценках Гарри по защите от сил зла. А я уверена, что вложила в его дело записку...

– Эту? – Профессор Макгонаголл с явным омерзением достала из папки розовый пергамент, поглядела на него, приподняв брови, и без комментариев убрала обратно. – Так вот, Поттер, профессор Люпин считал, что у вас ярко выраженные способности к этому предмету, а очевидно, что для аврора...

– Разве вы не поняли моей записи, Минерва? – медовым голосом осведомилась профессор Кхембридж, позабыв кашлянуть.

— Разумеется, поняла, — ответила профессор Макгонаголл. Она сильно сжимала зубы, и слова выходили неразборчиво.

— В таком случае я... я не понимаю... не вполне понимаю, зачем вы даете Поттеру ложную надежду...

— *Ложную надежду?* — повторила профессор Макгонаголл. Она упорно не хотела повернуться к Кхембридж. — У него высшие оценки по всем тестам...

— Очень жаль, но я вынуждена возразить вам, Минерва. Как видно из моей записи, Гарри очень плохо успевает по моему предмету...

— Видимо, мне следовало выразиться яснее, — сказала профессор Макгонаголл, поворачиваясь наконец к Кхембридж и глядя ей прямо в глаза. — У него высшие оценки по всем тестам, которые проводили компетентные преподаватели.

Улыбка пропала с лица Кхембридж так внезапно, словно у нее в голове перегорела лампочка. Она откинулась на спинку стула, открыла чистый лист и принялась строчить с неимоверной скоростью. Выпуклые глаза метались из стороны в сторону. Профессор Макгонаголл повернулась к Гарри. Ее глаза горели, тонкие ноздри раздувались.

— Какие-нибудь вопросы, Поттер?

— Да, — сказал Гарри. — Допустим, с оценками все нормально. А что это за психологические тесты и испытания, которые надо проходить?

— Нужно продемонстрировать умение не сдаваться в трудных обстоятельствах и работать в условиях стресса, — ответила профессор Макгонаголл, — а еще, поскольку обучение авроров длится дополнительные три года, упорство и хорошую работоспособность, не говоря о прекрасных практических навыках использования защитной магии. Все это означает, что после школы вам предстоит еще очень много учиться, и если вы не готовы...

— Кроме того, вам будет интересно узнать, — ледяным тоном перебила ее Кхембридж, — что министерство досконально изучает личные дела претендентов. И их криминальное прошлое.

— ...если вы не готовы после окончания «Хогварца» снова сдавать экзамены, вам следует подумать о другой...

— ...а следовательно, этот юноша имеет не больше шансов стать аврором, чем Думблэдор — вернуться в «Хогварц».

— То есть шансы высоки, — заметила профессор Макгонаголл.

– Поттер был под судом, – громогласно объявила Кхембридж.

– Поттер был оправдан по всем статьям, – еще громче отозвалась Макгонаголл.

Профессор Кхембридж встала. При ее росте этого можно было и не заметить, но наигранное жеманство на широком дряблом лице уступило место такой холодной ярости, что Гарри стало страшно.

– У Поттера нет ни единого шанса стать аврором!

Макгонаголл тоже встала. С ее стороны это был куда более эффектный ход – она как башня возвышалась над профессором Кхембридж.

– Поттер, – звенящие произнесла она, – я помогу вам стать аврором, даже если это будет последнее дело моей жизни! И даже если мне придется каждый день с вами заниматься, я позабочусь, чтобы вы достигли необходимых результатов!

– Министр магии никогда не возьмет Гарри Поттера на работу! – сильно повысив голос, воскликнула профессор Кхембридж.

– Вполне вероятно, к тому времени у нас будет новый министр! – крикнула профессор Макгонаголл.

– Ага! – завизжала профессор Кхембридж, тыча коротким пальцем. – Вот! Вот-вот-вот! Так я и думала! Вот чего вы хотите, Минерва Макгонаголл! Чтобы в кресло Корнелиуса Фуджа сел Альбус Думблдор? Метите на мое место? Хотите стать старшим заместителем министра и директором школы в придачу?

– Вы бредите, – с надменной невозмутимостью отозвалась профессор Макгонаголл. – Поттер, наша беседа окончена.

Гарри перекинул рюкзак через плечо и, не осмелившись даже взглянуть на профессора Кхембридж, поспешил выйти. Он шел по коридору, и вслед ему неслись громкие крики: Кхембридж и Макгонаголл истошно орали друг на друга.

Чуть позже войдя в класс, профессор Кхембридж все еще дышала, как марафонец на финише.

– Надеюсь, ты передумаешь, Гарри, насчет того, что вы затеваете, – зашептала Гермиона, едва они открыли учебники на главе тридцать четыре, «Политика непротивления и ведение переговоров». – Кхембридж и так жутко злая...

Кхембридж то и дело бросала на Гарри яростные взгляды. Тот сидел, не поднимая головы и невидяще уставившись в «Теорию

защитной магии», и думал, думал...

Что скажет Макгонаголл, которая выказала ему такое доверие, если его застукают в кабинете Кхембридж? И что, собственно, мешает ему вернуться после уроков в гриффиндорскую башню? А летом, в каникулы, расспросить Сириуса о сцене в дубльдуме. Вроде бы ничто не мешает... но при мысли о таком благоразумном поступке на душе становится ужасно тяжко... и потом, близнецы... они уже спланировали отвлекающий маневр... и еще нож, подаренный Сириусом, лежит сейчас в рюкзаке вместе с отцовским плащом-невидимкой...

Однако факт остается фактом: если его поймают...

– Думбльдор пожертвовал собой, чтобы тебя не исключили! – шептала Гермиона, закрываясь учебником. – Если тебя выгонят, все окажется напрасно!

Еще есть время передумать... и жить дальше, постоянно помня о том, что сделал отец погожим летним днем двадцать лет назад...

В памяти Гарри вдруг всплыли слова Сириуса, сказанные им в камине гриффиндорской башни...

А ты не так похож на своего отца, как я думал. Джеймс любил риск...

Но хочет ли Гарри теперь походить на отца?

Прозвонил колокол.

– Гарри, не делай этого, пожалуйста, не делай! – жалобно сказала Гермиона.

Гарри не ответил; он не знал, как поступить.

Рон твердо решил не высказывать своего мнения и не давать советов. Он даже не смотрел на Гарри, но, когда Гермиона в очередной раз открыла рот, намереваясь возобновить уговоры, очень тихо сказал ей:

– Слушай, хватит, а? Он сам взрослый.

С лихорадочно бьющимся сердцем Гарри вышел из класса и на середине коридора услышал вдалеке шум отвлекающего маневра. Откуда-то сверху неслись крики, визг; школьники, выходя из классов, застывали на месте и испуганно поднимали глаза к потолку...

Кхембридж проворно, насколько позволяли коротенькие ножки, вылетела из класса и, на ходу доставая палочку, побежала в другой конец коридора. Теперь или никогда.

— Гарри! Прошу тебя! — слабым голосом взмолилась Гермиона.

Но он уже решился и, повыше вздернув рюкзак, припустил бегом, ловко огибая ребят, бежавших навстречу — смотреть, что случилось в восточном крыле.

Скоро он оказался в коридоре у кабинета Кхембридж. Там было пусто. Скользнув за громадные рыцарские доспехи — шлем со скрипом повернулся, любопытствуя, что собирается делать дерзкий мальчишка, — Гарри рывком распахнул рюкзак, выхватил нож, накинул плащ-невидимку, выбрался из-за доспехов и крадучись зашагал к кабинету.

Он вставил лезвие в щель вдоль косяка, аккуратно провел вверх-вниз и вытащил. Раздался тихий щелчок; дверь распахнулась. Гарри нырнул в кабинет, торопливо закрыл дверь за собой и осмотрелся.

Все здесь было неподвижно; лишь на стене, над конфискованными метлами, весело резвились уродские котята.

Гарри снял плащ, подошел к камину и сразу нашел то, что нужно: коробочку с блестящей кружаной мукой.

Он склонился к пустому очагу. Руки дрожали. Он никогда не делал этого раньше, но приблизительно представлял, как надо пользоваться мукой. Сунув голову в камин, он взял крупную щепоть исыпанул на аккуратно сложенные дрова; те мгновенно вспыхнули изумрудным огнем.

— Площадь Мракэнтлен, дом двенадцать! — громко и четко сказал Гарри.

Это было очень странно. Он и раньше путешествовал на кружаной муке, но тогда в сети колдовских каминов, паутиной опутывавших страну, крутилось все его тело; теперь в изумрудном пламени веретеном завертелась одна голова, а колени неподвижно стояли на полу в кабинете Кхембридж...

Вращение прекратилось столь же неожиданно, как и началось. Явственно ощущая на голове несуществующую горячую шапку, Гарри открыл глаза — его затошило — и увидел длинный деревянный стол, за которым, склоняясь над листом пергамента, сидел какой-то человек.

— Сириус?

Человек вздрогнул и оглянулся. Это оказался не Сириус, а Люпин.

— Гарри! — потрясенно воскликнул он. — Что ты здесь... что случилось? Все в порядке?

— Да, — сказал Гарри. — Просто я... мне... захотелось поболтать с Сириусом.

— Сейчас позову, — ошарашенный Люпин встал. — Сириус пошел на чердак искать Шкверчка, он опять прячется...

Люпин торопливо вышел из кухни, и Гарри стало не на что смотреть, кроме стула и ножек стола. Странно, Сириус ни разу не говорил, что разговаривать из камина так неудобно; у Гарри от стояния на каменном полу уже заболели колени.

Очень скоро вернулись Люпин и Сириус.

— В чем дело? — Сириус тревожно откинул с глаз длинные черные волосы, опустился на пол перед камином и оказался лицом к лицу с Гарри. Люпин, тоже крайне обеспокоенный, встал на колени. — Что случилось? Тебе нужна помощь?

— Нет, — ответил Гарри, — не в том дело... просто мне надо поговорить... о папе.

Мужчины удивленно переглянулись. Но у Гарри не было времени на неловкость или смущение; колени болели все сильнее, и потом, с начала отвлекающего маневра прошло уже минут пять, а Джордж обещал только двадцать. Так что Гарри немедленно приступил к рассказу о том, что видел в дубльдуме.

Когда он закончил, Люпин и Сириус помолчали. Потом Люпин негромко проговорил:

— Мне бы не хотелось, чтобы ты судил об отце по этой истории. Ему было всего пятнадцать...

— Мне тоже пятнадцать! — выпалил Гарри.

— Видишь ли, Гарри, — примирительно сказал Сириус, — Джеймс и Злей ненавидели друг друга с первой секунды. Знаешь ведь, как это бывает, да? Джеймс обладал всем, чего не было у Злея: Джеймса любили, он хорошо играл в квидиши — ему вообще многое хорошо удавалось. А Злей был такой, знаешь, придурок, к тому же в черной магии по уши. У Джеймса, каким бы плохим он тебе ни показался, на этот счет была очень строгая позиция.

— Да, но он пристал к Злею без причины, — возразил Гарри, — просто потому, что тебе было скучно, — чуть извиняющимся тоном закончил он.

— Я этим не горжусь, — быстро ответил Сириус.

Люпин покосился на него и сказал:

– Гарри, пойми, твой отец и Сириус были лучшими решительно во всем, в школе на них едва ли не молились; если иной раз их и заносило...

– Ты хочешь сказать, если иной раз мы вели себя как последние сволочи, – перебил Сириус.

Люпин улыбнулся.

– Он все время ерошил волосы, – с болью в голосе пожаловался Гарри.

Сириус и Люпин рассмеялись.

– Я и забыл, – нежно пробормотал Сириус.

– А с Пронырой он играл? – с жадным интересом спросил Люпин.

– Да, – отозвался Гарри, в недоумении глядя на ностальгирующих взрослых. – Но... мне показалось... он был какой-то идиот.

– Он и был идиот! – утешил Сириус. – Мы все тогда были идиоты! Пожалуй, только Лунат... не до такой степени... – честно прибавил он и посмотрел на Люпина.

Но тот покачал головой.

– Я ни разу не вступился за Злея, – возразил он. – Осудить вас у меня кишка была тонка.

– Не важно, – сказал Сириус, – тебе все-таки удавалось нас пристыдить... а это уже кое-что...

– А еще, – упрямо продолжал Гарри; раз уж он здесь, надо поделиться наболевшим, – он постоянно косился на девочек у озера, хотел произвести на них впечатление!

– При Лили он всегда терял голову, – пожал плечами Сириус, – и вечно перед ней выпендривался.

– Как же она вышла за него замуж?! – в отчаянии спросил Гарри. – Она же его ненавидела!

– Да ничего подобного, – усмехнулся Сириус.

– Они начали встречаться в седьмом классе, – сказал Люпин.

– Когда Джеймс перестал воображать, – добавил Сириус.

– И насытить на людей порчу забавы ради, – подхватил Люпин.

– И на Злея тоже? – недоверчиво спросил Гарри.

– Злей, – задумчиво проговорил Люпин, – это отдельная тема. Он и сам не упускал случая напастить на Джеймса – трудно было ожидать, что Джеймс станет терпеть.

– А мама с этим мирилась?

— Честно говоря, она об этом и не знала, — ответил Сириус. — Джеймс ведь не брал Злея к ним на свидания и не насыпал на него заклятия у нее на глазах.

Сириус, хмурясь, глядел на Гарри. У того на лице было написано сомнение.

— Вот что, — сказал Сириус, — твой отец был моим лучшим другом и очень хорошим человеком. В пятнадцать лет многие дурят. Потом он поумнел.

— Ясно, — хмуро кивнул Гарри. — Только я никогда не думал, что мне будет жалко Злея.

— Кстати, о Злее, — вставил Люпин. Между его бровей пролегла чуть заметная морщинка. — Что он-то тебе сказал?

— Сказал, что больше не будет учить меня окклуменции, — равнодушно ответил Гарри, — тоже мне, большая траге...

— ЧТО?! — взревел Сириус. Гарри, ахнув от неожиданности, набрал полный рот пепла.

— Ты серьезно, Гарри? — резко спросил Люпин. — Он перестал давать тебе уроки?

— Да. — Гарри удивился; ему казалось, они делают из муhi слона. — Ничего страшного, мне это все равно, наоборот, сказать по правде, только легче...

— Так, сейчас я пойду и поговорю с этим... — гневно выпалил Сириус и хотел встать, но Люпин его удержал.

— Если кто и поговорит со Злеем, то это буду я! — решительно сказал он. — Но, Гарри, прежде всего сам иди к нему и скажи, что вам ни при каких обстоятельствах нельзя прекращать занятия! Когда Думбльдор узнает...

— Я к нему не пойду, он меня убьет! — возмутился Гарри. — Вы не видели, какой он был, когда выдернул меня из дубльдума.

— Гарри, для тебя сейчас нет ничего важнее обу чения окклуменции! — сурово изрек Люпин. — Ты меня понимаешь? Ничего важнее!

— Ладно, ладно, — проворчал Гарри, совершенно расстроившись, не сказать — разозлившись. — Попробую... поговорю с ним... но это не...

Он замолчал. Где-то вдалеке послышались шаги.

— Это что, Шкверчок на лестнице?

— Нет, — обернувшись, сказал Сириус, — это, видимо, с твоей стороны...

Сердце Гарри пропустило несколько ударов.

— Все, я пошел! — И он спешно вытащил голову из камина на площади Мракэнтлен. Несколько мгновений голова бешено вращалась на плечах, а потом Гарри вдруг оказался перед камином Кхембридж — он стоял на коленях, а голова крепко сидела на шее. Языки изумрудного пламени, поморгав напоследок, погасли. Из-за двери донеслось одышливое бормотание:

— Скорей, скорей... Ах, она оставила дверь открытой...

Гарри едва успел набросить плащ-невидимку, когда в кабинет ворвался Филч. Смотритель лучился от восторга и оживленно беседовал сам с собой. Пройдя через комнату, он открыл ящик письменного стола и стал рыться в бумагах.

— Разрешение на порку... разрешение на порку... наконец-то... который год напрашивались...

Он выхватил какой-то пергамент, поцеловал его и, бережно прижимая драгоценный лист к груди, зашаркал к выходу.

Гарри вскочил, убедился, что плащ полностью закрывает и его и рюкзак, распахнул дверь и поспешил за Филчем, который безумными скачками несся вперед. Никогда еще смотритель не бегал так быстро.

Спустившись на один лестничный марш, Гарри решил, что можно появиться, снял плащ, затолкал его в рюкзак и торопливо зашагал дальше. Из вестибюля неслись крики, шум. Гарри сбежал по мраморной лестнице и обнаружил внизу огромное скопление народу.

Все было в точности так, как при увольнении Трелони. Школьники (кое-кто, кажется, по уши в смердосоке), учителя и привидения сгрудились у стен, образовав гигантское кольцо. На переднем крае выделялись члены инспекционной бригады, чем-то очень довольные. Над головами собравшихся висел Дрюзг. Он смотрел вниз, в центр круга, где, точно два загнанных волка, стояли Фред и Джордж Уизли.

— Итак! — победно провозгласил голос Кхембридж. Гарри вдруг понял, что она стоит всего на несколько ступеней ниже его, вновь взирая на своих жертв с высоты. — Значит, вы считаете, это забавно — превратить школьный коридор в болото?

— В общем, да, — ответил Фред, без малейшего страха поднимая на нее глаза.

Филч, работая локтями, протолкался к Кхембридж. От счастья он чуть не рыдал.

— Принес, мадам директор, — прохрипел он, размахивая пергаментом. — Разрешение есть... плети готовы... о, позвольте мне приступить прямо сейчас...

— Очень хорошо, Аргус, — кивнула Кхембридж. — Ну-с, а вы двое, — продолжала она, обращаясь к Фреду и Джорджу, — очень скоро узнаете, как во вверенной мне школе поступают с теми, кто не умеет себя вести.

— Знаете что? — сказал Фред. — Это вряд ли. — И он повернулся к своему близнеццу: — Джордж, тебе не кажется, что мы несколько засиделись за партой?

— Сам об этом думаю, — беззаботно согласился Джордж.

— Может, пора проверить, на что мы способны в реальной жизни? — продолжал Фред.

— Давно пора, — поддержал Джордж.

И не успела Кхембридж произнести хоть слово, близнецы дружно подняли палочки и хором сказали:

— Акцио метлы!

Где-то вдалеке раздался громкий треск. Гарри глянул влево, на звук, и в последний миг пригнулся — по коридору стрелами пронеслись метлы Фреда и Джорджа, причем за одной волочилась цепь и металлический штырь. Повернув налево, «Чистые победы» пролетели над лестницей и резко затормозили перед своими хозяевами. Цепь громко звякнула по плиточному полу.

— Едва ли мы встретимся, — сказал Фред профессору Кхембридж, перебрасывая ногу через древко.

— Не трудитесь нам писать, — добавил Джордж, седлая свою метлу. Фред оглядел молчаливую внимательную толпу.

— Желающих приобрести портативное болото, выставленное в коридоре наверху, милости просим к нам — Диагон-аллея, дом девяносто три, «Удивительные ультрафокусы Уизли»! — громко объявил он. — Наш хохмазин!

— Специальные скидки учащимся «Хогварца», которые поклянутся, что с помощью наших товаров попробуют выжить из школы эту старую курицу, — прибавил Джордж, указывая на профессора Кхембридж.

– ДЕРЖИТЕ ИХ! – завопила она, но было поздно.

Заметив подступающих членов инспекционной бригады, Фред и Джордж оттолкнулись от пола и взвились футов на пятнадцать. Металлическая штанга болталаась внизу, грозя задеть неосторожных зевак. Фред завис над толпой напротив полтергейста.

– Выдай им за нас по полной, Дрюзг.

И Дрюзг, который на памяти Гарри ни разу не подчинился ни одному приказу от школьника, сорвал с головы шляпу и отсалютовал близнецам, а те под оглушительные рукоплескания круто развернулись в воздухе и двумя стремительными молниями вылетели в открытую парадную дверь навстречу фантастически красочному закату.

Глава тридцатая

Гурп

Следующие несколько дней этот случай обсуждали так часто, что он обещал скоро стать хогварцевской легендой: прошла всего неделя, но даже те, кто все видел собственными глазами, были почти уверены, что Фред и Джордж, прежде чем покинуть школу, спикировали на Кхембридж и забросали ее навозными бомбами. Первые дни поступок близнецов многих окрылил, и Гарри не раз доводилось слышать фразы вроде: «Честное слово, хоть сейчас на метлу и прочь из этого проклятого заведения!» или «Еще один подобный урок – и я Уизли».

Фред и Джордж позаботились о том, чтобы школа нескоро их забыла. Прежде всего они не сказали, как удалить болото, разлившееся по коридору пятого этажа в восточном крыле. Нередко можно было видеть, как Кхембридж и Филч тщетно так и этак пытаются его убрать. В конечном итоге болото огородили веревками, а Филчу поручили переводить через него школьников – повинность, кою смотритель исполнял, бесполезно лютя и скрипя зубами. Гарри был убежден, что Макгонаголл или Флитвик могли бы убрать болото в одну секунду, но, как и в случае с «Улетной Убоймой», предпочли не вмешиваться и предоставить Кхембридж справляться самой.

Кроме того, «Чистые победы», ринувшись на зов Фреда и Джорджа, проделали в двери кабинета Кхембридж две зияющих дыры. Филч заменил дверь и перенес «Всполох» Гарри в подземелье, где к метле, по слухам, приставили вооруженного тролля-охранника. Но беды Кхембридж на этом отнюдь не закончились.

Школьники, вдохновляемые примером близнецов Уизли, боролись за вакантное место главных хулиганов. Невзирая на новую дверь, кто-то умудрился подбросить в кабинет директрисы мохноносого нюхля, и тот в поисках блестящих предметов мигом перевернул все вверх дном, а когда вошла Кхембридж, нюхль чуть не отгрыз ей руки, попытавшись скусить кольца с пальцев. Среди учеников стало добродушной традицией разбрасывать в коридорах навозные бомбы и вонючие

бомбочки, и скоро никто не выходил с уроков без запаса свежего воздуха, для чего все пользовались пузыреголовым заклятием – махнув рукой на то, что при этом выглядишь идиотом с аквариумом на голове.

Филч рыскал по коридорам с конским хлыстом наготове, выслеживая возмутителей спокойствия, но их было столько, что смотритель не знал, кого хватать. Инспекционная бригада должна была прийти ему на помощь, но с ее бойцами стали происходить странные вещи. Уоррингтон, игрок слизеринской квидишной команды, попал в лазарет с загадочным кожным заболеванием – он весь был как будто облеплен кукурузными хлопьями; а на следующий день Панси Паркинсон, к безмерному ликованию Гермионы, пропустила все уроки, так как у нее выросли олены рога.

Между тем стало ясно, какое неимоверное количество злостных закусок успели продать Фред с Джорджем, пока еще были в школе. Стоило Кхембридж войти в класс, ученики хлопались в обмороки, их рвало, у них поднималась температура, из носа хлестала кровь. Но тщетно директриса, изнывая от бессильной ярости, искала истинную причину загадочных заболеваний – школьники упорно твердили, что страдают от «грудной кхембриджабы». Назначив наказания четырем классам в полном составе, но так и не раскрыв секрета, Кхембридж сдалась и безропотно, гуртами, отпускала с занятий изнемогающих, исходящих рвотой, истекающих кровью и потом учеников.

Однако никто не мог превзойти Дрюзга, истинного короля хаоса, который, как оказалось, близко к сердцу принял прощальный наказ Фреда и Джорджа. Кудахча как безумный, полтерgeist носился по школе, переворачивал столы, прорывался сквозь классные доски, опрокидывал вазы и статуи. Дважды он запихивал миссис Норрис в рыцарские доспехи, откуда ее под оглушительный мяя извлекал разъяренный Филч. Дрюзг бил лампы и задувал свечи; жонглировал горящими факелами над головами верещащих школьников; сваливал в камины или выбрасывал из окон целые стопки аккуратно сложенного пергамента; затопил второй этаж, сорвав все краны в уборных; как-то во время завтрака подбросил в Большой зал мешок с тарантулами; а решив отдохнуть, часами плавал за Кхембридж по воздуху и отвратительно фыркал губами всякий раз, когда она заговаривала.

Никто из учителей не желал помогать директору. Через неделю после побега близнецов Гарри своими глазами видел, как профессор

Макгонаголл прошла в двух шагах от Дрюзга, который упорно пытался ослабить крепление хрустальной люстры и — Гарри готов был поклясться, что не ослышался, — тихонько шепнула полтергейсту: «Это отвинчивается в другую сторону».

В довершение ко всему Монтегю так и не оправился от пребывания в унитазе; он по-прежнему был не в себе, и как-то утром, во вторник, на подъездной дороге появились его чрезвычайно разгневанные родители.

— Может, надо рассказать, что мы знаем? — обеспокоенно спросила Гермиона, прижимая щеку к окну в классе заклинаний, чтобы посмотреть, как мистер и миссис Монтегю входят в замок. — Может, это поможет мадам Помфри его вылечить?

— Вот еще, — равнодушно отозвался Рон. — Сам поправится.

— Зато у Кхембридж — лишняя неприятность, — довольно сказал Гарри.

Гарри и Рон синхронно постучали волшебными палочками по чайным чашкам, которые надо было зачаровать. Чашка Гарри выпустила четыре коротенькие ножки; они не доставали до стола и беспомощно болтались в воздухе. Чашка Рона отрастила тонкие паучьи лапки, которые с огромным трудом подняли чашку, prodержались несколько секунд, мелко дрожа, и подкосились. Чашка раскололась надвое.

— Репаро. — Гермиона легким движением палочки склеила чашку. — Все это прекрасно, но что, если Монтегю навсегда повредится в уме?

— Нам-то какое дело? — с раздражением бросил Рон. Его чашка снова, как пьяная, шаталась на подгибающихся ножках. — Монтегю не имел права отнимать баллы у «Гриффиндора»! Знаешь, Гермиона, если тебе не о ком беспокоиться, побеспокойся обо мне!

— О тебе? — переспросила она, хватая и возвращая на место свою чашку, живо поскакавшую к краю стола на небольших крепких ножках с синим узором. — А о тебе-то с какой стати?

— Когда мамино письмо пройдет наконец сквозь кордон Кхембридж, — горько изрек Рон, поддерживая свое слабосильное творение, — меня ждут колossalные неприятности. Не удивлюсь, если это вообще будет вопиллер.

— Но...

– Вот увидите, в том, что Фред и Джордж ушли из школы, окажусь виноват я, – проворчал Рон. – Мама скажет, что я должен был их остановить, уж не знаю как… повиснуть на хвостах метел, что ли… но вины будет моей.

– Если она так скажет, это будет очень несправедливо! Что ты мог сделать? Только она не скажет ничего подобного, потому что, если у них и правда на Диагон-аллее хохмазин, значит, они давным-давно все спланировали.

– Да-а… еще вопрос, откуда он взялся, этот хохмазин? – пробормотал Рон, слишком сильно ударяя палочкой по чашке. Та упала и замерла, беспомощно подергиваясь. – Странно, да? Помещение на Диагон-аллее – это же дорого! Мама захочет знать, во что они впутались – откуда такие деньжищи.

– Я сама об этом думала, – сказала Гермиона. Ее чашка бойко топотала вокруг чашки Гарри, короткие ножки которой никак не могли достать до стола. – Вдруг Мундугнус уговорил их продавать ворованный товар, например?

– Нет, – коротко бросил Гарри.

– Откуда ты знаешь? – хором спросили Рон и Гермиона.

– Знаю… – Гарри замялся. Похоже, пришло время во всем сознаться. Молчать больше нельзя, иначе все будут подозревать Фреда и Джорджа в преступлении. – Потому что деньги дал я. Это мой приз за Тремудрый Турнир.

Повисло потрясенное молчание. Гермионина чашка подскакала к краю стола, упала и разбилась.

– О Гарри, не может быть! – воскликнула Гермиона.

– Очень даже может, – с вызовом ответил Гарри. – И я ничуть не жалею. Мне деньги не нужны, а у них будет прекрасный хохмазин.

– Но это же отлично! – возликовал Рон. – Во всем виноват ты! Меня маме винить не в чем! Можно я ей расскажу?

– Расскажи, – безрадостно согласился Гарри, – особенно если она считает, что они перепродают краденое.

Гермиона до самого конца урока не произнесла ни слова, но Гарри был уверен, что ее выдержки хватит недолго. И действительно, на перемене, как только они вышли из замка на слабое майское солнышко, Гермиона пронзительно посмотрела на Гарри и с решительным видом раскрыла рот.

Но Гарри не дал ей ничего сказать.

— Пилить меня бесполезно, что сделано, то сделано, — твердо заявил он. — Деньги у Фреда с Джорджем — судя по всему, они уже порядочно потратили, — забрать их я не могу, да и не хочу. Так что побереги силы.

— Я хотела поговорить не о них! — обиделась Гермиона.

Рон недоверчиво фыркнул. Гермиона ожгла его нехорошим взглядом.

— Не о них! — сердито повторила она. — Я хотела узнать, собирается ли Гарри идти к Злею просить о продолжении занятий окклуменцией!

У Гарри упало сердце. Едва улеглись разговоры о необыкновенном поступке близнецов, что, надо признать, случилось лишь спустя много часов после их побега, Рон и Гермиона захотели узнать, как прошла встреча с Сириусом. Об истинной причине, побудившей Гарри добиваться разговора с крестным, друзья не знали, и придумать, что им сказать, было чрезвычайно трудно. В конце концов Гарри вполне правдиво сообщил, что Сириус велит возобновить занятия со Злеем. О чем потом не раз пожалел: Гермиона без конца возвращалась к этой теме в самые неожиданные моменты. Вот и сейчас она сказала:

— Только не говори, что у тебя прекратились кошмары. Сегодня ночью — я знаю от Рона — ты опять бормотал во сне.

Гарри свирепо посмотрел на Рона. У того хватило совести напустить на себя пристыженный вид.

— Совсем немножко, — промямлил он. — Что-то про «еще чуть-чуть».

— Это я смотрел, как вы играете в квидиши, — жестоко соврал Гарри. — Если бы ты еще чуть-чуть протянул руку, то схватил бы Кваффл.

Уши Рона покраснели, и Гарри испытал мстительное удовольствие; ему, разумеется, не снилось ничего подобного.

Ночью он, как всегда, шел по коридору к департаменту тайн, потом сквозь круглое помещение в комнату с танцующими бликами и наконец попал в огромный зал с пыльными стеклянными шарами на полках.

Он быстро прошагал к ряду девяносто семь, повернулся налево, побежал... вот тогда-то, видно, он и заговорил вслух... *еще чуть-чуть...* потому что чувствовал, что сознание настойчиво стремится

проснуться... и действительно, не успев добежать до конца ряда, открыл глаза и увидел купол балдахина над своей постелью.

– Но ты учишься блокировать сознание? – строго допрашивала Гермиона. – Продолжаешь заниматься?

– Конечно, продолжаю, – ответил Гарри таким тоном, будто подобный вопрос для него оскорбителен, но при этом избегал ее взгляда. На самом деле ему было мучительно любопытно, что там, в зале с пыльными шарами, и он хотел, чтобы сны продолжались.

И потом, до экзаменов оставалось меньше месяца, каждая свободная минутка посвящалась подготовке, и к отходу ко сну мозг так интенсивно работал, что Гарри вообще с трудом засыпал. Когда же это все-таки происходило, глупое подсознание, как правило, выдавало идиотские сны про экзамены. А еще Гарри подозревал, что, едва он во сне оказывается у заветной двери, его мозг – вернее, та его часть, которая нередко разговаривала голосом Гермионы, – угрязается и пытается разбудить Гарри, чтобы он не дошел до конца пути.

– Знаешь, – сказал Рон, чьи уши по-прежнему полыхали, – если Монтегю не поправится до игры «Слизерина» с «Хуффльпuffом», у нас появится шанс выиграть кубок.

– Пожалуй, – отозвался Гарри, радуясь перемене темы.

– Один матч мы выиграли, один проиграли – если в следующую субботу «Слизерин» проиграет «Хуффльпuffу»...

– Да, точно, – кивнул Гарри, уже не понимая, с чем соглашается. По двору, нарочно на него не глядя, прошла Чо Чан.

Финальный матч сезона, «Гриффиндор» против «Вранзора», должен был состояться в последние выходные мая. «Хуффльпuff» все-таки победил «Слизерин», но гриффиндорцы не осмеливались мечтать о победе – главным образом из-за ужасной игры Рона (хотя никто и не произносил этого вслух). Зато сам Рон нашел для себя источник неисчерпаемого оптимизма.

– Понимаете, хуже-то я играть все равно не смогу, правильно? – угрюмо объяснял он Гарри и Гермионе за завтраком в день матча. – И терять мне нечего, так?

– Знаешь, – сказала Гермиона чуть позже, когда они с Гарри шли на стадион в потоке возбужденных болельщиков, – мне кажется, без Фреда с Джорджем Рон, может, и будет играть лучше. Они ему не так чтобы внушали уверенность.

Луна Лавгуд с живым орлом на голове обогнала их и с самым невозмутимым видом поплыла дальше, мимо слизеринцев – те хихикали и показывали пальцами.

– О ужас, я и забыла! – Гермиона поглядела на хлопающего крыльями орла. – Сегодня же играет Чо!

Гарри, который, в отличие от Гермионы, хорошо об этом помнил, пробурчал что-то неразборчивое.

Они нашли места наверху. День был теплый, ясный, идеальный для игры, и Гарри поневоле начал надеяться, что сегодня Рон не даст слизеринцам повода распевать «Уизли – наш король!».

Матч, как всегда, комментировал Ли Джордан, очень грустный с тех пор, как сбежали Фред и Джордж. Команды стали выходить на поле. Ли без всякого воодушевления называл фамилии:

– ...Брэдли... Дэйвис... Чан, – говорил он.

Увидев Чо, красивую, с блестящими развевающимися волосами, Гарри ощущил внутри не еканье даже, а лишь невнятное шевеление. Он не мог бы сказать, чего хочет, но точно знал, что устал от ссор. Перед посадкой на метлы Чо оживленно болтала с Роджером Дэйвисом, но и тут Гарри почувствовал только слабый укол ревности.

– Старт! – объявил Ли. – Дэйвис тут же берет Кваффл, капитан команды «Вранзора» Дэйвис ведет Кваффл, обходит Джонсон, обходит Белл, обходит Спиннет... летит прямо к кольцам! Бьет... и... и... – Ли очень громко ругнулся, – и забивает гол.

Гарри и Гермиона застонали вместе со всеми гриффиндорцами. Слизеринцы с противоположной стороны трибун предсказуемо затянули:

*Уизли лишь ворон считает
И колец не защищает...*

– Гарри, – произнес сиплый голос над ухом у Гарри. – Гермиона...

Между сиденьями торчало огромное бородатое лицо Огрида. Он только что протиснулся по заднему ряду – сидевшие там первоклассники и второклассники были встрепаны и как бы примяты. Огрид сгибался вдвое, словно прятался, но все равно был выше всех как минимум на четыре фута.

– Слышите, – зашептал он, – можете со мной пойти? Прям сейчас? Пока все на матче?

— А подождать нельзя? — спросил Гарри. — До конца игры?

— Нет, — замотал головой Огрид. — Нет, сейчас надо... пока никто не видит... Пожалуйста.

Из ноздрей у него тихо капала кровь, вокруг глаз чернели фингалы. Гарри давно не видел Огрида вблизи, и, надо сказать, видок у того был аховый.

— Конечно, — согласился Гарри. — Пошли.

Они с Гермионой бочком покинули свой ряд, вызвав море недовольства у тех, кому пришлось встать. Те, мимо кого ломился Огрид, не протестовали, но старались как можно сильнее вжаться в кресла.

— Спасибо, народ, огромное, — поблагодарил Огрид уже на лестнице. Он без конца озирался. Они спустились, и он сказал: — Лишь бы она не заметила.

— Кто, Кхембридж? — спросил Гарри. — Не заметит. Не видел, что ли, — там вокруг нее вся инспекционная бригада. Наверно, ждет беспорядков на матче.

— Хорошо бы. — Огрид остановился и, высунувшись из-за трибуны, проверил, нет ли кого вокруг. — Было бы больше времени.

Гермиона посмотрела на него в тревоге:

— Да в чем дело, Огрид?

Они быстрым шагом двигались к опушке Запретного леса.

— Скоро... скоро узнаете, — сказал Огрид и, заслышав рев болельщиков, обернулся. — Эй! Кажись, гол забили?

— Наверняка «Вранзор», — тяжело вздохнул Гарри.

— Хорошо... хорошо... — рассеянно забормотал Огрид. — Это хорошо...

Чтобы поспеть за ним, приходилось бежать трусцой. Огрид шел, то и дело посматривая назад. Скоро они поравнялись с его хижиной, и Гермиона автоматически повернула налево, к двери. Но Огрид, минуя свое жилище, направился к лесу. Деревья на самой опушке отбрасывали густую тень. Огрид подобрал под деревом арбалет, понял, что ребята отстали, и остановился.

— Нам туда. — Он мотнул косматой головой.

— В лес? — растерялась Гермиона.

— Да, — ответил Огрид. — Пошли скорей, пока не засек никто!

Гарри и Гермиона переглянулись и нырнули в сумрак леса, за Огридом, который, вскинув арбалет, уже скрывался в зеленой чащбе. Гарри и Гермиона бегом его нагнали.

– А оружие зачем? – спросил Гарри.

– Для порядку, – пожал мощными плечами Огрид.

– Ты его не брал, когда показывал тестралей, – робко заметила Гермиона.

– Так тем разом мы недалеко забирались, – сказал Огрид. – И Фиренце тогда еще не ушел из леса.

– А при чем тут Фиренце? – спросила Гермиона.

– Другие кентавры на меня осерчали, вот при чем, – понизив голос, ответил Огрид и осторожно покосился назад. – Раньше мы... ну, друзьями их не назовешь, но... мы ладили. Держались они особняком, но словцом перекинуться приходили, когда надо. Теперь не так.

Он глубоко вздохнул.

– Фиренце говорит, они рассердились, что он согласился работать у Думбльдора. – Тут Гарри споткнулся на торчащем корне, потому что смотрел не под ноги, а на Огрида.

– Эт точно, – мрачно подтвердил Огрид. – «Рассердились» – не то слово. Взбесились, во как. Ежели б не я, запинали бы беднягу Фиренце до смерти...

– Они на него напали? – потрясенно переспросила Гермиона.

– Ага, – буркнул Огрид, проламываясь сквозь низко склоненные ветви. – Полтабуна на одного.

– А ты им помешал? – с изумленным восхищением спросил Гарри. – Один?

– Яс’ дело, помешал. Что ж мне, смотреть, как его убивают? – ответил Огрид. – Хорошо, я мимо проходил... И я-то думал, Фиренце вспомнит, чем с дурацкими предупреждениями лезть! – с неожиданной горячностью прибавил он.

Гарри и Гермиона удивленно переглянулись, но Огрид нахмурился и развивать тему не стал.

– Короче, – сказал он, засопев громче обычного, – разозлились на меня кентавры, и беда-то в чем – у них в лесу большое влияние... яс’ дело, умнейшие существа.

– Так мы поэтому здесь, Огрид? – спросила Гермиона. – Из-за кентавров?

— Нет, — помотал головой Огрид, — не из-за них. Хоть они и могут нам подпортить... ну да ладно... скоро поймете.

На этих невнятных словах он умолк и вырвался вперед — на каждый его шаг приходилось три шага Гарри и Гермионы, и поспевать за ним было очень трудно.

Тропинка терялась, деревья росли так тесно, что в лесу было темно как в сумерках. Поляна, где Огрид показывал тестралей, осталась далеко позади, но Гарри не боялся — пока Огрид не сошел с тропы и не полез в самую чащу. Тут Гарри живо вспомнил, что случилось в прошлый раз, когда он сошел с тропы в Запретном лесу.

— Огрид! — тревожно позвал он, ломясь сквозь заросли куманики, которые Огрид легко перешагнул. — Куда мы идем?

— Осталось чуток, — бросил Огрид через плечо. — Давай, Гарри... Здесь надо держаться рядом.

Но держаться с ним рядом было нелегко. Все эти сучья, заросли, терновник, которые Огрид прорывал как паутину, беспрерывно цеплялись за мантии Гарри и Гермионы. Иногда ребята так запутывались, что приходилось останавливаться. Руки и ноги у Гарри покрылись царапинами. Лес был очень густой, и Огрид впереди казался большой тенью. В гулкой тишине пугал любой звук. Хруст веток под ногами разносился оглушительным эхом, невинный воробышковый шорох заставлял испуганно озираться в ожидании чудовищ. И кстати, странно: Гарри никогда еще не удавалось зайти так далеко в лес, не встретив никого из здешних обитателей. Их отсутствие тоже настораживало.

— Огрид, ничего, если мы включим палочки? — тихо спросила Гермиона.

— Да... валяйте, — шепнул Огрид в ответ. — Вообще-то...

Оsekшишься, он остановился и повернулся к ребятам; Гермиона воткнулась ему в живот и повалилась назад. Гарри едва успел ее подхватить.

— Давайте-ка притормозим, и я вам... все разобъясню, — сказал Огрид. — А потом двинем дальше.

— Хорошо, — согласилась Гермиона, когда Гарри твердо поставил ее на ноги.

Они оба пробормотали: «Люмос!» — и волшебные палочки засветились. Лицо Огрида, подсвеченное двумя блуждающими

лучиками, выплыло из темноты, и Гарри в очередной раз поразился, до чего оно печально и тревожно.

– В общем, – начал Огрид. – Понимаете... ко роче... такие дела... Он глубоко-преглубоко вздохнул.

– Меня со дня на день попрут из школы, – объявил он.

Гарри и Гермиона посмотрели друг на друга, потом на него.

– Но ты уже так долго протянул... – неуверенно заговорила Гермиона, – почему ты думаешь...

– Кхембридж считает, это я сунул ей в кабинет того нюхля.

– А это ты? – невольно вырвалось у Гарри.

– Я? С какой дури? – возмутился Огрид. – Просто раз магические животные, значит, я. Вы же знаете, она спит и видит, как бы от меня отделаться. Я-то, понятно, уходить не хочу, но, ежели б не... ну... особые обстоятельства, про которые сейчас расскажу, минуты б не остался. Не дал бы ей надо мной издеваться перед всей школой, я ж не Трелони.

Гарри и Гермиона невнятно запротестовали, но Огрид лишь взмахнул ручищай:

– Это, яс'дело, не конец света: ушел бы из школы, помог бы Думбльдору, принес бы пользу Ордену. А у вас была бы Гниллер-Планк, вы... экзамены вы сдадите...

Его голос дрогнул, и он замолчал.

– За меня-то не бойтесь, – поспешил сказать он, когда Гермиона потянулась похлопать его по руке. Он вытащил из жилетного кармана немыслимых размеров носовой платок в горошек и промокнул глаза. – Понимаете, кабы не нужда, я б вам не говорил. Ежели меня не будет... мне нельзя уехать без... без того, чтоб кому-то рассказать... потому как мне... понадобится ваша помощь. Ну и Рона, коли он захочет.

– Конечно, мы поможем, – заверил Гарри. – Что надо делать?

Огрид громко всхлипнул и потрепал Гарри по плечу с такой силой, что тот пошатнулся и привалился к дереву.

– Я знал, вы не откажете, – забормотал Огрид в платок, – ни... никогда... не забуду... ладно... тут совсем ерунда осталась... осторожней, крапива...

Они шли молча еще минут пятнадцать; Гарри как раз открыл рот, чтобы спросить, далеко ли, и тут Огрид одной рукой их придержал.

– Тихонько, – еле слышно прошептал он. – Тихохонько...

Они прокрались вперед, и Гарри увидел впереди большой холм высотой с Огрида. Сердце екнуло: наверняка это логово какого-то огромного зверя. Вокруг валялись выдранные с корнем деревья; холм возвышался посреди голого участка земли, окруженного баррикадой из стволов и поломанных веток, за которой и стояли Гарри, Гермиона и Огрид.

– Спит, – выдохнул Огрид.

Действительно, Гарри слышал отдаленное ритмическое клокотание – это работала пара огромных легких. Он покосился на Гермиону. Та, от страха остолбенев и чуть приоткрыв рот, застывшим взглядом смотрела на холм.

– Огрид, – спросила она шепотом, едва различимым на фоне громкого рокота, – он кто?

Вопрос показался Гарри странным... сам он собирался спросить: «Что это?»

– Огрид, ты ведь говорил, – начала Гермиона, и волшебная палочка у нее в руке задрожала, – что никто из них не захотел с тобой пойти!

Гарри перевел взгляд с нее на Огрида, и до него вдруг стало доходить... Он посмотрел на холм и ахнул от ужаса.

Громадное возвышение, на котором они спокойно могли встать все вместе, медленно ходило вверх-вниз в такт глубокому клокочущему дыханию. Это вовсе не холм! Это脊椎!

– Ну... так он и... не хотел, – отчаянно проговорил Огрид. – Только я должен был его привести, Гермиона, я был обязан!

– Но зачем? – спросила Гермиона. В ее голосе звучали слезы. – Почему? Что?.. Ох, *Огрид!*

– Я думал, вот приведу его, – сказал Огрид, сам чуть не рыдая, – выучу манерам... в люди выведу... покажу, что он безобидный!

– Безобидный! – пронзительно вскрикнула Гермиона, и Огрид замахал на нее руками: тише, мол. Громадное существо громко заурчало и заворочалось во сне. – Это он тебя бил, да? Вот откуда раны!

– Он не понимает своей силы! – очень серьезно ответил Огрид. – И он исправляется, уже не столько дерется...

– Так вот почему ты добирался до дома целых два месяца! – не слушая его, говорила Гермиона. – Ах, Огрид, зачем ты его привел, если он не хотел? Ему было бы гораздо лучше со своими!

– Нет, Гермиона, они все над ним издевались – он ведь махонький! – возразил Огрид.

– Махонький? – переспросила Гермиона. – *Махонький?*

– Гермиона, ну не мог я его там бросить, – по изувеченному лицу Огрида потекли слезы. – Понимаешь… это ж мой брат!

Гермиона уставилась на него, разинув рот.

– Огрид, говоря «брать», – медленно начал Гарри, – ты имеешь в виду…

– Ну… сводный, – поправился Огрид. – Мамка-то моя, виши ты, ушла от нас с папашей к одному гиганту, ну и родила Гурпа…

– Гурпа? – повторил Гарри.

– Ага… ну, он как-то так себя называет, – озадаченно сказал Огрид. – По-английски он не очень… я уж учу, учу… короче, любила она его, похоже, не больше, чем меня. Гигантессы, они что, им дети нужны большие, хорошие, а Гурп для гиганта не так чтобы… всего-то шестнадцать футов…

– Да уж, крошка! – с истерическим сарказмом воскликнула Гермиона. – Прямо-таки лилипут!

– Они его все шпионали… не мог я его бросить…

– И мадам Максим согласилась, чтобы вы взяли его с собой? – спросил Гарри.

– Она… ну, она поняла, как это для меня важно, – отвечал Огрид, ломая огромные руки. – Но… потом… сказать по правде, устала она от него… и уж в обратный путь мы разделились… правда, она пообещала никому не рассказывать…

– Как же тебе удалось незаметно его притащить? – удивился Гарри.

– Потому-то мы и добирались долго, – сказал Огрид. – Шли ночами да по диким местам. Ежели в охотку, он, яс’ дело, шагает-то скоренько, да только он все артачился, назад хотел…

– Огрид, ну почему ты его не отпустил?! – воскликнула Гермиона, бессильно опускаясь на ствол вырванного дерева и закрывая лицо ладонями. – Что ты будешь делать с диким гигантом, который даже не хочет здесь оставаться!

– Ну, ты скажешь тоже… «дикий»… это уж слишком, – заявил Огрид, не переставая заламывать руки. – Бывало, конечно, набрасывался пару раз, ну, когда вожжа под хвост, – но я ж говорю, исправляется он, очень даже исправляется и привыкает хорошо.

— А для чего тогда веревки? — поинтересовался Гарри.

Он только что заметил канаты, толстые как молодые деревца, — они тянулись от стволов самых крупных ближних деревьев туда, где свернулся калачиком Гурп.

— Он связан? — слабым голосом пролепетала Гермиона.

— Ну... да... — занервничал Огрид. — Понимаете... я ж говорю... он своей силы не понимает.

До Гарри вдруг дошло, почему в лесу им никто не встретился.

— А что, собственно, мы должны делать? — испуганно спросила Гермиона.

— Смотреть за ним, — надтреснуто ответил Огрид. — Когда меня не будет.

Гарри и Гермиона в отчаянии поглядели друг на друга. Гарри отчетливо вспомнил, что уже пообещал Огриду выполнить все, что тот попросит.

— А конкретно... что подразумевается? — уточнила Гермиона.

— Не кормить, нет, ничего такого! — воодушевился Огрид. — Еду он сам добывает. Птицы, олени, тому подобное... но... ему бы компанию. Мне б только знать, что братишку навещают, поддерживают... учат... ну, сами понимаете.

Ничего не сказав, Гарри повернулся и посмотрел на спящую гору. В отличие от Огрида, пусть очень-очень большого, но все-таки человека, Гурп был какой-то странно бесформенный. То, что Гарри сначала принял за огромный мшистый валун слева от холма, оказалось головой. Абсолютно круглая, густо поросшая курчавыми волосами цветом как папоротник-орляк, она была сильно велика для такого тела. Шея практически отсутствовала — совсем как у дяди Вернона. Сверху лепилось большое мясистое ухо. Необъятная спина, прикрытая грязным коричневатым одеянием из грубо сшитых звериных шкур, вздымалась во сне, и при каждом вдохе швы немного расходились. Гурп подтянул ноги к животу, и Гарри видел громадные, размером с сани, черные босые подошвы, одну на другой.

— Значит, мы должны его учить, — пустым голосом сказал Гарри. Теперь он понял смысл предупреждения Фиренце. *Попытки не увенчаются успехом. Лучше их оставить.* Конечно, обитатели леса не могли не слышать, как Огрид учит младшего брата английскому языку.

— Да... так, объясняясь малость, — с надеждой ответил Огрид. — Потому что ясно же: он как научится общаться, так и поймет, что мы его любим, очень, и хотим, чтоб он с нами жил.

Гарри взглянул на Гермиону. Та ответила ему совершенно безнадежным взглядом сквозь пальцы.

— Вот так пожалеешь, что нельзя вернуть Норберта, — сказал он ей, и она ответила дребезжащим смешком.

— Так вы согласны? — спросил Огрид, который, видимо, слов Гарри не расслышал.

— Мы... — протянул Гарри, уже связанный обещанием. — Мы попробуем, Огрид.

— Гарри, ты настоящий друг! — воскликнул тот со слезливой улыбкой и опять промокнул лицо носовым платком. — Но сильно-то не утруждайтесь... экзамены же... приходите к нему... ну, может, в неделю раз, поболтать чуток... под плащом, чтоб вас не видели... Ну что, я его разбуджу?.. Познакомитесь...

— Что?.. Нет! — Гермиона вскочила. — Огрид, не надо, не буди его, в самом деле, это ни к че...

Но Огрид уже перешагнул через большое поваленное дерево, направился к Гурпу и, не дойдя десяти футов, подобрал с земли большой сук. Потом ободряюще улыбнулся через плечо Гарри и Гермионе и с силой ткнул брата в поясницу.

Гигант взревел. По безмолвному лесу прокатилось эхо; птицы, испуганно защебетав, снялись с верхушек деревьев и унеслись прочь. Гарри и Гермиона остолбенело смотрели, как великан встает на колени. Когда он с размаху оперся на руку, земля заходила ходуном. Гурп повертел головой, не понимая, кто или что его потревожило.

— Как делишки, Гурпи? — нарочито бодро поинтересовался Огрид, отступая и держа перед собой поднятую палку, чтобы, если нужно, снова ткнуть Гурпа. — Нормально покемарил?

Гарри и Гермиона отошли как можно дальше. Гурп стоял на коленях меж двух деревьев, еще не выдраных из земли. Его феноменально большое лицо серой луной плавало в полумраке. Голова была точно огромный каменный шар с кое-как высеченными грубыми чертами: бесформенный обрубок носа, кривой рот с неровными желтыми зубищами и крохотные для такого гиганта, глинисто-бурые, с зеленцой, глазки. Ресницы склеились после сна. Гурп с силой потер

глаза костяшками, которые по размеру были никак не меньше крикетной биты. А потом вдруг с удивительной быстротой и легкостью вскочил на ноги.

– Ой, кошмар! – в ужасе взвизгнула Гермиона.

Деревья, к которым Гурп был канатами привязан за лодыжки и запястья, угрожающе затрещали. Как и говорил Огрид, в гиганте было самое малое шестнадцать футов росту. Блуждая по сторонам мутными глазами, Гурп протянул большую, как пляжный зонтик, ладонь к очень высокой сосне, схватил с верхней ветки птичье гнездо и, с недовольным ревом – птиц там не оказалось – перевернул вверх дном. Яйца гранатами посыпались вниз. Огрид закрыл голову руками.

– Смотри, Гурпи! – крикнул он, опасливо выглядывая из-под ладоней, – я тебе друзей привел. Помнишь, я обещал? Помнишь, я говорил, что, может, по делам уеду, а они о тебе заботиться будут? Помнишь, Гурпи?

Но Гурп лишь снова заревел. Трудно сказать, слышал ли он Огрида, понял ли, что Огридова крики – это речь. Гигант схватил сосну за верхушку и потащил на себя – видимо, для забавы, чтобы посмотреть, как качается дерево.

– Эй, Гурпи, не делай так! – заорал Огрид. – Уж и без того все повыдернул!..

Гарри увидел, что земля у основания сосны пошла трещинами. Что ж, ничего удивительного.

– Я привел тебе друзей! – кричал Огрид. – Друзей, видишь? Вниз, вниз посмотри, балда бестолковая! Видишь – друзья!..

– Огрид, оставь его, – взмолилась Гермиона, но Огрид поднял сук и больно ткнул Гурпа в коленку.

Гигант отпустил сосну. Та страшно качнулась и осыпала Огрида дождем иголок. Гурп поглядел вниз.

– Это, – сказал Огрид, поспешно подходя к ребятам, – Гарри! Гарри Поттер! Если я уеду, он будет тебя навещать, понял, Гурпи?

Гурп, кажется, заметил Гарри и Гермиону только сейчас. Он низко опустил огромную, как валун, голову и приблизил к ним мутные глазки. Ребята затрепетали.

– А вот Гермиона, видишь? Гер… – Огрид замялся и повернулся к Гермионе: – Ничего, если он будет звать тебя Герми? А то ему трудно запомнить.

– Ничего, – пискнула Гермиона.

– Это Герми! Она тоже будет навещать! Правда, здорово? А? Два друга, чтобы с ними... ГУРПИ, НЕЛЬЗЯ!

Рука Гурпа, высунувшись словно из ниоткуда, потянулась к Гермионе. Гарри спешно уволок Гермиону за дерево; пальцы гиганта царапнули ствол и схватили пустоту.

– ПЛОХОЙ ГУРПИ! – донесся до ребят крик Огрида. Гермиона, дрожа и попискивая от страха, жалась к Гарри. – ГАДКИЙ! НЕЛЬЗЯ ХВАТАТЬ... ОЙ!

Гарри высунулся из-за дерева и увидел, что Огрид лежит на спине, прижимая ладонь к носу. Гурп, потеряв к нему всякий интерес, распрямился и снова принял соснову.

– Так, – гнусаво сказал Огрид, поднимаясь. Одной рукой он зажимал кровоточащий нос, другой хватался за арбалет. – Короче... вот вы и... познакомились... теперь он... будет вас узнавать. Да... вот так вот...

Он посмотрел вверх на Гурпа. Тот с гримасой безучастного блаженства на валунообразном лице гнул сосну к земле. Дерево громко трещало.

– Ладно, на сегодня хватит, – решил Огрид. – Ну чего... э-э... пошли обратно?

Гарри и Гермиона кивнули. Огрид положил арбалет на плечо и, держась за нос, первым двинулся к дому.

Все молчали. Даже когда сзади раздался грохот, означавший, что Гурп наконец одолел сосну, никто не произнес ни слова. Лицо Гермионы было бледно и неподвижно. Гарри не знал, что сказать. Что будет, если кто-нибудь узнает про гиганта? А он еще, как дурак, пообещал помочь... Теперь им с Гермионой придется дрессировать это чудище... Бессмысленная затея. Огриду, конечно, любой монстр чем страшнее, тем прекраснее, но неужели он способен так обманываться? Неужели он думает, что Гурп когда-нибудь сможет общаться с людьми?

– Погодите-ка, – отрывисто бросил Огрид.

Гарри и Гермиона прорыдались вслед за ним сквозь густые заросли спорыша. Огрид вытащил из колчана стрелу и вставил в арбалет. Ребята подняли палочки; теперь, остановившись, они тоже услышали какое-то движение.

– Ой-ёй, – прошептал Огрид.

– Мы, кажется, ясно дали понять, Огрид, – произнес глубокий мужской голос, – что тебе здесь больше делать нечего?

Из пятнисто-зеленого полумрака, будто по воздуху, выплыл обнаженный мужской торс; потом стало видно, что у талии он переходит в гнедое конское туловище. Кентавр. Гордое широкоскулое лицо, длинные черные волосы. Как и Огрид, он был вооружен; с плеча свисали лук и колчан, полный стрел.

– Как жизнь, Магориан? – опасливо поинтересовался Огрид.

Зашелестела листва, и за спиной кентавра появились четверо или пятеро его сородичей. Гарри узнал вороного бородатого Бейна, которого видел почти четыре года назад, в ту же ночь, когда познакомился с Фиренце. Бейн никак не показал, что знает Гарри.

– По-моему, – заговорил Бейн на редкость неприятным тоном и повернулся к Магориану, – мы уже решили, как поступим, если этот человек еще раз сунется в наш лес?

– «Этот человек» – я, да? – негодующе бросил Огрид. – И все потому, что не допустил убийства?

– Ты не должен был вмешиваться, Огрид, – сказал Магориан. – Мы живем по другим законам. Фиренце предал нас и обесчестил себя.

– Не знаю, с чего вы это взяли, – раздраженно ответил Огрид. – Чего плохого-то, помог Альбусу Думблдору…

– Фиренце поступил в услужение людям, – проговорил серый кентавр с жестким, морщинистым лицом.

– *В услужение!* – язвительно передразнил Огрид. – Всего-то Думблдору оказал любезность…

– Он выдает людям наши знания и наши секреты, – тихо молвил Магориан. – Кто пал так низко, тому уже не подняться.

– Вам, конечно, виднее, – пожал плечами Огрид, – только я так скажу: большую ошибку вы делаете…

– Как и ты, человек, – не дослушал Бейн, – когда приходишь в наш лес, хотя тебя предупредили…

– Слушайте-ка, – рассердился Огрид. – Не такой уж он ваш, этот лес. И не вам указывать, кому сюда ходить, а кому…

– Но и не тебе, Огрид, – невозмутимо сказал Магориан. – Сегодня я тебя отпускаю – с тобой твои малолетние…

– Они не его! – презрительно перебил Бейн. – Это школьники, Магориан, из «Хогварца»! Которым предатель Фиренце, должно быть, уже передает наши знания!

– Даже если так, убийство жеребенка – тяжкое преступление, – спокойно возразил Магориан, – мы не станем проливать невинную кровь. Сегодня, Огрид, мы тебя отпускаем. Но отныне держись подальше. Ты лишился доверия кентавров, когда помог предателю Фиренце избежать возмездия.

– Стану я из-за каких-то старых молов из леса уходить! – выкрикнул Огрид.

– Огрид, – испуганно пискнула Гермиона, увидев, что Бейн и серый кентавр перебирают копытами, – пойдем, пожалуйста, пойдем отсюда!

Огрид уступил – но не опускал арбалета и не сводил с Магориана свирепого взгляда.

– Мы знаем, кого ты прячешь в лесу, Огрид! – крикнул вслед Магориан. Кентавры почти уже скрылись из виду. – Учи, наше терпение на пределе!

Огрид развернулся, явно порываясь возвратиться и потолковать с Магорианом еще.

– Ничего, потёрпите сколько нужно, лес не только ваш! И его тоже! – заорал он. Гарри и Гермиона изо всех сил тянули его за кротовую жилетку. Огрид, дымясь от ярости, посмотрел вниз и слегка удивился: видимо, их стараний он совсем не ощущал. – Ну-ну, угомонитесь, – сказал он, повернулся и зашагал вперед. Гарри и Гермиона, пыхтя, потрусили следом. – Вот же мулы проклятущие, а?

– Огрид, – с трудом выговорила Гермиона, огибая уже знакомые им заросли крапивы, – если кентавры не хотят, чтобы люди ходили в лес, как же мы с Гарри…

– Да ты слышала, – отмахнулся Огрид, – они не трогают жеребят – в смысле ребят. И вообще, нечего этой компашке нами командовать.

– Попытка не удалась, – шепнул Гарри огорчившейся Гермионе.

Наконец они вышли на тропу. Минут через десять лес начал редеть, в просветах между кронами показалось голубое небо. Издалека неслись радостные вопли.

– Опять гол? – Огрид остановился на опушке и поглядел на стадион. – Или матч уже кончился? Как думаете?

— Не знаю, — ответила глубоко несчастная Гермиона. Вид у нее был весьма так себе: мантия кое-где порвана, в волосах — веточки и листья, лицо и руки исцарапаны. Гарри понимал, что и сам выглядит не лучше.

— Кажись, кончился! — Огрид сощурился на стадион. — Гляньте: народ расходится... давайте-ка скоренько... смешаетесь с толпой, никто и не поймет, что вас не было!

— Отличная мысль, — бормотнул Гарри. — Ну... пока, Огрид.

— У меня нет слов, — дрожащим голосом пролепетала Гермиона. — Нет слов. Нет, у меня *правда* нет слов.

— Успокойся, — сказал Гарри.

— Успокоиться? — вскипела она. — Гигант! Гигант в лесу! А мы должны учить его английскому! Если, конечно, нас не убьют кентавры! У! Меня! Нет! *Слов!*

— Пока что ничего делать не надо, — тихонько утешил ее Гарри. Они влились в толпу оживленно болтавших хуффльпуффцев, которые шли к замку. — Только если Огрида выгонят. А этого, может, и не случится.

— Ой, брось, Гарри! — сердито вскричала она и вдруг остановилась. Идущие сзади, чтобы не наткнуться на нее, вильнули в стороны. — Разумеется, его выгонят! И вообще-то после того, что мы сейчас видели, Кхембридж можно понять!

Гарри гневно уставился на нее. Глаза Гермионы медленно наполнялись слезами.

— Ты так не думаешь, — тихо сказал Гарри.

— Нет... но... ладно... не думаю. — Она сердито вытерла глаза. — Но почему он всегда усложняет себе жизнь — и *нам* тоже?

— Вот не знаю...

*Уизли — наш король,
Уизли — наш король,
Он голов не пропускает,
Уизли — наш король...*

— Хоть бы они перестали петь эту идиотскую песню, — жалобно проговорила Гермиона. — Неужто еще не нарадовались?

От стадиона вверх по склону шла огромная толпа школьников.

— Пойдем скорей, только слизеринцев нам не хватало, — сказала Гермиона.

*Уизли птичек не считает
Уизли кольца защищает,
«Гриффиндор» весь распевает:
Уизли – наши король.*

– Гермиона… – пробормотал Гарри.

Песня становилась все громче – но пела не серебристо-зеленая, а красно-золотая толпа, тащившая на плечах чью-то фигурку.

*Уизли – наши король,
Уизли – наши король,
Он голов не пропускает,
Уизли – наши король…*

– Нет? – еле слышно выдохнула Гермиона.

– Да! – громко сказал Гарри.

– ГАРРИ! ГЕРМИОНА! – заорал Рон, как безумный размахивая серебряным квидишным кубком. – УРА! МЫ ПОБЕДИЛИ!

Он проплыл мимо, и они проводили его ликующими взглядами. У входа в замок образовался затор. Рона сильно стукнули головой о косяк, но опускать не захотели. Толпа, распевая, втиснулась в дверь и скрылась из виду. Гарри и Гермиона, сияя, смотрели им вслед, пока последние отголоски песни не замерли вдалеке. Потом поглядели друг на друга, и улыбки медленно сползли с их лиц.

– Пока не будем его расстраивать? – спросил Гарри.

– Конечно нет, – устало сказала Гермиона. – Куда торопиться.

И они вместе начали подниматься по ступеням крыльца. У парадной двери оба машинально оглянулись на Запретный лес. Может, Гарри почудилось, но, кажется, где-то над самой чащей в небо взвилась стайка птиц – будто кто-то попытался вырвать из земли дерево, на котором они сидели.

Глава тридцать первая

Экзамены на С.О.В.У

Весь следующий день Рон пребывал в эйфории – благодаря ему «Гриффиндор» все-таки получил квидишный кубок! Рон не мог ни на чем сосредоточиться, ему не сиделось на месте, и единственное, на что он был способен, – снова и снова обсуждать подробности матча. Гарри и Гермионе никак не удавалось вставить хоть слово о Гурпе. Не то чтобы они очень старались; духу не хватало так жестоко вернуть Рона с небес на землю. День был ясный и теплый, и они уговорили Рона пойти заниматься на берег озера – там спокойнее, чем в общей гостиной, и можно не опасаться, что кто-то подслушает. Поначалу это предложение не показалось Рону заманчивым – его вполне устраивало, что каждый, кто проходит мимо, одобрительно хлопает его по спине, а порой тут и там раздается пение «Уизли – наш король», – но в конце концов он согласился, что глоток свежего воздуха никому не повредит.

Они разложили книжки в тени бука и сели. Рон взахлеб – примерно в десятый раз – рассказывал, как ему удалось взять первый мяч во вчерашней игре.

– Понимаете, я ведь тогда уже пропустил мяч Дэйвиса и совсем не был в себе уверен, а передо мной вдруг – раз! – и Брэдли! И тут я говорю себе: ты можешь, можешь! У меня была всего секунда, чтобы решить, куда лететь, потому что, знаете, он вроде как целил в правое кольцо – от меня правое, от него левое – но я почему-то понял, что он финтит, вот я и рискнул и полетел влево – ну, в смысле от него вправо – и... ну... вы сами видели, – скромно закончил он, без надобности проводя рукой по волосам, чтобы они эффектно взъерошились. При этом он покосился на шушукающихся третьеклассников-хуффльпуффцев, случайно оказавшихся неподалеку. – А когда через пять минут на меня попер Чемберс... Что? – Рон, поглядев на Гарри, осекся. – Чего ты улыбаешься?

– Я не улыбаюсь, – заверил Гарри, опуская глаза к учебнику по превращениям и пряча улыбку. Поведение Рона живо напомнило ему

другого гриффиндорского игрока, который некогда ерошил волосы под этим же деревом. – Просто я рад, что мы выиграли.

– Да, *выиграли*, – медленно, со вкусом проговорил Рон. – А помните, какое было лицо у Чан, когда Джинни выхватила Проныру у нее из-под носа?

– Заплакала, наверное, да? – едко сказал Гарри.

– Ну, это-то да… от злости, скорее всего… но… – Рон нахмурился. – Вы же видели, как она отшвырнула метлу, когда приземлилась?

– Э-э… – произнес Гарри.

– Вообще-то… не видели, – тяжко вздохнув, призналась Гермиона. Она отложила книжки и покаянно посмотрела на Рона. – Честно говоря, мы с Гарри видели только первый гол Дэйвиса.

Тщательно взъерошенные волосы Рона словно поникли от разочарования.

– Вы не смотрели? – пролепетал он, переводя взгляд с одного на другую. – Не видели, как я брал мячи?

– Если честно… нет. – Гермиона протянула к нему руку, пытаясь утешить. – Рон, мы не хотели уходить – нам пришлось!

– Да? – Лицо Рона постепенно наливалось краской. – Это почему же?

– Из-за Огрида, – сказал Гарри. – Он решил признаться, откуда у него раны. И попросил пойти с ним в лес. Что нам оставалось? Ты ведь его знаешь. Ну и, короче…

Весь рассказ занял пять минут, и, когда он подошел к концу, негодование Рона сменилось потрясением.

– *Он привел его с собой и спрятал в лесу?*

– Угу, – хмуро буркнул Гарри.

– Нет, – замотал головой Рон, словно отрицание действительности могло ее изменить. – Нет, быть не может.

– Очень даже может, – возразила Гермиона. – В Гурпе около шестнадцати футов росту, он любит вырывать с корнем двадцатифутовые сосны и знает меня, – она фыркнула, – под именем Герми.

Рон нервно хохотнул.

– И Огрид хочет, чтобы мы?..

– Учили его английскому языку, да, – подтвердил Гарри.

— Он чокнулся, — почти с восхищением прошептал Рон.

— Да, — раздраженно отозвалась Гермиона, перевернув страницу «Превращений для продолжающих» и рассматривая серию иллюстраций, которые показывали, как сова становится театральным биноклем. — Да. Я уже думаю, что так и есть. Но, к несчастью, он заставил нас пообещать.

— Значит, придется нарушить обещание, — категорично заявил Рон. — Сами подумайте, у нас экзамены... нам самим до исключения вот столечко. — Он двумя пальцами показал, как мало. — И вообще... помните Норберта? А Арагога? Было когда-нибудь что-нибудь хорошее от Огридовых чудовищ?

— Да, но... мы обещали, — очень тихо ответила Гермиона.

Рон задумчиво пригладил волосы.

— Ладно, — вздохнул он, — Огрида ведь пока не уволили, правда? До сих пор он продержался, может, продержится и до конца года. И нам не придется иметь дело с Гурпом.

Под жаркими лучами солнца окрестности замка сверкали яркими красками, точно непросохшая картина маслом; безоблачное небо улыбалось собственному отражению в искрящейся глади озера; изредка ветерок прогонял легкие волны по атласной зелени газона. Настал июнь. Для пятиклассников он означал только одно: экзамены на С.О.В.У.

Учителя больше не давали домашних заданий, посвящая уроки повторению тем, которые, по их мнению, вероятнее всего могли встретиться на экзаменах. В атмосфере горячечной сосредоточенности Гарри забыл обо всем остальном. Впрочем, на уроках зельеделия он иногда думал: интересно, говорил ли Люпин со Злеем о продолжении занятий окклуменцией? Если и говорил, Злей проигнорировал его слова, как игнорировал самого Гарри. Последнего это весьма устраивало; и без окклуменции дел хватало. Гермиона, к счастью, тоже была поглощена другими заботами и не приставала к нему; она постоянно что-то бормотала себе под нос и уже много дней не вспоминала об одежде для эльфов.

Но не только Гермиона вела себя странно. У Эрни Макмиллана, скажем, появилась неприятная привычка расспрашивать всех и каждого, кто как готовится к экзаменам.

— Вот вы сколько часов в день занимаетесь, примерно? — с маниакальным блеском в глазах спросил он у Гарри и Рона, когда все они перед уроком гербологии стояли у теплицы.

— Не знаю, — пожал плечами Рон. — Сколько-то занимаюсь.

— Больше восьми часов или меньше?

— Наверно, меньше, — немного встревожившись, ответил Рон.

— Я занимаюсь восемь, — гордо надулся Эрни. — Восемь или девять.

Час перед завтраком каждый день обязательно. Восемь — это в среднем. По выходным стараюсь десять. В понедельник занимался девять с половиной. Во вторник похуже — всего семь с четвертью. Потом в среду...

Гарри готов был поставить памятник профессору Спаржу за то, что она запустила всех в теплицу номер три и Эрни замолчал.

Между тем Драко Малфой нашел другой способ посеять панику. За несколько дней до начала экзаменов многие слышали, как он говорил Краббе и Гойлу у класса зельеделия:

— Разумеется, дело не в том, что ты знаешь, а в том, кого знаешь. Вот, например, мой папа. Он много лет дружит с председателем Колдовской экзаменационной комиссии, старушкой Гризельдой Марчбэнкс. Мы приглашаем ее на званые ужины и все такое...

— Как думаете, это правда? — тревожным шепотом спросила Гермиона у Гарри и Рона.

— Даже если да, что мы можем поделать, — мрачно ответил Рон.

— Вряд ли это правда, — тихо сказал за их спинами Невилл. — Гризельда Марчбэнкс — подруга Ба. И она ни разу не упоминала Малфоев.

— А какая она, Невилл? — тут же спросила Гермиона. — Строгая?

— Похожа на Ба, — подавленно ответил Невилл.

— Но ведь это хорошо, что она тебя знает, правда? — ободрил его Рон.

— Никакой разницы, — еще печальнее проговорил Невилл. — Ба вечно ей твердит, что я не такой, как отец... ну... сами слышали в святом Лоскуте...

Он не поднимал глаз. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись. Они не знали, что сказать. Невилл впервые упомянул об их встрече в больнице.

Чем ближе подходили экзамены, тем активнее среди пяти-и семиклассников процветала нелегальная торговля всевозможными средствами для улучшения памяти, повышения сообразительности и пущей энергичности. Гарри и Рон, соблазнившись, хотели приобрести у Эдди Кармайкла, шестиклассника из «Вранзора», «Экзаменационный эликсир Баруффью». Эдди клялся, что прошлым летом получил девять «великолепно» исключительно благодаря этому зелью, и при этом просил за целую пинту всего двенадцать галлеонов. Рон пообещал отдать Гарри половину суммы, как только закончит школу и пойдет работать, но заключить сделку они не успели: Гермиона конфисковала у Кармайкла эликсир и вылила всю бутылку в унитаз.

– Гермиона, мы хотели его купить! – заорал Рон.

– С ума сошли?! – гавкнула она. – Купили бы еще молотые драконы когти у Гарольда Дингла.

– А у Дингла есть молотые когти? – с надеждой спросил Рон.

– Уже нет, – ответила Гермиона. – Я отобрала. И вообще, все это ерунда и совершенно не помогает.

– Когти помогают! – завопил Рон. – Действие, говорят, потрясающее – мозги несколько часов работают как бешеные! Гермиона, ну пожалуйста, дай я попробую, что тебе стоит, хуже-то не станет...

– Может, и станет, – мрачно отозвалась Гермиона. – Я проверила – на самом деле это сущеный помет эльфееек.

После этого Гарри и Рон как-то охладели к искусственным стимуляторам мозговой активности.

На следующем уроке превращений они узнали расписание экзаменов.

– Как видите, – сказала профессор Макгонаголл, когда ребята переписали его с доски, – экзамены на С.О.В.У. делятся две недели. Утром вы будете сдавать теорию, во второй половине дня – практику. Практический экзамен по астрономии, естественно, проводится ночью. Далее, должна предупредить: экзаменационные опросники заговорены от списывания. В экзаменационный зал запрещено проносить автоответные перья, Вспомнивсёли, отстегивающиеся манжеты-шпаргалки и самокорректирующиеся чернила. К сожалению, каждый год кому-нибудь мерещится, что ему или ей под силу обвести

вокруг пальца Колдовскую экзаменационную комиссию. Могу лишь надеяться, что на сей раз это будет не гриффиндорец. Наш новый... *директор*, – это слово профессор Макгонаголл произнесла с той же гримасой, с какой тетя Петуния выводила особо упорные пятна, – просила кураторов колледжей передать вам, что тех, кто списывает, будут карать по всей строгости. Как вы понимаете, плохие оценки на экзаменах бросят тень на новую систему правления...

Профессор Макгонаголл еле слышно вздохнула; ноздри ее острого носа раздулись.

– ...тем не менее вы должны стараться. Вам нужно думать о *своем будущем*.

– Скажите, профессор, – Гермиона подняла руку, – а когда мы узнаем результаты?

– Где-то в июле вам будут разосланы совы, – ответила профессор Макгонаголл.

– Отлично, – громким шепотом сказал Дин Томас, – до каникул можно не париться.

Гарри представил, как через полтора месяца будет изнывать на Бирючинной, дожидаясь результатов. «Зато, – уныло подумал он, – хотя бы одно письмо точно получу».

Первый экзамен, теория заклинаний, был назначен на утро понедельника. В воскресенье после обеда Гермиона попросила ее проверить, и Гарри согласился, но немедленно об этом пожалел. Взвинченная Гермиона то и дело выхватывала у него книгу, чтобы удостовериться в правильности ответа, и в конце концов попала ему по носу острым краем «Достижений чародейства». У Гарри даже глаза заслезились.

– Давай-ка ты лучше сама, – твердо сказал он, отдавая книгу.

Рон, заткнув уши и беззвучно шевеля губами, читал конспекты по заклинаниям сразу за два года. Шеймас Финниган лежал навзничь на полу и вслух повторял определение субстантивного заклятия, а Дин проверял его по «Сборнику заклинаний, часть 5». Парвати и Лаванда, упражняясь в наложении локомоторного заклятия, заставляли свои пеналы гоняться друг за другом по краю стола.

Ужин в тот вечер прошел необычайно тихо. Гарри и Рон почти не разговаривали и с аппетитом ели – ведь они весь день чрезвычайно усердно занимались. Гермиона, наоборот, поминутно откладывала нож

и вилку, ныряла под стол к рюкзаку, выхватывала учебники и что-то проверяла. Рон как раз стал ей выговаривать – мол, надо как следует поесть, а то ночью не уснешь, – но вилка вдруг выскоцила из ее ослабевших пальцев и со звоном упала на тарелку.

– Ой мамочки, – дрожащим голосом пролепетала Гермиона, глядя в вестибюль. – Это что, они? Экзаменаторы?

Гарри и Рон быстро обернулись. За дверями Большого зала, в вестибюле, стояли Кхембридж и несколько очень стареньких колдунов и ведьм. Гарри с радостью отметил, что Кхембридж явно чувствует себя не в своей тарелке.

– Пойдем посмотрим? – предложил Рон.

Гарри и Гермиона кивнули. Они побежали к выходу, но у дверей перешли на шаг и степенно прошествовали мимо экзаменаторов. Гарри про себя решил, что профессор Марчбэнкс – это, должно быть, крошечная, согбенная старушка с морщинистым лицом, словно покрытым паутиной; Кхембридж беседовала со старушкой очень почтительно. Похоже, профессор Марчбэнкс была глуховата; их с Кхембридж разделял какой-то фут, но на вопросы директрисы старушка отвечала во все горло.

– Добрались отлично, отлично, не в первый раз, хвала небесам! – раздраженно говорила профессор Марчбэнкс. – Что-то давно Думблдор не проявлялся! – добавила она, обводя взглядом вестибюль, будто ожидая, что Думблдор в любую минуту высочит из чулана. – Вы, вероятно, не знаете, где он?

– Не имею представления, – сказала профессор Кхембридж, метнув злобный взгляд на Гарри, Рона и Гермиону, которые толклись у подножия лестницы (Рон притворился, будто у него развязался шнурок). – Но осмелюсь выразить надежду, что министерство магии очень скоро его выследит.

– Сомневаюсь! – крикнула крошечная профессор Марчбэнкс. – Если Думблдор не захочет, ни почем его не выследят! Мне ли не знать... лично принимала у него П.А.У.К. по превращениям и заклинаниям... Этот чародей такое творит палочкой – у-у-у, вам и не снилось!

– Да... однако... – забормотала профессор Кхембридж. Гарри, Рон и Гермиона поднимались по мраморной лестнице как можно медленнее – насколько смелости хватало. – Позвольте проводить вас в

учительскую. После столь утомительного путешествия вы, вероятно, не станете возражать против чашки чаю?

Остаток вечера ребята провели в унынии. Все пытались что-то повторить напоследок – в общем, безуспешно. Гарри рано ушел спать, но долго – как будто много часов – заснуть не мог. Он вспомнил консультацию у Макгонаголл, ее яростные заверения, что она поможет ему стать аврором, даже если это будет последнее дело ее жизни. Теперь, когда до экзамена оставалось всего ничего, Гарри жалел, что не высказал более осуществимого желания. Он знал, что не один в этой спальне лежит без сна, но все молчали и в конце концов один за другим заснули.

Утром, за завтраком, пятиклассники тоже не отличались разговорчивостью. Парвати вполголоса повторяла заклинания – солонка перед ней судорожно подергивалась; Гермиона с невероятной скоростью читала «Достижения чародейства» – глаза ее бешено метались по строчкам; Невилл поминутно ронял приборы и опрокидывал мармелад.

После еды вся школа разошлась по урокам, а пяти-и семиклассники собрались в вестибюле; в половине десятого их начали приглашать обратно в Большой зал. Он преобразился и стал точно таким, каким Гарри видел его в дубльдуме, когда экзамены на С.О.В.У. сдавали Джеймс, Сириус и Люпин. Четыре обеденных стола были уbraneы; вместо них появились одноместные столики, рядами тянувшиеся к преподавательскому столу, у которого стояла профессор Макгонаголл. Когда все расселись и затихли, она сказала: «Можете начинать», – и перевернула огромные песочные часы на учительском столе, где также лежал запас перьев и пергамента и стояли чернильницы.

Гарри открыл опросный лист. Сердце билось как сумасшедшее. Гермиона, сидевшая тремя рядами правее Гарри и на четыре столика впереди, уже вовсю строчила. Гарри прочитал первый вопрос: «а) Напишите текст заклинания и б) опишите движение волшебной палочки, необходимое, чтобы заставить предмет взлететь».

Гарри мельком вспомнил дубинку, которая высоко взмыла и с грохотом обрушилась на дурную башку тролля... тихонько улыбаясь, склонился над пергаментом и начал писать.

– Ну что, вроде все не так уж и страшно, правда? – нервно пробормотала Гермиона через два часа. Они стояли в вестибюле, и она

прижимала к груди опросный лист. – Я не уверена, что как следует описала хахачары... просто времени не хватило. А вы вписали контрактацию от икоты? Я не знала, надо, не надо, вроде как-то чересчур... а на вопрос двадцать три...

– Гермиона, – сурово оборвал Рон, – мы уже договаривались... ответы не обсуждаем – хватит с нас самого экзамена.

Пятиклассники пообедали вместе с остальными (четыре стола на время снова появились), а потом перешли в комнатушку позади Большого зала и стали ждать, когда их пригласят на практическое испытание. Вызывали небольшими группами по алфавиту. Оставшиеся в комнате тихо бормотали заклинания и взмахивали волшебными палочками, изредка случайно тыкая друг друга в спину или в глаз.

Вызвали Гермиону. Дрожа всем телом, она вышла вместе с Энтони Голдстейном, Грегори Гойлом и Дафной Гринграсс. Те, кого уже проэкзаменовали, не возвращались, поэтому Гарри и Рон ничего не знали о Гермиониных успехах.

– Сдаст, куда денется. Помнишь, как она получила сто двадцать процентов по заклинаниям? – успокаивал Рон.

Через десять минут профессор Флитвик выкрикнул:

– Паркинсон, Панси! Патил, Падма! Патил, Парвати! Поттер, Гарри!

– Удачи, – негромко пожелал Рон. Гарри пошел в Большой зал, так крепко сжимая волшебную палочку, что рука дрожала.

– Можете пройти к профессору Тофти, Поттер, – скрипнул профессор Флитвик, стоявший у самой двери, и показал в дальний угол, где за столиком сидел самый старый и лысый из экзаменаторов. Рядом профессор Марчбэнкс экзаменовала Драко Малфоя.

– Поттер, не так ли? – профессор Тофти сверился с записями и внимательно, сквозь пенсне, поглядел на Гарри: – Знаменитый Поттер?

Краем глаза Гарри заметил, как Малфой бросил на него злобный взгляд. Бокал, которым Драко левитировал, упал на пол и разбился. Гарри не сдержал смешка, и профессор Тофти ободряюще улыбнулся.

– Вот и молодец, – старчески продребезжал он, – и нечего тут бояться. Ну-ка я вас попрошу... Вот! Возьмите эту подставку для яиц и заставьте ее хорошенъко покувыркаться.

В целом, по мнению Гарри, все прошло неплохо. Он значительно лучше справился с левитационным заклятием, чем Малфой, хотя, к сожалению, и перепутал заклинания «перекрась» и «подрасти». В результате крыса, которой надлежало стать оранжевой, раздулась и выросла до размеров барсука, прежде чем Гарри успел исправить ошибку. Он порадовался, что в зале нет Гермионы, и как-то позабыл рассказать ей об этом случае после экзамена. Зато Рону можно было открыться: тот и сам превратил тарелку в большой гриб, но представления не имел, как это получилось.

После ужина ребята вернулись в общую гостиную и, ни минутки не отдохнув, принялись повторять превращения на завтра. Когда Гарри лег спать, голова у него пухла от сложных заклинаний и формул.

Утром, на письменном экзамене, он забыл определение превращального заклинания, но исходом практического испытания остался вполне доволен. Во всяком случае, его игуана исчезла целиком, как положено... а вот у бедняжки Ханны Аббот, которая сидела за соседним столиком и ужасно разнервничалась, ласка непостижимым образом превратилась в стаю ласточек. Птиц переловили и вынесли из Большого зала, но экзамен из-за этого прервался на целых десять минут.

В среду был экзамен по гербологии, который, если не считать укуса герани зубастой, для Гарри завершился благополучно; а в четверг – по защите от сил зла, где впервые за все время Гарри не волновался за результат. С письменной работой трудностей не возникло, а при сдаче практики он лихо и с большим удовольствием демонстрировал владение всевозможными контрзаклятиями на глазах у Кхембридж, невозмутимо взиравшей на происходящее от двери.

– Ай, браво! – крикнул профессор Тофти, экзаменовавший Гарри, когда тот безупречно отпугнул вризрака. – Молодец! Что ж, Поттер, пожалуй, достаточно... разве что...

Он чуть подался вперед:

– Я слышал от моего дорогого друга Тиберия Огдена, что вы умеете вызывать Заступника. Может быть... чтобы уж, так сказать, точно на высший балл...

Гарри поднял волшебную палочку. Посмотрел в глаза Кхембридж. Представил, как ее увольняют.

– Экспекто патронум!

Из кончика волшебной палочки вырвался серебристый олень и красиво поскакал вокруг Большого зала. Экзаменаторы как завороженные следили за ним, а когда Заступник рассеялся легкой дымкой, профессор Тофти восторженно захлопал в ладони. Руки у него были узловатые, с выступающими венами.

— Блестяще! — воскликнул он. — Очень хорошо, Поттер, можете идти!

Когда Гарри проходил мимо Кхембридж, их взгляды встретились. Обвисший жабий рот растянулся в мерзкой ухмылке, но Гарри было наплевать. Кажется, он сдал на «великолепно» (но никому пока не сообщит, вдруг это только кажется).

В пятницу у Гарри и Рона был свободный день, а у Гермионы — экзамен по древним рунам. Впереди были все выходные, и вечером мальчики решили сделать перерыв. Зевая и потягиваясь, они сидели у открытого окна — с улицы веяло приятным теплом — и играли в шахматы. Вдалеке, на опушке Запретного леса Огрид проводил урок. Гарри попытался понять, что за животных они изучают. Может, единорогов? Мальчики стоят чуть поодаль... Тут открылось отверстие за портретом, и в гостиную влезла Гермиона в чрезвычайно дурном расположении духа.

— Как руны? — в который раз зевнув и потянувшись, поинтересовался Рон.

— Я неправильно перевела слово «эваз», — с досадой бросила Гермиона. — Это значит «партнерство», а не «защита», я перепутала с «эйваз».

— Подумаешь, — лениво протянул Рон, — всего одна ошибочка, ерунда, ты все равно...

— Помолчи лучше! — набросилась на него Гермиона. — Между «сдал» и «не сдал» разница как раз в одну ошибочку. Кстати, и это еще хуже, в кабинет Кхембридж опять засунули нюхля. Уж не знаю, как они открыли ее новую дверь. Я сейчас там проходила — Кхембридж так орет, непонятно, как у нее голова не отвалится. Вроде бы нюхль чуть не отхватил ей кусок ноги...

— Вот и хорошо, — хором сказали Гарри и Рон.

— Ничего не *хорошо*! — распаляясь, возразила Гермиона. — Она ведь думает на Огрида, забыли? А мы *не хотим*, чтобы его уволили!

— Да вон он! — показал в окно Гарри. — Он ни при чем, у него урок.

— Ой, Гарри, ты бываешь такой *наивный!* Ты правда считаешь, что ее волнует его алиби? — огрызнулась Гермиона и, не пожелав справиться с раздражением, удалилась в спальню, напоследок громко хлопнув дверью.

— На редкость милая и приятная девочка, — очень тихо констатировал Рон и подтолкнул в спину своего ферзя, понуждая его взять слона Гарри.

Все выходные Гермиона пребывала в плохом настроении, но Гарри и Рона это мало волновало, поскольку и субботу и воскресенье они готовились к экзамену по зельеделию. Он пугал больше всего: Гарри подозревал, что там-то и рухнут его надежды стать аврором. Письменная работа и впрямь оказалась сложной, но за один вопрос, о всеэссенции, можно было не тревожиться: Гарри тайно принимал это зелье во втором классе и потому очень точно описал его действие.

Практический экзамен против ожиданий прошел на удивление гладко. Злей не присутствовал, и Гарри был куда собраннее, чем на уроках. Совсем рядом сидел Невилл, и Гарри даже удивился: никогда на зельеделии Невилл не вел себя так спокойно. Наконец профессор Марчбэнкс сказала: «Будьте любезны, отойдите от котлов, экзамен окончен». Гарри закрыл пробкой флакончик с образцом зелья и сдал экзаменатору с чувством, что, если и не заслужил высшую оценку, то по крайней мере избежал провала.

— Осталось всего четыре экзамена, — устало сказала Парвати Патил по дороге к гриффиндорской башне.

— *Всего!* — недовольно бросила Гермиона. — У меня еще арифмантика, а это самый трудный предмет на свете!

У окружающих хватило ума промолчать, и излить на них раздражение Гермионе не удалось. Она ограничилась тем, что отругала каких-то первоклашек — нечего так громко смеяться в общей гостиной.

Во вторник состоялся экзамен по уходу за магическими существами. Гарри был исполнен решимости отвечать очень хорошо, чтобы не подвести Огрида. Практические испытания проводились во второй половине дня на опушке Запретного леса. Экзаменуемых попросили найти сварля среди дюжины ежей (хитрость заключалась в том, чтобы предложить им молока: сварли, животные с волшебными иглами, отличаются крайней подозрительностью и от подношений приходят в бешенство, считая, что их пытаются отравить). Потом

нужно было продемонстрировать умение обращаться с лечурками; накормить и почистить огнекраба, не получив серьезных ожогов; и из множества кормов выбрать подходящие для больного единорога.

Огрид беспокойно следил за всем этим из окошка хижины. Когда экзаменатор Гарри, маленькая полная ведьма, улыбнулась и сказала: «Можете идти», Гарри, перед тем как направиться к замку, незаметно показал Огриду два больших пальца.

Письменную работу по астрономии в среду утром Гарри написал неплохо. Он не был уверен, что правильно перечислил все спутники Юпитера, зато твердо знал, что ни на одном из них нет меда. Практическую часть они сдавали ночью, поэтому на вторую половину дня назначили экзамен по прорицанию.

Многое Гарри от себя и не ждал, но все равно отвечал ужасно. Хрустальный шар упорно не желал ничего показывать – с тем же успехом можно было плятиться на деревянный стол. Гадая на чайной гуще, Гарри растерялся и сказал, что, по всей видимости, профессор Марчбэнкс скоро повстречается с круглой, мокрой и темной личностью. В завершение он перепутал линию жизни с линией головы и уведомил экзаменаторшу, что та должна была умереть в прошлый вторник.

– А нам ничего хорошего и не светило, – угрюмо пробурчал Рон уже на мраморной лестнице. Он только что немало утешил Гарри, признавшись, как долго и подробно рассказывал об уродливом мужике с бородавкой на носу, которого видит в хрустальном шаре, а потом поднял голову и понял, что описывает отражение экзаменатора.

– Вообще не надо было этим заниматься, – сказал Гарри.

– Зато теперь точно можем бросить.

– Да, – кивнул Гарри. – И не надо будет притворяться, что нас волнует излишняя близость Урана и Юпитера.

– А мне с сегодняшнего дня плевать, если моя заварка пишет: «Умри, Рон, умри». Она отправится в помойку, где ей, собственно, и место.

Гарри засмеялся, но увидел, что их догоняет Гермиона, и на всякий случай, чтобы ее не раздражать, сделал серьезное лицо.

– По-моему, я нормально сдала арифмантику, – сообщила она. Гарри и Рон вздохнули с облегчением. – Сейчас после ужина быстренько просмотрим звездные карты...

В одиннадцать вечера они поднялись на астрономическую башню. Небо было ясное, безоблачное, идеальное для экзамена. Луна заливала серебром все вокруг; было свежо. Экзаменуемые встали к телескопам и, по команде профессора Марчбэнкс, начали заполнять контурные звездные карты.

Марчбэнкс и Тофти прохаживались, глядя, как ребята наносят на карты точные координаты наблюдаемых звезд и планет. Стояла тишина; лишь изредка шелестел пергамент, поскрипывали телескопы, да шуршали перья. Прошло полчаса, час; золотые прямоугольнички, мерцающие на земле, стали исчезать – в замке одно за другим гасли окна.

Гарри нанес на карту созвездие Ориона, и тут прямо внизу отворились парадные двери замка. Свет из вестибюля по каменным ступеням крыльца пролился во двор. Гарри, чуть повернув телескоп, посмотрел вниз. По ярко освещенной траве двигались пять или шесть длинных теней. Потом двери закрылись, и школьный двор опять поглотила тьма.

Гарри приник глазом к окуляру, навел фокус и нашел Венеру. Потом оторвался, чтобы отметить ее на карте, но снова отвлекся и замер, занеся перо над пергаментом. Прищурившись, он заметил, что по газону идут люди. Если бы они не двигались и лунный свет не скользил бы по макушкам, различить их в темноте было бы невозможно. Возглавляла процессию какая-то приземистая фигура, и Гарри, несмотря на расстояние, по походке догадался, кто это.

Интересно, с чего это Кхембридж вздумалось гулять по окрестностям после полуночи, да еще в такой большой компании? Покашливание за спиной напомнило Гарри, что он на экзамене. Где там эта Венера? Он уже и забыл... Прижав глаз к окуляру, Гарри отыскал ее снова и занес перо над картой, как вдруг – его чуткое ухо ловило любые подозрительные шорохи – услышал вдалеке стук, эхом разнесшийся по пустынному двору, а затем глухой собачий лай.

У Гарри сильно забилось сердце, и он оторвался от телескопа. В окнах хижины горел свет, и на их фоне четко прорисовывались силуэты. Открылась дверь. Шесть черных фигур переступили порог, вошли в хижину. Дверь закрылась. Воцарилась тишина.

Гарри сделалось не по себе. Он оглянулся: что там Рон и Гермиона, видели? Но за его спиной в это время проходила профессор

Марчбэнкс. Гарри не хотел, чтобы она подумала, будто он списывает, и поспешно склонился над своей картой, якобы что-то пишет; на самом деле он смотрел на хижину. Люди теперь двигались за окнами, почти закрывая свет.

Гарри затылком почувствовал взгляд профессора Марчбэнкс и прижался к окуляру, уставившись на луну, положение которой определил еще час назад. Едва профессор Марчбэнкс отошла, из хижины раздался рев, отчетливо слышный даже на астрономической башне. Несколько человек рядом с Гарри оторвались от телескопов и поглядели на хижину.

Профессор Тофти сухо кашлянул.

– Не отвлекаемся, не отвлекаемся, мальчики и девочки.

Большинство тут же приникли к окулярам. Гарри повернул голову влево. Гермиона не отрывала глаз от жилища Огрида.

– Эхем... осталось двадцать минут, – сказал профессор Тофти.

Гермиона вздрогнула и вернулась к заполнению карты. Гарри тоже вспомнил о своей работе, заметил, что вместо «Венера» написал «Марс», и наклонился, чтобы исправить ошибку.

Со двора донеслось громкое «БАММ!». Одновременно несколько человек вскрикнули «Ой!» – слишком резко повернув головы, они ударились о телескопы.

Дверь хижины распахнулась. В круге света была ясно видна массивная фигура – она орала, потрясала кулаками, а вокруг сгрудились еще шестеро. Они, судя по тонким красным лучикам, направленным на человека в центре, пытались усмирить его сногшибальными заклятиями.

– Нет! – закричала Гермиона.

– Милая моя! – воскликнул донельзя шокированный профессор Тофти. – Вы на экзамене!

Но никто больше не обращал внимания на звездные карты. Метавшиеся внизу красные лучики почему-то не причиняли Огриду никакого вреда; он по-прежнему был на ногах и, насколько видел Гарри, упорно сопротивлялся. Над двором носились крики, вопли; кто-то заорал: «Будь же благоразумен, Огрид!»

В ответ прогремел голос Огрида:

– Иди ты куда подальше, Давлиш, меня просто так не возьмешь!

Гарри видел крохотного Клыка, который, пытаясь защитить хозяина, наскакивал на нападавших; потом пса ударило сногсшибателем, и он упал без чувств. Огрид яростно взвыл, поднял виновного в воздух и отшвырнул прочь – человек пролетел десять футов, упал на землю и остался лежать. Гермиона ахнула и прижала руки ко рту. Гарри оглянулся на Рона. Тот смотрел испуганно. Им еще не доводилось видеть Огрида в таком бешенстве.

– Смотрите! – пискнула Парвати, перевешиваясь через перила и показывая на подножие замка. Парадные двери опять распахнулись, плеснув наружу светом; по газону одиноко побежала длинная черная тень.

– Да что ж это такое, – озабоченно проговорил профессор Тофти. – Осталось всего шестнадцать минут!

Его никто не услышал: все следили за человеком, который стремительно летел к хижине, в самое сердце сражения.

– Как вы смеете! – закричал человек на бегу. – Как вы *смеете!*

– Это Макгонаголл! – шепотом воскликнула Гермиона.

– Оставьте его! *Оставьте*, я сказала! – прозвучал из темноты голос профессора Макгонаголл. – На каком основании?.. Он ничего не сделал...

Гермиона, Парвати и Лаванда дружно вскрикнули. Те, кто напал на Огрида, ударили по Макгонаголл как минимум четырьмя сногсшибателями. Она была на полпути от замка к хижине, когда красные лучи попали ей в грудь; мгновение она стояла, испуская потустороннее красное мерцание, а потом ровно, как доска, упала на спину и осталась неподвижна.

– Горгулья вам на голову! – завопил профессор Тофти, тоже позабыв об экзамене. – Без предупреждения! Возмутительно!

– МЕРЗАВЦЫ! – взревел Огрид. Крик долетел до самой вершины башни, и в замке снова зажглись несколько окон. – СВОЛОЧИ ПРОКЛЯТЫЕ! ВОТ ВАМ... И ВОТ ВАМ...

– Ой ма... – выдохнула Гермиона.

Огрид наотмашь ударил сразу двух нападавших; те свалились. Огрид согнулся пополам – Гарри подумал, что сногсшибатель все-таки настиг его, но великан тут же распрямился, взваливая на шею какой-то мешок. Через секунду Гарри сообразил, что это бесчувственное тело Клыка.

— Держите его, держите! — визжала Кхембридж. Однако единственный оставшийся подручный не торопился лезть под кулаки Огриду и попятился прочь так быстро, что споткнулся о своего поваленного коллегу и упал. Огрид с Клыком на плечах повернулся и со всех ног побежал к воротам. Кхембридж послала вдогонку последний сногшибатель, но промахнулась. Огрид растворился в темноте.

На астрономической башне воцарилось напряженное молчание — все, разинув рты, смотрели вниз. Потом профессор Тофти пролепетал:

— Э-э... ребята, осталось пять минут.

Гарри заполнил всего две трети карты, но ему было уже не до экзамена. Едва тот закончился, они с Роном и Гермионой наспех поставили телескопы на место и ринулись вниз по винтовой лестнице. У подножия собралась толпа. Никто и не собирался спать, все громко, возбужденно обсуждали произошедшее.

— Вот дрянь! — теряя голос от гнева, выкрикнула Гермиона. — Напасть ночью, исподтишка!

— Она хотела избежать сцены, как с Трелони, — изрек Эрни Макмиллан, протискиваясь к ним сквозь толпу.

— Огрид-то молодец, а? — сказал Рон, скорее испуганно, чем восхищенно. — А почему сногшибатели от него отскакивали?

— Это все кровь гигантов, — дрожащим голосом объяснила Гермиона. — Они же как тролли, непрошибаемые... но вот... бедная профессор Макгонаголл... четыре сногшибателя в грудь... а она ведь не молоденькая...

— Ужасно, ужасно, — проговорил Эрни, театрально качая головой. — Ладно, я пошел спать. Спокойной всем夜里.

Народ стал расходиться, продолжая взволнованно гомонить.

— По крайней мере, Огрида не забрали в Азкабан, — сказал Рон. — Теперь он небось отправится к Думблдору, как думаете?

— Наверное. — Гермиона была на грани истерики. — Это же ужас! Я так надеялась, что вернется Думблдор, а вместо этого мы остались без Огрида!

Они кое-как дотащились до гриффиндорской башни. В гостиной было полно народу. Шум во дворе разбудил нескольких ребят, а те поспешили поднять своих товарищей. Шеймас и Дин, вернувшиеся чуть раньше, уже поведали об увиденном.

– Но зачем увольнять Огрида сейчас? – покачала головой Ангелина Джонсон. – Он же не Трелони, а в этом году вообще преподает намного лучше!

– Кхембридж ненавидит полукровок. – Гермиона без сил опустилась в кресло. – И всегда хотела выжить Огрида.

– А потом, она думала, что это он подбрасывает нюхлей, – вставила Кэти Белл.

– Проклятье! – Ли Джордан прикрыл рот ладонью. – Это ведь я! Фред с Джорджем оставили парочку, ну я их ей левитационным заклятием и переправлял через окошечко.

– Она бы его уволила в любом случае, – сказал Дин. – Огрид – человек Думблдора.

– Это правда, – сказал Гарри, сев рядом с Гермионой.

– Надеюсь, с профессором Макгонаголл все будет хорошо, – со слезами в голосе прошептала Лаванда.

– Ее отнесли в замок, мы видели из спальни, – доложил Колин Криви. – Но вид у нее не очень.

– Мадам Помфри ее вылечит, – твердо заявила Алисия Спиннет. – До сих пор она всегда всех вылечивала.

Около четырех утра все наконец разошлись. Но у Гарри сна не было ни в одном глазу; его преследовали воспоминания об Огриде, исчезающем в темноте. Гарри изнывал от ненависти к Кхембридж и никак не мог придумать для нее достойного наказания, хотя предложение Рона бросить ее на съедение взрывастым драклам было достойно рассмотрения. Гарри уснул, измысливая изощренные казни, и встал через три часа совершенно неотдохнувшим.

Последний экзамен, история магии, был назначен на вторую половину дня. После завтрака Гарри ужасно хотелось лечь и поспать, но он еще раньше запланировал с утра кое-что повторить, а потому сидел у окна гостиной, подпиная голову руками, и, из последних сил тараща глаза, читал одолженные у Гермионы конспекты – стопку в три с половиной фута высотой.

Пятиклассники вошли в Большой зал в два часа пополудни и расселись по местам. На столах лицом вниз лежали опросные листы. Гарри был абсолютно без сил и мечтал только об одном – чтобы все поскорее кончилось. Тогда можно будет пойти и лечь спать, а завтра –

полная свобода, и они с Роном отправятся на стадион... и он полетает на Роновой метле...

— Откройте опросники, — сказала профессор Марчбэнкс и перевернула гигантские песочные часы. — Можете начинать.

Гарри уставился на первый вопрос. Он даже не сразу понял, что не в состоянии уразуметь смысла; бившаяся у окна оса ужасно отвлекала своим жужжанием. Потом Гарри начал писать, медленно, вымучивая каждое слово.

Имена не вспоминались, даты путались. Четвертый вопрос («На ваш взгляд, введение законов о пользовании волшебными палочками способствовало разжиганию гоблинских восстаний XVIII века или их подавлению?») вообще пришлось пропустить — Гарри решил, что вернется к нему в самом конце, если останется время. Он взялся было за пятый вопрос («Как в 1749 году был нарушен Закон о секретности и какие меры были введены во избежание повторения инцидента?»), но в итоге у него осталось неприятное ощущение, что он упустил нечто важное; кажется, в этой истории были как-то замешаны вампиры.

Гарри просмотрел вопросы, выискивая те, на которые точно может ответить, и его глаза споткнулись на десятом: «Расскажите об обстоятельствах, вследствие которых была образована Международная конфедерация чародейства, и объясните, почему колдуны Лихтенштейна отказались в нее вступать?»

Это я знаю, — шевельнулось в вялом и дряблом мозгу. Перед внутренним взором всплыл заголовок, написанный почерком Гермионы: «Образование Международной конфедерации чародейства...» Гарри читал это сегодня утром.

Он начал писать, изредка посматривая на песочные часы. Он сидел за Парвати Патил; ее длинные черные волосы свисали поверх спинки стула. При малейшем движении Парвати в волосах у нее вспыхивали золотые искорки, и Гарри несколько раз ловил себя на том, что внимательно в них всматривается, — тогда приходилось встряхивать головой, чтобы хоть как-то прояснить мозги.

...Вышенекудом Международной конфедерации чародейства стал Пьер Всеммерси, но его назначение было опровергнуто колдовской общиной Лихтенштейна, так как...

Вокруг шуршали перья, и этот звук напоминал мышиную возню. Солнце жгло затылок. Чем же несчастный Всеммерси не угодил

колдунам Лихтенштейна? Кажется, это как-то связано с троллями... Гарри снова уставился в затылок Парвати. Если бы я владел легилименцией, то проник бы к ней в голову и узнал, как тролли поссорили Пьера Всеммерси и Лихтенштейн...

Он закрыл глаза и, чтобы исчезла эта ужасная красная пелена, уткнулся лицом в ладони. Всеммерси хотел прекратить охоту на троллей и дать им права... а Лихтенштейну досаждало племя злобных горных троллей... вот в чем было дело.

Гарри открыл глаза. От ослепительной белизны пергамента они заболели и заслезились. Гарри кое-как нацарапал две строчки про троллей и перечитал, что получилось. Не густо. А ведь у Гермионы по этому поводу было написано много страниц.

Он опять закрыл глаза, пытаясь увидеть, вспомнить... Первая встреча Конфедерации проходила во Франции, да, это он написал...

Гоблины хотели участвовать, но были удалены... и это написал...

А из Лихтенштейна никто даже не приехал...

Думай, – приказал он себе, зарывшись лицом в ладони. Вокруг скрипели и скрипели перья, песок утекал и утекал из верхней колбы часов...

А он целеустремленно, изредка переходя на бег, шагал по холодному темному коридору к департаменту тайн, полный решимости все-таки достичь конца пути... черная дверь, как всегда, широко распахнулась перед ним... вот круглая комната с множеством дверей...

Каменный пол... вперед, вперед, к следующей двери... вот световые блики на стенах, на полу, и странное механическое тиканье, но – нет времени выяснять, что это такое, надо торопиться...

Осталось всего несколько футов... он подбежал к третьей двери... та послушно, как все прочие, распахнулась...

Огромный зал с полками и стеклянными шарами... сердце бьется быстро-быстро... теперь-то он узнает... ряд девяносто семь... он повернул налево и побежал по проходу...

Что тут на полу? Бесформенное, черное, мечется как раненый зверь... Живот подвело от страха... от возбуждения...

Гарри заговорил пронзительным холодным голосом, в котором не было ничего человеческого:

– Возьми его... подними... я не могу до него дотронуться... но ты можешь...

Черное на полу шевельнулось. Гарри увидел белую руку с длинными пальцами, сжимающую волшебную палочку... Свою собственную руку... Пронзительный холодный голос сказал:

– Круцио!

Человек на полу закричал от боли, хотел встать, но, корчась, упал. Гарри расхохотался. Он отвел палочку, сняв проклятие; человек застонал и обмяк.

– Лорд Вольдеморт ждет...

Медленно-медленно, на трясущихся руках, человек оторвался от пола и поднял голову. Окровавленное, изможденное лицо искалено болью, подбородок дерзко вздернут...

– Тебе придется убить меня, – прошептал Сириус.

– Разумеется, я так и сделаю, но после, – отвечал ледяной голос. – Сначала ты принесешь то, что мне нужно, Блэк... думаешь, это была боль? Ошибаешься... у нас масса времени, а твоих криков никто не слышит...

Вольдеморт вновь опустил палочку, и кто-то закричал; очень громко закричал и упал с нагретой парты на холодный каменный пол... Упав, Гарри проснулся, продолжая кричать. Шрам горел огнем, а Большой зал вокруг словно взорвался.

Глава тридцать вторая

Из огня

— Яне пойду... не надо в лазарет... не хочу... — невнятно бормотал Гарри, пытаясь высвободиться из хватки профессора Тофти, который на глазах у изумленной толпы вывел Гарри в вестибюль и теперь не отрывал от него озабоченного взгляда. — Со мной... все в порядке, сэр, — запинаясь, проговорил Гарри и вытер пот со лба. — Правда... просто я заснул... мне приснился кошмар...

— Переутомление! — Трясущейся рукой старый колдун сочувственно похлопал Гарри по плечу. — Бывает, молодой человек, бывает! Ну что, выпьете водички и вернетесь? Экзамен почти кончился, но хотя бы допишете последний ответ до конца...

— Да, — дико выпалил Гарри. — То есть... нет... Я уже все... все что мог... написал...

— Ну и славно, ну и славно, — благодушно сказал Тофти. — Тогда я сам возьму ваши бумаги, а вам лучше пойти прилечь.

— Я так и сделаю, — закивал Гарри. — Большое спасибо.

Едва старик скрылся за порогом Большого зала, Гарри стремглав понесся вверх по мраморной лестнице и дальше по коридорам. Портреты провожали его укоризненным бормотанием. Еще несколько пролетов, и он вихрем ворвался в лазарет. Мадам Помфри — которая ложечкой налиvalа в открытый рот Монтегю ярко-синюю жидкость — вскрикнула от испуга.

— Поттер, ты с ума сошел?

— Я к профессору Макгонаголл, — прохрипел Гарри. Легкие разрывались от быстрого бега. — Сейчас... срочно!

— Ее здесь нет, Поттер, — печально произнесла мадам Помфри. — Утром перевезли к святому Лоскуту. Шутка ли, четыре сногсшибателя в грудь в ее возрасте! Чудо, что не убило.

— Ее нет? — потрясенно прошептал Гарри.

Зазвонил колокол. Сверху, снизу, из-за двери понесся шум, топот хлынувших в коридоры учеников. Гарри, объятый ужасом, стоял

неподвижно и смотрел на мадам Помфри.

Никого не осталось. Рассказать некому. Думбльдора нет, Огрида нет... но профессор Макгонаголл... казалось, она была и будет всегда... вспыльчивая, несговорчивая, но всегда здесь, всегда рядом...

– Понимаю твои чувства! – воскликнула мадам Помфри с каким-то яростным одобрением. – Попробовали бы они напасть на Минерву Макгонаголл при свете дня! Какая низость... какая трусость... не болей я так за вас, за своих подопечных, уволилась бы в знак протesta!

– Да, – безучастно произнес Гарри.

Он развернулся и, ничего не видя перед собой, вышел из лазарета в коридор, кишмя кишащий школьниками, а там застыл. Его пихали, толкали, но он ничего не замечал. Паника, словно ядовитый газ, быстро завладевала всем его существом, мысли путались, непонятно, что делать...

Рон и Гермиона, – сказал голос в голове.

Гарри опять побежал, расталкивая всех на своем пути, не обращая внимания на недовольные крики. Он молниеносно пролетел два этажа и был уже на вершине мраморной лестницы, когда увидел Рона и Гермиону, спешащих навстречу.

– Гарри! – воскликнула перепуганная Гермиона. – Что случилось? С тобой все в порядке? Ты заболел?

– Где ты был? – спросил Рон.

– Пошли со мной, – велел Гарри. – Пошли, быстро, мне надо вам кое-что рассказать.

Он повел их за собой по коридору первого этажа, по дороге заглядывая во все двери, и наконец нашел пустой класс. Нырнув туда, он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

– Сириус у Вольдеморта.

– *Что?!*

– Откуда ты?..

– Видел. Только что. Когда заснул на экзамене.

– Но... где? Как? – Лицо Гермионы побелело.

– Не знаю как, – сказал Гарри. – Но точно знаю где. В департаменте тайн есть зал с полками и стеклянными шарами. Сириус и Вольдеморт в конце девяносто седьмого ряда... он хочет заставить Сириуса что-то принести... пытает его... говорит, что обязательно убьет!

У Гарри задрожал голос – и колени. Он добрел до стола и сел на него, стараясь прийти в себя.

– Как нам туда попасть? – выговорил он.

Последовала пауза. Потом Рон пролепетал:

– К-куда – туда?

– В департамент тайн! Спасать Сириуса!

– Но... Гарри... – ослабевшим голосом прошептал Рон.

– Что? *Что?!* – крикнул Гарри.

Почему они смотрят такими круглыми глазами, будто он выдумал нечто несусветное?

– Гарри, – очень нервно заговорила Гермиона, – а... как... как Вольдеморт проник в департамент тайн? Почему его никто не заметил?

– Откуда я знаю! – взревел Гарри. – Вопрос в другом: как туда проникнуть *нам*?

– Гарри... ты сам подумай, – Гермиона шагнула к нему, – сейчас пять часов вечера... в министерстве полно народу... как Вольдеморт и Сириус смогли незаметно туда пробраться? Гарри... они оба в розыске... никого другого так не разыскивают... Как они вошли в здание, где полно авроров?

– Не знаю, может, у Вольдеморта есть плащ-невидимка! – закричал Гарри. – И вообще, в департаменте тайн всегда пусто, сколько я там ни бывал...

– Ты там вообще не бывал, Гарри, – тихо возразила Гермиона. – Ты видел его во сне.

– Это не просто сны! – заорал Гарри ей в лицо. Он встал и тоже шагнул к ней. Ему хотелось хорошенъко ее встряхнуть. – Забыла про папу Рона? Как ты это объяснишь? Откуда я знал, что с ним произошло?

– А ведь верно, – негромко сказал Рон Гермионе.

– Но это... это так... *маловероятно!* – в отчаянии воскликнула Гермиона. – Гарри, ну как Вольдеморт мог схватить Сириуса, если тот не выходит из дома?

– Может, Сириус не выдержал, захотел глотнуть свежего воздуха, – тревожно предположил Рон. – Он же давно на волю рвется...

– Но почему, – настаивала Гермиона, – с какой стати Вольдеморту, чтобы добыть оружие или что он там хочет, понадобился именно

Сириус?

– Не знаю! На это может быть тысяча причин! – закричал Гарри. – Может, Сириуса легче мучить, потому что не жалко!

– Я вот думаю, – глухо прошептал Рон. – Брат Сириуса был Упивающимся Смертью, так? Вдруг он рассказал Сириусу, как заполучить оружие?

– Да! Потому Думбльдор и держит Сириуса под замком! – подхватил Гарри.

– Слушайте, уж простите, – закричала Гермиона, – но вы оба несете чепуху! Ничего еще не известно! Непонятно, там ли они...

– Гермиона, Гарри их видел! – напустился на нее Рон.

– Хорошо, – проговорила она испуганно, но решительно, – но я должна сказать одну вещь..

– Какую?

– Ты... я тебя не осуждаю, Гарри! Но у тебя ведь есть... что-то вроде... я хочу сказать... тебе не кажется, что у тебя... *n-пунктик* насчет спасения людей? – наконец выговорила она.

Гарри гневно на нее уставился:

– И что это такое значит, «пунктик»?

– Ну... ты... – она смотрела на него с опаской. – Я имею в виду... вот в прошлом году, например... в озере... на Турнире... ты не должен был... в смысле тебе не надо было спасать младшую сестру Флёр... но ты... все равно... тебя занесло...

Гарри захлестнула волна горячего, колючего гнева. Зачем вспоминать об этом его проколе *сейчас*?

– Конечно, это очень благородно и все такое, – поспешно добавила Гермиона, явно испугавшись того, что прочла в лице Гарри, – и все были в восторге...

– Странно, что ты так говоришь, – сквозь зубы процедил Гарри, – я отчетливо помню, что сказал Рон: нечего было тратить время и корчить из себя героя... Ты об этом? Я, по-твоему, опять корчу из себя героя?

– Нет, нет, нет! – в ужасе воскликнула Гермиона. – Я совсем о другом!

– Тогда говори быстрей, у нас нет времени!

– Я хочу сказать... Вольдеморт хорошо тебя знает, Гарри! В Тайную комнату он тебя заманил с помощью Джинни! Это в его стиле,

он знает, что ты... такой человек, который непременно помчится спасать Сириуса! Что, если в департамент тайн он заманивает *тебя*?..

– Гермиона, какая разница, заманивает или не заманивает? Макгонаголл в святом Лоскуте, в «Хогварце» не осталось никого из Ордена! Сказать некому, и если мы не придем на помощь Сириусу, он погибнет!

– Но, Гарри... вдруг твой сон... это просто сон?

Гарри зарычал от бессильной ярости. Гермиона в испуге попятилась.

– Ты не понимаешь! – завопил Гарри. – Это не кошмары, не просто сны! Для чего, ты думаешь, я занимался окклуменцией? Почему Думблдор хотел, чтобы видения прекратились? Потому что они РЕАЛЬНЫ, Гермиона, – Сириус в опасности, я это *видел*! Он в руках Вольдеморта, и об этом никто не знает! Мы одни можем ему помочь! Если ты не хочешь – пожалуйста, но я отправляюсь туда, понятно? И вообще, помнится, тебя не смущал мой *пунктик*, когда я спасал тебя от дементоров, или, – он повернулся к Рону, – твою сестру от василиска...

– А меня и не смущает! – воскликнул Рон.

– Но, Гарри, ты же сам говоришь, – яростно выпалила Гермиона, – Думблдор хотел, чтобы ты научился блокировать эти видения! Если бы ты как следует занимался окклуменцией, то не увидел бы...

– ЗНАЧИТ, Я ДОЛЖЕН ПРИТВОРИТЬСЯ, ЧТО НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ?..

– Сириус сказал, что для тебя нет ничего важнее, чем научиться блокировать сознание!

– ОН ЗАГОВОРИЛ БЫ ПО-ДРУГОМУ, ЕСЛИ БЫ ЗНАЛ, ЧТО Я СЕЙЧАС...

Дверь отворилась. Гарри, Рон и Гермиона резко повернулись и увидели Джинни и Луну. Джинни смотрела с любопытством, а у Луны, как всегда, был такой вид, словно ее занесло сюда случайным порывом ветра.

– Привет, – неуверенно сказала Джинни. – Мы услышали голос Гарри. Чего вы разорались?

– Не твое дело, – огрызнулся Гарри.

Джинни подняла брови.

– Нечего разговаривать со мной таким тоном, – холодно отозвалась она. – Я только хотела узнать, не можем ли мы чем-то помочь.

– Нет, не можете, – отрезал Гарри.

– А знаешь, ты довольно грубый, – безмятежно констатировала Луна.

Гарри, ругнувшись, отвернулся. Вот только рассусоливаний с Луной Лавгуд ему сейчас и не хватает для полного счастья.

– Стоп, – вдруг сказала Гермиона. – Стоп… Гарри, они могут помочь.

Гарри и Рон удивленно на нее посмотрели.

– Послушай, – с жаром продолжила Гермиона, – Гарри, прежде всего надо убедиться, что Сириуса действительно нет в штаб-квартире.

– Повторяю, я видел…

– Гарри, умоляю тебя, пожалуйста! – в отчаянии закричала Гермиона. – Пожалуйста, прежде чем бросаться в Лондон, давай сначала проверим, дома ли Сириус. Если нет, клянусь, я не буду тебя удерживать. Я отправлюсь с тобой, я… сделаю все что нужно, мы постараемся его спасти.

– Сириуса пытают СЕЙЧАС! – крикнул Гарри. – Нельзя терять ни минуты!

– Но вдруг это ловушка Вольдеморта, Гарри, мы должны проверить, должны!..

– Как? – спросил он. – Как ты это проверишь?

– Нужно связаться с ним через камин Кхембридж, – сказала Гермиона, паникуя от одной мысли об этом. – Мы выманим Кхембридж из кабинета, но нам потребуются часовые. Джинни с Луной.

Джинни, хоть и не вполне понимала, что происходит, немедленно объявила:

– Мы согласны.

А Луна поинтересовалась:

– Когда вы говорите «Сириус», то имеете в виду Сценни Тьянтера? Ей никто не ответил.

– Ладно, – рявкнул Гарри Гермионе, – ладно. Если ты придумаешь, как это выяснить очень быстро, я согласен. А иначе я отправляюсь в департамент тайн прямо сейчас.

– Департамент тайн? – слегка удивилась Луна. – А как ты туда попадешь?

Но и этот ее вопрос остался без ответа.

— Так, — заговорила Гермиона, ломая руки и расхаживая между партами. — Так... хорошо... кто-то должен найти Кхембридж и... отправить ее подальше от кабинета. Можно ей сказать... ну я не знаю... например, что Дрюзг, как обычно, творит непотребства...

— Я могу, — вы毛泽лся Рон. — Скажу, что Дрюзг громит класс превращений, туда от ее кабинета — пара миль. Собственно, если встречу Дрюзга, могу его попросить так и сделать.

То, что Гермиона не возразила против разгрома класса превращений, лишь подчеркнуло серьезность ситуации.

— Договорились, — произнесла она, хмуря брови и продолжая вышагивать. — Дальше. Нужно, чтобы у кабинета, когда станем взламывать дверь, никого не было, иначе кто-нибудь из слизеринцев ей донесет...

— Мы с Луной встанем в концах коридора, — мигом сказала Джинни, — и будем говорить, что туда нельзя, потому что кто-то напустил гарротного газа. — Гермиону явно поразило, как быстро Джинни выдумала эту ложь; Джинни пожала плечами и пояснила: — Фред и Джордж так и собирались сделать, еще до своего ухода.

— Хорошо, — одобрила Гермиона. — А мы с тобой, Гарри, под плащом-невидимкой проберемся в кабинет, и ты поговоришь с Сириусом...

— Гермиона, его нет дома!

— Я хочу сказать, ты... убедишься, что его нет, а я посторожу. Одному тебе туда не стоит. Мы же знаем, что окно — слабое место, спасибо Ли и его нюхлям.

Несмотря на гнев и нетерпение, Гарри оценил мужество и преданность Гермионы.

— Я... хорошо, спасибо, — пробормотал он.

— Прекрасно. Но, даже если все удастся, вряд ли у нас больше пяти минут, — с облегчением в голосе продолжила Гермиона, радуясь, что Гарри одобрил план. — Еще же Филч и инспекционная бригада.

— Пяти минут хватит, — сказал Гарри. — Пошли.

— *Сейчас?!* — испуганно вскрикнула она.

— А когда? — сердито бросил Гарри. — Что нам, ждать до ужина? Гермиона, Сириуса пытают сейчас!

— Я... все, ладно, — в отчаянии согласилась она. — Иди за плащом, встретимся в конце коридора, где кабинет, да?

Гарри не ответил – он молниеносно вылетел из класса и, прорываясь сквозь толпу, понесся в гриффиндорскую башню. Двумя этажами выше ему встретились Дин и Шеймас. Они окликнули Гарри и весело сообщили, что собираются в общей гостиной до рассвета праздновать окончание экзаменов. Гарри едва слушал и быстро вскарабкался в дыру за портретом, а Дин и Шеймас остались снаружи, споря о том, сколько бутылок контрабандного услады им понадобится. Гарри выбрался обратно с плащом и ножом в рюкзаке, и лишь тогда Дин с Шеймасом заметили, что он вообще куда-то уходил.

– Гарри, внесешь парочку галлеонов? Гарольд Дингл обещает уступить огневиски...

Но Гарри уже умчался и через две минуты, перепрыгнув последние несколько ступеней, подбежал к Рону, Гермионе, Джинни и Луне, которые кучкой стояли в начале коридора, ведущего к кабинету Кхембридж.

– Принес, – пропыхтел он. – Ну что, готовы?

– Да, – прошептала Гермиона – мимо проходила шумная группа шестиклассников. – Так, Рон, – ты идешь отвлекать Кхембридж... Джинни, Луна, начинайте освобождать коридор... А мы с Гарри спрячемся под плащ и подождем, пока путь будет свободен...

Рон отправился выполнять задание – его ярко-рыжая шевелюра была видна, пока он не свернул в конце коридора; в другом конце из толпы выделялась точно такая же огненная голова Джинни и светловолосая – Луны.

– Давай сюда. – Гермиона за руку утянула Гарри в нишу, где на колонне стоял и безостановочно что-то бормотал уродливый каменный бюст средневекового колдуна. – Кстати, ты... точно хорошо себя чувствуешь? Ты ужасно бледный.

– Все нормально, – коротко ответил он, доставая из рюкзака плащ-невидимку. Вообще-то шрам саднил, но не очень сильно – значит, Вольдеморт пока не нанес смертельного удара... когда пытали Эйвери, болело намного сильнее... – Вот так. – Гарри накрыл себя и Гермиону плащом. Они замерли, внимательно вслушиваясь в каждый звук, почему страшно мешала латинская невнятица бюста.

– Сюда нельзя! – донесся издали крик Джинни. – Извините, придется обойти по врачающейся лестнице – здесь кто-то напустил гарротного газа...

Послышалось недовольное ворчание; чей-то голос сварливо сказал:
— Не вижу никакого газа.

— Это потому, что он бесцветный, — объяснила Джинни правдоподобно усталым тоном, — но, если хочешь, иди, пожалуйста, очень даже хорошо — твое тело послужит доказательством для других неверующих.

Толпа постепенно редела. Видимо, известие о гарротном газе распространилось по школе; никто больше не шел в этот коридор. Наконец вокруг стало почти совсем пусто, и Гермиона тихо проговорила:

— Гарри, пожалуй, уже можно — пошли.

Они под плащом осторожно выбрались из ниши. В дальнем конце коридора, спиной к ним, стояла Луна. Проходя мимо Джинни, Гермиона шепнула:

— Молодец... не забудь про сигнал.

— А какой сигнал? — еле слышно спросил Гарри уже у двери кабинета.

— Если идет Кхембридж, они громко поют «Уизли — наш король», — ответила Гермиона. Гарри вставил лезвие ножа в щель между дверью и косяком. Замок щелкнул, и они с Гермионой вошли.

Яркие уродцы грелись на солнышке, освещавшем тарелки, а в остальном в кабинете было тихо, как и в прошлый раз. Гермиона с облегчением вздохнула:

— Я боялась, после второго нюхля она усилит охрану.

Они сняли плащ; Гермиона прошла к окну, встала сбоку, так, чтобы ее не было видно с улицы, и с палочкой наготове стала следить за двором. Гарри бросился к камину, схватил горшок с кружаной мукой и бросил щепотку в очаг. Вспыхнуло зеленое пламя. Он упал на колени, сунул голову в пляшущий огонь и выкрикнул:

— Площадь Мракэнтлен, дом двенадцать!

Голова закружила, будто он спрыгнул с карусели, но колени остались неподвижно стоять на холодном полу. Гарри зажмурился, чтобы пепельный вихрь не запорошил глаза, и открыл их, лишь когда вращение прекратилось. Перед ним была длинная, холодная кухня дома Сириуса.

Никого. Гарри этого и ожидал, но все же при виде пустой кухни накатила раскаленная волна ужаса и паники.

– Сириус? – громко позвал он. – Сириус, ты здесь?

Крик эхом разнесся по кухне. Ответа не было. Однако справа, за камином, что-то зашуршало.

– Кто здесь? – крикнул Гарри. Вероятно, мышь.

Из-за стенки выполз Шкверчок, необычайно чем-то довольный, хотя и серьезно пострадавший – обе кисти обмотаны бинтами.

– В камине – голова мальчишки Поттера, – уведомил Шкверчок безлюдную кухню, поглядывая на Гарри воровато и торжествующе. – Шкверчок не понимает, зачем его сюда принесло.

– Шкверчок, говори, где Сириус! – потребовал Гарри.

Домовый эльф сипло усмехнулся:

– Хозяина нет дома, Гарри Поттер.

– А где он? Куда пошел? *Говори, Шкверчок!*

Шкверчок только захихикал.

– Ты у меня дождешься! – пригрозил Гарри, прекрасно понимая, что в своем теперешнем положении абсолютно для Шкверчка безопасен. – А Люпин? Шизоглаз? Кто-нибудь есть?

– Никого, один Шкверчок! – счастливо сообщил эльф, отвернулся от Гарри и зашаркал к двери. – Пожалуй, Шкверчок пойдет побеседует с хозяйкой, да, да, они долго не разговаривали, хозяин Шкверчку не разрешал…

– Где Сириус?! – заорал Гарри вслед эльфу. – *Шкверчок, он в департаменте тайн?*

Шкверчок замер. За лесом ножек стола и стульев его лысый затылок был едва различим.

– Хозяин не докладывает бедному Шкверчку, куда уходит, – пробормотал домовый эльф.

– Но ты знаешь! – закричал Гарри. – Знаешь ведь? Ты знаешь, где он!

После паузы эльф захихикал – на сей раз довольно громко.

– Хозяин не вернется из департамента тайн! – ликующее воскликнуло он. – Шкверчок и хозяйка снова одни!

Он затопотал дальше и вскоре исчез за дверью в холл.

– Ты!..

Но Гарри не успел придумать ни ругательства, ни проклятия – макушка вдруг сильно заболела, он судорожно вдохнул кучу пепла, поперхнулся, его потащило назад сквозь огонь… и вот уже он смотрит

в мертвенно-бледную жабью рожу профессора Кхембридж. Она за волосы выдернула Гарри из камина и теперь с силой гнула его голову назад, будто собираясь перерезать горло.

— Ты полагаешь, — прошипела она, отгибая ему голову еще дальше — он уже смотрел в потолок, — что после двух нюхлей я позволю еще хоть одному мелкому пакостнику без спросу пролезть ко мне в кабинет? Болван! У меня вся дверь в чужечуюющих чарах! Заберите у него палочку, — гавкнула она кому-то; чья-то рука зашарила у Гарри во внутреннем кармане и вытащила палочку. — И у нее тоже.

Кто-то завозился у двери, и Гарри понял, что у Гермионы тоже отбирают палочку.

— Ну-с, я требую объяснений! Что вам понадобилось в моем кабинете? — зарычала Кхембридж, тряся Гарри за волосы, и он пошатнулся.

— Я... хотел выкрасть «Всполох»! — прохрипел он.

— Лжец! — Она снова дернула его за голову. — Твой «Всполох» в подземелье, под надежной охраной, о чем тебе, Поттер, прекрасно известно. Что ты делал в моем камине? С кем разговаривал?

— Ни с кем... — Гарри попытался высвободиться и лишился некоторого количества волос.

— *Лжец!* — заорала Кхембридж и отшвырнула его; он впечатался в письменный стол. Отсюда было видно Гермиону, которую прижала к стене Миллисент Балстроуд. Малфой стоял у окна, облокотившись на подоконник. Ухмыляясь, он одной рукой подбросил и тут же поймал волшебную палочку Гарри.

За дверью зашумели, и в кабинет ввалились несколько слизеринцев. Они втащили Рона, Джинни, Луну и — Гарри ужасно удивился — Невилла. Последнего волок за шею Краббе — казалось, Невилл вот-вот задохнется. У всех четверых пленников во рту были кляпсы.

— Всех взяли, — доложил Уоррингтон, грубо вталкивая Рона в комнату. — Вот *этот вон*, — он ткнул толстым пальцем в Невилла, — хотел помешать схватить вот *ее*, — Уоррингтон показал на Джинни, которая изо всех сил пыталась брыкнуть свою захватчицу — крупную слизеринскую девицу, — так что я и его привел.

— Молодцы, молодцы, — проговорила Кхембридж, с праздным интересом наблюдая за Джинни. — Похоже, очень скоро «Хогварц»

станет зоной, свободной от Уизли?

Малфой громко, подобострастно рассмеялся. Кхембридж растянула губы в довольной ухмылке, уселась в ситцевое кресло и уставилась на своих жертв, редко моргая, точно жаба в цветочной клумбе.

– Итак, Поттер, – процедила она. – Ты расставил охрану у моего кабинета и подослал ко мне этого шута горохового, – она кивнула на Рона, и Малфой расхохотался громче, – сказать, что полтергейст громит класс превращений, хотя из доклада мистера Филча мне было доподлинно известно, что подлый паскудник замазывает чернилами окуляры школьных телескопов. Очевидно, тебе было необходимо срочно с кем-то переговорить. С кем? С Альбусом Думблдором? Или с этим гнусным полукровкой, Огридом? Едва ли с Минервой Макгонаголл – я слышала, она плоха и разговаривать не может.

Малфой и некоторые другие члены инспекционной бригады посмеялись и над этим. Гарри вдруг почувствовал, что от гнева и ненависти весь дрожит.

– С кем я разговаривал, вас не касается, – прорычал он.

Обвисшая физиономия Кхембридж напряглась.

– Прекрасно, – пропела она самым своим сладким и страшным голосом. – Прекрасно, мистер Поттер… Я дала вам шанс сделать добровольное признание. Вы им не воспользовались. Теперь я вынуждена заставить вас силой. Драко… приведи профессора Злея.

Малфой сунул палочку Гарри во внутренний карман и вышел из кабинета, мерзко ухмыляясь, но Гарри почти не обратил внимания на его злорадство. Он только что понял одну вещь. Что же он за дурень, как он не сообразил? Он все сокрушался, что в школе нет ни одного члена Ордена Феникса и никто не может помочь спасти Сириуса, а между тем в «Хогварце» оставался Злей!

В кабинете было тихо, если не считать возни слизеринцев, удерживавших Рона и остальных. Рон рвался из железного захвата Уоррингтона, и с его губы на ковер Кхембридж капала кровь; Джинни упорно брыкалась, пытаясь наступить на ногу шестиклассница-слизеринке, которая крепко держала ее за плечи; Невилл мучительно и безуспешно оттирал от своей шеи руки Краббе и с каждой секундой все сильнее багровел; Гермиона отпихивала Миллисент Балстроуд. Луна между тем, вяло повесив руки, стояла возле своего конвоира и

равнодушно глядела в окно, словно находила все происходящее невероятно скучным.

Гарри перевел взгляд на Кхембридж. Та внимательно за ним наблюдала. Он постарался изобразить хладнокровие. В коридоре раздались шаги; вошли Драко, а за ним Злей.

— Вы хотели меня видеть, директор? — спросил Злей, индифферентно обводя глазами борющиеся пары.

— А, профессор Злей, — широко улыбнулась Кхембридж и встала. — Да, мне нужен еще один флакон признавалиума, и как можно скорее, пожалуйста.

— Для допроса Поттера вы взяли последний, — ответил Злей, безразлично глядя на нее сквозь завесу сальных черных волос. — Неужели вы все использовали? Я ведь говорил, что трех капель вполне достаточно.

Кхембридж вспыхнула.

— Но вы можете приготовить еще? — осведомилась она нежным девочкиным голосом, как бывало всякий раз, когда она впадала в бешенство.

— Разумеется, — чуть изогнув губы, отозвался Злей. — Для этого необходим полный лунный цикл. Зелье будет готово примерно через месяц.

— Через месяц? — взвизгнула Кхембридж, раздуваясь как жаба. — Месяц? Но оно нужно сегодня, Злей! Я только что поймала Поттера в своем камине, он разговаривал с неизвестным лицом или лицами!

— Вот как? — промолвил Злей и с легким интересом поглядел на Гарри. — Это меня не удивляет. Поттер всегда имел склонность нарушать школьные правила.

Его темные холодные глаза вбуравливались в глаза Гарри. Тот смело встретил этот взгляд, сосредоточенно вызывая в памяти увиденное во сне и мысленно приказывая Злею прочитать мысли, понять...

— Я желаю его допросить! — заорала Кхембридж, и Злей перевел взгляд с Гарри на ее трясущееся лицо. — И вы обязаны предоставить зелье! Он должен сказать правду!

— Как я уже сообщил, — ровным голосом повторил Злей, — у меня не осталось признавалиума. Поэтому, если только в ваши намерения не входит отравить Поттера — а смею вас заверить, что в таком случае мои

симпатии на вашей стороне, – я ничем не могу помочь. Но учтите, большинство ядов действуют слишком быстро – у отравленного почти не остается времени на признания.

Злей посмотрел на Гарри. Тот сверлил его взглядом, отчаянно телепатируя свое сообщение.

Вольдеморт схватил Сириуса, они в департаменте тайн, – жарко твердил он про себя. – *Вольдеморт схватил Сириуса...*

– Вы на испытательном сроке! – завопила Кхембридж. Злей повернулся к ней, слегка подняв брови. – Вы намеренно саботируете мой приказ! Я была о вас лучшего мнения! Люциус Малфой всегда отзывался о вас одобрительно! Покиньте мой кабинет!

Злей иронически поклонился и направился к двери. Гарри понял, что уплывает его последний шанс сообщить Ордену о случившемся, и крикнул:

– Он взял Мягколапа! Они там, где оно спрятано!

Злей, уже дотронувшись до дверной ручки, замер.

– Мягколапа? – завопила Кхембридж, загоревшимися глазками шныряя по лицам Гарри и Злея. – Что это, «Мягколап»? И что где спрятано? О чем он, Злей?

Тот повернулся к Гарри с абсолютно непроницаемым лицом. Трудно сказать, понял Злей или нет, но в присутствии Кхембридж Гарри не осмеливался говорить яснее.

– Не имею ни малейшего представления, – ледяным тоном отозвался Злей. – Поттер, если бы я хотел, чтобы мне вслед орали всякую чушь, я дал бы вам лопотальный лимонад. Кстати, Краббе, ослабь хватку. Если Лонгботтом задохнется, на меня свалятся горы нудной писанины. Кроме того, если тебе когда-либо вздумается поступать на работу, о происшествии придется упомянуть в твоей характеристике.

Он ушел, громко хлопнув дверью, и оставил Гарри в еще большем смятении, чем прежде. Злей был его последней надеждой... Гарри взглянул на Кхембридж. Похоже, она разделяла его чувства; ее грудь вздыпалась от разочарования и ярости.

– Очень хорошо, – сказала она и достала волшебную палочку. – Очень хорошо... Выбора нет... Дело уже не просто в школьной дисциплине... Здесь вопрос министерской безопасности... да... да...

Кажется, она сама себя уговаривала. Уставившись на Гарри, она нервно перетаптывалась с ноги на ногу и, тяжело дыша, постукивала палочкой по ладони. Гарри, оставшийся без волшебной палочки, остро ощущал свою беззащитность.

– Вы меня вынуждаете, Поттер… Я этого не хотела, – беспокойно переминаясь, бормотала Кхембридж, – но порой обстоятельства оправдывают применение… уверена, министр поймет, что у меня не было иного выхода…

Малфой жадно за ней следил.

– Пыточное проклятие развязывает тебе язык, – еле слышно произнесла Кхембридж.

– Нет! – завизжала Гермиона. – Профессор Кхембридж! Это противозаконно!

Но Кхембридж и ухом не повела. Ее глаза зажглись алчным, адским огнем; Гарри никогда ее такой не видел. Она подняла палочку.

– Министр будет недоволен! Профессор Кхембридж, нельзя нарушать закон! – закричала Гермиона.

– Не узнает, так и не будет, – пробормотала Кхембридж, слегка задыхаясь и прицеливаясь в Гарри так и этак, словно не в силах выбрать, где будет больнее. – Не узнал же он, что это я приказала дементорам напасть на Поттера, но был очень рад поводу исключить мальчишку из школы.

– Это *вы*? – ошеломленно спросил Гарри. – *Вы* подослали ко мне дементоров?

– Надо было что-то делать, – жарко выдохнула Кхембридж, и ее палочка замерла, указывая ему в лоб. – Все только мямлили… надо *его* заткнуть, надо *его* дискредитировать… одна я решилась действовать… но ты ускользнул, Поттер, да? Ничего-ничего, сегодня тебе это не удастся, сегодня не… – Глубоко вдохнув, она выкрикнула: – Круц!..

– Нет! – надтреснуто взвизгнула Гермиона из-за Миллисент Балстроуд. – Нет!.. Гарри!.. Давай расскажем!

– Ни за что! – заорал Гарри, прожигая глазами то немногое от Гермионы, что мог видеть.

– Придется, Гарри, она все равно тебя заставит, так… какой смысл?

И Гермиона разрыдалась в спину Миллисент. Миллисент мигом прекратила прижимать ее к стене и брезгливо отодвинулась.

— Так-так-так! — победно возопила Кхембридж. — Юная мисс Почемучка хочет дать ответ! Что же, девчонка, говори!

— Эр-ми-на-нет! — промычал Рон сквозь кляп.

Джинни уставилась на Гермиону так, будто видела впервые в жизни. Невилл, давясь и задыхаясь, тоже смотрел на нее, будто не верил сам себе. Но Гарри кое-что заметил: Гермиона захлебывалась рыданиями, но на лице ее не видно было ни единой слезинки.

— Про... простите меня, ребята, — с трудом выговорила Гермиона. — Но... я не могу...

— Правильно, правильно, девочка! — Кхембридж схватила ее за плечи, швырнула в кресло, где недавно сидела сама, и нависла сверху. — Итак... с кем разговаривал Поттер?

— Он, — судорожно сглотнув, сказала Гермиона в собственные ладони, — хотел поговорить с профессором Думблдором.

Рон застыл, широко распахнув глаза; Джинни перестала топтать ногу слизеринке; и даже Луна чуточку удивилась. К счастью, эти подозрительные знаки ускользнули от Кхембридж и ее прихлебателей, поскольку их вниманием безраздельно владела Гермиона.

— С Думблдором? — чуть не задохнулась от возбуждения Кхембридж. — Так вы знаете, где он?

— Нет... не знаем! — прорыдала Гермиона. — Мы пробовали связаться с «Дырявым котлом» на Диагон-аллее, и с «Тремя метлами», и даже с «Башкой борова»...

— Идиотка! Думблдора разыскивает министерство! Неужели он станет рассиживаться в пабе? — завопила Кхембридж. Каждая морщина ее обвисшего лица истекала разочарованием.

— Но... нам надо было сказать ему что-то очень-очень важное! — завыла Гермиона, сильнее прижимая руки к лицу, но не от отчаяния, догадался Гарри, а чтобы скрыть отсутствие слез.

— Да? — вновь воодушевилась Кхембридж. — Что же вы хотели ему сказать?

— Мы... хотели сказать, что все... г-готово! — давясь рыданиями, выговорила Гермиона.

— Что готово? — Кхембридж опять схватила ее за плечи и затрясла. — Что готово, девчонка?

— Ору... оружие, — ответила Гермиона.

– Оружие? Оружие? – Глаза Кхембридж, казалось, вот-вот выскочат из орбит. – Вы готовили восстание? Оружие против министерства? По приказу профессора Думбльдора, конечно?

– Д-д-да, – пролепетала Гермиона, – но он покинул школу до того, как оно было готово, а т-т-теперь мы все доделали, но не м-м-можем найти Думбльдора, чтобы ему с-с-сказать!

– Что за оружие? – хрипло спросила Кхембридж, впиваясь толстыми пальцами в плечи Гермионы.

– М-мы с-сами т-толком не п-п-понимаем, – всхлипывала Гермиона. – Мы п-просто с-сделали, как в-велел п-профессор Д-д-думбльдор.

Кхембридж расправилась. В глазах ее сияло полнейшее упоение.

– Покажи мне это оружие, – приказала она.

– Я не буду показывать... им, – взвизгнула Гермиона, оборачиваясь и сквозь пальцы глядя на слизеринцев.

– Ты еще будешь диктовать условия?! – рявкнула Кхембридж.

– Ладно, – снова разрыдалась Гермиона. – Ладно... пусть они увидят и используют против вас! И вообще, пусть его увидят все! Пусть приходят и смотрят! О-о-о!.. Вы еще узнаете!.. П-пусть вся школа узнает, где оно и как... им п-пользоваться! Тогда они вам покажут!

Эти слова сильно подействовали на Кхембридж: она стремительно оглянулась на инспекционную бригаду, и ее выпуклые глаза с подозрением остановились на Малфое – тот не успел скрыть хищную гримасу.

Кхембридж некоторое время разглядывала Гермиону, а потом заговорила псевдоматеринским тоном:

– Хорошо, милая, пойдем только мы с тобой... и Поттера возьмем, хорошо? Вставай, пошли.

– Профессор, – с надеждой вмешался Малфой, – профессор Кхембридж, по-моему, кто-то из бригады должен пойти с вами, приглядывать за...

– Я полномочный представитель министерства, Малфой! Неужели ты думаешь, что я не справлюсь с двумя безоружными подростками? – осадила его Кхембридж. – И вообще, судя по всему, школьникам ни к чему видеть это оружие. Вы останетесь здесь до моего возвращения и

будете следить, чтобы никто... – она повела рукой на Рона, Джинни, Невилла и Луну, – не сбежал.

– Хорошо, – расстроенно буркнул Малфой.

– А вы, двое, показывайте дорогу. – Кхембридж направила на Гарри с Гермионой волшебную палочку. – Ведите.

Глава тридцать третья

Борьба и бегство

Гарри представления не имел, что затеяла Гермиона и вообще есть ли у нее план. Они вышли из кабинета Кхембридж и двинулись по коридору. Гарри шел уверенно, на полшага позади Гермионы – нельзя показывать, что он не знает, куда идти. Спросить ее он не осмеливался – Кхембридж слишком близко, пыхтит прямо за спиной.

Гермиона спустилась в вестибюль. Из Большого зала доносились громкие голоса, звон приборов. Невероятно, что где-то совсем рядом кто-то наслаждается вкусной едой, беззаботно радуется окончанию экзаменов...

Гермиона вышла на улицу. Стоял чарующий летний вечер; солнце опускалось к верхушкам деревьев Запретного леса. Гермиона решительно зашагала по газону. Чтобы не отставать, Кхембридж пришлось перейти на легкую трусцу. Сзади, в траве, плащами трепетали их длинные черные тени.

– Оно в хижине Огрида? – раздался над ухом Гарри горячечный голос Кхембридж.

– Разумеется, нет, – презрительно бросила Гермиона. – Чтобы он ненароком его запустил?

– Разумеется, – возбуждение Кхембридж нарастало. – Ты права. Чего еще ждать от такого болвана?

Она рассмеялась. Гарри ужасно захотелось развернуться и вцепиться ей в горло, но он удержался. Теплый воздух обвевал лоб. Шрам пульсировал, но не пыпал от боли – значит, Вольдеморт пока не собрался убить Сириуса.

– Но... где же оно? – спросила Кхембридж отчасти неуверенно, видя, что Гермиона очень целеустремленно движется к Запретному лесу.

– Там, где же еще. – Гермиона показала куда-то в чащу. – Где на него нельзя наткнуться случайно. Это же естественно.

— Естественно, — с опаской согласилась Кхембридж. — Естественно... Что же, прекрасно... Вы, двое, пойдете вперед.

— Можно тогда вашу палочку, раз мы пойдем первыми? — попросил Гарри.

— О нет, мистер Поттер, — сладко отозвалась Кхембридж, тыча острием ему в спину. — Боюсь, моя жизнь представляет намного большую ценность для министерства, чем ваши.

Едва очутившись в прохладном лесном полумраке, Гарри попробовал поймать взгляд Гермионы. Идти в Запретный лес без волшебных палочек — отчаянное безрассудство даже на фоне всего совершенного за сегодня. Но Гермиона, бросив на Кхембридж презрительный взгляд, рванула вперед с такой скоростью, что директриса с ее коротенькими ножками еле поспевала.

— А это далеко? — осведомилась Кхембридж, зацепившись мантией за куст куманики.

— О да, — ответила Гермиона, — да. Мы его хорошо спрятали.

С каждым шагом опасения Гарри обострялись. Гермиона шла не той дорогой, что вела к Гурпу, а другой, по которой три года назад Гарри пробирался к логову Арагога. Тогда Гермиона с ним не было; едва ли она знает, что ждет их в конце пути.

— А... ты уверена, что это *правильная* дорога? — подчеркнуто спросил он.

— О да, — железным тоном сказала она, ломясь сквозь подлесок с совершенно излишним, по мнению Гарри, треском.

Поспешая за ними, Кхембридж споткнулась о поваленное молодое деревце и упала. Ребята не остановились, не помогли ей подняться; Гермиона лишь громко крикнула через плечо:

— Уже недалеко!

— Гермиона, говори потише, — бегом нагнав ее, пробормотал Гарри. — А то нас услышат...

— Я этого и добиваюсь, — тихо отозвалась она, пользуясь тем, что Кхембридж ничего не слышит из-за хруста веток под ногами. — Увидишь...

Они шли довольно долго; вскоре свет уже совершенно не проникал сквозь густые кроны. Не первый раз в этом лесу у Гарри возникло ощущение, что за ними кто-то незаметно наблюдает.

— Сколько еще?! — раздраженно крикнула сзади Кхембридж.

– Теперь совсем близко! – завопила в ответ Гермиона, выходя на сумрачную сырую поляну. – Еще чуть-чуть...

Откуда ни возьмись, в воздухе мелькнула стрела и вонзилась в ствол над головой Гермионы. Застучали копыта; задрожала земля; Кхембридж ойкнула и закрылась Гарри как щитом...

Он вырвался, обернулся. Со всех сторон, наставляя на непрошеных гостей луки, грозно надвигались кентавры. Гарри, Гермиона и Кхембридж медленно отступали к середине поляны. Кхембридж повизгивала от страха. Гарри покосился на Гермиону. Она торжествующе улыбалась.

– Кто ты? – раздался суровый голос.

Гарри посмотрел налево. Из кольца кентавров выступил гнедой Магориан. Он, как и остальные, целился из лука. Справа от Гарри Кхембридж не переставая скулила и трясущейся рукой направляла на кентавра палочку.

– Я спросил, кто ты, женщина? – рявкнул Магориан.

– Я Долорес Кхембридж! – в ужасе пискнула Кхембридж. – Старший заместитель министра магии, а также директор и главный инспектор «Хогварца»!

– Ты из министерства магии? – переспросил Магориан. Кентавры нервно переступили копытами.

– Да! – еще тоньше пискнула Кхембридж. – Поэтому ведите себя соответственно! Согласно указу департамента по надзору за магическими существами, нападение полукровок, в том числе кентавров, на человека...

– Как ты нас назвала?! – вскричал вороной, мятежного вида, кентавр.

Гарри узнал Бейна. Послышался возмущенный ропот, натянулась тетива.

– Не называйте их так! – разъярилась Гермиона, но Кхембридж ее не слышала. Тыча трясущейся палочкой в Магориана, она истерично тараторила:

– Закон пятнадцать, раздел «Б», гласит, что «нападение любого магического существа, обладающего почти человеческим интеллектом, а потому считающегося ответственным за свои действия...»

– «Почти человеческим интеллектом»? – повторил Магориан. Бейн и некоторые другие кентавры, взревев, забили копытами. – Ты нанесла

нам смертельное оскорбление, женщина! Наш интеллект, хвала небесам, намного превосходит человеческий.

– Что вам понадобилось в нашем лесу? – загрохотал хмуроликий серый кентавр, которого Гарри и Гермиона видели еще в прошлый раз. – Зачем вы здесь?

– В *вашем* лесу? – вскинулась Кхембридж, и ее затрясло уже не только от страха, но и от возмущения. – Позвольте напомнить: вы живете здесь лишь потому, что министерство магии предоставляет отдельные территории...

Стрела пролетела прямо у нее над головой, задев мышастые волосы. Кхембридж оглушительно заорала и закрыла голову руками. В толпе кентавров одобрительно закричали, хрюпали захохотали; по сумрачной поляне эхом понеслось дикое ржание. Грозно били копыта. Смотреть на это было страшно.

– Так чей же это лес, женщина? – заревел Бейн.

– Грязные полукровки! – завизжала Кхембридж, плотно обхватив голову руками. – Животные! Бессмысленные твари!

– Тише! – крикнула Гермиона, но было поздно: Кхембридж навела палочку на Магориана и крикнула:

– Инкарцерус!

Появившись из воздуха, толстые как змеи канаты туго обмотали торс и руки кентавра. Он зарычал от ярости и, вырываясь, встал на дыбы; другие кентавры кинулись на обидчицу.

Гарри повалил Гермиону наземь. Лежа ничком и слыша стук копыт, он пережил минуту ужаса, но вопящие от негодования кентавры скакали через них с Гермионой, не задевая.

– Не-е-е-ет! – доносились до ребят крики Кхембридж. – Не-е-е-е-ет!.. Я старший заместитель... вы не смеете... отпустите, животные... не-е-е-е-ет!

Полыхнуло красным: она попыталась кого-то обездвижить, а затем душераздирающее завопила. Гарри приподнял голову и увидел, что Бейн схватил Кхембридж сзади и поднял высоко в воздух. Та извивалась, истошно вереща от ужаса. Волшебную палочку она выронила. У Гарри екнуло в груди: вот бы до нее добраться...

Он потянулся за палочкой, но копыто, внезапно обрушившееся сверху, переломило ее пополам.

— Так! — прогремел над ухом Гарри чей-то голос. Мощная волосатая рука поставила Гарри на ноги. Гермиону тоже подняли. Поверх волнующегося моря разномастных кентавровых спин и голов Гарри увидел, как Бейн уносит Кхембридж. Та всплыла без передышки, но ее голос становился все тише и тише, и наконец за стуком копыт его вовсе не стало слышно.

— А что делать с этими? — спросил серый кентавр с суровым лицом, державший Гермиону.

— Это молодняк, — сказал меланхоличный голос за спиной у Гарри. — Жеребят мы не трогаем.

— Ронан, это они ее сюда привели, — возразил кентавр, схвативший Гарри. — И они вовсе не такие маленькие... *Этот*, например, почти уже мужчина. — И он тряхнул Гарри за шкирку.

— Пожалуйста, — задыхаясь, взмолилась Гермиона, — пожалуйста, не трогайте нас! Мы не разделяем ее взглядов и не работаем в министерстве! Мы пришли сюда в надежде, что вы поможете нам от нее избавиться!

По лицу серого кентавра Гарри ясно понял, что Гермиона сказала это очень зря. Серый кентавр, свирепо роя задними ногами землю, откинулся голову и взревел:

— Видишь, Ронан? Они уже набрались наглости, совсем как взрослые! Значит, вы хотели, чтобы мы сделали за вас грязную работу, так, человеческая девчонка? Мы должны служить вам как верные псы, мы должны прогонять ваших врагов?

— Нет! — в ужасе пискнула Гермиона. — Прошу вас... я не это имела в виду! Просто я думала, что вы... сможете... нам помочь...

Но стало только хуже.

— Мы не помогаем людям! — зарычал кентавр, который держал Гарри, — хватка стала крепче, кентавр припал на задние ноги, и подошвы Гарри на миг оторвались от земли. — Мы — другая раса и гордимся этим! И мы не отпустим вас, не дадим хвастать, что вы заставили нас слушаться ваших приказов!

— Мы и не собирались хвастаться! — завопил Гарри. — Мы знаем: вы сделали то, что сделали, не потому, что так хотели мы...

Однако его никто не слышал.

Какой-то бородатый кентавр крикнул:

— Они пришли незваными, так пусть платят за последствия!

Эти слова были встречены согласным ревом, и мышастый кентавр подхватил:

– Пусть отправляются вслед за женщиной!

– Вы говорили, что не трогаете невинных! – По лицу Гермионы текли вполне настоящие слезы. – Мы вам не сделали ничего плохого, у нас нет волшебных палочек, мы вам не угрожали, мы просто хотим вернуться в школу, пожалуйста, позвольте нам вернуться...

– Мы тебе не предатель Фиренце, человеческая девчонка! – заорал серый кентавр под одобрительное ржание товарищей. – Ты что думала, мы – хорошенъкие говорящие лошадки? Нет, мы древний народ и не намерены терпеть оскорблений колдунов! Мы не признаем ни ваших законов, ни вашего превосходства, мы...

Но Гарри и Гермионе не довелось узнать о кентаврах больше ничего, так как в это самое мгновение на краю поляны что-то сокрушительно загрохотало, и все – и ребята и полсотни кентавров – обернулись. Рука, державшая Гарри, разжалась и метнулась к луку и колчану со стрелами. Гарри упал. Гермиона тоже; Гарри кинулся к ней. Два толстых дерева на опушке раздвинулись, и между стволами появился гигант Гурп.

Кентавр, оказавшийся к нему ближе всех, попятился в толпу сородичей. Поляна мгновенно ощетинилась стрелами, направленными в огромную сероватую физиономию, которая нависала из-под плотного древесного шатра. Гурп глупо раззявили кривой рот, и в полуслучае блеснули желтые зубы-кирпичи. Тусклые глаза цвета грязи сузились: Гурп, прищурясь, глядел на копошащуюся под ним мелочь.

Затем он еще шире открыл рот и сказал:

– Охыт.

Гарри не знал, что такое «охыт» и на каком это языке; его это и не интересовало; он лишь смотрел на ступни Гурпа и видел, что каждая из них больше его. Гермиона вцепилась ему в руку. Кентавры молча глядели на гиганта, мотавшего громадной круглой головой. Он пристально всматривался в толпу, словно что-то случайно обронил.

– Охыт! – сказал он снова, уже настойчивее.

– Прочь отсюда, гигант! – крикнул Магориан. – Мы тебя не звали!

Это заявление не произвело на Гурпа никакого впечатления. Он чуть пригнулся (кентавры стиснули луки) и заревел:

– ОХЫТ!

Кентавры забеспокоились. А Гермиона ахнула.

– Гарри! – прошептала она. – По-моему, он хочет сказать: «Огрид»!

В этот миг они – два человеческих существа в море кентавров – привлекли внимание Гурпа. Он опустил голову еще ниже и пристально взгляделся. Гарри почувствовал, как задрожала Гермиона. Гурп опять раззявили рот и низко пророкотал:

– Герми.

– Ты подумай, – Гермиона, близкая к обмороку, так впилась в руку Гарри, что у него онемела кисть, – запомнил!

– ГЕРМИ! – заклокотал Гурп. – ОХЫТ? ГДЕ?

– Я не знаю! – пронзительно закричала испуганная Гермиона. – Прости, Гурп, я не знаю!

– ГУРП ХОТЕТЬ ОХЫТ!

Массивная лапа гиганта потянулась вниз. Гермиона завопила, отбежала на несколько шагов назад и упала. Гарри, у которого не было волшебной палочки, приготовился бить, пинать, брыкать, кусать и что там еще бывает, а неловкая рука гиганта между тем сбила с ног снежно-белого кентавра.

Табун словно этого и ждал – пальцы Гурпа не дотянулись до Гарри одного фута, когда стрелы испещрили оспинами его невероятную физиономию. Гурп взвыл от боли и ярости, выпрямился и принялся тереть лицо; древки отламывались, но наконечники лишь вдавливались под кожу.

Гурп заорал, затопал ножищами; кентавры бросились врассыпную; капли крови Гурпа, каждая величиной с гальку, заколотили по Гарри. Тот помог Гермионе подняться, и оба со всех ног рванули под прикрытие деревьев. Оттуда они оглянулись: Гурп – лицо в крови – слепо хватал кентавров, а те в беспорядке отступали, галопом уносясь на другую сторону поляны и растворяясь в лесу. Гурп взвыл от ярости и бросился за ними, сметая деревья на своем пути.

– Ой нет, – пролепетала Гермиона. Ее так тряслось, что подогнулись коленки. – Какой кошмар! Он их всех переубивает.

– Если честно, меня не колышет, – отозвался Гарри.

Он стоял, прислушиваясь к затихавшим вдали стуку копыт и топоту неуклюжего гиганта. Шрам пронзила остшая боль, и Гарри обдало ужасом.

Они потеряли столько времени – а сейчас у них гораздо меньше шансов спасти Сириуса, чем сразу после видения! Палочка потеряна, они в Запретном лесу – и неизвестно, сколько еще отсюда выбираться!

– Это была гениальная идея, – набросился он на Гермиону, не зная, куда излить ярость. – Просто гениальная. Куда теперь?

– Надо вернуться в замок, – слабым голосом ответила Гермиона.

– Пока вернемся, Сириус уже может погибнуть! – заорал Гарри и долбанул ногой по дереву. Сверху донеслось писклявое лопотание. Гарри поднял голову и увидел возмущенного лечурку, который грозно тянул к нему длинные ручки-веточки.

– Без палочек нам ничего не сделать, – безнадежно сказала Гермиона, с трудом поднимаясь на ноги. – А как ты вообще собирался попасть в Лондон?

– Ага, нас это тоже очень интересует, – послышался сзади знакомый голос.

Гарри и Гермиона инстинктивно шарахнулись друг к другу и уставились в чащу.

Из-за деревьев показался Рон, вслед за ним – Джинни, Невилл и Луна. Выглядели они неважнецки – по щеке Джинни тянулись длинные царапины, над правым глазом Невилла надувалась большая багровая шишка, губа Рона сильно кровоточила. Тем не менее все были необычайно довольны собой.

– Так что, – Рон отвел в сторону низко свисавшую ветвь и протянул Гарри его волшебную палочку, – есть какие-нибудь мысли?

– Как вам удалось вырваться? – изумленно спросил Гарри, забирая палочку.

– Два-три сногшибателя, разоружное заклятие, а еще на редкость классная порча-помеха Невилла, – небрежно бросил Рон, возвращая палочку и Гермионе. – Но Джинни оказалась лучше всех – ей достался Малфой. Злокозябистое заклятие – это нечто! Злокозябки облепили ему всю морду! Мы из окна видели, что вы пошли к лесу, и побежали за вами. А куда вы дели Кхембридж?

– Ушла в загул, – ответил Гарри. – Со стадом кентавров.

– А вас они не тронули? – поразилась Джинни.

– Хотели, но их прогнал Гурп, – пояснил Гарри.

– Кто такой Гурп? – заинтересовалась Луна.

— Младший братишка Огрида, — ответил Рон. — Но это не важно. Гарри, что ты узнал в камине? Сириус у Сам-Знаешь-Кого или?..

— У него, — сказал Гарри, и шрам опять пронзила острая боль. — Я уверен, что Сириус еще жив, но пока не понимаю, как нам к нему попасть.

Все испуганно замолчали; проблема казалась неразрешимой.

— Мы полетим, — произнесла Луна; вышло у нее деловито — впервые на памяти Гарри.

— Это, конечно, прекрасно, — он раздраженно повернулся к ней, — но, во-первых, «мы» ничего делать не будем, если «мы» — это и ты тоже, а во-вторых, только у Рона есть метла, которую не охраняют тролли, поэтому...

— У меня тоже есть метла! — вскричала Джинни.

— Да, но ты не полетишь, — возмущенно возразил Рон.

— Уж прости, но меня не меньше твоего волнует судьба Сириуса! — ответила Джинни, упрямо сжав челюсти, и стала вдруг необычайно похожа на Фреда и Джорджа.

— Ты еще слишком... — начал Гарри, но Джинни яростно перебила:

— Мне на три года больше, чем было тебе, когда ты отвоевал у Сам-Знаешь-Кого философский камень! И это из-за меня Малфой не может выйти из кабинета Кхембридж, потому что ему не дают злокозявки...

— Да, но...

— Мы вместе были в Д. А., — тихо проговорил Невилл. — Все ведь затевалось для того, чтобы бороться с Сам-Знаешь-Кем, да? А это наш первый шанс испытать себя в деле. Или это были детские игрушки?

— Нет... конечно нет, — нетерпеливо бросил Гарри.

— Тогда мы с тобой, — просто сказал Невилл. — Мы хотим быть полезны.

— Да! — со счастливой улыбкой поддержала Луна.

Гарри встретился взглядом с Роном. Было понятно, что Рон думает то же, что и Гарри: если бы он выбирал помощников из Д. А., это был бы кто угодно, только не Луна, Джинни и Невилл.

— Это не важно, — прощедил Гарри, — мы все равно не знаем, как попасть в Лондон...

— Кажется, мы уже решили, — опять вмешалась Луна. — Мы полетим!

— Слушай, — Рон еле сдерживал злость, — может, ты и умеешь летать без метлы, но остальные пока не научились отращивать крыльшки…

— Летать можно не только на метле, — безмятежно сказала она.

— А, так мы полетим на какарожьих эскалопах? — осведомился Рон.

— Складкорогие стеклопы не летают, — с достоинством отозвалась Луна, — зато *они* летают, а Огрид говорил, они очень хорошо умеют находить места, куда тебе нужно попасть.

Гарри стремительно обернулся. Среди деревьев, мерцая жуткими глазами, стояли два тестраля и, словно все понимая, внимательно прислушивались к разговору.

— Точно! — прошептал Гарри, шагая к ним. Звери, мотнув ящероподобными головами, откинули назад длинные черные гривы. Гарри поспешил протянуть руку и погладил ближнего тестраля по лоснящейся шее; как он мог считать их страшными?

— Это ваши рехнутые кони? — неуверенно спросил Рон, уставившись куда-то чуть левее тестраля, которого гладил Гарри. — Те, которых не видишь, если не видел, как кто-нибудь врезал дуба?

— Да, — подтвердил Гарри.

— Сколько их?

— Всего два.

— А надо три, — сказала Гермиона, которая, хоть еще и не оправилась от потрясения, была настроена решительно.

— Четыре, Гермиона, — насупилась Джинни.

— По-моему, нас шесть, — подсчитав, спокойно объявила Луна.

— Вы что, идиоты? Мы не можем лететь все! — сердито воскликнул Гарри. — Слушайте, вы, — он указал на Невилла, Джинни и Луну, — вы тут ни при чем, вы не…

Те запротестовали. Шрам опять кольнуло, и очень больно. Каждая секунда промедления смерти подобна; времени на споры нет…

— А ну вас, делайте как хотите, — бросил Гарри, — но если мы не найдем еще тестралей, то вы не…

— Они придут, — уверенно сказала Джинни. Она, как и Рон, смотрела не на коней, а немного в сторону.

— С чего ты взяла?

— С того, что, если вы не заметили, вы с Гермионой все в крови, — хладнокровно заявила она, — а Огрид, как мы знаем, приманивает их на

мясо. Наверно, эти двое потому и пришли.

Что-то мягко потянуло Гарри за мантию. Он опустил глаза и увидел, что тестраль лижет его рукав, мокрый от крови Гурпа.

– Хорошо... – проговорил Гарри. Его осенила чудная идея. – Тогда мы с Роном полетим вперед, а Гермиона останется с вами – она привлечет еще тестралей...

– Я не останусь! – вознегодовала Гермиона.

– И не надо, – улыбнулась Луна. – Смотрите, они идут... видимо, запашок от вас тот еще...

Гарри обернулся. Шесть или семь тестралей осторожно вышли из-за деревьев, тесно прижав к бокам большие кожистые крылья и светя глазами во мраке. Теперь не отвертеться.

– Ладно, – буркнул Гарри, – садитесь, и поехали.

Глава тридцать четвертая

Департамент тайн

Гарри запустил руку в гриву животного, поставил ногу на пенек и неуклюже вскарабкался на шелковистую спину тестраля. Тот не возражал, лишь повернул голову и, сильно скаля зубы, попытался еще полизать окровавленную мантию.

Как оказалось, колени удобно и надежно помещались за крыльями. Гарри посмотрел на друзей. Невилл животом навалился на тестрала и лежал мешком, стараясь перекинуть короткую ногу через спину животного. Луна сидела по-дамски иправляла складки мантии с таким видом, словно катание на тестралях было ее повседневным развлечением. Рон, Гермиона и Джинни стояли внизу, разинув рты и неподвижно глядя в пространство.

– Вы что? – спросил Гарри.

– А как садиться? – пролепетал Рон. – Мы же их не видим.

– Очень даже просто. – Луна с готовностью соскользнула на землю. – Идите сюда...

Она подвела их к тестралям, помогла нащупать гривы, по очереди посадила и велела держаться крепче. Рон, Гермиона и Джинни явно чувствовали себя не в своей тарелке и очень сильно нервничали. Потом Луна вернулась к своему скакуну и села.

– Дурдом какой-то, – бормотал Рон, тревожно водя рукой по шее тестраля. – Дурдом... хоть бы я его видел...

– Молись лучше, чтоб тебе его не видеть, – хмуро буркнул Гарри. – Ну, все готовы?

Они кивнули. Гарри увидел, как пять пар коленей под мантиями крепче сжали тестралевые спины.

– Ладно...

Он посмотрел на шелковистый затылок своего тестраля и судорожно сглотнул.

– Тогда... пожалуйста, нам в Лондон, в министерство магии, вход для посетителей, – неуверенно произнес он. – Э-э... если вы знаете...

где это...

Мгновение тестраль постоял неподвижно; затем, едва не сбросив Гарри, вдруг широко распростер крылья, весь подобрался и стремительно, отвесно взмыл в небо. Гарри изо всех сил вцепился руками и ногами, чтобы не соскользнуть с костлявой спины. Он закрыл глаза, вжался лицом в шелковистую гриву, и они, прорвав густые кроны, устремились навстречу кроваво-красному закату.

Никогда раньше Гарри не доводилось перемещаться с такой скоростью: тестраль промчался над замком, буквально ни разу не взмахнув крыльями. Холодный ветер бил в лицо, хлестал по щекам; приходилось щуриться. Гарри оглянулся и посмотрел на своих спутников. В воздушном потоке те распластались по спинам тестралей.

Они пронеслись над территорией «Хогварца», миновали Хогсмед. Показались горы, ущелья. Смеркалось; внизу, в деревнях, вспыхивали россыпи огоньков. Вот среди холмов извилистая дорога, и по ней, торопясь домой, деловитым жуком пробирается одинокий автомобиль...

— Во чума! — послышался сзади крик Рона. Должно быть, подумал Гарри, и впрямь чума, когда летишь на такой высоте будто сам по себе...

Спустились сумерки. Небо, поблекнув, сделалось светло-фиолетовым, и на нем зажглись серебряные точечки звезд. Вскоре лишь по огням мугловых городов можно было понять, на какой высоте летят тестралы и с какой скоростью перемещаются. Гарри цепко держался за шею своего коня, мысленно понуждая его лететь еще быстрее. Сколько уже прошло времени? Сколько еще Сириус сможет сопротивляться Вольдеморту? Наверняка Гарри знал только одно: крестный пока не сделал того, к чему его принуждают, и его пока не убили — иначе Гарри почувствовал бы гнев или ликование Вольдеморта; шрам пронзила бы такая же невыносимая боль, как при нападении на мистера Уизли.

Тьма сгущалась, а они всё летели; лицо онемело от холода, ноги, сжимавшие бока тестраля, затекли, но Гарри, боясь соскользнуть, не осмеливался пошевелиться... Он почти оглох от свиста в ушах; рот пересох и заледенел от холодного ветра... Он не знал, где они и

сколько уже летят; он просто доверился животному, которое, редко взмахивая кожистыми крыльями, неуклонно таранило черноту ночи.

Что, если они опоздали...

Нет, он еще жив, он борется, я чувствую...

Вдруг Вольдеморт решил, что Сириуса не сломить...

Я бы понял...

В животе екнуло: тестраль внезапно пошел на снижение, и Гарри немного соскользнул вниз по его шее. Наконец-то... Гарри показалось, что за спиной кто-то вскрикнул. Он рискованно обернулся... вроде никто не упал... видимо, спуск явился неожиданностью для всех, а не только для него...

Ярко-оранжевые городские огни разрастались; проступили крыши, вереницы фар, похожие на глаза насекомых, бледно-желтые прямоугольники окон. Как-то вдруг показалась мостовая, тестрали спикировали; Гарри из последних сил вцепился в грибу, готовясь к удару, но конь опустился на тротуар легко, точно призрак. Гарри спешился и огляделся. Все как раньше: переполненный мусорный бак и телефонная будка, бесцветные в тусклом оранжевом свете уличных фонарей.

Рон приземлился в двух шагах от Гарри и немедленно скатился с тестраля на тротуар.

– Больше никогда в жизни, – заявил он, с усилием поднялся на ноги и хотел как можно скорее отойти от животного, но, поскольку его не видел, наткнулся на круп и едва не упал снова. – Ни за что... ничего ужаснее никогда...

По обе стороны от него опустились Гермиона и Джинни. Они слезли ловчее Рона, но с тем же невероятным облегчением – как приятно вновь ощутить твердую почву под ногами! Невилл спрыгнул на землю, дрожа всем телом; Луна сошла вполне грациозно.

– А теперь куда? – с вежливым интересом спросила она у Гарри, словно они приехали на экскурсию.

– Сюда, – сказал он, благодарно погладил своего тестраля, кинулся к телефонной будке и открыл дверь. – Давайте же! – крикнул он остальным, заметив их нерешительность.

Рон и Джинни послушно вошли; Гермиона, Невилл и Луна втиснулись следом. Гарри бросил последний взгляд на тестралей. Те

рылись в мусорном баке, выискивая тухлятину. Гарри вслед за Луной влез в телефонную будку.

– Кто там ближе всех, наберите шесть два четыре четыре два! – велел он.

Рон причудливо изогнул руку и набрал номер; когда диск, потрещав, остановился, в будке зазвучал ровный женский голос:

– Добро пожаловать в министерство магии. Будьте добры, назовите ваши имена и цель визита.

– Гарри Поттер, Рон Уизли, Гермиона Грейндженер, – быстро заговорил Гарри, – Джинни Уизли, Невилл Лонгботтом, Луна Лавгуд... Мы пришли спасти кое-кому жизнь, если ваше министерство не успеет сделать это раньше!

– Спасибо, – сказал женский голос. – Посетители, возьмите гостевые значки и прикрепите их к своим мантиям.

Из желобка для возврата монет выссыпались шесть значков; Гермиона схватила их и через голову Джинни молча передала Гарри. Он взглянул на верхний: «Гарри Поттер, спасательная операция».

– Посетители, вы должны пройти проверку и зарегистрировать волшебные палочки у стойки службы безопасности, расположенной в дальнем конце атриума.

– Хорошо! – рявкнул Гарри. Шрам снова пронзила боль. – Может, уже *поедем*?

Пол задрожал, тротуар за окнами пополз вверх; тестрали, пожирающие отбросы, постепенно исчезали из виду. Вскоре тьма сомкнулась над головами, и будка с глухим дребежжанием погрузилась в недра министерства магии.

Потом в ноги ударил тонкий золотой лучик и, постепенно расширяясь, залил всю кабину. Гарри напружинился, взял палочку на изготовку – насколько позволяла теснота – и внимательно смотрел в окно: может, кто-то поджидаeт их в атриуме. Но в атриуме никого не было. Вестибюль был освещен не так ярко, как днем; в каминах вдоль стен не горел огонь, но по темно-синему потолку волнами пробегали золотые символы – Гарри увидел это, едва остановился лифт.

– Министерство магии желает вам приятного вечера, – произнес женский голос.

Дверь распахнулась; из будки вывалился Гарри, потом Невилл и Луна. В атриуме было тихо, лишь ровно шумела вода в золотом

фонтане: из волшебных палочек колдуна и ведьмы, из стрелы кентавра, кончика шляпы гоблина и ушей домового эльфа исправно били мощные струи.

– Пошли, – тихо сказал Гарри, и остальные пятеро следом за ним побежали через атриум. У стойки, где в прошлый раз охранник взвешивал палочку Гарри, никого не было.

Отсутствие охранника показалось Гарри недобрым знаком, и дурные предчувствия только обострились. Ребята прошли сквозь золотые ворота к лифтам, и Гарри нажал ближайшую кнопку «вниз». Лифт пригромыхал почти сразу, золотые решетки разъехались с громким лязгом, эхом отразившимся от стен. Ребята кинулись в кабину. Гарри ткнул кнопку «9» – решетки с грохотом закрылись, и лифт дребезжа пошел вниз. Когда они были здесь с мистером Уизли, Гарри не заметил, до чего они шумные, эти лифты; такой грохот вспокоит всех охранников в здании! Однако, когда лифт остановился, женский голос невозмутимо объявил: «Департамент тайн». Решетки открылись. Ребята вышли в коридор, где все было абсолютно неподвижно, лишь колыхалось пламя факелов, потревоженное движением воздуха.

Гарри повернулся к черной двери. Столько месяцев он видел ее во сне – и вот он здесь наяву.

– Туда, – шепнул он и повел всех по коридору. Луна шла за ним по пятам и озиралась, чуть приоткрыв рот. – Слушайте, – сказал Гарри, останавливаясь футах в шести от двери. – Наверно… кто-то должен остаться здесь… на часах, и…

– Да? А как мы подадим сигнал тревоги? – спросила Джинни, критически подняв брови. – Ты же можешь далеко уйти.

– Мы с тобой, Гарри, – объявил Невилл.

– Вот и пошли, – твердо сказал Рон.

Гарри ужасно не хотелось брать с собой всех, но, кажется, выбора не было. Он направился к двери… она, совсем как во сне, распахнулась… он переступил порог. Остальные последовали за ним.

Они оказались в большом круглом зале. Все здесь было черное, в том числе пол и потолок; в черной стене через равные интервалы располагались одинаковые черные двери без ручек; между ними висели канделябры. Холодное голубое мерцание свечей отражалось в блестящем мраморном полу, и казалось, будто под ногами темная вода.

– Закройте кто-нибудь дверь, – пробормотал Гарри.

И пожалел о своей просьбе, едва Невилл ее выполнил. Без света из коридора стало очень темно – было видно только мерцающие голубые островки на стенах и их призрачное отражение в полу.

Во сне Гарри очень целеустремленно проходил через эту комнату к двери напротив и шел дальше. Но дверей здесь было около дюжины. И, пока Гарри решал, куда идти, что-то загрохотало, и канделябры поползли вбок. Стены зала начали вращаться.

Гермиона схватила Гарри за руку, видимо, испугавшись, что пол тоже может поехать, но пол не двинулся. Стены вращались несколько секунд, голубые островки пламени превратились в размытую полосу, похожую на неоновую трубку. Так же внезапно грохот стих, и все вокруг замерло.

Перед глазами Гарри продолжала гореть голубая полоса, а больше он пока ничего не видел.

– Что это было? – испуганно прошептал Рон.

– Это, наверно, чтобы мы не знали, откуда пришли, – тихонько ответила Джинни.

Гарри сразу понял, что она права: легче было найти муравья на абсолютно черном полу, чем сказать, откуда они вошли и какую из двенадцати дверей теперь выбрать.

– И как мы попадем обратно? – со страхом спросил Невилл.

– Сейчас это не важно, – с напором сказал Гарри, крепко сжимая палочку и моргая, чтобы избавиться от голубой полосы перед глазами, – когда найдем Сириуса, тогда и подумаем…

– Ты, главное, не зови его громко! – поспешила посоветовать Гермиона; впрочем, это было излишне – инстинкт и так подсказывал Гарри, что нужно держаться как можно тише.

– Куда пойдем? – спросил Рон.

– Я не… – начал Гарри и сглотнул. – Во сне я шел от лифта через дверь в конце коридора в черную комнату – вот эту, – потом в другую дверь и в комнату, где все… мерцает. Надо заглянуть во все двери, – лихорадочно пробормотал он, – я сразу пойму. Пошли.

Он решительно шагнул к ближайшей двери, – остальные толпились за спиной, – выставил палочку и толкнул прохладную блестящую дверь.

Она распахнулась.

После черноты круглого зала показалось, что лампы, свисающие на золотых цепях с потолка длинной прямоугольной комнаты, испускают прямо-таки ослепительное сияние – но не мерцающий свет, который Гарри видел во сне. Здесь ничего не было, кроме нескольких столов, а в центре стоял стеклянный резервуар с темно-зеленой жидкостью, такой огромный, что они все вместе могли бы поплавать там, как в бассейне. Внутри лениво скользили какие-то перламутрово-белые штуки.

– Что это? – шепотом спросил Рон.
– Не знаю, – отозвался Гарри.
– Это рыбы? – выдохнула Джинни.
– Аквачервиусы! – возбужденно воскликнула Луна. – Папа говорил, в министерстве их разводят...

– Нет, – возразила Гермиона. Ее голос прозвучал странно. Она подошла к огромному аквариуму и всмотрелась. – Это мозги.

– *Мозги?*
– Да... Интересно, что тут с ними делают?
Гарри подошел ближе, и сомнения рассеялись. Загадочно поблескивая, мозги то появлялись из зеленых глубин, то снова исчезали; походили они на склизкие кочаны цветной капусты.
– Пошли отсюда, – пробормотал Гарри. – Это не то, надо попробовать другую дверь.

– А здесь тоже есть двери. – Рон обвел комнату рукой.
Сердце Гарри упало – сколько же тут всего комнат?
– Во сне я шел через черную комнату в следующую, – сказал он. – По-моему, надо вернуться и попробовать оттуда.

Они поспешили назад в круглый зал. Перед глазами у Гарри вместо неоновых трубок теперь плавали белесые мозги.

– Подожди! – резко окликнула Гермиона Луну, которая хотела закрыть дверь в комнату с мозгами. – Флаграте!

Она взмахнула палочкой, и на двери появился огненный крест. Как только дверь, щелкнув, закрылась, стены очень быстро с громыханием завращались, но теперь на голубоватой полосе проступало большое красно-золотое пятно. Потом вращение прекратилось, и пятно опять превратилось в крест на двери, откуда они только что вышли.

– Ловко придумано, – одобрил Гарри. – Ладно, попробуем вот эту...

Он прошел к двери напротив и открыл ее, выставив палочку. Друзья настороженно замерли у него за спиной.

Прямоугольная, тускло освещенная комната оказалась больше предыдущей. Она напоминала каменную яму: до пола футов двадцать, а по периметру, крутые каменные ступени, больше похожие на скамьи. Ребята очутились на самом верхнем ярусе некоего амфитеатра, похожего на судебный зал, где заседал Мудрейх. Но внизу вместо кресла с цепями стоял каменный помост, а на нем – каменная арка, древняя, растрескавшаяся, осыпающаяся. Непонятно, как она до сих пор не обрушилась... Стены к ней не прилагалось; проем был завешен ветхой черной тканью, которая, несмотря на абсолютную неподвижность воздуха, чуть заметно трепетала, словно мгновение назад ее задели.

– Кто там?! – крикнул Гарри, спрыгивая на ступень ниже. Никто не ответил, но ткань продолжала покачиваться.

– Осторожнее! – шепнула Гермиона.

Гарри, скамья за скамьей, слез и направился к помосту. Его шаги гулко отдавались в тишине. Снизу остроугольная арка казалась много выше, чем от двери. Ткань мягко колыхалась, точно сквозь арку только что кто-то прошел.

– Сириус? – снова спросил Гарри, теперь намного тише.

Им овладело очень странное чувство: за тканью, с той стороны арки, как будто кто-то стоит. Сжимая волшебную палочку, он осторожно обошел помост и заглянул за арку, но там никого не было; он увидел лишь изнанку ветхой занавеси.

– Пойдем, – позвала Гермиона. Она остановилась на полпути вниз. – Это не то, Гарри, пошли дальше.

Она, похоже, испугалась, и гораздо сильнее, чем в комнате с мозгами, но внимание Гарри было приковано к арке – какая красивая, хоть и древняя. Трепетание ткани интриговало; подмывало взобраться на помост и пройти сквозь арку.

– Гарри, пойдем, пожалуйста, – настойчивее позвала Гермиона.

– Пойдем, – согласился он, но не двинулся с места. Ему что-то послышалось. Из-за занавеси доносился слабый шепот, невнятное бормотание. – Что вы говорите? – очень громко спросил он, и его слова эхом разнеслись по залу.

– Никто ничего не говорит, Гарри! – воскликнула Гермиона и направилась к нему.

– Там кто-то шепчет, – сказал он, шагнул прочь от Гермионы и, нахмурившись, поглядел на ткань. – Это ты, Рон?

– Я здесь, дружище, – отозвался Рон, появляясь из-за арки.

– Кто-нибудь еще слышит? – спросил Гарри. Шепот, бормотание стали громче; Гарри вроде бы и не собирался забираться на помост, но уже поставил ногу.

– Я слышу, – тихо откликнулась Луна, подходя из-за арки и не отрывая взгляда от занавеси. – Там внутри люди!

– Что значит «внутри»?! – крикнула Гермиона и спрыгнула с нижней ступени на пол. Она сердилась – непонятно, чего это она вдруг. – Там нет никакого «внутри», это обычная арка, внутри никто не поместится. Гарри, прекрати, отойди…

Она схватила его за руку и потянула, но он воспротивился.

– Гарри, мы пришли спасать Сириуса! – тонким, напряженным голосом напомнила она.

– Сириуса, – медленно повторил Гарри, завороженно глядя на непрерывно колышущуюся ткань. – Да…

Потом наконец в голове что-то встало на место: *Сириус* – схвачен, связан, его пытают, а он тут уставился на какую-то арку…

Он отступил от помоста и заставил себя оторвать взгляд от занавеси.

– Пошли, – сказал он.

– Я тебе об этом уже битый… ладно, не важно, пошли! – воскликнула Гермиона и первой зашагала обратно вокруг помоста. Невилл и Джинни тоже глядели на занавесь как заколдованные. Гермиона молча взяла за руку Джинни, а Рон – Невилла, и решительно потащили их вверх по ступеням к двери.

– Как думаешь, что это за арка? – спросил Гарри у Гермионы, когда они вернулись в круглую комнату.

– Не знаю, но она опасна, – твердо ответила Гермиона, помечая дверь крестом.

Стена опять провернулась и остановилась. Гарри наугад толкнул следующую дверь. Она не подалась.

– В чем дело? – спросила Гермиона.

– Заперто… – ответил Гарри и навалился, но дверь не шелохнулась.

– Значит, это та самая! – в волнении воскликнул Рон и стал вместе с Гарри биться в дверь. – Наверняка!

– Отойдите! – резко приказала Гермиона. Она навела палочку на то место, где у обычной двери был бы замок, и сказала: – Алохомора!

Ничего не произошло.

– Нож Сириуса! – вспомнил Гарри и, достав его из внутреннего кармана, вставил в щель между дверью и стеной. Все с надеждой наблюдали. Гарри провел лезвием сверху вниз, вытащил и плечом надавил на дверь. Та не шелохнулась. Более того, лезвие ножа, оказывается, расплавилось.

– Тогда эту дверь оставляем, – решительно заявила Гермиона.

– А если это именно та? – Рон взирал на дверь в тревоге и любопытстве.

– Не может быть, во сне Гарри легко проходил через все двери, – ответила Гермиона, помечая отвергнутое помещение огненным крестом.

Гарри положил в карман бесполезную рукоять ножа.

– Знаете, что там может быть? – с энтузиазмом спросила Луна, когда стена снова завращалась.

– Не иначе что-то балабольное, – буркнула Гермиона. Невилл нервно хохотнул.

Стена остановилась. Гарри, уже теряя надежду, толкнул еще одну дверь:

– Вот она!

Он сразу узнал прекрасные, танцующие, алмазами искрящиеся блики. Потом глаза привыкли к ослепительному блеску, и он увидел часы, множество часов, больших, маленьких, напольных, дорожных… Они висели между книжными шкафами, стояли на столах вдоль всей комнаты, и пространство полнилось безостановочным деловитым тиканьем, напоминавшим маршировку тысяч миниатюрных ножек. Источником алмазного мерцания оказался высокий хрустальный колпак у дальней стены.

– Сюда!

Сердце Гарри отчаянно забилось: теперь они на верном пути. Он первым бросился по узкому проходу между столами, направляясь к источнику света, как и во сне, к хрустальному колпаку, который был не ниже его самого и стоял на столе. Внутри, искрясь, клубился вихрь.

— Ой, смотрите! — воскликнула Джинни, когда они подошли ближе.

Воздушный поток нес вверх крошечное блестящее яйцо. Вскоре яйцо раскололось, из него вылетела колибри, ее вознесло до самого верха, потом ветер повлек птичку вниз, обтрепывая перья, и на дне колибри была снова заключена в скорлупу.

— Пошли! — прикрикнул Гарри на застрявшую Джинни — ей явно хотелось посмотреть, как яйцо опять станет птичкой.

— Ты сам неизвестно сколько торчал у той арки! — огрызнулась Джинни, но пошла за ним к единственной двери позади хрустального колпака.

— Это здесь, — сказал Гарри. Его сердце колотилось так, что перехватывало дыхание. — Сюда...

Он оглянулся на своих товарищей. Те, внезапно посеревшие и напряглись, доставали палочки. Гарри повернулся к двери, толкнул. Она распахнулась.

Это он, тот самый зал: высокий, как собор. Повсюду стеллажи с пыльными стеклянными шарами. Шары посверкивают в свете канделябров. Свечи, как и в круглой комнате, горят голубым. Очень холодно.

Гарри опасливо прошел вперед и взгляделся в проход между двумя рядами. Ничего подозрительного.

— Ты сказал, ряд девяносто семь, — прошептала Гермиона.

— Да, — еле слышно отозвался Гарри и всмотрелся в даль: в конце ряда, под канделябром, мерцал серебром выпуклый номер: пятьдесят три.

— Думаю, нам направо, — шепнула Гермиона и, прищурившись, поглядела в конец следующего ряда. — Да... там пятьдесят четвертый...

— Держите палочки наготове, — тихо приказал Гарри.

Поминутно оглядываясь, они краудучись пошли мимо бесконечной череды стеллажей, уходивших куда-то вдаль, в почти кромешную темноту. Под каждым шаром была крохотная желтоватая наклейка; в одних шарах блестело что-то непонятное, водянистое; другие, темные и тусклые, напоминали перегоревшие электрические лампочки.

Ряд восемьдесят четыре... восемьдесят пять... Гарри ловил малейшие шорохи, но, может быть, у Сириуса во рту кляп, или он без сознания... или, сказал непрошеный голос в голове, *он уже мертв...*

Я бы почувствовал, — сам себе ответил Гарри, и его сердце, подпрыгнув, забилось в горле, — *я бы знал...*

— Девяносто семь! — прошептала Гермиона.

Они сгрудились у девяносто седьмого ряда, всматриваясь в даль. Там никого не было.

— Он в самом конце, — сказал Гарри. У него пересохло во рту. — Отсюда не видно как следует.

И повел свою команду между высоченными стеллажами. Некоторые стеклянные шары тускло поблескивали...

— Он где-то здесь, — шептал Гарри. Он был убежден, что с каждым шагом приближается к Сириусу, вот-вот увидит на полу бесформенный силуэт. — Сейчас... скоро...

— Гарри? — робко позвала Гермиона. Но он не хотел отвечать. Во рту было очень сухо.

— Где-то здесь... рядом... — пробормотал он.

Они достигли конца прохода и снова вышли на свет, под призрачное мерцание свечей. Пусто. Пыльная, гулкая тишина.

— Он, наверно... — хрипло зашептал Гарри, заглядывая в соседний проход. — Или нет... — Он побежал к следующему, заглянул и туда.

— Гарри? — еще раз позвала Гермиона.

— Что?! — рявкнул он.

— По-моему... Сириуса здесь нет.

Остальные молчали. Гарри избегал их взглядов. Его тошнило. Он не понимал, куда делся Сириус. Он должен быть здесь. Ровно здесь Гарри его видел...

Он пробежал вдоль стены, заглядывая в проходы. Пусто, пусто. Гарри побежал обратно, мимо своих товарищей, молча проводивших его взглядами. Сириуса нигде нет, не видно и следов борьбы.

— Гарри?! — крикнул Рон.

— Что?

Гарри не желал слушать Рона; не хотел признавать, что сгупил и надо возвращаться в «Хогварц». Кровь бросилась в голову; он готов был бегать туда-сюда сколько угодно, лишь бы не подниматься в ярко освещенный атриум и не различать немого укора на лицах друзей...

– Ты видел? – спросил Рон.

– Что? – повторил Гарри, на этот раз пылко, с надеждой: наверно, Рон заметил какой-то знак, улику, подсказку.

Гарри вернулся к остальным, к девяносто седьмому ряду, но не обнаружил ничего нового. Рон пристально смотрел на один из пыльных шаров.

– Что? – мрачно спросил Гарри.

– Смотри... здесь твое имя, – сказал Рон.

Гарри подошел ближе. Шар, на который показывал Рон, светился изнутри, хотя был покрыт вековой пылью. Очевидно, что к нему много-много лет никто не прикасался.

– Мое имя? – не понял Гарри.

И приблизился еще на шаг. Он был ниже Рона, и, чтобы прочитать наклейку, ему пришлось вытянуть шею. На желтоватой бумажке витиеватым почерком была проставлена дата – около шестнадцати лет назад – а далее значилось:

C. P. T. – A. P. B. D.

Черный Лорд

и (?)Гарри Поттер

Гарри вытаращился.

– Что это? – занервничал Рон. – Почему?

Он поглядел на наклейки под другими шарами на полке и недоуменно проговорил:

– Меня тут нет. И никого из нас тоже.

Гарри потянулся к шару, но Гермиона резко окрикнула:

– Гарри, по-моему, не надо это трогать!

– Почему? – спросил он. – Это же касается меня.

– Не надо, Гарри, – неожиданно сказал Невилл. Гарри обернулся. В блестящем от пота лице Невилла ясно читалось, что бедняга уже не в силах выносить всю эту гнетущую таинственность.

– Тут мое имя, – возразил Гарри.

И, вдруг преисполнившись бесшабашной решимости, сомкнул пальцы на пыльной поверхности шара. Он ждал холода, но ошибся: шар как будто часами лежал на солнце. Может быть, его подогревал внутренний свет? Гарри предчувствовал – точнее, надеялся, – что

сейчас произойдет нечто необычайное, такое, что послужит оправданием длинному и опасному путешествию. Он снял шар с полки.

Однако ничего не случилось. Остальные столпились вокруг и тоже уставились на шар. Гарри смахнул с него пыль.

И тут сзади раздался протяжный голос:

– Молодец, Поттер. А теперь медленно и осторожно обернись и отдай его мне.

Глава тридцать пятая

За завесой

Отовсюду, и справа и слева, отрезая пути к отступлению, надвигались черные тени. Сквозь прорези в капюшонах страшно горели глаза. Сияющиеся волшебные палочки целили остриями в сердца ребят. Джинни хрипло ахнула в ужасе.

— Мне, Поттер, — повторил тягучий голос. Люциус Малfoy протянул ладонь.

У Гарри внутри все оборвалось: попались! Они в ловушке, и врагов вдвое больше, чем их самих.

— Мне, — еще раз сказал Малfoy.

— Где Сириус?! — крикнул Гарри.

Кто-то из Упивающихся Смертью засмеялся; одна из черных фигур слева от Гарри жестоко, торжествующе воскликнула женским голосом:

— Черный Лорд всегда прав!

— Всегда, — тихим эхом отозвался Малfoy. — Ну же, отдай пророчество, Поттер.

— Я хочу знать, где Сириус!

— Я хочу знать, где Сириус! — передразнила женщина.

Она и другие Упивающиеся Смертью шагнули ближе — до них оставались считанные футы. Свет их палочек слепил глаза.

— Он у вас, — заявил Гарри, подавляя панику, поднимающуюся в груди, ужас, накативший, едва они вошли в проход девяносто семь. — Он здесь. Я знаю, что здесь.

— Маенький майсик увидей космай и подумай, сто это павда, — чудовищно засююкала женщина. Гарри почувствовал, как дернулся Рон.

— Ничего пока не делай, — пробормотал Гарри, — пока не надо...

Женщина, которая передразнивала его, разразилась отвратительным хохотом.

— Вы слышали? Слышали? Раздает приказания детишкам! Они будут с нами воевать!

– О, ты плохо знаешь Поттера, Беллатрикс, – вкрадчиво проговорил Малфой. – Он у нас *герой*; Черный Лорд умело на этом сыграл. Отдай пророчество, Поттер.

– Я знаю, что Сириус где-то здесь, – с трудом выговорил Гарри – от ужаса перехватывало дыхание. – Я знаю, он у вас!

Упивающиеся Смертью захочотали, и женщина громче всех.

– Пора бы уже понять разницу между сном и явью, Поттер, – изрек Малфой. – Отдай наконец пророчество, или нам придется применить палочки.

– Пожалуйста. – Гарри выставил собственную палочку. В тот же миг по обе стороны от него взметнулись палочки Рона, Гермионы, Невилла, Джинни и Луны. Сердце Гарри сжалось еще мучительнее: если Сириуса здесь нет, его друзья погибнут ни за что, и их смерть будет на его совести...

Но Упивающиеся Смертью не стали посыпать заклятий.

– Отдай пророчество, и никто не пострадает, – хладнокровно объявил Малфой.

Настала очередь Гарри смеяться:

– Ага, конечно! Я отдаю вам это – пророчество, да? И что – вы отпустите нас домой?

Он еще не договорил, когда женщина пронзительно закричала:

– Акцио проро!..

Но Гарри был к этому готов – опередив ее, он выпалил:

– Протего! – и пусть кончиками пальцев, но все-таки удержал стеклянный шар.

– Оказывается, шалунишка Поттер умеет играть! – процедила женщина, сверкнув безумными глазами из прорезей капюшона. – Превосходно... Раз так...

– Я ЖЕ СКАЗАЛ, НЕТ! – взревел Малфой. – Вдруг разобьешь!..

Гарри лихорадочно соображал, как поступить. Упивающимся Смертью нужен пыльный шар. А ему, Гарри, нет до стекляшки никакого дела. Зато он хочет вытащить друзей из этой передряги живыми – они не должны так дорого платить за его глупость...

Женщина шагнула вперед и стянула с головы капюшон. В Азкабане лицо Беллатрикс Лестранж превратилось в обтянутый кожей череп, но сейчас оно горело фанатичным огнем.

— Тебя нужно уговорить? — пробормотала она. Ее грудь лихорадочно вздымалась. — Хорошо... Взять самую младшую, — приказала Беллатрикс. — Пусть полюбуется, как мы ее пытаем. Я сама займусь.

Гарри почувствовал, что его друзья придвинулись к Джинни, шагнул вбок и тоже загородил ее собой, прижимая к груди пророчество.

— Атакуете — разобьете вот это, — сказал он Беллатрикс. — Вряд ли ваш босс будет доволен, если останется без пророчества.

Она не шевелилась, лишь смотрела на него, кончиком языка облизывая тонкие губы.

— А вообще, что это за пророчество за такое, а? — непринужденно поинтересовался Гарри.

Он не знал, как быть, и болтал, что на ум взбредет. Невилл стоял совсем рядом; Гарри чувствовал, как тот дрожит; затылком ощущал чье-то учащенное дыхание. Он очень надеялся, что друзья тоже стараются придумать, как спастись, — у него в голове было пусто.

— Что за пророчество? — повторила Беллатрикс, и улыбка сошла с ее лица. — Шутишь, Поттер?

— Нет, не шучу. — Гарри шнырял глазами, выискивая слабое звено в кольце Упивающихся Смертью, способ выкрутиться. — Зачем оно понадобилось Вольдеморту?

Упивающиеся Смертью зашипели.

— Ты смеешь произносить его имя? — прошептала Беллатрикс.

— Да, — подтвердил Гарри. Он крепко держал шар, готовясь к следующему нападению. — Без проблем. Я совершенно спокойно могу сказать: Воль...

— Заткни свой грязный рот! — завопила Беллатрикс. — Не смей осквернять святое имя своими недостойными губами, своим поганым языком, ты, мерзкий полукровка...

— А вы в курсе, что и он тоже полукровка? — дерзко спросил Гарри. Гермиона тихо застонала. — Вольдеморт? Его мать была ведьмой, но отец-то — мугл... Или он вам наврал, что чистокровный?

— Обомр...

— НЕТ!

Из волшебной палочки Беллатрикс Лестранж полетел красный луч, но Малфой сбил его; отшатнувшись, Беллатрикс задела стеллаж рядом

с Гарри. Два стеклянных шара упали и разбились.

Над осколками поднялись два перламутрово-белых, текучих как дым привидения и заговорили хором; голоса сплетались, и слова доносились урывками, тем более что Малфой и Беллатрикс Лестранж громко орали друг на друга.

— ...в день солнцестояния придет новый... — вещал бородатый старик.

— АТАКОВАТЬ НЕЛЬЗЯ! НАМ НУЖНО ПРОРОЧЕСТВО!

— Он осмелился... он осмелился... — бессвязно верещала Беллатрикс, — мне в лицо... проклятый полукровка...

— ПОДОЖДИ, ПОКА МЫ ПОЛУЧИМ ПРОРОЧЕСТВО! — ревел Малфой.

— ...и никто не придет после... — сообщила призрачная девушка.

Белесые фигуры растаяли в воздухе. От их былых обиталищ не осталось ничего, кроме осколков стекла. Зато они подали Гарри одну мысль. Но как поделиться ею с остальными?

— Вы так и не объяснили, что такого особенного в этом пророчестве, которое я вам якобы должен отдать, — сказал он, выигрывая время, и незаметно отвел ногу в сторону, пытаясь нашупать кого-нибудь.

— Оставь свои игры, Поттер, — велел Малфой.

— Это никакие не игры, — ответил Гарри. Половина сознания была сосредоточена на поддержании разговора, другая — на блуждающей ноге. Ему попалась чья-то ступня, он с силой надавил и по резкому вздоху понял, что это Гермиона.

— Что? — шепнула она.

— Неужели Думбльдор не говорил, что здесь, в департаменте, скрывается тайна твоего шрама? — насмешливо бросил Малфой.

— Тайна... чего? — переспросил Гарри и на миг позабыл о своем плане. — При чем тут шрам?

— Чем? — шепнула Гермиона настойчивее.

— Может ли такое быть?! — со злобным воодушевлением воскликнул Малфой.

Кто-то из Упивающихся Смертью опять рассмеялся, и Гарри под шумок прошипел Гермионе:

— Валите стеллажи...

– Думбльдор тебе не сказал? – повторил Малфой. – Что ж, это объясняет, почему ты не пришел раньше, Поттер, Черный Лорд никак не мог понять, отчего...

– ...по команде «давай!»...

– ...ты не примчался сразу, как только он показал тебе это место во сне. Черный Лорд полагал, что, повинуясь естественному любопытству, ты захочешь услышать дословно...

– Вот как, он полагал? – рассеянно пробормотал Гарри. Он даже не слышал, а скорее чувствовал спиной, как Гермиона передает его приказ остальным. Нужно во что бы то ни стало продолжать разговаривать, о чем угодно, лишь бы отвлечь Упивающихся Смертью. – Так он хотел, чтобы я пришел и взял пророчество? Зачем?

– *Зачем?* – В голосе Малфоя прозвучало ликующее удивление. – Затем, что забирать пророчества из департамента тайн, Поттер, дозволено лишь тем, кого они непосредственно касаются, – в чем лично убедился Черный Лорд, когда поручил его выкрасть.

– Зачем ему красть пророчество про меня?

– Про вас обоих, Поттер, про вас обоих... Тебя никогда не интересовало, почему Черный Лорд пытался убить тебя во младенчестве?

Гарри задумчиво посмотрел в стальные глаза Малфоя, сверкавшие сквозь прорези капюшона. Пророчество – причина гибели родителей? Появления шрама, похожего на молнию? У него в руке – ответ на все вопросы?

– Значит, обо мне и Вольдеморте было сделано пророчество? – тихо проговорил он, пристально глядя на Люциуса Малфоя и крепче сжимая шершавый от пыли, теплый шар чуть больше Проныры. – И Вольдеморт заставил меня прийти и его взять? А сам он не мог?

– Сам? – пронзительно вскрикнула Беллатрикс Лестранж и захочотала как безумная. – Черный Лорд? Явиться в министерство магии, которое столь любезно не замечает его возвращения? Отдаться в руки авроров, которые пока что без толку тратят время на моего драгоценного кузена?

– То есть сейчас вы делаете за него грязную работу? – спросил Гарри. – Как Стурджис, которого он подослал выкрасть пророчество?.. Как Дод?

– Умница, Поттер, сообразил… – прощедил Малфой. – Впрочем, Черному Лорду известно, что ты не лишен интел…

– ДАВАЙ! – заорал Гарри.

Пять голосов за его спиной закричали: «РЕДУКТО!» Пять заклятий полетели в разные стороны и ударили по стеллажам. Все вокруг взорвалось; высоченные стеллажи закачались – сотни стеклянных шаров стали лопаться, отовсюду взметались перламутровые фигуры, плавали в воздухе, и их голоса – эхо невесть какого далекого прошлого – сливались со звоном бьющегося стекла, с оглушительным треском дерева, грохотом обломков, что посыпались сверху градом…

Стеллажи закачались сильнее, посыпались новые пророчества.

– БЕЖИМ! – завопил Гарри. Одной рукой он схватил Гермиону за мантию и потащил за собой, другой прикрыл голову. Какой-то Упивающийся Смертью, возникнув из облака пыли, бросился на них, но Гарри со всей силы саданул локтем по закрытому маской лицу. Все кругом вопили, стонали от боли; стеллажи, обрушиваясь друг на друга, страшно грохотали; в какофонии из стеклянных жилищ вырывались обрывки призрачных пророчеств…

Путь оказался свободен. Мимо Гарри, тоже прикрывая головы руками, пронеслись Рон, Джинни и Луна. Что-то сильно ударило Гарри по щеке, но он лишь мотнул головой и бросился за друзьями; чья-то рука схватила его за плечо; раздался крик Гермионы: «Обомри!» Рука сразу разжалась…

Они находились в конце девяносто седьмого ряда; Гарри свернул направо и припустил со всех ног; прямо за спиной слышался топот и голос Гермионы, подгонявшей Невилла. Показалась дверь, в которую они вошли; она была приоткрыта, и Гарри видел мерцание хрустального колпака. Он перелетел через порог и, сжимая в руке пророчество, остановился подождать друзей. Те выскочили, захлопнули за собой дверь…

– Коллопортус! – выдохнула Гермиона, и дверь запечаталась, странно хлюпнув.

– А где… остальные? – задыхаясь, спросил Гарри.

Он думал, что Рон, Луна и Джинни ждут здесь, ведь они убежали первыми, но в комнате было пусто.

– Они, наверно, побежали не в ту сторону! – в ужасе прошептала Гермиона.

– Слушайте! – шепнул Невилл.

Из-за запечатанной двери неслись крики, топот; Гарри приложил к ней ухо и услышал громкие распоряжения Малфоя:

– Оставь Нотта, оставь, я сказал... что Черному Лорду его раны, если мы упустим пророчество! Зексон, вернись, надо договориться! Разделимся на пары – и не забудьте, осторожнее с Поттером, пока не получим пророчество! Остальных убить, если надо... Беллатрикс, Родольф, налево; Краббе, Рабастан – направо; Зексон, Долохов, передняя дверь; Макнейр и Эйвери, сюда; Гадвуд, туда; Мульцибер, со мной!

– Что делать? – дрожа всем телом, в панике спросила Гермиона у Гарри.

– Для начала, не стоять как пни, дожидаясь, пока нас найдут, – ответил Гарри. – Давайте-ка убираться отсюда.

Страяясь ступать как можно тише, они мимо хрустального колпака, где то вылуплялась, то скрывалась в яйце птичка, побежали через комнату к выходу в круглый зал. Почти на пороге Гарри услышал, как в дверь, запечатанную заклятием Гермионы, ломится кто-то большой и тяжелый.

– Отойди! – выкрикнул грубый голос. – Алохомора!

Дверь распахнулась. Гарри, Гермиона и Невилл нырнули под столы. Оттуда им было видно, как приближаются подолы мантий двух врагов и быстро мелькают ноги.

– Наверно, в холл побежали, – сказал грубый голос.

– Проверь под столами, – посоветовал другой.

Гарри увидел чьи-то сгибающиеся колени; он выставил из-под стола палочку и крикнул:

– ОБОМРИ!

Красный луч удариł ближнего Упивающегося Смертью; тот отлетел и повалил огромные напольные часы. Но второй успел отпрянуть, и проклятье Гарри его не задело; враг стоял, направляя палочку на Гермиону – та, чтобы лучше прицелиться, осторожно выползала из-под стола...

– Авада...

Гарри бросился на него и обхватил за колени; Упивающийся Смертью упал, и его проклятье полетело в сторону. Невилл, спеша на

помощь, опрокинул стол, после чего, дико ткнув палочкой в борющуюся пару, выкрикнул:

– ЭКСПЕЛЛИАРМУС!

Палочки, выскользнув из рук Гарри и его соперника, полетели к входу в Зал Пророчеств; оба вскочили и ринулись догонять свое оружие. Упивающийся Смертью бежал первым, Гарри – по пятам; за ними – Невилл, в полнейшем ужасе от того, что натворил.

– Отойди, Гарри! – заорал Невилл, очевидно, решив исправить ошибку.

Гарри отпрыгнул. Невилл прицелился и крикнул:

– ОБОМРИ!

Красный луч, просвистев над плечом Упивающегося Смертью, попал в шкаф со стеклянными дверцами, забитый песочными часами всех форм и размеров. Шкаф упал, разбился, во все стороны разбросав часы, потом собрался по кускам, как ни в чем не бывало встал у стены, опять упал…

Упивающийся Смертью схватил с полу свою палочку, валявшуюся у мерцающего хрустального колпака, обернулся, и Гарри нырнул под ближайший стол. Мaska Упивающегося Смертью съехала набок, и он ничего не видел. Он сорвал ее свободной рукой и закричал:

– ОБОМ…

– ОБОМРИ! – взвизгнула подбежавшая Гермиона. Красный луч ударил его прямо в грудь. Он застыл, не опустив руку, – палочка со стуком упала на пол, – а потом стал падать спиной на хрустальный колпак. Гарри готовился услышать звон, грохот – по идеи Упивающийся Смертью должен был разбить стекло и сползти на пол. Но его голова прошла сквозь колпак, как сквозь мыльную пену, и он остался лежать на столе.

– Акцио палочка! – приказала Гермиона, и палочка Гарри прыгнула ей в руку из темного угла. Гермиона бросила ее Гарри.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Все, давайте выбираться…

– Смотрите! – пролепетал Невилл. Он с ужасом смотрел на Упивающегося Смертью.

Все трое машинально вздернули палочки, но никто не атаковал. Разинув рты, они с омерзением следили за метаморфозой, происходившей с головой мужчины.

Она уменьшалась на глазах, стремительно лысая; черные волосы и щетина втягивались в череп; щеки разглаживались, череп круглел, покрывался персиковым пушком...

Скоро на мощной мускулистой шее оказалась голова младенца; выглядело это чудовищно. Упивающийся Смертью барахтался, безуспешно пытаясь встать. Ребята остолбенело смотрели на него, а голова между тем начинала обретать прежний вид: на макушке и подбородке быстро отрастала щетина...

— Это Время, — потрясенно прошептала Гермиона. — Время...

Упивающийся Смертью потряс уродливой головой, приходя в себя, но встать не успел — голова снова принялась съеживаться, превращаясь в младенческую...

Из соседней комнаты донесся крик, треск, затем вопль.

— РОН? — заорал Гарри, мигом забыв о кошмарном зрелище. — ДЖИННИ? ЛУНА?

— Гарри! — завизжала Гермиона.

Мужчине удалось вытащить голову из колпака. Вид у него был ужасающий: орущий младенец дико замахал могучими кулаками и чудом не задел Гарри — тот еле успел пригнуться. Гарри взмахнул палочкой, но Гермиона, как ни странно, перехватила его руку:

— Нельзя обижать ребенка!

Времени спорить не было; из Зала Пророчеств все громче доносился стук шагов, и Гарри понял — увы, слишком поздно, — что шуметь, тем самым выдавая свое местонахождение, не следовало.

— Бежим! — забыв об Упивающемся Смертью, крикнул он, и они кинулись к двери в черный вестибюль.

На полпути Гарри сквозь приоткрытую дверь увидел, что к ним бегут еще двое, круто свернув влево, влетел в небольшой и темный захламленный кабинет и захлопнул дверь.

— Колло... — начала Гермиона, но не успела договорить: дверь распахнулась, и в кабинет ворвались Упивающиеся Смертью.

Издав торжествующий крик, оба заорали:

— ИМПЕДИМЕНТА!

Гарри, Гермиону и Невиллу сшибло с ног; Невилл перелетел через стол и исчез из виду; Гермиону отшвырнуло на книжный шкаф и тут же завалило тяжелыми фолиантами; Гарри ударился затылком о каменную стену. Из глаз посыпались искры, в голове помутилось.

– МЫ ЕГО ВЗЯЛИ! – заорал Упивающийся Смертью, стоявший ближе к Гарри. – В КАБИНЕТЕ ОКОЛО...

– Силенцио! – закричала Гермиона, и мужчину стало не слышно. Сквозь прорезь в маске было видно, что он продолжает открывать рот, но звук исчез. Напарник отшвырнул его в сторону, поднял палочку...

– Петрификус Тоталус! – закричал Гарри. Руки и ноги Упивающегося Смертью прилипли к телу, и он, прямой как доска и совершенно парализованный, упал лицом вниз на коврик у ног Гарри.

– Молодец, Гар...

Но онемевший Упивающийся Смертью хлестнул волшебной палочкой, и струя фиолетового пламени ударила Гермиону в грудь. Гермиона тихонько охнула, будто от удивления, упала на пол и застыла.

– ГЕРМИОНА!

Гарри рухнул возле нее на колени. Невилл быстро пополз к ним, выставляя вперед волшебную палочку. Едва его голова показалась из-под стола, Упивающийся Смертью с силой пнул по ней ногой. Он попал по лицу, палочка переломилась надвое – Невилл взвыл от боли и скорчился, закрывая ладонями нос и рот. Гарри, высоко подняв палочку, резко обернулся – и увидел острие вражеской палочки. Упивающийся Смертью успел сорвать маску, и Гарри узнал длинное, бледное, перекошенное лицо с фотографии в «Оракуле»: Антонин Долохов, убийца Пруиттов.

Долохов ухмыльнулся и свободной рукой показал сначала на пророчество, потом на себя и на Гермиону. Все было понятно без слов: отдай пророчество или с тобой будет то же, что и с ней...

– Ты все равно всех убьешь, как только я его отdam! – воскликнул Гарри.

Он был не способен мыслить здраво, в голове что-то тоненько, панически выло. Он держал руку на еще теплом плече Гермионы, но не осмеливался на нее взглянуть. *Только бы она не умерла, только бы не умерла, если она умерла, это я виноват...*

– Гадди, пдошу дебя, – свирепо сказал из-под стола Невилл, убирай руки от лица. Нос, очевидно, был сломан, рот и подбородок залиты кровью. – Де оддавай ему!

За дверью раздался грохот. На пороге возник младенцеголовый Упивающийся Смертью, он орал и беспорядочно размахивал

ручищами. Долохов глянул через плечо, и Гарри воспользовался ситуацией:

– ПЕТРИФИКУС ТОТАЛУС!

Долохов не успел блокировать заклятие и упал ничком на своего напарника. Теперь оба они были обездвижены. Младенцеголовый урод, слепо шатаясь, скрылся из виду.

– Гермиона, – затряс ее Гарри. – Гермиона, очнись...

– Что од с дей сдедад? – Невилл выполз из-под стола и встал на коленях рядом с Гермионой. Из стремительно распухающего носа ручьем лилась кровь.

– Не знаю...

Невилл схватился за запястье Гермионы:

– Эдо пульс, Гарри, эдо точно.

У Гарри даже голова закружилась от облегчения.

– Она жива?

– Да, дубаю, да.

Оба замолчали. Гарри внимательно вслушивался, не раздадутся ли опять шаги, но до него доносились только хныканье и метания младенцеголового Упивающегося Смертью в соседней комнате.

– Невилл, мы недалеко от выхода, – зашептал Гарри, – круглая комната рядом... если нам удастся найти нужную дверь и проскочить раньше, чем появятся Упивающиеся Смертью, ты сможешь дотащить Гермиону до лифта... найти кого-нибудь... и поднять тревогу...

– А ты что собираешься дедать? – Невилл промокнул нос рукавом и, нахмурив лоб, поглядел на Гарри.

– Искать остальных, – ответил тот.

– Тодда я с добой, – объявил Невилл.

– Но Гермиона...

– Бы ее с собой бозьбеб, – решительно сказал Невилл. – Я подесу... у дебя лучше подучаедся ддаться...

Он встал, взял бесчувственную Гермиону за одну руку и посмотрел на Гарри. Тот поколебался, потом взял ее за другую руку и помог взвалить Невиллу на плечи.

– Подожди, – Гарри подобрал волшебную палочку Гермионы и сунул ее Невиллу, – возьми-ка вот.

Они медленно двинулись к двери. Невилл пнул обломки своей палочки.

— Ба бедя убъед, — гнусаво проговорил он. При каждом слове из носа брызгала кровь. — Эдо быда папина падочка.

Гарри высунул голову за дверь и осторожно осмотрелся. Младенцеголовый Упивающийся Смертью, ничего не соображая, вопил, визжал, натыкался на все подряд, опрокидывал напольные часы, переворачивал столы. Шкаф со стеклянными дверцами, где, как подозревал Гарри, хранились времявороты, падал, разбивался, чинился, вновь вставал...

— Он нас не заметит, — прошептал Гарри. — Пошли... не отставай...

Они тихонько выбралисъ из кабинета и добрались до черной комнаты, где, кажется, никого не было. Невилл семенил, слегка покачиваясь под тяжестью Гермионы. Они отошли от Зала Времени на несколько шагов; дверь с размаху захлопнулась, и стена черной комнаты закрутилась. Гарри зашатало: видимо, сказывался удар по затылку. Он прикрыл глаза и подождал, пока вращение прекратится. Когда это случилось, он с упавшим сердцем увидел, что Гермионины кресты исчезли.

— Куда, как думаешь?..

Но они не успели решить, куда идти, — дверь справа отворилась, и оттуда вывалились трое...

— Рон! — воскликнул Гарри и кинулся к ним. — Джинни... вы в поря?..

— Гарри, — тоненько хихикая, сказал Рон. Он пошатнулся и вцепился Гарри в мантию, уставив на него расфокусированный взгляд. — Вот ты где... ха-ха-ха... ты такой смешной, Гарри... весь растрепанный...

Рон был смертельно бледен, из уголка губ струилось что-то темное. У него подогнулись колени, но он не выпустил мантию Гарри, и тому пришлось изогнуться дугой.

— Джинни? — испуганно позвал Гарри. — Что случилось?

Но Джинни затрясла головой и, соскользнув по стене, села. Она тяжело дышала и терла лодыжку.

— Кажется, у нее сломана нога, я слышала треск, — прошептала Луна, склоняясь к ней. Одна Луна вроде бы не пострадала. — Их было четверо, они загнали нас в комнату с какими-то планетами... Очень странное место... Мы там даже плавали в темноте...

— Гарри, мы видели Ур-р-р-анус! Совсем близко! — сообщил Рон, не переставая вяло хихикать. — Дошло, Гарри? Мы видели ур-р-р-АНУС! Ха-ха-ха...

В уголке его рта надулся и лопнул кровавый пузырь.

— ...один схватил Джинни за ногу, я воспользовалась раскидальным, бросила ему в рожу Плутон, но...

Луна безнадежно показала на Джинни. Та не открывала глаз и неглубоко, прерывисто дышала.

— А что с Роном? — боясь услышать ответ, спросил Гарри. Рон висел, цепляясь за его мантию, и смеялся не умолкая.

— Я не знаю, чем они его ударили, — печально отозвалась Луна, — но он стал какой-то странный. Я вообще с трудом его оттуда утащила.

— Гарри. — Рон притянул ухо Гарри к своему рту и, слабо хихикая, прошептал: — Знаешь эту девчонку, Гарри? Это Психуна... Психуна Лавгуд... ха-ха-ха...

— Надо выбираться, — решительно сказал Гарри. — Луна, поможешь Джинни?

— Да. — Луна заткнула за ухо волшебную палочку, обхватила Джинни за талию и стала поднимать с пола.

— Это всего-навсего лодыжка, я сама! — раздраженно сказала Джинни, но тут же начала валиться на бок и была вынуждена ухватиться за Луну. Гарри перекинул руку Рона через плечо — так же, давным-давно, много месяцев назад, ему пришлось тащить Дудли... Гарри огляделся. Вероятность найти выход с первого раза — одна двенадцатая...

Он с трудом поволок Рона; они почти добрались до выбранной двери, когда вдруг распахнулась дверь с другой стороны, и вбежали трое Упивающихся Смертью с Беллатрикс Лестранж во главе.

— Вот они! — завизжала она.

Засвистели сногшибатели. Гарри выскочил за дверь, бесцеремонно сбросил на пол Рона и нырнул обратно, помочь Невиллу с Гермионой. Они едва успели захлопнуть дверь перед носом Беллатрикс.

— Коллопортус! — закричал Гарри. Дверь содрогнулась: с той стороны в нее впечатались три тела.

— Все равно! — раздался мужской голос. — Есть другие входы... ИМ ОТ НАС НЕ УЙТИ!

Гарри стремительно обернулся: они опять очутились в комнате с мозгами. Повсюду и впрямь были двери. Из вестибюля донеслись еще чьи-то шаги: видимо, к тем троим присоединились новые Упивающиеся Смертью.

– Луна! Невилл! Помогите!

Втроем они побежали по комнате, на ходу запечатывая входы. Гарри, торопясь к очередной двери, наткнулся на стол, перекатился через него.

– Коллопортус!

За дверями слышался быстрый топот, время от времени в них кто-то ломился, двери скрипели, содрогались. Луна и Невилл заколдовывали одну стену комнаты, Гарри – другую. Добежав до конца, он услышал крик Луны:

– Колло... а-а-а-а!

Гарри обернулся и успел увидеть, как Луна взлетела в воздух – в дверь, которую она не успела зачаровать, ворвались пятеро Упивающихся Смертью. Луна упала на стол, соскользнула на пол и застыла, как Гермиона.

– Взять Поттера! – завопила Беллатрикс и бросилась на Гарри; он увернулся и кинулся бежать через всю комнату. Пока есть риск разбить пророчество, его не тронут...

– Эй! – позвал Рон. Шатаясь как пьяный, он встал и хихикая направился к Гарри. – Эй, Гарри, смотри-ка, тут мозги! Странно, а? Ха-ха-ха...

– Рон, отойди, спрячься, пригнись...

Но Рон уже указывал палочкой на резервуар.

– Честно, Гарри, мозги... глянь... Акцио мозг!

Все вокруг замерли. Гарри, Джинни, Невилл и Упивающиеся Смертью непроизвольно повернулись к аквариуму. Из зеленой жидкости летучей рыбой выпрыгнул мозг – он повисел в воздухе, а потом устремился к Рону. Мозг вращался как веретено, разворачивая на ходу какие-то ленты, цепочки движущихся картинок, похожие на кинопленку...

– Ха-ха-ха... Гарри, смотри... – сказал Рон, глядя на мозг, изрыгающий разноцветное содержимое. – Гарри, иди, потрогай; чуднó небось...

– РОН, НЕТ!

Гарри не знал, что будет, если Рон дотронется до щупалец мыслей, летящих за мозгом, но был уверен, что это не сулит ничего хорошего. Он бросился к Рону, но тот уже протянул руки и поймал мозг.

Едва коснувшись кожи Рона, щупальца веревками поползли по его рукам.

— Гарри, смотри, что делается... нет... нет... мне не нравится... уйдите... уйдите...

Но тоненькие ленточки уже спеленывали грудь Рона; он тянул, рвал их от себя, но мозг-осьминог прочно к нему присосался.

— Диффиндо! — заорал Гарри в надежде разорвать щупальца, но те не поддались. Рон упал, продолжая метаться.

— Гарри, они его задушат! — закричала с пола Джинни. Из-за ноги она не могла встать. Тут ей в лицо ударил красный луч, и она без чувств свалилась на бок.

— ОБОББИ! — завопил Невилл, круто разворачиваясь и тыча палочкой Гермионы в подступающих врагов. — ОБОББИ! ОБОББИ!

Но его заклинания не сработали.

Один Упивающийся Смертью пальнул по Невиллу сногшибателем, промахнувшись всего на пару дюймов. Гарри и Невилл вдвоем сражались против пятерых. Двое выпустили какие-то серебристые воздушные стрелы — те не попали в цель, но оставили в стене за спинами мальчиков глубокие воронки. Гарри, держа пророчество высоко над головой, стал удирать от Беллатрикс Лестранж. Она неслась за ним по пятам, а он летел вперед, уводя Упивающихся Смертью подальше от друзей.

Казалось, трюк сработал; опрокидывая столы и стулья, Упивающиеся Смертью бежали за ним, но посыпать проклятия не осмеливались — боялись разбить пророчество. Гарри кинулся в единственную открытую дверь, ту, откуда они ворвались. Он молился про себя, чтобы Невилл не бросал Рона и придумал, как его освободить. За дверью Гарри пробежал несколько шагов, почувствовал, что пол уходит из-под ног...

И покатился вниз по крутым каменным ступеням, подскакивая на каждом ярусе, пока наконец не приземлился на спину у помоста с каменной аркой. Сила удара совершенно выбила из него дух. Кругом звенел хохот Упивающихся Смертью. Гарри посмотрел вверх и увидел, что к нему, перепрыгивая со скамьи на скамью, спускаются те пятеро,

что были в комнате с мозгами, и еще столько же, появившихся из других дверей. Гарри поднялся. Колени ужасно дрожали, он с трудом мог стоять. В левой руке он держал чудом не разбившееся пророчество, правой сжимал волшебную палочку. Он попятился, озираясь, стараясь никого не выпускать из виду. Потом уткнулся во что-то твердое — помост с аркой. Гарри задом взобрался на него.

Упивающиеся Смертью замерли, не сводя с Гарри пристальных взглядов. Некоторые, как и он сам, очень тяжело дышали; один истекал кровью. Долохов, освобожденный от телобинта, гнусно ухмылялся. Его палочка целилась Гарри в лицо.

— Поттер, гонки закончились, — протяжно сказал Люциус Малфой и стащил маску, — поэтому будь паинькой и отдай пророчество.

— От... отпустите остальных, тогда отдам! — исступленно крикнул Гарри.

Кое-кто засмеялся.

— В твоем положении не торгуются, Поттер, — заметил Люциус Малфой, и его бледное лицо вспыхнуло от удовольствия. — Как видишь, нас десять, а ты один... Или Думблдор не научил тебя даже считать?

— Он де один! — крикнул голос за их спинами. — С дим еще я!

Сердце Гарри оборвалось: вниз по каменным ступеням лез Невилл с палочкой Гермионы в трясущейся руке.

— Невилл... не надо... иди назад... иди к Рону...

— ОБОББИ! — крикнул Невилл, тыча в Упивающихся Смертью по очереди. — ОБОББИ! ОБО...

Самый крупный схватил Невилла сзади, прижав его руки к бокам. Невилл рвался и брыкался; Упивающиеся Смертью смеялись.

— Лонгботтом, если не ошибаюсь? — ухмыльнулся Люциус Малфой. — Что ж, твоей бабуле не привыкать отдавать родных на благо нашего дела... Твоя смерть не станет для нее большим потрясением.

— Лонгботтом? — повторила Беллатрикс, и ее мертвое лицо зажглось дьявольским огнем. — Как же, как же, малыш, я имела удовольствие встречаться с твоими родителями.

— Я ДНАЮ! — взревел Невилл и с такой силой рванулся из рук Упивающегося Смертью, что тот заорал:

— Сшибите его кто-нибудь!

– Нет-нет-нет, – возразила Беллатрикс. В экстазе она воззрилась на Гарри, потом снова на Невилла. – Нет уж, давайте посмотрим, сколько продержится последний из Лонгботтомов... прежде чем тронется, как родители... если только Поттер не захочет отдать нам пророчество.

– ДЕ ОДДАВАЙ, ГАРРИ! – страшно закричал Невилл. Он извивался и брыкался как бешеный. Беллатрикс наступала на него, поднимая палочку. – ДЕ ОДДАВАЙ!

Беллатрикс направила на Невилла палочку:

– Круцио!

Невилл заорал, поджал ноги к груди и повис на руках у Упивающегося Смертью. Тот разжал руки, и Невилл упал на пол, вопя и корчась.

– Это так, для разминки! – сказала Беллатрикс, отводя палочку. Невилл умолк и остался лежать у ее ног, всхлипывая. Она повернулась к Гарри: – Итак, Поттер, либо ты отдаешь пророчество, либо смотришь, как трудно умирает твой дружок!

Гарри не требовалось времени на размышления: выбора не было. Он протянул пророчество, сильно нагревшееся в его руке. К нему ринулся Люциус Малфой.

И вдруг высоко над их головами распахнулись две двери, и вбежали еще пятеро: Сириус, Люпин, Хмури, Бомс и Кингсли.

Малфой судорожно обернулся, вскидывая палочку, но Бомс уже ударила по нему сногшибателем. Не поинтересовавшись, попала она или нет, Гарри соскочил с помоста и пригнулся. Упивающиеся Смертью растерялись, а члены Ордена, прыгая со ступени на ступень, осыпали их заклятиями. Среди вспышек и скачущих фигур Гарри заметил ползущего Невилла. Гарри метнулся к нему, чудом увернувшись от красного луча и распластавшись по полу.

– Ты как?! – заорал он. Почти над самыми их головами с грохотом пронеслось еще одно проклятие.

– Дормальдо, – ответил Невилл и попытался встать.

– А Рон?

– Давердо – кодда я ушед, од еще бодолся с бозгоб...

Между ними ударило заклятие – пол взорвался, и там, где только что лежала рука Невилла, появилась воронка. Они с Гарри на четвереньках проворно поползли прочь. Тут, словно из ниоткуда,

появилась чья-то могучая рука, схватила Гарри за горло и потащила вверх – он почти повис, едва касаясь пола ногами.

– Отдай, – пророкотал голос ему в ухо, – отдай пророчество...

Человек так сдавливал Гарри горло, что тот уже не мог дышать. Из глаз полились слезы. Он смутно видел, как футах в десяти от него Сириус сражается с каким-то Упивающимся Смертью. Кингсли дрался сразу с двумя; Бомс, стоя на одном из средних рядов, била проклятиями по Беллатрикс – и никто, никто не замечал, что Гарри погибает. Гарри повернул палочку в бок захватчику, но никак не мог выдавать заклинание; тем временем Упивающийся Смертью свободной рукой тянулся к пророчеству...

– А-А-А-А-А-А!

Откуда ни возьмись выскоцил Невилл. Он тоже не мог выговорить заклинание, но с силой ткнул палочкой в глазную прорезь маски. Упивающийся Смертью заверещал и отпустил Гарри. Тот мгновенно развернулся к нему и прохрипел:

– ОБОМРИ!

Упивающийся Смертью рухнул на спину. Мaska соскользнула с лица: Макнейр, несостоявшийся палач Конькура. Один глаз у него опух и наливался кровью.

– Спасибо! – сказал Гарри Невиллу и быстро оттащил его в сторону: мимо, отчаянно сражаясь, – мелькающие палочки сливались в одно размытое пятно – пронеслись Сириус и его соперник. Гарри задел ногой что-то твердое, круглое и споткнулся. Сначала он испугался, что выронил пророчество, но потом увидел, что это волшебный глаз Хмури. Глаз покатился прочь.

Хозяин глаза лежал на боку, из раны на голове лилась кровь, а тот, кто его поверг, наступал на Гарри и Невилла. Это был Долохов. Длинное бледное лицо лучилось диким злорадством.

– Таранталлегра! – закричал он, указав палочкой, и ноги Невилла задергались в безумном танце. Невилл потерял равновесие и опять оказался на полу. – А теперь ты, Поттер...

Он проделал то же движение, каким зачаровал Гермиону, но Гарри успел завопить:

– Протего!

Будто тупой нож ударил Гарри по лицу, с такой силой, что он упал на бок, на дергающиеся ноги Невилла, но заградительное заклятье все-

таки его защитило.

Долохов снова поднял палочку.

– Акцио проро...

Тут неизвестно откуда выскоцил Сириус и толкнул Долохова плечом. Тот отлетел. Пророчество чуть не выскользнуло – Гарри едва успел его удержать. Сириус и Долохов сошлись в поединке, волшебные палочки засверкали как мечи, полетели искры...

Долохов отвел палочку назад, готовясь нанести этот свой коронный удар. Взметнувшись пружиной, Гарри заорал:

– Петрификас Тоталус!

Руки и ноги Долохова опять приклеились к телу, и он с грохотом повалился назад.

– Молодец! – крикнул Сириус, поспешно пригибая голову Гарри – мимо пролетела парочка сногшибателей. – А теперь быстро убирайся отсю...

Оба нырнули и прижались к полу; зеленый луч чудом не задел Сириуса. Напротив Бомс мешком свалилась на каменные ступени и покатилась вниз. Беллатрикс, торжествуя, побежала назад, в гущу сражения.

– Гарри, держи пророчество, хватай Невилла, и чешите отсюда! – крикнул Сириус, кидаясь навстречу Беллатрикс.

Что было дальше, Гарри не видел – все заслонил Кингсли, дравшийся с рябым Гадвудом, сбросившим маску. Потом над головой Гарри снова полыхнуло что-то зеленое, он бросился к Невиллу...

– Стоять можешь?! – прокричал Гарри ему в ухо. Ноги Невилла бесконтрольно подпрыгивали. – Возьми меня за шею...

Невилл так и сделал, Гарри с усилием потянул – ноги Невилла скакали во все стороны и не желали его держать. Кто-то бросился на них, и оба упали навзничь; Невилл сучил ногами, точно перевернутый жук. Гарри поднял левую руку, стараясь не разбить стеклянный шар.

– Пророчество, отдай пророчество, Поттер, – зарычал над ухом голос Люциуса Малфоя, и Гарри почувствовал между ребрами острие его палочки.

– Ни... за... что... отстаньте... Невилл... лови!

Гарри пустил шар по полу, Невилл подкатился к нему и прижал к груди. Малфой перевел палочку на Невилла, но Гарри ткнул палочкой через плечо и крикнул:

– Импедимента!

Малфой упал. Поднявшись, Гарри увидел, что тот впечатался спиной в помост, где сражались Сириус и Беллатрикс. Малфой навел палочку на Гарри и Невилла, но не успел даже вздохнуть, как между ним и мальчиками оказался Люпин.

– Гарри, забирай остальных – и БЕГОМ!

Гарри схватил Невилла за мантию и поволок; ноги Невилла выделявали коленца, он не мог идти; Гарри потянул изо всех сил, и они сумели вскарабкаться на скамью...

Заклинание ударило Гарри под ноги; скамья раскрошилась, и Гарри опять оказался ступенью ниже. Невилл бессильно пополз вниз – его ноги бились, дергались, приплясывали... Пророчество он сунул в карман.

– Давай же! – Гарри безуспешно тащил Невилла за мантию. – Толкайся...

Он снова потянул, мантия Невилла разошлась по левому боку – и стеклянный шар выпал из кармана. Схватить его они не успели – непослушная нога Невилла брыкнула пророчество, оно отлетело футов на десять вправо и разбилось о нижнюю ступень. Мальчики в ужасе смотрели, как над осколками, никем больше не замечаемая, восстает перламутрово-белая фигура с громадными глазами. Гарри смотрел на движущиеся губы пророка, но среди грохота и воплей ничего не мог разобрать. Фигура умолкла и растворилась в воздухе.

– Гадди, пдости! – вскричал несчастный Невилл, сучи ногами. – Пдости, я де хотед...

– Не важно! – отозвался Гарри. – Попробуй встать, давай выбираться отсю...

– Дуббледдор! – вдруг возликовал Невилл, глядя Гарри через плечо.

– Что?

– ДУББЛЕДДОР!

Гарри обернулся. Прямо над ними, в дверях комнаты с мозгами, стоял побелевший от ярости Альбус Думблдор. Он высоко поднимал волшебную палочку. По телу Гарри словно пробежал электрический разряд – *спасены!*

Думблдор ринулся мимо Гарри и Невилла, которым сразу расхотелось убегать. Он очутился уже почти в самом низу, когда Упивающиеся Смертью, которые были поблизости, увидели, кто

пришел, и закричали, предупреждая остальных. Один опрометью бросился спасаться, мартышкой карабкаясь по ступенькам к дальней двери, но заклятье Думбльдора притащило его обратно, словно невидимым арканом...

Лишь одна пара продолжала сражаться, не замечая выхода нового действующего лица. Гарри видел, как Сириус со смехом увернулся от красного луча Беллатрикс.

– Могла бы и получше! Постарайся! – выкрикнул он, и его голос эхом разнесся по залу.

Второй луч ударили Сириуса в грудь.

Улыбка еще не сошла с его лица, но глаза потрясенно расширились.

Гарри, не понимая, что делает, выпустил Невилла и запрыгал вниз, на ходу вытаскивая палочку. Думбльдор тоже обернулся к помосту.

Сириус падал целую вечность: тело его неспешно изогнулось грациозной дугой, а потом, как в замедленной съемке, он стал падать спиной на ветхую занавесь арки.

На изможденном, некогда красивом лице Сириуса страх мешался с изумлением. А потом Сириус исчез за завесой; ткань затрепетала, словно от сильного ветра, и успокоилась.

До Гарри донесся торжествующий вопль Беллатрикс Лестранж. Дура! Сириус просто провалился в арку, сейчас он появится с другой стороны...

Но он не появился.

– СИРИУС! – закричал Гарри. – СИРИУС!

Он соскочил на пол. Дыхание вырывалось из груди болезненными толчками. Сириус там, за завесой, сейчас Гарри поможет ему выбраться...

Он бросился к помосту, но Люпин перехватил его, удержал.

– Ничего нельзя сделать, Гарри...

– Достаньте его, спасите, он же просто туда упал!

– ...поздно, Гарри.

– Его надо достать... – Гарри рвался изо всех сил, жестоко, неистово, но Люпин не пускал...

– Поздно, Гарри... поздно... он умер.

Глава тридцать шестая

Его одного он боится

– Он не умер!!! – исступленно закричал Гарри. Он не верил, не хотел верить и отчаянно рвался из рук Люпина. Люпин не понимает: там, за занавеской, прячутся люди; Гарри слышал, как они шепчутся, когда стоял у арки в первый раз! Сириус просто спрятался...

– СИРИУС! – завопил Гарри. – СИРИУС!

– Он не выйдет, Гарри, – сказал Люпин прерывающимся голосом – удерживать Гарри было нелегко. – Не выйдет, потому что он у...

– ОН – НЕ – УМЕР!!! – заорал Гарри. – СИРИУС!

Вокруг кто-то бегал, метался; полыхали заклятия. Все это было лишено смысла. Ничто не имело значения, кроме одного: пусть Люпин перестанет наконец говорить глупости, что Сириус – который прячется совсем рядом, вот за этой старой тряпкой, – больше никогда оттуда не выйдет! Какая ерунда! Сейчас он появится, откидывая со лба темные волосы, готовый снова вступить в бой...

Люпин оттащил Гарри от помоста. Гарри не отрывал глаз от арки и уже злился на Сириуса – почему он медлит, зачем заставляет себя ждать?

Но даже сейчас, бешено вырываясь из рук Люпина, в глубине души он уже понимал, что Сириус никогда еще не заставлял себя ждать... Сириус готов был рисковать жизнью, лишь бы увидеть Гарри, а тем более прийти ему на помощь... и раз Сириус не выходит из-за занавеси на такой отчаянный зов, это означает, что он не может выйти... что он действительно...

Тем временем Думблдор собрал почти всех Упивающихся Смертью посреди комнаты – они стояли неподвижно, очевидно, связанные невидимыми веревками; Шизоглаз Хмури дополз до Бомс и пробовал привести ее в чувство; за помостом что-то вспыхивало, раздавались крики, пыхтение – Кингсли, заняв место Сириуса, продолжал поединок с Беллатрикс.

– Гарри?

Невилл неловко, ступень за ступенью, скатился к Гарри. Тот больше не вырывался, но Люпин на всякий случай крепко держал его за руку.

— Гарри... бде ужасно жадко... — сказал Невилл, бесконтрольно дергая ногами. — Эдод чедобек... Сириус Бдэк... он твой ддуг?

Гарри кивнул.

— Дай-ка, — почти неслышно произнес Люпин и направил палочку на ноги Невилла: — Фините. — Заклятиепало: ноги Невилла перестали дергаться. Люпин был очень бледен. — Надо... найти остальных. Где они, Невилл?

Люпин отвернулся от арки. Чувствовалось, что каждое слово причиняет ему боль.

— Оди все таб, — ответил Невилл. — Да Рода дапад бозг, до я дубаю, он спдавибся... а Гедбиона без создадия, до бульс есть...

За помостом грохнуло, и раздался крик: это упал Кингсли. Думблдор бросился к нему; Беллатрикс Лестранж припустила прочь. Думблдор послал ей вслед заклятие, но она сумела отразить его и была уже на полпути к выходу...

— Гарри — нет! — закричал Люпин, но Гарри вырвался из его ослабевшей хватки.

— ОНА УБИЛА СИРИУСА! — взревел Гарри. — ОНА ЕГО УБИЛА — Я УБЬЮ ЕЕ!

И он ринулся за Беллатрикс вверх по каменным ступеням; кто-то что-то кричал ему в спину, но он не слушал. Они почти на самом верху... Подол мантии Беллатрикс, взметнувшись, исчез за дверью... вот комната с мозгами...

Беллатрикс через плечо послала заклятие. Аквариум взлетел и перевернулся. Гарри обдало вонючей жидкостью, посыпались мозги, они скользили, на ходу выпуская разноцветные щупальца, но Гарри закричал: «Вингардиум Левиоза!» — и мозги взметнулись к потолку. Поскальзываясь, спотыкаясь, Гарри бросился к двери, перепрыгнул через Луну, тихо стонавшую на полу, промчался мимо Джинни, которая сказала: «Гарри... что?..», мимо тихо хихикавшего Рона и бесчувственной Гермионы. Он ворвался в круглую комнату и увидел, как Беллатрикс исчезает за дверью с противоположной стороны, — она выбежала в коридор, ведущий к лифтам.

Гарри бросился за ней, но она успела захлопнуть дверь; стена начала вращаться, закружила голубая неоновая полоса.

– Где выход?! – безнадежно воскликнул он, когда стена с грохотом остановилась. – Где выход наружу?

Казалось, комната только и ждала этого вопроса. Дверь за спиной Гарри распахнулась. За ней виднелся освещенный факелами коридор. Там было пусто. Гарри побежал...

Он услышал громыхание лифта, помчался по коридору, стремительно завернул за угол и шмякнул кулаком по кнопке вызова. Медленно, с лязгом и громыханием, спустился другой лифт; решетчатые двери раздвинулись, Гарри прыгнул в кабину и заколотил по кнопке «Атриум». Решетки затворились, лифт стал подниматься...

Двери еще толком не открылись, а Гарри уже выскочил, огляделся и у дальней стены атриума увидел Беллатрикс. Ей оставалось совсем чуть-чуть до телефонной будки, но она обернулась и послала в него заклятие. Гарри нырнул за Фонтан дружбы колдовских народов: заклинание просвистело мимо и ударило по витым золотым воротам на противоположной стороне атриума. Ворота загудели колоколом. Шагов не было слышно – видимо, Беллатрикс передумала убегать. Гарри затих, прячась за статуями.

– *Выходи, выходи, малыши Гарри!* – омерзительно засююкала она, и ее слова эхом отразились от полированного паркета. – Не зря же ты за мной гнался! Я думала, ты хочешь отомстить за смерть моего дорогого кузена!

– Хочу! – закричал Гарри, и в атриуме грянул многоголосый призрачный хор: *Хочу! Хочу! Хочу!*

– А-а-а-а-а... так ты его *любил*, малыш Поттер?

Гарри охватила ненависть, какой он никогда прежде не знал; выпрыгнув из-за фонтана, он взревел:

– Круцио!

Беллатрикс вскрикнула: проклятие сбило ее с ног, но она не извивалась и не вопила от боли, как Невилл, – и вскоре вскочила, задыхаясь и перестав смеяться. Гарри отпрыгнул за фонтан, и ответный удар Беллатрикс пришелся по красивой голове колдуна. Голову снесло с плеч, и она, прочертив длинные борозды в паркете, упала футах в двадцати от фонтана.

– Впервые пользуешься непростительным проклятием, юноша?! – выкрикнула Беллатрикс. Она больше не сюсюкала. – В них следует вкладывать истинное чувство! Надо хотеть причинить боль... наслаждаться мыслью о ней... а твой праведный гнев ничуть меня не задел... Но так уж и быть, покажу, как это делается. Преподам урок...

Гарри ползком огибал фонтан, Беллатрикс закричала: «Круцио!» – и он опять пригнулся: рука кентавра, которой тот держал лук, отлетела и с грохотом приземлилась недалеко от головы колдуна.

– Поттер, тебе со мной не сладить! – крикнула Беллатрикс.

Он слышал, как она обходит фонтан справа, надеясь как следует прицелиться. Он попятился, прячась за статуями, за ногами кентавра, не высовываясь выше головы домового эльфа.

– Я была и остаюсь самой преданной из слуг Черного Лорда. Черной магии я училась у него. Я знаю такое, что тебе, жалкому паршивцу, и не снилось...

– Обомри! – заорал Гарри. Он успел подобраться к гоблину, с лучезарной улыбкой взиравшему на ныне безголового колдуна, и, прячась за ним, послал заклятие ей в спину. Она отреагировала мгновенно:

– Протего!

Гарри чудом успел пригнуться – в него отрикощетил его собственный сногшибатель. Он быстро спрятался за фонтаном. Ухо гоблина полетело прочь.

– Поттер, даю тебе один шанс! – закричала Беллатрикс. – Отдай пророчество – подкати его ко мне, – и я сохраню тебе жизнь!

– Придется меня убить – пророчества больше нет! – крикнул Гарри, и его лоб пронзила адская боль. Шрам заполыхал огнем, и Гарри овладела чужая, не своя, ярость. – И он об этом знает! – прибавил Гарри с безумным хохотом, который сделал бы честь самой Беллатрикс. – Старина Вольдеморт в курсе, что пророчества больше нет! Он будет тобой очень недоволен!

– Что? Что ты говоришь?! – заорала Беллатрикс, и в ее голосе впервые прозвучал страх.

– Пророчество разбилось, когда я тащил Невилла по ступеням! Что, как ты думаешь, скажет на это Вольдеморт?

Шрам горел, голова раскалывалась, от боли из глаз лились слезы...

— ЛЖЕЦ! — взвизгнула Беллатрикс, но за злостью скрывалась паника. — ОНО У ТЕБЯ, ПОТТЕР, И ТЫ ОТДАШЬ ЕГО МНЕ! *Акцио пророчество! АКЦИО ПРОРОЧЕСТВО!*

Гарри снова захочотал, просто так, чтобы ее взбесить. Череп грозил вот-вот разойтись по швам... Гарри высунул руку из-за одноухого гоблина, помахал и поспешно убрал обратно — мимо просвистел очередной зеленый заряд.

— Видишь, ничего нет! — выкрикнул он. — Призывать нечего! Оно разбилось, и никто его не слышал, так своему боссу и передай!

— Нет! — завопила она. — Неправда, ты врешь! ГОСПОДИН, Я СТАРАЛАСЬ, СТАРАЛАСЬ — НЕ НАКАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ...

— Не трать понапрасну силы! — заорал Гарри. Боль была такая, что глаза пришлось закрыть. — Он тебя не слышит!

— Ты так думаешь, Поттер? — молвил пронзительный холодный голос.

Гарри открыл глаза.

В центре вестибюля стоял кто-то высокий и худой. Под черным капюшоном на пустом, белом, змеином лице горели страшные багровые глаза с прорезями зрачков... Лорд Вольдеморт направил на Гарри волшебную палочку. Гарри как будто парализовало.

— Значит, ты разбил мое пророчество? — Вольдеморт пронзил Гарри безжалостным взглядом. — Нет, Белла, он не врет... В его бесполезном мозгу я вижу, что это правда... Месяцы подготовки, месяцы стараний... а мои верные соратники опять позволили Поттеру нарушить мои планы...

— Господин, простите, я не знала, я дралась с анимагом Блэком! — всхлипывала Беллатрикс. Вольдеморт медленно двинулся к ней, и она бросилась к его ногам. — Господин, вы должны знать..

— Молчи, Белла, — угрожающе сказал Вольдеморт, — с тобой я еще разберусь. Думаешь, я явился в министерство магии выслушивать твои жалкие оправдания?

— Но, господин... он здесь... внизу...

Вольдеморт не слушал.

— Мне не о чем говорить с тобой, Поттер, — прощедил он. — Ты слишком долго мне досаждал. Слишком, слишком долго. АВАДА КЕДАВРА!

У Гарри не осталось сил сопротивляться; в голове было пусто; он бессильно опустил волшебную палочку.

Но тут статуя безголового колдуна, внезапно ожив, спрыгнула с пьедестала и шумно приземлилась между Гарри и Вольдемортом. Она растопырила руки, защищая Гарри; заклятие ударило ей в грудь и отскочило.

– Что?.. – закричал Вольдеморт и обернулся. А затем выдохнул: – *Думбльдор!*

Гарри тоже оглянулся, и его сердце быстро забилось: у золотых ворот стоял Думбльдор.

Вольдеморт вскинул палочку, и в Думбльдора полетела зеленая вспышка. Тот крутанулся на месте, исчез в вихре собственного плаща, тотчас появился за спиной у Вольдеморта и указал палочкой на полуразрушенный фонтан. Оставшиеся статуиожили. Ведьма кинулась на Беллатрикс. Та вонила и одно за другим выпускала абсолютно бесполезные проклятия, но безжалостная статуя повалила ее и пригвоздила к полу. Гоблин и домовый эльф затопотали к каминам, а однорукий кентавр поскакал к Вольдеморту. Последний растворился в воздухе и появился за фонтаном. Безголовый колдун оттолкнул Гарри назад, подальше от битвы; Думбльдор между тем наступал на Вольдеморта. Кентавр скакал вокруг.

– Глупо было с твоей стороны, Том, появляться здесь, – спокойно проговорил Думбльдор. – Сейчас подойдут авроры...

– Пока они подойдут, меня не будет, а ты умрешь! – презрительно выплюнул Вольдеморт и послал в Думбльдора убийственное проклятие, но промахнулся. Проклятие ударило в стол охранника, и тот загорелся.

Думбльдор чуть заметно шевельнулся палочкой. Сила заклинания была такова, что, когда оно пролетело мимо Гарри, у того, невзирая на прикрытие золотой статуи, волосы встали дыбом. Чтобы отразить это заклинание, Вольдеморту пришлось сотворить из воздуха блестящий серебряный щит. Щит не пострадал, но по вестибюлю разнесся гул, точно удар гонга, – леденящий душу звон.

– Не хочешь меня убивать, Думбльдор? – крикнул Вольдеморт, щуря багровые глаза поверх щита. – Ты выше этого, не так ли?

– Мы оба знаем, Том, что есть масса способов уничтожить человека, – невозмутимо ответил Думбльдор. Он шел на Вольдеморта

неотвратимо как рок, словно ничего на свете не боялся и ничто не могло ему помешать. – Должен признаться, просто отнять у тебя жизнь мне будет недостаточно.

– Нет ничего хуже смерти, Думблдор! – рявкнул Вольдеморт.

– Ты сильно ошибаешься, – продолжая надвигаться на Вольдеморта, непринужденно ответствовал Думблдор, будто они вели светскую беседу за чашкой чая. Гарри смотрел на Думблдора, как тот идет, ничем не защищенный, и ему было очень страшно; хотелось крикнуть, предостеречь, но безголовый страж теснил Гарри к стене, не давая выйти. – Впрочем, неспособность понять, что на свете есть вещи много хуже смерти, всегда была твоим слабым местом...

Из-за серебряного щита полыхнуло зеленым, но Думблдора защитил подскочивший галопом кентавр. Приняв удар на себя, он рассыпался на куски. Они еще не упали на пол, как Думблдор хлестнул палочкой, из остряя вылетела тонкая струя пламени и окружила Вольдеморта вместе со щитом. Какое-то мгновение казалось, что Думблдор одержал победу, но огненная струя обернулась змеей, оставила Вольдеморта и, шипя, ринулась к Думблдору.

Вольдеморт исчез; змея поднималась над полом, примериваясь напасть...

Над головой Думблдора что-то вспыхнуло – и на постаменте, где еще недавно стояли статуи, появился Вольдеморт.

– Берегитесь! – крикнул Гарри.

Но в Думблдора уже полетел зеленый луч; змея бросилась на него...

Перед Думблдором внезапно оказался Янгус. Феникс широко открыл рот и проглотил луч целиком, загорелся и упал на пол маленьkim, сморщенным, неоперенным птенцом. В тот же миг Думблдор широко, текуче повел палочкой, и змея, почти вонзившая в него зубы, взметнулась высоко в воздух и превратилась в темное дымное облако; вода из фонтана поднялась и накрыла Вольдеморта.

Несколько секунд под этим блестящим коконом из жидкого стекла на пьедестале неясно виднелся темный безликий силуэт, который метался, стараясь сбросить удушающий колпак...

Потом фигура исчезла, и вода шумно хлынула вниз, расплескавшись по паркету.

– МИЛОРД! – заорала Беллатрикс.

Видимо, битве конец: похоже, Вольдеморт решил скрыться. Гарри рванулся было из-за статуи, но Думблдор взревел:

– Стой, где стоишь, Гарри!

Впервые в его голосе звучал страх. Это удивило Гарри: в вестибюле нет никого, кроме них двоих, Беллатрикс, чьи всхлипы доносятся из-под статуи ведьмы, и малютки Янгуса, который тихо клекочет на полу...

И вдруг голова Гарри словно раскололась надвое, и он понял, что умирает: немыслима, нестерпима такая боль...

Он был уже не у стены вестибюля, не за статуей – его сжимало в кольцах ужасное красноглазое существо, сжимало так крепко, что Гарри не знал, где его тело, а где тело существа: они слились воедино, связанные болью, и не спасти...

Существо заговорило ртом Гарри – в агонии он чувствовал, как шевелятся его губы...

– Убей меня, Думблдор...

Все тело молило о прекращении мучений. Ослепший, умирающий, Гарри ощущил, что существо опять задвигало его губами:

– Если смерть – ничто, Думблдор, убей мальчишку...

Пусть боль пройдет, просил Гарри... пусть он убьет нас... покончи с нами, Думблдор... в сравнении с этим смерть – ничто...

И я снова встречусь с Сириусом...

В сердце что-то шевельнулось, и кольца разжались, боль ушла – Гарри лежал лицом вниз, без очков, и дрожал так, будто под ним был лед, а не деревянный пол...

Над ним раздавались голоса, много голосов... Странно... Гарри открыл глаза и увидел свои очки у ног безголовой статуи, что недавно охраняла его, а теперь валялась на спине, растрескавшаяся, неподвижная. Гарри надел очки, приподнял голову и чуть не наткнулся носом на крючковатый нос Думблдора.

– Жив?

– Да, – сказал Гарри. Его так трясло, что голова ходила ходуном. – Да, я... где Вольдеморт... где... кто все эти... что...

В атриуме было полно людей. В паркете отражалось зеленое пламя каминов вдоль одной стены; оттуда потоками текли колдуны и ведьмы.

Думблдор помог Гарри подняться, и тот увидел статуи домового эльфа и гоблина – они вели ошарашенного Корнелиуса Фуджа.

– Он был здесь! – кричал человек с конским хвостом и в малиновой мантии, показывая на гору золотых обломков там, где еще недавно лежала схваченная ведьмой Беллатрикс. – Я его видел, мистер Фудж, клянусь, это был Сами-Знаете-Кто, он забрал женщину и дезаппарировал!

– Знаю, Уильямсон, знаю, я и сам видел! – лопотал Фудж, в полосатом плаще поверх пижамы. Министр задыхался, будто пробежал много миль. – Мерлинова борода!.. Здесь... в министерстве магии... святое небо... просто невероятно... честное слово... как это может?..

– Спуститесь в департамент тайн, Корнелиус, – сказал Думблдор, распрямляясь, – очевидно, состояние Гарри больше не вызывало у него опасений. Он шагнул к новоприбывшим – те, кажется, только сейчас его заметили. Кое-кто вскинул палочки, другие вытаращили глаза, эльф и гоблин зааплодировали, а Фудж подскочил, да так, что чуть не потерял шлепанцы. – Там в Зале Смерти вы найдете кое-кого из беглых Упивающихся Смертью. Они связаны антидезаппарационным заклятием и ждут решения своей судьбы.

– Думблдор! – вне себя от изумления выдохнул Фудж. – Вы... здесь... я... я...

Он ошеломленно оглянулся на пришедших с ним авrorов. Было видно, что он отчасти готов закричать: «Взять его!»

– Корнелиус, я, конечно, могу сразиться с вашими людьми – и снова победить! – загрохотал Думблдор. – Однако несколько минут назад вы своими глазами видели доказательство того, что весь год я говорил истинную правду. Лорд Вольдеморт вернулся. Двенадцать месяцев вы гонялись не за тем человеком. Пришла пора внять голосу разума!

– Я... не... в общем... – мямылил Фудж, беспомощно озираясь, словно ожидая подсказки, что делать. Не дождавшись, он пробормотал: – Хорошо... Давлиш! Уильямсон! Отправляйтесь в департамент тайн, проверьте... Думблдор, вы... вы должны объяснить, что именно... Фонтан дружбы колдовских народов... Что тут было? – слегка привзвизгнув, закончил он, в ужасе глядя на останки статуй колдуна, ведьмы и кентавра.

— Мы обсудим это после, когда я отправлю Гарри в «Хогвартс», — сказал Думблдор.

— Гарри?.. *Гарри Поттера?*

Фудж круто обернулся и воззрился на Гарри, который так и стоял у стены над обломками статуи, что охраняла его во время поединка Вольдеморта и Думблдора.

— Он... здесь? — вытаращил глаза Фудж. — Почему... Что это значит?

— Я все объясню, — повторил Думблдор, — как только Гарри вернется в школу.

Он подошел к лежавшей на полу золотой голове колдуна. Указал на нее палочкой, пробормотал: «Портус». Голова засияла голубым светом, несколько секунд подребежжала, подпрыгивая, потом затихла. Думблдор поднял ее с пола и направился к Гарри.

— Знаете, Думблдор, это не дело! — завопил Фудж. — У вас нет разрешения на портшлюс! Вы не можете творить такие вещи на глазах у министра магии, вы... вы...

Думблдор властно поглядел на него поверх очков, и Фудж испуганно смолк.

— Вы сейчас же отдавите приказ убрать из моей школы Долорес Кхембридж, — сказал Думблдор. — Вы прикажете аврорам прекратить поиски нашего преподавателя ухода за магическими существами, чтобы он мог вернуться к работе. Я готов уделить вам... — Думблдор достал из кармана часы с двенадцатью стрелками и внимательно на них посмотрел, — полчаса своего времени; надеюсь, этого хватит, чтобы вкратце обсудить, что здесь произошло. После этого я должен вернуться во вверенную мне школу. Разумеется, если вам понадобится моя помощь, вы всегда найдете меня в «Хогварце». Письма с пометкой «директору» попадут куда нужно.

Глаза у Фуджа чуть не вылезли из орбит; рот открылся, седые волосы встали дыбом, круглое лицо побагровело.

— Я... вы...

Думблдор повернулся к нему спиной.

— Возьми портшлюс, Гарри.

Гарри взялся за голову золотой статуи. Ему было безразлично, куда отправиться и что делать.

– Встретимся через полчаса, – негромко проговорил Думбльдор. – Раз... два... три...

Что-то изнутри привычно дернуло Гарри за пупок. Пол ушел из-под ног; атриум, Фудж, Думбльдор исчезли, и Гарри полетел прочь в разноцветном шумном вихре.

Глава тридцать седьмая

Потерянное пророчество

Гарри стукнулся ногами об пол, колени подогнулись, золотая голова звучно грохнулась. Он осмотрелся и понял, что попал в кабинет Думбльдора.

В отсутствие директора все, что было сломано, само собой починилось. Изящные серебряные приборы вернулись на тонконогие столики и стояли, безмятежно жужжа и попыхивая. Директора и директрисы мирно посапывали на своих портретах, откинув головы на спинки кресел или прислонившись к рамам. Гарри посмотрел в окно. На горизонте показалась прохладная бледно-зеленая полоса — приближался рассвет.

Тишина, лишь изредка нарушаемая всхрапыванием или сонным ворчанием, терзала нестерпимо. Было бы легче, если бы все здесь кричало от боли. Гарри обошел тихий красивый кабинет, прерывисто дыша и стараясь не думать. Но не думать не получалось...

Он один виноват в гибели Сириуса; он один во всем виноват. Если бы он не поддался на хитрость Вольдеморта, усомнился в реальности видения, предположил хоть на минуту, что Вольдеморт, как говорила Гермиона, пытается сыграть на его геройстве...

Нет, это невыносимо, он не будет об этом думать, невозможно... в душе зияла огромная страшная дыра, куда он боялся заглядывать; черная пустота, откуда вырвали Сириуса, где его теперь не было... Гарри не мог оставаться наедине с этим бездонным, безмолвным вакуумом...

За спиной кто-то очень громко всхрапнул, и равнодушный голос проговорил:

— А... Гарри Поттер...

Финей Нигеллий со вкусом зевнул и потянулся, пронзительно щурясь на Гарри.

— И что же привело тебя сюда в столь ранний час? — спросил после паузы Финей. — Насколько мне известно, доступ в этот кабинет закрыт

для всех, кроме законного владельца. Или тебя прислал Думблдор? О, только не говори... – Он еще раз судорожно зевнул. – Неужели опять надо что-то передавать моему бесполезному праправнуку?

Гарри не мог заставить себя говорить. Финей Нигеллий не знает, что Сириус погиб, но сказать об этом вслух нельзя: тогда его смерть станет окончательной, абсолютной, бесповоротной.

Стали просыпаться и другие портреты. Страшась расспросов, Гарри отошел к двери и взялся за ручку.

Та не поворачивалась. Кабинет заперт.

– Надеюсь, это означает, – произнес тучный красноносый колдун, чей портрет висел на стене позади письменного стола, – что Думблдор скоро вернется?

Гарри оглянулся. Колдун вопросительно на него смотрел. Гарри кивнул. И опять, за спиной, потянул дверную ручку, но она не шелохнулась.

– Как хорошо, – сказал колдун. – А то без него очень скучно. Ужасно скучно.

Он поудобнее уселся в своем кресле, похожем на трон, и доброжелательно улыбнулся Гарри.

– Думблдор о тебе очень высокого мнения. Впрочем, думаю, ты и сам знаешь, – уютно проговорил он. – О да. Ты у него на хорошем счету.

Вина стискивала грудь, стремительно разрасталась гигантским паразитом, извивалась и корчилась. Это невыносимо, невыносимо оставаться самим собой... собственное тело, собственный разум оказались западней, никогда прежде он так отчаянно не хотел быть кем-то другим, кем угодно...

В камине вспыхнуло зеленое пламя. Гарри отскочил от двери и испуганно уставился на высокую мужскую фигуру в очаге, которая быстро вращалась вокруг своей оси. Постепенно вращение прекратилось, и из камина выскочил Думблдор. Колдуны и ведьмы на портретах, вздрогнув, проснулись; многие приветственно закричали.

– Благодарю вас, – мягко произнес Думблдор и, не глядя на Гарри, прошел к двери. Там он вытащил из внутреннего кармана крохотного, уродливого, голого Янгуса и аккуратно положил на засыпанный мягким пеплом поднос под золотым шестом, где обычно сидел взрослый феникс.

— Что ж, Гарри, — проговорил Думблдор, наконец поворачиваясь к нему, — полагаю, тебе будет приятно узнать, что никто из твоих друзей серьезно не пострадал.

Гарри попытался ответить: «Хорошо», но не сумел выдавить ни звука. В словах Думблдора ему послышался упрек за те несчастья, которые все-таки произошли, и, хотя Думблдор впервые за долгое время смотрел ему в лицо и во взгляде не было упрека, была только доброта, Гарри не мог себя заставить встретиться с ним глазами.

— Ими занимается мадам Помфри, — продолжил Думблдор. — Нимфадоре Бомс, вероятно, придется полежать в святом Лоскуте, но она поправится.

Гарри удовольствовался тем, что кивнул ковру; рисунок на ковре светел по мере того, как бледнело за окном небо. Гарри чувствовал, что портреты внимают каждому слову Думблдора, сгорая от желания понять, откуда вернулись Гарри и Думблдор и почему кто-то пострадал.

— Я знаю, каково тебе, Гарри, — очень тихо сказал Думблдор.

— Нет, не знаете! — неожиданно громко выпалил тот. Им овладело бешенство: да что Думблдор понимает в его чувствах?!

— Видите, Думблдор? — лукаво вмешался Финей Нигеллий. — Никогда не пытайтесь сочувствовать школьникам. Они это ненавидят. Они любят быть трагически непонятными, предаваться жалости к себе, купаться в собственных...

— Довольно, Финей, — прервал Думблдор.

Гарри повернулся к директору спиной и решительно уставился в окно. Вдалеке виднелся квицишный стадион. Как-то раз там появился Сириус, лохматый черный пес, — пришел посмотреть, как играет Гарри... наверно, хотел сравнить с Джеймсом... Гарри так и не спросил...

— В твоих чувствах нет ничего постыдного, Гарри, — раздался за спиной голос Думблдора. — Напротив... способность переживать эту боль — одно из лучших твоих качеств.

В жуткой пустоте внутри Гарри полыхал костер свирепой ярости; жаркие языки лизали внутренности; хотелось ударить Думблдора, избить его за это спокойствие, за пустые слова.

— Одно из лучших моих качеств? — Голос у Гарри дрожал. Он не отрываясь смотрел на стадион, но уже его не видел. — Вы не

понимаете... вы не знаете...

– Чего я не знаю? – спокойно спросил Думбльдор.

Это было слишком. Дрожа от гнева, Гарри повернулся к нему:

– Я не хочу говорить о своих чувствах, ясно?

– Гарри, твое страдание лишь доказывает, что ты – человек! Быть человеком означает, в частности, испытывать эту боль...

– ТОГДА – Я – НЕ – ЖЕЛАЮ – БЫТЬ – ЧЕЛОВЕКОМ! – взревел Гарри, схватил со столика серебряный прибор и швырнул через всю комнату. Тот ударился о стену и разлетелся на куски.

Портреты закричали от возмущения и испуга, а Армандо Диппет воскликнул: «Ну честное слово!»

– МНЕ ВСЕ РАВНО! – заорал им всем Гарри, бросая луноскоп в камин. – С МЕНЯ ХВАТИТ! БОЛЬШЕ НЕ ИГРАЮ! Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВСЕ КОНЧИЛОСЬ, И МНЕ ПЛЕВАТЬ...

Расшвыряв приборы, он схватил столик, на котором они стояли. Отбросил и его. Столик упал, разбился, и в разные стороны покатились ножки.

– Тебе *не* все равно, – сказал Думбльдор. Он даже не вздрогнул и не пытался прекратить разгром своего кабинета. Он оставался спокоен, даже несколько отстранен. – Отнюдь не все равно. Напротив, тебе кажется, что от этой боли ты вот-вот истечешь кровью и умрешь.

– Я... НЕТ! – завопил Гарри так громко, что чуть не разорвалось горло. Ему захотелось броситься на Думбльдора, швырнуть куданибудь и его тоже; трясти его, бить, раскрошить всмятку невозмутимое старческое лицо, внушить ему хоть сотую долю собственного ужаса.

– О нет, тебе не все равно, – еще спокойнее повторил Думбльдор. – Теперь у тебя нет не только мамы и папы, но и человека, который заменил тебе родителей. Конечно, тебе не все равно.

– ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, ЧТО Я ЧУВСТВУЮ! – проревел Гарри. – СТОЙТЕ ТУТ... ВЫ...

Но орать уже не помогает, крушить все вокруг – этого мало; надо бежать, бежать без оглядки, туда, где на него не будут смотреть эти ясные голубые глаза, где не будет этого ненавистного лица... Гарри бросился к двери, схватился за ручку, с силой крутанул...

Дверь не открылась.

Гарри повернулся к Думбльдору.

– Выпустите меня, – рявкнул он. Его тряслось с головы до ног.

– Нет, – просто ответил Думбльдор.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

– Выпустите, – повторил Гарри.

– Нет, – снова отказался Думбльдор.

– Если не выпустите... если будете держать меня тут... если не выпустите...

– Прошу, можешь сколько угодно разорять мой кабинет, – безмятежно произнес Думбльдор. – Осмелюсь заметить, вещей у меня больше чем достаточно.

Он обошел вокруг письменного стола и сел, пристально глядя на Гарри.

– Выпустите меня, – еще раз потребовал Гарри, бесцветно и почти так же спокойно, как Думбльдор.

– Не выпущу, пока не скажу того, что должен, – отозвался Думбльдор.

– Вы что... думаете, мне... думаете, меня хоть как-то... МНЕ ПЛЕВАТЬ НА ТО, ЧТО ВЫ ДОЛЖНЫ! – загрохотал Гарри. – Я вообще не желаю вас слушать!

– Однако придется, – твердо заявил Думбльдор. – Потому что тебе следовало бы злиться на меня гораздо больше. Если ты станешь избивать меня, к чему, я знаю, ты уже близок, я хочу совершенно это заслужить.

– О чём вы?..

– В том, что Сириус погиб, целиком виноват я, – отчетливо произнес Думбльдор. – Или, скажем так: почти целиком – я не настолько нахален, чтобы брать на себя всю ответственность. Сириус был храбрым, умным, энергичным человеком. Такие люди не умеют прятаться, когда другим грозит опасность. В то же время, будь я откровенен с тобой, как следовало, ты бы не поверил в реальность видения. Ты был бы готов к тому, что Вольдеморт попытается заманить тебя в департамент тайн, и не поддался бы на его уловку. И Сириусу не пришлось бы бросаться тебе на помощь. Вина лежит только на мне.

Гарри держался за дверную ручку, но сам этого не осознавал. Тяжело дыша, он смотрел на Думбльдора и слушал, но не понимал, что такое тот говорит.

– Сядь, – сказал Думбльдор. Это был не приказ, а просьба.

Гарри подумал, затем медленно пересек комнату, усеянную серебряными шестерenkами и деревянными щепками, и сел у стола перед Думблдором.

— Следует ли мне понимать вас так, — медленно произнес Финей Нигеллий слева от Гарри, — что мой праправнук, последний из Блэков, мертв?

— Да, Финей, — кивнул Думблдор.

— Не верю своим ушам, — бесцеремонно объявил Финей.

Гарри обернулся и успел увидеть, как Финей решительно уходит прочь. Наверное, отправился с визитом к другому своему портрету в доме на площади Мракэнтлен. Будет ходить по дому с картины на картину, звать Сириуса...

— Гарри, я просто обязан все тебе рассказать, — произнес Думблдор. — Объяснить ошибки старого человека. Ибо теперь я вижу: в том, что касается тебя, все, что я сделал и чего не сделал, отмечено клеймом моего старения. Молодые не способны постичь мысли и чувства старииков. Но старики обязаны помнить, как думают молодые... а я, похоже, стал забывать...

Солнце вставало; контур далеких гор был обведен яркой оранжевой линией, а над ней простиралось яркое бесцветное небо. Луч света упал на Думблдора, на серебристые брови и бороду, резче обозначил морщины.

— Пятнадцать лет назад, увидев шрам у тебя на лбу, — начал Думблдор, — я уже догадывался, что это может значить. Я подозревал, что это символ вашей с Вольдемортом связи.

— Вы это уже говорили, профессор, — невежливо оборвал Гарри. Да, он груб. Ну и пусть. Ему теперь все равно.

— Да, — виновато подтвердил Думблдор. — Да. Но, понимаешь... важно начать со шрама. Потому что, стоило тебе вернуться в колдовской мир, как стало ясно, что я был прав. Шрам предупреждал тебя о том, что Вольдеморт рядом или что он испытывает сильные эмоции.

— Знаю, — устало сказал Гарри.

— А когда Вольдеморт вернул себе свое тело и обрел полную силу, эта твоя способность — ощущать его присутствие, пусть в другом обличье, и понимать его чувства, стала сильнее.

Гарри даже не дал себе труда кивнуть. Все это ему сто лет известно.

– Потом, не так давно, – продолжил Думблдор, – я забеспокоился: вдруг Вольдеморт догадается о связи между вами? И однажды ты так глубоко проник в его сознание, что он тебя почувствовал. Я, как ты понимаешь, имею в виду ту ночь, когда ты стал свидетелем нападения на мистера Уизли.

– Да, Злей говорил, – пробормотал Гарри.

– *Профессор* Злей, Гарри, – негромко поправил Думблдор. – А ты не задумывался, почему тебе это объяснил не я? Почему не я учил тебя окклуменции? Почему я много месяцев даже не смотрел на тебя?

Гарри поднял глаза и в лице Думблдора прочел безмерную усталость и печаль.

– Да, – буркнул он. – Задумывался.

– Видишь ли, – сказал Думблдор, – я не сомневался, что вскоре Вольдеморт и сам захочет проникнуть в твое сознание. Я боялся невольно подтолкнуть его к этому: стоило ему осознать, что наши отношения были или остаются ближе, чем отношения директора и ученика, он ухватился бы за возможность шпионить за мной через тебя. Я боялся, что он попытается тобой завладеть. Гарри, я уверен, что был прав в своих опасениях. В тех редких случаях, когда мы виделись, мне казалось, что я вижу в твоих глазах его тень...

Гарри вспомнил, как, встречаясь глазами с Думблдором, чувствовал, что в нем словно просыпается змея, готовая к броску.

– При этом Вольдеморт – как он наглядно продемонстрировал сегодня – намеревался уничтожить не меня. Тебя. Завладев тобой сегодня, он рассчитывал, что я пожертвую тобой ради шанса убить его. Так что, как видишь, отдаляясь от тебя, Гарри, я всего лишь хотел тебя защитить. Очередная старческая ошибка...

Он глубоко вздохнул. Его слова будто текли сквозь Гарри, не задевая. Еще зимой он бы выслушал это с большим интересом, но теперь все казалось бессмыслицей. По сравнению с зияющей пропастью у него в груди, с потерей Сириуса, ничто не имело значения...

– Сириус рассказывал, что в ту ночь, когда у тебя было видение о нападении на Артура Уизли, ты почувствовал в себе Вольдеморта. Я сразу понял, что сбываются мои худшие опасения: Вольдеморт

догадался, что может тебя использовать. Надеясь защитить твоё сознание, я организовал занятия окклуменцией с профессором Злеем.

Он сделал паузу. Гарри следил за солнечным лучом, который медленно скользил по полированной столешнице, подсвечивая серебряную чернильницу и красивое малиновое перо. Портреты давно проснулись и чутко прислушивались; до Гарри доносился шорох мантий, легчайшее покашливание. Финей Нигеллий пока не возвращался...

– Профессор Злей выяснил, – возобновил свою речь Думбльдор, – что тебе много месяцев подряд снилась дверь в департамент тайн. С тех пор как Вольдеморт вновь обрел тело, им владело желание услышать пророчество, и он вечно думал об этой двери. Естественно, думал о ней и ты, хотя и не понимал почему... Затем ты увидел, как Гадвуд, который до ареста работал в департаменте тайн, рассказывает Вольдеморту то, о чем мы знали и так: что пророчества, хранящиеся в министерстве магии, очень надежно охраняются и взять их в руки без ущерба для рассудка могут лишь те, к кому они относятся. То есть Вольдеморт должен был либо сам идти в министерство, рискуя себя выдать, либо отправить тебя. Владение окклуменцией стало для тебя важно, как никогда.

– А я не научился, – пробормотал Гарри. Он сказал это вслух, надеясь снять с души тяжесть: должно же признание облегчить страшную боль, сковавшую сердце? – Я не занимался, не старался, я мог бы прекратить эти сны, Гермиона все время твердила... Если бы я занимался, он бы не смог показать мне, куда идти и... Сириус бы не... он бы не...

Слова рвались наружу: необходимо объяснить, оправдаться...

– Я пытался проверить, где Сириус, я пошел в кабинет Кхембридж и из камина поговорил со Шкверчком, он сказал, что Сириуса нет дома!

– Шкверчок солгал, – спокойно объяснил Думбльдор. – Ты не его хозяин, так что ему даже не пришлось себя наказывать. Он хотел отправить тебя в министерство магии.

– Он... послал меня туда специально?

– Да. Боюсь, Шкверчок давно служил двум господам.

– Но как? – растерялся Гарри. – Он много лет не выходил из дома.

— Незадолго до Рождества Сириус предоставил Шкверчку благоприятную возможность, — сказал Думбльдор, — велев «выйти вон». Шкверчок решил трактовать эти слова буквально — как приказ покинуть дом. И отправился к единственной представительнице семьи Блэков, которую уважал, — к кузине Сириуса, Нарциссе, сестре Беллатрикс и супруге Люциуса Малфоя.

— Откуда вы знаете? — Сердце выскакивало из груди; тошнило. Гарри вспомнилось, каким подозрительным показалось ему отсутствие Шкверчка после Рождества, вспомнилось, как эльфа нашли на чердаке...

— Шкверчок вчера сам мне сказал, — ответил Думбльдор. — Видишь ли, профессор Злей, услышав твоё шифрованное сообщение, сразу понял, что у тебя было видение. Как и ты, он попробовал связаться с Сириусом. Отмечу, что члены Ордена Феникса располагают более надежными средствами коммуникации, нежели камин в кабинете Долорес Кхембридж. Профессор Злей нашел Сириуса дома, живым и здоровым. Но, когда ты не вернулся из леса, куда вы отправились с Долорес Кхембридж, профессор Злей заподозрил, что ты по-прежнему считаешь, будто Сириус захвачен лордом Вольдемортом. О чём он немедленно известил некоторых представителей Ордена.

Думбльдор тяжело вздохнул.

— Аластор Хмури, Нимфадора Бомс, Кингсли Кандаллер и Рем Люпин в тот момент находились в штаб-квартире на площади Мракэнтлен. Они решили тотчас отправиться к тебе на помощь. Профессор Злей потребовал, чтобы Сириус оставался дома, — с минуты на минуту ждали меня, а кто-то так или иначе должен был сообщить мне, что случилось. Сам же профессор Злей намеревался искать тебя в лесу. Но Сириус не захотел оставаться дома и рассказал о произошедшем перепоручил Шкверчку. Они отправились в министерство, я вскорости прибыл на площадь Мракэнтлен, и домовый эльф, надрываясь от смеха, рассказал, куда пошел Сириус.

— Надрываясь от смеха? — пусто повторил Гарри.

— О да, — подтвердил Думбльдор. — Понимаешь, Шкверчок в общем-то не мог нас выдать. Он не Хранитель Тайны Ордена и не имел возможности сообщить Малфоям адрес штаб-квартиры или те планы Ордена, которые ему было запрещено выдавать. Особые чары его народа не позволяли Шкверчку ослушаться прямого приказа

господина. Но он передал Нарциссе сведения, которые Сириус не считал нужным скрывать, а Вольдеморт полагал чрезвычайно важными.

– Какие, например?

– Например, что ты – самое дорогое ему существо, – тихо проговорил Думбльдор. – Что ты считаешь Сириуса если не отцом, то братом. Вольдеморту было известно, что Сириус – член Ордена, а ты знаешь, где он скрывается, но после рассказанного Шкверчком он понял, что ради Сириуса ты пойдешь на все.

Холодными онемевшими губами Гарри выговорил:

– Значит... когда я вчера спросил у Шкверчка, дома ли Сириус...

– Малфои – разумеется, по приказу Вольдеморта – велели эльфу не подпускать Сириуса к камину после того, как у тебя будет видение, чтобы, если ты решишь проверить, дома ли он, Шкверчок мог сделать вид, что нет. Вчера Шкверчок ранил Конькура – за ним пришлось ухаживать, и когда ты появился в камине, Сириус был наверху.

Гарри еле дышал; в легких почти не осталось воздуха.

– Шкверчок говорил об этом... и смеялся? – прохрипел он.

– Он не хотел говорить, – ответил Думбльдор. – Но я неплохой легиалиментор и знаю, когда мне лгут. И, прежде чем отправиться в департамент тайн, я... убедил его все рассказать.

– А Гермиона, – прошептал Гарри, и его холодные руки, лежавшие на коленях, сжались в кулаки, – все твердила, чтобы мы были с ним повежливее...

– И была права, – сказал Думбльдор. – Когда мы решили организовать штаб-квартиру в доме Сириуса, я предупреждал его, что к Шкверчку следует относиться с уважением. Я также предупредил, что Шкверчок может оказаться опасен для нас. Однако Сириус не прислушался – по-моему, он не верил, что чувства Шкверчка столь же сильны, как и человеческие...

– Не смейте... не смейте о Сириусе... в таком... – Дыхание прерывалось, и Гарри не мог нормально говорить, но утихнувший было гнев вспыхнул вновь: он не позволит критиковать Сириуса. – Шкверчок... лживая... скотина... он заслужил...

– Гарри, Шкверчок таков, каким его сделали колдуны, – отвечал Думбльдор. – И он так же достоин жалости, как и твой друг Добби. Шкверчку приходилось исполнять приказания Сириуса, последнего

члена семьи, которой эльф служил. Но он не был по-настоящему предан Сириусу. Шкверчок, конечно, не подарок, но, честно говоря, Сириус не пытался облегчить ему жизнь...

– НЕ СМЕЙТЕ ТАК ГОВОРИТЬ О СИРИУСЕ! – заорал Гарри.

Он вскочил, готовый броситься на Думблдора, – как можно до такой степени не понимать Сириуса! Сириус был храбрый, он страдал...

– А Злей? – в ярости выпалил Гарри. – О нем забыли? Когда я сказал, что Сириус у Вольдеморта, он только усмехнулся мне в лицо... как всегда, впрочем...

– Гарри, ты прекрасно знаешь, что при Долорес Кхембридж профессор Злей не мог вести себя иначе, – веско сказал Думблдор, – однако, как я уже говорил, он сразу передал твое сообщение членам Ордена. Кроме того, когда ты не вернулся из леса, именно он догадался, куда ты отправился. И именно он дал профессору Кхембридж фальшивый призывалиум, когда она хотела выведать у тебя местонахождение Сириуса.

Гарри не слушал. Ему доставляло зверское наслаждение обвинять Злея – казалось, так он снимает с себя часть вины; Думблдор обязан с ним соглашаться.

– Злей... Злей... издевался над Сириусом за то, что он сидит дома... выставлял его трусом...

– Сириус был достаточно взрослым и умным, чтобы не обращать внимания на глупые выходки, – заметил Думблдор.

– Злей отказался давать мне уроки окклуменции! – зарычал Гарри. – Он выкинул меня из своего кабинета!

– Знаю, – тяжко вздохнул Думблдор. – Я же говорю, я напрасно не стал учить тебя сам... но тогда я был уверен: нет ничего опаснее, чем при мне открывать твое сознание Вольдеморту...

– Злей сделал только хуже, после уроков шрам болел намного сильнее... – Гарри вспомнил, что говорил Рон, и прибавил: – Может, он как раз и хотел, чтобы Вольдеморту было легче влезть в мое...

– Я доверяю Злотеусу Злею, – отрезал Думблдор. – Но я забыл – и это еще одна ошибка старика, – что некоторые раны слишком глубоки и не затягиваются. Я полагал, что профессор Злей забыл свои обиды на твоего отца... Я ошибся.

– Но это нормально, да?! – заорал Гарри, не обращая внимания на возмущенные гримасы и неодобрительное бормотание портретов. – Злею можно ненавидеть моего отца, зато Сириусу нельзя ненавидеть Шкверчка?

– Сириус не ненавидел Шкверчка, – отозвался Думбльдор. – Он не удостаивал его внимания. Равнодушие и пренебрежение порою пагубнее откровенной неприязни... Фонтан, разрушенный сегодня ночью, был построен на лжи. Мы, колдуны, слишком долго обижали, угнетали тех, кто живет рядом с нами, и теперь должны пожинать плоды.

– ЗНАЧИТ, СИРИУС ПОЛУЧИЛ ПО ЗАСЛУГАМ, ДА? – истошно завопил Гарри.

– Этого я не говорил и не скажу никогда, – негромко ответил Думбльдор. – Сириус не был жесток, он хорошо относился к домовым эльфам вообще. Но он не любил Шкверчка, как живое напоминание об отчем доме, который ненавидел.

– Да, ненавидел! – надтреснуто воскликнул Гарри, вскочил и зашагал по комнате. Яркое солнце заливало все вокруг. Портреты внимательно следили за Гарри, который расхаживал по кабинету, ничего не видя перед собой. – Вы заперли его в ненавистном доме, вот почему он вчера так хотел оттуда уйти...

– Я пытался сохранить ему жизнь, – сказал Думбльдор.

– Людям не нравится, когда их запирают! – яростно крикнул Гарри. – Прошлым летом вы так же поступили со мной...

Думбльдор закрыл глаза и спрятал лицо в ладонях. Но этот нехарактерный жест, в котором так ясно читалась предельная усталость, или печаль, или что-то подобное, не смягчил Гарри. Наоборот, теперь, когда Думбльдор выказал слабость, Гарри только сильнее вскипал. Нечего тут быть жалким, когда Гарри хочется злиться и кричать.

Думбльдор убрал руки и посмотрел на Гарри сквозь свои очки-полумесяцы.

– Пришло время, Гарри, – произнес он, – рассказать тебе то, что я должен был рассказать еще пять лет назад. Пожалуйста, сядь. Я расскажу все. И прошу только об одном – проявить терпение. Ты еще сможешь на меня накричать – сделать что захочешь, – когда я закончу. Я тебя не остановлю.

Гарри некоторое время сверлил его ненавидящим взглядом, затем с размаху бросился в кресло перед столом.

Думбльдор помедлил, глядя в окно, на залитый солнцем двор, потом повернулся к Гарри и начал:

– Пять лет назад, Гарри, ты приехал в «Хогварц», целый и невредимый, что полностью соответствовало моим планам. Хорошо, пусть не совсем невредимый. Ты страдал. Оставляя тебя у твоих дяди с тетей на пороге, я знал, что так будет. Знал, что тебя ждут десять мрачных, трудных лет.

Он сделал паузу. Гарри молчал.

– Ты с полным правом можешь спросить, почему я так поступил. Почему не отдал тебя в колдовскую семью? Многие были бы счастливы тебя принять, почли бы за честь воспитывать как родного сына. Отвечу: я хотел сохранить твою жизнь. Тебе грозила страшная опасность, но никто, кроме меня, не понимал этого в полной мере. После исчезновения Вольдеморта прошло всего несколько часов, и его приспешники – а многие из них столь же страшны, как и их господин, – были еще в силе, полны злобы и отчаянного желания мстить. И я принял решение относительно предстоящих десяти лет. Верил ли я, что Вольдеморт исчез навсегда? Нет. Я знал, что он вернется – через десять, двадцать, может, пятьдесят лет. Я был уверен в этом, как и в том – я слишком хорошо его изучил, – что он не успокоится, пока не убьет тебя… Мне было известно, что познаниями в области магии с Вольдемортом не сравнится никто из колдунов. Я знал: если он снова наберет силу, его не остановят мои защитные заклинания, даже самые сложные и мощные… Но мне были известны и его слабые стороны. Что и утвердило меня в моем решении. Тебе предстояло находиться под защитой древней магии, которую он знает, презирает и в результате недооценивает – к собственному несчастью. Твоя мать умерла, чтобы спасти тебя, и тем самым окружила тебя защитой, которая действует и по сей день. Вольдеморт этого не ожидал. А я доверился магии крови и отдал тебя родной сестре твоей матери, единственной ее родственнице.

– Она меня не любит, – вмешался Гарри. – Ей наплевать…

– Но она приняла тебя, – оборвал Думбльдор. – Пусть с неохотой, с возмущением, с обидой, но приняла. И тем скрепила заклятие, которое

я на тебя наложил. Жертва, принесенная твоей матерью, сделала узы крови сильнейшей защитой, какую я мог тебе дать.

– Я все равно не...

– Пока ты можешь называть своим домом место, где живет женщина одной крови с твоей матерью, Вольдеморт тебя там не тронет. Он пролил кровь Лили, но она течет в тебе и в ее сестре. Твое прибежище – узы родства. Пусть ты бываешь там всего раз в год, но, пока ты считаешь их дом своим, пока ты там, Вольдеморт не смеет причинить тебе вред. Твоя тетя об этом знает. Я все объяснил в письме, которое оставил рядом с тобой у нее на пороге. Ей известно, что, предоставляя тебе кровь, она пятнадцать лет помогала тебе выжить.

– Погодите, – сказал Гарри. – Постойте. – Он, не сводя глаз с Думбльдора, выпрямился в кресле. – Это вы тогда прислали волшебников. Вы велели вспомнить... это был ваш голос...

– Я решил, – чуть заметно кивнул Думбльдор, – что неплохо бы освежить в ее памяти договор, который она фактически подписала, приняв тебя. Мне подумалось, что нападение дементоров живо напомнит ей об опасностях, сопряженных с твоим воспитанием.

– Ну да, – подтвердил Гарри. – Правда... вспомнил скорее дядя. Он хотел выставить меня из дома, но после волшебника она сказала, что я... должен остаться.

Некоторое время Гарри смотрел в пол, затем пробормотал:

– Но при чем тут...

Он так и не смог себя заставить произнести имя Сириуса.

– Так вот, пять лет назад, – будто не слыша, заговорил Думбльдор, – ты прибыл в «Хогварц», пусть не такой счастливый и упитанный, как мне бы хотелось, однако живой и здоровый. Ты был не избалованным маменькиным сыночком, а обычным ребенком – ну, насколько можно ожидать, учитывая обстоятельства. Казалось, все подтверждало, что я поступил правильно... Но потом... мы оба прекрасно помним, что произошло, когда ты был в первом классе. Ты с честью встретил все опасности. Скоро – гораздо раньше, чем я предполагал, – ты лицом к лицу столкнулся с Вольдемортом. И тебе удалось не просто выжить – ты отсрочил его возвращение. Ты победил в сражении, которое под силу не всякому взрослому. Не могу выразить, как я тобой... гордился... И все же в моих гениальных планах имелось слабое место, – продолжал Думбльдор. – Уже тогда я понимал, что это

может все разрушить. Но я был полон решимости исполнить задуманное и сказал себе, что ничего подобного не допущу, что все зависит только от меня – от моей твердости. И вот, когда ты, обессилевший после битвы с Вольдемортом, лежал в лазарете, пришло мое первое испытание.

– Я вообще не понимаю, о чем вы, – сказал Гарри.

– Помнишь, ты тогда спросил, почему Вольдеморт пытался убить тебя еще младенцем?

Гарри кивнул.

– Следовало ли мне все рассказать уже тогда?

Гарри, напряженно глядя в голубые глаза Думбльдора, молчал, но сердце опять колотилось как бешеное.

– Ты еще не понял, в чем тут слабое место? Нет… Наверное, нет. Что ж. Если помнишь, я решил не отвечать. Одиннадцать лет, подумал я, он слишком мал. Я и не собирался говорить ему правду в одиннадцать! В столь юном возрасте? Нет, слишком рано… Уже тогда мне следовало распознать опасность. Не знаю, почему меня не очень встревожило, что ты так рано задал вопрос, на который, я знал, в один прекрасный день придется дать ужасный ответ. Мне следовало лучше разобраться в себе и понять: тогда я *слишком* обрадовался отсрочке… Ты был малыш – совсем еще малыш… Затем ты перешел во второй класс. И опять тебе выпали испытания, которые по плечу не всякому взрослому, и опять ты превзошел самые смелые мои надежды. Но ты тогда не спросил, почему Вольдеморт оставил на тебе отметину. Да, мы говорили о твоем шраме… и близко, очень близко подошли к роковому вопросу. Почему же я тебе не рассказал?.. Потому что подумал: чем двенадцать лучше одиннадцати? И снова решил отложить разговор, отпустил тебя, окровавленного, изнуренного, но такого счастливого. Если подспудно меня и грызла совесть, если она и твердила, что нужно, нужно было тебе сказать, то она быстро умолкла. Ты все еще был слишком юн, и я не нашел в себе сил испортить твое торжество… Теперь понимаешь, Гарри? Видишь слабое место моего великолепного плана? Я попал в ловушку, которую предвидел и которой мог избежать, обязан был избежать.

– Я не…

– Я слишком тебя любил, – просто сказал Думбльдор. – Твое счастье и покой заботили меня куда больше всего остального, больше,

чем страшная правда, больше, чем мои планы. Я сильнее боялся за тебя, чем за тех абстрактных людей, которые однажды могут погибнуть, если мои планы провалятся. Другими словами, я вел себя так, как и ожидает Вольдеморт от нас, дураков, способных любить... Могло ли быть иначе? Осмелюсь утверждать, что всякий, кто следил бы за твоей жизнью так же пристально, как я, – а я следил намного пристальнее, чем ты думаешь, – захотел бы избавить тебя от новых страданий. На твою долю и так выпало более чем достаточно. Какое мне дело до гибели сотен безымянных, безликих людей в неопределенном будущем, если здесь и сейчас ты жив, здоров и счастлив? Я даже не мечтал столкнуться с таким человеком... Далее. Третий класс. Я издалека наблюдал, как ты учился не бояться дементоров, как нашел Сириуса, узнал, кто он, спас его. Следовало ли сказать правду, едва ты героически помог своему крестному отцу скрыться от министерства? Тебе было тринадцать, у меня почти не оставалось оправданий... Возможно, ты и был еще юн, но давно доказал свою исключительность. Совесть мучила меня, Гарри. Я понимал: пора... Но в прошлом году, когда ты вышел из лабиринта... ты видел смерть Седрика, чуть не погиб сам... и я опять не решился, хотя прекрасно понимал: теперь, когда Вольдеморт вернулся, я просто обязан рассказать всю правду. А сейчас я сознаю: ты давно готов узнать то, что я столько времени скрывал, ты доказал, что тебе по плечу эта тяжкая ноша. Мой нерешительности есть лишь одно оправдание: тебе выпало столько испытаний, что я не мог добавить к ним еще одно – самое тяжелое.

Гарри ждал, но Думблдор медлил.

– Я все равно не понимаю...

– Вольдеморт хотел убить тебя в раннем детстве из-за пророчества, которое было сделано незадолго до твоего рождения. Он знал, что оно существует, но не знал, в чем его полная суть, и убивать тебя отправился, полагая, что действует в соответствии с предсказанием. К несчастью для себя, он понял, что ошибался, – проклятие не убило тебя, но отрикошило в него. Поэтому, вернувшись в свое тело, он твердо решил выяснить, что гласит пророчество. Его решимость подогревало и то, что ты поразительным образом избежал гибели при столкновении с ним в прошлом году. Он хотел знать, как тебя уничтожить. Это и есть оружие, которое он столь упорно искал.

Солнце взошло высоко, и все вокруг купалось в его лучах. Стеклянный ларец, где хранился меч Годрика Гриффиндора, казался белым, непрозрачным; на полу серебристыми дождевыми каплями сверкали обломки инструментов. За спиной Гарри в своем пепельном гнезде тихо курлыкал малыш Янгус.

— Пророчество разбилось, — безучастно сказал Гарри. — Я тащил Невилла по ступеням... там... в зале, где арка... его мантия порвалась, и оно выпало...

— Выпала запись, хранившаяся в департаменте тайн. Но некто слышал это пророчество и прекрасно его помнит.

— А кто его слышал? — спросил Гарри. Но он уже знал ответ.

— Я, — ответил Думблдор. — Шестнадцать лет назад, холодным дождливым вечером, в гостиничном номере при «Башке борова». Я пошел туда на встречу с претенденткой на должность преподавателя прорицания, хотя, вообще говоря, уже подумывал исключить этот предмет из программы. Но претендентка была праправнучкой одной очень знаменитой и очень одаренной прорицательницы, и я считал, что хотя бы из вежливости должен с ней встретиться. Она разочаровала меня — я не обнаружил у нее и следа дарования. Со всей возможной любезностью я ей отказал и уже собрался уходить.

Думблдор встал, прошел к черному шкафу возле шеста Янгуса. Наклонился, снял крючок и вытащил полую каменную чашу с выгравированными рунами по краям — ту самую, что показала Гарри, как его отец издевался над Злеем. Потом вернулся к столу, поставил дубльдум, поднес к виску палочку. Извлек из головы серебристую паутинку мысли, поместил в чашу. Сел за стол и задумчиво уставился на клубы воспоминаний в дубльдуме. Затем со вздохом легонько коснулся их кончиком волшебной палочки.

Над чашей встала фигура, укутанная в многочисленные шали, в очках, увеличивавших глаза до невероятных размеров. Она медленно вращалась, ногами стоя в чаше. Потом Сибилла Трелони заговорила — не как обычно, загадочно и загробно, а грубо, хрипло: Гарри такое однажды уже слышал.

— Грядет тот, кто одолеет Черного Лорда... рожденный на исходе седьмого месяца трижды бросавшим ему вызов... Черный Лорд отметит его равным себе... однако ему дарована сила, коя неведома Черному Лорду... и один умрет от руки другого, ибо

выжить суждено лишь одному... тот, кто одолеет Черного Лорда, родится на исходе седьмого месяца...

И Трелони вновь тихо утонула в серебристых клубах.

В кабинете стояло гробовое молчание. Ни профессор Думблдор, ни Гарри, ни портреты не издавали ни звука. Даже Янгус затих.

– Профессор Думблдор? – еле слышно позвал Гарри: Думблдор, не отрывая глаз от дубльдума, погрузился в глубокие раздумья. – Это... это значит... что это значит?

– Это значит, – ответил Думблдор, – что примерно шестнадцать лет назад, в конце июля, родился некто, у кого есть шанс убить лорда Вольдеморта. А до этого родители мальчика трижды бросали Вольдеморту вызов.

Гарри показалось, что над его головой вот-вот сомкнется черная пучина. Снова стало трудно дышать.

– То есть это... я?

Думблдор внимательно посмотрел на него сквозь очки.

– Знаешь, что странно, Гарри, – очень тихо заговорил он. – Пророчество Сибиллы могло касаться вовсе не тебя. В том году в конце июля родилось двое детей. У обоих родители были членами Ордена Феникса и трижды чудом избежали гибели от рук Вольдеморта. Один из мальчиков, разумеется, ты. Второй – Невилл Лонгботтом.

– Но тогда... почему на пророчестве мое имя, а не Невилла?

– Официальную запись изменили после нападения на тебя Вольдеморта, – пояснил Думблдор. – Хранителю Зала Пророчеств дело показалось очевидным. Он был уверен: Вольдеморт хотел убить именно тебя, потому что твердо знал, о ком говорится в пророчестве.

– То есть... это могу быть и не я? – спросил Гарри.

– Боюсь, теперь уже нет сомнений, что это ты, – проговорил Думблдор. Было видно, что каждое слово дается ему с огромным трудом.

– Но вы говорите... Невилл тоже родился в конце июля... и его мама с папой...

– Ты забываешь о второй части пророчества... То, что этого мальчика Вольдеморт сам *отметит равным себе*. Он это сделал, Гарри. Он выбрал тебя, а не Невилла, и отметил шрамом, который стал и твоим благословением, и твоим проклятием.

– Но он мог выбрать не того! – воскликнул Гарри. – Может, он ошибся!

– Он выбрал ребенка, который, по его мнению, представлял большую опасность, – сказал Думблдор. – Кстати, заметь: он выбрал не чистокровного колдуна – а только такие, в соответствии с его воззрениями, достойны существовать в нашем мире. Вольдеморт выбрал полукровку, такого же, как он сам. Еще не зная тебя, он видел в тебе себя. Но не убил, а лишь отметил шрамом, подарил тебе силу, будущее. И ты не один, но уже четыре раза ускользал от него – а это не удалось ни твоим родителям, ни родителям Невилла.

– Но зачем он так сделал? – спросил Гарри. Все его тело онемело, заледенело. – Зачем было убивать меня тогда? Надо было подождать, когда мы с Невиллом станем постарше, и посмотреть, кто опаснее, его или убить…

– Пожалуй, с практической точки зрения это разумнее, – согласился Думблдор, – но Вольдеморт знал о пророчестве не все. В гостинице при «Башке борова», которая глянулась Сибилле Трелони дешевизной, всегда проживала более, скажем так, занятная клиентура, чем в «Трех метлах». В чем ты и твои друзья, да и я сам тоже, убедились ценою больших неприятностей. Я, разумеется, отдавал себе отчет, что это не место для приватной беседы. Но, назначая там встречу с Сибиллой Трелони, я никак не предполагал, что услышу нечто достойное постороннего внимания. Мое – нашей – единственной удачей было то, что в самом начале пророчества подслушивающего обнаружили и вышвырнули вон из гостиницы.

– То есть он слышал только?..

– Начало, где предсказывается рождение мальчика в конце июля и то, что его родители трижды бросали вызов Вольдеморту. Вольдеморт не мог знать, что, попытавшись тебя убить, рискует передать тебе свою силу, отметить как равного. Поэтому ему не пришло в голову, что, возможно, следует подождать и выяснить побольше. Он не знал, что ты будешь обладать силой, коя ему неведома…

– Но я ею не обладаю! – сдавленно закричал Гарри. – У меня нет ничего такого, чего не было бы у него, я не умею сражаться, как он сегодня, и завладевать людьми, и… убивать…

– В департаменте тайн есть одна комната, – перебил Думблдор, – ее всегда держат закрытой. Там хранится некая сила, чудеснее и

страшнее смерти, человеческого интеллекта или природных стихий. Это, вероятно, самое загадочное из того, что там изучают. Сила, которая хранится в этой комнате и которой ты так щедро наделен, совершенно неподвластна Вольдеморту. Эта сила заставила тебя броситься на помощь Сириусу. Она же не позволила Вольдеморту завладеть тобой – в тебе слишком много того, что он презирает. В конечном итоге оказалось не важно, что ты не умеешь блокировать сознание. Тебя спасло твоё сердце.

Гарри закрыл глаза. Если бы он не бросился спасать Сириуса, тот был бы жив... И, больше для того, чтобы не думать о Сириусе, Гарри спросил, не слишком интересуясь ответом:

– А в конце пророчества... что-то такое... *выжить суждено...*

– ...*лишь одному*, – сказал Думблдор.

– То есть, – произнес Гарри, как будто извлекая слова из пучины отчаяния, – это значит, что... один из нас в конце концов... должен убить другого?

– Да, – кивнул Думблдор.

Они очень долго молчали. Откуда-то издалека, из-за стен кабинета, доносились голоса – видимо, школьники уже шли в Большой зал на завтрак. Поразительно, что в мире остались люди, которые хотят есть, смеются, которые не знают и не переживают, что Сириус Блэк ушел навсегда. В глубине души Гарри еще верил: отдерни он завесу, и навстречу шагнул бы Сириус, усмехнулся бы – как будто гавкнул... И однако Сириус уже был далеко-далеко...

– Гарри, я хочу еще кое-что объяснить, – неуверенно пробормотал Думблдор. – Ты, наверно, недоумевал, почему я не назначил тебя старостой? Должен признаться... я подумал... на тебе и так лежит слишком большая ответственность.

Гарри поднял взгляд и увидел, что по щеке Думблдора стекает слеза.

Глава тридцать восьмая

Вторая война начинается

ТОТ-КТО-НЕ-ДОЛЖЕН-БЫТЬ-ПОМЯНУТ ВЕРНУЛСЯ

В кратком заявлении в пятницу вечером министр магии Корнелиус Фудж подтвердил, что Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут вернулся в страну и возобновил свою преступную деятельность.

«С глубоким сожалением вынужден подтвердить, что колдун, именующий себя лордом... в общем, все знают, кого я имею в виду, жив и вновь находится среди нас, – сказал репортерам усталый и встревоженный министр. – С не менее глубоким сожалением должен сообщить, что дементоры в массовом порядке покинули Азкабан, выразив нежелание продолжать работать на министерство магии. Мы полагаем, что в настоящее время они подчиняются лорду... Тому Самому. Мы призываем колдовскую общественность проявлять бдительность. Министерство магии спешно издает памятки об элементарных правилах самозащиты и охраны жилищ, которые в текущем месяце будут бесплатно разосланы всем колдовским семьям».

Колдовская общественность встретила это заявление с ужасом и тревогой, поскольку вплоть до прошлой среды министерство заверяло, что «настойчивые слухи о возвращении Сами-Знаете-Кого не имеют под собой никаких оснований».

Обстоятельства, которые вынудили министерство столь резко сменить точку зрения, пока не ясны, но известно, что Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут и ряд его сторонников (так называемые Упивающиеся Смертью) в четверг ночью получили доступ в здание министерства магии.

К сожалению, нашим корреспондентам пока не удалось связаться с Альбусом Думблдором, восстановленным в должности директора школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц», а также в правах члена Международной конфедерации чародейства и

вновь назначенным Верховным Ведуном Мудрейха. В течение последнего года Думбльдор утверждал, что Сами-Знаете-Кто не только не умер – во что так хотелось верить колдовской общественности, – но и собирает армию, готовясь к новой попытке захвата власти. Между тем «мальчик, который остался жив»...

– Вот и ты, Гарри, – я так и знала, что куда-нибудь тебя обязательно впихнут, – сказала Гермиона, взглянув на него поверх газеты.

Они были в лазарете. Гарри сидел на краю койки Рона. Гермиона читала вслух передовицу воскресного «Оракула». У нее в ногах клубком свернулась Джинни, чью ногу мадам Помфри вылечила в мгновение ока. В кресле между двумя койками сидел Невилл – его нос тоже давно стал как новенький. Луна, которая забрела навестить больных, читала последний номер «Правдобра». Она держала журнал вверх ногами и, казалось, не слышала ничего вокруг.

– А-а, значит, он у нас опять «мальчик, который остался жив»? – саркастически бросил Рон. – Уже не чокнутый высокочка?

Он взял горсть шокогадушек из огромной кучи на тумбочке, бросил по штуке Гарри, Джинни и Невиллу, потом зубами разорвал обертку своей конфеты. Щупальца мозгов оставили у него на руках глубокие рубцы – как сказала мадам Помфри, ничто не ранит так сильно, как мысли. Впрочем, от обильного смазывания «Умиротворяющим умашением д-ра Убли» рубцы быстро заживали.

– Да, Гарри, они тебя совсем захвалили. – Гермиона быстро пробежала глазами статью. – «Одинокий голос правды... все считали его сумасшедшим, но он твердил свое... вынужденный терпеть насмешки и клевету...» Хммм, – нахмурилась она, – вижу, они забыли упомянуть, что насмешки и клевета в основном распространялись их газетой...

Гермиона поморщилась и приложила руку к ребрам. Проклятье Долохова, хотя и ослабленное из-за того, что он произнес его про себя, причинило много бед, а лечение, говоря словами мадам Помфри, «дело долгое». Гермиона каждый день пила по десять разных микстур, быстро поправлялась и уже сильно скучала в лазарете.

– «Сами-Знаете-Кто снова рвется к власти», полосы со второй по четвертую, «О чем нам не рассказало министерство», полоса пять, «Почему никто не слушал Альбуса Думбльдора», полосы с шестой по восьмую, «Эксклюзивное интервью с Гарри Поттером», полоса

девять... М-да, — Гермиона сложила и отшвырнула газету, — теперь им есть о чем писать. А интервью с Гарри вовсе не эксклюзивное, оно было в «Правдоборе»...

— Папа его продал, — обычным мечтательным тоном произнесла Луна, переворачивая страницу журнала. — И между прочим, за очень хорошие деньги, так что летом мы едем в Швецию, искать складкорогих стеклопов.

Гермиона некоторое время боролась с собой, затем сказала:

— Звучит заманчиво.

Джинни встретилась взглядом с Гарри и быстро отвернулась, пряча улыбку.

— Кстати, — Гермиона села прямее и опять поморщилась, — расскажите, что в школе-то творится.

— Флитвик убрал болото, — поведала Джинни, — причем за три секунды. Но маленький кусочек под окном оставил и велел обнести веревками...

— Зачем? — поразилась Гермиона.

— Говорят, очень уж здорово сделано, — пожала плечами Джинни.

— Он его оставил как памятник Фреду и Джорджу, — с набитым ртом промычал Рон. — Это все они прислали, — пояснил он для Гарри и показал на гору шокогадушек. — С хохмазином-то, видно, полный порядок, а?

Гермиона посмотрела неодобрительно и спросила:

— Значит, как только Думблдор вернулся, все пришло в норму?

— Да, — кивнул Невилл, — все своим чередом.

— Филч небось счастлив? — спросил Рон и поставил перед собой шокогадушную карточку с Думблдором, оперев ее о кувшин с водой.

— Ничего подобного, — ответила Джинни. — Он ужасно горюет... — Она понизила голос до шепота. — Все твердят: Кхембридж — лучшее, что было с «Хогварцем» за всю его историю...

Все шестеро обернулись. На койке напротив, уставившись в потолок, лежала профессор Кхембридж. Думблдор вызволил ее из плена; как ему это удалось, не знал никто, но он вернулся из леса без единой царапины. Кхембридж ничего не рассказывала — после возвращения в замок она, насколько знали ребята, вообще толком не говорила. Что с ней сейчас, тоже было непонятно. Из встрепанных мышастых волос, раньше всегда аккуратно уложенных, до сих пор

торчали листья и веточки, но в остальном Кхембридж выглядела как обычно.

– Мадам Помфри говорит, это шок, – шепнула Гермиона.

– Скорее тоска, – возразила Джинни.

– Зато если сделать вот так, она проявляет признаки жизни. – И Рон пощелкал языком. Кхембридж с полоумным видом села в постели.

– Что с вами, профессор? – крикнула мадам Помфри, высовывая голову из своего кабинета.

– Ничего... ничего... – отозвалась Кхембридж, опускаясь на подушки. – Должно быть, приснилось...

Гермиона и Джинни, прыснув, уткнулись в одеяло.

– Кстати, о кентаврах, – немного успокоившись, сказала Гермиона. – Кто сейчас преподает прорицание? Фиренце останется?

– А куда ему деваться? – пожал плечами Гарри. – Табун его назад не примет.

– Наверно, они с Трелони оба будут преподавать, – предположила Джинни.

– Спорим, Думбльдор жалеет, что не смог отделаться от Трелони, – промычал Рон, прожевывая четырнадцатую шокогадушку. – И вообще, бесполезный предмет, Фиренце тоже не лучше...

– Как ты можешь?! – воскликнула Гермиона. – Мы же знаем теперь, что бывают настоящие пророчества!

У Гарри заколотилось сердце. О содержании пророчества он не говорил ни Рону, ни Гермионе, никому. Все знали от Невилла, что оно разбилось, когда Гарри волок его по ступеням в Зале Смерти, и Гарри их не разубеждал. Он представлял себе лица друзей, когда они узнают, что он неизбежно станет либо убийцей, либо жертвой... Нет, он к этому не готов.

– Жалко, что оно разбилось, – тихо произнесла Гермиона, покачав головой.

– Да, жалко, – отозвался Рон. – Зато и Сами-Знаете-Кто не узнал, про что там было... Ты куда? – удивленно и расстроенно воскликнул он, увидев, что Гарри встает.

– Э-э... к Огриду, – ответил Гарри. – Он только что вернулся, я обещал его навестить и рассказать, как вы тут.

– Тогда ладно, – проворчал Рон, поглядев на яркое голубое небо за окном. – Вот бы и нам с тобой.

— Передавай от нас привет! — крикнула вдогонку Гермиона. — И узнай, как дела у... у его маленького друга!

Гарри махнул рукой — мол, понял — и вышел из палаты.

Даже для воскресенья в замке было на редкость тихо. Все на улице, на солнышке, наслаждаются последними школьными днями, когда не надо делать уроков и ничего повторять. Гарри брел по пустынному коридору, выглядывая в окна: кто-то носился над стадионом, играя в квидиши, а два человека плавали в озере в сопровождении гигантского кальмара.

Гарри сам не знал, хочется ему одиночества или нет; из компании он сразу порывался уйти, но стоило остаться одному, как хотелось общества. Хотя, пожалуй, и правда неплохо бы навестить Огрида, они еще толком не разговаривали после его возвращения...

Едва он спустился с мраморной лестницы, справа из слизеринской общей гостиной вышли Малфой, Краббе и Гойл. Гарри застыл; то же сделали Малфой и компания. Все молчали; лишь со двора в открытые двери неслась крики, смех и плеск.

Малфой огляделся — проверял, нет ли поблизости учителей, — а затем прошипел Гарри:

— Ты покойник, Поттер.

Гарри поднял брови.

— Вот так номер, — сказал он, — чего ж я тогда хожу.

Гарри еще никогда не видел Малфоя в такой ярости и с неким отстраненным удовлетворением смотрел в это бледное, острое, искаженное злобой лицо.

— Ты поплатишься, — свирепо выдохнул Малфой, — за то, что сделал с моим отцом... Уж я позабочусь.

— Дрожу от страха, —sarкастически отозвался Гарри. — Конечно, по сравнению с вами лорд Вольдеморт — так, пустячок... Что? — добавил он, заметив их потрясение при звуке ужасного имени. — Он же приятель твоего папаши? Ты же не боишься его, нет?

— Думаешь, ты теперь большой человек, Поттер, — процидил Малфой, вместе с Краббе и Гойлом надвигаясь на Гарри. — Подожди. Я тебя достану. Ты не можешь засадить моего отца в тюрьму...

— Уже смог, не так давно, — заметил Гарри.

— Дементоры ушли из Азкабана, — негромко сказал Малфой. — Папа и остальные очень скоро будут на свободе...

– Наверно, – согласился Гарри. – Зато все будут знать, какое они дермо...

Рука Малфоя метнулась к волшебной палочке, но опередить Гарри было трудно – он выхватил палочку раньше, чем Малфой донес руку до кармана.

– Поттер!

Крик звонко разнесся по вестибюлю. На лестнице из подземелья показался Злей. На Гарри накатила невиданная злоба, намного сильнее его ненависти к Малфою... Что бы ни говорил Думблдор, Злея он не простит никогда... никогда...

– Что это вы делаете, Поттер? – как всегда, холодно осведомился Злей, подходя ближе.

– Думаю, каким проклятием зачаровать Малфоя, сэр, – свирепо выпалил Гарри.

Злей потрясенно на него уставился.

– Немедленно уберите палочку, – отрывисто приказал он. – Минус десять баллов с «Грифф...».

Злей бросил взгляд на гигантские песочные часы и усмехнулся.

– Вот оно что. У «Гриффиндора» уже не осталось баллов. В таком случае, Поттер, придется нам...

– Начислить новые?

На пороге замка стояла профессор Макгонаголл. В одной руке она держала клетчатый саквояж, другой тяжело опиралась на трость, но в целом выглядела прекрасно.

– Профессор Макгонаголл! – воскликнул Злей, бросаясь к ней. – Вижу, вас выписали!

– Да, профессор Злей. – Профессор Макгонаголл дернула плечами, сбрасывая дорожный плащ. – Теперь я как новенькая. Ну-ка, вы, двое... Краббе... Гойл...

И она царственно поманила их к себе. Краббе и Гойл приблизились, неловко шаркая ногами.

– Держите, – профессор Макгонаголл пихнула саквояж Краббе, а плащ – Гойлу, – отнесите-ка это ко мне в кабинет.

Краббе и Гойл повернулись и затоптали вверх по мраморной лестнице.

– Итак, – сказала профессор Макгонаголл, глядя на песочные часы. – Я считаю, Поттер и его друзья заслужили по пятьдесят баллов

за то, что мир узнал наконец о возвращении Сами-Знаете-Кого. Что скажете, профессор Злей?

– Что? – переспросил тот, хотя все расслышал – Гарри был в этом уверен. – О... ну... мне кажется...

– Значит, по пятьдесят Поттеру, двоим Уизли, Лонгботту и мисс Грейндже, – провозгласила профессор Макгонаголл, и в нижнюю колбу гриффиндорских часов градом посыпались рубины. – Ах да, и пятьдесят мисс Лавгуд, – добавила она, и в часах «Вранзора» просыпались вниз сапфиры. Далее... Насколько я поняла, вы хотели вычесть у «Гриффиндора» десять баллов? Прошу...

Десять рубинов перелетели обратно в верхнюю колбу, но внизу тем не менее осталось весьма внушительное количество.

– Ну-с, Поттер, Малфой, в такой замечательный день в помещении делать нечего, – бодро объявила профессор Макгонаголл.

Гарри не нужно было повторять дважды; он сунул палочку в карман и быстрым шагом направился к парадной двери, не оборачиваясь на Злея и Малфоя.

Потом он побрел к хижине Огрида. Солнце палило нещадно. Вокруг, в траве, валялись школьники – загорали, беседовали, читали воскресный «Оракул», ели конфеты, поглядывали на Гарри; окликали его, махали руками, стремясь показать, что, как и «Оракул», отныне считают его героем. Гарри никому не отвечал. Он понятия не имел, что им известно о случившемся три дня назад, но до сих пор расспросов избежать удавалось, и пусть так и остается.

Сначала, постучав в дверь хижины, Гарри подумал, что Огрида нет дома, но вскоре из-за угла выскоцил Клык и от великого счастья встречи едва не сбил Гарри с ног. Как выяснилось, Огрид на огороде собирал стручковую фасоль.

– А, Гарри! – просиял он, когда Гарри подошел к ограде. – Заходь, заходь, одуванчикового сока глотнем... Ну, как жизнь? – спросил Огрид уже за столом. Перед ними стояли стаканы ледяного сока. – Ты... э-э... как вообще, а?

По озабоченному лицу Огрида было понятно, что он имеет в виду не состояние здоровья.

– Нормально, – поспешил ответил Гарри. Говорить о том, что Огрид подразумевал на самом деле, было невыносимо. – Лучше расскажи, где ты был?

— Скрывался в горах, — сказал Огрид. — В пещере, как Сириус, когда он... — Огрид осекся, хрюкло откашлялся, посмотрел на Гарри, отхлебнул сока. — А теперь вот вернулся, — неловко закончил он.

— Выглядишь... получше, — заметил Гарри, намеренно уводя разговор в сторону.

— Чего?.. А... да. — Огрид ощупал лицо. — Гурпи стал намного лучше, намного. Так был рад, когда я возврнулся, уж так рад. Он парень неплохой, честно... я вот думаю, ему бы подружку...

В обычной жизни Гарри постарался бы отговорить Огрида от опасной затеи; ничего хорошего, если в лесу поселится еще один гигант, точнее гигантесса, возможно, еще диче и необузданнее, — но сил на споры как-то не было. Ему снова захотелось побить одному, и, чтобы поскорее завершить визит, он поспешно выглотал сразу полстакана.

— Теперь все знают, что ты говорил правду, — неожиданно и очень мягко сказал Огрид. Он внимательно смотрел на Гарри. — Так-то лучше, да?

Гарри пожал плечами.

— Знаешь... — Огрид наклонился к нему через стол. — Я Сириуса знал подольше твоего... Он умер на поле боя — как хотел...

— Он вообще не хотел умирать! — сердито воскликнул Гарри.

Огрид склонил косматую голову.

— Яс' дело, не хотел, — согласился он. — Но все равно, Гарри... он был не из тех, которые дома сидят, пока другие дерутся. Он бы извелся, коли б знал, что не бросился тебе пособить...

Гарри вскочил.

— Мне надо навестить Рона и Гермиону, — как автомат сказал он.

— А, — расстроился Огрид. — А... ладно... тогда пока... заходи, как будет минутка...

— Да... хорошо...

Гарри бросился к двери, распахнул ее, выскочил — Огрид даже не успел толком попрощаться — и побрел обратно. Все опять ему что-то кричали... Он зажмурился, мечтая, чтобы все исчезли, чтобы, когда он откроет глаза, во дворе никого не было...

Еще несколько дней назад он многое отдал бы, чтобы колдовской мир поверил в возвращение Вольдеморта, признал, что он, Гарри, не лгун и не псих. Но теперь...

Он прошел вдоль озера, сел на берегу, укрывшись за кустами, и уставился на посверкивающую водную гладь, размышая...

Быть может, ему потому так хочется быть одному, что после разговора с Думблдором он остро чувствует свою обособленность. Он словно окружен невидимой стеной. На нем лежит – всегда лежала – печать. Просто раньше он не понимал, что это значит...

И все же, сидя здесь, на берегу, с невероятной тяжестью на сердце, с незаживающей раной в душе, он не мог толком испугаться. Светило солнце, отовсюду доносился смех, и, хотя Гарри чудилось, будто он принадлежит к совсем иному миру, трудно было поверить, что в его жизни – возможно, под самый занавес – случится убийство...

Он просидел очень долго, глядя на воду и стараясь не думать о крестном, не вспоминать, как однажды, вон там, на другом берегу, Сириус упал, отгоняя дементоров...

Лишь когда село солнце, Гарри понял, что замерз. Он встал и пошел к замку, рукавом утирая лицо.

За три дня до конца учебного года Рона и Гермиону выписали из лазарета. Гермиона то и дело порывалась поговорить о Сириусе, но Рон всякий раз на нее шикал. Гарри не понимал, готов ли к такому разговору; это зависело от настроения. Зато он был уверен: несмотря на все теперешние несчастья, на Бирючинной улице он будет отчаянно скучать по «Хогварцу». Даже зная, почему необходимо проводить там лето, примириться с домом родственников Гарри не мог. Наоборот, на сей раз думать о возвращении было совсем тошно.

Профессор Кхембридж покинула «Хогварц» за день до окончания триместра. Она крадучись вышла из лазарета во время ужина, явно не желая афишировать свое отбытие, но, к несчастью для себя, встретилась с Дрюзгом, а тот решил воспользоваться последней возможностью и выполнить наказ Фреда и Джорджа. Полтергейст долго преследовал Кхембридж, стукая ее по спине то тростью, то носком, набитым мелом. Школьники высыпали в вестибюль смотреть, как она убегает, а кураторы колледжей, хотя и пытались это пресечь, но без особого рвения. Более того, профессор Макгонаголл, невнятно высказав пару упреков, вернулась за стол и довольно громко выразила сожаление, что не может сама бежать за Кхембридж, подбадривая ее криками, поскольку Дрюзг одолжил ее палку.

Наступил последний вечер; все упаковали вещи и готовились идти на прощальный пир, а Гарри даже не приступал к сборам.

– Уложишься завтра! – крикнул Рон с порога спальни. – Пошли, я с голоду умираю.

– Я скоро... ты иди вперед...

Рон ушел, дверь закрылась, но Гарри не шевелился. Меньше всего на свете ему хотелось идти на пир. Наверняка Думбльдор в своей речи скажет что-нибудь про него и про Вольдеморта; собственно, все это в прошлом году уже было...

Гарри вытащил из сундука скомканые мантии, чтобы освободить место для аккуратно сложенных, и вдруг заметил в уголке плохо упакованный сверток. Он наклонился, достал сверток из-под кроссовок, посмотрел...

И сразу вспомнил: это дал ему Сириус перед самым отъездом с площади Мракэнтлен после Рождества. *Если понадоблюсь – воспользуйся...*

Гарри очень медленно опустился на кровать и развернул упаковку. Из свертка выпало квадратное зеркальце. Очень старое; грязное уж точно. Гарри поднес зеркальце к лицу, увидел свое отражение.

Перевернул обратной стороной. Там рукой Сириуса было нацарапано:

Это двустороннее зеркальце, другое у меня. Если захочешь поговорить, погляди в него и назови мое имя; ты появишься в моем зеркале, а я в твоем. Мы с Джеймсом всегда переговаривались так, когда отбывали разные наказания.

Сердце зачастило, чуть не выпрыгивая из груди. Он вспомнил, как четыре года назад видел родителей в Зеркале Джедан. Он сможет опять говорить с Сириусом, прямо сейчас!..

Гарри огляделся – в спальне никого. Потом дрожащими руками поднес зеркало к лицу и громко, четко сказал:

– Сириус.

От дыхания гладкая поверхность затуманилась. Гарри поднес зеркальце ближе, весь дрожа от волнения, но внутри моргали определенно его собственные глаза.

Он протер зеркало и, очень отчетливо выговаривая каждую букву, так что слова звонким эхом разнеслись по комнате, позвал:

— Сириус Блэк!

Ничего. Из зеркала смотрела разочарованная физиономия — и тоже его собственная...

У Сириуса не было с собой зеркальца, когда он ушел в арку, сказал тихий голосок в голове. *Поэтому* ничего не получается...

Гарри пару секунд сидел неподвижно, потом швырнул зеркальце в сундук. Оно разбилось. Одну долгую, счастливую, сияющую минуту он был уверен, что сейчас увидит Сириуса, поговорит с ним...

Разочарование жгло горло; Гарри встал и принялся как попало бросать вещи в сундук, поверх зеркальца...

И тут ему в голову пришла одна мысль... Гораздо лучше зеркала... много, много лучше... как же он раньше не додумался... почему раньше не спросил?

Он выскочил из спальни и понесся вниз по винтовой лестнице, на бегу стукаясь о стены и сам не замечая; пролетел по общей гостиной, быстро вылез в дыру и помчался по коридору, не обращая внимания на несущиеся вслед крики Толстой Тети:

— Пир вот-вот начнется, можешь не успеть!

Но Гарри не собирался на пир...

Почему, когда совсем не нужно, везде полно привидений, а сейчас...

Он бежал по лестницам, по коридорам и не видел никого, ни мертвых, ни живых. Очевидно, все в Большом зале. Перед классом заклинаний Гарри выдохся, остановился и безутешно подумал, что придется ждать до конца пира...

Но, когда он уже потерял надежду, в конце коридора проплыла прозрачная фигура.

— Эй! Эй, Ник! НИК!

Сэр Николас де Мимси-Порпингтон обернулся, просунув сквозь стену ненадежно сидящую на шее голову в экстравагантной шляпе с пером.

— Добрый вечер. — Призрак вытянул из стены все тело и улыбнулся Гарри. — Значит, не я один отрешился от жизни и все проспал? В совершенно ином, впрочем, смысле.

— Ник, можно тебя спросить?

Невероятно странное выражение вползло на лицо Почти Безголового Ника; он сунул палец под тугой воротник и в

задумчивости его оттянул. Это занятие он прекратил, лишь когда чуть не перерезал себе шею окончательно.

– Э-э... сейчас, Гарри? – в явном замешательстве спросил Ник. – А подождать нельзя? Может быть, после пира?

– Нет... Ник... пожалуйста, – взмолился Гарри. – Мне очень нужно. Пойдем сюда.

Гарри открыл дверь в ближайший класс.

– Ну хорошо, – обреченно вздохнул Почти Безголовый Ник. – Не могу сказать, что я этого не ждал.

Гарри вежливо открыл перед ним дверь, но призрак проскользнул сквозь стену.

– Чего ждал? – спросил Гарри, закрывая дверь.

– Что ты придешь ко мне. – Ник подплыл к окну и посмотрел на темный двор. – Это случается время от времени... когда кто-то переживает... утрату.

– Значит, – сказал Гарри, не давая увести разговор в сторону, – ты оказался прав. Я пришел.

Ник промолчал.

– Просто ты, – начал Гарри, внезапно обнаружив, что разговор предстоит неловкий, – просто... ты же мертвый. Но ты ведь здесь, так?

Ник вздохнул, продолжая глядеть в окно.

– Так? – настаивал Гарри. – Ты умер, но я с тобой разговариваю... ты можешь ходить по «Хогварцу» и все такое, правда?

– Да, – еле слышно подтвердил Почти Безголовый Ник. – Могу ходить и говорить, да.

– Значит, ты оттуда вернулся? – напористо продолжал Гарри. – Люди могут оттуда возвращаться, верно? Привидениями. Полностью исчезать необязательно. Да? – нетерпеливо прибавил он, поскольку Ник молчал.

Призрак поколебался, затем промолвил:

– Не все могут возвращаться привидениями.

– В смысле? – тут же спросил Гарри.

– Лишь... колдуны.

– А, – только и сказал Гарри. Он чуть не засмеялся от облегчения. – Тогда все в порядке! Тот, о ком я говорю, колдун. Значит, он может вернуться?

Ник отвернулся от окна и трагически посмотрел на Гарри:

– Он не вернется.

– Кто?

– Сириус Блэк.

– Но ты же вернулся! – гневно закричал Гарри. – Ты вернулся!.. Ты умер... но не исчез...

– Колдуны могут оставить на земле свой отпечаток, который бледной тенью станет бродить там, где когда-то обитали их живые тела, – горестно проговорил Ник. – Однако редкие колдуны выбирают этот путь.

– Почему? – спросил Гарри. – В любом случае... не важно... Пусть это не принято, Сириус вернется, я знаю, что вернется.

И так сильна была его вера, что он обернулся к двери – вот-вот появится Сириус, перламутрово-белый, прозрачный, но он улыбнется и поспешит Гарри навстречу.

– Он не вернется, – повторил Ник. – Очевидно, что он... пошел дальше.

– Что значит «дальше»? – выпалил Гарри. – Куда «дальше»? Слушай... вообще, что бывает, когда умираешь? Куда надо идти? Почему не все возвращаются? Почему здесь не так много привидений? Почему?..

– Я не знаю ответов на эти вопросы, – отозвался Ник.

– Но ты же мертвый, – раздраженно сказал Гарри. – Кто может знать лучше тебя?

– Я боялся смерти, – пробормотал Ник. – И решил остаться. Иногда я думаю, что мне, наверное, следовало бы... понимаешь, это ведь не тут и не там... точнее, я не тут и не там... – Он тихо, печально усмехнулся. – Я ничего не знаю о таинстве смерти, Гарри, поскольку вместо нее выбрал жалкое подобие жизни. Насколько мне известно, эти вопросы исследуют учёные колдуны в департаменте тайн...

– Не говори мне о департаменте тайн! – свирепо крикнул Гарри.

– Извини, что не помог, – мягко произнес Ник. – Ну... надеюсь, ты меня извинишь... понимаешь, пир...

И вышел из комнаты, оставив Гарри в одиночестве. Гарри стоял и невидящим взглядом смотрел на стену, за которой исчез призрак.

Лишившись надежды увидеть Сириуса или поговорить с ним, он как будто снова его потерял. Гарри грустно побрел по пустынному замку. Наверно, он уже никогда не будет веселым...

Свернув в коридор, где висел портрет Толстой Тети, он увидел, что кто-то вешает на доску объявлений какую-то бумажку, и, присмотревшись, понял, что это Луна. Спрятаться было некуда, она, скорее всего, слышала шаги, и вообще, у Гарри не было сил прятаться.

– Привет, – неопределенно сказала Луна, оглядываясь и отходя от доски.

– Почему ты не на пиру? – спросил Гарри.

– Ну, я осталась без вещей, – преспокойно объяснила она. – У меня все время что-нибудь крадут и прячут. А сегодня последний вечер, уже правда надо все собрать, и я развешиваю объявления.

И она показала на доску, на список пропавших вещей и книг, завершающийся слезной просьбой их вернуть.

В груди у Гарри зашевелилось какое-то непонятное чувство, но не злость и не горе, что переполняли его после смерти Сириуса. Он не сразу сообразил, что это жалость.

– Почему они прячут твои вещи? – спросил он, хмуря лоб.

– А... ну... – Она пожала плечами. – Наверно, потому, что считают меня странной. Меня даже называют Психуной Лавгуд, знаешь.

Гарри посмотрел на нее, и жалость стала сильнее – до боли в груди.

– Это не повод прятать твои вещи, – объявил он. – Помочь тебе искать?

– Нет, спасибо, – улыбнулась Луна. – Сами вернутся, это всегда так. Просто я надеялась уложить их сегодня вечером. Но... ты-то почему не на пиру?

Гарри пожал плечами:

– Не хочется.

– Понимаю. – Луна странно посмотрела на него туманными выпуклыми глазами. – Я так и подумала. Тот человек, которого убили Упивающиеся Смертью, был твоим крестным, да? Мне Джинни сказала.

Гарри коротко кивнул. Как ни удивительно, он не разозлился, что Луна говорит о Сириусе. Он вспомнил, что она тоже видит тестралей.

– А у тебя, – начал он. – В смысле... у тебя кто-то умер?

– Да, – просто ответила Луна. – Мама. Необыкновенная была ведьма, но любила экспериментировать, и однажды ее заклятие сработало совсем не так как надо. Мне было девять.

– Мне жаль, – промямлил Гарри.

– Да, это было тяжело, – легко сказала Луна. – И мне до сих пор бывает очень грустно. Но у меня есть папа. И вообще, я ведь ее еще увижу.

– Э... точно? – неуверенно спросил Гарри.

Луна потрясла головой, словно не веря собственным ушам.

– Ой, перестань. Ты же их слышал, за занавеской, нет?

– Ты имеешь в виду...

– В зале, где арка. Их не видно, вот и все. Но ты их слышал.

Они посмотрели друг на друга. Луна чуть-чуть улыбалась. Гарри не знал, что сказать, что думать; Луна верит в такие странные вещи... Но он тоже уверен, что слышал голоса.

– Ты точно не хочешь, чтобы я тебе помог? – спросил он.

– Нет-нет, – заверила Луна. – Я, наверно, пойду вниз, съем десерт и подожду, пока вещи сами найдутся... так всегда бывает... Ладно, Гарри, приятных тебе каникул.

– Да... Спасибо, тебе тоже.

Она удалилась, и, глядя ей вслед, Гарри вдруг почувствовал, что груз на душе стал чуточку, чуточку легче.

За поездку в «Хогварц-экспресс» произошло несколько интересных событий. Во-первых, Малфой, Краббе и Гойл, которые всю неделю искали возможности пообщаться с Гарри без свидетелей, подкараулили его, когда он возвращался из туалета. Они вполне могли бы достичь желаемого результата, если бы по глупости не устроили засаду около купе, где ехали члены Д. А. Увидев через стекло, что происходит, Эрни Макмиллан, Ханна Аббот, Сьюзен Боунс, Джастин Финч-Флетчи, Энтони Голдштейн и Терри Бут бросились на выручку. Когда они закончили демонстрировать владение многочисленными заклятиями, которым их научил Гарри, Малфой и его дружки превратились в гигантских слизней в хогварцевской форме. Гарри, Эрни и Джастин взвалили их на багажную полку и оставили тихо истекать какой-то мерзостью.

– Жду не дождусь, когда приедем. Хочу посмотреть на лицо Малфоевой мамаши, когда он сойдет с поезда, – сказал Эрни, с удовлетворением наблюдая за корчами Драко. Эрни никак не мог простить Малфою, что во время своей краткой службы в инспекционной бригаде тот вычел баллы у «Хуффльпuffa».

– Зато мамаша Гойла будет довольна, – заметил Рон, который заглянул в купе узнать, что за шум. – Он выглядит куда лучше прежнего... Кстати, Гарри, там тележка с едой приехала, если хочешь что-нибудь...

Гарри поблагодарил всех за помощь, вернулся вместе с Роном и купил гору котлокексов и кучу тыквеченек. Гермиона, по своему обыкновению, читала «Оракул», Джинни разгадывала кроссворд в «Правдоборе», Невилл гладил мимбулюс мимблетонию, которая за год здорово подросла и от прикосновения теперь ворковала.

Гарри и Рон почти всю дорогу играли в колдовские шахматы, а Гермиона вслух зачитывала отрывки из газеты. Там теперь было полно статей про то, как отгонять дементоров, про усилия, предпринимаемые министерством с целью поимки Упивающихся Смертью, а также богатая подборка истерических писем, чьи авторы вот только что, нынче утром, видели, как у них за окном прошел лорд Вольдеморт...

– Еще толком не началось, – хмуро вздохнула Гермиона, складывая газету. – Но ждать недолго...

– Эй, Гарри, – тихо сказал Рон и кивнул на дверное стекло.

Гарри оглянулся. Мимо проходили Чо и Мариэтта Эджком в вязаном шлеме. Глаза Гарри и Чо на мгновение встретились. Чо вспыхнула и пошла дальше. Гарри перевел взгляд на доску и успел заметить, как его пешку прогоняет с клетки слон Рона.

– А что, собственно, между вами... э-э... происходит? – негромко спросил Рон.

– Ничего, – правдиво ответил Гарри.

– Я слышала, что она... мmm... встречается с кем-то другим, – осторожно заметила Гермиона.

Гарри с удивлением обнаружил, что это известие нисколько его не задевает. Мечты произвести впечатление на Чо остались в далеком прошлом... казалось, это вообще было не с ним. После смерти Сириуса так случилось со многим... Последний раз он видел Сириуса всего неделю назад, но она длилась вечность и растянулась на две вселенные: одна – где был Сириус, и другая – где его не было.

– Хорошо, что ты от нее отделался, дружище, – убежденно сказал Рон. – В смысле она, конечно, красивая, но тебе нужен кто-нибудь повеселее.

– Может, с кем-то другим она веселая, – пожал плечами Гарри.

— А с кем она встречается? — спросил Рон у Гермионы, но ответила Джинни:

— С Майклом Корнером.

— С Майклом... но... — Рон весь извернулся, чтобы взглянуть на сестру. — С ним же встречалась ты!

— А теперь не встречаюсь, — объявила Джинни. — Ему не понравилось, что «Гриффиндор» выиграл у «Вранзора», он обиделся, и я с ним рассталась, а он побежал утешаться к Чо. — Джинни рассеянно потерла нос кончиком пера, перевернула «Правдобор» вверх ногами и стала проверять ответы.

— Я всегда знал, что он идиот, — сообщил Рон ликую и стал подталкивать своего ферзя к дрожащей от страха ладье Гарри. — Рад за тебя. В следующий раз выбирай... кого-нибудь... лучше.

И он украдкой посмотрел на Гарри.

— Я уже выбрала — Дина Томаса. По-твоему, он лучше? — равнодушно спросила Джинни.

— ЧТО?! — закричал Рон и опрокинул шахматную доску. Косолапус бросился догонять фигуры, а на багажной полке сердито заклекотали Хедвига и Свинринтель.

На подъезде к вокзалу «Хогварц-экспресс» стал замедлять ход, и Гарри подумалось, что никогда еще он не испытывал столь острого нежелания покидать поезд. *Интересно, что будет, если я откажусь выходить, и все*, — мелькнуло у него в голове. — *Останусь в купе до первого сентября, а потом поеду обратно в «Хогварц».* Но, когда поезд, пыхая паром, затормозил у перрона, Гарри снял с багажной полки клетку с Хедвигой и подготовился тащить сундук.

Контролер знаком показал Гарри, Рону и Гермионе, что можно выходить сквозь волшебный барьер между платформами девять и десять. А по ту сторону Гарри ждал сюрприз: его встречала целая группа людей, чьего появления на вокзале он никак не ожидал.

Здесь был Шизоглаз Хмури, очень зловещий в низко надвинутом на волшебный глаз котелке (как, впрочем, и без него). Он стоял, завернувшись в объемистый дорожный плащ, и узловатыми пальцами сжимал длинный посох. Бомс держалась чуть позади него; волосы цвета розовой жевательной резинки ярко сверкали на солнце, которое сочилось сквозь пыльное потолочное стекло. На Бомс были джинсы сплошь в заплатках и ярко-фиолетовая футболка с надписью «Чертовы

сестрички». Рядом топтался Люпин – бледный, седеющий, в длинном, до дыр протертом плаще, прикрывавшем затасканные брюки и джемпер. Впереди всех стояли мистер и миссис Уизли в своей лучшей мугловой одежде и Фред с Джорджем в новехоньких куртках из ядовито-зеленого чешуйчатого материала.

– Рон, Джинни! – вскричала миссис Уизли и бросилась обнимать детей. – О, и… Гарри, детка, как ты?

– Отлично, – соврал Гарри, тут же попадая в ее крепкие объятия. Через плечо миссис Уизли он увидел, в каком изумлении Рон таращится на обновки близнецов.

– Это еще что такое? – спросил Рон, показывая на куртки.

– Высококачественная драконья кожа, братишка, – ответил Фред и легонько подергал за молнию. – Бизнес процветает, так что мы решили себя побаловать.

– Привет, – сказал Люпин, когда миссис Уизли отпустила Гарри и стала здороваться с Гермионой.

– Здравствуйте, – ответил Гарри. – Я не ждал… вы откуда здесь взялись?

– Ну, – чуть улыбнулся Люпин, – мы подумали, что неплохо бы поболтать с твоими дядей и тетей, прежде чем тебя к ним отпускать.

– Вряд ли это хорошая мысль, – тут же возразил Гарри.

– Еще какая хорошая, – пророкотал Хмури и, хромая, шагнул ближе. – Это они, Поттер?

Он ткнул большим пальцем себе за плечо, видимо заметив кого-то магическим глазом сквозь затылок и котелок. Гарри наклонился немного влево и посмотрел. Как и следовало ожидать, за спиной Хмури стояли трое Дурслеев, явно в ужасе от встречающей Гарри делегации.

– А, Гарри! – сказал мистер Уизли, отворачиваясь от родителей Гермионы, которых только что с восторгом приветствовал; они теперь по очереди обнимали Гермиону. – Ну что… побеседуем?

– Пожалуй, Артур, – ответил Хмури.

И они с мистером Уизли первыми направились к Дурслеям. Те стояли неподвижно, будто вросли в землю.

– Добрый день, – подойдя, любезно поздоровался мистер Уизли с дядей Верном. – Вы, вероятно, меня помните? Я Артур Уизли.

Два года назад мистер Уизли единолично и почти до основания разрушил гостиную в доме Дурслеев – Гарри очень удивился бы, узнав, что дядя Веронон его не помнит. Лицо дяди и вправду приобрело густой красно-коричневый цвет, и он свирепо воззрился на мистера Уизли, но промолчал – возможно, потому, что неприятель вдвое превосходил Дурслеев численностью. Испуганная и сконфуженная тетя Петуния озиралась – наверное, опасаясь, что кто-то из знакомых увидит ее в столь неподходящей компании. Дудли между тем силился стать как можно меньше и незаметнее – задача для него решительно невыполнимая.

– Мы хотели поговорить о Гарри, – сказал мистер Уизли, не переставая улыбаться.

– Да, – рявкнул Хмури. – О том, как с ним надо обращаться.

Усы дяди Вернона ощетинились от негодования. Он заговорил, обращаясь к Хмури – возможно решив из-за котелка, что видит перед собой родственную душу.

– Не знал, что происходящее в моем доме хоть в малейшей степени касается вас…

– Того, чего ты не знаешь, Дурслей, хватило бы на несколько толстых книг, – пророкотал Хмури.

– Касается не касается, не важно, – вмешалась Бомс, чьи розовые волосы, похоже, так оскорбляли эстетическое чувство тети Петунии, что она предпочла закрыть глаза, лишь бы их не видеть. – Важно другое. Если мы узнаем, что Гарри обижают…

– А будьте уверены, мы узнаем, – вежливо добавил Люпин.

– Да, – сказал мистер Уизли, – даже если вы не разрешите ему пользоваться фелитоном…

– *Телефоном*, – шепнула Гермиона.

– …словом, если мы узнаем, что с Поттером плохо обращаются, вы за это ответите перед нами, – закончил Хмури.

Дядя Веронон свирепо надулся – ярость пересилила его страх перед этой компанией придурков.

– Вы мне угрожаете, сэр? – осведомился он, да так громко, что на них стали оборачиваться.

– Угрожаю, – подтвердил Шизоглаз, по-видимому, крайне довольный, что дядя Веронон так быстро ухватил суть.

— А я похож на человека, которому можно угрожать? — пролаял дядя Вернон.

— Ну... — Хмури сдвинул со лба котелок, открыв страшно вращающийся волшебный глаз. Дядя Вернон в ужасе отпрыгнул и больно ударился о багажную тележку. — Я бы сказал, очень похож, Дурслей.

Он отвернулся от дяди Вернона и посмотрел на Гарри:

— В общем, Поттер... кричи, если что. От тебя нет известий три дня подряд — мы тут же кого-нибудь присылаем...

Тетя Петуния жалобно заскулила. Было ясно, в каком она ужасе: что скажут соседи, если увидят у нее на пороге подобных людей?

— Бывай, Поттер. — Корявой рукой Хмури пожал плечо Гарри.

— Будь здоров, — тихо сказал Люпин. — Не пропадай.

— Гарри, мы заберем тебя, как только сможем, — шепнула миссис Уизли и обняла его.

— Скоро увидимся, дружище, — взволнованно проговорил Рон, прощаясь с Гарри за руку.

— Очень скоро, Гарри, — серьезно добавила Гермиона. — Честное слово.

Гарри кивнул. Он не находил слов, чтобы объяснить, насколько для него важно, что они сейчас рядом. Поэтому он просто улыбнулся, помахал, повернулся и первым вышел из вокзала на солнечную улицу, а дядя Вернон, тетя Петуния и Дудли поспешили за ним.

Книги из серии о Гарри Поттере (в порядке чтения):

Гарри Поттер и философский камень

Гарри Поттер и тайная комната

Гарри Поттер и узник Азкабана

Гарри Поттер и кубок огня

Гарри Поттер и орден феникса

Гарри Поттер и принц-полукровка

Гарри Поттер и Дары Смерти

Прочтите первую главу следующей книги из серии о Гарри Поттере...

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и принц-полукровка

ГАРРИ ПОТТЕР

И ПРИНЦ-ПОЛУКРОВКА

Глава первая

Другой министр

Близилась полночь. Премьер-министр сидел в кабинете один, изучая длинный меморандум, но слова проскальзывали сквозь мозг, не оставляя ни тени смысла. Министр ждал звонка от президента далекой страны – когда же этот злополучный господин соизволит протелефонировать? – и одновременно гнал от себя воспоминания о событиях очень долгой, очень утомительной и очень неприятной недели, поэтому ни на что другое места в голове не хватало. Чем сильнее он старался сосредоточиться на тексте, тем явственней проступала перед глазами гнусная физиономия одного из политических оппонентов. Не далее как сегодня мерзавец появился в новостях и не только перечислил катастрофы последней недели (словно о них требовалось напоминать!), но и подробно растолковал, почему во всех до единого происшествиях виновато правительство.

При одной мысли об этом у премьер-министра участился пульс. Чудовищная ложь и несправедливость! Каким, спрашивается, образом правительство могло предотвратить обрушение моста? Что за возмутительные намеки на недофинансирование ремонтных работ? Да мосту было меньше десяти лет; лучшие эксперты теряются в догадках, почему он ни с того ни с сего переломился надвое, отправив на дно реки с десяток автомобилей. А чего стоят утверждения, будто два жестоких убийства, получивших в прессе столь мощный резонанс, произошли из-за нехватки полицейских? И как, скажите на милость, можно было предвидеть странный ураган в юго-западных графствах, который причинил такой ущерб и повлек за собой столько человеческих жертв? И чем *премьер-министр* виноват, если один из младших министров его кабинета, Герберт Чорли, именно на этой неделе повел себя так нелепо, что его пришлось отправить «побыть с семьей»?

– В стране царят мрачные настроения, – заключил оппонент, еле сдерживая довольную ухмылку.

Это, к несчастью, правда. Премьер-министр и сам видит: люди подавлены, как никогда. И погода отвратительная; такие холодные туманы в середине июля... все ненормально, все неправильно...

Премьер-министр перевернул вторую страницу, увидел, сколько еще читать, и сдался – все равно ничего не получится. Он потянулся и с похоронным видом обвел глазами кабинет. Красивая комната; чудесный мраморный камин; напротив – высокие подъемные окна, плотно закрытые из-за подозрительных, не по сезону, холодов. Премьер-министр поежился, встал, подошел к окну и уперся взглядом в туман, липнувший к стеклам. И тогда за спиной услышал чей-то тихий кашель.

Премьер-министр замер нос к носу с собственным испуганным отражением. Этот кашель он узнал; слышал его и раньше. Он очень медленно обернулся. В комнате было пусто.

– Кто здесь? – неуверенно произнес премьер-министр с жалкой потугой на воинственность.

На краткий миг он позволил себе надеяться, что ответа не последует. Однако из дальнего угла тут же зазвучал голос, отрывистый и решительный, – он словно зачитывал заранее составленное заявление. Голос шел – и премьер-министр это прекрасно знал – с небольшого грязноватого портрета человечка, похожего на лягушку в длинном серебристом парике.

– Премьер-министру муглов. Необходима срочная встреча. Прошу ответить немедленно. Всего наилучшего, Фудж. – И человечек с картины вопросительно уставился на премьер-министра.

– Э-э, послушайте... – забормотал тот, – сейчас не самый удачный момент... Видите ли, я жду важного звонка... от президента... э-э-э...

– Можно перенести, – отрезал портрет. У премьер-министра сжалось сердце: этого он и боялся.

– Но я правда хотел поговорить...

– Мы устроим, чтобы президент забыл о звонке. И вспомнил о нем завтра вечером, – объявил человечек. – Прошу вас немедленно ответить мистеру Фуджу.

– А-а... э-э... хорошо, – пролепетал премьер-министр. – Я встречусь с Фуджем.

Он торопливо пошел к столу, на ходу поправляя галстук. Он едва успел сесть и пристроить на лице бесстрастное, с его точки зрения,

выражение, как пустой очаг под мраморной каминной полкой внезапно ожил и заполыхал ярким зеленым огнем. Премьер-министр, еле сдерживая изумление и страх, смотрел, как в языках пламени возникла бешено вертящаяся юла, которая быстро превратилась в дородного мужчину. Через пару секунд гость, держа в руке лаймовый котелок и отряхивая пепел с рукавов длинного полосатого плаща, ступил на антикварный каминный коврик.

— А, премьер-министр. — Корнелиус Фудж решительно направился к хозяину, протягивая руку. — Рад видеть вас снова.

Премьер-министр не мог искренне ответить тем же, а потому промолчал. Он нисколько не был рад Фуджу, чьи эпизодические появления, и сами по себе пугающие, сулили одни неприятности. К тому же Фудж выглядел неважнецки: осунулся, поседел, полысел, лицо озабоченное, мятое. Премьер-министру доводилось видеть такие лица у политиков, и это никогда не предвещало ничего хорошего.

— Чем могу служить? — спросил он, коротко пожимая гостю руку и указывая на самый жесткий стул перед столом.

— Даже не знаю, с чего начать, — пробормотал Фудж, отодвинул стул, уселся и пристроил на коленях котелок. — Ну и неделька, ну и неделька...

— Тоже не задалась? — сухо поинтересовался премьер-министр, надеясь тем самым дать понять, что хлопот ему довольно и собственных.

— А как же, конечно, — ответил Фудж, устало потер глаза и угрюмо взорвался на собеседника. — Все то же, что и у вас, премьер-министр. Брокдейлский мост... Убийства Боунс и Ванс... не говоря о кошмаре на юго-западе...

— Вы... э-э... ваши... я хочу сказать, кто-то из ваших... причастен к этим... событиям?

Фудж посмотрел на премьер-министра довольно суроно.

— Разумеется, — сказал он. — Надеюсь, вы понимаете, в чем дело?

— Я... — смешался премьер-министр.

Потому он и не любил визиты Фуджа. Что за манеры? Ведь он, в конце концов, не кто-нибудь, а премьер-министр, нечего разговаривать с ним как со школьником, не выучившим урок. Но так, увы, повелось с самой первой встречи в день избрания на пост. Премьер-министр

помнил все так ясно, будто это случилось вчера, и знал, что забыть не удастся до смертного часа.

Он стоял один в этом самом кабинете, упиваясь триумфом – наконец-то, после стольких лет мечтаний и терзаний, – и вдруг, совсем как сегодня, услышал кашель, обернулся и узнал от говорящего уродца, что с ним, видите ли, желает познакомиться министр магии.

Естественно, он решил, что сбрендил, – долгая избирательная кампания, выборы, перенапряжение – и до смерти перепугался, когда с ним заговорил портрет, но это были сущие пустяки в сравнении с, изволите ли видеть, колдуном, который выпрыгнул из камина и сразу полез жать руку. Премьер-министр не мог выдавить ни слова, а Фудж тем временем любезно объяснял, что в стране по-прежнему тайно проживает множество колдунов и ведьм, однако беспокоиться на их счет не стоит: министерство магии берет на себя скрытие оного факта от немагического сообщества. А это, втолковывал визитер, дело серьезное, многотрудное, от установления правил пользования метлами до регулирования численности драконьей популяции (премьер-министр вспомнил, как при этих словах вцепился в стол). Затем Фудж отечески похлопал по плечу премьер-министра, которому никак не удавалось прийти в себя, и сказал:

– Не волнуйтесь. Очень может статься, что мы с вами больше никогда не увидимся. Только если у нас произойдет нечто совсем страшное, угрожающее благополучию муглов – в смысле немагического сообщества. Вообще же наш принцип – «живи и давай жить другим». Кстати, должен сказать, вы ведете себя куда спокойнее вашего предшественника. Тот хотел выбросить меня из окна, решил, что я – происки оппозиции.

Премьер-министр наконец обрел дар речи:

– Так вы... не происки?

То была его последняя отчаянная надежда.

– Нет, – мягко ответил Фудж. – Боюсь, что нет. Смотрите. – И превратил чашку премьер-министра в хомячка.

– Но, – чуть слышно прошептал премьер-министр, глядя, как недавняя чашка отжевывает уголок его новой речи, – почему... почему мне никто не сказал?..

– Министр магии представляется только действующему премьер-министру муглов, – объяснил Фудж, пряча волшебную палочку в

карман. – Секретность, знаете ли. Без нее никуда.

– Но в таком случае, – проблеял премьер-министр, – почему мой предшественник не предупредил меня?..

Фудж расхохотался:

– Дорогой премьер-министр, а вы собираетесь обо мне рассказывать?

Все еще давясь от смеха, Фудж бросил в камин какой-то порошок, ступил в изумрудное пламя и с шелестящим свистом исчез. Премьер-министр остался стоять, понимая, что никогда в жизни и словом не обмолвится об этой встрече, ибо какой же дурак ему поверит?

Он не сразу оправился от шока. Вначале постарался убедить себя, что Фудж и в самом деле был галлюцинацией, вызванной предвыборным недосыпом. В тщетной надежде избавиться от неловких воспоминаний он осчастливили племянницу, подарив ей хомячка, и приказал личному секретарю снять портрет уродца в углу. Как ни ужасно, оказалось, что снять портрет нельзя. Когда нескольким плотникам, паре строителей, искусствоведу и канцлеру казначейства не удалось содрать проклятую штуковину со стены, премьер-министр решил плюнуть. Авось повезет, и картина тихо-мирно промолчит до конца его пребывания у власти. Иногда он готов был поклясться, что мельком видел, как обитатель портрета зевает, чешет нос и даже раза два куда-то уходит, оставляя за собой только грязно-коричневый холст. Впрочем, премьер-министр приучился не смотреть в ту сторону без необходимости, а если и замечал что-то странное, упорно считал это обманом зрения.

Потом, три года назад, вечером, таким же, как сегодня – премьер-министр тоже был один, – портрет опять объявил о неизбежном визите министра магии. Тот вылетел из камина в жуткой панике, насквозь промокший. Не успел хозяин кабинета осведомиться, обязательно ли заливать его чудесный аксминстерский коврик, Фудж пустился разглагольствовать про тюрьму, о которой премьер-министр слыхом не слыхивал, про какого-то ужасного Сирьи Уса-Билека, а еще, кажется, Хогварц и мальчика по имени Гарри Поттер. В общем, полная чушь, ни о чем не говорившая премьер-министру.

– ...Я только что из Азкабана, – задыхаясь, сообщил Фудж и вылил из котелка в карман изрядно воды. – Самый центр Северного моря, представляете, что за полет... Дементоры бунтуют... – Он

содрогнулся. – Раньше у них побегов не бывало. Так что делать нечего, я к вам. Билек – известный убийца муглов и, вероятно, планирует примкнуть к Сами-Знаете-Кому… но вы ведь не в курсе, кто такой Сами-Знаете-Кто! – Фудж безнадежно поглядел на премьер-министра, а потом сказал: – Да вы садитесь, садитесь, я сейчас все объясню… пейте виски…

Хорошее дело: ему разрешили сесть в его же кабинете и даже выпить собственного виски! Впрочем, несмотря на возмущение, премьер-министр опустился в кресло. Фудж вытащил палочку, создал два больших стакана с янтарной жидкостью, пихнул один ошеломленному собеседнику в руку и пододвинул себе стул.

Фудж говорил больше часа. Одно имя отказался произносить вслух – написал на куске пергамента и сунул премьер-министру в ту руку, что не сжимала стакан. Потом наконец встал. Поднялся и премьер-министр.

– Так вы полагаете, что… – он, прищурившись, заглянул в пергамент, – лорд Воль…

– Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут! – рявкнул Фудж.

– Простите… Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут все еще жив?

– Думбльдор говорит, что да, – ответил Фудж, застегивая под горлом полосатый плащ, – только мы его так и не нашли. Если вам интересно мое мнение, без поддержки сторонников он не представляет угрозы; беспокоиться следует о Билеке. Стало быть, вы проинформируете общественность? Замечательно. Что ж, надеюсь, мы с вами больше не увидимся. Доброй ночи.

Но они увиделись. Не прошло и года, как Фудж соткался из воздуха в кабинете и с затравленным видом поведал об «инциденте» на чемпионате мира по квидишу (или как его там), в котором «замешаны» несколько муглов; однако, заверил он, поводов для тревоги нет – то, что Знак Сами-Знаете-Кого появился снова, еще ничего не значит; наверняка это единичный случай, а департамент по связям с муглами, скорее всего, уже разобрался с модификациями памяти…

– Ах да, чуть не забыл, – добавил Фудж. – Мы ввезли из-за границы трех драконов и сфинкса на Тремудрый Турнир, обычная вещь, но департамент по надзору за магическими существами утверждает, что по правилам мы обязаны уведомлять вас обо всех случаях ввоза существ повышенной опасности.

– Я... что... драконы? – взвизгнул премьер-министр.

– Да, три, – кивнул Фудж. – И еще сфинкс. Ну что же, всего вам доброго.

Премьер-министр от души надеялся, что ничего хуже драконов и сфинкса уже не будет, но нет. Двух лет не миновало, а Фудж в очередной раз выпрыгнул из камина и сообщил о массовом побеге из Азкабана.

– *Массовый побег?* – хрюплю повторил премьер-министр.

– Ничего страшного, ничего страшного! – тараторил Фудж одной ногой уже в пламени. – Мы их быстренько сцепаем! Это я так, для информации!

Премьер-министр хотел закричать: «Нет уж, постойте!» – но не успел: Фудж испарился в фонтане зеленых искр.

Что бы ни говорили прессы и оппозиция, премьер-министр не был глуп. Он прекрасно видел, что, несмотря на первоначальные заверения Фуджа, они почему-то встречаются довольно часто и с каждым разом колдун все нервознее и нервознее. И хотя глава правительства муглов всячески избегал мыслей о, как он про себя выражался, *другом* министре, он не мог не опасаться, что в следующий раз известия окажутся совсем прискорбные. Вот почему нынешнее появление Фуджа – встрепанного, раздраженного и слегка изумленного тем, что премьер-министр не догадывается о причине его визита, – стало, пожалуй, худшим событием этой невероятно тяжелой недели.

– Почему я должен знать, что происходит в... э-э-э... колдовском мире? – резко бросил премьер-министр. – У меня своя страна на руках. Хватает забот и без...

– Заботы у нас одни и те же, – перебил Фудж. – С Брокдейлским мостом дело не в изношенности. Ураган на самом деле не ураган. Убийства совершены не муглами. А семье Герберта Чорли пока что будет намного спокойнее без него. Мы сейчас помещаем его в больницу святого Лоскута, Институт причудливых повреждений и патологий. Перевод назначен на сегодня.

– О чём вы... я не понима... *что?*! – выпалил премьер-министр.

Фудж горестно вздохнул и сказал:

– Премьер-министр, мне очень жаль, но я должен сообщить, что он вернулся. Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

– Вернулся? Что значит «вернулся»?.. Ожил? То есть...

Премьер-министр стал судорожно вспоминать подробности страшного разговора трехлетней давности об ужаснейшем из колдунов, что исчез пятнадцать лет назад, но перед тем совершил множество чудовищных преступлений.

– Да, ожил, – подтвердил Фудж. – Хотя… не знаю… в отношении человека, которого нельзя убить… Я не очень хорошо это понимаю, а Думблдор толком не объясняет… но, как бы там ни было, у него есть тело, он ходит, разговаривает и убивает… да, полагаю, в рамках нашей беседы можно считать, что он жив.

Премьер-министр не знал, что ответить, однако, повинуясь извечному желанию выглядеть хорошо информированным, решил уточнить все, что припоминал из предыдущих бесед.

– А Сирья Уса-Билек примкнул к… мmm… Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут?

– Билек? – рассеянно переспросил Фудж, быстро перебирая пальцами края котелка. – Сириус Блэк, вы хотите сказать? Мерлинова борода, нет. Блэк мертв. Выяснилось, что по его поводу мы… э-э-э… ошибались. Он невиновен. И не был сторонником Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. То есть, – оправдывающимся тоном добавил он, еще проворней завертев котелок, – все указыва-о… свыше пятидесяти свидетелей… но не важно, Блэк, как я уже сказал, умер. Точнее, убит. В здании министерства магии. Кстати говоря, назначено расследование…

Премьер-министр, к большому своему изумлению, почувствовал к собеседнику нечто вроде сострадания. Однако оно тут же сменилось самодовольной мыслью: пусть сам он и не мастер скакать по каминам, но при *его* правлении в здании министерства убийств не бывало… во всяком случае, пока.

Премьер-министр суеверно коснулся деревянного стола, а Фудж тем временем продолжал:

– Ладно, Блэка проехали. Штука в том, что у нас война и надо действовать.

– Война? – испуганно повторил премьер-министр. – Это, разумеется, гипербола?

– Приспешники Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, которые в январе сбежали из Азкабана, воссоединились со своим господином, – сообщил Фудж. Он говорил все быстрее и так крутил котелок, что тот

казался размытым желто-зеленым пятном. – Теперь они играют в открытую, и начался какой-то кошмар. Брокдейлский мост... Премьер-министр, это его рук дело. Он грозился массовым истреблением муглов, если я не уступлю, и...

– Святые небеса, так это *вы* повинны в гибели людей! А я должен оправдываться за проржавевшие конструкции, разъеденные температурные швы и невесть что еще?! – возмутился премьер-министр.

– Я повинен? – вспыхнул Фудж. – А вы сами уступили бы шантажу?

– Может, и нет, – премьер-министр встал и принялся расхаживать по комнате, – но приложил бы все силы, чтобы поймать шантажиста раньше, чем он успеет совершить злодейство!

– Думаете, я мало старался? – с жаром спросил Фудж. – Да его вместе со сторонниками искали – и сейчас ищут – все авроры министерства! Но только вот беда – речь идет об одном из самых сильных чародеев всех времен и народов, о колдуне, которому уже почти три десятилетия удается избежать правосудия!

– Полагаю, вы припишете ему и ураган в юго-западных графствах? – гневно осведомился премьер-министр, с каждой минутой горячась все сильнее. Вот безобразие: причина несчастий наконец известна, а донести ее до сведения широкой публики нельзя! Это еще хуже, чем если бы во всем действительно было виновато правительство.

– Это не ураган, – тихо произнес несчастный Фудж.

– Минуточку! – взревел премьер-министр, грозно печатая шаг. – А вырванные с корнем деревья, а снесенные крыши, а чудовищныеувечья...

– Это сделали Упивающиеся Смертью, – сказал Фудж. – Приспешники Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. И еще... здесь явно просматривается гигантский след.

Премьер-министр резко остановился, словно наткнулся на невидимую стену.

– *Какой* след?

Фудж страдальчески поморщился:

– Раньше он для вящей грандиозности привлекал гигантов. Наш отдел дезинформации трудится круглые сутки; для модификации

памяти муглов, видевших, что случилось на самом деле, повсюду разосланы бригады амнезиаторов; в Сомерсет брошен практически весь департамент по надзору за магическими существами, но найти гиганта не удается... Это ужасно.

– Да неужели! – сердито буркнул премьер-министр.

– Не стану скрывать, настроение в министерстве упадническое, – признался Фудж. – Вся эта история плюс потеря Амелии Боунс...

– Кого?

– Амелии Боунс. Главы департамента защиты магического правопорядка. Мы думаем, Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, скорее всего, убил ее лично: такая сильная ведьма... Все свидетельствует о том, что она сражалась до последнего.

Фудж, покашляв, с видимым усилием оставил в покое котелок.

– О ней же писали в газетах, – сообразил премьер-министр, позабыв о своем гневе. – В *наших* газетах. Амелия Боунс... немолодая одинокая женщина. Какое-то очень... страшное убийство, так? У нас оно получило широкую огласку. Совершенно поставило в тупик полицию.

Фудж вздохнул:

– Естественно. Ее убили в комнате, запертой изнутри. Мы-то, со своей стороны, прекрасно знаем, кто убийца, но от этого нам ничуть не легче его поймать... А еще Эммелина Ванс, про нее вы, может, и не слышали...

– Напротив, очень даже слышал! – воскликнул премьер-министр. – Это же случилось неподалеку, буквально за углом. У газетчиков был настоящий праздник: «Попрание законности и порядка под носом у премьер-министра...»

– А для полноты счастья, – почти не слушая, продолжал Фудж, – повсюду кишат дементоры! Атакуют людей со всех сторон...

В былые счастливые времена эта фраза показалась бы премьер-министру китайской грамотой, но с тех пор он поднабрался знаний.

– Я думал, дементоры охраняют Азкабан? – осторожно спросил он.

– Охраняли, – устало произнес Фудж. – Теперь уже нет. Они оставили тюрьму и присоединились к Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. Не стану притворяться – это для нас удар.

– Но вы же вроде бы говорили, – премьер-министра стремительно охватывал ужас, – что они высасывают из людей радость и надежду?

— Так и есть. К тому же они размножаются. Оттого и туман.

Премьер-министр, почувствовав слабость в коленях, опустился в ближайшее кресло. При мысли о невидимых чудищах, расползающихся по городам и весям и вселяющих тоску и отчаяние в его избирателей, он едва не потерял сознание.

— Но послушайте, Фудж... сделайте что-нибудь! Как министр магии вы обязаны!..

— Дорогой мой, вы же не думаете, что после всего случившегося я сохранил пост? Три дня назад меня сняли! Колдовская общественность две недели возмущенно требовала моей отставки. За все время моей работы они ни разу не выказывали подобного единства! — воскликнул Фудж, храбро попытавшись улыбнуться.

Премьер-министр на время лишился дара речи. Даже негодуя, что его поставили в столь идиотское положение, он все же очень сочувствовал этому измученному человеку.

— Мне безумно жаль, — наконец произнес премьер-министр. — Могу я чем-то помочь?

— Вы очень добры, однако помочь мне нечем. Сегодня меня прислали сообщить вам последние новости и заодно представить моего преемника. Он бы уже должен появиться, но, сами понимаете, он сейчас очень занят, столько всего происходит...

Фудж оглянулся на портрет маленького уродца в длинном завитом парике. Тот ковырял в ухе кончиком пера. Поймав взгляд Фуджа, портрет сказал:

— Будет с минуты на минуту. Заканчивает письмо Думблдору.

— А! Желаю удачи, — отозвался Фудж. В его голосе впервые прозвучала горечь. — Последние две недели я писал Думблдору дважды в день, а он даже не почесался. Если б только он согласился уломать мальчишку, я бы и сейчас... ладно, может, Скримджеру больше повезет.

Фудж погрузился в откровенно тягостные раздумья, но ему почти сразу помешал портрет, неожиданно заговоривший отрывисто и официально:

— Премьер-министру муглов. Необходимо встретиться. Срочно. Прошу ответить немедленно. Министр магии Руфус Скримджер.

— Да-да, хорошо, — рассеянно отозвался премьер-министр и почти уже не вздрогнул, когда пламя в очаге снова позеленело, поднялось,

высветило в самой своей сердцевине вертящегося колдуна, а через несколько мгновений выплюнуло его на антикварный коврик. Фудж встал. Премьер-министр после секундного колебания сделал то же самое, не сводя глаз с вновь прибывшего. Тот выпрямился, отряхнул золу с длинного черного одеяния и осмотрелся.

Первой в голову премьер-министру пришла не самая умная мысль: надо же, Руфус Скримджер – вылитый старый лев. В густой рыже-коричневой гриве и лохматых бровях блестела седина; из-за очков в проволочной оправе смотрели желтоватые глаза; походка, несмотря на легкую хромоту, отличалась экономной, пружинистой грацией. Он с первого взгляда производил впечатление человека проницательного и жесткого; премьер-министр подумал, что вполне понимает колдунов, которые в нынешние опасные времена предпочли передать бразды правления Скримджеру.

– Здравствуйте, – вежливо сказал премьер-министр, протягивая руку.

Скримджер коротко пожал ее, одновременно сканируя взглядом комнату, затем вытащил из-под одежды волшебную палочку.

– Фудж вам все рассказал? – спросил он, подошел к двери и постучал палочкой по замочной скважине. Щелкнул замок.

– Э-э... да, – ответил премьер-министр. – Кстати, если вы не против, я бы предпочел, чтобы дверь осталась открытой.

– А я бы предпочел, чтоб меня не перебивали, – коротко бросил Скримджер, – и не подсматривали за мной, – прибавил он и потыкал палочкой в сторону окон. Шторы тут же закрылись. – Так, прекрасно, я человек занятой, поэтому – к делу. Прежде всего мы должны решить вопрос с вашей охраной.

Премьер-министр с достоинством выпрямился и ответил:

– Спасибо, но я вполне доволен нынешней...

– А мы нет, – оборвал Скримджер. – Хорошенькая выйдет история для муглов, если их премьер-министр окажется под проклятием подвластия. Ваш новый секретарь...

– Я ни за что не уволю Кингсли Кандальера, если вы на это намекаете! – пылко вскричал премьер-министр. – Он чрезвычайно исполнителен, всегда успевает сделать в два раза больше остальных...

– Это потому, что он колдун, – без тени улыбки пояснил Скримджер. – Аврор высшей категории, назначенный вас защищать.

– Секундочку! – начальственно воскликнул премьер-министр. – Вы не можете никого назначать в мой офис, я сам решаю, кому со мной работать…

– Мне показалось, вы довольны Кандальером? – холодно перебил Скримджер.

– Я доволен… то есть был…

– Значит, никаких проблем? – осведомился Скримджер.

– Я… что же, если его работа останется… э-э-э… на том же уровне, – пролепетал премьер-министр. Фраза вышла неловкая, но Скримджер толком не слушал.

– Далее. Насчет Герберта Чорли, вашего младшего министра, – продолжил он. – Который так позабавил общественность, представляя утку.

– А что насчет Чорли? – спросил премьер-министр.

– Он явно находился под воздействием плохо исполненного проклятия подвластия, – заявил Скримджер. – Оно подействовало ему на мозги, но он тем не менее может быть опасен.

– Бедняга всего лишь крякал! – слабым голосом возразил премьер-министр. – Неделька отдыха… поменьше спиртного… и он наверняка…

– Пока мы с вами разговариваем, его осматривают знахари больницы святого Лоскута. И троих он уже попытался придушить, – сказал Скримджер. – Думаю, его пока лучше изолировать от муглов.

– Я… но… он поправится? – встревожился премьер-министр.

Скримджер, уже направляясь к камину, лишь пожал плечами.

– Вот, собственно, все, что я имел сообщить. Буду держать вас в курсе, премьер-министр… а если из-за сильной занятости не сумею прибыть лично, пришлю Фуджа. Он согласился остаться при министерстве консультантом.

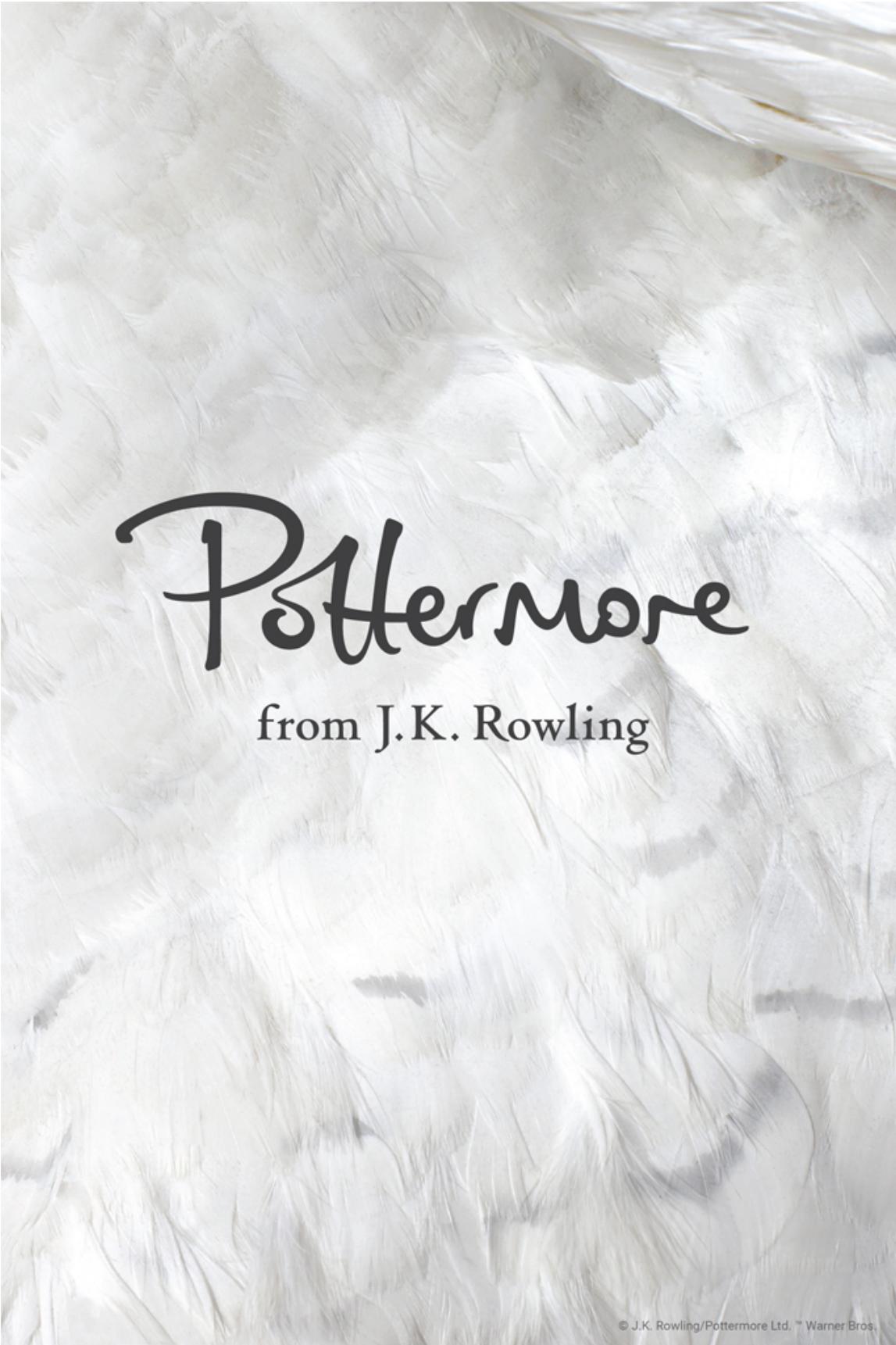
Фудж изобразил улыбку – без особого, впрочем, успеха; выглядело так, будто у него болят зубы. Скримджер полез в карман за таинственным порошком, от которого зеленело пламя. Премьер-министр, в полной безнадежности взирая на гостей, внезапно выпалил то, о чем весь вечер пытался молчать:

– Но вы ведь… да что ж это такое… вы ведь *колдуны!* Вы владеете *магией!* Вы же можете… ну… *все что угодно!*

Скримджер медленно повернулся, и они с Фуджем обменялись изумленными взглядами. Фудж улыбнулся, на сей раз совершенно искренне, и произнес:

– Загвоздка в том, премьер-министр, что наш противник тоже владеет магией.

Колдуны один за другим ступили в ярко-зеленый огонь и улетучились.

Pottermore

from J.K. Rowling

© J.K. Rowling/Pottermore Ltd. ™ Warner Bros.

from J.K. Rowling

Узнайте еще больше о мире J.K. Rowling's Wizarding World...

Посетите сайт www.pottermore.com, на котором вы сможете пройти настоящую церемонию распределения, прочесть эксклюзивные новые материалы от Дж. К. Роулинг и узнать о последних новостях из мира Wizarding World.

Pottermore – это компания Дж. К. Роулинг, занимающаяся цифровыми публикациями, электронной коммерцией, развлечениями и новостями. Она является всемирным издательством электронных материалов о Гарри Поттере и мире J.K. Rowling's Wizarding World. Сайт pottermore.com – цифровое сердце мира J.K. Rowling's Wizarding World. Он призван пробуждать силу воображения. Здесь вы найдете новости, очерки, статьи, а также новые и ранее не издававшиеся материалы Дж. К. Роулинг.

Оригинальное название: Harry Potter and the Order of the Phoenix

Перевод с английского: Марии Спивак

Все права защищены; никакая часть этой публикации не подлежит воспроизведению, полностью или частично, или передаче в любой форме и любыми средствами, будь то с помощью ксерокопирования, записи или электронным, механическим или иным способом, без предварительного разрешения издателя

Это цифровое издание было впервые опубликовано компанией Pottermore Limited в 2017 г

Впервые опубликовано в печатном виде в Россия в 2014 году издательством Азбука-Аттикус

Авторские права на текст © J.K. Rowling 2003

Иллюстрация на обложке: Олли Мосс © Pottermore Limited

Перевод на русский язык © Азбука-Аттикус

Harry Potter characters, names and related indicia are trademarks of and © Warner Bros. Entertainment Inc.

J.K. ROWLING'S WIZARDING WORLD TM J.K. Rowling and Warner Bros. Entertainment Inc.

Моральное право автора защищено

ISBN 978-1-78110-297-8